

В. М. Крюков М. В. Крюков

НЕИЗВЕСТНЫЙ СУНЬ ЯТСЕН

Том первый

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ
PROCEEDINGS OF THE CHINA DEPARTMENT

Выпуск
Issue

45

Москва
2023

東方學研究所・華部叢書・第四十五期

В. М. Крюков, М. В. Крюков

Неизвестный Сунь Ятсен

Штрихи к портрету

**Том I
(1866–1913)**

Москва
2023

УДК 94 (510)
ББК 63.3(5 Кит)
К85

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ
Выпуск 45

Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН

Редакционная коллегия
д.филос.н., проф. *А. И. Кобзев* (главный редактор),
к.филос.н. *Н. В. Руденко* (ответственный секретарь),
к.и.н. *С. В. Дмитриев* (зам. главного редактора),
д. *П. Ададек* (Piotr Adamek svd, Германия–Польша),
д. *Г. Йегер* (Henrik Jäger, Германия), к.и.н. *М. В. Корольков*,
к.филос.н. *Н. А. Орлова*, проф. *А. Роше* (Alain Rocher, Франция),
к.и.н. *Э. А. Синецкая*, к.и.н. *Е. С. Скрипник*

Ответственный редактор
А. И. Кобзев

Редакторы
Н. А. Орлова, Д. Б. Омецинский

Рецензенты
к.и.н. *М. Ю. Ульянов*, к.и.н. *Л. П. Черникова*

Крюков В. М., Крюков М. В.

К85 **Неизвестный Сунь Ятсен. Том 1 (1866–1913) / В. М. Крюков, М. В. Крюков ; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук ; [отв. ред. А. И. Кобзев]. 552 с. : ил. — (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 45 / Редколл.: А. И. Кобзев и др.). — ISSN 2227-3816, ISBN 978-5-907543-73-7**

ISBN 978-5-907543-73-7 (в пер.)

Имя китайского революционера Сунь Ятсена хорошо знакомо отечественному читателю. Однако многие факты его биографии до недавних пор оставались покрытыми пеленой неизвестности. Авторы этой книги поставили своей целью, опираясь на достоверные первоисточники, хранящиеся в архивах Китая, США и России, восстановить его подлинный портрет, свободный от позднейших наслоений и искажений.

УДК 94 (510)
ББК 63.3(5 Кит)

ISSN 2227-3816
ISBN 978-5-907543-73-7 (в пер.) (том 1)
ISBN 978-5-907543-72-0 (в пер.)

© Крюков В. М., Крюков М. В., 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023
© Редколлегия «Ученых записок
отдела Китая», 2023

Оглавление

О чём эта книга?	13
Глава I. Становление революционера	29
Взглянув на свою страну со стороны	29
Человек, родившийся в разное время в нескольких местах и известный под разными именами	29
Годы учебы	31
«Четыре знаменитых бунтаря»	38
Неожиданный интерес к агрономии	40
Хэ Ци — идейный наставник д-ра Суня	40
Сунь Ятсен пишет Чжэн Цзаожу	41
Общение с Чжэн Гуаньинем	42
Послание Ли Хунчжану	44
Рекомендательные письма	44
Снова об опиумном маке	48
Кто был создателем и руководителем Союза возрождения Китая?	50
Сунь Ятсен опровергает ранее сказанное им	50
Чэнь Сяопин предлагает ответ на эти вопросы	55
На Гавайях, в Гонконге и Йокогаме	56
Кантонское восстание	59
Комбинация насильственных и мирных средств	60
Заграница нам поможет	64
Восстание терпит поражение, еще не начавшись	66
Глава II. Похищен в Лондоне	71
Трагические последствия одной досадной оплошности	71
Портланд Плейс, 49	71
Джеймс Кэнтли поднимает на ноги почти весь Лондон	81
Свободен!	85

Дело расследуется <i>post factum</i>	89
О версии Холлидея Макартни	90
Иное дело — показания Сунь Ятсена	93
Некоторые другие вопросы, затронутые в докладе	94
Из уст потерпевшего	99
Реакция прессы	99
Книгу переводят за рубежом	100
Необходимый комментарий	102
Имя Сунь Ятсена у всех на устах	104
Образ героической личности	104
Кто он — реформатор или революционер?	107
Встречи, обеды, чествования	108
Споры на старую тему разгораются вновь	110
Сенсационное заявление Чэнь Шаобая	110
Мнения разделились	113
Почему мы не согласны с профессором Хуан Юйхэ	118
Глава III. Непокойное начало нового века	123
Японские друзья д-ра Суня	123
Фотограф и ученый	123
Рёнин	126
Обласканный божественным микадо	129
«А как назвать твою должность — “президент” или “император”, реши сам»	130
Тайная миссия Лю Сюэсюня	131
Миядзаки и Киёфудзи арестованы в Сингапуре	135
Несостоявшийся император	141
Базируясь на Тайване	147
Под знаменем желтого тигра	148
Филиппинский эпизод	151
Сунь Ятсен с Тайваня руководит восстаниями на материке	153
Гражданин Соединенных Штатов	155
Документы свидетельствуют	156
«Меня зовут Сунь Ятсен. Я родился на Гавайях»	157
Был ли Сунь Ятсен в 1909 г. лишен гражданства США	165

Сунь Ятсен обращается к американцам.....	168
Желтой опасности не существует	170
Да здравствует Китайская Республика!	172
За единственным неудачным исключением	
Лафайетов в Штатах не нашлось.....	174
Глава IV. Накануне решающих сражений.....	177
Революционные организации объединились	177
Составные части «Объединенного союза».....	177
О первом из «Трех народных принципов» Сунь Ятсена	181
Рука об руку с «Кокурюкай».....	183
Снова разведчик (теперь — французский)	
и его сослуживцы	188
Попытка наладить контакт.....	188
Миссия Букабеля.....	191
Официальная линия Парижа остается неизменной	196
Бунт на корабле	198
Первые раскаты грома	198
Девятый вал	202
Неожиданный финал противоборства титанов	211
Американская авантюра.....	215
Коллеги Сунь Ятсена готовят преобразования в Китае	215
Создание «Финансового синдиката»	218
Хуан Син отвергает план «генерала» Ли.....	227
Разброд и шатание	
в революционных рядах.....	230
Сунь Ятсен объявляет организацию распущенной	231
Вместо «Объединенного союза» — Гэминдан?.....	236
Два письма старым друзьям.....	239
Глава V. Год под знаками «синь-хай»	243
Кто руководил Синьхайской революцией?	243
Ответ на вопрос дает Сунь Ятсен.....	243
Белов поправляет Сунь Ятсена.....	247
Профессор Нанькайского университета ставит все	
точки над «і».....	253

Переговоры Севера с Югом	265
Миссия Лю Чэньэня и Цай Тинганя	265
Переговоры Ляо Юйчуня с Гу Чжунчэнем	267
Официальные переговоры в Шанхае	269
Учанское восстание и позиция держав	272
Невмешательство?	272
Великобритания меняет курс	277
Учан наводит справки о возможности признания державами ...	282
Ехать в Китай или задержаться на Западе?	285
В поисках американских спонсоров	285
Попытки договориться в Лондоне не дали результата	288
То же самое — в Париже	289
Возвращение в родные пенаты	292
Китай уже совсем близко	292
«Генерал» Ли отвечает на вопросы	295
Наконец долгожданное интервью дает и Сунь Ятсен	299
Глава VI. Время идти на компромиссы	303
Президент, но с двумя существенными оговорками	303
Юань Шикай? Сунь Ятсен?	303
Выход найден	307
Сунь Ятсен не против этого варианта	309
Временное правительство:	
однопартийное или коалиционное?	312
В отношении ветеранов Учана Сунь Ятсен непреклонен	312
Иначе дело обстояло с «бывшими»	314
Кабинет заместителей министра	317
Отречение Сюаньтуна	
и отставка Сунь Ятсена	320
Сунь Ятсен не форсирует переговоры	321
Ультиматум Сунь Ятсена	323
Свершилось!	325
Проблема международного признания	328
Обращение к державам	328
Сурабайский инцидент	333
Юань Шикай тоже добился признания не сразу	337

«Республика пяти наций» и пятицветный флаг.....	342
У истоков идеи	342
Сунь Ятсен принимает идею, сформулированную его идейными противниками	344
Этот сдвиг в представлениях Сунь Ятсена не был последним.....	347
Глава VII. Почему Сунь Ятсен уступил свое кресло	349
Мнимая ошибка президента	349
Устами самого Сунь Ятсена.....	349
Еще одна версия, изложенная Сунь Ятсеном.....	352
Оказывается, была еще одна проблема.....	358
Суньятсеноведы предлагают иные версии	364
Революционер-пацифист.....	364
Особое мнение Чэнь Ижун.....	367
Причин было несколько	369
Первая попытка решить все проблемы закончилась неудачей	370
Предмет сделки — Ханьпинский комбинат	371
К переговорам подключается Шэн Сюаньхуай	374
Дело сорвалось из-за, казалось бы, пустяка	376
Козырная карта в колоде Сунь Ятсена.....	379
Речь шла о сопках Маньчжурии	379
Сунь Ятсен и Мори Каку начинают действовать	383
А что же рёнин?.....	385
Лань Тяньвэй выполнить свою миссию не успел	387
Мирные переговоры подготовке похода на Пекин не помеха.....	388
Что собой представляла эта 5-я армия	390
В роли командующего и одновременно дипломата	394
Глава VIII. «Я не перестану доверять президенту!»	405
Экс-президент начинает новую жизнь.....	405
Как грибы после дождя	405
На политической арене Китая появляется Гоминьдан.....	409
Вождь китайской революции уходит из политики.....	411
Дело Чжан Чжэньу	412

С чего всё началось	412
Ли Юаньхун ставит Чжан Чжэньу мат в два хода	414
Сообщение о случившемся взбудоражило всю страну	416
Сунь Ятсен и Юань Шикай:	
медовый месяц взаимоотношений	417
В Пекин, в Пекин!	418
Сунь Ятсен высказывается о деле Чжан Чжэньу	420
Поток славословий казался неисчерпаемым	423
Лидер революции собирается строить железные дороги	426
План был поистине грандиозен	426
Скептики дают волю своей иронии	429
О связанных с этим технических проблемах	431
Главная цель поездки в Японию объявлена не была	437
Первый раз в Японии в качестве экс-президента	437
Деловые результаты поездки	443
Встреча, которой так долго ждал Сунь Ятсен	445
Глава IX. Вердикт так и не был вынесен	451
Незавершенное расследование	451
До и после того, как прозвучали выстрелы	451
Подозреваемые арестованы и дают показания	454
Дальнейшее развитие событий	457
Кто заказал убийство: четыре версии	458
Версия первая	458
Версия вторая	462
Версии третья и четвертая	463
О методике расследования дела об убийстве Сун	
Цзяожэня, предложенной профессором Шан Сяомином	467
Суть методики	467
О подлинности документа и достоверности	
сообщаемой им информации	472
Cui bono?	476
Анализируя переписку, обнаруженную в доме Ин Гуйсиня	481
Первые совместные планы	481
Ин Гуйсинь предлагает правительству еще один план	484
Письма, не вошедшие в публикацию переписки	489

Версия, способная ответить на возникающие вопросы, является наиболее вероятной	492
Многочисленные «почему»	492
Надпись на могильной доске Сун Цзяожэня	495
Загадочное поведение Сунь Ятсена	496
Глава X. «Вторая революция», обреченная на поражение	503
На чьей стороне будет вице-президент?	503
Цэнь Чуньсюань и «люди Хуан Сина» зондируют почву	503
За Ли Юаньхуна принимаются российский и японский консулы	504
На вопросы журналиста отвечает Ли Юаньхун	508
«Вторая революция» и Хуан Син	516
Реальное соотношение сил	516
Прежде всего надо заручиться поддержкой масс	519
И все же революция началась	521
Позиция Сунь Ятсена была крайне непоследовательна	525
Конец марта — начало мая 1913 г.	525
Сунь Ятсен убеждается, что первоначальный повод для начала революции не срабатывает	528
Минутная слабость и возвращение на круги своя	532
Итоги двух революций подводит епископ Бэшфорд	534
Положение в стране после синьхайских событий	535
По поводу «Второй революции»	538
Каковы же последствия этой роковой ошибки?	540
Суждения современных исследователей	544
Соотношение понятий «Синьхайская» и «Вторая революция»	544
Потерпела ли Синьхайская революция неудачу?	547
Мнение профессора Чжан Хуатэна	549
Сведения об авторах	551

О чём эта книга?

Авторы готовы побиться об заклад, что ни один из читателей этой книги никогда в жизни не видел портрет Сунь Ятсена, помещенный в ее начале. Он был лишь однажды опубликован и вскоре после этого запрещен. Между тем, этот набросок принадлежит кисти выдающегося китайского живописца Сюй Бэйхуна и хотя бы только поэтому достоин чести сохраниться на скрижалях истории.

А запрещен он был потому, что, по мнению тогдашних руководителей Гоминьдана, создавал ошибочный образ великого революционера.

Если всмотреться в него, невольно поражаешься тому, с каким мастерством художник передал внутренние переживания Сунь Ятсена: его глаза полны невыразимой печали.

Великому революционеру было о чем печалиться. Судьба была слишком строга к нему. Ни одно из его эпохальных начинаний так и не было доведено до конца. Незадолго до смерти он был вынужден признать: «40 лет жизни я отдал революции, а она еще не завершена».

Кстати сказать, он выразился бы более точно, если бы употребил слово «революция» не в единственном, а во множественном числе. Революций, которые были подготовлены и начаты Сунь Ятсеном, было несколько. Сначала он перечислял их: «первая», «вторая», «третья»... Но потом, видимо, боясь сбиться со счета, перестал обозначать их порядковыми числительными и стал называть, указывая цель, которую преследовала каждая из них. Но автора «Трех народных принципов» преследовали неудачи, и эти цели так и не были достигнуты.

Всё изменилось после его кончины. Тщательно отретушированный и отлакированный до блеска портрет Сунь Ятсена был востребован и в гоминьдановском Китае, и в Китайской Народной Республике, и в Советском Союзе.

В СССР портрет Сунь Ятсена понадобился как образ «великого друга советского народа».

Главный отечественный суньятсеновед академик С. Л. Тихвинский следующим образом охарактеризовал историческую роль великого китайского революционера:

Имя Сунь Ятсена, большого и искреннего друга Советского Союза, неутомимого борца против позорной колониальной системы империализма, пользуется глубочайшим уважением в нашей стране, в странах социалистического содружества, у всех честных людей мира.¹

В гоминьдановском Китае дело, разумеется, обстояло иначе.

Новому лидеру Гоминьдана Чан Кайши д-р Сунь был нужен для обоснования законности его притязаний на высшую власть в партии и государстве, которую до поры до времени справедливо оспаривали многие другие деятели, имевшие, по их мнению, большее право стать преемником Отца Государства.

Поэтому, одержав верх над конкурентами, Чан Кайши озаботился тем, чтобы представить народу зримые доказательства своего избранничества. Одним из таковых стал фотомонтаж, в котором он изображен третьим вместе с Сунь Ятсеном и Михаилом Бородиным, в то время все еще продолжавшим оставаться главным политическим советником Гоминьдана.

Но история не стоит на месте. Вскоре началась вакханалия, названная «чисткой» Гоминьдана, и Бородин был с позором изгнан из Китая.

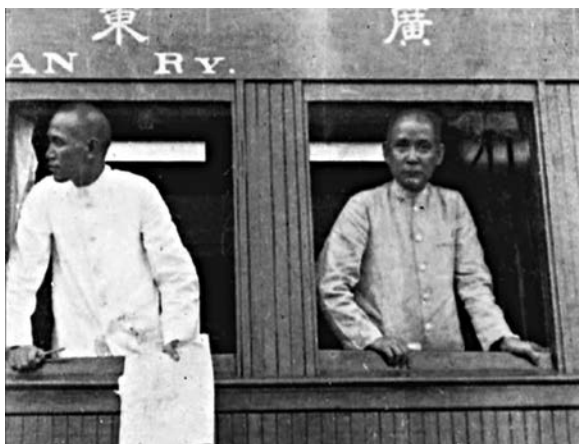
Возникла новая задача: найти фотодокумент, на котором новый властитель был бы запечатлен наедине со своим предшественником. Помните прекрасный дубликат такого документа — «Ленин и Сталин в Горках»?

¹ Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. М. 1964. С. 9.

Но задача эта оказалась не из легких. Подходящей фотографии долго не могли сыскать.

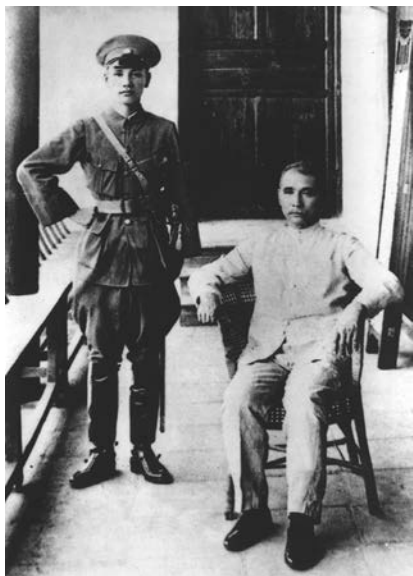
Наконец был найден редкий документальный кинокадр, увековечивший Сунь Ятсена и Чан Кайши в тот момент, когда они ехали в одном и том же вагоне поезда (между прочим, это была «проба пера» основоположника китайского кинодокументализма Ли Миньвэя).

Но своему предназначению этот кадр явно не соответствовал, так как не передавал идею преемственности великих революционных деятелей. Поэтому документ решили немного переиначить: Чан Кайши передвинули вправо, а на освободившееся место поместили Сунь Ятсена с другого кадра той же киноленты.

Вот как теперь выглядел этот кинокадр:

Но и полученный результат не удовлетворял требованиям момента: создавалось впечатление, что перед вами не учитель и ученик, а два спорщика, увлеченные ожесточенной дискуссией. А это было совсем не то, что требовалось. Поиски продолжались.

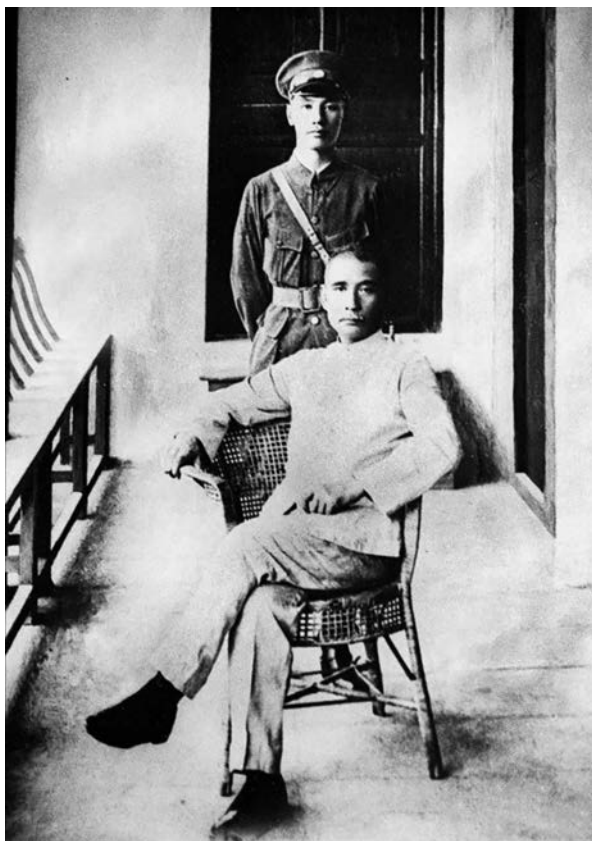
Были еще несколько фото, относящихся к 1924 г., когда Сунь Ятсен посетил военную школу Вампу. На одном из них они сняты вдвоем. И всё бы хорошо, но тут дело портила поза Чан Кайши: вместо того чтобы вытянуться перед Отцом Государства по стойке «смирно», преемник, словно демонстрируя свою независимость, стоял руки в боки.

Была еще одна сделанная тогда же фотография, но она не годилась потому, что на ней было много лишнего.

Всё же после долгих размышлений было принято решение пустить в дело именно этот снимок, лишь несколько облагородив его. Всё лишнее в мгновение ока исчезло с фото. Теперь Сунь Ятсен, как и полагается вождю, сидел в кресле, а на втором плане его преемник скромно ждал своего часа.

Результат этой пластической операции стал еще одним официальным портретом Сунь Ятсена.

После завершения Второй мировой войны, когда Советская Армия освободила Маньчжурию, Сунь Ятсен появился на гоминьдановских плакатах в необычном обществе — вместе с Лениным, Сталиным и Чан Кайши.

Но это был лишь краткий исторический эпизод.

Портрет Сунь Ятсена нужен был и китайским коммунистам. Им он требовался как свидетельство того, что у великого кормчего был предшественник. Однако в колоде «Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин — Мао Цзэдун» Сунь Ятсену, разумеется, места не было.

Кандидатами на причисление к лику святых были в порядке очереди избранные стать преемником вождя и затем отвергнутые им Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Линь Бяо, Ван Хунвэнь. В конце концов удача была на стороне Хуа Гофэна, который, впрочем, будучи побуждаем ложной скромностью, помимо самого себя включил в список классиков еще и Чжоу Эньлая.

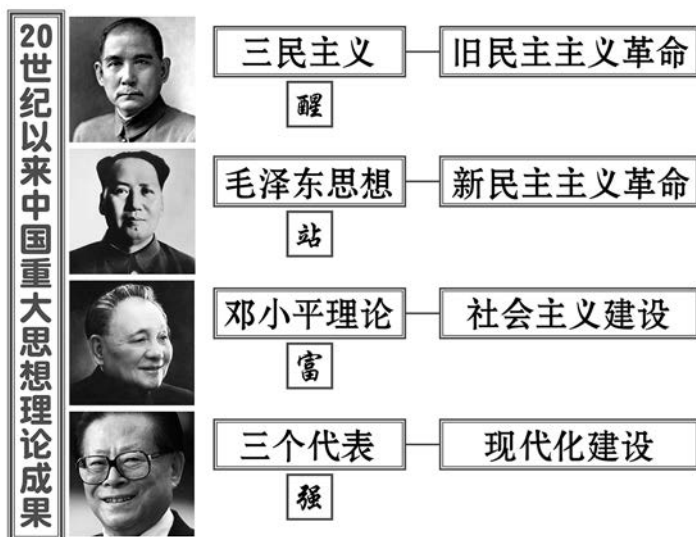
После низложения Хуа Гофэна, которому было отказано в праве считаться преемником великого кормчего, на шестом месте в перечне классиков оказался Дэн Сяопин.

Сунь Ятсен по-прежнему не имел шансов попасть в эту когорту.

Но неожиданно настал его звездный час. В 1997 г. на 15-м съезде КПК Сунь Ятсен, Мао Цзэдун и Дэн Сяопин были официально признаны «тремя великими личностями Китая XX века», создавшими три великих теории современности и тем самым ознаменовавшими три великих сдвига в истории китайской революции: первый сформулировал «Три народных принципа», второй обогатил сокровищницу человечества своими «идеями», третий своей «теорией». Как и полстолетия до этого, Сунь Ятсен вновь был первым в триоце.

Затем число трех великих деятелей XX века увеличилось до четырех, причем у каждого из них были свои заслуги перед историей.

Первый инициировал демократическую революцию в Китае, и благодаря его усилиям китайская нация пробудилась от векового сна.

Второй осчастливил человечество «идеями Мао Цзэдуна», возглавил новодемократическую революцию, и при нем китайская нация встала на ноги.

Третий руководил социалистическим строительством, благодаря чему китайская нация обогатилась.

Четвертый сформулировал принцип «трех представительств», при нем началась модернизация Китая, а китайская нация обрела свою мощь.

Правда, через некоторое время об этих заслугах перед китайской нацией перестали упоминать, потому что выяснилось, что нация-то еще только возрождается и осуществление этой «китайской мечты» — дело будущего. Плеяда великих деятелей XX века оказалась включающей пятерых руководителей Компартии Китая, среди которых Сунь Ятсена — увы! — уже быть не могло.

Почти одновременно с этим, по мере того, как первоначально наглухо закрытые исторические архивы начали открывать свои двери для исследователей, постепенно стало выясняться, что официальный портрет Сунь Ятсена требует основательного обновления.

Данная ситуация схожа с той, которая произошла с портретом Владимира Ильича. Тогда на прилавках наших книжных магазинов появился увесистый том ранее не публиковавшихся документов Ленина¹, из которого мы, помимо всего прочего, узнали, что вождь мирового пролетариата был близким другом провокатора Малиновского, а к русскому народу относился свысока, нередко применяя к нему непарламентские эпитеты, в частности, «говнюки» (да простят нас читатели за эту цитату).

Так или иначе, после того, как Сунь Ятсен был исключен из плеяды, уже можно было, не опасаясь зубодробительных оргвыводов, обсуждать его достоинства и недостатки, заслуги и ошибки. Более того, не только на страницах научных изданий, но и в интернете начались дискуссии, о которых раньше и помыслить-то было невозможно, например, по поводу того, был ли Сунь Ятсен патриотом или же ради достижения революционных целей торговал своей Родиной. Дискуссии эти возникали по мере того, как широкой общественности становились доступными ранее неизвестные документы.

При этом участники споров оказались представителями трех принципиально различных лагерей.

Сторонники первой точки зрения (в качестве примера здесь можно привести тайваньского историка Ли Ао²) утверждают, часто не стесняясь в резких

Ли Ао

¹ Ленин В. И. Неизвестные документы. М. 1999.

² 李敖。孙中山研究 (Ли Ао. Исследование о Сунь Ятсене). Тайбэй. 1987.

выражениях, что в действительности Сунь Ятсен был отнюдь не тем, за кого его долгое время принимали, и потому его следует немедленно свергнуть с пьедестала.

Второе мнение, прямая противоположность первому, заключается в том, что компромат на Сунь Ятсена — дело рук нечестных злопыхателей, фальсифицировавших эти вновь вводимые в научный оборот документы.

У Сянсян
(1912–2007)

Ян Куйсун

Поэтому, заявляют апологеты данной точки зрения, задача исследователя заключается в том, чтобы разоблачить эти грубо сработанные подделки, не имеющие никакого отношения к доброму имени Отца Государства. К этому второму лагерю принадлежит, в частности, тайваньский историк У Сянсян¹.

Наконец, есть ученые, не согласные ни с первой, ни со второй точкой зрения (среди них — известный специалист по новейшей истории Китая Ян Куйсун). Эти исследователи исходят из того, что «спорные» документы, опубликованные за последние годы, в абсолютном большинстве не являются подделками, но это не может быть достаточным основанием для того, чтобы предавать Сунь Ятсена анафеме: всё, что делалось им, он совершал вовсе не ради личной выгоды, а исключительно во имя революции.²

Забегая вперед, скажем, что по гамбургскому счету авторы этой книги не вполне согласны ни с одной из перечисленных точек зрения.

В этой книге мы хотим, во-первых, познакомить читателя с ранее неизвестными ему фактами из жизни и деятельности Сунь Ятсена; во-вторых, по мере наших сил и возможностей высказать свое собственное суждение по поводу разгоревшихся сегодня споров; в-третьих (и это главное), попытаться освободить его портрет от наслоений, обусловленных приверженностью исследователей принципу партийности науки.

Перелистывая эту книгу, читатель, несомненно, обратит внимание на обилие иллюстраций, прежде всего портретов — самого Сунь Ятсена, его современников и наших сверстников, изучающих его биографию. Эти

¹ 吴湘相. 孙逸仙先生传 (У Сянсян. Биография Сунь Ятсена). Тайбэй. 1982

² 杨奎松. 孙中山到底爱国不爱国? (Ян Куйсун. Так был ли Сунь Ятсен патриотом?) // <http://view.news.qq.com/a/20121123/000002.htm>.

фотографии — не просто картинки, украшающие текст книги, они — документы эпохи. В этом мы целиком и полностью согласны со словами, произнесенными когда-то М. И. Казаниным, которого мы считаем своим учителем:

Игнорирование людей во всей их противоречивости, в диалектике их роста и их взаимоотношений, конторский подход к истории лишь как к пачке аккуратно перевязанных передовиц, резолюций и протоколов выхолащивают историю, делают ее «бесчеловечной». Этим путем легко изложить ход истории в целом, но нельзя объяснить ни одного отдельно взятого явления прошлого, ибо история в конечном итоге творится живыми людьми.¹

Эти слова не следует понимать превратно. «История творится живыми людьми», и историк должен знать их в лицо. Однако это вовсе не значит, что он может пренебрегать передовицами, резолюциями и протоколами, т. е. документами, из которых он, собственно, и черпает свои знания о фактах истории. Поэтому помимо фотографий мы приводим в нашей книге некоторое число первоисточников (в большинстве — факсимильно), с тем чтобы читатель имел возможность познакомиться с ними из первых рук.

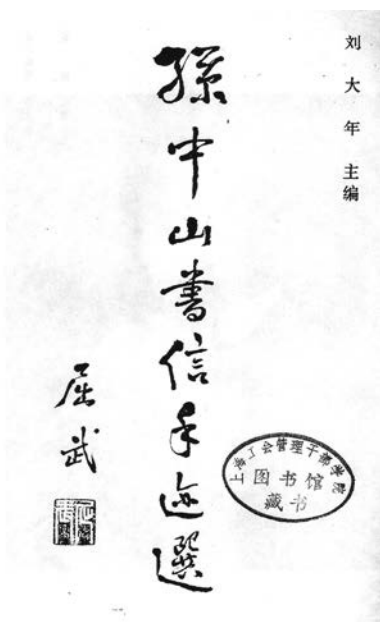
Использованные нами факты мы извлекли из документов, хранящихся в архивах РФ, КНР, Тайваня, Японии, США, Англии, Германии и Франции, а также из прессы и из воспоминаний современников. Эти источники разнородны по своему характеру, равно как неоднозначны содержащиеся в них сведения, но, будучи взятыми в совокупности, они позволяют отделить достоверное от вымысла.

Наиболее существенны фонды архива Комитета по изучению истории Гоминьдана в Тайбэе, в особенности та их часть, которую до сих пор нельзя ксерировать или фотографировать, что говорит об особой ценности этих материалов.

Важные свидетельства можно извлечь из документов, хранящихся в Пекинском городском архиве, Втором государственном архиве (Нанкин), а также в Шанхайской городской библиотеке.

Значительная часть писем и выступлений Сунь Ятсена опубликована. Но это не значит, что его «Полные собрания сочинений» и в самом деле являются полными. С самого начала эти издания, появившиеся на Тайване и на материке, отличались друг от друга, поскольку по политическим соображениям не включали те или иные опусы, рассматривавшиеся

¹ Казанин М. И. Записки секретаря миссии. М. 1962. С. 60.

Факсимильное издание писем
Сунь Ятсена

Документы из архива МИД
Российской империи за 1914-1917 гг.

составителями как нарушающие единство образа вождя. Неполными они были и потому, что со временем достоянием исследователей становились всё новые документы, ранее им неизвестные.

Мы пользуемся случаем, чтобы от всей души поблагодарить тех, кто так или иначе помогал нам в работе над этой книгой.

Прежде всего — это чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике А. И. Денисов, чью заботу и поддержку мы постоянно ощущали во время пребывания в Китае и чья исключительная любезность помогла нам получить важные документы, хранящиеся в архиве Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Мы благодарны нашим давним друзьям — академику АОН КНР Ли Цзинцзе и кандидату исторических наук Хэ Гоаню, на протяжении многих лет неизменно оказывавшим нам поддержку в процессе наших исследований и постоянно щедро делив-

А. И. Денисов

NATIONAL ARCHIVES MICROFILM PUBLICATIONS

Microcopy No. 340

RECORDS OF THE DEPARTMENT OF STATE RELATING TO
POLITICAL RELATIONS BETWEEN RUSSIA
(AND THE SOVIET UNION) AND OTHER STATES, 1910-29

Roll 17

761.** RELATIONS; BILATERAL TREATIES

[761.93 China; 761.94 Japan]

761.93/1273 - 761.94/48

THE NATIONAL ARCHIVES
NATIONAL ARCHIVES AND RECORDS SERVICE
GENERAL SERVICES ADMINISTRATION

Washington: 1961

Документы из Национального архива США

шимся своими познаниями в самых различных сферах исторической науки.

У китайцев есть поговорка: «Пьешь воду — вспомни о колодезе». Наш интерес к Сунь Ятсену возник примерно четверть века тому назад в связи с одним эпизодом его деятельности — переговорами с полковником М. Г. Поповым о возможных

Хэ Гоань

путях советско-китайского сотрудничества. Тогда нам в руки попал отчет об этих переговорах, волею небес оказавшийся в Национальном архиве Соединенных Штатов Америки. А получили мы этот документ благодаря бывшему сотруднику Института этнографии АН СССР И. И. Крупнику. Сейчас мы с удовольствием и признательностью воздаем должное его неоценимому вкладу в дело создания этой книги.

日本外交文書
大正三年第二冊
(大正期第五冊)
不許複製

Documents on
Japanese Foreign Policy
1914 Volume II

昭和四十年八月十五日印刷
昭和四十年八月二十五日発行

印刷所
東京都中央区湊町二ノ一六
株式会社第一印刷所

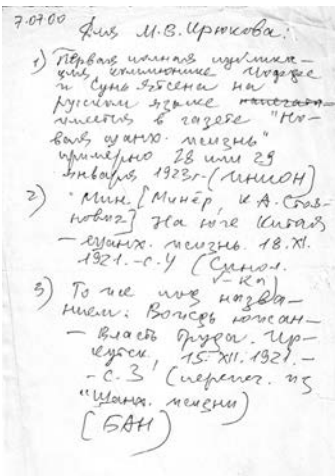
外務省 編集
外務省 発行

Документы из архива МИД Японии за 1914 г.

Ли Цзинцзе

оказавшийся в Национальном архиве Соединенных Штатов Америки. А получили мы этот документ благодаря бывшему сотруднику Института этнографии АН СССР И. И. Крупнику. Сейчас мы с удовольствием и признательностью воздаем должное его неоценимому вкладу в дело создания этой книги.

**Справка К. В. Шевелева
о первых публикациях
коммюнике Сунь Ятсена —
Иоффе на русском языке**

представляется нам до сих пор еще недостаточно оцененным.

Заведующий Отделом Китая Института востоковедения РАН доктор философских наук А. И. Кобзев не только любезно согласился быть ответственным редактором этой книги, но и предложил издать ее в качестве одного из выпусков «Ученых записок Отдела Китая», как это уже имело место с нашим предыдущим сочинением. В качестве ответственного

В. Ц. Головачёв

редактора он сделал немало ценных замечаний по замыслу книги, которые были нами с благодарностью учтены и во многом стимулировали наше понимание предмета исследования и совершенствование системы доказательств.

Наш приятный долг — выразить благодарность талантливому китаисту-историку, заместителю директора Института востоковедения РАН В. Ц. Головачёву, который неизменно помогает нам

Васильевича Шевелева, чьими консультациями и советами мы пользовались в процессе сбора материала, легшего в основу этой книги.

Неоценимой помощью в анализе социально-политических воззрений Сунь Ятсена мы обязаны выдающемуся отечественному китаеведу, уникальному специалисту по проблемам китайского национализма, ныне покойному доктору исторических наук Алексею Алексеевичу Москалеву. Его блестящее знание китайского языка общеизвестно, но его вклад в историческую науку

А. А. Москалев

А. И. Кобзев

Р. Фельбер

в нашей работе, начиная со времен пребывания на Тайване более двадцати лет тому назад, когда еще только возникла идея создания этого исследования, вплоть до настоящего времени.

Чрезвычайно плодотворным в научном отношении было общение с нашим давнишним другом — известным немецким синологом Роландом Фельбером, автором нескольких неординарных работ о Сунь Ятсене. Мы познакомились с ним в Пекине, он часто подолгу останавливался у нас в Москве, а мы в Германии жили на его роскошной загородной даче под Берлином, собирая в лесу белые грибы и обсуждая с ним спорные вопросы истории Китая.

Большую помощь в поисках источников на японском языке оказал нам руководитель киотосского Центра по изучению новейшей истории Китая профессор Исикава Тэйко.

Особая благодарность самому близкому нам человеку — Хуан Шуин, создававшей нам идеальные условия для работы и оказывавшей нам неоценимую помощь в поисках документов из архивохранилищ Пекина, Нанкина, Шанхая и Тайбэя.

Хуан Шуин

The last but not the least — слово нашей искренней благодарности профессору офтальмологии Лю Юйфу, который своим своевременным хирургическим вмешательством возвратил зрение одному из авторов этой книги. Нужно ли говорить о том, что без его помощи у нас не было бы шанса встретиться с вами, уважаемые читатели!

Исикава Тэйко

Лю Юйфу

Глава I

Становление революционера

Взглянув на свою страну со стороны

В биографии Сунь Ятсена много «белых пятен» и загадочных эпизодов, интерпретируя которые специалисты спорят на протяжении столетия. Даже его элементарные анкетные данные содержат немало такого, что требует подробных комментариев.

Человек, родившийся в разное время в нескольких местах и известный под разными именами

В силу ряда обстоятельств Сунь Ятсен сообщал заинтересованным лицам противоречивые сведения о том, где он родился. Было время, когда он под присягой заявлял, что это произошло в Гонолулу 24 ноября 1870 г., хотя до этого он утверждал, что он родом из Гонконга, а в своей автобиографии писал, что родился в Гуандуне 16 октября 1866 г.

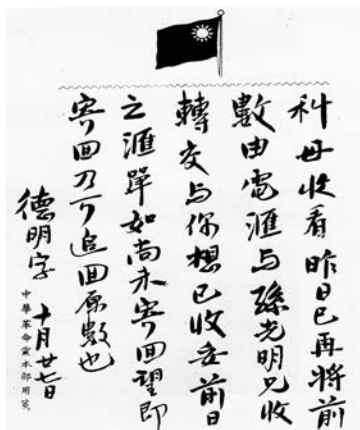
Сунь Ятсен и в самом деле был уроженцем провинции Гуандун. Он родился 12 ноября 1866 г. в деревне Цуйхэнцунь (уезд Сяншань, совр. Чжуншань) недалеко от Гонконга и Макао.

Место рождения у Сунь Ятсена было одно, а вот имен действительно хоть отбавляй.

До недавнего времени у китайца обычно было несколько имен: в раннем

Деревня Цуйхэнцунь

«Дэмин» — подпись Сунь Ятсена под письмом жене от 27 октября 1914 г.

Еще одним детским именем Сунь Ятсена было 德明 Дэмин («добродетельный и умный»); компонент «дэ» свидетельствовал о его родственных связях со старшим братом Сунь Мэем (Дэчжаном).

При крещении Сунь Ятсену было присвоено имя 日新 Жисинь («ежедневно обновляющийся»).

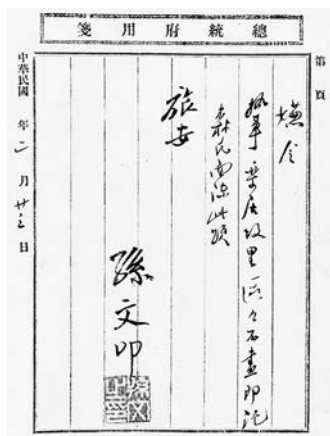
В кантонском диалекте 日新 звучало как *Yatsen*, и в качестве его иероглифического варианта Сунь Ятсен выбрал сочетание 逸仙 (стандартное произношение Исянь, значение — «удалившийся небожитель»). Оно и стало одним из наиболее часто употреблявшихся имен Сунь Ятсена наряду с его «официальным» 文 Вэнь («образованный»). У себя на родине он стал называть себя Сунь Вэнем, в Европе и Америке — Сунь Исянем (Сунь Ятсеном).

детстве он получал «молочное имя», позднее — «официальное», по достижении совершеннолетия — «второе».

В этом отношении Сунь Ятсен явно выделяется на фоне своих соотечественников: по некоторым подсчетам у него было около 30 различных имен!¹

Его «молочным именем» было 帝象 Дисян (букв.: «[своим] обликом схожий с [Гуань]ди²»).

Так его называли в детстве, но тем же самым именем он продолжал пользоваться вплоть до юношеских лет: именно так Сунь Ятсена звали во время учебы в Гонконге, когда ему исполнилось 18.

«Сунь Вэнь» — подпись Сунь Ятсена под письмом Шэн Сюаньхуаю от 23 февраля 1912 г.

¹ 尚明轩.孙中山的历程 (Шан Минсюань. Путь Сунь Ятсена). Пекин. 2001. С. 5.

² Обожествленный после своей смерти герой эпохи Троецарствия.

to tell you.

In regard to Moments I agreed with you entirely.

I hope to hear good news from you soon.

With kindest regards

Very truly yours

Chung San

«Чжуншань» — подпись Сунь Ятсена под письмом Дж. Буту от 8 ноября 1910 г.

Но это было еще не всё. Сунь Ятсен долгие годы прожил в Японии в качестве политического эмигранта. Там он постоянно пользовался различными псевдонимами — Такано Ката, Хаяси Юкимити и пр.

В 1897 г. он по совету своего японского друга зарегистрировался в гостинице под именем Накаяма Кикори 中山樵 и в дальнейшем пользовался им во время пребывания в Японии. Позднее Сунь Ятсен стал употреблять этот псевдоним иначе: фамилия Накаяма в китайской огласовке «Чжуншань» стала его личным именем, и Сунь Ятсен таким образом превратился в Сунь Чжуншаня.

Именно как Сунь Чжуншань он вошел в историю Китая, хотя за рубежом, в том числе — в России, его продолжают называть Сунь Ятсеном.

Годы учебы

Три поколения предков Сунь Ятсена жили в относительном достатке, зарабатывая на хлеб крестьянским трудом. Его отец получил в наследство большой кирпичный дом, какие в ту пору строили себе только крепкие хозяева. Но потом семья обеднела.

Отец одно время был вынужден сапожничать в Макао (близкий друг Сунь Ятсена Чэнь Шаобай писал, что Сунь Дачэн был «мелким

10.
of the Monroe Doctrine so we in China are striving to reflect the spirit of the John Hay Doctrine. It is in this spirit, therefore, that I appeal to the author of the John Hay Doctrine to befriend the Chinese nation in this hour of her national peril, by extending immediate recognition to this government.

With assurances of my deepest respects, I am,
Sincerely yours,
Sun Yat-sen
May 5, 1921.

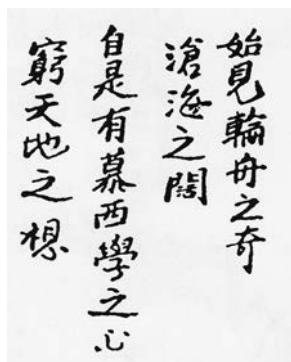
«Сунь Ятсен» — подпись Сунь Ятсена под письмом президенту США У. Гардингу от 5 мая 1921 г.

Родители Сунь Ятсена:
отец Сунь Дачэн (1812–1888), мать Ян [...] (1852–1910)

торговцем»¹). Когда старшему из братьев, Сунь Мэю, исполнилось 15 лет, он нанялся в работники к местному землевладельцу. Через два года в поисках лучшей жизни он отправился на Гавайи. Там ему повезло: он скопил немного денег и, купив участок земли на о-ве Мани, основал собственную ферму. Дела шли весьма успешно, и через некоторое время бывший батрак превратился в состоятельного предпринимателя, которого даже прозвали «королем Мани».

Летом 1879 г. тринадцатилетний Сунь Ятсен отправился за море навещать брата. Это путешествие стало для него открытием другого мира. Он не мог без волнения вспоминать об этом:

«Там я в первый раз увидел это чудо — пароход и бескрайние просторы мирового океана... Возмечтал познать заморскую науку и понять, что скрыто между Небом и Землей!»

¹ 陈少白. 兴中会革命史要 (Чэнь Шаобай. Краткий очерк революционной деятельности Союза возрождения Китая). Чунцин. 1941. С. 1.

Сунь Ятсен пробыл на Гавайях четыре года. Брат устроил его в лучшую приходскую школу в Иолани, где преподавание велось на английском языке.

Чжун Гуньюй, соученик Сунь Ятсена (он тоже был родом из Гуандуна и числился в списках учеников как Чунг Кунг Ай), вспоминал:

В нашей группе первого класса было девять человек. Молодой гаваец по имени Поль преподавал нам основы английского, начиная с алфавита. Через несколько месяцев Поля сменил англичанин м-р Меррил. Ежедневно по утрам он учил нас *spelling*. Если кто-то из нас допускал ошибку, он делал запись у себя в журнале. После трех ошибок он трижды бил провинившегося своей линейкой по ладоням. За пять ошибок следовало более суровое наказание. М-р Меррил был строгим учителем. Когда по вечерам он проверял выполнение нами домашних заданий, никто не осмеливался произносить ни звука. После отбоя в общежитии наступала мертвая тишина. Иногда кое-кто из учеников-китайцев, погасив свет и улегшись на койку, тайком вновь зажигал лампу и читал, но это не ускользало от взоров епископа Уиллиса, и он немедленно наводил порядок в спальне.¹

Епископ Уиллис был попечителем школы. Он обратил внимание намышленного парнишку и по мере того, как Сунь Ятсен овладевал основами английского, стал внушать ему основы христианской морали. Эти уроки не прошли даром.

Через три года Сунь Ятсен успешно окончил школу.

На выпускной церемонии присутствовал Его

Чжун Гуньюй
(1865–1960)

Мемориальная доска на территории школы
в Иолани

¹ *Chung Kung Ai. My Seventy Nine Years in Hawaii. Hongkong. 1960. P. 55.*

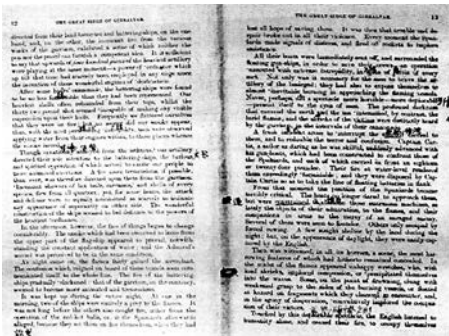

Последний король Гавайев
Калакауа (1836–1891)

Среди изучаемых дисциплин были европейская литература, латынь, история Англии, география и математика.

Об уровне требований, предъявлявшихся к учащимся, свидетельствуют, в частности, экзаменационные вопросы по географии:

- 1) Describe accurately the positions of Kiev, Stettin, Antwerp, Rouen, Malaga, Leghorn, Belgrade, Prague, Bergen, Helsingfors, Aberdeen, Cadiz, Cork and Bristol.
- 2) Classify the countries of Europe according to their religion.¹

Страницы из учебника по истории Англии
с пометками Сунь Ятсена

Сунь Ятсен, когда ему
исполнилось 18 лет

Величество король Гавайев Дэвид Калакауа, вручивший награды лучшим ученикам, и в их числе — Сунь Ятсену.

После этого Сунь Ятсен поступил в другое учебное заведение — колледж Оаху. Но его учеба там неожиданно прервалась.

Увлечению Сунь Ятсена христианскими идеями воспротивился его брат, которому претила заморская религия. Поэтому он отправил своего младшего брата обратно на родину.

Сунь Ятсена неодолимо влекли заморские науки. Вскоре он едет в Гонконг и поступает в Квин колледж, где преподавание также, естественно, было на английском языке.

¹ 黄宇和。三十岁前的孙中山 (Хуан Юйхэ. Сунь Ятсен, которому еще не исполнилось тридцать). Пекин. 2012. С. 276.

號數	姓 名	年 歲	受洗禮日期	原 籍	現 住	男 女	經手牧者	別 事	男女獨自獻主 或名等事實日期	父母姓名
1	宋毓林			花縣	Removed		曹嘉理	逝		
*2	張日新			香山翠亨鄉	Removed		McG. Hager	逝		
*3	八 媽			省城	Removed			逝		
*4	陸中桂			香山翠亨鄉	deceased			逝		
*5	唐 傑			香山唐家						
*6	任顯德	小		香港						
*7	宋連好	小			Removed					
*8	宋江端	小		" "	deceased			逝		
*9	周泰安	小		" "	" "					
*10	任顯日	小		" "	" "					
11	陳仲重	小		惠州長潭村	" "					
*12	宋嘉彝	小		香港				逝		
*13	宋永祿	小			Removed					
*14	鄧 開	小		南海西樵西城村	deceased			逝		
*15	周 維	小		香港	deceased		徐金全	逝		

«Сунь Жисинь» был вторым в списке крещеных Хэйгером

В Гонконге в жизни Сунь Ятсена произошло событие, предотвратить которое всячески старался его брат на Гавайях: он был обращен в христианскую веру. Прямое отношение к этому имел американский миссионер Ч. Хэйгер.

Сунь Ятсен был обращен в христианство 4 мая 1884 г.

А 26 мая отец вызвал его домой, где всё было готово к свадьбе с Лу Мучжэнь — девушкой из соседней деревни. За этим последовал один странный эпизод: когда Сунь Ятсен вернулся в Гонконг, пастор Хэйгер принялся настаивать на том, чтобы они вдвоем съездили к нему домой, и вскоре эта поездка состоялась.

В чем тут было дело, объяснил биограф Сунь Ятсена Хуан Юйхэ.

Хэйгер считал, что поклонение табличке с именами предков — неотъемлемая часть традиционного китайского свадебного ритуала — противоречит христианским догматам, поскольку поклоняться можно только Всевышнему. Он выражал свое удовлетворение тем, что некоторые крещенные им китайцы отказывались совершать этот обряд.

Но Сунь Ятсена в их числе не было. Более того, накануне свадьбы он собственноручно возвел в доме новый алтарь предков и, судя по всему, признался в этом пастору. Выход из щекотливого положения Хэйгер увидел в том, чтобы поехать в родную деревню Сунь Ятсена и обратить в христианство его родителей и молодую жену.¹

¹ Хуан Юйхэ. Сунь Ятсен, которому еще не исполнилось тридцать. С. 335–340.

Замысел Хэйгера не удался. Более того, он имел своим последствием большие неприятности для Сунь Ятсена.

Узнав о том, что его младший брат всё-таки принял христианство, Сунь Мэй велел ему срочно прибыть на Гавайи и устроил ему там выволочку с применением кулачных аргументов, объявив при этом, что лишает его прав на часть своей недвижимости, которую до этого обещал брату.

18-летний Сунь Ятсен был уже не в том возрасте, когда молча сносят побои. Он сорвал со стены изображение Гуаньди, выбросил его на помойку и хлопнул дверью. Его бывший соученик Чжун Гуньюй купил ему билет на пароход, и Сунь Ятсен вернулся в Гонконг. Несколько придя в себя после приступа гнева, Сунь Мэй продолжал оплачивать учебу Сунь Ятсена, и прежние отношения между братьями восстановились.¹

По окончании Квин колледжа перед Сунь Ятсеном встал вопрос: какую профессию выбрать. Он избрал служение здоровью соотечественников и стал слушателем Гонгконгского медицинского училища.

Джэймс Кэнтли
(1851–1926)

Сунь Ятсену повезло. В училище в это время преподавал Дж. Кэнтли — высококвалифицированный специалист и прекрасный педагог, по-отечески заботившийся о своих воспитанниках. По достоинству оценив то стремление к знанию, которое проявил Сунь Ятсен, он окружил его особым вниманием. Между учителем и учеником сложились отношения взаимного уважения и дружбы, которые они пронесли затем через всю свою последующую жизнь.

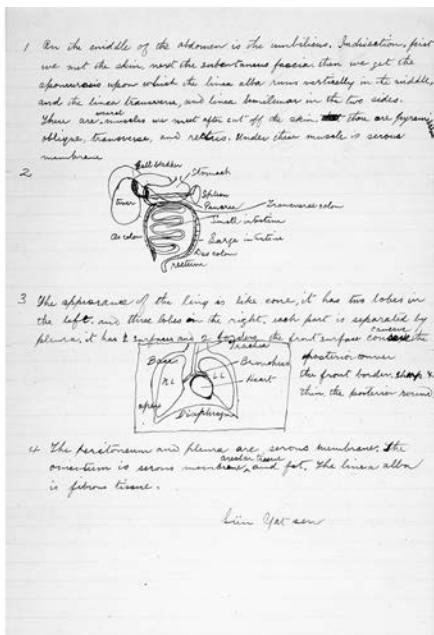
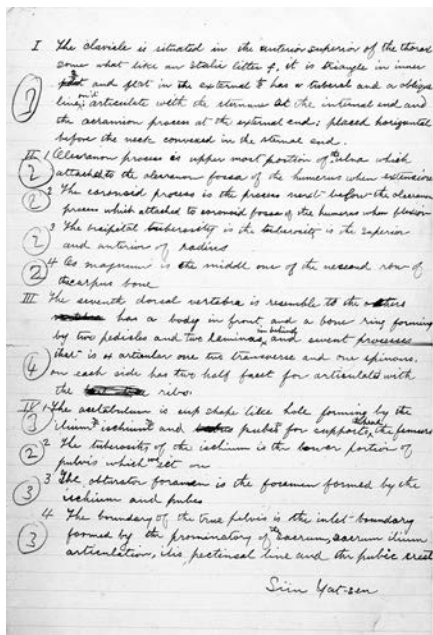
В 1892 г. Сунь Ятсен с отличием окончил медицинское училище и стал практикующим врачом-терапевтом.

В газете «Цзинхай цунбао» Сунь Ятсен опубликовал объявление, в котором сообщал о себе, о расписании приема в своей клинике и расценках за лечение. Он, в частности, писал:

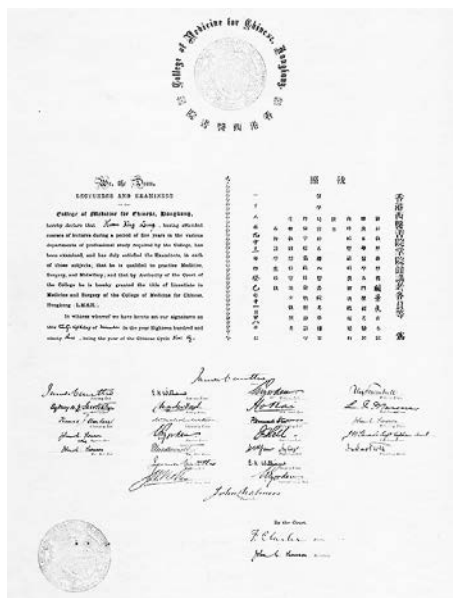
Я — китаец, но практикую западную медицину. Я человек с добрым характером и обладаю обширными познаниями. Знаменитые врачи Англии и Америки помогли мне овладеть секретами профессии, в настоящее время я принимаю больных в клинике Цзинху, и на протяжении нескольких месяцев мои успехи впечатляющи.²

¹ Там же.

² 张磊. 孙中山评传 (Чжан Лэй. Биография Сунь Ятсена). Гуанчжоу. 2000 (вклейка).

Экзаменационные работы Сунь Ятсена

**Свидетельство об окончании
медицинского училища соучеником
Сунь Ятсена – Гуань Цзинляном**

Но все эти годы были посвящены им не только изучению наследия Гиппократова.

В 1923 г., выступая в Гонконгском университете, Сунь Ятсен говорил:

Истоки моего мировоззрения — здесь, в Гонконге. Как оно сформировалось? 37 лет тому назад, во время учебы в Гонконге, я в свободное время бродил по улицам, наблюдал чистоту и порядок, красивые здания и свидетельства постоянного прогресса, и это производило на меня неизгладимое впечатление. Два раза в год я возвращался в Сяншань. Различие между Сяншанем и Гонконгом было разительным. Жизнь здесь была благоустроена и безопасна. Там было всё наоборот. В своей деревне я вынужден был стать самому себе полицейским, постоянно заботясь о том, чтобы защитить себя. Между Сяншанем и Гонконгом всего-навсего 50 миль, почему же они так различаются между собой? Иностранцы смогли за 70–80 лет добиться на заброшенном острове таких успехов, а в Китае с его четырехтысячелетней культурой нет ни одного уголка, подобного Гонконгу. В чем причина?¹

Этот вопрос не давал Сунь Ятсену покоя.

«Четыре знаменитых бунтаря»

В Гонконге у Сунь Ятсена было несколько друзей-единомышленников, с которыми он проводил всё время, свободное от его учебных занятий.

Первого звали Чэнь Шаобай.

Уроженец Гуандуна, он был моложе Сунь Ятсена на три года. В 1890 г. их познакомил пастор Цюй Фэнчжи, а затем Сунь Ятсен представил его

湖 鏡 滿 春

大國手孫逸仙先生我華人而兼西醫者也性情和厚學識精明向從英美名師游習醫術現任在嶺南醫院醫務月甚著功効也每日除診醫外尚有診症餘暇在

先生原不飲定醫金過為計較然而情致送禮所懸然今我同人為之釐訂規條藉明利便每日由十點鐘起至十二點鐘止在嶺南醫院醫務不受分文以惠受復由十二點鐘起至三點鐘止在寫字樓診三點鐘以後出門就診其所醫金價係感贈也如未訂各款要必書明其人其症不事奢求務祈相與成德庶利濟人之初志而已下列條目于左

一凡到嶺南中西醫局診症者無論男女老幼送醫金壹元或壹元七點鐘起至九點鐘止

一凡親自到仁壽堂寫字樓診症者送醫金壹元

一凡延往外診者本澳街道送醫金貳元各埠市鎮遠近酌

一凡難產及吞服毒藥延往救治者按人之家富酌

一凡成年包訂每人歲送醫金五十員全家眷口不過五人者歲送醫金百員

一凡遇禮拜日十點鐘至十二點鐘在寫字樓種牛痘每人收銀壹員上四種者每人收銀三員

一凡補眉口耳割眼膜瘡疥淋結等症屆時酌

一凡奇難雜症延醫包醫者見症酌

一凡外間延醫明急症隨時速往決無遲延

一凡延往別處診症每日送醫金三拾員從動身之日起計

鄉愚弟 盧序之 陳席儒 吳肅微 宋子衡 何德田 曹子基 全啟

Объявление практикующего врача Сунь Ятсена в газете «Цзинхай цунбао»

¹ 孙中山. 革命思想之产生 (Сунь Ятсен. Истоки революционных идей. Речь в Гонконгском университете 19 февраля 1923 г.) // ПССС. Т. 7. С. 115–117.

**Чэнь Шаобай
(1869–1934)**

своему учителю Кэнтли, и Чэнь Шаобай поступил (правда, ненадолго) в тот же колледж, в котором учился Сунь Ятсен.

Оба приняли крещение, жили в одной комнате и стали названными братьями. Чэнь Шаобай отличался независимостью своих взглядов и остротой языка, что особенно ценил в нем Сунь Ятсен. В дальнейшем на протяжении десяти с лишним лет Чэнь Шаобай оставался ближайшим соратником Сунь Ятсена.

Вторым был Ю Ле, связанный с тайными обществами Гуандуна. В 1921 г. он, между прочим, стал советником президента Суня.

Ю Ле (1866–1936)

Третий — Ян Хэлин — родом из той же деревни, что и Сунь Ятсен, и они поэтому

Ян Хэлин (1868–1934)

были знакомы с детства. Ян Хэлин пошел по стопам своего отца и держал в Гонконге лавку, ставшую местом постоянных встреч друзей. Там они обсуждали политические проблемы, критиковали правительство, и приказчики в шутку называли их «четырьмя знаменитыми бунтарями».

**«Четыре знаменитых
бунтаря»
(сидят слева направо:
Ян Хэлин, Сунь Ятсен,
Чэнь Шаобай и Ю Ле;
за ними стоит
Гуань Цзинлянь)**

Неожиданный интерес к агрономии

Сунь Ятсен стал дипломированным врачом, но за годы учебы в Гонконге постепенно приходил к убеждению, что ради блага Родины должен лечить свою страну, а не ее жителей. Однако каким путем можно было осуществить эту миссию?

Сунь Ятсена, равно как и других его собратьев-«бунтарей», увлекал образ их земляка Хун Сюцюаня, возглавившего антицинское Тайпинское восстание, и Сунь Ятсен даже называл себя «вторым Хун Сюцюанем»¹.

В то же время у него перед глазами был и иной пример — Япония, успешно осуществившая реформы государственного строя и в исторически кратчайшие сроки буквально ворвавшаяся в число передовых стран мира.

Хэ Ци — идейный наставник д-ра Суня

Помимо Джеймса Кэнтли среди гонконгских учителей Сунь Ятсена была еще одна личность, общение с которой оказало несомненное воздействие на формирование его мировоззрения.

Этим человеком был Хэ Ци (в кантонском произношении — Хо Кай), основатель Гонконгского медицинского колледжа, проживший десять лет в Англии, получивший там высшее образование по двум специальностям — юриспруденции и медицине, после возвращения домой ставший одним из наиболее влиятельных общественных деятелей Гонконга.

В 1887 г. гонконгская газета «China Mail» опубликовала статью известного китайского дипломата Цзэн Цицзэ «Спящий и пробуждающийся Китай», в которой он высказывал мысль о том, что спасение Китая — в создании мощного современного флота.

Хэ Ци откликнулся на эту публикацию. С его точки зрения, беды Китая заключались не в слабости его армии, а в пороках политического строя. Поэтому

Хэ Ци (1859–1914)

¹ Чэнь Шаобай. Очерк революционной деятельности Общества возрождения Китая. С. 4.

Китай нуждается в реформах, которые охватывали бы все стороны его жизни.¹

Вскоре после этого Хэ Ци (в соавторстве с Ху Лиюанем) обосновал свою программу реформ в книге «Мысли об обновленном управлении».

Сунь Ятсен пишет Чжэн Цзаожу

Первым известным нам документом, в котором Сунь Ятсен изложил свои суждения о путях спасения Китая, является его открытое письмо к отставному сановнику Чжэн Цзаожу, бывшему послу в Японии и Соединенных Штатах, земляку Сунь Ятсена. Оно было в свое время опубликовано в малоизвестном журнале «Хаотю юэкань». Его текст был обнаружен историком Хуан Янем.²

Письмо к Чжэн Цзаожу не датировано, но автор упоминает в нем о том, что ему 24 года. Это значит, что оно было написано в 1889 г. или в 1890 г., в зависимости от того, указал ли Сунь Ятсен свой реальный возраст или по китайской традиции добавлял к нему один год. Так или иначе, это письмо было написано в то время, когда Сунь Ятсен учился в медицинском колледже.

В своем письме Сунь Ятсен прежде всего касается вопроса об упадке сельского хозяйства в его родном уезде: «Посмотрите на горы к юго-востоку — это голые склоны, на которых можно было бы высадить деревья и получать от этого доход, но никто не занимается этим. Крестьяне только рубят деревья, но не сажают их!» С большим сожалением Сунь Ятсен упоминает о том, что в его краях

Обложка книги Хэ Ци и Ху Лиюаня «Мысли об обновленном управлении»

Хуан Янь

¹ Подробно см.: 杨世宁。略论港人何启对孙中山早年的影响 (Ян Шинин. О влиянии, оказанном на молодого Сунь Ятсена гонконгцем Хэ Ци) // Гуанси миньцзусюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). Т. 19. 1998. № 10. С. 32.

² 黄彦。谈谈孙中山致郑藻如书 (Хуан Янь. О письме Сунь Ятсена Чжэн Цзаожу) // 黄彦。孙中山研究和史料编纂 (Хуан Янь. Исследования о Сунь Ятсене и публикация источников). Гуанчжоу. 1996. С. 14-28.

никто не занимается разведением шелкопряда. Он призывает власти использовать опыт Запада для возрождения китайского земледелия.

Ежемесячник «Хаоту юэкань»

Второй вопрос — производство опиума и торговля им, что наносит непоправимый вред здоровью простых людей. Поэтому насущная задача власти имущих — запретить опиекурение.

Еще одна проблема — необходимость распространения всеобщего образования. Ныне положение в стране таково, что

семь-восемь человек из десяти остаются неграмотными, а среди женщин нет ни одной из ста, знающей иероглифы. Можно ли после этого удивляться отсутствию в Китае талантов, упадку нравов и слабости государства?

По мнению Сунь Ятсена, затронутые им вопросы «имеют первостепенное значение для Поднебесной и государства». Сначала следует решить их в масштабе их родного уезда, после чего его примеру последуют и другие уезды. Стоит только одному человеку бросить клич, и к нему присоединится добрая сотня. Тем самым будет обретаена польза и искоренен вред. Это обернется счастьем не только для их уезда, но и для всей страны.

Он заканчивает свое письмо словами: «Я возлагаю большие надежды на то, что Вы будете пропагандировать высказанные идеи. Намерены ли Вы приступить к этому?»¹

Общение с Чжэн Гуаньинем

Идеи, изложенные в письме к Чжэн Цзаожу, Сунь Ятсен развил в эссе «Достоинства земледелия», которое он передал еще одному своему земляку — известному стороннику реформ Чжэн Гуаньину, а тот включил это сочинение в свою нашумевшую книгу «Призыв к процветанию».

Чжэн Гуаньинь
(1842–1921)

¹ Там же. С. 15–17.

В этом эссе Сунь Ятсен, помимо всего прочего, высказал несколько неожиданное суждение о том, что для борьбы с опиекурением нужно сначала вытеснить импортное зелье местным, и для этого следует пропагандировать посадки опиумного мака.

В своей книге Чжэн Гуаньин писал о Сунь Ятсене:

Уроженец нашего уезда врач западной медицины Сунь Цуйси, прекрасно разбирающийся в растениеводстве, имеет опыт разведения в Сяншане опиумного мака, и [получаемый из него опиум] по своему качеству не отличается от индийского. Озабоченный тем, что способы выращивания мака могут быть еще далеки от наиболее современных, [Сунь] намерен отправиться в Европу, чтобы овладеть новыми методами и применить их, вернувшись на родину.¹

Первое издание «Призыва к процветанию»

Идею относительно расширения посевов опиумного мака в Китае Сунь Ятсен заимствовал у Чжэн Гуаньина, который впервые высказал ее еще в 1873 г.² и позднее неоднократно возвращался к ней.

Чжэн Гуаньин активно способствовал следующему шагу, который намеревался предпринять Сунь Ятсен, — встретиться с могущественным

¹ 郑观应。盛世危言 (Чжэн Гуаньин. Призыв к процветанию) // 郑观应集 (Собрание сочинений Чжэн Гуаньина). Т. 1. Шанхай. 1982. С. 737.

² 郑观应。拟自禁鸦片烟论 (Чжэн Гуаньин. О запрещении опиекурения) // Собрание сочинений Чжэн Гуаньина. Т. 1. Шанхай. 1982. С. 19.

Ли Хунчжан (1823–1901)

сановником Ли Хунчжаном и вручить ему свои соображения о проведении реформ в Китае.

Сунь Ятсен не случайно адресовал свое послание именно Ли Хунчжану, а не какому-то другому высокопоставленному сановнику. В 1888 г. Дж. Кэнтли предложил Ли Хунчжану занять почетную должность попечителя медицинского колледжа в Гонконге, и тот с благодарностью принял это приглашение¹, а после того, как в 1892 г. Сунь Ятсен закончил колледж, Кэнтли рекомендовал его и еще одного своего воспитанника Ли Хунчжану, хотя это и не имело реальных последствий.²

Послание Ли Хунчжану

Тот факт, что в 1894 г. двадцативосьмилетний Сунь Ятсен написал письмо Ли Хунчжану, изложив в нем свои суждения о необходимости проведения реформ в Китае, хорошо известен. Однако до сих пор существует несколько версий того, при каких обстоятельствах это произошло.

Рекомендательные письма

Ближайший друг д-ра Суня Чэнь Шаобай впоследствии писал по этому поводу:

Однажды, когда я был в Гонконге, а он в Кантоне, из его аптеки вдруг пришло письмо, в котором говорилось: «Г-н Сунь куда-то исчез, в аптеке невозможно вести расчеты, и в кассе осталось 10 юаней с небольшим».

Получив это письмо, я отправился в Кантон, чтобы вместо него заниматься делами в аптеке. Прошло уже немало дней, а никаких новостей не было, и я начал не на шутку волноваться. А 16-го числа он вдруг появился, держа в руках большой свиток, похожий на какой-то документ.

¹ Хуан Юйхэ. Сунь Ятсен, которому еще не исполнилось тридцать. С. 503.

² Cantley N. and G. Seaver. Sir James Cantley: A Romance of Medicine. London. 1939. P. 79.

**Комната, в которой была
написана петиция
Ли Хунчжану**

Увидев меня, он стал извиняться. «Куда ты исчез?» — спросил я его. «Не спрашивай об этом!» — отвечал он, но развернул бумагу, которую держал в руках. Я взял ее и обнаружил, что это — петиция Ли Хунчжану. Только после этого я узнал, что он вернулся к себе в деревню Цуйсянцунь, затворил двери и занялся сочинительством.

Он попросил меня отредактировать написанное, и я кое-что исправил в тексте. После этого он не стал заниматься аптекой, а отбыл в Шанхай, чтобы отправить письмо Ли Хунчжану. <...> Приехав в Шанхай, г-н Сунь встретился с одним уроженцем уезда Сяншань, автором сочинения «Призыв к процветанию» Чжэн Гуаньиню (его второе имя — Таочжай) и рассчитывал с его помощью встретиться с Ли Хунчжаном.

В доме у Таочжая он случайно познакомился с Ван Тао <...>. Ван Тао в свое время помогал в Гонконге английскому миссионеру Леггу переводить древнекитайские классические книги. Возвращаясь в Англию, д-р Легг пригласил Ван Тао поехать вместе с ним, и тот прожил в Англии несколько лет. Вернувшись в Гонконг, он стал издавать газету «Сюньхуань жибао», а затем возвратился в Шанхай. Он пользовался широкой известностью, великолепно разбирался в том, что происходит в мире, да к тому же был человеком, связанным с тайпинами. Поэтому увидев его в доме Таочжая, г-н Сунь словно встретился со старым знакомым. Он показал

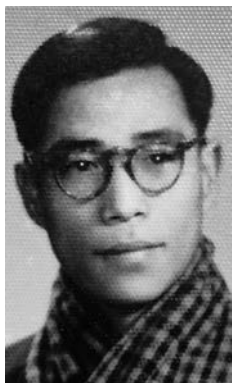
Ван Тао (1828–1897)

Ван Тао свое сочинение и обсуждал с ним написанное, а Ван Тао внес в текст еще кое-какие исправления. В то время у Ван Тао был знакомый, занимавший должность письмоводителя при Ли Хунчжане. Ван Тао написал ему и представил ему г-на Суня с тем, чтобы тот отправился в Тяньцзинь, встретился с этим почтенным человеком и выяснил с ним, нельзя ли нанести визит Ли Хунчжану. Г-н Сунь был чрезвычайно рад этому и прибыл в Тяньцзинь, чтобы повстречаться с этим человеком.

В это время вспыхнула китайско-японская война, начались ожесточенные бои, и Ли Хунчжан отбыл в Лутай для инспектирования войск. <...>

Прошение г-на Суня было передано Ли Хунчжану. Прочитал ли его Ли Хунчжан, неизвестно, но позднее он сказал: «Вот кончится война, тогда можно будет встретиться». Узнав об этом, г-н Сунь понял, что его намерение неосуществимо, и, крайне расстроенный, вернулся в Шанхай.¹

Сообщение Чэнь Шаобая заслуживает внимания, но в то же время требует некоторых уточнений. В частности, помимо рекомендательного письма, написанного Ван Тао, Сунь Ятсен привез в Тяньцзинь еще несколько писем, адресованных одному из подчиненных Ли Хунчжана — Шэн Сюаньхуаю, который, как полагал Сунь Ятсен, мог организовать его встречу со своим шефом.

Шэнь Вэйбинь
(1937–2015)

В 1988 г. профессор Шэнь Вэйбинь нашел в Шанхайской городской библиотеке эти рекомендательные письма, написанные по просьбе Сунь Ятсена Вэй Хэном, Шэн Чжоухуае и Чжэн Гуаньинем.

Письмо Вэй Хэна было адресовано младшему брату Шэн Сюаньхуаю — Шэн Чжоухуаю. Получив на руки это письмо, Сунь Ятсен направился в Шанхай, где в это время находился Шэн Чжоухуай, и тот в свою очередь написал брату. После этого Сунь Ятсен навестил Чжэн Гуаньина, который также согласился рекомендовать его Шэн Сюаньхуаю.²

Встречался ли Сунь Ятсен с Ли Хунчжаном?

¹ Чэнь Шаобай. Краткая история революционной деятельности Общества возрождения Китая. С. 10–12.

² 沈渭滨. 1894年孙中山谒见李鸿章一事的新资料 (Шэнь Вэйбинь. Новые данные о визите Сунь Ятсена к Ли Хунчжану в 1894 г.) // 辛亥革命史丛刊 (Материалы по истории Синьхайской революции). Т. 1. С. 88–94.

Вопрос о том, состоялась ли встреча Сунь Ятсена с Ли Хунчжаном или нет, не вполне ясен.

По словам Чэнь Шаобая, Ли Хунчжан не принял Сунь Ятсена. Некоторые авторы не только настаивали на обратном, но даже сообщали, о чем тогда шла речь.

Ху Цюйфэй в биографии Сунь Ятсена, изданной в 1928 г., писал:

Прибыв в Пекин, [Сунь Ятсен] на свой страх и риск нанес визит Ли Хунчжану и доверительно обсуждал с ним факты жестокости и коррупции Пекинского правительства, утверждая, что революцию нельзя дальше откладывать <...>. Ли Хунчжан отказался [принимать в ней участие], заявив: «Я знаю, что революция неизбежна, но мне уже 79 лет, я стар и слаб, и от меня мало проку. Надежда на вас, будущее Китая зависит от вас, а я буду содействовать вам!»¹

Правда, спустя несколько лет Ху Цюйфэй признал, что Сунь Ятсен «намеревался встретиться с Ли Хунчжаном, но это ему не удалось»², а это равнозначно признанию в том, что вышеприведенное изложение разговора Суня и Ли являлось плодом воображения автора.

Иначе о том, что якобы сказал Ли Хунчжан Сунь Ятсену, писал Лян Ханьцао:

Еще не прочитав петицию, представленную ему Отцом Государства, Ли Хунчжан произнес с чувством собственного превосходства: «Дела Поднебесной — вещь серьезная. Вам, молодым, понять это не дано!» Выйдя от него, Отец Государства был вне себя от гнева и, сверкая глазами, сказал Тан Шаои: «Я считал, что Ли Хунчжан чего-то стоит, а сейчас вижу, что это не так. Он не в состоянии осуществить мои предложения. Я сам займусь этим!»³

Еще одна версия, автором которой был Гуй Чунцзи:

«Как тебя зовут?» — спросил Ли Хунчжан у Сунь Ятсена. «Сунь Вэнь», — ответил Сунь Ятсен. В то время он говорил с сильным кантонским акцентом и «Вэнь» прозвучало у него как «Мэнь». Услышав это, Ли Хунчжан сказал: «Да ты нормативного языка не знаешь, а еще хочешь стать чиновником!» <...> Выйдя во двор, Сунь Ятсен обругал Ли Хунчжана, назвав его бюрократом.⁴

¹ 胡去非. 孙中山传 (Ху Цюйфэй. Биография Сунь Ятсена). Шанхай. 1928. С. 7.

² 胡去非. 总理事略 (Ху Цюйфэй. Коротко о вожде). Шанхай. 1937. С. 21.

³ 万世风范的国父 (Великий Отец Государства) // Синьшэнбао, 11 ноября 1965 г.

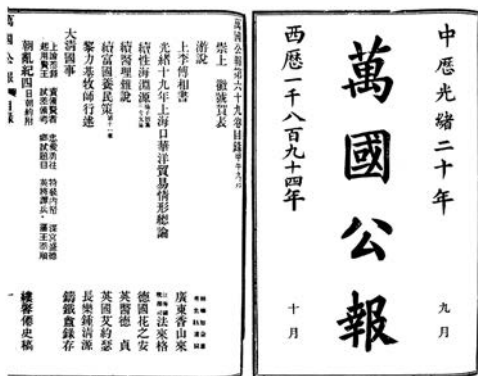
⁴ 桂崇基. 中山先生见李鸿章 (Гуй Чунцзи. Встреча Сунь Ятсена с Ли Хунчжаном)

// Чжуаньцзи вэньсюэ. 1983. Т. 42. № 6. С. 48.

Так или иначе, текст петиции увидел свет в шанхайском журнале «*Ваньго гунбао*» за 1894 г.

В своей петиции Сунь Ятсен подробно остановился на четырех задачах, решение которых позволило бы Китаю, по его мнению, в течение 20 лет догнать самые развитые страны Запада:

Итак, если люди могут полностью проявлять свои таланты, то все начинания процветают; если земля может приносить наибольшую пользу, то народу хватает пищи; если вещи могут найти исчерпывающее применение, то материальные средства имеются в изобилии; если товары могут беспрепятственно обращаться, то средств достаточно. Вот почему я говорю, что эти четыре условия — первопричина богатства и могущества, основа управления государством. И только после того как будут выполнены эти четыре условия, мы сможем усовершенствовать законы управления страной, придать размах нашим делам, укрепить войско, сохранить вассальные владения и догнать Европу.¹

Журнал, в котором было опубликовано письмо Сунь Ятсена Ли Хунчану

Снова об опиумном маке

При этом подробнее всего автор говорил о модернизации земледелия, в том числе — о переходе к выращиванию опиумного мака:

Недавно, глубоко возмущенный отказом англичан договориться с нами о запрещении опиекурения, я посоветовал нашим земледельцам заняться разведением опиумного мака. В прошлом году это было испробовано на земле, свободной от земледельческих культур, причем оказалось, что головки такого мака ничем не отличаются от индийских, дающих опиум, соответствующий требованиям казны, и что от каждого му земли можно получить доход в десятки золотых. Теперь уже все стали подражать этому, каждый двор пробует сеять мак. Нынешней зимой посев мака на земле, свободной от земледельческих культур, несомненно, увеличится, что не мешает нивам и вместе с тем восполняет нехватки в хозяйстве, оказываясь,

¹ Сунь Ятсен. Избранные произведения. М. 1964. С. 56.

таким образом, на какое-то время удачным выходом. Когда в дальнейшем это дело распространится, мы, вне сомнения, сможем полностью получать ту выгоду, которую ныне разведение опиума приносит Индии, ибо запах и вкус нашего опиума еще лучше, чем у опиума, поступающего в казну, и с ним не сравним сычуаньский или юньнаньский. Те несколько цзиней, которые мы произвели прошлой зимой, были нарасхват раскуплены и выкурены любителями. Доходы, приносимые ныне индийским опиумом, станут, несомненно, нашими. А когда индийский опиум будет вытеснен, англичане и сами запретят торговлю опиумом и не будут стремиться ввозить его; когда Англия запретит торговлю опиумом, мы сможем перестать сажать мак, отдадим приказ о запрещении опикурения, и великое зло, существующее уже столетие, исчезнет в самое короткое время. Мои советы разводить мак фактически являются началом запрещения опикурения.¹

Идея Сунь Ятсена относительно того, что запрещение опикурения следует начать с расширения посадок опиумного мака, стала притчей во языцех многих китайских газет.

Так, шанхайская «Шэньбао» на протяжении нескольких последующих лет при каждом упоминании о Сунь Ятсене подчеркивала, что речь идет именно о «том Сунь Вэне, который намеревался заняться выращиванием опиумного мака, что стало бы бедствием для жителей Гуандуна».

Одно из такого рода упоминаний в «Шэньбао» от 24 декабря 1895 г.

¹ Там же. С. 61–62.

Кто был создателем и руководителем Союза возрождения Китая?

Согласно версии, которой до недавнего времени придерживалось большинство суньятсеновцев, а многие из них продолжают придерживаться поныне, Сунь Ятсен, потерпев неудачу со своей петицией Ли Хунчжану и разочаровавшись в возможности проведения в Китае радикальных реформ, отправился на Гавайи и в 1894 г. основал там революционную организацию под названием «Союз возрождения Китая», а в 1895 г. возглавил в Кантоне первое восстание против маньчжурского правительства.

Однако многие аспекты этой версии, долгое время казавшейся бесспорной, на самом деле требуют дополнительного исследования.

Сунь Ятсен опровергает ранее сказанное им

В 1897 г. Сунь Ятсен опубликовал в Лондоне на английском языке книгу, в которой касался событий, приведших его в Англию. Это сочинение было тогда же переведено на русский язык и опубликовано в журнале «Русское богатство». Позднее перевод был в своем первоначальном виде включен в «Избранные сочинения» Сунь Ятсена.¹

Свое повествование Сунь Ятсен начинал с 1892 г., когда после окончания медицинского колледжа занялся врачебной практикой в Аомэне (Макао), а затем вынужден был перебраться в Кантон.

Но, еще будучи в Аомыне, узнал я впервые о существовании политического движения, которое наиболее подходящим образом можно определить названием *партии «Молодого Китая»*.² Цели ее были так разумны, так умеренны и так много возбуждали надежд, что все мои симпатии стали сразу на ее сторону, и я пришел к убеждению, что самое лучшее, что я смогу сделать в интересах моей родины, это присоединиться к партии. Основная мысль состояла в том, чтобы мирным путем реформировать Китай; мы надеялись, что, почтительно представивши трону умеренный план реформ, мы тем самым откроем эру нового управления, более соответствующего современным потребностям. <...>

¹ Сунь Ятсен. Избранные произведения. М. 1964. С. 67–104.

² Здесь и ниже выделено нами.

При таком кошмаре, нависшем над Китаем, введение в нем реформ может иметь шансы на успех лишь в том случае, если они исходят от трона; *партия «Молодого Китая»* и была основана с целью побудить трон изменить это пагубное положение дел. Рассчитывая, что пекинские власти благодаря своему более широкому общению с иностранцами приобрели кое-какие представления о европейских порядках, я решился, вместе с другими, обратиться к ним, умоляя их самым почтительным образом сделать шаг в этом направлении ради блага Китая. Наши ходатайства имели, однако, лишь один результат: многие из петиционеров были подвергнуты суровым наказаниям. <...>

Обжегшись на мирных средствах, мы стали определеннее в наших идеях и требованиях и постепенно пришли к убеждению, что для успеха дела неизбежно прибегнуть к некоторой доле принудительности. Мы находили поддержку всюду. Высшие классы были недовольны неудачами нашей армии и флота и отлично понимали, что причиною этих неудач были продажность и хищения в самых худших формах. Это чувство недовольства не ограничилось какою-либо одной местностью, но было широко распространено, шло далеко вглубь и обещало найти себе определенное выражение в решительных действиях.

Главная квартира *партии «Молодого Китая»* была в сущности в Шанхае; но местом действия назначен был Гуанчжоу.

Некоторые обстоятельства помогли успеху партии.

Во-первых, недовольство солдат. С окончанием в 1895 году войны на севере три четверти гуанчжоуских войск были распущены. Это выкинуло на улицу огромное количество праздных, распущенных людей, причем меньшинство оставшихся на службе были так же недовольны, как и распущенные. Их общий крик был: либо всех распускайте, либо всех оставьте на службе! Но власти были глухи ко всем крикам. *Партия реформы* успела заручиться симпатиями этих недовольных и таким образом значительно увеличила численно свои военные средства. <...> Недовольные сделались еще недовольнее, и, когда *партия «Молодого Китая»* сделала первые шаги к сближению, они охотно присоединились к приверженцам реформ. <...> И богатые люди, и «ученые» оказались в числе недовольных и тоже примкнули к *«Молодому Китаю»*.

Все эти обстоятельства доставили партии большую силу, широкое влияние и значительно сплотили ее, но вместе с тем привели все дело слишком скоро к развязке. План состоял в том, чтобы овладеть городом Гуанчжоу и низложить существующие власти, захватив их врасплох и по возможности без шума или по крайней мере без кровопролития.¹

¹ Сунь Ятсен. Избранные произведения. Т. 1. С. 69–73.

Но спустя 20 лет Сунь Ятсен опроверг свои собственные слова, приведенные выше:

С первого года Республики литераторы и ученые разных стран создали не менее тысячи разнообразных работ о китайской революции. Характерно, что большинство их представляет собой пересказ сведений, услышанных от посторонних лиц: авторы, за редким исключением, не имели возможности ознакомиться с подлинными фактами революции. Особенно это касается ее начального периода, описывая который авторы, как правило, вынуждены были заимствовать факты лишь из первой главы моих «Записок о лондонских злоключениях». Однако события в ней изложены весьма схематично и кратко, двадцать с лишним лет назад победа революции в Китае представлялась еще весьма проблематичной, и, хотя я в то время находился в столице Англии, мне все же приходилось о многом умалчивать. Так, я не смел признаться, что являюсь основателем «Союза возрождения Китая», что основная задача Союза — свержение маньчжурской династии. Сейчас я специально оговариваю это в интересах установления истины.¹

Перед нами — один из тех редких случаев, когда Сунь Ятсен во всеуслышание признавал, что сказал или написал неправду. Но когда он отклонился от истины — в «Записках» или в «Учении Сунь Ятсена»? Это отнюдь не праздный вопрос, потому что вторая версия его ранней революционной деятельности далека от объективного изложения бесспорных фактов.

Сунь Ятсен признавался, что во время своего пребывания в Лондоне ему «приходилось о многом умалчивать», к чему его побуждали обстоятельства. Тогда он, по его словам, умалчивал об одном, а в 1918 г., в чем нам нетрудно убедиться самим, счел нужным умолчать о другом — в частности, о своем послании Ли Хунчжану, утверждая при этом: «Лишь в 1885 году, после поражения Китая в войне с Францией, я твердо решил бороться за свержение Цинской династии и установление Республики»².

Утверждение, что основной задачей Союза возрождения Китая было свержение маньчжурской династии, также не соответствует действительности. В «Декларации Союза возрождения Китая» говорилось:

Уже не первый день ржа разъедает Китай! Верхи погрязли в косности и бесчестии, выдают пороки за добродетели, преисполнены чванства и кичливости; низы пребывают в темноте и невежестве, и редкий способен проникать мыслью в будущее. После недавнего позора, покрывшего нашу

¹ Сунь Ятсен. Избранные произведения. С. 256–257.

² Там же. С. 257.

страну, и разгрома, постигшего армию, враг отторг вассальные владения и угрожает рубежам отечества. Некогда величественному Китайскому Государству нет достойного места среди соседних держав, а культура и обычаи наши снискали презрение иноплеменников. Может ли это не вселять тревогу в сердца мужей чести? А ведь с нашим 400-миллионным огромным населением, с нашей необъятной землей в десятки тысяч ли Китай, несомненно, мог бы расправить крылья и гордо стоять, не зная себе равных в мире. Однако презренные рабы навлекли на родину такую беду, причиняют народу такой вред, что, единожды оступившись, мы не можем воспрянуть. Ныне сильные соседи окружили страну; они смотрят на нас глазами тигра, нацелились, словно ястреб, на добычу, с вожделем зарятся на наши рудные богатства, на обилие производимых у нас продуктов. И если до сих пор они, подобно червям, объедали нашу землю, как акулы, глотали кусок за куском, то теперь готовы разрезать Китай, как тыкву, разделить на доли, как бобы. Всякий, в чьей груди бьется честное сердце, не может сдерживать крика боли и спешит избавить наш народ от страшных бедствий, поддержать наш великий Китай и не дать ему пасть окончательно. Вот почему собираемся мы в «Союз», чтобы возродить Китай, вот для чего объединяем талантливых и мужественных, чтобы совместно прийти к нему на помощь, избавить его от страданий и утвердить наше Китайское Государство. Мы надеемся, что единомышленники не пощадят своих сил ради этой великой цели!¹

Современные исследователи согласны с тем, что «Декларация», ратуя за превращение Китая в сильное государство, вовсе не призывала к свержению маньчжурской династии.²

Еще один спорный вопрос заключается в том, что в первом случае Сунь Ятсен говорил о «партии Молодого Китая» и не упоминал о Союзе возрождения Китая, а во втором всё было наоборот. Означало ли это, что «партия Молодого Китая» и Союз возрождения Китая — одна и та же организация?

«Избранным произведениям» Сунь Ятсена были предпосланы вступительная статья С. Л. Тихвинского и предисловие от редакции, в котором, в частности, говорилось: «Для облегчения чтения произведений Сунь Ятсена редакция сочла необходимым дать краткие примечания о встречающихся в тексте собственных именах, исторических событиях, китайских философских терминах и т. д., не упоминаемых во вводной статье».³

¹ Сунь Ятсен. Избранные произведения. С. 64–65.

² Подробно см.: 黄彦 С. 63–65.

³ Сунь Ятсен. Избранные произведения. С. 42.

Во вводной статье ничего не говорилось о «партии Молодого Китая», но и какого-либо примечания, поясняющего, что это была за партия, в публикации также нет.

Другими словами говоря, читателю было предоставлено право самому решить, чему верить: сказанному Сунь Ятсеном в 1897 г. или 20 лет спустя.

Ответить на вопрос, какому из двух этих описаний отдать предпочтение, отечественный читатель мог бы, если бы имел возможность обратиться к переводу соответствующего раздела воспоминаний Сунь Ятсена на китайский язык, осуществленному Гань Юнлуном в 1912 г.¹ и позднее включенному в «Полное собрание сочинений Сунь Ятсена». При первом упоминании «Young China» party переводчик пояснил в скобках: 少年

中国党 (按即兴中会) «Партия Молодого Китая (т. е. Союз возрождения Китая)».²

Составители «Полного собрания сочинений Сунь Ятсена» не были согласны с этой точкой зрения, о чем и сообщили читателю в примечании к тексту. Однако редактор издания «Сунь Ятсен. Мои воспоминания», увидевшего свет в 2004 г., остался на позициях первого перевода, учитывая, по-видимому, тот факт, что ближайшие соратники Сунь Ятсена (в том числе Цзоу Лу и Ху Ханьминь) поддерживали версию, отождествляющую «Young China» party с Союзом возрождения Китая³.

Еще один неясный момент. По словам Сунь Ятсена, он не

50 孙中山全集 第一卷

使姓名喧腾于英人之口,实始于是地。

当一千八百八十六年时,予学医于广州之英美传道会,主政者为名医学博士 (Dr. Kerr)。次年,随香港创立医科大学,遂决计赴香港肄业。阅五年而毕业,得医学博士学位。

澳门一埠,其隶属于葡国者盖三百六十年矣。顺政柄虽属华人,而居民多称华裔,即其自称为葡人者亦大半为本地之欧亚杂种也。

予既卜居于澳门,澳门中国医局之华董所以提携而提携之者无所不至,除给予医室及病房外,更为予购置药材及器械于伦敦。

此事有大可注意者一端,则自中国有医局以来,其主事之官绅对于西医从未尝为正式之提倡,有之,自澳门始。予既任事于医局,求治者颇众,而尤以外科为繁。然亚东之闭塞,消息未通,而欧西之妙法已起而相迫。盖葡人宪律,凡行医于葡境内者必须持有葡国文凭,澳门葡医以此相禁,始则禁阻予不得为葡人治病,继则令药房见有他国医生所定药方,不得为之配合。以是之故,而予医业之进行顿遭顿挫,虽极力运动,终归无效。既予赴澳之初,并不料其有是,资本损失为数不少,旋即徙居广州焉。

予在澳门,始知有一种政治运动,其宗旨在改造中国,故可名之为少年中国党 (按即兴中会)。其党有见于中国之政体不合于时势之所需,故欲以和平之手段,渐进之方法请愿于朝廷,俾倡行新政。其最要者,则在改行立宪政体,以为专制及腐败政治之代。予当时不禁深表同情,而投身为党员,盖自信固为国民福祉也。

至中国现行之政治,可以数语概括之曰:无论为朝廷之事,为国民之事,甚至为地方之事,百姓均无发言或闻之权;其身为民

① 葡文文本,原文为“*Young China*” party,意为“少年中国”党。但译者在这篇关于少年中国党与兴中会等词混用,又在下文多次直接称兴中会,是不妥当的。

Переводчик воспоминаний Сунь Ятсена поставил знак равенства между «Young China» party и Союзом возрождения Китая

¹ 孙大总统自述伦敦被难记 (Записки о злключениях в Лондоне, изложенные президентом Сунь Ятсеном). Шанхай. 1912.

² 孙中山全集 (Полное собрание сочинений Сунь Ятсена). Т. 1. С. 50.

³ 孙中山. 我的回忆 (Сунь Ятсен. Мои воспоминания). Ухань. 2004. С. 19.

упомянул в своих воспоминаниях о том, что был основателем Союза возрождения Китая потому, что считал это небезопасным в условиях, когда победа революции представлялась еще весьма проблематичной. Но этим никак нельзя объяснить, почему он утверждал в «Записках», что «главная квартира партии “Молодого Китая” была в сущности в Шанхае», хотя сам он в то время в Шанхае не находился.

Чэнь Сяопин предлагает ответ на эти вопросы

Именно это обстоятельство побудило профессора Чэнь Сяопина заняться более детальным изучением истории создания Союза. В 2014 г. было опубликовано его исследование, в котором он пришел к выводу, что создателем Союза был не Сунь Ятсен, а уже известный читателю реформатор Чжэн Гуаньин.¹

С Чжэн Гуаньином Сунь Ятсена познакомил его близкий друг Лу Хаодун, отец которого был компаньоном Чжэна. Летом 1893 г. д-р Сунь часто встречался со своим новым знакомым — в Макао,

куда приезжал Чжэн Гуаньин, и в Шанхае, где он постоянно жил.²

Лу Хаодун
(1868–1895)

Чжэн Гуаньин со своей семьей

В результате этих встреч Чжэн Гуаньин включил статью Сунь Ятсена в первое издание своего сочинения «Призыв к процветанию» и рассказал там об опытах по разведению опиумного мака, предпринимавшихся ее автором.

Но во втором издании книги, представленном императору Гуансюю 20 апреля 1895 г.

¹ 陈晓平. 郑观应创造了兴中会? (Чэнь Сяопин. Союз возрождения Китая был основан Чжэн Гуаньином?) // Наньфан чжоумо, 24 января 2014 г.

² 郑观应年谱长编 (Хронологическая канва жизни и деятельности Чжэн Гуаньина). Т. 1. Шанхай. 2009. С. 348.

Обложка
«Призыва к процветанию»
(второе издание)

и получившем высочайшее одобрение, Чжэн Гуаньин снял упоминание имени Сунь Ятсена, заменив его абзацем: «Ныне на востоке провинции Гуандун есть некто, практикующий западную медицину».¹

Что же произошло? Почему Чжэн Гуаньин, активно способствовавший организации встречи Сунь Ятсена с Ли Хунчжаном, не воспользовался редкой возможностью упомянуть о своем протекже, обращаясь прямо к императору?

Более того, Чжэн Жуньшэнь (сын Чжэн Гуаньина) сообщил интервьюеру, что его отец иногда одалживал Сунь Ятсену деньги, получая от него расписки, но потом уничтожил их все вместе с письмами д-ра Суня.²

Размышляя над этим, Чэнь Сяопин обратил внимание на то, что после возвращения весной 1895 г. с Гавайев Сунь Ятсен послал Чэнь Шаобая к Чжэн Гуаньину, и они вели в Шанхае длительные переговоры. О чем тогда шла речь, неизвестно. Но Чэнь Сяопин предположил, что поездка Чэнь Шаобая была связана с тем, о чем писал Сунь Ятсен: «Мы стали определеннее в наших идеях и требованиях и постепенно пришли к убеждению, что для успеха неизбежно прибегнуть к некоторой доле принудительности». Это и было началом решительных расхождений с Чжэн Гуаньином, принципиально не признававшим насильственных способов преобразования существующего строя.

В связи с этим встает вопрос: какого рода организации были созданы им в 1894 г. на Гавайях и в 1895 г. в Гонконге и в Кантоне?

На Гавайях, в Гонконге и Иокोगае

Если встать на изложенную выше нетрадиционную точку зрения, то есть основания предположить, что в 1894 г. на Гавайях Сунь Ятсен создал не Союз возрождения Китая, а его местный филиал, по своей про-

¹ Второе издание «Призыва к процветанию» хранится ныне в пекинском музее Гугун.

² 郑观应年谱长编 (Хронологическая канва жизни и деятельности Чжэн Гуаньина). Шанхай. 2009. С. 384.

грамме продолжавший линию шанхайской штаб-квартиры и делавший ставку не на насильственное свержение маньчжурского правительства, а, как и прежде, на умеренные реформы.

На первый взгляд этот вывод может быть опровергнут содержанием клятвы, которую, как полагают, давали на Гавайях вступающие в Союз. Они клали левую руку на раскрытую Библию, поднимали вверх другую и произносили:

[Мы клянемся] изгнать варваров, восстановить Китай, создать республиканское правительство, а если изменим [своему слову], пусть святые духи покарают нас!

У нас нет оснований подвергать сомнению подлинность текста этой клятвы, но мы вправе задать вопрос: был ли он составлен в 1894 г. на Гавайях или же появился на более позднем этапе истории Союза?

В пользу второго предположения говорит тот упомянутый выше факт, что в «Декларации [гавайского филиала] Союза возрождения Китая» речь о свержении маньчжурского правительства вооруженным путем не шла.

О том, что это был именно филиал «Союза», свидетельствует, на наш взгляд, следующий факт. На его учредительном собрании руководителем был избран вовсе не Сунь Ятсен, а некто Лю Сян, заместителем которого стал Хэ Куань¹. Ни тот ни другой в деятельности Союза заметной роли не сыграли (Лю Сян вскоре вышел из него).

Создание гавайского филиала Союза, как и учреждение аналогичной организации, например, в Иокогаме², было незначительным событием в истории Союза, и именно поэтому Сунь Ятсен не упоминал в своих воспоминаниях ни о том ни о другом.

В феврале 1895 г. произошла реорганизация Союза в результате его слияния с руководимым Ян Цюйюнем обществом Фужэнь вэньшэ.

興中會誓詞
驅除韃虜恢復中國
建立合衆政府
尙有
熱心
神明鑒察

Текст клятвы вступающего
в Союз возрождения Китая

¹ Schiffrin H. Sun Yatsen and the Origines of the Chinese Revolution. Berkeley and Los Angeles. 1968. P. 51.

² Ibid. P. 100, 102.

**Ян Цюйюнь
(1861–1901)**

Ян Цюйюнь — незаслуженно забытый политический деятель Китая, сыгравший существенную роль в истории китайской революции. Именно он, а не Сунь Ятсен, был первым, выдвинувшим лозунг низвержения маньчжурской династии и учреждения в Китае республики.

Обновленный Союз возрождения Китая сохранил свое прежнее название, но принял новую платформу; разногласий по этому поводу не возникало. Ожесточенные споры начались по другому вопросу: кому — Сунь Ятсену или Ян Цюйюню — надлежало возглавить организацию и, соответственно, стать президентом республики после победы революции.

О накале страстей говорит хотя бы тот факт, что верный последователь д-ра Суня Чжэн Шилиан предложил физически устранить Ян Цюйюня.¹ До кровопролития дело не дошло, но консенсус не был достигнут. В конце концов верх одержал Ян Цюйюнь, и Сунь Ятсену пришлось проглотить пилюлю.

Ян Цюйюнь оставался руководителем Союза вплоть до 1900 г. Зримым свидетельством тому является снимок, сделанный в 1898 г. в Японии, где после неудачи Кантонского восстания оказались загнорщики.

На этой фотографии Ян Цюйюнь (в первом ряду второй справа) сидит рядом с основателем общества Кокурюкай, а Сунь Ятсен скромно стоит за их спиной.

**Ян Цюйюнь и Сунь Ятсен с японскими
коллегами**

¹ Чэнь Шаобай. Краткая история революционной деятельности Общества возрождения Китая. С. 38.

Спустя много лет Чан Кайши, которому попала на глаза эта фотография, готов был заплатить баснословную сумму за негатив, чтобы уничтожить его.¹

Стоять за спиной сидящего лидера Отцу Государства не подобало.

Кантонское восстание

Первым вооруженным выступлением Союза возрождения Китая против маньчжурского правительства стало восстание в Кантоне. О том, как оно готовилось, мы сегодня можем судить на основании весьма разнообразных источников — воспоминаний Сунь Ятсена, Чэнь Шаобая и видного деятеля Союза Се Цзуаньтая², донесений консула в Гонконге Б.Бренона, публикаций английских журналистов — корреспондентов газет «Hongkong Telegraph», «China Mail» и «Overland China Mail» (приложения к «China Mail»).

Хара Кэй (1856–1921)

В 1984 г. к ним добавилась публикация двух документов из архива Хары Кэя, бывшего в то время заместителем министра иностранных дел Японии, — донесений аккредитованного в Гонконге консула Накагавы Цунэдзиро³. В них упоминались столь неожиданные факты, что эти документы были тут же переведены на китайский язык и опубликованы⁴, хотя все же так и не вызвали должной реакции исследователей, так как их и в самом деле трудно комментировать.

¹ 蒋介石100万大洋封杀一张照片(Чан Кайши был готов заплатить миллион долларов за одну фотографию для того, чтобы уничтожить ее) // https://www.360kuai.com/pc/9394fb1869d653b65?cota=3&kuai_so=1&sign=360_57c3bbd1&refer_scene=so_1.

² О нем см., в частности: 張佩貞。謝纘泰研究 (Чжан Пэйчжэнь. Исследование [жизни и деятельности] Се Цзуаньтая). Магистерская диссертация. Гонконгский университет. 1997.

³ 原敬关系文书 (Документы из архива Хары Кэя). Т. 2. Переписка. Токио. 1984. С. 392–393, 395–396.

⁴ 中川恒次郎报告孙中山革命活动的信 (Донесения Накагава Цунэдзиро о революционной деятельности Сунь Ятсена) // Лиши даньань. 1986. № 3.

Комбинация насильственных и мирных средств

1 марта 1895 г. японского консула Накагава посетил Сунь Ятсен.

Встреча началась с курьеза. Сунь Ятсен отрекомендовался: «Я — врач западной медицины, моя фамилия Сунь, зовут меня Вэнь» (孙名文 *Сунь мин Вэнь*). Японец, по-видимому, не слишком хорошо владевший китайским языком, счел, что посетителя зовут Сунь Минвэнь, о чем и сообщил в Токио, — явное свидетельство того, что в то время имя Сунь Ятсена было еще совершенно неизвестно широкой аудитории.

Накагава написал Харе, что «Сун Минвэнь» был примерно одного с ним возраста, знал английский язык и «кажется, был христианином». Он поделился с консулом конфиденциальной информацией: в Китае готовится восстание с целью свержения правительства и он — один из руководителей заговора. А на вопрос о том, что за организация стоит за этим, ответил буквально следующее:

Наша партия называется «Союз возрождения Китая», в ней состоят также члены тайных обществ, но сколько всего человек она объединяет, сказать трудно <...>.

Во главе — уроженец Хайнаня провинции Гуандун Кан Цзучжи (конфуцианец, произведения его запрещены), бывший консул в Кобэ У (официального имени его не знаю, а второе имя Ханьтао), сын Цзэн Цзицзэ, всего четыре человека. Однако, кто будет президентом после успешного завершения [восстания], пока еще не решено.¹

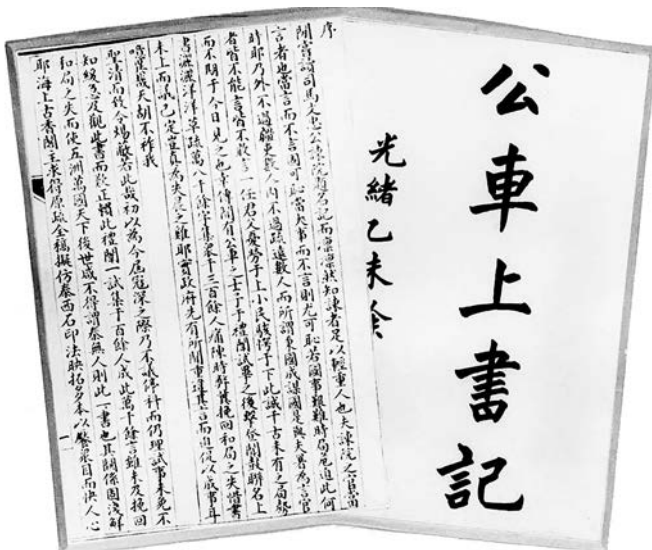
Кан Ювэй (1858–1927)

Под «сыном Цзэн Цзицзэ» Сунь Ятсен имел в виду Цзэн Ганцзюня — внука известного сановника, палача Тайпинского восстания Цзэн Гофаня. Насколько известно, он никогда не состоял членом Союза. И уж тем более непонятно, как руководителем этой организации мог оказаться «конфуцианец с острова Ханьнань», один из самых известных китайских реформаторов Кан Цзучжи — Кан Ювэй².

Можно, разумеется, предположить, что в преддверии восстания Сунь Ятсен умыш-

¹ Документы из архива Хары Кэя. Т. 2. С. 392–393.

² То ли Сунь Ятсен, то ли Накагава допустили ошибку: Кан Ювэй был уроженцем не о-ва Хайнань, а уезда Наньхай.

Текст петиции Кан Ювэя

ленно наводил тень на плетень. Но некоторые обстоятельства делают более предпочтительным иное объяснение.

Как раз в то время, когда Сунь Ятсен встречался с Накагавой, в Шанхае по его распоряжению Чэнь Шаобай нанес визит Кан Ювэю и рассказал ему о далеко идущих планах Союза. Беседа, в которой принимал участие Лян Цичао, продолжалась несколько часов. По словам Чэнь Шаобая, Кан Ювэй положительно реагировал на услышанное.¹ Не исключено, что получив от Чэнь Шаобая сообщение об этом, Сунь Ятсен истолковал происшедшее как согласие Кан Ювэя присоединиться к выступлению Союза и, опережая события, сообщил об этом японскому консулу.

Однако Кан Ювэй предпочел идти своим путем. В мае 1895 г. он представил императору Гуансюю свою петицию с предложением радикальных реформ.

Замысел восстания был необычен. По словам Сунь Ятсена, «план состоял в том, чтобы овладеть городом Гуанчжоу и низложить существующие власти, захватив их врасплох и по возможности без шума или *по крайней мере без кровопролития*» (здесь и ниже выделено нами. — В.К., М.К.).²

¹ Чэнь Шаобай. Краткая история революционной деятельности Общества возрождения Китая. С. 63.

² Сунь Ятсен. Избранные произведения. С. 73.

Помимо Кан Ювэя, готовя выступление, Союз постарался привлечь к разработке своих планов других известных реформаторов, в том числе бывшего наставника д-ра Суня Хэ Ци, и преуспел в этом.

Хэ Ци был посвящен в планы кантонской акции за полгода до начала восстания — в марте 1895 г.¹ Он посещал тайные встречи руководителей Союза, и именно благодаря его усилиям намерения заговорщиков обрели поддержку со стороны гонконгских англоязычных средств массовой информации.

Вскоре в газете «China Mail» появился вполне определенный намек на готовившееся выступление:

Намерение *революционеров*, не принадлежащих к тайным обществам и объединенных исключительно желанием *реформировать* правительство <...>, заключается в том, чтобы осуществить переворот *по возможности мирными средствами*.²

За этим последовало более детальное изложение целей восстания, свидетельствующее о том, что в этом отношении среди членов Союза и сочувствующих не было единства взглядов: маньчжурская династия будет свергнута и «нелепые косы, сами по себе являющиеся символом рабства, исчезнут», однако «*учреждение республики не предполагается*» и «центральное правительство, по мысли *реформаторов*, будет представлено императором и тремя государственными министрами».³

29 августа на совещании руководителей Союза Хэ Ци выступал в дискуссии о будущем «Временном правительстве», а журналист «China Mail» Томас Рэйд там же обещал приложить все силы к тому, чтобы заговорщики могли заручиться симпатией и поддержкой народа и правительства Великобритании⁴. Но ни он, ни другой журналист Чесни Дункан из газеты «Hongkong Telegraph» в этом не преуспели: последний получил от колониальной администрации официальный реприманд за свои попытки восстановить рядовых китайцев против «дружественного» правительства.⁵

Наконец, буквально накануне восстания в гонконгской прессе появилось упоминание о том, что опубликованный Хэ Ци памфлет вызвал оживленную реакцию читающей публики, в результате чего «поползли

¹ *Tse Tsan Tai*. The Chinese Republic: Secret History of the Revolution. Hong Kong. 1924. P. 9.

² China Mail, March 12, 1895.

³ Overland China Mail, March 20, 1895.

⁴ *Tse Tsan Tai*. The Chinese Republic: Secret History of the Revolution. P. 9.

⁵ Ibid.

слухи о грядущем *насильственном перевороте* с целью свержения династии и принятия новой конституции *в духе, предложенном д-ром Хэ*».¹

Анализируя эти сообщения, Г. Шифрин пришел к выводу, что «по всей вероятности, Хэ Ци оказал влияние на Сунь Ятсена и Ян Цюйюня, убедив их отказаться от цели провозглашения республики или во всяком случае скрыть ее от иностранного сообщества, которое могло быть обеспокоено более радикальной программой».²

В этой связи возникает один не вполне ясный вопрос о том, какова была подоплека создания Сунь Ятсеном летом 1895 г. Агрономического общества. В его декларации фигурировали идеи, уже высказывавшиеся Сунь Ятсеном ранее, — важность просвещения, необходимость перенять у Запада передовую технику сельского хозяйства и т. д.

Шифрин считал, что это была своего рода вывеска, которая должна была замаскировать истинные цели революционеров.³ Однако в свете всего вышесказанного не исключено, что, готовя вооруженное выступление в Кантоне, Сунь Ятсен в то же время продолжал свои штудии в области сельского хозяйства, которые должны были расчистить путь к преобразованию Китая.

Еще одна деталь. Накануне Кантонского восстания Сунь Ятсен обратился за помощью к своему земляку Лю Сюэсюню, разбогатевшему на темных финансовых операциях.

Рассказывая в 1931 г. об общении с Сунь Ятсеном, Лю Сюэсюнь сообщил интервьюеру, что они встретились после длительной разлуки и д-р Сунь посвятил собеседника в планы выступления в Кантоне. Лю Сюэсюнь отнюдь не был воодушевлен этой перспективой, заметив, что до подписания мирного договора в Симоносеки еще можно было бы рассчитывать на успех, а сейчас шанс окончательно упущен. Тем не менее Сунь Ятсен вдруг сделал Лю Сюэсюню неожиданное предложение: «А что вы скажете, если я выдвину вас в руководители нашего движения?»

Лю Сюэсюнь вежливо отказался, а Сунь Ятсен завершил разговор словами: «И всё-таки подумайте об этом!»⁴

¹ Overland China Mail, October 16, 1895.

² Schiffrin H. Sun Yat-sen and the Origins of the Chinese Revolution. P. 77.

³ Ibid. P. 63.

⁴ 苑书义. 评鲜为人知的《总理事实访问记》兼论孙中山与刘学询的关系 (Юань Шуи. По поводу малоизвестного «Интервью о некоторых фактах из жизни вождя» и о взаимоотношениях Сунь Ятсена с Лю Сюэсюнем) // Чжунго цзиньдайши. 2007. № 11. С. 139–140.

Заграница нам поможет

В ходе подготовки к восстанию в Кантоне Сунь Ятсен впервые прибег к стратегическому приему, ставшему впоследствии неотъемлемым элементом его революционной деятельности. По его убеждению, любая силовая акция, направленная на изменение существующего строя, может быть успешной лишь в том случае, если она опирается не только на моральную, но и на материальную поддержку из-за рубежа.

В отличие от подачи петиций, вооруженные выступления против властей требовали больших средств на приобретение оружия и боеприпасов. Отчасти эту проблему можно было решить за счет пожертвований китайских иммигрантов за рубежом, и Сунь Ятсен, понимая это, приложил немало усилий к сбору средств среди своих соотечественников. Насколько можно судить по Уставу гавайского филиала Союза возрождения Китая, именно это было одной из главных обязанностей его членов (из 9 пунктов Устава 3 имели отношение к финансовым вопросам¹). Незадолго до начала восстания несколько членов Союза распродали свое недвижимое имущество. Но их добровольные даяния все же не могли решить проблему. Поэтому Сунь Ятсен был первым среди китайских революционеров, кто принял неординарное решение — обратиться за помощью к правительствам зарубежных стран.

Первая попытка в этом направлении была предпринята Сунь Ятсеном 1 марта 1895 г. во время его визита к японскому консулу в Гонконге.

Накагава сообщил в Токио, что «Сунь Минвэнь» с ходу поинтересовался, может ли Япония предоставить заговорщикам 25 000 ружей и 1 000 револьверов.

В ответ консул заявил, что подобные вопросы не входят в круг его обязанностей, поскольку он занимается исключительно проблемами торговли и не вмешивается в политику, добавив многозначительно: «Однако ваши намерения заслуживают поощрения».²

Слова Накагавы были восприняты руководителями Союза как положительный ответ дипломата на изложенную ему просьбу. 16 марта Се Цзуаньтай записал в дневнике:

Через японского консула мы заручились неофициальной поддержкой правительства Японии.³

¹ 檀香山兴中会章程 (Устав гавайского Союза возрождения Китая) // ПССС. Т. 1. С. 19–20.

² Накагава — Харе, 4 марта 1895 г. // Документы из архива Хары Кэя. Т. 2. С. 392.

³ *Tse Tsan Tai. The Chinese Republic: Secret History of the Revolution. Hongkong. 1924. P. 21.*

Но в действительности консул писал Харе:

В наши дни образованные китайцы, которые знакомы с ситуацией в мире, крайне недовольны действиями своего правительства, в особенности коррупцией. Однако требования этих деятелей сомнительны, а среди их руководителей нет выдающихся личностей, обладающих опытом и пользующихся авторитетом. К тому же они разобщены. Поэтому даже если ими разработаны планы и методы, нет уверенности в том, смогут ли они добиться успеха. С давних времен выступления крестьян в Китае постепенно перерастали в восстания, но после их начала никогда не было уверенности, чем они закончатся.

Тем более — такие молодые люди, как Сунь Минвэнь! Он неопытен, и на него трудно положиться.

Но всё же эти люди в самом деле крайне недовольны правительством и взяточничеством наместника-китайца Ли Ханьчжана¹. Кроме того, хотя член конституционного совета Хэ Ци выступает против нашего вмешательства, другие надеются на то, что наша страна окажет им помощь. <...>

Общий вывод, к которому пришел Накагава:

Китайская армия сосредоточена на Севере, где она оказывает сопротивление нам, а если эти люди поднимут восстание на Юге, [для китайского правительства] оно будет ударом в спину. Это один из способов ослабить его силы!²

После этого Сунь Ятсен несколько раз навещал консула, напоминая ему, что китайские революционеры рассчитывают на помощь со стороны Японии и уже транспортируют оружие из Макао в Кантон.

«Однако он не посвятил меня в их внутренние дела и не сообщил даже численность их организации», — добавлял Накагава. По его словам, у него было такое ощущение, что, слушая Сунь Ятсена, он словно читает роман «Речные заводы». Поэтому общий вывод был весьма неутешителен для заговорщиков:

Объявление провинциями Гуандун и Гуанси независимости и создание республики, о чем говорит Сунь Минвэнь, — это всего лишь неосуществимые мечты!³

План создания пятой колонны в тылу китайских войск несколько запоздал. Исход войны был предрешен, и японское правительство утратило интерес к обсуждению вопроса об оказании помощи южнокитайским повстанцам.

¹ Наместник провинций Гуандун и Гуанси Ли Ханьчжан (старший брат Ли Хунчжана) был смещен с должности 14 апреля 1895 г.

² Накагава — Харе, 4 марта 1895 г. // Документы из архива Хары Кэя. Т. 2. С. 393.

³ Накагава — Харе, 17 апреля 1895 г. // Там же. С. 395–396.

Потерпев неудачу, Сунь Ятсен попробовал обратиться с аналогичной просьбой к германскому генеральному консулу в Гонконге д-ру Кнаппе¹, но безрезультатно.

Тем не менее было решено начать действовать.

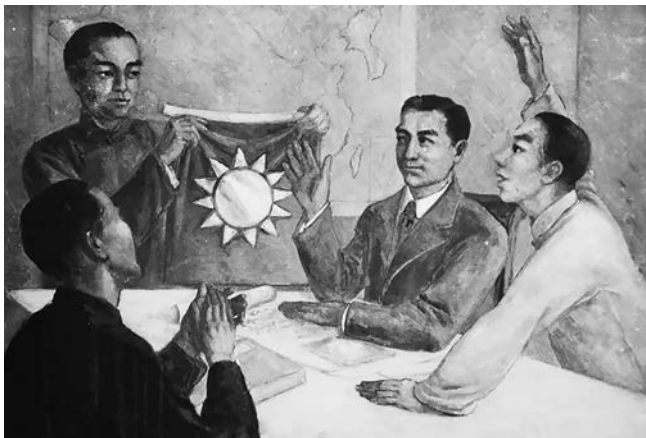
Восстание терпит поражение, еще не начавшись

В последний момент по эскизному рисунку Лу Хаодуна было изготовлено знамя — белое солнце на фоне синего неба.

Рассказывая о том, как развивались дальнейшие события, Сунь Ятсен писал:

Чтобы покончить дело одним ударом, сочтено было необходимым употребить подавляющую силу. Согласно этому два отряда были пущены в дело: один — из Сватоу, другой — с берегов Западной реки <...>.

Было условлено, что в известный день в октябре 1895 г. эти отряды направятся к Гуанчжоу, один — с юго-запада, другой — с северо-востока. Всё шло хорошо, и отряды начали наступление. Комитет приверженцев реформ то и дело собирался для обсуждения дел; в главной квартире был образован склад оружия, боевых припасов и динамита. Отряды солдат, шедших к Гуанчжоу, должны были быть подкреплены четырьмя сотнями человек из Сянгана. Наконец, наступил канун назначенного дня. Южный отряд был приостановлен в четырех часах марша от города. Стража в сто

Лу Хаодун демонстрирует знамя восстания

¹ MacDonald to Salisbury, October 19, 1895 // Public Record Office, Colonial Office Records. 129/274.

человек в полном вооружении поставлена была вокруг помещения комитета. Около тридцати скороходов были разосланы ко всем недовольным города с предупреждением быть готовыми к действию на следующее утро.¹

Чэнь Шаобай вспоминал впоследствии, что в это утро 26 октября он поднялся еще до рассвета и поспешил в комитет. Сунь Ятсена там еще не было. Все с нетерпением ждали сообщений. Судно из Гонконга должно было пришвартоваться в 6 часов, но пробило 8, а никаких новостей не поступало. Наконец появился Сунь Ятсен, у него в руках была телеграмма. Ян Цюйюнь сообщал из Гонконга: «Товар не может быть доставлен».²

Всё предприятие было расстроено. Воротить разосланных скороходов было невозможно, а найти других, знающих квартиры недовольных, было негде.

Дальнейшие известия показывали всё яснее и яснее невозможность продолжать дело, и вот, наконец, поднялся крик: «Спасайся кто может!» Распространилась паника, жглись бумаги, пряталось оружие, в Сянган полетели телеграммы, останавливающие выступление тамошнего контингента.

Но первая телеграмма достигла сянганского агента, когда все наши люди были уже на пароходе, который вез также несколько бочонков с револьверами.

Вместо того чтобы отозвать людей, агент оставил их продолжать путь, и они высадились на гуанчжоуской пристани затем только, чтобы немедленно быть арестованными. Предводители восстания бежали кто куда.³

Сунь Ятсен добавлял:

Сам я, попадая несколько раз в положения, в которых судьба моя висела на волоске, сел, наконец, на паровой баркас, который и доставил меня в Аомынь. Пробыв там сутки, я отправился в Сянган. <...> Через два дня я сел на японский пароход и высадился в Кобэ.⁴

В отличие от других, Лу Хаодун не покинул Кантон, а остался в городе, чтобы оказать помощь товарищам.

Он был арестован, но отказался выдать своих соратников, и его казнили 7 ноября 1895 г.

¹ Сунь Ятсен. Избранные произведения. С. 74.

² Чэнь Шаобай. Краткая история революционной деятельности Союза возрождения Китая. С. 39.

³ Сунь Ятсен. Избранные произведения. С. 74.

⁴ Там же. С. 74–75.

報叢海鏡

第 六 十 第 卷 印 刊 報 南 華 報 在 街 路 正 門 下 發 日 三 拜 禮

按月還清收

每月收銀三毫

日六初月一十年五拾九百八千壹紀西 年三第報新 日十二月九年一十緒光緒大

目錄

新書照錄
自唐伊

上通泰銀
我徽磁衣
膠吊風微

華京口賦
臨城熱鬧
死灰復燃

火油時價
駟風料新

電氣風信
要一覽登

[illegible]

В сообщении газеты «Цзинхай цунбао» о неудаче Кантонского восстания давалась положительная оценка деятельности Сунь Ятсена

Тем временем спасшиеся руководители Союза занялись взаимными обвинениями в виновности за неудачу восстания.

Сунь Ятсен во всем винил Ян Цюйюня:

Ты захотел стать президентом, я тебе не перечил. Ты сказал, что прибудешь в Кантон последним, я согласился с этим. Почему же ты не прибыл, когда настало время? Потом я послал тебе телеграмму, чтобы

ты не приезжал, а ты через день прислал ни много ни мало 600 человек и всё испортил. Наши планы стали известны, и люди погибли! Ты узнал об этом и сбежал. На что это похоже! Объяснись, иначе я тебе этого не прощу!

Но ближайшие друзья Ян Цюйюня были иного мнения.

Хуан Юншан утверждал, что ответственность за поражение несет Сунь Ятсен, и заявлял, что после всего случившегося он не хочет иметь с ним ничего общего.¹

А Се Цзуаньтай высказывался еще более определенно: «После первой неудачи в Кантоне я понял, что собой представляет Сунь Ятсен, и составил себе представление о его способностях и вообще о нем как человеке».²

Современные историки приходят к выводу, что и Сунь Ятсен, и Ян Цюйюнь допустили в решающий момент серьезные просчеты, приведшие к поражению восстания³

Кантонское восстание потерпело поражение. Но ретировавшиеся из Кантона руководители Союза наконец узнали, как по-китайски следует называть то дело, которому они решили отныне посвятить всю свою жизнь.

Чэнь Шаобай вспоминал:

Прибыв в Кобэ, мы купили японскую газету. Хотя в то время мы не знали японского языка, но понимали смысл отдельных иероглифов. Поэтому в глаза нам бросились знаки 中国革命党孙逸仙 («глава китайской революционной партии Сунь Ятсен»). До этого мы считали, что слово 革命 употребляется только применительно к смене династий, наши же действия следует называть «бунтом». Теперь же, когда на глаза нам попала эта газета, у нас в голове запечатлелись слова 革命党 («революционная партия»)!⁴

Японское слово 革命 *какумэй* ‘революция’ в его китайской огласовке *гэмин* с тех пор прочно вошло в лексикон революционеров.

¹ *Tse Tsan Tai*. The Chinese Republic: Secret History of the Revolution. P. 295.

² *Ibid*. P. 288.

³ См., например: 简婷. 评1895年广州起义中的杨衢云与孙中山 (*Цзянь Тин*. О Ян Цюйюне и Сунь Ятсене во время Кантонского восстания 1895 г.) // Хунань шифань дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао. 2009. № 5. С. 131–134.

⁴ Чэнь Шаобай. Краткая история революционной деятельности Союза возрождения Китая. С. 41.

Глава II

Похищен в Лондоне

Трагические последствия одной досадной оплошности

Эпизод, произошедший с Сунь Ятсеном в английской столице, — один из самых драматических в его биографии. Революционер, за которым следили правительственные сыщики, оказался заточенным в стенах китайского посольства, и только счастливое стечение обстоятельств спасло его от экстрадиции в Китай и мучительной казни.

Портланд Плейс, 49

У Сунь Ятсена была своего рода слабость, преодолеть которую он не мог всю свою жизнь. Он очень любил фотографироваться (причем всегда смотрел прямо в объектив, придав лицу предельно серьезное выражение; снимки, на которых он улыбается, составляют редчайшие исключения).

В Сан-Франциско Сунь Ятсен зашел в первую попавшуюся фотостудию, чтобы запечатлеть себя в необычном облике — с европейской прической, в сюртуке и галстуке. Результат был на редкость удачен, и, давая интервью корреспонденту одной из местных газет, д-р Сунь не удержался и передал одно из своих фото для публикации. С этого начались все последующие неприятности.

Фотография попала в руки сотрудников китайского посольства в США, «государственный преступник Сунь Вэнь» был опознан, и за ним была установлена слежка.

DR. SUN YAT SEN.
Photo by Tuber, San Francisco.

**Сунь Ятсен в Сан-Франциско.
Сентябрь 1896 г.**

18 июля 1896 г. посланник Ян Жу сообщил своему лондонскому коллеге приметы Сунь Ятсена и написал, что в случае, если тот окажется в Англии, его в соответствии с указанием из Пекина следует экстрадировать в Китай.¹

Китайский посланник в Лондоне Гун Чжаоюань подтвердил получение этого сообщения.²

Когда 23 сентября 1896 г. Сунь Ятсен взшел по трапу лайнера «Маджестик», китайский посланник в США Ян Жу немедленно информировал своего коллегу в Лондоне о том, что Сунь Вэнь отбыл в Англию.³

В Лондоне тут же начали готовиться к встрече. Секретарь китайского посольства шотландец Х. Макартни запросил

**Посланник
Ян Жу с членами
своей семьи
у входа в здание
китайской миссии
в Вашингтоне**

¹ Ян Жу — Гун Чжаоюаню, 18 июля 1896 г. // 中华民国开国五十年文献 (50-летие создания Китайской Республики. Документы). Т. 2. Тайбэй. 1964. С. 188.

² Гун Чжаоюань — Ян Жу, 8 августа 1896 г. // Там же. С. 190–191.

³ 罗家伦. 中山先生伦敦蒙难史料考证 (Ло Цзялунь. Исследование материалов о похищении Сунь Ятсена в Лондоне). Шанхай. 1935. С. 16–17.

Форин Офис, сможет ли посольство экстрадировать преступника на родину, но получил отказ, мотивированный тем, что у Китая и Англии нет договора о взаимной выдаче преступников. Тем не менее Макартни нанял детектива из принадлежавшей Г. Слейтеру частной сыскной компании, который должен был следить за всеми действиями Сунь Ятсена с момента его прибытия в Англию и тут же докладывать об этом лично Макартни.

1 октября Слейтер представил Макартни свой первый отчет:

В соответствии с Вашими инструкциями, мы направили одного из наших людей в Ливерпуль, чтобы установить наблюдение за лицом по имени Сунь Вэнь, пассажиром судна «Маджестик» паровой компании Уайт Стар, и имеем честь доложить, что китаец, отвечающий представленному описанию, был замечен спускающимся с трапа указанного судна вчера в 12:00 <...>.

Здесь следует заметить, что имя Сунь Вэнь не зафиксировано в списке пассажиров и что данное лицо прибыло под именем д-ра Сунь Ятсена. <...>

За ним в настоящее время ведется наблюдение, и мы будем надлежащим образом информировать Вас о результатах операции.¹

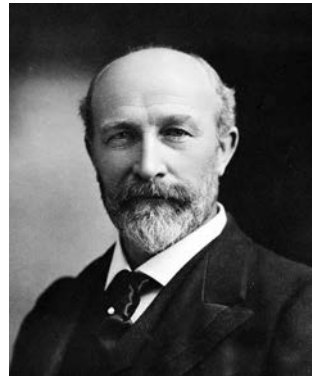
10 октября посланник Гун Чжаоюань телеграфировал в Вашингтон:

Сунь Вэнь уже прибыл в Англию. Однако министерство иностранных дел отказывается арестовывать его ввиду отсутствия договора об экстрадиции преступников. Говорят, что вскоре он отправится во Францию. Пока что наняли человека, который следит за ним.²

По прибытии в Лондон Сунь Ятсен поселился на частной квартире в доме, расположенном в переулке Грэйз-инн Плейс к северу от Трафальгарской площади сравнительно недалеко от того места, где жил его бывший учитель Джеймс Кэнтли.

Их встреча была трогательной, и Сунь Ятсен зачастил к Кэнтли.

По случайному стечению обстоятельств на Портленд Плейс, в том же квартале, где жили Кэнтли, была расположена китайская миссия.

Джеймс Кэнтли был рад встрече со своим учеником

¹ Там же. С. 113.

² *Ло Цзялунь*. Исследование материалов о похищении Сунь Ятсена в Лондоне. С. 26.

И. М. Майский, в свое время бывший советским послом в Великобритании, вспоминал, как во время своего предшествовавшего посещения Лондона он шел по городу вместе с неким Дэвисом.

Было холодно, сыро, и резкий ветер раздувал наши пальто. После нескольких поворотов по узким извилистым улицам мы вышли, наконец, на Портэнд Плейс и быстро зашагали по направлению к Риджентс-парку.

Вдруг Дэвис вздрогнул и остановился. Я машинально сделал то же самое и с недоумением посмотрел на своего спутника. Он не двигался и молча впился взглядом в высокое мрачное здание, стоявшее на углу Портленд Плейс и Веймут-стрит. При свете полуприспущенного фонаря (в Лондоне тогда было затемнение) я прочитал на доме номер — 49. Не зная, как объяснить поведение Дэвиса, я спросил его, почему-то приглушая голос:

— В чем дело, мистер Дэвис?

Дэвис обжег меня полусумасшедшим взглядом и в свою очередь спросил:

— Вам знакомо имя Сунь Ятсен?

— Знакомо, — ответил я. — Это известный китайский революционер.

— Правильно, — подтвердил Дэвис. — А вы знаете, что это за здание? Дом № 49?

— Нет, не знаю.

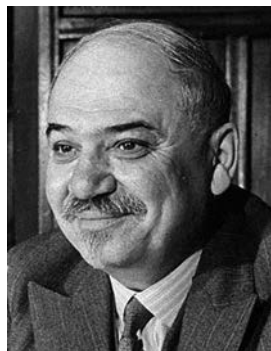
Дэвис вдруг пришел в сильное возбуждение и, посмотрев на меня страшными глазами, воскликнул:

— Это китайское посольство! И сегодня 11 октября. Да, да, сегодня как раз 20 лет с того дня, когда это случилось!

— Да что именно случилось? — в недоумении спросил я. Дэвис крепко схватил меня за руку и потащил за собой.

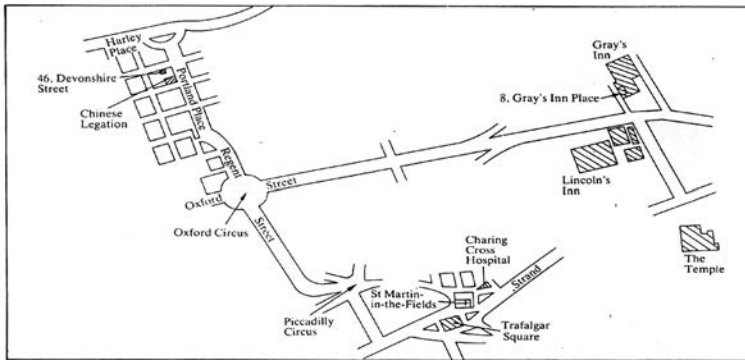
— Пойдемте в Риджентс-парк, — бросил он на ходу, — сядем на лавочку. Я вам расскажу. Это довольно длинная история.

И когда в темноте промозглой октябрьской ночи мы кое-как примостились на садовой скамейке, я услышал повесть, которую скорее можно было бы счесть продуктом восточной фантазии, чем прозаическим фактом лондонской действительности.¹

И. М. Майский
(1884–1975)

¹ Майский И. М. Люди. События. Факты. М. 1973. С. 43–44.

Портланд Плейс и окрестности

11 октября 1896 г. произошло событие, о котором Майскому рассказывал Дэвис: Сунь Ятсен оказался в здании китайского посольства и был задержан там.

Гун Чжаоюань не замедлил сообщить об этом в Пекин:

Сунь Вэнь находится в Англии. Только что этот преступник появился в посольстве. Он одет в европейский костюм и заявил, что его фамилия Чэнь. Здание посольства — территория Китая, и поэтому он должен быть немедленно задержан. <...> Жду немедленных распоряжений и прошу не ставить об этом в известность английского посланника.¹

Портлэнд-Плейс, 49

Макартни приказал освободить комнату на верхнем этаже для того, чтобы поместить туда задержанного, и отдал распоряжение наблюдать за ним и в особенности следить, чтобы он ничего не передавал на волю.

Майский, приехавший в Лондон в качестве советского посла, вспоминал:

Недели через две после вручения мной верительных грамот английскому королю, в ноябре 1932 г., я подъехал к сумрачному зданию № 49 на Портлэнд Плэйс. Дипломатический этикет предписывает каждому вновь назначенному послу сделать визиты вежливости другим иностранным послам, ранее него аккредитованным при главе данной державы. Следуя

¹ Там же.

этому правилу, я посетил целый ряд своих коллег. В их числе был и китайский посол, который в те дни представлял гоминдановское правительство Китая. Здание китайского посольства было такое же, каким я видел его 16 лет назад. Дверь отворил лакей в яркой ливрее с галунами. Китайский посол принял меня в своем кабинете, и минут двадцать мы вели с ним разговор на текущие политические темы. Китайский посол был любезен и в беседе раза два упомянул, что является поклонником Сунь Ятсена.

Когда разговор был закончен, я поднялся и, прощаясь с послом, спросил:

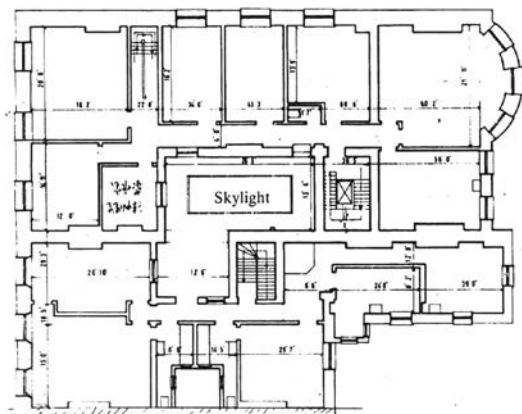
— Если не ошибаюсь, ровно 36 лет назад в этом здании был интернирован Сунь Ятсен?

— Совершенно верно, — ответил китайский посол. — А вам известна эта история?

— Да, известна, — подтвердил я и прибавил, — не могли ли бы вы показать мне, где именно Сунь Ятсен находился в заключении?

— Охотно покажу, — воскликнул китайский посол, — следуйте за мной.

По длинным, крутым лестницам узкого шестиэтажного здания посольства мы поднялись на самый верх и через крохотную дверцу вошли в низкую полутемную мансарду, где двум человекам негде было повернуться. Я выглянул в маленькое, подслеповатое окошечко — оно выходило на плоскую крышу, которая со всех сторон была окружена другими, более высокими остроконечными крышами. <...> Эта мансардная комнатка очень походила на тюремную камеру.¹

План этажа, на котором находилась комната Сунь Ятсена

¹ Майский И. М. Люди. События. Факты. С. 49.

Существует несколько версий того, при каких обстоятельствах Сунь Ятсен оказался в здании китайской миссии и что происходило с ним на протяжении тех 12 дней, которые он провел там.¹

Но бесспорно одно: Сунь Ятсен с самого начала стал предпринимать попытки связаться с Кэнтли или хотя бы вообще с кем-нибудь за пределами здания миссии.

Утром 12 октября к нему в комнату зашел слуга (англичанин по имени Джордж Коул) и там произошел следующий разговор:

Сунь Ятсен: Сможете ли Вы отнести записку моему другу?

Коул: Нет, я не смогу это сделать.

Сунь Ятсен: Сделайте это, чтобы спасти родственную душу!

Коул: Но я могу лишиться своего места...

Сунь Ятсен: Во имя Всевышнего, сделайте это! Я умоляю Вас сделать это!

Произнеся эти слова, Сунь Ятсен вложил в руку Коула обрывок газеты с несколькими написанными на нем фразами. Слуга не сопротивлялся, но на следующий раз сказал, что выбросил записку в окно, хотя на самом деле в соответствии с инструкцией, полученной от начальства, передал ее Макартни.²

14 октября Сунь Ятсен попросил открыть окно, чтобы подышать свежим воздухом и, воспользовавшись этим, бросил наружу другую записку, которая упала на крышу соседнего дома. Коул забрался туда и поднял записку. Сунь Ятсен попросил слугу вернуть ее ему.

Коул: Мне не разрешено сделать это...

Сунь Ятсен: Ради всего святого, дайте ее мне!

Коул: Я не могу, сэр, Вы уж простите меня...³

15 октября Сунь Ятсен всучил Коулу еще одну записку, но и она оказалась у Макартни. После этого, по словам узника, в нему пришел переводчик посольства Дэн Тинцзянь и заявил ему:

Мы заткнем Вам рот (жест рукой), свяжем, положим в мешок и отнесем на корабль, который уже нанят нами. На борту Вы окажетесь в таком же положении, как сейчас: несколько человек будут сторожить

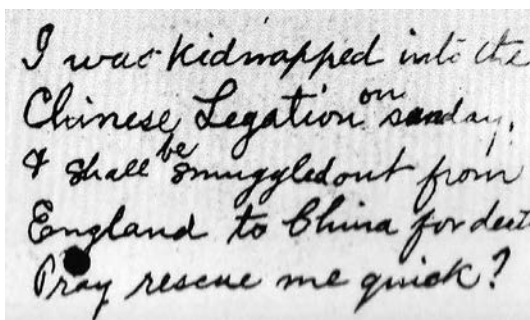
¹ Считаем своим долгом предупредить читателя, что В. Н. Никифоров в своей «документальной повести» основывался на одной из этих версий и тем самым предельно упростил свою задачу (*Никифоров В. Н.* Сунь Ятсен, октябрь 1896 г. Две недели из жизни китайского революционера. М. 1978).

² Cole's statement at the Treasury, 2 November, 1896 // British Foreign Office Archives (далее: FO). 17/1718. P. 116–119.

³ Ibid.

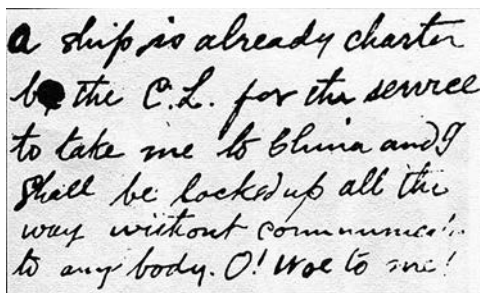
Вас в запертой каюте и Вы не сможете разговаривать с кем бы то ни было. А если нам не удастся переправить Вас туда, мы убьем Вас здесь!¹

Об этом Сунь Ятсен написал на своей визитной карточке, предназначавшейся для Кэнтли: «В воскресенье я был похищен и заключен в китайском посольстве. Меня тайно вывезут из Англии в Китай и казнят. Умоляю Вас: без промедления спасите меня».

I was kidnapped into the
Chinese Legation on
Sunday,
& shall be smuggled out from
England to China for debt.
Pray rescue me quick?

На второй визитной карточке значилось: «Китайским посольством уже зафрахтован корабль, на котором меня отправят в Китай. По пути туда я буду изолирован от внешнего мира. О, горе мне!»

a ship is already chartered
to the C.L. for the service
to take me to China and I
shall be locked up all the
way without communication
to any body. O! Woe to me!

Сначала супруги Кэнтли не обратили внимания на то, что Сунь Ятсен почему-то перестал приходить к ним. Но 17 октября Мэйбл Кэнтли записала в своем дневнике:

Мы получили записку, в которой говорилось, что Сунь Ятсен заточен в китайском посольстве. Записка анонимная.²

¹ Sun Yat-sen's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // Ibid. P. 119.

² Mrs Cantlie's diary, 17 October, 1896.

В записке, которую подсунули под дверь квартиры, где жили Кэнтли, говорилось:

Ваш друг с прошлого воскресенья заключен в посольстве Китая. Его собираются отправить обратно в страну и казнить. Положение, в котором он оказался, заслуживает сожаления, и, если не спасти его без промедления, с ним будет покончено. Я не решаюсь сообщить своего настоящего имени, но всё сказанное мною — сушая правда. Кажется, Вашего друга зовут Син Ин Сен.¹

16 THURSDAY (189-77)

Very rainy weather still. Mr. Lee is much better at present.

Mrs Pollard came & I gave her 10/0 for
trimming two hats.

Before first in drawing room.

Call on Mr. Godlee.

Sent back my Marriage Settlement to Mr. Lubbock.

16 FRIDAY (229-76)

9 Mining Law. 61

Very much all day could not go out.

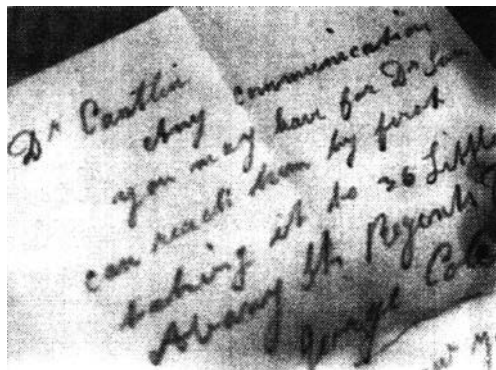
Had a pleasant note from Mr. Cubber also
letter from the other lawyer Mr. Holmes.
He has sent the contract to Mrs. Prange
Solicitor & all questions seem answered
satisfactorily.

[illegible]

Запись в дневнике М. Кэнтли от 17 октября 1896 г.

¹ *Cantle N. & G. Seaver*. Sir James Cantlie. London. 1939. P. 103.

На следующий день супруги Кэнтли получили еще одну записку:

Д-р Кэнтли:

Любое сообщение, предназначающееся д-ру Суню, может быть передано ему через Джорджа Коула по адресу Литтл Олбани, Риджентс-парк, 36.¹

Заметим, что некто Чжан Дэгуан, ссылаясь на публикацию в газете «Times», излагавшую *post factum* события тех дней, утверждал, что первая полученная Кэнтли записка Сунь Ятсена была датирована 18 октября и вручена адресату вовсе не через Коула:

Д-р Сунь написал несколько слов на клочке бумаги и выбросил его таким образом, чтобы ветром его отнесло в сторону, и он мог бы быть кем-нибудь подобран. На нем было написано: «Довожу до всеобщего

Dr. Sun written on a piece of paper and fold it in such a way that the wind would blow it away and there it may be picked up by some one. The words he had written was :-

" This will inform the public that Dr. Sun, was kidnapped by Chinese Legation for seven days and shall be smuggled over from England into China for execution. Whoever picked this paper up please show to Dr. James Cantile 46 Devonshire for his rescue."

This note was picked up by some one in the street, who immediately brought it to Dr. James Cantile.

¹ 孙中山 (Сунь Ятсен). Пекин. 2001. С. 33.

сведения, что я, Сунь, 7 дней тому назад был похищен китайским посольством и меня собираются переправить из Англии в Китай и казнить. Того, кто поднимет это письмо, я прошу передать его д-ру Джеймсу Кэнтли по адресу Дэвоншир Стрит 46, чтобы он спас меня». Эта записка была обнаружена на улице кем-то, кто немедленно вручил ее д-ру Джеймсу Кэнтли.¹

Это свидетельство противоречит тому, что мы читаем в дневнике М. Кэнтли, и потому не заслуживает доверия.

Джеймс Кэнтли поднимает на ноги почти весь Лондон

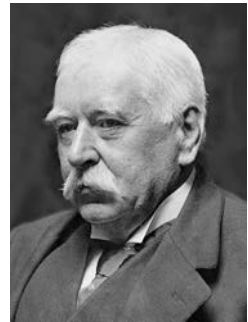
Отложив все дела, Кэнтли бросился спасать своего ученика, которого он уважал и высоко ценил. Сначала его усилия были бесплодны.

Он пытался разыскать секретаря посольства Макартни, жившего неподалеку, но не застал его дома. Двери были заперты, а соседи сказали, что вот уже несколько дней как в доме никого нет.

Инспектор Скотланд-Ярда, к которому апеллировал Кэнтли, ответил, что ничего не может предпринять, раз дело связано с иностранной миссией.²

Поразмыслив, Кэнтли наконец решил сообщить обо всем, что случилось, своему коллеге П. Мэнсону. Тот вызвался обратиться в китайское посольство и отправился туда. Он был встречен переводчиком Дэн Тинцзянем, и между ними произошел такой диалог:

- Здесь ли Сунь Ятсен?
- Кто?
- Сунь Ятсен.
- Здесь такого нет.
- Но я знаю, что он здесь. Я проинформирован об этом. К тому же и полиция, и Форин Офис в курсе. Я хочу видеть Сунь Ятсена.
- Нет, никакого Сунь Ятсена тут нет!³

Патрик Мэнсон
(1844–1922)

Кэнтли и Мэнсон продолжали действовать. Они нашли отставного полицейского, согласившегося за небольшое вознаграждение фланировать около дома № 49 на Портланд Плейс.

¹ Сообщение Чжан Дэгуана, 7 августа 1979 г. // Архив Комитета по изучению истории Гоминьдана. 080/135. С. 2.

² Chief Inspector H. Moore's report, 18 October, 1896 // FO 17/1718. P. 47–48.

³ Manson's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // Ibid. P. 122.

Здание Скотланд-Ярда на набережной Виктории

18 октября Кэнтли побывал в МИДе, и на следующий день Форин Офис обратился с письмом в Министерство внутренних дел (Home Office), а оттуда запросили Скотланд-Ярд. В результате помощник заместителя министра иностранных дел Ф. Берти получил сообщение о том, что «полиция готова предпринять шаги к наблюдению за миссией и вступить в контакт с охранником Коулом».¹

Когда Коул вернулся с работы домой, там его уже поджидал полицейский в штатском — инспектор Скотланд-Ярда Ф. Джэрвис, попросивший его рассказать всё, что он знает об этом деле, и обещавший, что его имя не будет разглашено.²

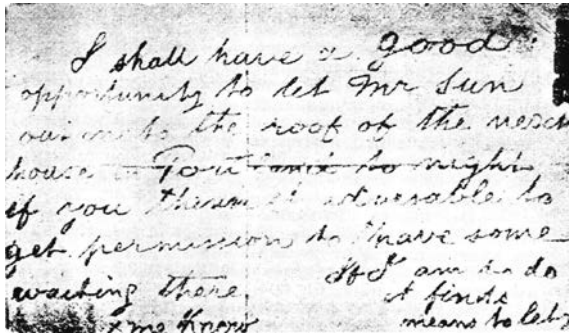
Однако после этого Коул почему-то решил, что чем полагаться на полицейских, лучше уж действовать самостоятельно и на свой страх и риск. Он предложил Кэнтли организовать побег Сунь Ятсена из заключения:

Сегодня вечером у меня будет прекрасная возможность переправить м-ра Суня из [его комнаты] на крышу соседнего дома на Портланд Плейс. Если Вы считаете это приемлемым, получите от хозяев дома согласие на

¹ Foreign Office memorandum and Bertie's minute, 19 October, 1896 // Ibid. P. 12.

² Jarvis' report, 20 October 1896 // Ibid. P. 38–41.

то, чтобы кто-то ждал там и принял его. Если это будет поручено сделать мне, поставьте меня в известность.

I shall have a good opportunity to let Mr Sun out on to the roof of the mess house. For it is possible to get permission to have some waiting there. If I am to do it finds means to let

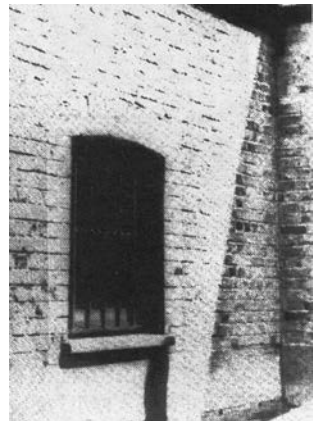
Записка Коула с изложением плана спасения Сунь Ятсена¹

Вот что по этому поводу писали впоследствии газеты:

Друзья Сунь Ятсена разработали смелый план его спасения. <...> План состоял в том, чтобы взломать окно комнаты, в которой он был заключен, и затем спуститься с крыши соседнего дома № 51. <...> Его друзьям удалось сообщить ему этот план, который они собирались осуществить, и хотя информация, постоянно получаемая ими, указывала на то, что Сунь Ятсен находится под строгим наблюдением, его обещание помочь им изнутри открыть окно укрепило уверенность его друзей в возможности осуществить этот план.²

В действительности Кэнтли не решился выступить в роли взломщика и сообщил о плане Коула в Скотланд-Ярд, где ему советовали участвовать в столь рискованном предприятии, которое к тому же само по себе являлось нарушением закона.

Мэйбл Кэнтли записала в дневнике: «Поступить подобным образом было бы ошибкой».³

Окно, которое нужно было взломать

¹ В. Н. Нукифоров. Сунь Ятсен, октябрь 1896 г. С. 31.

² Bold Scheme of Recapture // Daily Chronicle, 24 October, 1896.

³ Mrs Cantlie's diary, 20 October, 1896.

На следующий день 21 октября инспектор Джэрвис встретился с управляющим компании «Глен Лайн» Макгрегором. Тот признал, что китайское посольство поручило ему доставить в Китай «какого-то умышленного».¹

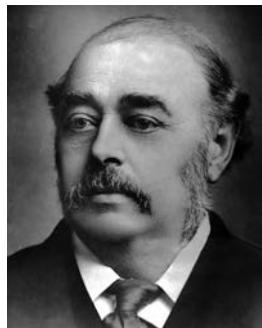
Джэрвис убедился в том, что Сунь Ятсен действительно силой удерживается в здании китайского посольства.

Теперь для возбуждения уголовного дела нужно было составить «обвинение в нарушении закона о личной свободе» (*Writ of Habeas Corpus*), а для этого следовало получить официальное заявление, должным образом заверенное в судебном органе.

Поэтому 22 октября Джэрвис сопроводил Кэнтли и Мэнсона в суд, но судья затруднился выполнить их просьбу. Причина была всё та же — в качестве ответчика должно было выступить не частное лицо — подданный Великобритании, а посольство иностранной державы.

Тем не менее Кэнтли и Мэнсон дали под присягой показания о существовании дела², которые были переданы в Министерство внутренних дел, а оттуда — в Форин Офис. В сопроводительном письме говорилось:

Я уполномочен Секретарем³ сэром Мэттью Ридли сообщить Вам, что им получены данные под присягой показания двух прошедших регистрацию врачей относительно того, что некто по имени Сунь Ятсен вопреки его воле содержится в настоящее время в китайском посольстве на Портланд Плейс. <...> Достоверность этих показаний подтверждается расследованием, произведенным столичной полицией. Сэр Мэттью Ридли будет удовлетворен, если Вы доведете эти факты до сведения маркиза Солсбери⁴ и побудите Его Высочество предпринять шаги, каковые он сочтет приемлемыми, для немедленного освобождения Сунь Ятсена из-под стражи.⁵

М. Ридли
(1842–1904)

¹ Jarvis' report, 20 October 1896 // FO 17/1718. P. 94.

² Affidavits by Cantlie and Manson, 22 October, 1896 // Ibid. P. 22–32.

³ Home Secretary, т. е. министр внутренних дел.

⁴ Р. Солсбери в это время был премьер-министром и одновременно министром иностранных дел Великобритании.

⁵ Home Office to Foreign Office, 22 October, 1896 // FO 17/1718. P. 51.

В результате этого на стол заместителя министра иностранных дел Т. Сэндерсона был положен доклад о незаконных действиях китайской миссии.

Согласовав все последующие действия с министром иностранных дел, Сэндерсон направил Макартни следующее письмо:

Дорогой сэр Холлидей,

Лорд Солсбери поручил мне переговорить с Вами по неотложному делу.

Могу ли я просить Вас, если это для Вас удобно, прибыть сюда сегодня во второй половине дня?¹

Около 7 часов вечера того же дня состоялась встреча Макартни и Сэндерсона. Отвечая на заданные ему вопросы, Макартни признал, что некто Сунь Вэнь действительно в настоящее время находится в здании китайской миссии.

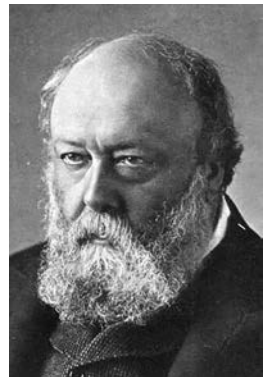
Эта беседа в Форин Офис сыграла решающую роль в освобождении Сунь Ятсена.²

Свободен!

22 октября специальный курьер доставил на Портленд Плейс, 49 официальную ноту министра иностранных дел Великобритании лорда Р. Солсбери:

Имею честь информировать Вас, что по сообщению Государственного секретаря внутренних дел Его Величества им получены данные под присягой показания двух проживающих в Лондоне и пользующихся уважением врачей, подтверждающие, что некое лицо по имени Сунь Ятсен, до последнего времени проживавший по адресу Грэйзинн Плейс, в течение нескольких дней вопреки своей воле содержится под стражей в китайском посольстве.

По мнению правительства Его Величества, насильственное задержание этого человека в китайском посольстве является нарушением

Р. Солсбери
(1830–1903)

¹ Sanderson's minute on the Home Office letter of the same day, 22 October, 1896 // Ibid. P. 35.

² Sanderson's record of his interview with Macartney, 23 October, 1896 // Ibid. P. 54–61.

английских законов, которое явно выходит далеко за пределы привилегий, предоставляемых иностранным дипломатам, и не может быть оправдано этими привилегиями.

В соответствии с этим имею честь потребовать немедленного освобождения указанного Сунь Ятсена.¹

В тот же самый день лондонская «Globe» опубликовала сообщение о похищении Сунь Ятсена, а на следующий день 23 октября — более подробные материалы на эту тему.

Утром 23 октября у китайского посольства собралась большая толпа журналистов и просто любопытствующих, которым не терпелось своими глазами взглянуть на китайца, чье имя было уже у всех на устах, или, как минимум, узнать что-либо о его судьбе.

В 10 часов утра («раньше, чем обычно», — отметили газетчики) у здания посольства появился Макартни, но отказался отвечать на вопросы и прошел прямо к посланнику, который был в это время нездоров и лежал в постели у себя в комнате. Когда их беседа была завершена, Макартни покинул посольство, заявив, что «едет по срочному делу».

Он спешил в Форин Офис, где его ждал Сэндерсон:

Я спросил его, известно ли ему, что вчера вечером китайскому посольству была направлена официальная нота за подписью лорда Солсбери. <...>

Если посланник не удовлетворит изложенное в ней требование, это будет основанием для его немедленного отзыва и лишения дипломатических привилегий всех сотрудников посольства, связанных с этим делом.

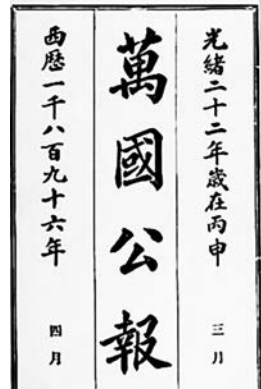

Газета «Globe», 23 октября 1896 г.

¹ Salisbury to Gong Zhaoyuan, 22 October, 1896 // Ibid. P. 24–25.

Я добавил, что о случившемся уже было сообщено в газетах, что утром я уже проконсультировался заместителем Секретаря по внутренним делам, что я уверен в невозможности дальнейшего задержания [Сунь Ятсена] и ожидаю инструкций лорда Солсбери относительно направления в посольство требования немедленно выполнить всё, о чем говорилось во вчерашней ноте.¹

И вот наконец «около 5 часов пополудни моложавый китаец среднего роста, явно уставший и неважно чувствовавший себя, но с торжествующим выражением живых миндалевидных глаз покинул тот кусочек китайской территории, который занимает посольство».²

«Ваньго гунбао»
за 1896 г.

Сенсационная новость об освобождении Сунь Ятсена тут же не только облетела все лондонские газеты, но была перепечатана и за рубежом — в Соединенных Штатах, Австралии, Сингапуре, Гонконге, Японии. Эта новость стала известна и в Китае. Она была помещена на страницах шанхайских газет «Шиши бао» и «Ваньго гунбао».³

Выйдя на свободу, Сунь Ятсен написал два письма.

Первое из них он направил в редакции всех ведущих лондонских газет:

Сэр:

Не будете ли Вы настолько любезны выразить на своих страницах мою глубокую благодарность усилиям Британского Правительства, результатом которых стало мое освобождение из китайской миссии?

Я должен также поблагодарить прессу за своевременную помощь и симпатии ко мне. Если есть необходимость в чем-то, что убедило бы меня в великодушии преобладающего в Великобритании общественного мнения и стремлении к справедливости, отличающем ее народ, то это были события последних дней.

Более отчетливое, чем раньше, представление о том, что такое конституционное правительство и просвещенный народ, побуждает меня еще

¹ Sanderson's record of his interview with Macartney, 23 October, 1896 // FO 17/1718. P. 69–76.

² Sun, 24 October, 1896.

³ Подробнее см.: *Wong J. Y. The Origins of an Heroic Image: Sun Yatsen in London, 1896–1897. Oxford University Press. 1986. P. 61.*

активнее способствовать прогрессу, образованности и цивилизованности моей собственной горячо любимой, но угнетаемой страны.¹

Полагая, что своим спасением он обязан не только усилиям своих друзей, лондонской прессы и официальных представителей правительства Его Величества, но и милости Всевышнего, Сунь Ятсен адресовал второе письмо его давнему знакомому, гонгконгскому пастору Цюй Фэнчжи:

Цюй Фэнчжи
(1847–1914)

В Лондоне меня заманили в маньчжурское посольство, и я провел там в заключении десять с лишним дней. Они собирались посадить меня на корабль и тайно вывезти из страны. Судно уже было готово, и они лишь ждали удобного момента.

Первые 6–7 дней никто не знал о случившемся со мной, и, находясь под стражей, я думал, что смерть неизбежна и надежды выжить больше нет. В безвыходном положении люди обычно обращают взоры к Небу, когда им больно — зывают к родителям. В это время мне не оставалось ничего иного, как горько сожалеть о произошедшем и усердно молиться. Я молился день и ночь напролет 6–7 суток подряд и чем дальше, тем усерднее. И на седьмой день я вдруг обрел успокоение, и мрачные мысли перестали мучить меня. Это произошло неожиданно для меня, и я сказал себе, что это мои

人信捕房以此二人為癡狂者使館全推至無其事也
 署初三日自出時差自出陪守必潛夜運往別處初報館
 亦不甚信也後彼二人力証其事之不誣報館始為傳揚
 而全國震動歐洲震動天下各國亦然想香港當時亦
 必傳揚其事倘願我報館有街坊欲招人拆平情
 使衙門者沙侯行文有即釋放不然則將使人等逐
 出英境使館欲懼而放我此十餘日間使館與北京電報
 未後不傳我數十斤內任彼千方百計而謀耳幸心志
 意人謀不賊雖清廣陰謀終無我仍適足以揚其無道
 錢嘉而己廣朝之君從前並無英義弟現擬暫住數月
 以交此地賢家弟此大教和陽子恩堂七年後復此皆
 天父大恩報約先生也之以道常賜教言俾得後進而
 滑道則弟幸甚為生幸甚
 啟者弟被誘捕於偏頗字於清使館十有餘日提將
 弟細綁束夜下船私運出境船已賃備惟候械宜
 初六七日內無人和弟身在空中自分必死無再生之望
 竊則呼天痛癢則呼父母之情也弟此時惟有痛心
 懺悔怨切祈禱而已連六七日一夜不飽祈禱愈祈
 愈切至第七日心中忽然安慰至無憂色不期然而
 然自云此祈禱有應矣神施恩矣然究在字中生死兩
 頭盡在能傳消息於外也耳但日夜三四人看守
 密戶俱開屢察異常惟有洋役二人入房中二次
 傳遞食物而件然前已托之傳書已看所寄將書
 交與街內之人密事俾得知之防範更為加密而可
 我傳消息者終必賴其人今既蒙上帝施恩托我祈禱
 使我安慰常必能感動其人使肯為我傳書矣乎
 他入房中通防守俾得乘間與他間說果得允否然
 此時筆墨紙料俱被搜去幸前時將名帖寫定數言
 未嘗投出即交此傳出外與簡地利弟兩助他等一
 聞此事者力異常即報捕房即前外部而初時若無

Письмо Сунь Ятсена, адресованное Цюй Фэнчжи

¹ The Times, 26 October, 1896.

молитвы были услышаны Всевышним, который послал мне свое благословение. <...>

После всего, что произошло со мной, я ощущаю себя блудным сыном и заблудшей овцой, отдавая себе отчет в том, что всё это даровано мне Небесным Владыкой. Я искренне надеюсь, что Вы будете и дальше наставлять меня и помогать мне своими поучениями, дабы я мог, следуя по божественному пути, обратиться к пути людскому. Это будет счастьем для меня и счастьем для всего сущего¹.

Дело расследуется *post factum*

Приключение иностранца, среди бела дня похищенного на улице в столице Его Величества, было настолько скандальным и не имеющим precedентов, что в Форин Офис пришли к выводу о необходимости провести полномасштабное официальное расследование для выяснения некоторых неясных обстоятельств этого прискорбного эпизода. Для этого решили обратиться в Министерство внутренних дел, а там в качестве следователя пригласили специалиста со стороны — юрист-консульт Казначейства Г. Каффа.

Кафф приступил к своим обязанностям 31 октября, ознакомившись с уже имевшимися материалами. Затем он заслушал показания свидетелей и потерпевшего: 2 ноября — Коула², 4 ноября — Сунь Ятсена³, Кэнтли⁴ и Мэнсона⁵, 5 ноября — хозяйки дома на Грэйзинн Плейс, где жил Сунь Ятсен, Л. Поллард⁶. Каффу потребовалась всего лишь одна неделя, чтобы изучить все эти данные.

12 ноября он представил в Министерство внутренних дел доклад о результатах проведенного им расследования⁷.

16 ноября отчет Каффа вместе с приложениями к нему был направлен в Форин Офис со следующим сопроводительным письмом:

¹ Сунь Ятсен — Цюй Фэнчжи, октябрь 1986 г. (точная дата неизвестна) // ПССОГ. Т. 4. С. 14–15.

² Cole's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // Ibid. P. 116–119.

³ Sun Yatsen's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // Ibid. P. 119–120.

⁴ Cantlie's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // Ibid. P. 121–122.

⁵ Manson's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // Ibid. P. 122.

⁶ Pollard's statement at the Treasury, 5 November, 1896 // Ibid. P. 123.

⁷ Cuffe to Home Office, 12 November, 1896 // Ibid. P. 113–116.

По поручению министра Ридли представляем лорду Солсбери доклад м-ра Каффа относительно проведенного им расследования дела о недавнем задержании Сунь Ятсена в китайском посольстве.

К докладу прилагаются оригиналы документов, которые мы просим после ознакомления с ними возвратить нам. Если уважаемое министерство скопирует их, то копии также подлежат возврату для использования их министром Ридли.¹

Мы не знаем, по какой причине, но оригиналы приложенных к докладу Каффа документов хранятся ныне в архиве Форин Офис и благодаря этому доступны для исследователя. Там же находится и текст самого доклада. В 1965 г. он был переведен на китайский язык и опубликован на Тайване².

О версии Холлидея Макартни

Кафф признает, что в ходе расследования ему пришлось столкнуться с рядом серьезных трудностей, прежде всего — с тем обстоятельством, что он не мог задавать вопросы китайским сотрудникам посольства (исключение составлял лишь слуга Коул), поскольку об этом мог узнать посланник и его подчиненным в этом случае могло грозить увольнение. Поэтому Кафф располагал ограниченным кругом источников. Помимо снятых им показаний это были протоколы бесед Сэндерсона с Макартни, состоявшихся 22 и 23 октября³, а также письмо Макартни в редакцию «Times»⁴.

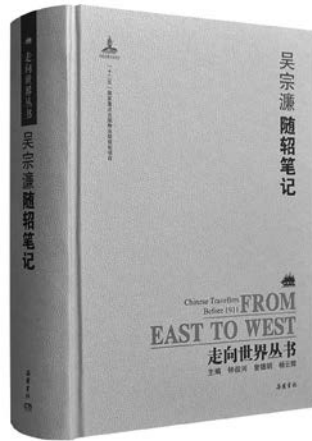
Кафф не мог знать содержания книги «Похищен в Лондоне», которая была опубликована в 1897 г., как не знал он ни о воспоминаниях переводчика китайского посольства У Цзунляня, впервые увидевших свет в 1902 г., ни о дневнике военно-морского атташе Фэн Лина, ставшего достоянием общественности только в 1929 г.

¹ Ibid. P. 113.

² 国父伦敦蒙难真相的原始报告 (Первоначальный доклад о том, что произошло во время похищения Отца Государства в Лондоне) // Чжуаньцзи вэньсюэ. Т. 7, 1965. № 5. С. 30–34.

³ Sanderson's record of his interview with Macartney, 22 October, 1896 // FO 17/1718. P. 33–35; Sanderson's record of his interview with Macartney, 23 October, 1896 // Ibid. P. 69–76.

⁴ Times, 26 October, 1896.

У Цзунлянь (1856–1933) и переиздание его воспоминаний¹Фэн Лин² и первая страница 2-го тома его «Дневника путешествий»³

¹ 吴宗廉. 随轺笔记四种 (У Цзунлянь. Четыре записи о поездках за рубеж в составе императорской миссии). Чанша. 2016.

² Автор магистерской диссертации, посвященной этому сочинению, признает, что ему не удалось установить даты рождения и смерти Фэн Лина. См.: 敖丽晶. “游余仅誌”的文献学价值 (Ao Lijun. Источниковедческая ценность «Дневника путешествий» [Фэн Лина]). Педагогический университет Внешней Монголии. 2009. С. 4.

³ 凤凌. 游余仅誌 (Фэн Лин. Дневник путешествий). [Б. м.] 1929.

Кроме того, по словам Каффа, трудность заключалась также и в том, что показания различных лиц во многом расходились между собой. Однако, пишет Кафф, они все же достаточны для того, чтобы оценить степень достоверности сообщаемых ими фактов.

Первый вопрос, на который Кафф должен был ответить, — каким образом Сунь Ятсен оказался в здании китайской миссии.

Х. Макартни (1833–1906)

22 октября во время встречи с Сэндерсоном Макартни утверждал, что, собственно говоря, похищения-то вообще не было: Сунь Ятсен сам пришел в посольство¹.

В качестве доказательства справедливости своих слов Макартни привел тот факт, что в пятницу 9 октября Сунь Ятсен уже появлялся в здании миссии. Вначале он не вызвал каких-либо подозрений, но затем выяснилось, что, во-первых, он «заговорил с кантонцем-сотрудником посольства о “нестабильности китайского правительства”»; во-вторых, оказалось, что после его ухода не смогли найти какие-то важные бумаги. Поэтому он и был задержан во время своего повторного посещения в воскресенье 11 октября².

Отвечая на вопросы корреспондента газеты «Times», Макартни сообщил дополнительные подробности произошедшего:

Он пришел добровольно, заговорил с нашим служащим, уроженцем той же провинции, и был представлен мне как человек по фамилии, которую он назвал. Мы немного поговорили, и некоторые замечания посетителя привели меня чуть позднее к мысли, что он может быть той личностью, за которой мы следили. Однако к тому времени он уже покинул миссию. Я связался с нашим частным детективом и узнал от него, что тот потерял его из виду во время его визита к нам на Портленд-Плейс. Но на следующий день посетитель вернулся. Мы задержали его, и он до сих пор находится у нас под арестом³.

Кафф обратил внимание на противоречия, содержащиеся в показаниях Макартни. Сэндерсону он говорил, что в первый раз Сунь Ятсен пришел в посольство «в пятницу 9 октября», а журналисту из «Times» —

¹ Sanderson's record of his interview with Macartney, 22 October, 1896 // FO 17/1718. P. 33.

² Sanderson's record of his interview with Macartney, 23 October, 1896 // Ibid. P. 72.

³ The Times, 24 October, 1896.

что во второй раз он был в здании миссии «на следующий день»¹. Для Каффа это обстоятельство явилось веским основанием для вывода о том, что Макартни нельзя верить.

В то же время Кафф полагал, что расхождения в показаниях Макартни, по-видимому, объясняются не тем, что он намеренно вводил следствие в заблуждение, а тем, что, не будучи сам свидетелем описываемых им событий, излагал их с чужих слов.

Иное дело — показания Сунь Ятсена

В то же время, утверждал Кафф, Сунь Ятсен в своих высказываниях был последователен и непротиворечив, да и его манера отвечать на вопросы внушала доверие к нему.

Кафф сопоставил два показания Сунь Ятсена, которыми в то время располагал, а именно — адресованную Кэнтли записку, датированную 19 октября, и ответ на вопрос, заданный ему в Скотланд-Ярде 23 октября сразу же после освобождения из-под ареста.

В первом случае Сунь Ятсен писал:

11 октября (в воскресенье), когда я подошел к дверям посольства, двое китайцев завлекли меня в здание. Держа меня за руки, они толкали меня вовнутрь, говоря при этом, что хотят кое-что обсудить со мной. Когда я вошел, они тут же заперли входную дверь. Меня силой заставили подняться наверх по лестнице, и я был заперт в комнате².

То же самое Сунь Ятсен повторил и следовательно 23 октября.

Кафф обратил внимание на то, что Сунь Ятсен категорически отрицал утверждение Макартни о том, что он якобы приходил в посольство дважды. Как мог д-р Сунь неоднократно бывать там, рассуждал Кафф, раз он понимал, что китайские власти непременно арестуют его?

В подтверждение версии о том, что Сунь Ятсен не пришел в миссию по своей доброй воле, а был похищен, Кафф приводит также свидетельство Коула: однажды переводчик Дэн Тинцзянь сказал ему: «Я молодец! Это благодаря мне он оказался [в здании миссии].»³

Убедительно для Каффа прозвучало и заверение д-ра Суня о том, что, подходя к зданию миссии, он вообще не имел представления о том, что это такое⁴.

¹ Первоначальный доклад... С. 31.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 31.

Правда, Кэнтли рассказал следователю, что однажды Сунь Ятсен спросил его о том, где находится китайское посольство. Кэнтли ответил вопросом на вопрос: «Да уж не собираетесь ли Вы отправиться туда?!», — но Сунь Ятсен засмеялся и заверил собеседника, что подобных намерений у него нет. Кэнтли предостерег своего гостя, сказав ему, что делать это ни в коем случае нельзя¹. По свидетельству Мэнсона, Сунь Ятсен и его спрашивал о том, «не следует ли ему побывать в миссии».² Однако этим важным свидетельствам Кафф не придал должного значения.

Еще один существенный момент доклада, представленного Каффом. Указывая на противоречия в датах, обнаруженные им в сообщениях Макартни, и подчеркивая последовательность утверждений д-ра Суня, Кафф все же упоминает о том, что и в показаниях Сунь Ятсена с датами тоже не всегда концы сходились с концами. Но, по его мнению, это обстоятельство «несущественно»: под влиянием обстоятельств дела Сунь Ятсен находился в возбужденном состоянии, усугублявшемся постоянным недосыпанием, в результате чего даты могли спутаться в его памяти³.

Здесь следователь вновь демонстрирует нам, что, оказавшись под влиянием личного обаяния Сунь Ятсена, он был готов найти приемлемое объяснение неувязок в сообщениях пострадавшего, но аналогичные неточности в словах Макартни вызывали у Каффа недоверие к ним.

Впрочем, Кафф допускал и иную возможность: не исключено, что показания Сунь Ятсена и Макартни в действительности не противоречили друг другу — если допустить, что д-р Сунь оказался в здании миссии не в результате применения грубой силы, а был завлечен туда обманным путем (из имевшихся в распоряжении следователя материалов можно было сделать и такой вывод)⁴.

Некоторые другие вопросы, затронутые в докладе

С какой целью сотрудники миссии арестовали Сунь Ятсена?

Можно предположить, писал Кафф, что д-р Сунь был задержан и на него было оказано давление для того, чтобы выяснить имена его сообщников и планы дальнейших акций по отношению к пекинскому прави-

¹ Cantlie's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // FO 17/1718. P. 121.

² Manson's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // Ibid. P. 122.

³ Первоначальный доклад... С. 32.

⁴ Там же.

тельству; однако на самом деле цель миссии заключалась в другом — тайно вывезти Сунь Ятсена из Англии и доставить его обратно в Китай, чтобы подвергнуть наказанию за прежние проступки.

Кафф пришел к убеждению, что указанная цель могла быть с успехом достигнута, если бы не тот факт, что слуга, ежедневно общавшийся с узником, был англичанином¹. Именно поэтому Кафф придавал столь большое значение всему, что сообщил ему Коул.

Макартни отдавал себе отчет в том, что конвоирование Сунь Ятсена из здания миссии на борт судна «Гленфарг», зафрахтованного специально для этой цели, связано с большим риском, поскольку это было явным нарушением местных законов. Поэтому он предпринял меры предосторожности, отослав свою семью в Шотландию, заперев свой дом и сообщив соседям, что он вместе со всеми родственниками на полгода уезжает из Лондона (именно поэтому Кэнтли не мог разыскать его), а сам поселился в гостинице близ железнодорожного вокзала².

К счастью для Макартни во время бесед в Форин Офис вопрос о фрахте судна для отправки Сунь Ятсена на родину не поднимался. Но он интересовал газетчиков. Сэр Холлидей отвечал: «Ничего подобного. Попыток вывезти его за пределы посольства не предпринималось»³. Когда же дотошные журналисты из другой газеты нашли компанию «Глен Лайн» и задали тот же вопрос ее управляющему, тот ответил: «Ничего сказать по этому поводу мы не можем»⁴.

Располагая материалами этих газет, Кафф воздержался от попыток получить информацию на сей счет из первых рук — от управляющего фирмы «Глен Лайн» Макгрегора, поскольку полагал, что «дальнейшее расследование могло вызвать у того подозрения относительно того, с какой целью это делается»⁵.

Из беседы с Коулом Кафф узнал, что Макартни и Макгрегор обменивались телеграммами, и принял меры к тому, чтобы получить в отделении почты и телеграфа копии этой переписки. Из них он установил, что 14 октября Макартни договаривался с Макгрегором о встрече, но она состоялась только 19 октября⁶.

¹ Там же. С. 34.

² Daily Telegraph, 23 October, 1896.

³ Там же.

⁴ Morning, 24 October, 1896.

⁵ Первоначальный доклад... С. 32.

⁶ Там же.

В своем отчете Кафф затронул вопрос о том, в каких условиях содержался Сунь Ятсен во время своего пребывания в помещении миссии.

Макартни утверждал, что во время пребывания в стенах миссии Сунь Ятсен хорошо питался, был тепло одет и пользовался относительной свободой действий (это фактически удостоверил и Коул).

Сэр Холлидей категорически отвергал предположение, что задержанного пытали:

Я встречал в газетах утверждение подобного рода, но, разумеется, это полный абсурд. Ни о пытках, ни о каком-либо ином недозволенном давлении никто из сотрудников миссии и помыслить не может, и я бесспорно в их числе¹.

Однако Кафф считал, что Сунь Ятсен мало чем отличался от узника:

Если не считать того, что на нем не было арестантской робы и что он хорошо питался, условия его содержания были аналогичны пребыванию в тюрьме. Окно в комнате было закрыто и заколочено; дверь заперта на замок и охранялась (один из стражников был вооружен саблей); все письма и документы конфисковывались; общение с внешним миром прервано.

Если сэр Холлидей, зная об этом, утверждал, что с Сунь Ятсеном обращались не так, как с заключенным, то я могу сказать только одно: он употреблял эти слова в каком-то ином значении, но не в том, в каком они используются большинством людей².

И, наконец, еще один принципиальный вопрос: а имела ли миссия вообще право задерживать своего подданного?

Во время встречи Сэндерсона и Макартни 22 октября заместитель министра иностранных дел недвусмысленно дал на это отрицательный ответ³, а сэр Холлидей воздержался от спора на данную тему. Проблема заключалась в том, что ни та ни другая сторона не могла привести юридических оснований для обвинения или оправдания действий китайской миссии.

Свое мнение на сей счет Макартни высказал не в МИДе, а в интервью газете «Daily Telegraph»:

Никто, кроме китайского посланника, не располагает правом распоряжаться в стенах китайской миссии, которая, согласно международному праву, является китайской территорией⁴.

¹ Daily Graphic, 24 October, 1896.

² Первоначальный доклад... С. 33.

³ Sanderson's record of his interview with Macartney, 22 October, 1896 // FO 17/1718. P. 33.

⁴ Daily Telegraph, 23 October, 1896.

В письме, адресованном редакции «Times», Макартни добавлял по этому поводу:

Если китаец по своей собственной воле приходит в миссию и если против него есть обвинения либо подозрения <...>, никто вне миссии не имеет права препятствовать его задержанию. Разумеется, дело обстояло бы совсем иначе, если бы он был задержан вне здания миссии, ибо в этом случае он находился бы на британской территории и мы не могли бы интернировать его без ордера на арест.¹

Но для прессы этот вопрос ввиду отсутствия прецедентов был не вполне ясен. «Globe», например, писала:

Важная проблема, поднятая в связи с этим курьезным инцидентом, заключается в том, что неясно, каковы при подобных обстоятельствах права иностранного представительства и его статус.²

В своем отчете Кафф неизбежно был вынужден сформулировать собственное суждение по данному вопросу. Он пришел к следующему выводу:

Если бы мы установили, что Сунь Ятсен пришел в посольство по своей воле (а я считаю, что дело обстояло иначе), то согласно международному праву и международной практике его задержание было бы правильным и законным.³

Цитируя этот абзац доклада, известный специалист по проблемам жизни и деятельности Сунь Ятсена Г. Шифрин придает ему прямо противоположный смысл, утверждая, что, по мнению Каффа, «если бы Сунь пришел в миссию добровольно, его арест [не] был бы правильным и законным».⁴

Шифрин сообщает также, что позднее дело Сунь Ятсена рассматривалось юристами как прецедент. Он ссылается, в частности, на издание по международному праву, в котором говорится: «Дипломатический представитель не имеет права задерживать лицо, являющееся подданным его страны, которое находится на территории принимающей страны, и содержать его под арестом в посольстве, имея в виду его экстрадицию в свою страну». В примечании к этому пассажи, продолжает Шифрин, сказано:

В качестве примера можно привести дело китайца Сунь Ятсена, имевшее место в 1896 г. в Лондоне. Он был проживавшим в Лондоне

¹ Times, 24 October, 1896.

² Globe, 24 October, 1896.

³ Первоначальный доклад... С. 33.

⁴ Schiffin H. Z. Sun Yan-sen and the Origins of the Chinese Revolution. Berkeley and Los Angeles. 1968. P. 114.

политическим беженцем из Китая, которого завлекли в здание китайской миссии и держали там под арестом, чтобы насильно отправить в Китай. Китайский посланник утверждал, что поскольку здание миссии является частью территории Китая, британское правительство не имеет права вмешиваться. Но оно вмешалось, и через несколько дней после этого Сунь Ятсен был освобожден.¹

Мы разыскали издание, на которое ссылался Шифрин, и обнаружили, что в параграфе 390а раздела «Дипломатические представители» помимо дела Сунь Ятсена автор приводил и еще один, противоположный, пример.

Речь шла о том, что в 1670 г. обвиненный в государственной измене прусский подданный полковник Кальштейн бежал в Варшаву. Посол Пруссии в Польше получил приказ схватить изменника, и тот был задержан им, после чего его тайно переправили в Мемель, где он и был казнен.

Ни один из приведенных Оппенхаймом прецедентов не дает ответа на вопрос о правомерности действий иностранных дипломатических представителей. С точки зрения Каффа, оценка действий китайских дипломатов в 1896 г. зависела от того, добровольно ли Сунь Ятсен пришел в здание миссии. Но это обстоятельство так и не было выяснено им.

Через много лет после этого оно стало предметом ожесточенных споров, к которым мы еще вернемся в последующем изложении.

¹ *Lauterpacht H. (ed.) L. F. L. Oppenheim. International Law: A Treatise. London. 1957. Vol. 1. P. 796.*

granted only in so far as it is necessary for the independence and inviolability of envoys, and the inviolability of their official documents and archives.¹ If an envoy abuses this immunity, the receiving Government need not bear it passively. If a crime is committed inside the house of an envoy by an individual who does not enjoy personally the privilege of extraterritoriality, the criminal must be surrendered to the local Government.² Again, an envoy has no right to seize a subject of his home State who is within the boundaries of the receiving State, and keep him under arrest inside the embassy with the intention of handing him over to his home State.³

§ 390a. There is no obligation on the part of the receiving State to grant an envoy the right of affording asylum to criminals, or to other individuals not belonging to his suite. Of course, an envoy need not deny entrance to criminals or accused persons desiring to take refuge in the embassy. But apart from any treaty or established usage to the contrary, he must surrender them to the prosecuting Government at its request; and if he refuses, any measures may be taken

¹ In *R. v. Jose*—a Canadian case discussed by Maxwell Cohen in *R. F. L. 25 (1948)*, pp. 404-414—it was held that 'espionage reports' removed from the Russian embassy by one of its employees were not 'diplomatic papers' and that they could properly be produced in court for the purpose of evidence.

² The case of Nikitschenkow, which occurred in Paris in 1867, is an instance of this. Nikitschenkow, a Russian subject not belonging to the Russian legation, made an attempt on, and wounded, a member of that legation within the precincts of the embassy. The French police were called in, and arrested the criminal. The Russian Government requested his extradition, maintaining that, as the crime was committed inside the Russian embassy, it fell exclusively under Russian jurisdiction; but the French Government refused extradition, and Russia dropped her claim.

³ An instance thereof is the case of the Chinese, *Sun Yat Sen*, which occurred in London in 1896. He was

a political refugee from China, living in London, who was induced to enter the house of the Chinese legation and was kept under arrest there in order to be conveyed forcibly to China. The Chinese envoy contended that, as the house of the legation was Chinese territory, the British Government had no right to interfere. But the latter did interfere, and Sun Yat Sen was released after several days. In contrast to this case may be mentioned that of Kalkstein, which occurred on the Continent in 1670. Colonel von Kalkstein, a Prussian subject, had fled to Poland for political reasons, since he was accused of high treason against the Prussian Government. Frederick William, the Great Elector of Brandenburg, ordered his diplomatic envoy at Warsaw, the capital of Poland, to obtain possession of the person of Kalkstein. On November 23, 1670, this order was carried out. Kalkstein was secretly seized and, wrapped up in a carpet, was carried across the frontier. He was afterwards executed at Memel.

Страница из книги Л. Оппенхайма «Международное право»

Из уст потерпевшего

Доклад Каффа, равно как и те материалы, на которых он основывался, предназначался для внутреннего пользования и был опубликован лишь много позднее. Широкая публика узнала о приключениях Сунь Ятсена из многочисленных сообщений прессы. Кроме того, в начале 1897 г. в Лондоне увидела свет брошюра, на обложке которой значилось: «Сунь Ятсен. Похищен в Лондоне». В ней сам пострадавший подробно рассказывал обо всем, что с ним произошло в здании на Портлэнд Плэйс. Эта доступная каждому книга (ее можно было приобрести всего за один шиллинг) сразу же стала бестселлером, во много способствовавшим тому, что имя Сунь Ятсена почти мгновенно получило широкую известность не только в Великобритании, но и далеко за ее пределами.

Реакция прессы

Брошюра была отпечатана через три месяца после освобождения Сунь Ятсена — 21 января 1897 г. — и в прессе на нее сразу же появилось несколько откликов (один из них — в тот же самый день).¹ Все они без единого исключения были положительными, некоторые — восторженными.

Прежде всего, все рецензенты приняли версию, что Сунь Ятсен был похищен, а не пришел в миссию по своей воле.

Один из них писал как об окончательно установленном факте, что «11 октября он (Сунь Ятсен) был обманом завлечен в китайское посольство».²

По мнению другого журналиста, после появления книги Сунь Ятсена нет больше необходимости обсуждать вопрос о том, как же всё-таки он оказался в здании миссии, хотя сэр Холлидей Макартни решительно отвергает обвинение в том, что им были приняты конкретные меры для отправки д-ра Суня в Китай.³

Далее, автор книги, полагали авторы рецензий, предстает перед читателем в сугубо положительном облике. Газета «Graphic» писала:

Сунь Ятсен — образованный китаец, вдохновленный западными идеями, по профессии врач. Он рассказывает свою историю откровенно и немногословно.⁴

¹ Standard, 21 January, 1897.

² Graphic, 6 February, 1897.

³ St James' Gazette, 30 January, 1897.

⁴ Graphic, 6 February, 1897.

Первое издание книги
«Похищен в Лондоне»

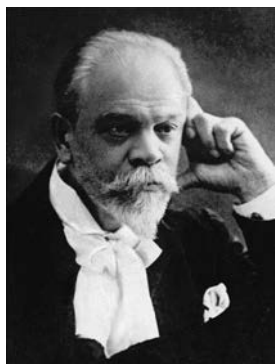
Многие рецензенты подчеркивали тот факт, что Сунь Ятсен — добропорядочный христианин.¹

Еще один вывод: из книги Сунь Ятсена можно представить себе объективную картину нынешнего состояния общественно-политической жизни Китая:

Массы населения обретаются в невежестве. Никому под страхом смертной казни не разрешается изобретать что-либо новое или доводить до всеобщего сведения какие бы то ни было открытия.²

Тот же автор приходит к однозначному суждению о том, что обвинения, предъявлявшиеся Сунь Ятсену и послужившие причиной его задержания в китайской миссии, вымышлены.³

Книгу переводят за рубежом

Ф. В. Волховский
(1846–1914)

Одним из первых, у кого возникло желание познакомить иностранную читающую публику с этим сочинением Сунь Ятсена, был известный русский народоволец Феликс Волховский.

Он прочитал книгу «Kidnapped in London» и написал об этом Сунь Ятсену. Между ними завязалась переписка. Волховский получил в подарок экземпляр книги, перевел ее на русский язык и опубликовал в журнале «Русское богатство», который тогда редактировал В. Г. Короленко, под интригующим заголовком: «Невероятнее сказки. Рассказ доктора китайца о его похищении и заточении в Лондоне».⁴

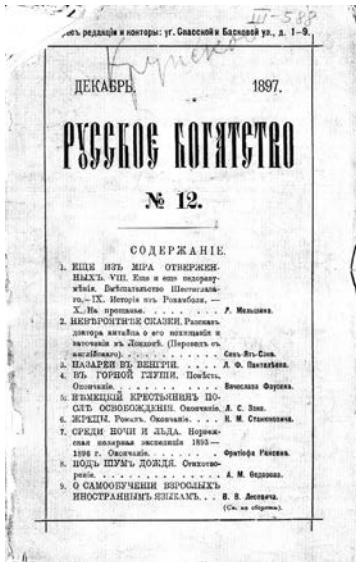
С тех пор русская аудитория была наслышана о смелом китайце «Сен-Ят-Сэне», сумевшем одолеть приспешников могущественного китайского императора.

¹ Standard, 21 January, 1897.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Русское богатство. 1897. № 12.

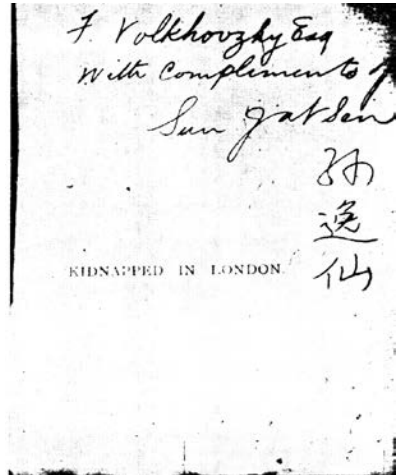

В этом номере «Русского богатства»
был опубликован перевод книги
«Kidnapped in London»

К сожалению, переписка Сунь Ятсена с Волховским не сохранилась. Известна лишь краткая записка от 15 марта 1897 г., написанная д-ром Сунем в ответ на какое-то послание русского революционера, жившего тогда в Англии¹ (оригинал хранится в архиве Стэнфордского университета в США).

Следующей на очереди была Япония.

Чэнь Шаобай купил книгу в Токио и показал ее своему знакомому Миядзакэ Торадзо. Тот обратил внимание на портрет Сунь Ятсена: такая внешность, подумал он, может быть только у необыкновенной личности, которой суждено великое будущее.

Титульный лист книги с дарственной надписью Сунь Ятсена

Первое издание книги
«Похищен в Лондоне»
на китайском языке

¹ Сунь Ятсен — Волховскому, 15 марта 1897 г. // ПСОГ. Т. 4. С. 15.

Вскоре он лично познакомился со своим героем, прибывшим в Японию после пребывания в Англии.

Через некоторое время он взялся за перевод книги на японский язык и в 1898 г. опубликовал плод своих трудов в газете «Кюсю ниппо».¹

Как уже упоминалось выше, в переводе на китайский язык «Kidnapped in London» была впервые опубликована в Шанхае в 1912 г.

Необходимый комментарий

Упомянувшееся выше письмо Сунь Ятсена Волховскому начинается словами:

В ответ на Вашу просьбу я должен признаться, что без помощи моего друга я не могу писать что-либо на хорошем английском языке. Человека, который помогает мне писать [по-английски], вот уже несколько дней нет в городе, так что я не могу представить Вам свои замечания по поводу той статьи о [политике] Франции и России в Китае.²

От Сунь Ятсена требовалось написать всего несколько строчек по-английски (китайского Волховский, естественно, не знал), но он отказался, признав, что не может сделать это без посторонней помощи. Возникает вполне естественный вопрос: если это так, то как мог Сунь Ятсен, будучи к тому же ограничен во времени, написать не краткий отзыв на чужую статью, а целую брошюру в сотню с лишним страниц?

Gray's Inn Place
Hulbow N.C.
March 15th 1897

Dear Mr. Volkhovsky

In response to your request I must confess to say that I cannot write anything in perfect English without a friend's help. The one who helps in my literary works happens to be absent in town in the last few days. So in regard to the article on France and Russia in China I cannot furnish you with a criticism on the subject with my own pen. But as for as my opinion concerns I quite agree with its author. All its statements are perfectly correct. If I should have anything to say about it, I can only to repeat emphatically the same as the article has been given.

Yours truly
Sun Yat Sen

Письмо Сунь Ятсена Волховскому
от 15 марта 1897 г.

¹ Подробнее об этом см.: Wong J. Y. The Origins of an Heroic Image. P. 193–194.

² Сунь Ятсен — Волховскому, 15 марта 1897 г. // ПСООГ. Т. 4. С. 15.

Исследователи-суньятсеноведы обратили также внимание на то, что книга «Kidnapped in London» написана не просто на весьма хорошем английском, она написана ярко, с юмором, тогда как даже короткие записки, вышедшие из-под пера Сунь Ятсена, пестрят грубыми грамматическими ошибками (читатель может сам убедиться в этом; см. выше, с. 78).

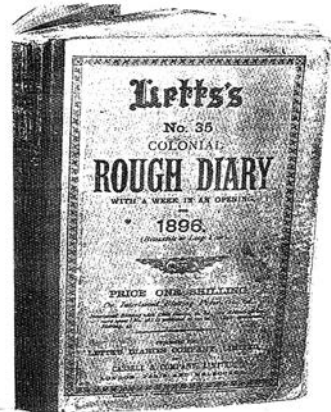
Может быть, помощь друга, о которой говорится в письме Волховскому, заключалась в том, что тот редактировал написанное Сунь Ятсеном?

В авторском предисловии к книге говорится:

Я должен просить прощения читателей за погрешности в моем повествовании на английском языке и признаюсь, что без помощи, оказанной мне моим добрым другом, излагавшим мои мысли, я никогда не решился бы объявить себя автором книги, написанной по-английски.¹

Это заявление противоречиво: в том случае, если автор приносит читателю извинения за стилистические недочеты, это означает, что книга была написана им самим; если же мысли автора «излагал» его добрый знакомый, тогда извинения автора естественно были излишни.

Можно было бы до бесконечности гадать о том, что этим хотел сказать Сунь Ятсен, но Хуан Юйхэ, изучавшему подробности приключений д-ра Суня в Лондоне, неожиданно крупно повезло. Ему удалось уговорить наследников Кэнтли показать ему и разрешить цитировать хранившийся у них в качестве семейной реликвии дневник Мэйбл Кэнтли, первоначально вовсе не предназначавшийся ими для публикации.²

Обложка дневника
М. Кэнтли за 1896 г.

¹ *Sun Yat Sen. Kidnaped in London. London. 1897. P. 3.* Заметим, что в русском переводе этого предисловия, сделанного не с оригинала, а с перевода на китайский, смысл фразы искажен: «Искусство изложения на литературном китайском языке отнюдь не принадлежит к числу моих достоинств, и я уповаю лишь на снисходительное отношение читателя к недостаткам моего стиля. Не окажи друзья существенной помощи в написании предлагаемой книги, я никогда не решился бы вынести ее столь смело на суд общественности» (Записки о лондонских злоключениях // *Сунь Ятсен. Избранные произведения. М. 1964. С. 67*).

² *J. Y. Wong. The Origins of an Heroic Image. P. 14.*

21 ноября 1896 г. госпожа Кэнтли записала в дневнике:

Хэмиш¹ только что закончил написание истории Сунь Ятсена и отнес ее издателем.²

Через два месяца новая запись:

Книга Хэмиша о Сунь Ятсене завтра выйдет из печати.³

На следующий день:

Сегодня появилась книга о Сунь Ятсене. Много хороших отзывов.⁴

Эти дневниковые записи свидетельствуют, что Джэймс Кэнтли не *редактировал* написанное Сунь Ятсеном, а *излагал* его мысли.

Имя Сунь Ятсена у всех на устах

Одним из главных последствий того, что Сунь Ятсен был арестован китайским посольством, а потом, пройдя через нелегкие испытания, благополучно обрел свободу, стал лавинообразный рост его популярности. Способствовал этому он сам, немалую лепту в формирование образа китайского героя внесли его бывшие учителя Кэнтли и Мэнсон, но всё же решающую роль в этом сыграла английская пресса.

Образ героической личности

Справедливости ради нужно сказать, что на первых порах некоторые английские издания расценивали случай на Портленд Плейс, 49 в несколько иной плоскости.

В газете «Globe», первой сообщившей о похищении Сунь Ятсена, был помещен комментарий агентства «The Central News»:

В этом заговоре нет ничего необычного. Кантонская провинция — это рассадник подрывной деятельности. <...> Помимо всего прочего, жители [китайского] Юга рождаются пиратами, и захват заложников — их профессия и искусство, в котором они преуспели. Тот факт, что один из похитителей был похищен в Лондоне — это не более чем зловещий пример китайского юмора.⁵

¹ Ласкательное шотландское имя Джэймса Кэнтли.

² Mrs Cantlie's diary, 21 December, 1896.

³ Ibid, 20 January, 1897.

⁴ Ibid, 21 January, 1897.

⁵ Globe, 23 October, 1896.

Эти слова поразили Джеймса Кэнтли, и он откликнулся на них:

Я близко познакомился с Сунем в Гонконге. В 1887 г. он учился там в медицинском колледже и окончил его. Он был прекрасным студентом и начал практиковать в Макао, португальском сэттльменте, расположенном примерно в 30 км от Гонконга. Благодаря своей успешной врачебной деятельности он был приглашен друзьями в Кантон. После этого я почти на месяц потерял его из вида, но он навестил меня в Гонконге и сообщил, что у него нелады с китайским правительством.¹

И очень скоро тон газет, сообщавших о непредвиденном происшествии, стал меняться.

Корреспондентов, бравших интервью у Сунь Ятсена, приятно удивили два обстоятельства: его внешний облик и владение английским языком.

Третий обратил внимание читателей на то, что «в своем светлом пальто, в костюме, сшитом на европейский манер, и в явно европейской мягкой фетровой шляпе черного цвета Сунь Ятсен совсем не похож на восточного заговорщика, каким его изображает китайская миссия».²

Что до его знания английского, тот же интервьюер утверждал, что Сунь Ятсен выражает свои мысли «медленно, но на очень хорошем английском языке».³

Лондонская пресса шумно выражала свое удовлетворение благополучным исходом скандальной истории, утверждая, что «хотя Сунь Ятсен не британский подданный, но он — человеческая личность, а у нас здесь в Англии любая человеческая личность, даже если она — китаец, имеет определенные и неотъемлемые права».⁴

Поэтому газеты приветствовали решительные действия правительства, направленные на восстановление справедливости:

Внешность д-ра Суня сыграла важную роль в стремительном росте его популярности

¹ Evening Standard, 23 October, 1896.

² Daily Mail, 24 October, 1896.

³ Там же.

⁴ Sun, 23 October, 1896.

Оперативность, с которой лорд Солсбери заставил [китайскую миссию] освободить Сунь Ятсена, будет встречена самым теплым одобрением повсюду в Британской Империи. <...> Не меньших похвал, чем быстрота действий премьер-министра, заслуживает пренебрежительный тон распоряжения об освобождении [Сунь Ятсена]. Чиновник Форин Офис, сопровождаемый одним-единственным детективом, появился на сцене, чтобы вручить этот документ, и о его безапелляционности можно судить хотя бы по тому, как быстро он был исполнен.¹

Резкое изменение отношения к Сунь Ятсену со стороны лондонской прессы стало причиной кардинальных сдвигов в оценке его деятельности англоязычными газетами, издававшимися в Китае.

В ноябре 1895 г. после неудачи руководимого д-ром Сунем восстания кантонская газета «China Mail» писала о нем:

Те, кто знает его, не удивлены, что тщательно разработанный им план завершился столь нелепым фиаско. Его претензии на лидерство не подтверждаются его мудрым решением бежать за 24 часа до ареста его товарищей, но если тот факт, что после этого он не решается ходить с высоко поднятой головой, удержит его от возвращения к прежним намерениям, это послужит счастливому избавлению его последователей и друзей.²

Прошло чуть больше года и теперь (о, чудо!) та же газета называла Сунь Ятсена «известной исторической личностью»:

Он выдающийся человек, хорошо осведомленный о поистине жалком состоянии миллионов жителей Китая. <...> Д-р Сунь был единственным, кто совмещал всестороннее понимание ситуации с той безрассудной храбростью, без которой национальное возрождение невозможно.³

The Case of Sun Yat-Sen

The sensation of the week was undoubtedly the story of the Chinaman who was detained by the Chinese Legation on October 11. The story was first published in the

SUN YAT-SEN
Who was a prisoner at the Chinese Embassy

for about ten days. It appears that Sun Yat-Sen is a medical man well known in Hong Kong, who was suspected of being engaged in a conspiracy to upset the reigning dynasty in China. His companions were arrested in China, and he fled to America, afterwards coming over to London, where he intended to study medicine. His friends, and especially Dr. Cantlie, who knew him in China, were much alarmed at his disappearance, as it was feared that he would be smuggled out of England and taken to China for execution. Sun's account of the affair was that he was passing the Chinese Embassy one day, not knowing the house, when two Chinamen came and spoke to him, and, after a little conversation, hustled him into the Embassy, where he was locked up in a top room and treated as a prisoner. Sir Halliday Macartney, however, the Secretary of the Embassy, declares that Sun went to the Embassy of his own accord, and it was only on his third appearance that he was told that he was a prisoner on a charge of treason. Then the Foreign Office took the matter in hand, and Lord Salisbury sent down a peremptory demand for the man's release, with the result that soon after five on the afternoon of the 24th Sun was handed over to Inspector Jarvis of Scotland Yard by the officials of the Embassy, after having been imprisoned the best part of a fortnight.

**Статья «Дело Сунь Ятсена»
в журнале «The Graphic»,
31 октября 1896 г.**

¹ Globe, 24 October, 1896.

² China Mail, 2 November, 1895.

³ China Mail, 26 November, 1896.

Кто он — реформатор или революционер?

Необходимо подчеркнуть, что большинство лондонских газетчиков считало Сунь Ятсена «героем нынешнего великого поколения»¹, но никто не называл его лидером китайской революции. Он сам приложил к этому руку, всячески воздерживаясь от каких бы то ни было упоминаний о своей революционной деятельности.

Характерен такой случай.

Репортеры, встретившие его на пороге китайского посольства в 5 часов пополудни 23 октября, наряду с другими вопросами поинтересовались: «Можете ли Вы сказать что-либо по поводу тех революционных дел, в которых Вас обвиняет миссия?»

«О, это длинная история и сейчас не время обсуждать ее!» — ответил Сунь Ятсен.²

Не исключено, что тогда действительно было не время обсуждать эту длинную историю. Но вечером того же дня, когда Сунь Ятсену, отдохнувшему и поужинававшему на квартире у Кэнтли, журналисты вновь задали тот же вопрос, он отвечал, что был задержан в китайском посольстве из-за, казалось бы, незначительного дела: в свое время он «направил [правительству] меморандум относительно реформ в Китае».³

О своей принадлежности к «партии реформ» Сунь Ятсен говорил не только корреспондентам английских газет. Он писал об этом и в своих статьях, опубликованных в Лондоне в начале 1897 г. Первая так и называлась: «Настоящее и будущее Китая: партия реформ просит Британию соблюдать доброжелательный нейтралитет»⁴; вторая — «Реформа законодательства в Китае».⁵

Всё это привело китайского историка Линь Цзэнпина к мысли о том, что в 1896–1897 гг. процесс трансформации Сунь Ятсена-реформатора в Сунь Ятсена-революционера еще не завершился.⁶

Линь Цзэнпин
(1923–1992)

¹ Sun, 24 October, 1896.

² Daily Chronicle, 24 October, 1896.

³ Evening Standard, 24 October, 1896.

⁴ *Sun Yatsen. China's Present and Future: The Reform Party's Plea for British Benevolent Neutrality* // Fortnightly Review, New Series. Vol. 61. 1897. № 363. P. 424–440.

⁵ *Sun Yatsen. Judicial Reform in China* // East Asia. Vol. 1. 1897. № 1. P. 3–13.

⁶ 林增平. 孙中山民主革命思想的形成 (Линь Цзэнпин. Формирование идеи Сунь Ятсена о демократической революции) // <http://www.doc88.com/p-0059215593838.html>.

С этим трудно согласиться — хотя бы потому, что в отличие от высказываний Сунь Ятсена, предназначавшихся им для всеобщего сведения, в своих частных письмах он в это время продолжал обсуждать проблемы свержения цинской династии, а не мирного преобразования существующего в Китае строя.

В книге «Похищен в Лондоне» описан такой эпизод. После освобождения Сунь Ятсена из-под ареста Джэрвис сопровождал его в Скотланд-Ярд.

На пути туда инспектор Джэрвис прочел мне длинную нотацию о моих прошлых ошибках, пожурив меня, как журят школьников, и дал мне добрый совет — впредь не иметь ничего общего с революциями.¹

Хуан Юйхэ расценил этот отрывок интерполяцией, вставленной в текст волею Кэнтли, поскольку тот также не терял надежды, что его бывший ученик, приобретший квалификацию врача, оставит политическую карьеру и вернется к занятиям медициной.²

Рецензенты обратили внимание на этот пассаж и со своей стороны выразили надежду, что Сунь Ятсен последует разумному совету полицейского.³

Как бы то ни было, Сунь Ятсен, образ которого с его собственной помощью и при активном содействии его верных друзей пропагандировала британская пресса, всё же кажется нам не вполне тем Сунь Ятсеном, каким он был в реальной действительности.

Встречи, обеды, чествования

Тем не менее его популярность в Лондоне была исключительной. Сунь Ятсена узнавали на улице, писали ему письма с просьбой дать автограф, приглашали на званные обеды и устраивали собрания, на которых он выступал с лекциями.

Мэйбл Кэнтли писала в своем дневнике:

Хэмиш и Сунь Ятсен были на ужине в Savage Club. Провели там прекрасный вечер.⁴
Газета «China Mail» сообщала об этом:

Сунь Ятсен выражает
свою готовность
вручить автограф
незнакомой даме

¹ Сунь Ятсен. Записки о лондонских злоключениях. С. 102.

² Wong J. Y. The Origins of an Heroic Image. P. 188.

³ Times, 21 January, 1897.

⁴ Mrs Cantlie's diary, 14 November, 1896.

14 ноября д-р Сунь Ятсен был приглашен на ужин в Savage Club и в ответ на настойчивые просьбы рассказал о пережитом им недавно в китайском посольстве на Портланд Плейс.

Историю своего избавления он поведал, несколько запинаясь, по-английски.¹

Подобных примеров можно привести множество.

Наглядной иллюстрацией популярности, которую в эти дни обрело имя Сунь Ятсена, было намерение знаменитого английского синолога профессора Кэмбриджского университета Г. Джайлса включить статью о Сунь Ятсене в подготавливаемый им «Китайский биографический словарь».

Отвечая Джайлсу, Сунь Ятсен сообщил некоторые сведения о себе, закончив письмо словами:

Что касается религии, то я почитаю Христа, а среди смертных — китайских Чэн Тана и У-вана, а также американца Вашингтона.²

44, DARTMOUTH STREET,
PQUEBEE, P.Q.,
Nov 10th, 1906

Dear Sir

Many thanks for your
courteous invitation. I shall be
very pleased to come and pay
my respect to the well known
The Battle of Old Volumes' dinner
on Friday the 4th of December.

Yours very truly
Sun Yat Sen

Сунь Ятсен благодарит
за приглашение
на ужин 18 ноября
1896 г.

此間則一國之盛衰，足見於中國文學者。近如林語堂將世平事跡附大作之內而並稱示，表面無爲而實經緯天下之不故當大漢學士也哉！懷來生止於斯也？自其起秀南之風氣，五化之化，備經時變，民神但速亡，不獲仁不讓富仁，合衆英義，猶倚義挺脫離險難再道中華以復元之志，而孝恭內之諸侯皆超越無物焉，運此則應天順人，作也以人謀本，嚴禁偶不利，勿詬詈先親，以替舅甥來游上朝，勸諭降泊，不意清膚者以此操擇，非陰月五日，聖祖顯達，公署居無道可見一斑所擬美國政府待美友不遜引以為事，亦計不足為奇也，抑亦中國有北夷之民之幸也，是下昔者淑淑潛心經史，當能悅然於教訓，言曰聖賢主教化文明之職，乃日清膚入強明社稷，確中國文明論，當時從來生民福烈未有若斯之也，也華有志之士，無不慷慨相繼，此所以出吾而生之計，以恆斯民於水火之中而挾筆夏於分崩之際也，爾楚老觀筆奮力有不遑乎，故又訪求章國士大夫之諸說，印文就者，以資教益，茲敢雅致美國賢才，寄傑以助宏圖，天下目矧中國之痛痼，民生之用提控之胎與仁人義士，豈不同情憤切，慨者悉知傾軋熱血，濁腔乾為吐走，是有賢者，僕者效法廣興治罪，羣民易法，番西得既關通，向愚昧乎，學術施行有良民策。

足下高明當有所見。幸為賜教。臣於
陋矣。是時研習至精。僅生平事蹟本
足紀。輒求 明開用佐。聞
僕性標名文字。載之號。逸仙籍隸廣
州府香山縣。生於一千八百六十六年
歷十月十六日。幼讀粵書。十二歲。舉經
十三歲。隨母往。夏。既在。嘉應。縣。爲。命。之。至
清溪之間。自是有慕西學之心。窮天地
想是年。復因西學。遂遍購。僑。友。入。英
皆。所。學。之。書。院。肄。業。英。文。年。後。再
美。人。所。授。之。書。院。肄。業。此。為。島。中。最
之。書。院。初。擬。在此。講。習。即。往。美。國。大
書。院。肄。習。華。門。之。聖。儒。克。因。其。心。益
耶。林。之。道。意。又。進。教。爲。親。習。者。着。合
四。華。是。十。餘。時。也。批。家。徒。觀。無。所。著
責。隨。其。所。至。居。郵。局。即。往。往。者。連。再
習。英。文。入。拔。稱。書。院。數。年。之。後。轉。再
看。書。書。院。內。因。家。事。離。院。再。往。他。處。習
數。月。回。自。是。得。習。英。文。復。治。中國。經。史
學。士。嚴。毅。即。向。粵。友。入。廣。東。者。城。基。教
士。所。設。博。學。書。院。肄。業。次。年。轉。入。倉
通。科。之。西。醫。書。院。五。年。滿。學。者。故
前。年。時。十。六。歲。失。此。從。師。港。學。之。事。也。是
年。年。最。老。覽。遠。大。性。豪。斯。哥。政。治。學。術
多。博。雜。不。純。於。中。學。則。獨。好。代。代。漢
之。文。於。西。學。則。難。融。這。文。道。道。時。段。段
下。亦。常。渴。思。其。於。教。則。崇。鮮。鮮。於。人
則。仰。中。華。之。禮。義。聖。美。國。華。威。頭。馬

Автобиография Сунь Ятсена, написанная им по просьбе Г. Джайлса

¹ China Mail, 24 December, 1896.

² Сунь Ятсен — Джайлсу, ноябрь 1896 г. // 孙中山全集 (Полное собрание сочинений Сунь Ятсена). Т. 1. Пекин. 1981. С. 48.

Споры на старую тему разгораются вновь

Казалось бы, версия Холлидея Макартни о том, что Сунь Ятсен пришел в китайскую миссию на Портланд Плейс по собственной воле, давно уже канула в Лету, и ни у кого не может быть сомнений в том, что в Лондоне он был похищен. Но вдруг споры на эту тему разгорелись вновь и притом с еще большим ожесточением, чем раньше.

Сенсационное заявление Чэнь Шаобая

Чэнь Шаобай — один из «четырёх знаменитых бунтарей» — был ближайшим другом и верным сподвижником Сунь Ятсена. Он лучше других знал подноготную лидера, которого безгранично уважал, а Сунь Ятсен делился с ним своими самыми сокровенными мыслями.

И поэтому неожиданной сенсацией явилось признание Чэнь Шаобая в его воспоминаниях об общении с Сунь Ятсеном летом 1897 г., когда тот только что прибыл в Японию из Лондона.

Чэнь Шаобай писал:

Знаем ли мы, при каких обстоятельствах д-р Сунь был задержан в посольстве? В книге «Похищен в Лондоне» сообщается, что он встретил на улице атташе посольства Дэн Тинцзяня. Дэн Тинцзянь назвался его земляком, родом из уезда Сяншань, и привел его к себе домой, дабы пообщаться с ним. Этот дом был не чем иным, как посольством. После этого они встречались еще несколько раз, но в конце концов его заставили подняться по лестнице, и он был задержан.

Но на самом деле правда была иной. Как сообщил мне д-р Сунь, он уже знал, что в этом здании помещалось посольство. Однако он ежедневно ходил туда под чужим именем, чтобы агитировать за революцию. Позднее сотрудники посольства заподозрили неладное, потому что слухи о восстании в Кантоне продолжали распространяться. Они подумали, не является ли визитер самим Сунь Ятсеном. Будучи уроженцем того же места, что и Сунь Ятсен, Дэн Тинцзянь подтвердил обоснованность этих подозрений, и д-р Сунь был задержан.¹

Сообщение
Чэнь Шаобая
было подобно
разорвавшейся бомбе

¹ 陈少白。兴中会革命史要 (Чэнь Шаобай. Краткая история революционной деятельности «Общества возрождения Китая»). Нанкин. 1935. С. 46.

Сообщение, содержащееся в посмертной публикации воспоминаний Чэнь Шаобая, подтвердило достоверность того вывода, к которому еще до того, в 1930 г. пришел историк Ло Цзялунь.

Профессор Ло Цзялунь проделал кропотливую работу по розыску первоисточников, имеющих отношение к пребыванию Сунь Ятсена в Лондоне. Им, в частности, были обнаружены и опубликованы доклады частного детектива, следившего за Сунь Ятсеном, а также документы,

Ло Цзялунь
(1897–1969)

сохранившиеся в архиве китайского посольства.

Помимо этого, Ло Цзялуню в свое время удалось побеседовать на эту тему с двумя соратниками Сунь Ятсена — Ху Ханьмином и Дай Цитао.

Дай Цитао
(1891–1949)

Ху Ханьминь впервые повстречался с Сунь Ятсеном лишь в 1905 г., спустя почти 10 лет после лондонских событий, но в беседе с Ло Цзялуном в июле 1930 г. засвидетельствовал, что слышал о перипетиях того времени из уст самого Сунь Ятсена.

Тогда Ху Ханьминь сообщил Ло Цзялуню:

Вопрос о том, пришел ли [Сунь Ятсен] в посольство добровольно или его завлекли туда силой, остается открытым, так как однажды он заявил нам, что оказался там по своей воле.¹

В сентябре 1930 г. Ло Цзялунь взял интервью у Дай Цитао, который также слышал сказанное Сунь Ятсеном: «Я сам пришел в посольство». Он мог узнать об этом позже, чем Ху Ханьминь, потому что познакомился с Сунь Ятсеном лишь в 1912 г.

Итак, Ло Цзялунь получил одну и ту же информацию из трех различных источников, те же в свою очередь — в разное время от самого Сунь Ятсена.

Ху Ханьминь
(1879–1936)

¹ Ло Цзялунь. Исследование материалов... С. 42.

Тем не менее в своих выводах Ло Цзялунь был столь же осторожен, как и Ху Ханьминь, полагая, что окончательный ответ на вопрос о том, что же произошло на Портланд Плейс, 49 в действительности, может быть получен лишь в результате дальнейших исследований.

К этому следует добавить, что в своей книге о раннем периоде деятельности Сунь Ятсена израильский исследователь Г. Шифрин упоминал еще об одном ветеране китайской революции, который, вопреки версии о насильственном похищении д-ра Суня, писал о том, что тот сам пришел в китайское посольство, чтобы «агитировать за революцию». Это был Дэн Мухань, неопубликованная рукопись которого хранится в настоящее время в архиве Комитета по изучению истории Гоминьдана в Тайбэе.¹

Мы разыскали эту рукопись. В ней, в частности, сказано:

В тот раз вождь поехал в Европу не только для того, чтобы изучить там ситуацию, но и со специальной целью пропаганды революционных идей и расширения влияния своей организации. В то время в английской столице не было обучавшихся там китайцев, да и иммигрантов из Китая было мало. С чего же он мог начать? По традиции среди дипломатов всегда было много выходцев из Гуандуна, и установление контакта с ними наверняка было бы полезно для перспектив революции. Разумеется, сотрудники посольства были прислужниками маньчжурского правительства, и обращение их в свою веру было крайне опасной затеей. Но неординарные цели революционера не ограничивали его действия обычными рамками. [По пословице:] «Как поймать тигренка, не проникнув в логово тигра?» И вот он решил на свой страх и риск отправиться 4-го числа 9-го месяца (10 октября по европейскому календарю) в китайскую миссию, чтобы встретиться с кантонцами.²

Дэн Мухань специально подчеркнул:

Впоследствии об этом говорил сам вождь, и о том же упоминается в книге У Цзунляня (бывшего в посольстве переводчиком французского языка) «Четыре записи о поездках за рубеж в составе императорской миссии», в «Дневнике путешествий» Фэн Лина (бывшего военно-морским атташе посольства), в официальном донесении Гун Чжаоюаня и показаниях англичанина Макартни — он сам пришел в посольство и потом был задержан там. С точки зрения здравого смысла именно этой версии следует отдать предпочтение.³

¹ Schiffrin H. Z. Sun Yan-sen and the Origins of the Chinese Revolution. P. 113, n. 49.

² 邓慕韩. 详记孙总理伦敦蒙难事 (Дэн Мухань. Подробно о похищении Сунь Ятсена в Лондоне) // Архив Комитета по изучению истории Гоминьдана. 030/131. С. 4.

³ Там же. С. 7.

Что же касается версии, изложенной в книге «Похищен в Лондоне», то Дэн Мухань утверждал:

Автор хотел обрести симпатии лиц, не имевших прямого касательства к этому делу, и представить преступления маньчжурского двора в более выпуклой форме. Поэтому он был вынужден использовать подобный прием, не более того. Прекрасно зная, что это здание посольства, войти в него — это еще отчетливее характеризует революционную смелость вождя, коей не обладает обыватель!¹

Неизвестно, когда были написаны эти строки. В каталоге архива утверждается лишь: «До создания Китайской Республики».²

Если составители каталога правы, это сочинение Дэн Муханя было написано задолго до выхода в свет книги Ло Цзялуня.

Мнения разделились

Рукопись Дэн Муханя покоилась на полке архива, а исследование Ло Цзялуня было дважды издано и доступно всем желающим. Поэтому именно он был избран в качестве мишени для смертоносных стрел блюстителей принципа партийности науки, исповедовавшегося Гоминьданом столь же последовательно и строго, как ВКП(б) и КПК.

Дошло до того, что у секретаря Чан Кайши возникла мысль запретить книгу Ло Цзялуня, поскольку в ней утверждалось, что Отец Государства был способен изрекать неправду, то есть, говоря просторечным китайским языком, лгать. Отказались от этого шага только ввиду того, что книга уже разошлась большим тиражом.³

Всё же сам профессор Ло Цзялунь, ректор Университета «Цинхуа», всемирно известный

Обложка книги Ло Цзялуня
о злоключениях Сунь
Ятсена в Лондоне

¹ Там же.

² 中国国民党中央委员会党史委员会藏孙中山先生史料目录彙编 (Каталог исторических материалов, связанных с деятельностью Сунь Ятсена, из собрания Комитета по истории партии при ЦК Гоминьдана). Тайбэй. 1995. С. 53.

³ 吴相湘. «伦敦蒙难» 真相必须澄清 (У Сянсян. Правда о «похищении в Лондоне» должна быть восстановлена) // Ляньхэ бао, 12 ноября 1964 г.

Ло Цзялунь и Джавахарлал Неру

ученый, был прилюдно пригвожден к позорному столбу и подвергнут всеобщему осмеянию.

Спустя три десятилетия после выхода в свет книги Ло Цзялуня роль главного инквизитора выпала на долю У Сянсяна, так же, как и его жертва, посвятившего исследованию деятельности Сунь Ятсена многие годы своей жизни.

Для того чтобы восстановить правду о похищении в Лондоне, У Сянсян проделал определенную работу. В поисках прямых доказательств того, что Сунь Ятсен был похищен, он предпринял в 1962 г. специальную поездку в Лондон, где внимательно перелистал документы из фонда 17/1718 в архиве Форин Офис и особенно тщательно ознакомился с докладом Каффа. Скопировав ряд материалов, он по возвращении в Китай опубликовал их¹, хотя исходная цель этим не была достигнута.

¹ 吴相湘。海外新见中国现代史史料 (У Сянсян. Обнаруженные за рубежом новые материалы по новейшей истории Китая) // 中国现代史丛刊 (Материалы по новейшей истории Китая). Т. 1. Тайбэй. 1962.

В 1964 г. У Сянсян подверг безжалостной критике главный тезис Ло Цзялуня, посвятив этому специальную статью.¹ Повторяя в ней выводы Каффа, автор доказывал их основательность тем, что они были сформулированы официальным представителем британского правосудия. Напротив, У Сянсян претил тот факт, что Ло Цзялунь использовал в своей книге конфиденциальную переписку китайского посланника с Цзунлиамэнем.

Спустя еще два десятилетия У Сянсян в своей «Биографии Сунь Ятсена»² неоднократно возвращался к тому, что считал ошибочным в изложении Ло Цзялуня. На один из наиболее показательных примеров этого позднее обратил внимание Хуан Юйхэ.

Кафф отметил знаменательный факт: Сунь Ятсен спрашивал и у Кэнтли, и у Мэнсона, как они отнесутся к тому, что он посетит китайское посольство. Следователь отнес этот факт в число тех, которые в какой-то мере плохо согласовывались с его главным выводом о правдивости показаний Сунь Ятсена относительно обстоятельств его похищения.

По этому поводу У Сянсян написал:

Сунь Ятсен находился в Англии по пути во Францию с целью изучения сельского хозяйства. Он имел на руках паспорт, выданный ему маньчжурским Министерством иностранных дел. Для того чтобы получить французскую визу, визит в китайское посольство был ему необходим.³

Хуан Юйхэ справедливо заметил, что, во-первых, никто не знает, действительно ли Сунь Ятсен собирался ехать из Лондона во Францию; во-вторых, неизвестно, был ли у Сунь Ятсена паспорт и, если был, то какой; в-третьих, если бы Сунь Ятсену и в самом деле была нужна французская виза, он должен был бы обратиться во французское, а не в китайское посольство.

Но главное, заключает Хуан Юйхэ, вплоть до Второй мировой войны визы были в Европе неизвестны и житель одной страны мог, не имея даже паспорта, свободно отправляться за границу (за исключением России и Турции).⁴ К этому можно добавить, что китайцу, выезжавшему

¹ 吴相湘. «伦敦蒙难» 真相必须澄清 (У Сянсян. Правда о «похищении в Лондоне» должна быть восстановлена) // Ляньхэ бао, 12 ноября 1964 г.

² 吴相湘. 孙逸仙先生传 (У Сянсян. Биография Сунь Ятсена). Т. 1–2. Тайбэй. 1972.

³ Там же. Т. 1. С. 153.

⁴ Wong J. Y. The Origins of an Heroic Image. P. 6–7.

Паспорт, выданный в 1908 г. некоему Сун Лянби для поездки на учебу в Канаду

1896 г. Сунь Ятсен был заключен в запертую на ключ комнату на Портланд Плейс, 49. Хронологически на втором месте в этом перечне после книги Ло Цзялуня стоит исследование израильского историка Г. Шифрина¹.

В советское время этот «буржуазный ученый» подвергался бичеванию за искажение истинного облика великого Сунь Ятсена. С особым рвением этому занятию отдавал время и силы главный отечественный суньятсеновед академик С. Л. Тихвинский. Но даже он признавал, что эта работа Шифрина «основана на серьезном документальном материале».²

В этой оценке академик Тихвинский был безусловно и абсолютно прав. Шифрин собрал воедино все доступные ему первоисточники и подверг их детальному критическому анализу.

за границу, паспорт требовался только в том случае, если он собирался в США или Канаду.

В целом У Сянсяну, несмотря на все приложенные к тому усилия, так и не удалось доказать, что Сунь Ятсен был похищен.

Выше речь шла о споре, который вели в 30–80-х годах китайские ученые. Но эта тема обсуждалась и за рубежом, что также, разумеется, заслуживает нашего внимания и анализа.

Можно сказать, что в настоящее время в распоряжении читателя есть три наиболее солидные монографии, из которых он может почерпнуть факты и суждения, связанные с тем, каким образом 11 октября

Экземпляр книги С. Л. Тихвинского, преподнесенный им в дар библиотеке Тамканского университета

¹ Schiffrin H. Z. Sun Yat-sen and Origins of the Chinese Revolution. Berkeley and Los Angeles. 1968.

² Тихвинский С. Л. Завещание китайского революционера. М. 1986. С. 221.

Это позволило автору, признававшему справедливость основных выводов Ло Цзялуня, дать их дальнейшее обоснование, а положения, высказанные в осторожной предположительной форме, сформулировать гораздо более определенно.

К таковым относится и главный тезис Ло Цзялуня, а именно — версия о насильственном похищении Сунь Ятсена является вымыслом; Чэнь Шаобай, Ху Ханьминь и Дай Цзитао не осуждали вождя за это: «они понимали, что нужно солгать, дабы заклеить маньчжурский режим и заодно заручиться поддержкой мирового общественного мнения»¹.

Хуан Юйхэ (J. Y. Wong)
председательствует
на научной конференции

Третьим по времени издания труда о лондонских приключениях Сунь Ятсена стоит китайский ученый, получивший широкую известность после того, как стал профессором Сиднейского университета. Он сохранил свое китайское гражданство, но из Хуан Юйхэ превратился в Джона Вонга.

Его книга уже упоминалась нами в предшествующем изложении. Это не только самое объемистое (оно насчитывает 330 страниц), но наиболее полно документированное исследование на интересующую нас тему, до сего дня не имеющее в этом отношении себе равных.

От всех предшествующих опусов сочинение Хуан Юйхэ отличается одна немаловажная деталь. Помимо использования всех письменных источников, доступных историкам в середине 80-х годов прошлого века, он предпринял, по собственному выражению, «полевые исследования», скрупулезно изучив улицы и здания Лондона, упоминаемые в этих источниках.

Мы с благодарностью восприняли многие выводы этой книги, кроме одного из важнейших — о том, что, несмотря на все доводы его предшественников, Сунь Ятсен был похищен.

**Личная печать профессора
Хуан Юйхэ**

¹ *Schiffrin H. Z. Sun Yat-sen and Origins of the Chinese Revolution. P. 111.*

Почему мы не согласны с профессором Хуан Юйхэ

Наша позиция основывается, прежде всего, на некоторых новых данных, ранее неизвестных исследователям или недостаточно полно использованных ими, с другой стороны, она — результат комплексного рассмотрения уже хорошо известных первоисточников.

Приводя слова Чэнь Шаобая о том, что ему говорил Сунь Ятсен, Хуан Юйхэ сопоставляет их со статьями, опубликованными примерно в то же время японской «Kobe Chronicle» и гонконгской «China Mail», и приходит к выводу: Чэнь Шаобай *придумал* версию о добровольном и обдуманном появлении Сунь Ятсена в китайском посольстве — придумал для того, чтобы укрепить авторитет лидера «Общества возрождения Китая» как единственного и незаменимого вождя китайской революции¹.

В это можно было бы поверить, если бы свидетельство Чэнь Шаобая было единственным. Но тот факт, что о том же сообщали также другие соратники Сунь Ятсена, принципиально меняет дело.

Очень важно то, что о лондонских событиях писал Дэн Мухань. Ло Цзялунь обнаружил эту статью в тайбэйском архиве уже после того, как его книга была издана, и поэтому в ней нет ссылок на сказанное Дэн Муханем. Ло Цзялунь «показал копию статьи» Шифрину, но и тот ограничился лишь кратким упоминанием об этом факте², и в его работе свидетельство Дэн Муханя использовано не было. То же самое произошло и с Хуан Юйхэ. Он знал о статье Дэн Муханя, но не более того.

Между тем эта статья — нечто большее, чем просто четвертое по счету сообщение о признании Сунь Ятсена. Дэн Мухань, как и Ху Ханьминь, не только сообщает об этом, он сопоставляет две противоположные версии случившегося. И если Ху Ханьминь воздерживается от ответа на вопрос, которая из этих версий соответствует действительности, фактически оставляя вопрос открытым, то Дэн Мухань признает справедливой вторую из них, но только потому, что она кажется ему таковой «с точки зрения здравого смысла», и потому, что с ней согласуются свидетельства сотрудников посольства, которых создание героического образа революционного вождя волновать не могло.

Хуан Юйхэ придает немалое значение тому факту, что вторая («добровольная») версия была приведена в статье, сначала помещенной в японской газете «Kobe Chronicle» и перепечатанной затем в гонконгской

¹ Wong J. Y. The Origins of an Heroic Image. P. 116–124.

² Schiffrin H. Z. Sun Yat-sen and Origins of the Chinese Revolution. P. 113.

«China Mail». Считая Чэнь Шаобая автором этой статьи, Хуан Юйхэ обращает внимание на тот факт, что она была написана еще до возвращения Сунь Ятсена из Англии, и «добровольная» версия поэтому была вымыслом Чэнь Шаобая.

При этом Хуан Юйхэ упоминает о том, что сразу же после освобождения из плена Сунь Ятсен послал об этом телеграмму Чэнь Шаобая. Однако, полагает профессор Хуан, во-первых, «невозможно представить себе, что он (Сунь Ятсен) телеграфировал в Японию о том, что он отказался прийти в посольство, в то время, когда он неоднократно сообщал репортерам о своем похищении»; во-вторых, в то время почтовое сообщение было недостаточно быстрым для того, чтобы сообщение Сунь Ятсена могло дойти до Японии прежде, чем была опубликована статья в «Kobe Chronicle»¹.

Что касается второго утверждения, то мы не располагаем конкретными данными о скорости доставки международных телеграмм в 80-х гг. прошлого столетия и поэтому не в состоянии ни принять, ни отвергнуть мнение Хуан Юйхэ. Но что касается первого, то мы не можем согласиться с ним. Как будет показано ниже, во время пребывания в Лондоне Сунь Ятсен делал порой взаимоисключающие заявления, мало заботясь о том, что будет уличен в лжесвидетельстве.

Не следует пренебрегать тем фактом, что Сунь Ятсен спрашивал Кэнтли и Мэнсона о целесообразности его возможного визита в посольство. Хуан Юйхэ отверг притянутое за уши объяснение этого, предложенное У Сянсяном, но не предложил ничего взамен.

Главное даже не в этом. Если Чэнь Шаобай придумал «добровольную» версию, чтобы укрепить пошатнувшийся было авторитет Сунь Ятсена, то он оказал ему медвежью услугу. Приведя вымышленный эпизод, свидетельствующий о безграничной смелости великого революционера, он тем самым обвинил его во лжи, не замечая, что с точки зрения рукотворного образа вождя это, говоря словами Пушкина, «две вещи несовместные». Вождю вовсе не обязательно безрассудно рисковать своей жизнью, но он должен в любых обстоятельствах говорить правду, одну только правду, ничего кроме правды — только в этом случае он может повести за собой своих сторонников, безоговорочно верящих каждому его слову.

Этого не могли не понимать ни сам Чэнь Шаобай, ни Ху Ханьминь, Дай Цзитао и Дэн Мухань. Это прекрасно понимали те, кто охранял от

¹ *Wong J. Y. The Origins of an Heroic Image. P. 123–124.*

любых посягательств священный образ вождя. Именно поэтому книгу Ло Цзялуня хотели запретить, а сочинение Дэн Муханя было погребено в недрах партийного архива и так и не было опубликовано.

Хуан Юйхэ, утверждая, что автором «добровольной» версии был не Сунь Ятсен, а Чэнь Шаобай, ссылается, помимо всего прочего, на слова Мэнсона о том, что его друг никогда не говорил неправды:

Я знаю Сунь Ятсена много лет и всегда находил его высказывания правдивыми.¹

Но другие лица, знавшие Сунь Ятсена, бывали иного мнения. Достаточно сослаться на мнение редактора одной из нанкинских газет, часто общавшегося с Сунь Ятсеном, Д. Фрэзера. Однажды он написал Дж. Моррисону, что как-то задал Сунь Ятсену вопрос, на который тот ответил, что ничего не знает об этом:

Сунь наверняка лгал и, как мне кажется, сам понимал, что это глупо с его стороны.²

Хуан Юйхэ не мог не знать, что в свою бытность в Лондоне Сунь Ятсен, а не Чэнь Шаобай неоднократно говорил и писал неправду.

В своих показаниях Каффу Сунь Ятсен признал, что, будучи побуждаем переводчиком миссии Дэн Тинцзянем, он написал обращение к Макартни с отрицанием своего участия в кантонском восстании, «полагая, что это единственный способ выйти на свободу».³

В данном случае Сунь Ятсен написал неправду, потому что ему угрожала смерть.

Но когда он говорил Мэнсону, что не был обращен в христианство в юношеском возрасте, а родился в христианской семье⁴, ему ничто не угрожало.

Точно так же, уже выйдя на свободу, Сунь Ятсен заверил инспектора Скотланд-Ярда, что приехал в Англию для того, чтобы закончить работу над своей диссертацией по медицине.⁵

В записке, адресованной Кэнтли, Сунь Ятсен утверждал, что родился в Гонконге и потому является британским подданным⁶, а вскоре после

¹ *Wong J. Y. The Origins of an Heroic Image. P. 136.*

² Fraser to Morrison, 10 February, 1912 // *The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. 1. Cambridge. 1976. P. 732.*

³ Sun Yatsen's statement at the Treasury, 4 November, 1896 // FO 17/1718.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

этого в автобиографии, написанной по просьбе профессора Г. Джайлса, писал, что является уроженцем Гуандуна¹, не опасаясь того, что будет уличен во лжи.

Этот факт приводится здесь в связи с утверждением Хуан Юйхэ, что Сунь Ятсен не мог одновременно настаивать на своем похищении и телеграфировать в Японию, что пришел в миссию по доброй воле. По-видимому, мог!

Мы упоминаем обо всем этом не для того, чтобы обсуждать морально-этическую сторону проблемы, а с совершенно иной целью.

Легкость, с которой Сунь Ятсен в своих высказываниях отклонялся от истины, имеет еще один — источниковедческий — аспект.

А именно: исследователь, если только он не хочет оказаться введенным в заблуждение, не должен просто цитировать пассажи из сочинений Сунь Ятсена. Ему каждый раз следует всесторонне проанализировать вопрос о том, когда было сделано то или иное заявление, к кому оно было обращено, говорил ли Отец Государства всерьез или, быть может, шутил и, наконец, сообщал ли он людям правду или по какой-то уважительной причине отклонялся от оной, коль скоро на свете есть понятие «святая ложь».

¹ См. выше (С. 109).

Глава III

Неспокойное начало нового века

Японские друзья д-ра Суня

В Японии у Сунь Ятсена было множество друзей (по некоторым подсчетам число их приближалось к трем сотням). Были среди них друзья особенные, закадычные, которых он не колеблясь посвящал в свои самые сокровенные жизненные планы.

Фотограф и ученый

Кажется, первым японцем, с которым Сунь Ятсен познакомился и надолго подружился, был Умэя Сокити. В 1895 г., вскоре после неудачного восстания в Кантоне, его, владельца фотоателье в Гонконге, представил Сунь Ятсену Джэймс Кэнтли.

Близко сойдясь с д-ром Сунем, Умэя сказал: «Твое дело — начинать восстание, мое — помогать тебе, тряся мошной!»¹

Эти слова стали его жизненным кредо; он более четверти века оказывал помощь Сунь Ятсену,

Умэя Сокити
(1868–1934)

¹ В 1996 г. в Японии было организовано «Общество по изучению исторических материалов о жизни Умэя Сокити», которое возглавил профессор Кубота Бундзи (см.: 久保田文次。梅屋庄吉研究の成果と課題 (Кубота Бундзи. Результаты и проблемы изучения деятельности Умэя Сокити) // 看清世界与正视中国 (Понимать ситуацию в мире и правильно оценивать Китай). Тяньцзинь. 2005. С. 559–565.

ссужая его деньгами и ничего не требуя взамен, а после кончины друга шел за его гробом.

Личностью совершенно иного рода был японец Минаката Кумагусу. Умзя помогал Сунь Ятсену материально, Минаката делился с ним своими знаниями и идеями.

Впервые они встретились в 1897 г.

Произошло это в читальном зале Британского музея.

Минаката был ученым-ботаником, широко образованным человеком, интересовавшимся не только естественнонаучными, но и социально-политическими проблемами.

7/3	I have read the "Directions respecting the Reading Room," And I declare that I am not under twenty-one years of age.	
458262	Sun Yat sen	
11893	8 Gray's Inn Place	P.R.
13/6	I have read the "Directions respecting the Reading Room," And I declare that I am not under twenty-one years of age.	
14/6		
672	Sun Yat sen	
2772	66 Bedford Row, Holborn	1340

Читальный зал Британского музея
и расписка Сунь Ятсена в том, что он познакомился
с правилами поведения в нем

Минаката Кумагусу
(1867–1941)

Случайно встретившись в Британском музее, они разговорились, вскоре ощутив чувство взаимной приязни, и Сунь Ятсен стал посещать своего нового знакомого у него дома, а тот отвечал ему тем же.

По подсчетам Хуан Юйхэ, произведенным на основании дневника Минаката, в течение трех с половиной месяцев с 16 марта по 3 июля 1897 г. друзья-единомышленники в общей сложности общались 27 раз, причем их встречи нередко продолжались 6–7 часов.¹

По словам Минаката, во время их первого разговора Сунь Ятсен задал собеседнику вопрос о том, чего ему больше всего хочется в жизни, и в ответ услышал:

Я мечтаю о том, чтобы в один прекрасный день все иностранцы убрались восвояси из Азии раз и навсегда!²

Эти слова поразили Сунь Ятсена и глубоко запали ему в душу: он впервые услышал четкое изложение паназиатской идеи.

В 1901 г. друзья снова встретились в Японии
(Сунь Ятсен сидит в центре, Минаката стоит слева)

¹ Wong J. Y. The Origins of an Heroic Image. P. 273–275.

² 笠井清. 南方熊楠 (*Kasai Kumatsu*. Минаката Кумагусу). Токио. 1967. С. 131.

Рёнин

В средневековой Японии так называли самураев, потерявших своего сюзерена; после реформ Мэйдзи так стали называть тех, кто нигде не служил, но готов был отдать все свои способности и силы внешней экспансии Японии. А поскольку основным объектом агрессивных устремлений Японии в 20-м веке были сначала земли, так или иначе зависимые от Китая (Рюкю, Корея), а затем и сам Китай как таковой, в японском языке появился неологизм «китайские *рёнин*» — люди, посвятившие всю свою жизнь планам захвата территории Китая. А поскольку они всё же не были чужды самурайской морали, с их точки зрения было необходимым найти себе друга-покровителя, способного помочь им осуществить цель их жизни. Многие *рёнин* стали «друзьями» Сунь Ятсена, но отнюдь не такими бескорыстными, как Умэя или Минаката.

Одним из них был Миядзаки Торадзо. Он родился в семье самурая и с детских лет мечтал о великих свершениях, которые предопределила ему судьба.

В двадцатилетнем возрасте Миядзаки побывал в Китае и твердо решил, что только в этой огромной стране он сможет найти применение своей неуёмной энергии.

Миядзаки Торадзо
(1871–1922)

Ему приписывают авторство песенки, которую в начале прошлого века распевали молодые японцы, восхищенные героическими идеями «китайских *рёнин*»:

われも行くから君もこい
せまい日本にや住みあいた
波たつ彼方に支那がある
支那にや四億の民が待つ

Я отправляюсь, ты тоже со мной поезжай!
Слишком мала нам Япония стала сейчас.
А там вдалеке распростерся огромный Китай,
Сотни миллионов людей уже ждут с нетерпением нас...

Но для осуществления своих грандиозных планов *рёнин*, подобный Миядзаки, нуждался в партнере-китайце, так же, как и он сам, одержимом великой идеей. В иное время таковым мог стать для Миядзаки

кто-то другой. Но в 1897 г. Миядзаки познакомился со скрывавшимся в Японии Чэнь Шаобаем. Тот рассказал ему о Сунь Ятсене и дал почитать изданные в Англии записки «Схвачен в Лондоне». И рёнин понял: вот та героическая личность, которую он так долго разыскивал!

Когда в августе 1897 г. Сунь Ятсен прибыл в Иокогаму, он не собирался надолго задерживаться в Японии, намереваясь отправиться во Вьетнам. Однако встреча с Миядзаки, положившая начало их тесному сотрудничеству на протяжении более двух десятилетий, изменила его планы.

Как известно, Сунь Ятсен не знал японского, Миядзаки не говорил по-китайски, а их знания английского было явно недостаточно для непосредственного общения. Выход из положения был всё же найден: сидя рядом за одним столом они обменивались своими мыслями, записывая их китайскими иероглифами, понятными обоим собеседникам.¹

Перу Миядзаки принадлежат воспоминания о китайской революции и о Сунь Ятсене.²

Миядзаки познакомил Сунь Ятсена со своим единомышленником Хираяма Сю, который вошел в историю благодаря тому, что придумал д-ру Суню японскую фамилию Накаяма (中山). Позднее она превратилась в псевдоним, в своем китайском произношении *zhongshan* ставший затем еще одним именем Сунь Ятсена.

Одна из сохранившихся в архиве Миядзаки Торадзо страниц его письменного диалога с Сунь Ятсеном

Хираяма Сю
(1870–1940)

¹ Часть этих записей дошла до нас, став ценным источником для реконструкции не только обстоятельств общения Сунь Ятсена с Миядзаки, но и высказывавшихся ими политических суждений. Этому историческому источнику посвящена магистерская диссертация Чэнь Линчжи, защищенная в 2017 г. в Чжэцзянском Торгово-промышленном университете. См. 陈龄之. 宫崎滔天家藏笔谈残稿诸问题再考 (Чэнь Линчжи. Дополнительное исследование вопросов, связанных с записями, хранящимися в частной коллекции Миядзаки).

² 宫崎滔天. 三十三年落花梦 (Миядзаки Торадзо. Тридцать три года прошли как сон). Токио, 1902.

В отличие от Миядзаки, получивший в Японии широкую известность *рёнин* Утида Рёхэй считал главной целью всей своей жизни борьбу против злокозненной России, мешавшей Японии осуществить свои давнишние вожеления в северо-восточной части Китайской империи.

Летом 1897 г. он отправился в Сибирь и писал оттуда одному из респондентов:

Освоение Россией дикой сибирской тайги не столь далеко от того, как это представляется японцам. Это действительно внушает мне серьезные опасения. Если всё будет оставаться в таком же положении лет десять, прямо над Японией нависнет мощное государство. Китай, конечно, падет. Слабая Корея и ей подобные не могут быть партнерами России. Японию может ждать участь Кореи или Китая. <...> Наш народ не думает о России, нет людей, которые посвятили бы свою жизнь решению тех проблем, что связаны с Россией, они только охают, что, дескать, Японии скоро придет конец. <...> Однако нет толку в том, чтобы сидеть и горевать. Я окончательно решил посвятить свою жизнь проблемам, связанным с Россией.¹

Утида впервые встретился с Сунь Ятсеном летом 1898 г. вскоре после возвращения из поездки в Россию. Их познакомил Миядзаки.

Утида писал в своих мемуарах:

Сунь сказал мне, что революция в Китае неизбежна и что он надеется на помощь со стороны Японии.

Я ответил, что Китаю действительно нужна революция, но для этой революции необходимы определенные условия. Вопрос первостепенной важности — начало японо-русской войны. Если таковой не будет, остановить агрессию России не удастся. А без этого Россия воспользуется хаосом, который неизбежно будет сопутствовать революции, чтобы захватить часть территории Китая. <...>

Сунь заявил, что в случае, если китайская революция победит, вернуть захваченные Россией территории будет несложно, в особенности если Китай и Япония будут действовать рука об руку. Мне весьма понравилась эта идея Суня, и я сказал: «Если революция в Китае произойдет до начала японо-русской войны, я отложу все дела, связанные с Россией,

Утида Рёхэй (1874–1937)

¹ Цит. по: *Танака Такэюки*. Утида Рёхэй: взгляд на Россию // <https://vivliophica.com/articles/history/124968>.

и буду помогать Вам!». <...> Сунь встретил эти слова с большим энтузиазмом.¹

В последующие годы Утида неоднократно обращался к японскому правительству, давая ему различные советы, общий смысл которых сводился к немедленному захвату Маньчжурии. Со стороны Сунь Ятсена это не встречало возражений, потому что тогда он неоднократно заявлял, что Маньчжурия — это не совсем Китай и ею вполне можно пожертвовать ради высших революционных соображений.

Рассказу об общении с Сунь Ятсеном Утида Рёхэй посвятил немало страниц в своей книге о китайской революции.²

Обласканный божественным микадо

Совершенно особое место среди японских «друзей» Сунь Ятсена занимал некто по имени Мунаката Котаро.

Мунаката был профессиональным разведчиком. Свою первую поездку в Китай он совершил, когда ему было 20 лет. Отпустив себе косу, облачившись в китайское платье и хорошо владея китайским языком, он несколько десятилетий провел в путешествиях по Китаю, собирая разнообразную военно-политическую информацию и незамедлительно передавая ее в Министерство военно-морского флота (сейчас в Японии хранится более 700 его секретных докладов; другие материалы о деятельности Мунаката в Китае находятся в Шанхае).

Мунаката Котаро
(1864–1923)

Мунаката особенно отличился во время японо-китайской войны 1895 г. Специалисты утверждают, что именно его донесения во многом способствовали разгрому Северной флотилии, предопределившему исход всей кампании. Неслучайно же его трижды награждали орденами и, кроме того, он удостоился особой чести — персональной аудиенции императора.

¹ 内田良平. 硬石五十年譜 (Утида Рёхэй. Пятьдесят лет моей жизни). Токио. 1927. С. 41.

² 内田良平. 中国革命 (Утида Рёхэй. Китайская революция) // 近代史資料 (Материалы по новой истории Китая). Т. 66. Пекин. 1987.

Страница из дневника
Мунаката Котаро

В кругу близких друзей
(в первом ряду четвертый справа Сунь Ятсен,
второй слева Мунаката)

В ноябре 1897 г. Мунаката вызвали в Токио для получения инструкций. Сунь Ятсен тогда тоже находился в Токио, и Миядзакэ Торадзо познакомил его с Мунаката. Их встреча состоялась 20 ноября.

В тот день Мунаката записал в дневнике:

Сунь [Ятсену] в этом году исполнился 31 год. Хотя он и не представляет собой выдающуюся личность, но обладает хорошими способностями и знаниями, уверен в себе и решителен. Увлечен идеей преобразования Поднебесной. Мы до петухов обсуждали коренные проблемы Востока. Сунь был в высшей степени удовлетворен беседой.¹

В дальнейшем Мунаката неоднократно пользовался сведениями, которые предоставлял ему ничего не подозревавший Сунь Ятсен.

«А как назвать твою должность — “президент” или “император”, реши сам»

Эта интригующая страница биографии Сунь Ятсена относится к числу тех эпизодов его жизни, которые до сих пор вызывают споры специалистов, по-разному толкующих имеющиеся в их распоряжении исторические свидетельства.

¹ 宗方小太郎文書 (Документы из архива Мунаката Котаро). Токио. 1975. С. 670.

Первый этап этой истории, о котором ранее коротко упоминалось в книге Фань Вэньлани¹, был наиболее полно и всесторонне проанализирован Кун Сянцзи в соавторстве с Мурада Юдзиро.²

Тайная миссия Лю Сюэсюня

21 сентября 1898 г. поражением завершились «Сто дней реформ».

Шесть руководителей заговора были казнены, а Кан Ювэй и Лян Цичао посчастливилось избежать ареста и скрыться в Японии, где они продолжали пропаганду своих идей и высказывали нелицеприятные суждения о вдовствующей императрице Цыси. А она в свою очередь не оставляла надежд на то, что ей удастся найти злодеев и разделаться с ними.

Кан Ювэй и Лян Цичао

Профессор Кун Сянцзи

13 октября она получила доклад сановника Ян Чунъи, в котором говорилось, что если не устранить Кан Ювэй и Лян Цичао, «у Китая не будет ни дня покоя», и был изложен конкретный план осуществления этой цели: заручившись согласием и поддержкой Японии, организовать покушение на Кан Ювэй и Лян Цичао руками Сунь Ятсена.

В докладе Ян Чунъи была указана и кандидатура человека, которому можно было поручить задачу связаться с Сунь Ятсеном. Им был тот самый Лю Сюэсюнь, о котором мы уже упоминали в связи с подготовкой Кантонского восстания. Тогда Сунь Ятсен, рассчиты-

¹ 范文澜. 中国近代史 (Фань Вэньлань. Новейшая история Китая). Т. 1. Пекин. 1961. С. 356.

² 孔祥吉、村田雄二郎. 罕为人知的中日结盟及其他: 晚清中日关系史新探 (Кун Сянцзи, Мурада Юдзиро. Малоизвестная история китайско-японского соглашения о союзе: новое исследование китайско-японских отношений в конце эпохи Цин). Чэнду. 2004.

Ян Чуньи

Куань выедут в Японию под видом коммерсантов, намеревающихся познакомиться за морем с конъюнктурой тамошнего рынка. Об истинных целях экспедиции не должен был знать никто, даже самые высокопоставленные сановники из окружения вдовствующей императрицы.

16 ноября Цыси санкционировала этот план.

Когда Лю Сюэсюнь прибыл в Шанхай, откуда он намеревался отплыть в Токио, японский консул Отаки Масуносукэ был проинформирован об

Вдовствующая императрица Цыси

вавший обрести в его лице спонсора революции, ввел Лю Сюэсюня в круг своих ближайших соратников.

У Лю Сюэсюня были личные счеты с Кан Ювэем, и поэтому именно его Ян Чуньи рекомендовал императрице в качестве подходящего человека для организации террористического акта.

В соответствии с первоначальным планом предполагалось, что Лю Сюэсюнь и сопровождающий его Цин

Лю Сюэсюнь
(1855–1935)

истинной цели предпринимаемого путешествия.

Отаки сообщил об этом в свое министерство иностранных дел, которое предложило подвергнуть план дополнительному обсуждению. Конспираторы вместе с Отаки отправились обратно в Пекин.

В результате секретных переговоров 21 мая было принято новое решение: никому не известный коммерсант теперь ехал в Японию как глава официальной миссии доброй воли, призванной способствовать укреплению дружественных отношений между двумя странами.¹

¹ Там же.

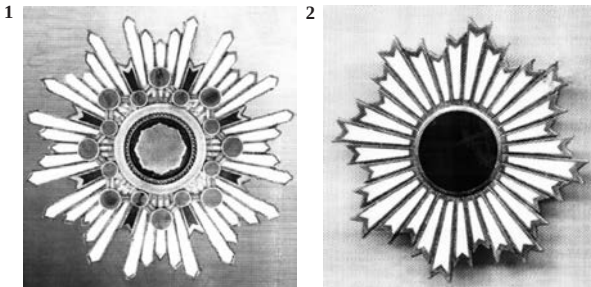
**Император Муцухито
(1852–1912)**

14 июля 1899 г. Лю Сюэсюнь и Цин Куань вместе с сопровождавшими их лицами прибыли в Токио.

Их приняли с высшими почестями, поселив в лучшем отеле столицы, но в то же время установив за ними негласную слежку.

После трехдневного отдыха они были приняты министром иностранных дел Аоки Сюдзо, после этого — премьер-министром Ямагата Аритомо, экс-премьером Ито Хиробуми и, наконец, императором.

Во время аудиенции гости торжественно вручили микадо подарки от вдовствующей императрицы, а он им ордена — «Священного сокровища» 2-й степени Лю Сюэсюню и «Восходящего солнца» 3-й степени Цин Куаню.

Ордена, врученные Лю Сюэсюню (1) и Цин Куаню (2)

На очереди теперь была важнейшая часть визита за море — встреча с Сунь Ятсеном.

Вездесущий Мунаката Котаро записал в дневнике:

16 [июля] навестил в отеле «Тэйкоку» проживавших там Лю Сюэсюня и Цин Куаня. Обсуждали дело. Вернулся домой в 12 часов. После обеда пришел Сунь Ятсен.

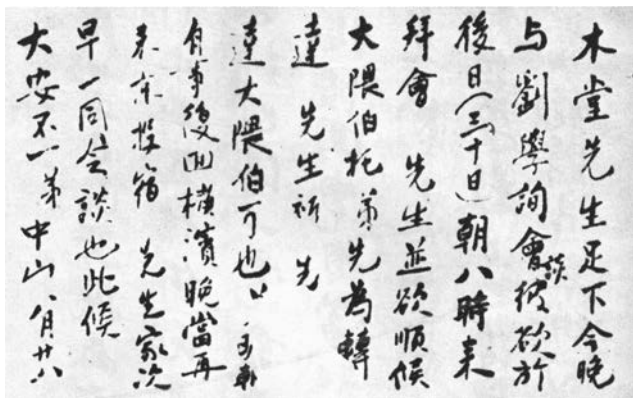
18 [июля] встретился с китайским посланником Ли Шэнцзэ, беседовал с ним до полудня. Приходил Сунь Ятсен. <...>

27 [июля] навестил Лю Сюэсюня. <...> Вечером того же дня присутствовал на секретной встрече Сунь Ятсена с Лю Сюэсюнем. Вернулся домой в час ночи.¹

¹ 宗方小太郎日记 (Дневник Мунаката Котаро) // <https://max.book118.com/html/2017/0830/130903622.shtml>.

Затем состоялись еще две тайные встречи Лю Сюэсюня с Сунь Ятсеном.

Об одной из них, имевшей место 28 августа, Сунь Ятсен сообщил Инукаи Цуёси.¹

Записка Сунь Ятсена Инукаи Цуёси от 28 августа 1899 г.

О чем тогда шла речь, японской полиции стало известно благодаря юной гейше Окику, постоянно навещавшей гостиничный номер, где жил визитер из Китая.

Она сообщила, что Лю Сюэсюнь предложил Сунь Ятсену организовать покушение на Кан Ювэя². В случае успеха вдовствующая императрица Цыси даровала бы Сунь Ятсену свое высочайшее прощение, а он (Лю Сюэсюнь) со своей стороны вручил бы Сунь Ятсену 200 тысяч *лянов* серебра.³

Но выяснилось, что Лю Сюэсюнь опоздал: Кан Ювэя в это время в Японии уже не было.

31 августа Лю Сюэсюнь покинул Токио, 5 сентября отправился из Нагасаки в Шанхай и провел там более месяца, пытаясь навести справки о местонахождении Кан Ювэя, и прибыл с докладом в Пекин лишь 9 октября.

¹ Сунь Ятсен — Инукаи Цуёси, 28 августа 1899 г. // ПССС. Т. 1. С. 187.

² В тексте донесения ошибочно: «Лян Цичао».

³ 赵立人. 慈禧密令：借孙中山之手刺杀康有为 (Чжао Лижэнь. Тайный приказ Цыси: убрать Кан Ювэя руками Сунь Ятсена) // <https://baike.so.com/doc/7048075-7270981.html>.

Поскольку об истинной цели операции не знал никто, кроме двух-трех человек из окружения императрицы, посланник Китая в Японии, которому сообщили о тайных встречах Лю Сюэсюня с «беглым преступником» Сунь Ятсеном, счел своим долгом немедленно сообщить об этом в Пекин. Получив это донесение, Цыси оставила его без внимания — она-то была в курсе секретного плана.

О чем конкретно Лю Сюэсюнь договорился тогда с Сунь Ятсеном, неизвестно.

Не все историки согласны с изложенной выше реконструкцией событий 1899 г., осуществленной Кун Сянцзи. Так, японский историк Хамада Танэки вообще склонен отрицать тот факт, что главной целью поездки Лю Сюэсюня в Японию была организация покушения на Кан Ювэя.¹

В еще большей степени расходятся мнения специалистов относительно перипетий, последовавших за визитом Лю Сюэсюня в Японию. Изложим сначала несколько бесспорных фактов.

Миядзаки и Киёфудзи арестованы в Сингапуре

8 июня 1900 г. Сунь Ятсен в сопровождении трех *рёнин* — Миядзаки Торадзо, Утида Рёхэй и Киёфудзи Коситиро — отплыл из Иокогамы в Гонконг.

По прибытии на место трое японцев пересели на катер, присланный гуандунским губернатором Ли Хунчжаном, и направились в Кантон. Там их встретил Ли Сюэсюнь и предложил им поселиться в его доме, где приехавшие вели с ним продолжительные переговоры.

О содержании бесед Миядзаки писал в своих воспоминаниях кратко и многозначительно: «Всё это напоминало приключенческий роман. Но поскольку дело касалось чужих секретов, я, к моему глубокому сожалению, до сих пор не имею права открыто говорить об этом».²

29 июня троица прибыла в Сингапур, где тогда находился Кан Ювэй. Миядзаки попытался связаться с ним и договориться о встрече. Ему

¹ 狭间直树。就刘学询与孙中山关系的一个解释 (Хамада Танэки. Одно из возможных толкований связи Лю Сюэсюня с Сунь Ятсеном) // 看清世界与正是中国 (Понимать ситуацию в мире и правильно оценивать Китай). Тяньцзинь. 2005. С. 542–543.

² Миядзаки Торадзо. Тридцать три года промелькнули как сон. С. 261–266.

Цю Шуюань
(1873–1941)

удалось узнать, что Кан Ювэй остановился в доме у местного богача и литератора Цю Шуюаня.

Но на вопрос Миядзаки, когда ему можно будет увидеться с Кан Ювэем, Цю Шуюань отвечал, что не знает, где его искать. Понимая, что Кан Ювэй умышленно избегает встречи, Миядзаки написал ему письмо, в котором заявил, что не хочет иметь с ним ничего общего.

На следующий день переводчик, услугами которого пользовались трое японцев, предупредил их о каких-то грядущих неприятностях, и Утида тут же покинул Сингапур. А 6 июля Миядзаки и Киёфудзи были арестованы сингапурской полицией.

При обыске у них нашли два самурайских меча и большую сумму денег, а также выяснилось, что они посылали из Сингапура шифрованные телеграммы.

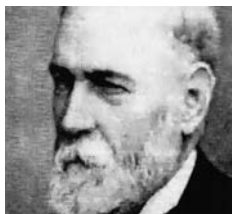
На допросе Миядзаки утверждал, что они оказались в Сингапуре по пути в Китай, где у Утида и Киёфудзи были какие-то коммерческие дела, а сам он отрекомендовался журналистом. Мечи же они имели при себе потому, что ни один уважающий себя японец никогда не выезжает за границу, не имея при себе этого чисто символического предмета.¹

Тем не менее Миядзаки и Киёфудзи было предъявлено обвинение в подготовке теракта против Кан Ювэя.

Узнав об аресте своих сообщников, Сунь Ятсен немедленно направился в Сингапур. 10 июля он сделал официальное заявление британскому губернатору А. Светтенхэму:

Я был в Гонконге вместе с Миядзаки и Киёфудзи, а потом отправился в Ханой. После этого я, узнав об их аресте, прибыл сюда. <...> Покидая Японию, я попросил их поехать вместе со мной с тем, чтобы они охраняли меня, как некогда они охраняли Кан Ювэя. <...>

Миядзаки — мой добрый друг, человек положительный, а не плохой. Мне довелось познакомиться с ним через Инукаи, одного из ведущих деятелей Японии. <...>

А. Светтенхэм
(1846–1933)

¹ Swettenham's memorandum, 12 July, 1900 // FO 17/1718. P. 342–345.

Я часто встречаюсь со своими соотечественниками и хочу встретиться с Кан Ювэем, чтобы узнать его мнение о проблемах сегодняшнего Китая и дать ему мой совет. Да, действительно, я выступаю за изгнание маньчжуров, а он поддерживает молодого императора. Но я хочу побеседовать с ним и добиться сотрудничества ради нашего общего дела. Миядзаки побоялся навредить мне и потому не сказал правду. <...>

Мы намерены свергнуть пекинскую власть и создать независимое правительство в Южном Китае. Наши действия не могут привести к беспорядкам, а без этих действий Китай никогда не сможет быть реформирован. Народ во всех южных провинциях подготовлен к этому, и нынешнее спокойствие есть лишь следствие того, что мы еще не начали действовать. Я думаю, что сейчас могут объединиться все, кроме партии Кан Ювэя. <...>

Я считаю, что обвинения со стороны Кан Ювэя в адрес Миядзаки и Киёфудзи — это страшная ошибка. <...>

Вдовствующая императрица назначила вознаграждение за голову Кан Ювэя в 100 тысяч *лянов*, то есть в три раза больше, чем за мою. Китайское правительство послало соглядатаев, которые повсюду шпионят за мной. Сюда я приехал для того, чтобы встретиться с Кан Ювэем и тем самым расширить ряды моих сторонников.¹

Итак, перед нами та же ситуация, с которой мы уже сталкивались (она еще не один раз возникнет в будущем). Если предположить, что всё сказанное Сунь Ятсеном соответствует действительности, потому что революционный вождь не может говорить неправду, то Сунь Ятсен и его японские сподвижники оказались в Сингапуре и в самом деле ради переговоров с Кан Ювэем о совместной деятельности. Если же допустить, что автор этого официального заявления отклонялся от истины, как это неоднократно случалось с ним, то визит в Сингапур был лишь продолжением неудавшегося в Токио — организацией покушения

Инукаи Цуёси
(1855–1932)

¹ Заявление Сунь Ятсена Светтенхэму, 10 июля 1900 г. // ПССС. Т. 1. С. 194–196. Сокращенный перевод текста на английский язык см.: Sun's statement // FO 17/1718. P. 351–352.

на Кан Ювэя. Целый ряд соображений говорит в пользу второго предположения.

Во-первых, Сунь Ятсен заверял Светтенхэма, что с Миядзаки он познакомился через Инукаи Цуёси, главу партии Риккен Сэйюкай, будущего премьера Японии, хотя в действительности дело обстояло как раз наоборот: в 1897 г. Сунь Ятсен встретился с Инукаи с подачи Миядзаки.

Во-вторых, Сунь Ятсен кривил душой, утверждая, что Миядзаки, Утида и Киёфудзи поехали вместе с ним, чтобы охранять его. Почему же в таком случае он уехал в Ханой, оставив их троих в Сингапуре?

В-третьих, по словам Сунь Ятсена, Миядзаки не сказал о предполагавшихся переговорах с Кан Ювэем потому, что боялся повредить своему другу. Но английское правительство, в противовес китайскому, в это время помогало Кан Ювэю, и повредить Сунь Ятсену своим признанием Миядзаки никак не мог.

В-четвертых, и это главное, позднее Утида, в отличие от Миядзаки, не решившегося разгласить содержание переговоров с Лю Сюэсюнем, рассказал об этом в своих воспоминаниях.

Вот что он писал:

Лю Сюэсюнь был коммерсантом, пользовавшимся покровительством Ли Хунчжана. Хитрый Ли Хунчжан послал его и еще одного офицера, знавшего японский язык, чтобы встретить нас. Прежде чем начать действовать, им хотелось знать, какие требования выдвигает Сунь Ятсен.

Миядзаки изложил суть дела коротко, в двух пунктах: прежде всего, прощение Сунь Ятсену за приписываемые ему преступления и гарантии его безопасности; далее — предоставление ему 100 тысяч *лянов*.

Лю Сюэсюнь ответил: «Я немедленно доложу об этом губернатору. Что касается 100 тысяч *лянов*, то я могу взять это на себя и завтра в Гонконге передам 50 тысяч, а остальное вышлю потом».

Миядзаки сказал: «Сунь Ятсен уже не в Японии, сейчас он, наверное, ждет нас в Сингапуре. Оттуда мы, вероятно, вместе прибудем в Гуандун. Оставшуюся сумму, вероятно, следует послать в Сингапур». Лю Сюэсюнь согласился.

Офицер, о котором шла речь, устроил роскошный ужин и огласил на нем ответ Ли Хунчжана: «Я не только гарантирую всем вам троим безопасность Сунь Ятсена, но направляю вдовствующей императрице доклад с прошением о его амнистии. Упомяну в докладе и о том, что трем уважаемым японцам нужно оказать помощь и поддержку. Поэтому мне нужны ваши фотографии».

Миядзаки сказал на это: «Раз уж у г-на губернатора столь добрые намерения, Сунь Ятсен наверняка не заставит себя ждать. Поэтому

сегодня ночью отправимся в Гонконг, завтра сфотографируемся и передадим снимки г-ну губернатору, после чего поедим в Сингапур».

Лю Сюэсюнь заверил: «50 тысяч *лянов* передам вам завтра, а о фотографиях позаботьтесь уж сами».

Услышав это, Миядзаки был крайне доволен благополучным завершением дела, и трое тут же на катере выехали из Кантона. Было уже около 3-х часов утра. Прибыв в Гонконг, они поздравили друг друга с успехом и сфотографировались в ателье Умэя.

Во второй половине дня сын Лю Сюэсюня привез 50 тысяч *лянов* и задержался в Гонконге на день-другой, дабы дожидаться, когда будут готовы фотографии. Мы же втроем, получив деньги и добившись своей цели, отплыли из Гонконга в Сингапур.¹

К сказанному можно добавить некоторые соображения на этот счет, высказанные китайским историком Чжао Лижэнем.

В частности, эта версия проясняет нам смысл переписки между Ли Хунчжаном и Лю Сюэсюнем в конце ноября 1899 г.

24 ноября Ли Хунчжан получил высочайший эдикт, в котором говорилось: «Преступник Кан Ювэй прибыл в Гонконг. <...> Приказываем принять меры».

27 ноября Ли Хунчжан — Ху Чэну: «Получил высочайший эдикт с приказом найти преступника. <...> Прибыл ли Сунь Ятсен? В Гонконге ли Кан Ювэй?»

28 ноября Лю Сюэсюнь — Ли Хунчжану: «Сунь не отвечает на письмо. Кан Ювэй по-прежнему в Гонконге».

29 ноября Ли Хунчжан — Лю Сюэсюню: «Быть может, Сунь не отвечает потому, что всё еще колеблется».

30 ноября Лю Сюэсюнь — Ли Хунчжану: «Преступник никуда не денется. Непременно найдем удобный случай».

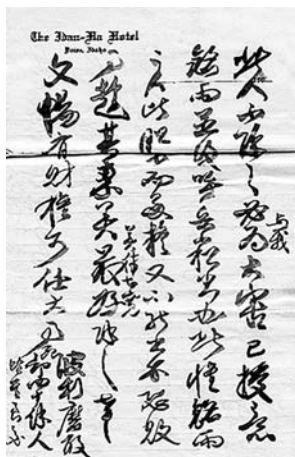
В тот же день Ли Хунчжан — Лю Сюэсюню: «Почему от Сунь Ятсена нет писем?»²

Чжао Лижэнь

¹ 内田良平。中国革命 (*Утида Рёхэй. Китайская революция*) // 近代史資料 (Материалы по новой истории Китая). Т. 66. Пекин. 1987. С. 50.

² 赵立人。康有为的头几成孙中山觐见慈禧的投名状 (*Чжао Лижэнь. Голова Кан Ювэя едва не стала для Сунь Ятсена основанием получить аудиенцию у Цыси*) // http://www/360doc.cn/article/9570732_581686883.html

Страница из письма
Кан Ювэй дочери
от 22 сентября 1905 г.

Недавно на одном из шанхайских аукционов была выставлена на продажу коллекция ценных документов — письма Кан Ювэй, которые хранила в своем архиве его младшая дочь Кан Тунби.

Среди них были письма, свидетельствующие о ранее неизвестном факте: в 1905 г., когда Сунь Ятсен собирался приехать в Нью-Йорк, Кан Ювэй планировал совершить ответный теракт:

«Если не покончить с этим чело-
веком, он причинит мне большой вред
<...>. Ты можешь <...> тратить на это
мои сбережения, но покончить с ним
нужно непременно», — писал Кан
Ювэй своей дочери 22 сентября 1905 г.²

19 декабря эдиктом вдовствующей импера-
трицы Ли Сюэсюнь получил почетную долж-
ность — он был назначен чиновником для
особых поручений при Ли Хунчжане.

Будучи информирован об этом, Лян Цичао
в письме Кан Ювэй предлагал физически
устранить их.¹

Обо всем этом британский губернатор
Сингапура Светтенхэм не знал и поверил
на слово Сунь Ятсену. 11 июля Миядзак
и Киёфудзи были выпущены на волю с усло-
вием, что они немедленно покинут Сингапур
и в течение пяти лет больше здесь не появятся.

А через некоторое время после этого про-
изошло еще одно событие, являющееся кос-
венным свидетельством ошибки Светтен-
хэма.

Кан Ювэй в кругу своей семьи

¹ Лян Цичао — Кан Ювэй, 8 апреля 1900 г. // 梁任公先生年谱长编初稿 (Первоначальный набросок хронологии жизни Лян Цичао). Т. 1. Тайбэй. 1962. С. 108.

² 康有为计划暗杀孙中山信札将上拍 (На аукцион выставлены письма Кан Ювэй с упоминанием о замышлявшемся им покушении на жизнь Сунь Ятсена) // http://ent.china.com.-cn/live/2014-12/08/content_30256432.htm.

Хотя Кан Ювэй был настроен тогда весьма решительно, покушение на Сунь Ятсена не состоялось. Лидеры двух политических течений — реформаторского и революционного — занялись другими делами.

Но контакты Сунь Ятсена с Лю Сюэсюнем, несмотря на неудачу сингапурской эпопеи, на этом не закончились.

Став чиновником для особых поручений при гуандунском губернаторе Ли Хунчжане, он принял непосредственное участие еще в одной аванюре.

Несостоявшийся император

В 1900 г. китайские революционеры получили прекрасный шанс еще раз испытать свои силы в борьбе за свержение маньчжурской династии.

Прежде всего, направленное против проживавших в Китае иностранцев «боксерское» движение раскололо двор на выступавших против него и тех, кто поддерживал «боксеров». Среди первых был губернатор провинций Гуандун и Гуанси Ли Хунчжан, тогда как одним из наиболее активных представителей второй придворной группировки зарекомендовал себя великий князь Чжуан (Цзайсюнь, 1854–1901).

Более того, восстание стало поводом для прямого вооруженного вмешательства иностранных держав.

Ли Хунчжан

Великий Князь Чжуан

После того, как 20 июня вошедшие в столицу «боксеры» захватили посольский квартал, вдовствующая императрица объявила войну иностранцам, не уточняя, кого именно она имеет в виду.

В ответ объединенные войска европейских стран и Японии высадились близ Тяньцзиня, 14 июля оккупировали его и начали движение в сторону Пекина.

Сунь Ятсен считал, что возникшая ситуация создает прекрасные условия для начала очередного антиманьчжурского восстания в Гуандуне.

А так как губернатор Ли Хунчжан объективно оказался в оппозиции к правительству, возникла идея подвинуть его на более решительные действия в том же направлении.

Но действовать Сунь Ятсен предпочел, с одной стороны, через своего друга Лю Сюэсюня, возлагая большие надежды, с другой стороны, на гонконгского губернатора Г. Блэйка как представителя державы, находящейся в состоянии войны с маньчжурским правительством.

Правда, еще в июне Ли Хунчжан получил предписание покинуть Кантон (он был назначен губернатором провинции Чжили), а 8 июля из Пекина последовал повторный приказ.

Задача теперь заключалась прежде всего в том, чтобы предотвратить отъезд Ли Хунчжана или, как минимум, отсрочить его. В этом были заинтересованы как Сунь Ятсен, так и британские власти.

Блэйк проинструктировал консула в Кантоне Скотта, рекомендуя ему принять любые возможные меры для того, чтобы задержать Ли Хунчжана на Юге¹ и испросил разрешение Лондона применить к отъезжающему силу в случае, если того не удастся уговорить по-хорошему². Но министр по делам колоний Дж. Чэмберлен был против силового варианта³.

Лю Сюэсюню, прибывшему в Гонконг 17 июля, удалось организовать встречу Блэйка с Ли Хунчжаном.

«Кого Британия хотела бы видеть императором Китая?» — в лоб поставил вопрос Ли Хунчжан. Блэйк ответил, что в случае, если бы стало известно, что император Гуансую не был инициатором действий, совершенных от его имени, то Лондон был бы не против того, чтобы он продолжал царствовать «при соблюдении некоторых условий».

На это Ли Хунчжан высказался в том смысле, что императором Китая должен быть всё же китаец. Эти слова были истолкованы Блэйком как свидетельство претензий на трон самого Ли Хунчжана.

Тем не менее, сказал Ли Хунчжан, он не может послушаться приказа и вынужден ехать в Пекин. Поэтому принимать непосредственное участие в предполагаемых событиях на Юге он не может. Ли Хунчжан

Г. Блэйк (1840–1918)

¹ Blake to Scott, 14 July, 1900 // CO 129/300.

² Blake to Chamberlain, 14 July, 1900 // Ibid.

³ Lucas to Blake, 17 July, 1900 // Ibid.

Г. Блэйк, Ли Хунчжан и Лю Сюэсюнь (стоит рядом с ним слева)
во время встречи в Гонконге

добавил, что едет не прямо в Пекин, а сделает остановку в Шанхае. Это означало, подумал Блэйк, что он хочет выждать, пока общая ситуация в стране не прояснится.¹

Таким образом, попытка Сунь Ятсена привлечь Ли Хунчжана на свою сторону успеха не имела, и он решает обратиться за помощью прямо к Блэйку.

Им был составлен текст обращения к британскому губернатору, начинавшийся словами о том, что прогнившая маньчжурская династия не только причиняет бесчисленные страдания народу Китая, но и является злейшим врагом дружественных Китаю держав. Поэтому «нельзя упустить нынешний шанс, а объединившись, можно рассчитывать на успех»².

В обращении была изложена программа преобразований, состоящая из 6 пунктов.

Главными из них были первые два.

¹ Blake to Chamberlain, 19 July, 1900 // Ibid.

² 致港都卜力书 (Обращение к губернатору Гонконга Блэйку) // ПССС. Т. 1. С. 192.

1. Перенести столицу в более подходящее место. В качестве столицы можно выбрать либо Нанкин, либо Ханькоу, где можно будет осуществлять общение с внешним миром и иметь связь с провинциями.

2. В столице создать центральное правительство для управления страной, а в провинциях — автономные правительства.

Главой центрального правительства избрать человека, пользующегося поддержкой народа; ему будет подчиняться армия и флот, он будет вести переговоры [с зарубежными странами]. Его полномочия будут ограничены конституцией. Будет создан парламент, членами которого станут представители провинций. Аккредитованные в столице посланники зарубежных стран будут приглашены на должность временных советников.¹

18 августа Блэйк запросил Лондон согласие на ведение переговоров по этому поводу.² Однако Чэмберлен запретил ему давать какие бы то ни было обещания на сей счет.³

Причиной тому были, по всей вероятности, события в Пекине: 21 июля Цыси, не решаясь далее искушать судьбу и облачившись в простонародное платье, бежала из столицы, а 14 августа Пекин был взят штурмом.

По мнению Сунь Ятсена, лучшего случая для начала замышляемого вооруженного выступления против маньчжурского правительства трудно было придумать.

Он писал Инукаи Цуёси о том, что 6 декабря вспыхнуло восстание в Хуйчжоу:

Цинские войска терпят одно поражение за другим, и это воодушевляет нас. Но в самом начале дело было недостаточно подготовлено. Мы выступили с голыми руками, и в нашем распоряжении только пушки и снаряды, которые мы захватили у противника. <...>

Если Ваше правительство согласится помочь нам, всё необходимое можно тайно доставить с Тайваня. Я всё организую, так что об этом можно не беспокоиться.⁴

Ответа из Японии Сунь Ятсен не получил.

Он вновь подумал о своем сообщнике, уже раскошелившемся в нужную минуту. Для начала он информировал Лю Сюэсюня о том, что уже сделано в Хуйчжоу и что еще предстоит сделать.

¹ Там же. С. 193.

² Blake to Chamberlain, 18 August, 1900 // FO 17/1718. P. 354.

³ Chamberlain to Blake, 20 August, 1900 // Ibid.

⁴ Сунь Ятсен — Инукаи, 21 октября 1900 г. // ПССС. Т. 1. С. 200.

本堂光緒二十六年六月
 辛卯起為時前經電達建
 尊覺自起事以來連獲勝
 利府內各敵勢如破竹今已
 肅清各縣遠近之地此外陳
 府起海豐陸豐而進取潮
 普亦非易也官起香南收紫
 而進連廣東省以奉制清兵
 史者起西江以窺持此聲度
 鄭若起陽江陽者南據高雷
 若府清安處之北各陸人心大
 振惟當早刻之初軍事未備提
 牙奮起統帥當從清安等
 來而用初本堂如他人之有量
 財數十萬而運用之此所時者
 人治身教而已敵兵聚團與師
 南有大兵已陸續雲集清朝
 雖願消鋒然一大空國北地

雖原烟而南和南金湯無狀
 廣州城內之統帥雖集猶未敢
 不宣而用不歸之口古往人心
 雖勇而足於得果尚之極涉之
 源大始非行不得不先作未雨之
 籌謀故也先生一為盡力滿
 記故原為吾人惜一臂之助若
 今得得親為持野絕十門則
 取廣州省城和春雲之易耳
 廣州既得則長江以南為吾人
 囊中物也時不再來機不可
 失在那與亡在此一舉貴政
 府如允清羽狀危則方約可從
 台得審逆之富盡一切抱行之
 策可保無虞如竹之區務為早
 亦佳音專此謹此即候
 芝安不棄弟 蘇光祥 謹啟

Письмо Сунь Ятсена
 Инукаи Цуёси
 от 21 октября 1900 г.

Есть два способа захватить город. Первый из них готовят сейчас мои подчиненные. Они сообщают, что в городе и в пригородах уже заложены бомбы, в результате взрыва которых 8–9 из каждых десяти солдат правительственных войск будут уничтожены. Но это чревато большими разрушениями. Необходимые для этого взрывчатые вещества уже в наличии: динамита более 40 тыс. фунтов и более 100 фунтов пороха. Если всё это сразу взорвется, то в таком большом городе как Кантон не останется ни одной целой черепицы <...>

Второй план заключается в том, что я лично возглавлю наступающих на провинциальный центр, а одновременно с этим нас поддержат в самом городе. Это более приемлемый план. <...>

Дабы быть уверенными в успехе, до начала выступления необходимо надлежащим образом решить все внутренние и внешние проблемы.

С этим письмом я посылаю к тебе Хираяма Сю и прошу тебя отвечать за дела внутренние.

Прежде всего необходимо создать временное правительство для руководства политическими мероприятиями. Для начала достаточно будет иметь в правительстве пятерых человек. Неважно, как будет называться глава правительства — «президентом» или «императором». Я выдвигаю на этот пост тебя, и ты сам реши, кем ты будешь.¹

¹ Сунь Ятсен — Лю Сюэсюню, вторая половина октября 1900 г. (точная дата неизвестна) // Там же. С. 201.

Бегство вдовствующей императрицы из Пекина

Направляя это письмо Лю Сюэсюню, Сунь Ятсен почему-то не вспомнил о том, что в программе «Общества возрождения Китая» предложенной альтернативы не было: целью революции там объявлялось создание республики.

Хираяма Сю, которому было доверено передать письмо Лю Сюэсюню, почему-то поручение выполнить не смог. В силу стечения этих случайных обстоятельств ни президентом, ни императором бедняге Лю Сюэсюню стать не довелось.

Совершенно неожиданно мы обнаружили Лю Сюэсюня еще на одной фотографии.

В 1901 г. по условиям «Боксерского соглашения» брат императора Гуансюя восемнадцатилетний князь Чунь отправился в Берлин, чтобы лично принести извинения за убийство немецкого посланника в Китае К. фон Кеттелера.

По дороге в Германию князь Чунь сделал краткую остановку в Гонконге. Там он сфото-

Несостоявшийся император Лю Сюэсюнь

Князь Чунь (1883–1951)

графировался вместе с губернатором Блэйком. В тот момент, когда их фотографировали, рядом с ним стоял Лю Сюэсюнь.

После смерти Гуансюя наследовать почившему в бозе императору должен был князь Чунь, и его портрет уже появился на банкнотах.

Но Цыси решила иначе, и трон достался его сыну Пуи.

Волею судьбы оба «несостоявшихся императора» оказались запечатленными рядом на одной и той же фотографии.

Князь Чунь в Гонконге

Базируясь на Тайване

В войне 1894 г. Китай потерпел сокрушительное поражение и был вынужден подписать унизительный Симоносекский договор.

Тройственное вмешательство 1895 г. на некоторое время остановило японскую экспансию в Маньчжурии, но оно не коснулось других условий Симоносекского договора, в частности пункта о передаче Японии Тайваня и островов Пэнхуледао.

Первая страница
Симоносекского договора
1895 г.

благодаря самоотверженной деятельности одного из героев антияпонского движения на острове — Цю Фэнцзя.

Под знаменем желтого тигра

15 мая он обратился к тайваньцам с призывом противостоять захватчикам, а затем вступил в переговоры с бывшим китайским губернатором Тан Цзинсуном, убеждая его в том, что создавая независимую республику, не подписывавшую никаких соглашений с японцами, они не обязаны были соблюдать условия Симоносекского договора. После долгих раздумий Тан Цзинсун согласился.

23 мая была опубликована «Декларация независимости Тайваньской Республики». Ее срочно перевели на иностранные языки и вручили аккредитованным на Тайване консулам зарубежных стран.

25 мая 1895 г. состоялась торжественная церемония провозглашения Республики.

Ее президентом стал Тан Цзинсун, вице-президентом Лю Юнфу, главнокомандующим Добровольческой армией Цю Фэнцзя. Столицей

Тайвань должен был стать японской территорией в течение 2 месяцев с момента подписания договора. Но ни Ли Хунчжан, ни Ито Хиробуми не предполагали, что за это время там произойдет немало непредвиденных событий.

Прежде всего, стало вполне очевидным, что тайваньские патриоты вовсе не собирались без боя пускать к себе в дом непрошенных гостей, хотя те и заявляли, что они теперь здесь хозяева. Более того, именно в это время на Тайване была создана республика — первая в истории Китая.

Это неординарное событие произошло

Цю Фэнцзя
(1864–1912)

Тан Цзинсун
(1841–1903)

республики был объявлен Тайбэй, избран парламент. Летоисчисление отныне следовало вести от 1-го года Юнцин. Государственным флагом стало полотнище с изображением желтого тигра.

Японская армия, высадившаяся 29 мая на севере острова и начавшая наступление на Тайбэй, натолкнулась на ожесточенное сопротивление вооруженных отрядов Республики. Но силы были слишком неравны. 3 июня был захвачен Цзилун. Президент покинул столицу и на немецком торговом судне отбыл в Амой. 11 июня Тайбэй пал.

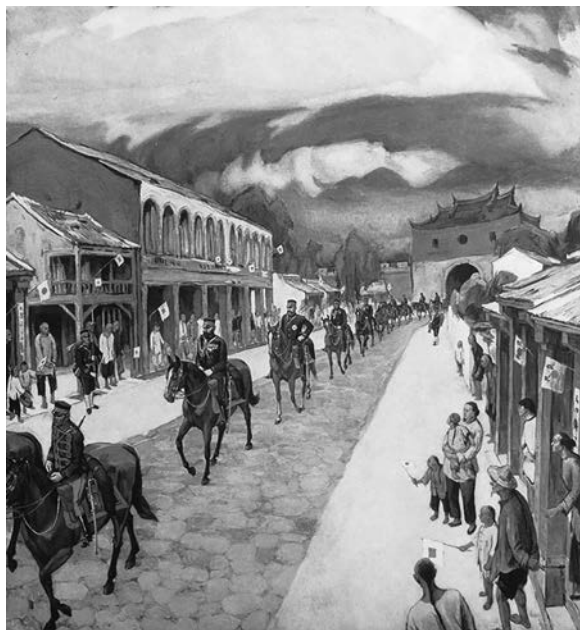

Флаг Тайваньской Республики

Печать Тайваньской Республики

Еще через неделю на Тайвань прибыл японский генерал-губернатор Кабаяма Сукэнори. Он был назначен на эту должность еще 10 мая, но приступить к своим обязанностям смог лишь через месяц с лишним.

**Японские войска
вступают в Тайбэй**

Кабаяма Сукэнори
(1837–1922)

Сопrotивление японцам тем временем продолжалось. 22 июня продвигавшиеся на юг части императорской армии попали в засаду и понесли большие потери.

26 июня в Тайнане Лю Юнфу был объявлен вторым президентом Тайваньской Республики. Его правительство начало выпускать денежные ассигнации, даже почтовые марки.

Военные действия продолжались с переменным успехом до октября, когда японцы были вынуждены направить на Тайвань крупные подкрепления.

18 октября начался решающий штурм окруженного с трех сторон Тайваня. После трехдневных боев столица была взята. Просуществовав всего лишь 5 месяцев, Тайваньская Республика канула в Лету.

Объявив в ноябре о завершении боевых действий, губернатор Кабаяма приступил к следующему этапу покорения острова, получившему наименование «чистка деревень» — выявлению и физическому истреблению наиболее активных противников японской оккупации. В каждом населенном пункте военные арестовывали 30–50 человек недовольных или просто первых попавшихся и предавали их публичной казни.

Репрессии захватчиков против мирного населения приобрели особенно широкий размах при третьем японском генерал-губернаторе Кодама Гентаро. В ноябре 1898 г. он издал приказ о «наказании бандитов», и, по некоторым подсчетам, за первые 4 года его пребывания на Тайване без суда и следствия было казнено около 12 тысяч человек.

Помимо наведения «порядка» на острове Кодама был озабочен еще одной не менее важной задачей. По его убеждению, Тайвань должен был стать центром дальнейшего распространения японского вли-

Кодама Гентаро
(1852–1906)

яния в Южном Китае и странах Южных морей, прежде всего в провинции Фуцзянь и на соседних Филиппинах.

Идея использования Тайваня в качестве базы японской экспансии на юг была еще в 1896 г. сформулирована предшественником Кодама на посту генерал-губернатора Тайваня Кацура Таро:

Державы, пользуясь слабостью Китая, зарятся на его территорию, и Япония не может быть сторонним наблюдателем этого. Нужно сделать Тайвань исходным пунктом и через Амой проникнуть в Южный Китай, который затем станет второй Кореей.¹

Тогда же только что ушедший в отставку премьер-министр Японии Ито Хиробуми лично побывал в Амое (современный Сямэнь) в связи с планами создания там японской военно-морской базы.²

Лейтенант Нагано Ёситора был под видом торговца лекарствами послан на Филиппины для сбора информации относительно возможности японского вмешательства в столкновение между местными сторонниками независимости и испанской администрацией.³

Утида Рёхэй недвусмысленно высказывался в пользу оказания помощи повстанцам с тем, чтобы прибрать к рукам Филиппины.⁴ В 1897 г. там вспыхнул острый конфликт между только что созданным республиканским правительством Э. Агинальдо и Соединенными Штатами. В Японии сочли, что грех не воспользоваться этим обстоятельством.

Филиппинский эпизод

Имея в виду американо-японские противоречия, Э. Агинальдо рассчитывал на помощь Японии в противостоянии Соединенным Штатам и в июне 1898 г. направил в Токио своего представителя Мариано Понсе.

Филиппинский эмиссар ощутил сочувствие к своей миссии со стороны многих рядовых японцев, но вступить в контакт с правительственными кругами ему не удалось.

Тогда Понсе обратился за поддержкой к Сунь Ятсену, имя которого было уже популярно в странах Юго-Восточной Азии. Тот, в свою очередь,

¹ 藤井昇三。孫文の研究 (Фуцзин Сёмицу: Исследование [деятельности] Сунь Ятсена). Токио. 1983. С. 38.

² 伊藤博文伝 (Биография Ито Хиробуми) Т. 3. Токио. 1944. С. 292–293.

³ 陈在俊。日本对于孙中山先生革命运动的助力与阻力。三 (Чэнь Цзайцзюнь. Помощь и противодействие Японии революционной деятельности господина Сунь Ятсена. III) // Цзиньдай Чжунго. 1994. № 100. С. 30.

⁴ Там же. С. 30–31.

обсудил вопрос о помощи филиппинской революции с Миядзаки и Хираяма.

В своей биографии Сунь Ятсена Понсе впоследствии вспоминал:

Однажды холодным осенним вечером¹ я был приглашен в Токио известным японским политиком, членом парламента, бывшим самураем, бывшим министром просвещения, лидером Прогрессивной партии Инукаи. Мне были представлены другие присутствовавшие на встрече, по большей части политики и интеллигенты. Среди них был и Сунь Ятсен.²

Инукаи решительно поддержал намерение Сунь Ятсена снабдить филиппинцев оружием, используя Тайвань в качестве перевалочного пункта при благосклонном отношении к этой операции со стороны японского генерал-губернатора.

М. Понсе
(1863–1918)

Через несколько месяцев оружие и амуниция были закуплены и погружены на специально зафрахтованное судно.

19 июля 1899 г. «Нунобики-мару» отплыло на Тайвань с тем, чтобы затем направиться на Филиппины, но по пути попало в шторм и затонуло.

По заданию Сунь Ятсена на Лусон был послан Хираяма Сю, которому удалось благополучно добраться до места и встретиться с Агинадьдо. Понсе же вернулся на Филиппины, так и не выполнив своей миссии. Однако его контакты с Сунь Ятсеном продолжались.

Сохранилось несколько писем Понсе в адрес Сунь Ятсена. В одном из них он писал:

Я вместе с моими соотечественниками испытываю к Вам чувство глубочайшего уважения. Надеюсь, что ради нашего дела, ради всего человечества, ради наших целей в Восточной Азии Вы в ближайшем

Э. Агинальдо
(1869–1964)

¹ 10 ноября 1898 г.

² *Ponce M. Sun Yat-sen, el Fundador de la Republica de China. Manila. 1912. P. 3.*

будущем добьетесь решающих успехов. Поэтому мы верим, что, не осуществив желаемого, Вы не откажетесь от содействия нашим общим задачам.¹

Но внимание Сунь Ятсена в это время переключилось на проблемы подготовки восстания на юге Китая, и с Понсе он более не встречался.

Сунь Ятсен с Тайваня руководит восстаниями на материке

14 августа 1900 г. объединенные войска держав захватили Пекин. Более удобного момента для начала антицинского восстания придумать было невозможно. Сунь Ятсен решает действовать.

Рёнин Ямада Ёсимаса отправился на Тайвань и обсудил с генералгубернатором Кодама Гентаро план японской помощи восстанию, готовящемуся на материке сторонниками Сунь Ятсена. Кодама выразил свое согласие с этим планом, поручив реализацию задуманного гражданскому губернатору Тайваня Гото Симпэй.²

Гото Симпэй
(1857–1929)

В конце августа японцы, действуя по распоряжению с Тайваня и с санкции из Токио, спровоцировали инцидент в Амое. Человек в одежде монаха поджег японский буддийский храм, консул Уэно обвинил в этом местных жителей, и в город были введены японские войска.³

28 сентября Сунь Ятсен прибыл в Цзилун. Начальник уезда Фукуока сообщал в Токио, что Сунь Ятсен, учитывая благосклонное отношение к нему губернатора Кодама, намерен надолго поселиться на острове и оттуда руководить своими сторонниками, готовившими беспорядки в Южном Китае.

Сунь Ятсен, сопровождаемый Утида и Хираяма, получил аудиенцию Кодама и обещание помочь восставшим оружием. Что касалось денег, то Гото посоветовал Сунь Ятсену:

¹ Чэнь Цзайцзюнь. Помощь и противодействие Японии революционной деятельности Сунь Ятсена. III. С. 40.

² Jansen M. The Japanese and Sun Yat-sen. Cambridge. 1967. P. 94.

³ 段云章. 孙文与日本史事编年 (Дуан Юньчжан. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией). Гуанчжоу. 1996. С. 89.

В подвалах Тайваньского банка в Амое хранится 2–3 миллиона долларов серебром. Действуйте революционными методами!¹

8 октября Чжэн Шилян, опираясь на поддержку тайных обществ, но не дожидаясь помощи, обещанной Сунь Ятсеном, начал восстание в Хуйчжоу, недалеко от Кантона. На первых порах удача сопутствовала ему, хотя с самого начала повстанцы испытывали недостаток оружия и его приходилось получать из рук противника.

19 октября в Японии произошла смена кабинета, и к власти вновь пришел Ито Хиробуми. Сунь Ятсен связывал с этим большие надежды. Он писал Инукай, явно преувеличивая успехи, достигнутые Чжэн Шиляном, что в случае овладения Кантоном весь Южный Китай окажется в руках восставших.

Другого такого случая больше не будет, и этим шансом нельзя пренебречь. Решается судьба Китая. Если Ваше правительство согласится помочь слабым и поддержать их в трудную минуту, всё необходимое можно будет тайно переправить с Тайваня и я берусь взять это на себя.²

В письме, адресованном Сугавара Дэн, Сунь Ятсен конкретизировал ожидаемую помощь со стороны японского правительства:

До меня дошли слухи о том, что к власти пришли Ваши единомышленники, а у нас началось восстание. Такое совпадение бывает раз в тысячу лет! <...>

Я прошу Вас передать Вашим товарищам в правительстве просьбу тайно оказать нам помощь — предоставить в наше распоряжение [японских] солдат и офицеров, снабдить нас оружием. Если это будет сделано, можно будет в самом ближайшем будущем покончить с коррупцией маньчжурской династии и создать новое, китайское правительство.³

Однако, вопреки всем надеждам Сунь Ятсена, кабинет Ито Хиробуми не был склонен к сотрудничеству с китайскими революционерами. Губернатор Кодама получил инструкцию прекратить контакты с Сунь Ятсеном.

25 октября Чжэн Шилян принял решение прекратить все военные действия. Ямада Ёсимаса, который вез ему письмо Сунь Ятсена, был по дороге схвачен маньчжурскими солдатами и казнен.

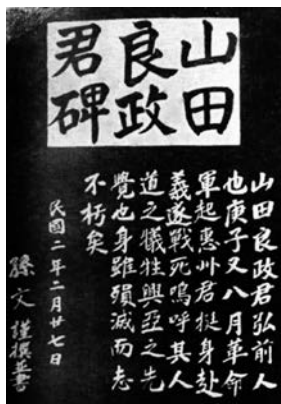
¹ Чэнь Цзайцзюнь. Помощь и противодействие Японии революционной деятельности Сунь Ятсена. IV // Цзиньдай Чжунго. 1994. № 101. С. 30.

² Сунь Ятсен — Инукай Цуёси, 21 октября 1900 г. // ПССС. Т. 1. С. 200.

³ Сунь Ятсен — Сугавара Дэн, 23 октября 1900 г. // Там же. С. 201.

Ямада Ёсимаса

Стела на
его могиле,
установленная
(1868–1900)
Сунь Ятсеном
в 1913 г.

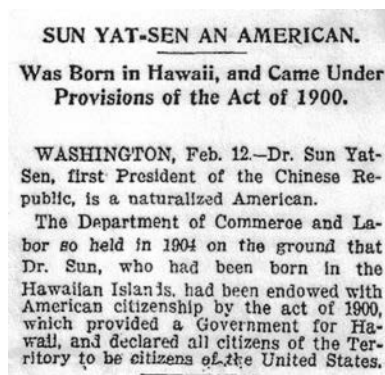
10 ноября нарочный передал Хираяма Сю сообщение от генерал-губернатора Кодама о том, что Гото Симпэй получил приказ из Токио запретить Сунь Ятсену и его японским коллегам пребывание на Тайване.¹

Сделав хорошую мину при плохой игре, Сунь Ятсен заявил, что он покидает Тайвань добровольно.²

Гражданин Соединенных Штатов

Вскоре после того, как 1 января 1912 г. Сунь Ятсен вступил в должность президента Республики, в газете «The New York Times» было опубликовано сообщение из Вашингтона под заголовком «Сунь Ятсен — американец».

В нем говорилось, что первый президент Китайской Республики, будучи уроженцем Гавайев, получил в 1904 г. права гражданства Соединенных Штатов.

Из газеты «The New York Times»
от 13 февраля 1912 г.

¹ Jansen M. The Japanese and Sun Yat-sen. P. 97.

² Дуан Юньчжан. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 104–105.

В то время на эту заметку не обратили серьезного внимания, посчитав ее нелепой газетной уткой, сочиненной каким-то недобросовестным корреспондентом.

Документы свидетельствуют

Однако спустя 20 лет после этого Л. Шарман нашла в архиве документальные свидетельства того, что Сунь Ятсен действительно стал в 1904 г. гражданином Соединенных Штатов.¹

Фэн Цзыю (1882–1958)

Через 5 лет после этого соратник Сунь Ятсена Фэн Цзыю подтвердил этот факт в воспоминаниях о раннем этапе деятельности лидера партии.²

Позднее этого вопроса касались в своих книгах о Сунь Ятсене американские исследователи Г. Шифрин³ и Т. Ганшоу⁴.

Но официальная гоминьдановская наука отказывалась признать достоверность данного эпизода из биографии Сунь Ятсена. Когда в 1982 г. тайваньский журналист Фу Цзяньчжун поместил в одной из американских китайязычных газет статью «Сунь Ятсен: отец китайской нации, гражданин США», тут же перепечатанную тайваньской «Чжунго шибао», представитель руководства Гоминьдана потребовал от главного редактора газеты немедленно разобраться в случившемся и выяснить, не является ли Фу Цзяньчжун скрытым «вражеским агентом».⁵

В 1994 г. историк Ли Юнин опубликовал в университетском журнале несколько документов из американского Национального архива, связанных с тем, при каких обстоятельствах Отец Государства Сунь Ятсен

¹ *Sharman L. Sun Yansen: His Life and its Meaning.* New York. 1934. P. 79.

² 冯自由. 革命逸史 (Фэн Цзыю. Неофициальная история революции). Т. 2. Тайбэй. 1965. С. 112–113 (первое издание: Чанша. 1939).

³ *Schifrin H. Sun Yat-sen and the Origins of the Chinese Revolution.* University of California Press. 1968. P. 328–329.

⁴ *Ganschow Th. A Study of Sun Yat-sen's Contacts with the United States Prior to 1922.* Indiana University. 1971. P. 26–28.

⁵ 傅建中. 孙中山失去美国籍真相 (Фу Цзяньчжун. Обстоятельства, при которых Сунь Ятсен утратил права американского гражданства) // Чжунго шибао, 24 июня 2011 г.

Посетители выставки с огромным интересом рассматривали сенсационные экспонаты

Ма Инцзю (в центре) открывает выставку «Сунь Ятсен и Соединенные Штаты»

стал в 1904 г. гражданином Соединенных Штатов Америки¹, хотя в то время они так и не стали достоянием широкой читающей публики.

Поэтому подлинной сенсацией явилась приуроченная к 100-летию юбилею Синьхайской революции выставка «Сунь Ятсен и Соединенные Штаты», которую 4 июня 2011 г. торжественно открыл в Тайбэе председатель Гоминьдана Ма Инцзю.

Среди экспонатов этой выставки, представленных Национальным Архивом США, были документы, подтверждающие, что в 1904 г. Сунь Ятсен получил американский паспорт.

«Меня зовут Сунь Ятсен. Я родился на Гавайях»

Во время предыдущего визита в Гонолулу в 1895–1896 гг. Гавайи были независимой страной, и поэтому у Сунь Ятсена, предъявившего китайский паспорт, не было проблем с иммиграционной службой.

1 июня 1896 г. его зарегистрировали и выдали сертификат, в котором помимо прочего говорилось, что ему 30 лет и что он родился в Китае.

Но в 1900 г. Гавайи стали 50-м штатом США. Китайскому консулу в Гонолулу было известно, что Пекинское правительство разыскивает Сунь Ятсена, поэтому на этот раз въехать на территорию Соединенных Штатов по китайскому паспорту он не мог.

¹ 李又宁. 孙中山先生的美国公民权 (Ли Юнин. Права Сунь Ятсена на американское гражданство) // Чжуншань дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао, 1994, т. 8, № 4.

DUPLICATE
National Register of the Republic of Hawaii
CERTIFICATE OF REGISTRATION

No. 923
 District of _____, Island of _____
THIS IS TO CERTIFY, that on this 1 day of June 1896,
Sun Yat Sen Sun
 has registered in this district.
 A description of said person is as follows:
 Age 30
 Country of birth China
 Residence Aala Lane, Kamakela
 Port of departure for the Republic of Hawaii Hong Kong
 Date of arrival here December 6/95
 Married or single Married
 Occupation Professional
 Location of Occupation _____
 Name of employer _____
 Residence of employer _____
 Distinguishing marks of features dark skin, no hair, medium
medium
 Thumb mark: Sun Yat Sen Sun
 District of _____, Island of _____

Сунь Мэй (1854-1915)

Ситуация казалась безвыходной, и Сунь Ятсен уже подумывал о том, чтобы отказаться от попыток попасть на территорию США. Выход из затруднительного положения предложил его старший брат Сунь Мэй.

Он вызвался найти двух лжесвидетелей, которые согласились бы подтвердить, что Сунь Ятсен родился не в китайской провинции Гуандун, а на Гавайях. Этого,

заверял Сунь Мэй своего брата, было бы достаточно для того, чтобы местные власти выдали Сунь Ятсену свидетельство о рождении, а это открывало ему прямой путь к получению прав американского гражданства.

Сказано — сделано.

9 марта 1904 г. Сунь Ятсен подал в иммиграционное управление Гонолулу следующую бумагу:

Я, Сунь Ятсен, под присягой заявляю, что, насколько мне известно, я родился 24 ноября 1870 года в Ваймано, Эва на острове Оаху. Я — врач, в настоящее время практикую в Кула на острове Мауи. Моя семья проживает в Кула. Мой отец Сунь Дачэн в 1874 году уехал в Китай и скончался там.

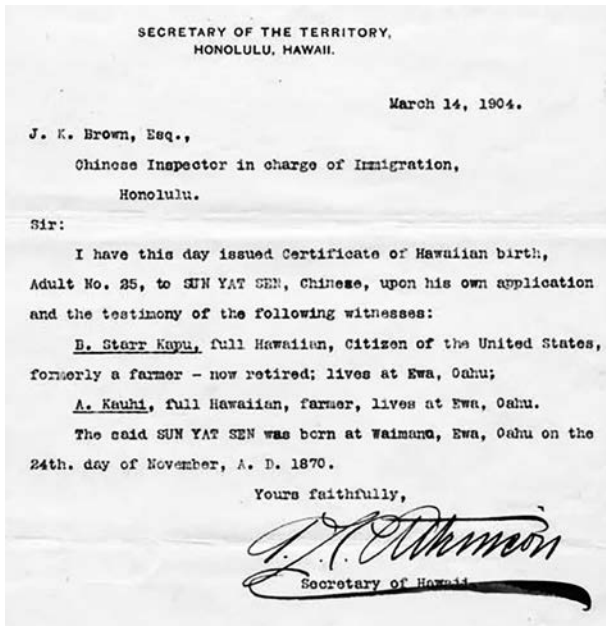
Я даю присягу, подтверждающую мой статус, с целью получения свидетельства о том, что я родился на Гавайях. Прилагаю свою недавнюю

фотографию. Вышеуказанное я на месте под присягой подписал 9 марта 1904 года.¹

Через 5 дней после этого инспектор А. Аткинсон написал секретарю территории Гавайи Дж. Брауну о том, что на основании заявления китайца Сунь Ятсена и приложенных к нему свидетельств двух проживающих на Оаху граждан Соединенных Штатов вышеуказанному лицу было выдано свидетельство № 25 о том, что он родился на Гавайях 24 ноября 1870 г.

Не совсем понятно, почему Сунь Ятсен, дав под присягой ложные показания о месте своего рождения, заодно изменил себе и возраст, став моложе на целых четыре года.

Но придуманная им дата «24 ноября» имела вполне определенный символический смысл: это был день основания «Общества возрождения Китая».

А. Аткинсон — Дж. Брауну, 14 марта 1904 г.

¹ Текст заявления Сунь Ятсена приведен журналистом Ван Фэном со ссылкой на опубликованное в прессе факсимиле. См. 王丰. “孙中山美国籍”之迷雾 (Ван Фэн. Тайна «американского гражданства Сунь Ятсена») // Гоцзи сяньцуй даобао, 17 июня 2011 г.

К письму Аткинсона была приложена копия подписанного им свидетельства о рождении. Оригинал свидетельства был выдан на руки заявителю.

С этим документом уверенный в успехе дела Сунь Ятсен отплыл в Сан-Франциско и прибыл туда 6 апреля 1904 г.

Недоброжелатели Сунь Ятсена заблаговременно предупредили американскую иммиграционную службу о том, что государственный преступник Сунь по прибытии в порт намерен предъявить подложные документы. Не успел он сойти на берег, как был арестован.

(COPY)

Territory of Hawaii
Office of the Secretary
Certificate of Hawaiian Birth.

TO ALL TO WHOM THESE PRESENTS SHALL COME, GREETING:

This is to certify that Sun Yat Sen
now residing at Kula, Maui, T. H., whose
signature is attached, has made application No. 25 for a
Certificate of Birth.

And that it appears from his affidavit and the
evidence submitted by witnesses that he was born in the
Hawaiian Islands on the 24th day of November,
A. D. 1870, and that the photograph attached is a good
likeness of him at this time.

In testimony whereof, the Secretary
of the Territory has hereunto sub-
scribed his name and caused the
seal of the Territory of Hawaii
to be affixed.

(Signed) A. J. Atkinson

Done in Honolulu this 14th
day of March
A. D. 1904.

(Photograph)

(Seal)

Signature Sun Yat Sen.

Копия свидетельства № 25

See "Hawaii" 1111
Society of the Hawaiian Islands
Society of the Hawaiian Islands

25 1/1

Adult

TERRITORY OF HAWAII.

OFFICE OF THE SECRETARY

CERTIFICATE OF HAWAIIAN BIRTH

To all to whom these presents shall come, Greeting:

This is to Certify That Sun Yat Sen
now residing at Hilo, Hawaii, T.H., whose
signature is attached, has made application No. 25 for a
Certificate of Birth.

And that it appears from his affidavit and the
evidence submitted by witnesses that he was born in the
Hawaiian Islands on the 20th day of November,
A. D. 1871, and that the photograph attached is a good
likeness of him at this time.

In testimony whereof, the Secretary of the
Territory has hereunto subscribed his name
and caused the Seal of the Territory of
Hawaii to be affixed.

[Signature: D. C. Thomson]
Done in Honolulu, this 14th
day of March,
A. D. 1914

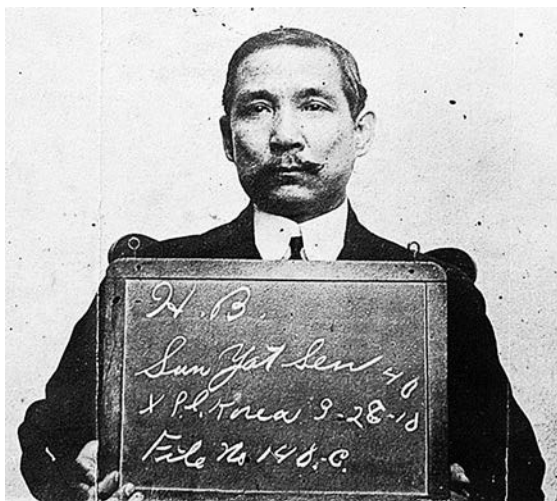
[Photograph of Sun Yat Sen]

[Signature: Sun Yat Sen]

Оригинал свидетельства о том, что Сунь Ятсен родился на Гавайях

От Сунь Ятсена потребовали дать объяснения по поводу его предыдущих посещений Сан Франциско, и 14 апреля он, положив руку на Библию, дал нижеследующее клятвенное показание:

Меня зовут Сунь Ятсен, я родился на Гавайях и вернулся в Гонолулу из Гонконга в начале 1896 г. или в конце 1895 г. В Гонолулу я оставался 4 или 5 месяцев и после этого приехал в Сан-Франциско, прибыв сюда незадолго до начала июля. Я въехал в страну по документам формы № 6, выдаваемым студентам и путешественникам, которые я получил

в Шанхае. Я приехал, будучи гражданином Китая. Из Сан-Франциско я через Нью-Йорк поехал в Лондон, а оттуда в Японию через Канаду. Из Японии я вернулся в Гонолулу и прибыл туда где-то в феврале 1901 года. [Местные власти] рассмотрели показания нескольких свидетелей и разрешили мне въезд как гражданину, рожденному в стране. У меня не было паспорта, я всегда езжу в Гонолулу без него. С тех пор как я в 1896 году прибыл сюда как гражданин Китая, я не предпринимал ничего, чтобы вновь стать гражданином США, за исключением того, что прежде чем в марте этого года получить паспорт от правительства Гавайев, я клятвенно подтвердил свою лояльность по отношению к США, тем самым отказываясь от гражданства другой страны.

Чиновник иммиграционной службы У. Томпсон сделал под показанием Сунь Ятсена приписку: «Клятвенно совершено в моем присутствии 14 апреля 1904 г.».¹

Объяснения Сунь Ятсена не удовлетворили иммиграционную службу Сан-Франциско, и 15 апреля он получил уведомление о том, что въезд в США ему запрещен, хотя он имеет право обжаловать это решение.

Сунь Ятсену не оставалось ничего иного, как воспользоваться этим правом, и 21 апреля он сделал еще одно заявление, в котором излагал свою версию произошедшего, отчасти противореча тому, что он говорил ранее:

¹ Autobiography, April 14, 1904 // ПССОГ. Т. 10. С. 478.

Department of Commerce and Labor
 April 14, 1904

My name is Sun Yat Sen. I was born in Honolulu and went to China from Hong Kong to Honolulu in the early part of 1896 or the last part of 1895. I stayed at Honolulu for 4 or 5 months and then came on to San Francisco, arriving there shortly before July. I came in on student and Traveler's, Sect. 6. Certificate which I procured in Shanghai. I came in as a subject of China. I went from San Francisco to London via New York and from there to Japan via Canada. From Japan I came back to Honolulu arriving there about Feb. 1901. They examined me thoroughly and admitted me as a natural born citizen.

✓
 Department of Commerce and Labor

I had no papers, I always go to Honolulu without papers. Since I came in here as a Chinese subject in 1896 I have done nothing to again become a citizen of the U.S. excepting ^{that I swore} allegiance to the U.S. before I received my passport from the Gov. of Hawaii in March this year, at that time repudiating my citizenship of any other nation.

Sun Yat Sen
 Ward E. Thompson.
 Sworn to before me this 14 day
 of April, 1904.
 Ward E. Thompson

Текст показаний Сунь Ятсена 7 апреля 1904 г.

U. S. Immigration Service.
 CHINESE BUREAU.
 San Francisco, Cal.

Mr. Sun Yat Sen
 Chinese Consul, Peking, N. China

Sir:

You are hereby notified that after the consideration of your case the Honorable Commissioner of Immigration has refused you admission to the United States.

There is reserved for you the right of appeal to the Secretary of the Department of Commerce and Labor through an Attorney or Responsible Representative. You may designate who shall be your representative in this matter, the name and address will be written below, and the party duly notified. Notice of appeal must be filed within ten days.

Your signature in acknowledgment of all the foregoing is requested.

Respectfully,
 Charles McMahon,
 Inspector in Charge Chinese Bureau.

Инспектор Иммиграционного бюро — Сунь Ятсену, 15 апреля 1904 г.

Вскоре после присоединения Гавайских островов к Соединенным Штатам была произведена регистрация всех жителей с целью установить их гражданство и место рождения. В марте или апреле 1901 года я был зарегистрирован в Кула на о-ве Мауи в качестве китайца, рожденного на Гавайях. Это был первый шаг после присоединения Гавайев к США, который я принял, чтобы доказать, что я добиваюсь получения здесь гражданства. Следующий шаг был предпринят мною перед отплытием с Гавайев, когда в марте этого года я вновь доказал свое гражданство и получил паспорт от

Detention Sheds,
Pacific Mail Dock,
April 21, 1904.

As further evidence of my right to enter the United States as a citizen of Hawaii by birth, and that I have never renounced allegiance to that Government, I submit the following additional statement to accompany the other papers in my case on appeal to the Department at Washington:

Some time after the annexation of the Hawaiian Islands to the United States, there was a registration taken of all the residents for the purpose of ascertaining the nationality and birth of such residents. I was registered in the Kula district, in the Island of Maui, as a Hawaiian-born Chinese, about March or April in the year 1901. That is the first thing that I did after the annexation of the Islands to show that I still claimed citizenship there, the next step being that taken just prior to my departure from the Islands for this country, in March of the present year, when I again proved my citizenship and received my passport from the Governor of the Territory. Although a Chinese by blood I never claimed to be a Chinese subject nor in anyway asked the protection of the Chinese Government. On the contrary, my political views have always been opposed to the Chinese Government, and I have been regarded as an enemy of that Government. The student papers I obtained from the official of the Government at Shanghai in order to enable me to enter the United States, was given me merely as an act of personal friendship for me, and was not given me because of any allegiance I bore to the Chinese Government. This officer and myself were personal friends and as such a paper seemed to be necessary in order for me to come to the United States it was granted for that purpose.

Sun Yat Sen

Sworn to April 21, 1904.

This additional statement was made by the applicant on finding that his papers had not yet been forwarded to the Department, and is forwarded at his request.

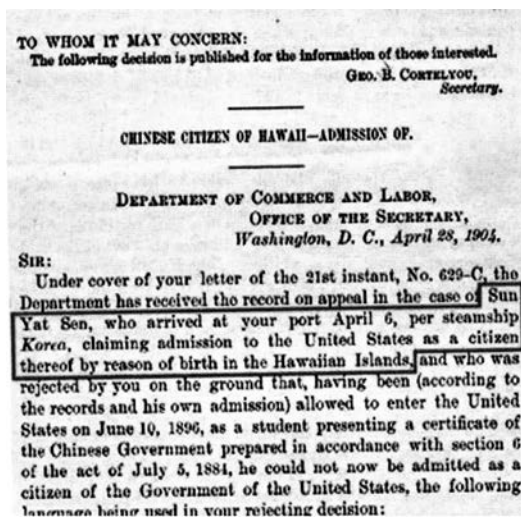
J. M. Garland
Inspector.

for again
Sun Yat Sen was actually born at Chao Hung Village, Cantonese Dist, China, on 11/18/62
The original English name was Sun Tai Chung.
(12) (Born in Canton)

Заявление Сунь Ятсена от 21 апреля 1904 г.

губернатора территории. Хотя я китаец по крови, я никогда не заявлял, что я китайский подданный и ни в какой мере не просил защиты со стороны китайского правительства. Напротив, мои политические убеждения всегда находились в оппозиции китайскому правительству и меня считали врагом этого правительства. Документы, подтверждающие, что я – студент, полученные мною от чиновника в Шанхае с тем, чтобы я мог въехать в США в 1895 году, были выданы мне в знак личной дружбы, а не вследствие моего обращения к китайскому правительству.

28 апреля 1904 г. секретарь Департамента торговли и промышленности США Дж. Кортелью принял окончательное решение по делу Сунь Ятсена. Он был признан имеющим основание для получения гражданства Соединенных Штатов.

Письмо секретаря Департамента торговли и промышленности США инспектору Иммиграционного бюро от 28 апреля 1904 г. (фрагмент)

Получив американский паспорт, Сунь Ятсен мог теперь беспрепятственно приезжать в Соединенные Штаты.

Был ли Сунь Ятсен в 1909 г. лишен гражданства США

В 1981 г. в китайском журнале «Шилинь» была напечатана статья, в которой содержалось утверждение о том, что спустя 4 года после получения гражданства Соединенных Штатов Сунь Ятсен был лишен его.¹ Речь шла о событиях, связанных с пребыванием д-ра Суня в Таиланде.

20 ноября 1908 г. вынужденный покинуть Японию Сунь Ятсен прибыл в Бангкок, однако китайское правительство потребовало депортировать опасного мятежника. 4 декабря он был вызван к мэру города, который объявил, что ему дается неделя на то, чтобы покинуть страну. В голову Сунь Ятсену приходит мысль о том, что он как гражданин Соединенных Штатов может найти защиту в американском диплома-

Э. Рут (1845–1937)

¹ 吴乾兑. 1908年孙中山在曼谷 (У Цяньдуй. 1908 год: Сунь Ятсен в Бангкоке) // Шилинь, 1991, № 4.

тическом представительстве, если обратится непосредственно к посланнику США в Сиаме Г. Кингу.

Через несколько дней Сунь Ятсен записался на прием к Кингу и попросил оградить его от угроз со стороны сиамских властей. Американский дипломат спросил, какова подоплека этой просьбы, и д-р Сунь рассказал, что он родился на Гавайях и окончил медицинское училище в Гонконге, поскольку его отец был против того, чтобы он учился в Штатах, так как тот якобы боялся, что сын примет христианство (по словам Сунь Ятсена, его отец был состоятельным гавайским плантатором и вместе с его братом владел там большим имением).

Сунь Ятсен предъявил Кингу документы, подтверждающие, что он является гражданином США.

Сообщая об услышанном госсекретарю Э. Руту, Кинг писал о своем собеседнике, который произвел на него приятное впечатление:

Он прекрасно — лишь с небольшим акцентом — говорит по-английски, интеллигентен, человек большого ума и быстрой реакции, обладает решительным характером. <...> Каждый раз он был весьма откровенен, с готовностью отвечал на вопросы, не задумываясь клялся и исчерпывающе объяснял детали своей деятельности.¹

Предъявленные Сунь Ятсеном документы — свидетельство о рождении и американский паспорт — убедили посланника в том, что перед ним действительно американский гражданин, о чем он сообщил госсекретарю и направил в Вашингтон переданные ему документы.

Но ответ из Вашингтона задерживался, а день, когда Сунь Ятсен должен был покинуть Сиам, приближался. Не дождавшись результатов своего визита к Кингу, он, оставив несколько адресов, по которым можно было связаться с ним, 10 декабря выехал из Бангкока в Сингапур.

Ответ из Госдепартамента Кинг получил лишь 11 марта 1909 г. Ему сообщили:

Сунь Ятсен получил гражданство США, но нужно ли в настоящее время защищать его — это совсем другой вопрос. Гражданство предполагает не только права, но и обязанности <...>, а он не только не выполняет обязанности американского гражданина, но целиком вовлечен в Китае в политику и, более того, является лидером агитации против дружественного нам правительства.²

¹ King to Root, December 15, 1908 // US National Archives 16971, RG 84 (цит. по: *Ganschow Th. A study of Sun Yat-sen's contacts with the United States Prior to 1922.* Indiana University. 1971. P. 49).

² Wilson to King, March 11, 1909 // Ibid. P. 52.

Проанализировав содержание этого письма, У Цяньдуй пришел к заключению, что оно означало лишение Сунь Ятсена прав американского гражданства.¹

Эта версия получила широкое хождение в китайской прессе. Достаточно привести мнение на сей счет, высказанное в 2013 г. на страницах газеты «Гуанчжоу жибао»:

Можно с уверенностью сказать, что 1 января 1912 г. Сунь Ятсен вступил в должность Временного президента, уже не будучи гражданином США, как утверждают некоторые.²

Авторы этой книги принадлежат к числу «некоторых». Наши основания для этого сводятся к следующему.

Во-первых, если бы Госдепартамент США аннулировал в 1909 г. гражданство Сунь Ятсена, полученные из Бангкока документы наверняка оказались бы в мусорной корзине. Но из Вашингтона их вернули Кингу, тот переправил их владельцу, и Сунь Ятсен в письме генконсулу подтвердил их получение.³

Во-вторых, через год после этих событий Сунь Ятсен прибыл в США и не только не был задержан на границе, как в 1904 г., но свободно разъезжал по стране, а пресса освещала практически каждый его шаг.

В-третьих, исследователи располагают бесспорными указаниями на то, что Сунь Ятсен утратил права гражданства Соединенных Штатов уже после избрания его Временным президентом Китайской Республики.

После того как в марте 1912 г. Временный президент Китайской Республики официально передал дела своему преемнику на этом посту, он стал подумывать о том, что было бы неплохо вспомнить старину и отправиться на Гавайи. Узнав об этом, инспектор по делам иммиграции в Гонолулу Р. Холси запросил мнение Генерального уполномоченного в Вашингтоне.

Я имею честь сообщить Вам, что согласно некоторым сообщениям д-р Сунь Ятсен, которому некогда было разрешено высадиться в нашем порту как китайцу, рожденному на Гавайях, намерен прибыть сюда и затем проследовать на материк. Его приезд ожидается в ближайшем будущем.

¹ У Цяньдуй. 1908 год: Сунь Ятсен в Бангкоке // Шилинь, 1991, № 4.

² 孙中山夏威夷出生“证明书”为革命骗取美国籍 (Сунь Ятсен во имя революции обманным путем получил гражданство США с помощью свидетельства о рождении на Гавайях) // https://www.guancha.cn/history/2013_03_13_131484.shtml.

³ Sun to King, April 27, 1909 // US National Archives 16971, RG 84 (цит. по: *Ganschow Th. A study of Sun Yat-sen's contacts with the United States Prior to 1922. P. 52*).

Как Вам известно, д-р Сунь Ятсен был первым президентом Китайской Республики, и вопрос в том, утратил ли он гражданство США, вступив в эту должность, и нужно ли нам теперь требовать от него представления бумаг, необходимых для китайцев, не являющихся американскими гражданами.

Если же у д-ра Сунь Ятсена не окажется означенных бумаг, должен ли он быть задержан или же ему будет разрешено сойти на берег как официальному лицу? Естественно, что речь идет о гипотетической ситуации, которая, может быть, и не возникнет. Тем не менее, учитывая необычный статус д-ра Сунь Ятсена, представляется целесообразным поставить этот вопрос перед Вами с тем, чтобы Вы могли сообщить мне Ваши соображения на случай, если эта затруднительная ситуация всё же возникнет.

16 июля Холси получил ответ из Вашингтона. В нем говорилось следующее:

В ответ на Ваше письмо № 140-С от 27 июня Департамент направил Вам сегодня телеграмму с указанием разрешить д-ру Сунь Ятсену высадиться в Вашем порту сразу же по его прибытии на место.

Как Вы помните, д-р Сунь получил права гражданства Соединенных Штатов решением Департамента № 20 от 28 апреля 1904 г. на том основании, что он родился на Гавайях.

Между тем, как сообщается, недавно в статье, опубликованной в газете, он заявил, что родился в Китае. Кроме того, вне зависимости от места рождения, он бесспорно подтвердил свой статус гражданина Китая фактом вступления в должность Временного президента новой республики. <...>

В свете вышеприведенных документов, ставших общеизвестными после выставки в Тайбэе, не может вызывать сомнений тот факт, что автор заметки в «The New York Times» был прав: 1 января 1912 г., когда Сунь Ятсен принимал присягу первого Временного президента Китайской Республики, у него в кармане лежал американский паспорт.

Сунь Ятсен обращается к американцам

Во время пребывания Сунь Ятсена в Соединенных Штатах летом 1904 г. его познакомили с неким Ч. Мак-Уильямсом, который предложил ему изложить свои мысли о будущем Китая для сведения широкой американской публики. Сунь Ятсен последовал совету и попросил своего друга Ван Чунхуя помочь ему набросать по-английски текст небольшой

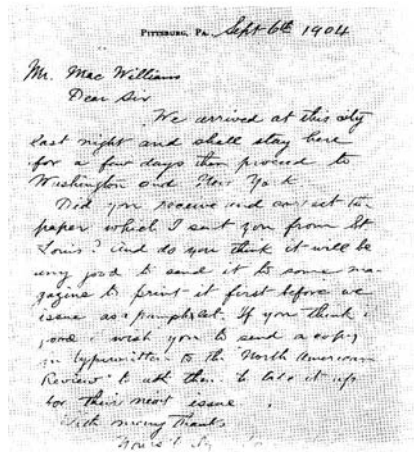
брошюры под названием «The True Solution of Chinese Question». Отдавая себе отчет в том, что его английский весьма далек от совершенства, Сунь Ятсен написал Мак-Уильямсу:

Мне хотелось бы, чтобы Вы внимательно прочитали текст и переписали его на более правильном английском языке. Особенно прошу обратить внимание на последние пять страниц, написанные мною. Остальное написано мною вместе с г-ном Ваном. <...>¹

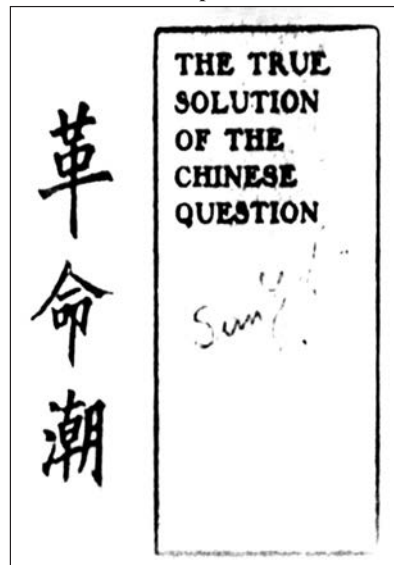
Мак-Уильямс просьбу выполнил, после чего Сунь Ятсен предložил сначала опубликовать текст в какой-нибудь газете².

Получив от Мак-Уильямса окончательный текст, Сунь Ятсен взял на себя труд еще раз переписать его от руки

Письмо Сунь Ятсена Мак-Уильямсу от 6 сентября 1904 г.

Обложка брошюры Сунь Ятсена «Действительное решение китайского вопроса»

¹ Сунь Ятсен — Мак-Уильямсу, 31 августа 1904 г. // ПССС. Т. 1.

² Сунь Ятсен — Мак-Уильямсу, 6 сентября 1904 г. // Там же.

Для большего эффекта Мак-Уильямс предложил поместить на обложке несколько китайских иероглифов. Сунь Ятсен идею одобрил: «Прекрасная мысль! <...> Я написал Вам три иероглифа 革命潮, означающие “революционная волна”!»

Брошюра была издана тиражом в 10 000 экземпляров, но в продажу не поступила: она предназначалась для раздачи парламентариям и прочим государственным деятелям Штатов, а также всем желающим.

Желтой опасности не существует

До сих невозможно представить себе Штаты свободными от расовых предрассудков и расовой ненависти. В начале прошлого века ситуация в этом смысле была куда серьезней нынешней. Систематической и изощренной дискриминации подвергались не только потомки черных рабов, но и желтые рабочие, построившие в Новом Свете тысячи километров железных дорог. Именно в это время там получает широкое распространение тезис о «желтой опасности», угрожающей имуществу и жизни добропорядочных белых граждан.

«Желтая опасность» (рисунок из американского журнала)

В своей брошюре Сунь Ятсен посвятил этой теме немало вдохновенных строк.

Нередко можно слышать суждение, на первый взгляд кажущееся разумным. Китай располагает многочисленным населением и обильными природными ресурсами; если он встанет на ноги и воспримет западный образ жизни и образ мышления, это явится угрозой для всего человечества. Если зарубежные страны помогут Китаю укрепиться, они сами пострадают от этого. Поэтому наиболее мудрая политика с их стороны — это держать китайцев в узде. Другими словами говоря, суть этого суждения — теория «желтой опасности».

Может показаться, что это суждение заслуживает внимания. Но стоит вдуматься, и становится ясно: с какой бы стороны ни подходить к нему, оно в равной мере является несостоятельным. Помимо морального аспекта (допустимо ли, чтобы одна страна стремилась уничтожить другую), здесь есть еще политический аспект.

Как истинный патриот Сунь Ятсен дает следующую характеристику самому себе и своим соотечественникам:

По натуре китайцы — трудолюбивая, миролюбивая, законопослушная, а не агрессивная нация. Если они воюют, то только ради самообороны. Китайцы станут угрозой миру во всем мире лишь в том случае, если какая-то зарубежная держава использует их в качестве орудия для достижения своих замыслов. Если же китайцы сами решают свою судьбу, они могут доказать, что являются самой миролюбивой нацией на земле.

Сунь Ятсен убеждает своих читателей, что будущие успехи китайского народа — благая весть для всех стран мира.

Если подходить к проблеме с экономической точки зрения, пробуждение Китая и создание в этой стране цивилизованного правительства принесет пользу не только китайцам, но и всему миру. Страна будет открыта для внешней торговли, в ней будут построены железные дороги, можно будет осваивать полезные ископаемые, народ день ото дня будет богатеть, его жизненный уровень будет неуклонно повышаться, спрос на иностранные товары будет увеличиваться, и нынешний объем международной торговли увеличится в сотни раз. Кто может сказать, что во всем этом заключена «желтая опасность»?!

И за сим:

Отношения между странами подобны отношениям между людьми. С точки зрения экономики: может ли такое быть, что иметь нищего и необразованного соседа выгоднее, чем состоятельного и умного?

А это значит, что высказанное выше суждение явно несостоятельно. Мы можем с уверенностью сказать, что так называемая «желтая опасность» на деле может обернуться желтым благословением.¹

¹ Сунь Ятсен. Подлинное решение китайского вопроса // ПССС. Т. 1. С. 253.

Да здравствует Китайская Республика!

В этом сочинении Сунь Ятсен впервые четко выразил уверенность в том, что реформы не способны спасти Китай, и сформулировал программу свержения маньчжурского правительства.

Мы говорим «маньчжурского», а не «китайского» правительства, и это отнюдь не случайно. Сейчас у китайцев нет своего собственного правительства; называть «китайским» нынешнее правительство Китая было бы большой ошибкой. Человеку, плохо знакомому с китайскими делами, это может показаться странным, но это факт, исторический факт.

Рассказав о завоевании Китая маньчжурами, Сунь Ятсен подчеркивал, что героическое сопротивление китайского народа нашествию иноплеменников стоило ему жизни нескольких миллионов людей, а еще несколько сот тысяч китайцев было казнено маньчжурскими завоевателями за отказ носить косы — символ покорности новым властителям.

В настоящее время маньчжуры насчитывают не более 5 миллионов человек, тогда как китайцев не менее 400 миллионов. Маньчжуры боятся, что наступит день, когда китайцы поднимутся, чтобы освободить свою родину, и для предотвращения этого они принимают разного рода превентивные меры.

Одно за другим Сунь Ятсен перечисляет одиннадцать преступлений, совершаемых маньчжурами по отношению к китайскому народу:

1. Административные мероприятия маньчжуров служат их собственным эгоистическим потребностям, а не интересам порабощенных.
2. Они препятствуют прогрессу китайского народа в области просвещения и материальной жизни.
3. Они относятся к китайцам как порабощенной расе, не предоставляя им равных прав и привилегий.
4. Они покушаются на жизнь, свободу и имущественные права китайцев.
5. Они коррумпированы и способствуют распространению коррупции среди чиновников.
6. Они лишили народ права слова.
7. Они запрещают создание народных обществ и организаций.
8. Не спросив мнения простых людей, они ввели жестокие налоги и поборы.
9. В судопроизводстве по отношению к подозреваемым применяются варварские пытки с целью выбить показания.

10. Игнорируются общепринятые юридические нормы, и обвиняемый лишен права на защиту.
11. Защита жизни и имущества людей не гарантирована.

Допрос подозреваемого

Далее Сунь Ятсен переходит к главному:

Вполне очевидно, что для того чтобы разрешить этот назревший вопрос и покончить с угрозой миру во всем мире, необходимо сменить старое правительство Китая на новое, цивилизованное, прогрессивное.

Если это произойдет, Китай не только сможет двигаться вперед, но и устранил необходимость для других стран заботиться о его независимости и целостности.

Среди китайцев ныне есть немало образованных и способных людей, которые в состоянии взять на себя бремя организации нового правительства. Тщательно обдуман план преобразования маньчжурской монархии в «Китайскую Республику» (中华民国).

Широкие массы народа приветствуют новый порядок, мечтают об улучшении ситуации и о своем освобождении от нынешних жестокостей. Китай сегодня накануне великого национального движения, и достаточно искры, чтобы над землей заполыхало пламя, а варвары-маньчжуры были навсегда изгнаны с нашей исконной территории.

Перед нами стоят трудные задачи, но они вполне осуществимы!¹

¹ Там же. С. 254–255.

И далее:

Когда великая цель преобразования Китая будет достигнута, перед нашей прекрасной страной встанет заря новой эры, более того, светлые перспективы откроются перед всем человечеством. Вслед за возрождением Китая непременно последует всеобщий мир, и перед цивилизованным человечеством откроется величественная панорама социального и экономического развития, о которой раньше нельзя было и мечтать.¹

За единственным неудачным исключением Лафайетов в Штатах не нашлось

Первоначально рукопись Сунь Ятсена называлась «Призыв к народу Соединенных Штатов». Он содержался в заключительном абзаце текста:

Спасение Китая с начала до конца является нашей собственной задачей. Однако в последнее время этот вопрос связан с судьбами всего мира. Поэтому для того, чтобы быть уверенным в успехе, облегчить нашу задачу, избежать лишних жертв, устранить непонимание и вмешательство держав, мы должны обратиться с призывом к народам всего цивилизованного мира, и в особенности — к народу Соединенных Штатов Америки, оказать нам моральную и материальную помощь и поддержку. Вы — провозвестники западной цивилизации в Японии, вы — христианская нация. Создавая наше новое правительство, мы намерены взять ваше в качестве образца. Наконец, вы — борцы за свободу и демократию. Поэтому мы надеемся найти среди вас многих Лафайетов!²

Призыв Сунь Ятсена, обращенный к правителям Соединенных Штатов, остался голосом вопиющего в пустыне.

Памфлет Сунь Ятсена был переведен на китайский и японский языки и опубликован в Гонконге и в Японии. Но кто в Америке прочел эту брошюру и вообще прочел ли ее кто-нибудь, неизвестно.³

Т. Рузвельт (1858–1919)

¹ Там же. С. 255.

² Там же.

³ *Ganschow Th. A Study of Sun Yat-sen's Contacts with the United States Prior to 1922. Ann Arbor. 1971. P. 40.*

Зараженный крайней степенью синофобии, лауреат Нобелевской премии мира за 1906 г. американский президент Теодор Рузвельт ненавидел слабые страны и слабых лидеров, а в его лексиконе слово «китаец» было самым сильным ругательством, почти нецензурным выражением.

Прислушаться к словам Сунь Ятсена он изначально не мог.

Не нашлось в Штатах и Лафайетов. Единственным исключением мог бы считаться самозванный «генерал» Гомер Ли (ниже о нем еще пойдет речь), но и ему проявить себя в Китае так и не удалось.

Глава IV

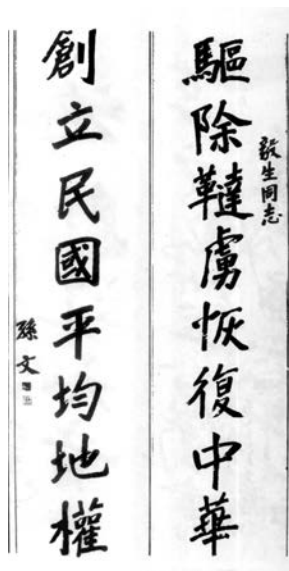
Накануне решающих сражений

Революционные организации объединились

Ускользнув от карающей руки Кан Ювзя, д-р Сунь поспешил в Японию, чтобы выполнить главную задачу накануне грядущей революции — объединить разрозненные антиманьжурские организации. Осуществить эту акцию именно в Стране Восходящего Солнца он планировал потому, что там в то время находились руководители революционных групп; кроме того, он мог рассчитывать на поддержку и помощь со стороны своих многочисленных японских друзей.

Составные части «Объединенного союза»

Усилия Сунь Ятсена завершились объединением трех групп: руководимого им «Общества возрождения Китая», а также «Союза возрождения Китая» и «Общества освобождения Китая».

Программа «Объединенного союза»
(автограф Сунь Ятсена):
«Изгнать варваров, восстановить
Китай, учредить республику,
вести уравнильное
землевладение»

Группа членов «Союза возрождения Китая»
(сидят: первый слева Хуан Син, второй справа Сун Цзяожэнь)

В отличие от кантонца Сунь Ятсена, все руководители «Союза возрождения Китая» были уроженцами провинции Хунань.

Хуан Син, которому суждено было стать одним из руководящих деятелей китайской революции и ближайшим соратником Сунь Ятсена, основал «Союз возрождения Китая» 4 ноября 1904 г., когда группа его сподвижников собралась у него дома под видом празднования дня рождения хозяина.

Хуан Син
(1874–1916)

Первой акцией «Союза» стала подготовка вооруженного выступления в Чанша. Об этом стало известно властям, и Хуан Сину пришлось бежать в Японию, где он познакомился с Сунь Ятсеном.

Сун Цзяожэнь был активным членом «Союза» с момента его создания, будучи избран заместителем Хуан Сина. С Хуан Сином его связывала

не только общность взглядов, но и давняя личная дружба. Оказавшись вместе с ним в Японии, Сун Цзяожэнь занялся штудированием политической литературы и перевел на китайский целый ряд книг по истории революционного движения в странах Европы. В 1907 г. он опубликовал исследование «Проблема Цзяньдао», доказав историческую принадлежность этого острова Китаю.

Сун Цзяожэнь
(1882–1913)

Тань Жэньфэн был намного старше руководителей «Союза возрождения Китая», и они за глаза называли его «бородатым Танем». Он познакомился с Хуан Сином и Сун Цзяожэнем в 1904 г., приняв участие в организации восстания в Чанша. В 1906 г. с рекомендацией Хуан Сина вступил в «Объединенный союз» и стал одним из его руководителей, во многом не разделяя позицию Сунь Ятсена, что приводило к трениям между ними, нередко переходившим в открытую конфронтацию.

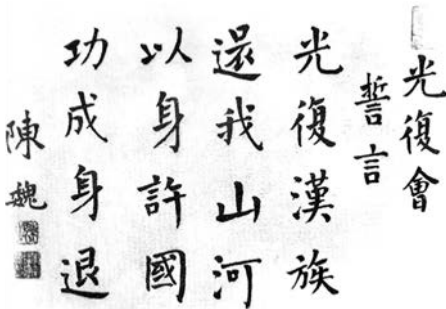
Тань Жэньфэн
(1860–1920)

Три революционные группировки, объединившиеся в 1905 г. под общим знаменем, существенно отличались друг от друга как по своим организационным принципам, так и по провозглашавшимся целям их деятельности.

Что касается последнего, то наибольшие различия были характерны для «Общества возрождения» и «Общества освобождения», что отчет-

ливо видно из сопоставления текстов клятвы, которую давали вступающие в организацию.

Члены «Общества возрождения Китая» клялись, как уже говорилось, «изгнать варваров, восстановить Китай, создать республику, осуществить уравнилельное землевладение», тогда как каждый вступающий в «Общество освобождения

Клятва вступающего
в «Общество освобождения Китая»

Китая» торжественно провозглашал: «Освободим китайскую нацию, вернем нам наши горы и реки!»

Различны были и судьбы «Союза возрождения» и «Общества освобождения» после создания «Объединенного союза». В первом случае первоначальная организация самораспускалась и переставала существовать, во втором — «Общество освобождения» вступало в «Объединенный

Цай Юаньпэй
(1868–1940)

союз», но сохраняло свою исходную организационную структуру (эта ситуация отчасти повторилась позднее, когда коммунисты вступали в Гоминьдан, сохраняя свое членство в Компартии).

Одним из основателей «Общества освобождения Китая» был Цай Юаньпэй — впоследствии известный деятель Гоминьдана, ученый и организатор науки. В декабре 1903 г. основал в Шанхае еженедельную газету «Эши цзинбао», информировавшую читателей о деятельности русских на территории Маньчжурии (позднее газета была переименована в «Цзинчжун жибао»). С 1907 г., когда ему исполнилось 40 лет, четыре года провел в Германии, изучая в Лейпцигском университете философию и психологию.

Чжан Тайянь
(1869–1936)

Чжан Тайянь был одним из наиболее решительных и последовательных противников реформаторских планов Кан Ювэя и Лян Цичао. За свою революционную деятельность он подвергался арестам. По многим теоретическим и практическим вопросам он расходился с Сунь Ятсеном, хотя и полагал, что без объединения всех революционных сил Китая успех движения невозможен. Чжан Тайянь был одним из первых, кто выступал за использование в прессе и в научной литературе разговорного китайского языка.

В отличие от многих других революционных китайских деятелей начала прошлого века, Сюй Силинь считал, что главным оружием антиманьчжурской борьбы является индивидуальный террор. В июне 1907 г. он возглавил покушение на одного из высших маньчжурских чиновников провинции Аньхуй Энъ Мина,

открыто заявляя, что за Энъ Мином последуют такие известные сановники, как Дуань Фан и др. Однако Сюй Силинь был схвачен, подвергнут жестоким пыткам и казнен.

О первом из «Трех народных принципов» Сунь Ятсена

Одновременно с организационным оформлением «Объединенного союза» Сунь Ятсен впервые изложил первоначальный вариант своих знаменитых «Трех принципов» — национализм, народоправие, народное благосостояние.

На эту тему написано так много (порой кажется, слишком много), что на первый взгляд нет необходимости затрагивать ее. Тем не менее авторы намерены высказаться по этому поводу, точнее говоря, о первом из трех принципов, или о первой составляющей суньятсеновской теории революции — «революции нации».

Прежде всего — о самом термине «нация».

Китайский термин «нация» (民族 *mínzú*) также как «революция» (革命 *gémìng*) и множество других социально-политических терминов был в новейшее время заимствован из японского языка, а в японском появился как смысловой эквивалент европейского *nation*.

В настоящее время термин «нация» употребляется в двух различных смыслах. В европейских языках он является синонимом «государства» (отсюда, например, «Организация объединенных наций»), тогда как в русском он имеет значение «этнос» (или «современный тип этнических общностей»).

Но японцы, заимствовав из западноевропейских языков понятие *nation* и обозначив его сочетанием двух китайских иероглифов 民族, употребляли его и в первом, и во втором значении.

Известный ученый эпохи Мэйдзи Куга Кацунан, одним из первых использовавший в своих трудах термин 民族 *minzoku*, следующим образом определял его:

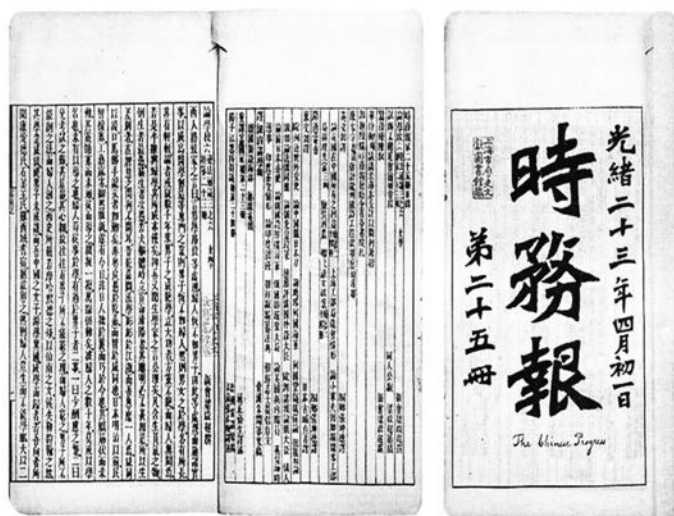
Сюй Силинь
(1875–1907)

Куга Кацунан
(1857–1907)

Человечество едино, но подразделяется на белых, черных и желтых. Желтые, черные и белые в свою очередь состоят из различных наций различных государств. Разные нации и разные государства имеют свою собственную историю, свой особенный характер, свое представление о добре и зле, свои обычаи и свою территорию.¹

Из этого не слишком внятного определения явствует, что *minzoku* обладает признаками как этноса, так и государства, а это, в свою очередь, являлось основой идеи «одна нация — одно государство». В этом значении данный термин и был заимствован в конце 19-го века китайской общественной мыслью (термин 民族 неоднократно встречается, в частности, в публикациях, появлявшихся на страницах основанного в 1896 г. журнала «Шиубао»).

Журнал «Шиубао» № 25 за 1897 г.

Именно так понимали термин *миньцзу* и революционеры, поставившие своей целью вызволить китайцев-хань из-под гнета иноплеменников маньчжуров. Идея многонационального государства была им чужда. Об этом можно безошибочно судить, например, по статье

¹ Цит. по: 书评. 民族主义与近代中日关系: 民族国家、边疆与历史认识 (Рец. на книгу «Национализм и китайско-японские отношения в новейшее время: “одна-национальное государство”, “окраины” и историческое понимание [этих терминов]») // <https://site.douban.com/125457/widget/notes/10742751/note/590623885/>.

«О национализме», опубликованной в 1903 г. в «Чжэцзян чао». В ней утверждалось, что «государство, не являющееся однопациональным, — это не государство».¹

Поэтому в программе «Объединенного союза» говорилось не о свержении маньчжурской династии, а об **изгнании** маньчжуров за пределы этнической территории китайцев-хань и создании однопационального государства хань.

Противники данного пункта программы «Объединенного союза» утверждали, что его осуществление неизбежно приведет к расчленению единого государства: в случае, если цели «Союза» будут достигнуты, на территории Китая помимо однопационального государства хань возникнет по меньшей мере еще три самостоятельных государства.

Сторонники Сунь Ятсена пытались доказать ошибочность подобных утверждений, но их доводы были малоубедительны. Потребовалось несколько долгих лет, прежде чем Сунь Ятсен осознал ошибочность и вредность своего первоначального толкования принципа национализма и воспринял сформулированный его идейными противниками тезис о «республике пяти наций».

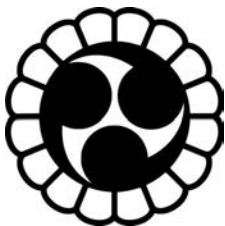
Одним из главных отрицательных последствий выдвижения в начале 20-го века концепции «одна нация — одно государство» было то, что исконная территория проживания маньчжуров, находившаяся за пределами 18 провинций, равно как и Внешняя Монголия, не считалась частью будущего государства китайцев-хань.

В этом заключается разгадка исторического парадокса — как в момент создания «Объединенного союза», так и практически на протяжении всего периода его существования китайские революционеры действовали в тесном взаимодействии с одной из самых реакционных японских политических организаций, получившей наименование «Кокурюкай».

Рука об руку с «Кокурюкай»

Наименование «Кокурюкай» иногда переводится на русский язык как «Общество черного дракона», но это ошибка. На самом деле оно происходит от названия реки Хэйлунцзян. Основатели общества исхо-

¹ 余一。民族主义论 (Юй И. О национализме) // 辛亥革命前十年间时论选集 (Избранные статьи, опубликованные за 10 лет до Синьхайской революции). Т. 1. Часть 2. Пекин. 1960. С. 490.

Символ общества
«Кокурюкай»

дили из того, что территории к югу и к северу от этой реки — Маньчжурия, Монголия и Сибирь — должны войти в состав Страны Восходящего Солнца.

Одним из основоположников был уже известный нам Утида Рёхэй. Не будет преувеличением сказать, что главной целью всей его жизни было противодействие России и аннексия китайских территорий на Северо-Востоке страны.

Члены «Кокурюкай» приняли активнейшее участие в создании «Объединенного союза». Его первое собрание происходило не где-нибудь, а на квартире Утиды, и сам он во главе группы своих единомышленников вступил в «Союз».

В своей книге «Японская Азия» Утида писал, что все точки над «i», касающиеся будущих взаимоотношений китайских революционеров с японскими *рёнин*, были поставлены еще во время его первой встречи с Сунь Ятсеном в сентябре 1898 г. Д-р Сунь якобы сказал тогда: «Наша цель — уничтожить маньчжуров и восстановить власть китайцев.

Утида Рёхэй (сидит в центре), Миядзаки Торазо (стоит слева от него) и Сунь Ятсен с другими членами общества «Кокурюкай»

А когда революция победит, можно будет отдать японцам Маньчжурию, Монголию и Сибирь».¹

По словам Утида, начиная с 1906 г. д-р Сунь неоднократно заверял японских государственных и общественных деятелей: «В случае если Япония поможет китайской революции, Маньчжурия и Монголия будут отданы Японии».²

Как китайские, так и японские историки по-разному реагировали на эти строки.

Одни (в их числе — автор двухтомной биографии Сунь Ятсена У Сянсян) сделали вид, что книгу Утида они вообще не читали и поэтому никакой проблемы здесь вообще не существует (не согласовывая своих действий, с У Сянсяном солидаризировались советские историки С. Л. Тихвинский и Г. В. Ефимов; в их исследованиях о Сунь Ятсене нет упоминаний о человеке по имени Утида Рёхэй).

Ян Тяньши

Вторые (в частности, китайский историк Чжао Цзиньюй и японский суньятсеновед Кубота Бундзи) книгу Утида читали, но полагают, что сообщаемые им сведения являются подлогом.³

Третьи (например, японский исследователь Фудзии и китайский историк Ян Тяньши) не только читали книгу Утида, но и не сомневаются в том, что его сообщение отражает реальные исторические факты.

Ян Тяньши приводит в этой связи сказанное в мемуарах Когава Хэйси:

Как Сунь Ятсен, так и Хуан Син подолгу скрывались в Японии, получали помощь от своих сторонников и в течение длительного времени общались с нами. Они неоднократно говорили нам, что Маньчжурия нужна Японии, что Япония имеет неразрывные связи с Маньчжурией, а китайцы вовсе не нуждаются в землях, которые первоначально зани-

¹ 内天良平。日本の亞細亞 (Утида Рёхэй. Японская Азия). Токио. 1932. С. 321.

² Там же. С. 340.

³ 久保田文次。孙文のいはゆる満蒙让与論について (Кубота Бундзи. О том, что Сунь Ятсен якобы был готов уступить Маньчжурию и Монголию) // 中島敏先生古稀纪念论集 (Сборник статей посвященный 70-летию Накадзима Сатоси). Т. 2. Токио. 1981. С. 601–624.

мали маньчжуры. Если китайская революция победит, то намерение Японии овладеть Маньчжурией может быть удовлетворено. Подобные мысли Сунь Ятсен неоднократно высказывал в беседах с нами, и это хорошо известно нашим сторонникам.¹

Ян Тяньши ссылается также на то, что в 1900 г. Сунь Ятсен нанес визит известной японской феминистке Симода Утако, которая в ответ на его просьбу помочь китайским революционерам сказала: «В тот день, когда ваша революция завершится успехом, Маньчжурия должна быть передана Японии». «Нет проблем», — ответил Сунь Ятсен.²

Симода Утако
(1854–1936)

Китайский оппонент Ян Тяньши, его коллега по Институту новейшей истории Китая АОН Китая Чжао Цзиньюй в своей книге «Японские рёнин и Синьхайская революция», увидевшей свет одновременно с цитированной выше статьей Ян Тяньши, обратил внимание читателей на то, что все приведенные факты почерпнуты из изданий общества «Кокурюкай», а это само по себе является основанием для сомнений в их достоверности.

Чжао Цзиньюй утверждает, что в 1898 г. Сунь Ятсен не мог сказать то, что ему приписывает Утида.

Во-первых, это был частный разговор Утида с Сунь Ятсеном. В это время Утида только что вернулся в Японию из России, общество «Кокурюкай» еще не было создано. Утида был всего лишь рядовым членом правой националистической организации «Сюаньяншэ», а не ее руководителем, каковым являлся Тояма Мицуру. Впервые встретившись с Утида, Сунь Ятсен не мог произнести эти слова.

Во-вторых, в 1898 г. у Сунь Ятсена еще не было плана широкомасштабного восстания. В то время он намеревался наладить контакты с Кан Ювэем и Лян Цичао и у него не было острой потребности в материальной поддержке со стороны Японии. Через 2 года, когда началось восстание в Хуйчжоу, глава филиппинской Армии Независимости Агинальдо пожертвовал 100 тыс. долларов, гонконгский богач Ли Цзитан — 200 тыс. долларов, подчиненный Ли Хунчжана Лю Сюэсюнь — 300 тыс. долларов.

¹ 杨天石。孙中山与《租让满洲》问题（Ян Тяньши. Сунь Ятсен и вопрос об «уступке Маньчжурии» // Цзиньдайши яньцзю. 1988. № 6. С. 69.

² Там же.

Поэтому в то время Сунь Ятсен не нуждался в финансовой помощи Японии и ему не было необходимости обменивать ее на Маньчжурию и Монголию.

В-третьих, целью революции Сунь Ятсен считал не «уничтожение маньчжуров и восстановление власти китайцев», а создание республиканского правительства по американскому образцу — в этом состояла программа «Общества возрождения Китая». Тем более не мог Сунь Ятсен сказать об «уничтожении маньчжуров и восстановлении власти китайцев» после создания «Объединенного союза». В книге «Японская Азия» несмотря на это говорится, что целью китайской революции было «уничтожение маньчжуров и восстановление власти китайцев», значит, эти слова умышленно приписываются Сунь Ятсену и вовсе не были сказаны им самим.

В-четвертых, ни в книгах, ни в статьях, ни в беседах, ни в выступлениях Сунь Ятсена нигде не упоминается о его готовности уступить Маньчжурию японцам в качестве компенсации за их помощь.¹

Контраргументы Чжао Цзиньюя таковы, что их вполне можно было бы оставить без комментариев и предоставить нашему читателю самому судить об их убедительности. Всё же хочется сказать по поводу четвертого из них. Только очень наивный человек мог бы ожидать, что в своих книгах, статьях, беседах и выступлениях Сунь Ятсен стал бы прилюдно говорить о плане обменять японскую помощь на земли Маньчжурии. Другое дело — его личные письма, не предназначавшиеся для чужих глаз. Кажется странным, что автор монографии «Японские рёнин и Синьхайская революция» почему-то умолчал о том, что по этому поводу писал Сунь Ятсен своему «другу» Мунаката Котаро. А писал он следующее:

Для меня Япония — вторая Родина, и мне жаль, что многие молодые люди в нашей стране ошибаются, полагая, что если Япония будет управлять Маньчжурией, это нанесет ущерб интересам Китая. Подробные суждения не на пользу нашим двум странам. Каждый раз, когда об этом заходит речь, я стараюсь рассеять сомнения скептиков.²

Но с некоторых пор Сунь Ятсен перестал упоминать о своей готовности расплатиться Маньчжурией за японскую помощь. Когда и почему это произошло?

Ответ на этот вопрос мы находим в приведенном Ян Тяньши эксцерпте из книги Когава Хэйси. Он выражал свое разочарование тем, что после Синьхайской революции Сунь Ятсен изменил свое исходное толкование

¹ 赵金钰. 日本浪人与辛亥革命 (Чжао Цзиньюй. Японские рёнин и Синьхайская революция). Чэнду. 1988. С. 73.

² Сунь Ятсен — Мунаката Котаро, 16 июля 1911 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 157–158.

революции и принял первоначально чуждую ему идею «республики пяти наций», согласно которой маньчжуры наряду с тремя другими народами Китая пользовались теми же правами, что и хань.¹

Это означало, что Маньчжурия стала рассматриваться как составная часть территории Китая и патриот Сунь Ятсен отдавать ее Японии более не собирался. После этого деятели «Кокурюкай» утратили всякий интерес к сотрудничеству с Сунь Ятсеном.

К вопросу о том, с каким трудом Сунь Ятсен воспринял концепцию «республики пяти наций», мы еще вернемся.

Снова разведчик (теперь — французский) и его сослуживцы

Сунь Ятсен никогда не клал все яйца в одну корзину и, добиваясь благосклонности японского правительства, одновременно с этим, если бывал случай, заводил разговор о сотрудничестве с представителями других стран, в том числе — отнюдь не дружественных Японии. Именно так обстоятельства сложились во время японо-китайской войны, когда д-ру Суню представился случай попросить поддержки со стороны Франции.

Попытка наладить контакт

В начале 20-го века позиция французского правительства в отношении политической ситуации в Китае характеризовалась стремлением сохранить *status quo*, воспрепятствовать дальнейшему разделу страны и не допустить усиления влияния Японии в ущерб французским интересам.

Первую попытку вступить в контакт с представителями французских властей Сунь Ятсен предпринял в июне 1900 г., когда, по свидетельству французского посланника в Токио Жюля Армана, д-р Сунь обратился к нему с просьбой о встрече и получил согласие.

Сунь Ятсен рассказал посланнику, что его целью является свержение маньчжурского ига и создание в Китае нового порядка. В случае, если Франция окажет ему содействие в достижении этих целей, после победы

¹ Ян Тяньши. Сунь Ятсен и вопрос об «уступке Маньчжурии» // Цзиньдайши яньцзю. 1988. № 6. С. 69.

революции ей будут предоставлены выгодные концессии в южной части Китая. Под «содействием», пояснил Сунь Ятсен, он понимает не материальную помощь, а предоставление оружия и военных советников.

Арман предупредил своего собеседника, что его правительство не склонно помогать тем, кто готовит революции в странах, с которыми Франция имеет нормальные дипломатические отношения. Другое дело — когда революция победит: тогда Франция будет готова признать новое китайское правительство, возглавляемое Сунь Ятсеном. Тем не менее Арман согласился написать губернатору Индокитая Полю Думеру и попросить его принять Сунь Ятсена, если у того будет случай приехать в Сайгон.¹

Получив сообщение о встрече Армана с Сунь Ятсеном, министр иностранных дел Франции Т. Делькассе высказался в том духе, что необходимо быть в курсе планов Сунь Ятсена, но «для нас было бы крайне опасным способствовать беспорядкам в провинциях, непосредственно граничащих с нашими владениями, и предоставлять ему пусть даже минимальную помощь».²

Думеру было предписано в случае встречи с Сунь Ятсеном не давать ему никаких обещаний.³

Т. Делькассе (1852–1923)

Сунь Ятсен отправился в Ханой, но поговорить с Думером ему всё же не удалось, потому что губернатора в этот момент там не было.

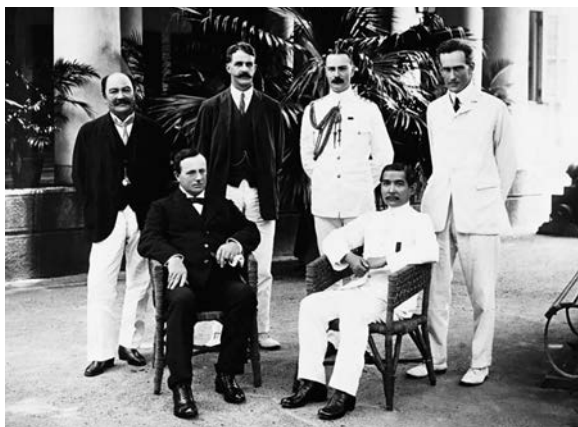
Ему не оставалось ничего иного, как встретиться с местными колониальными чиновниками, но желаемый результат не был достигнут.

В дальнейшем Думер приглашал Сунь Ятсена посетить международную торгово-промышленную выставку в Ханое, но воспользоваться этим случаем для встречи с ним Сунь Ятсен не смог. Вскоре после этого Думер был отозван из Индокитая.

¹ Арман — Думеру, 7 июня 1900 г. // Archives Nationales, Section d'Outre-Mer. Paris (далее — АОМ). Indochine B11(36).

² Министр иностранных дел — министру по делам колоний, 28 июля 1900 г. // Там же.

³ Министр по делам колоний — губернатору Индокитая, 9 августа 1900 г. // Там же.

**Встреча Сунь Ятсена
с французскими
чиновниками в Ханое**

Сунь Ятсену удалось связаться с секретарем вновь назначенного губернатора Поля Бо. Речь по-прежнему шла о предоставлении Франции концессий в случае, если она поможет китайским революционерам во время восстания в Юньнани.

Однако позиция Бо была однозначной. Он писал в Париж:

Я абсолютно убежден в том, что мы отнюдь не заинтересованы в расчленении Китая или в низложении китайского императора.¹

Делькассе был вполне удовлетворен докладом Бо. Но не все во французских дипломатических кругах были согласны с точкой зрения министра. К числу инакомыслящих принадлежал, в частности, консул в Гонконге Рафаэль Ро, встречавшийся с Сунь Ятсеном в марте 1903 г.

Обстановка их беседы была столь доброжелательной, что консул написал статью, в которой ратовал за налаживание отношений с южнокитайскими сепаратистами², а Сунь Ятсен после этого стал называть Ро своим другом.³

**Рафаэль Ро
(1872–1928)**

¹ Бо — министру по делам колоний, 26 февраля 1903 г. // Там же.

² *La Réforme et ses Réformateurs dans la Chine Meridionale* // *Bulletin de la Societé Géographique de Rochefort*, 1903. N 3.

³ *Сунь Ятсен*. Тайвань ский историк Чжэн Яньфэнь сообщает, что после этого Ро якобы стал секретарем Сунь Ятсена, но это безусловно явное недоразумение. См.: 郑彦棻. 国父与法国 (Чжэн Яньфэнь. Отец Государства и Франция) // *Цзиньдай чжунго*, 1984, № 44. С. 37.

По возвращении во Францию Ро в феврале 1905 г. еще раз встретился с Сунь Ятсеном, после чего характеризовал его как лидера сепаратистского движения на юге Китая, ранее ориентировавшегося на Японию, а теперь агитировавшего за сотрудничество с Францией в расчете на ее военную помощь. По словам Ро, Сунь Ятсен считал, что Франция, придя на смену Японии, может стать главным союзником китайских революционеров в их борьбе против маньчжурских властей.

Ро подчеркивал, что Франция несомненно выиграла бы, положительно отреагировав на предложения Сунь Ятсена, поскольку ее отношения с Японией после японо-русской войны резко обострились в связи с укреплением японских позиций в Китае.¹

Эта встреча Ро с Сунь Ятсеном совпала по времени с решением военного министерства Франции создать специальный разведывательный орган для сбора информации о положении в Южном Китае. Делькассе дал согласие на это при условии, что разведчики не будут сноситься с французским посольством в Пекине, дабы не бросать тень на его деятельность.²

Миссия Букабеля

Во главе этого новоиспеченного органа был поставлен капитан Букабель. Круг его обязанностей, согласованный с преемником Делькассе на посту министра иностранных дел М. Рувье, включал сбор разведанных, в том числе сведений о деятельности японцев в Южном Китае.

Перед своим отъездом из Парижа Букабель беседовал с Ро, и, по всей вероятности, это определило все его последующие действия.

Здесь мы вынуждены с сожалением констатировать, что сведения о миссии Букабеля, которые были в свое время сообщены читателю академиком С. Л. Тихвинским, полностью искажают истинное положение вещей.

Тихвинский утверждает:

Во время поездки Сунь Ятсена по Европе весной 1905 года французский генеральный штаб установил с ним связь в Париже, в результате чего в 1906 году на Дальний Восток была направлена группа французских

¹ Интервью с Сунь Ятсеном, 9 февраля 1905 г. // Ministère des Affaires Étrangères, Archives Diplomatiques (далее — МАЕ). Chine n.s. 8.

² Министр иностранных дел — посланнику в Пекине, 3 марта 1905 г. // Service Historique de l'Armée, EtatMajor de l'Armée. Rapports des Attachés Militaires. Chine (далее — ЕМА) 7N1675.

офицеров для оказания помощи «Объединенному союзу» в свержении маньчжурской династии.

В Париже Сунь Ятсен познакомился с генерал-губернатором Индокитая Думером, с которым ему не удалось лично встретиться в 1903 году в Ханое. Думер устроил Сунь Ятсену беседу с французским министром колоний, который также обещал оказывать помощь китайским революционерам.¹

Начать с того, что ни с Думером, ни с министром по делам колоний Сунь Ятсен в 1905 г. не встречался. В остальном же всё в вышеприведенном изложении поставлено буквально с ног на голову.

Цель миссии Букабеля в том виде, как она была сформулирована военным министром Эженом Этьеном, заключалась вовсе не в помощи «Объединенному союзу».

Напротив, Этьен предостерегал Букабеля от каких бы то ни было связей с китайскими революционерами, поскольку, по его мнению, это могло создать серьезные затруднения для французского правительства.²

Тем не менее по прибытии в Гонконг Букабель, вопреки всем полученным им инструкциям, договорился о встрече с Сунь Ятсеном. Таковая состоялась 11 октября 1905 г. на борту парохода в шанхайском порту и продолжалась ни много ни мало 8 часов.

Вот что писал об этом сам Сунь Ятсен (курсив наш):

Однажды, когда корабль, на котором я плыл из Индонезии в Японию, остановился в Усуне, французский офицер Букопэ³ *по приказанию своего военного министерства пришел*

Э.Этьен
(1844–1921)

М. Рувье (1842–1911)

¹ Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. М. 1964. С. 108.

² Этьен — Букабелю, февраль 1906 г. (точная дата неизвестна) // Archives Nationales, Section d'Outre-Mer. Aix-en-Provence (далее — AOM/Aix). 15.825.

³ Букабель.

ко мне и передал, что его правительство намерено оказать поддержку китайской революции.¹

Одно из трех: либо Букабель умышленно ввел Сунь Ятсена в заблуждение, либо Сунь Ятсен неправильно понял его слова, либо, наконец, Сунь Ятсен изложил суть дела таким образом, чтобы подчеркнуть значимость состоявшегося разговора.

Так или иначе, французский историк Ж. Шено, не располагая иными свидетельствами, поверил Сунь Ятсену на слово², а затем эта версия перекопывалась на страницы книги С. Л. Тихвинского.

В действительности французский разведчик счёл, что лидер революционной организации, будучи сам родом с Юга, может стать первоклассным источником необходимых Франции сведений, а чтобы заинтересовать его, можно было на словах посулить ему что-нибудь, в чем он нуждался.

Букабель заявил Сунь Ятсену:

Не исключено, что мое правительство проявит интерес к Вашим планам, если Вы сможете продемонстрировать, что Ваша организация располагает соответствующими возможностями.³

Сунь Ятсен убедил своего визави, что руководимая им революционная партия близка к тому, чтобы контролировать положение на юге Китая:

Он стал расспрашивать меня, каковы силы революции, и я вкратце осветил ему положение вещей; кроме того, он поинтересовался, налажена ли связь с армиями в провинциях, добавив, что если всё уже готово, то его правительство может немедленно оказать помощь.

Я ответил, что такой уверенности у меня пока еще нет, и попросил его послать кого-нибудь нам в помощь. Французы выделили тогда *в мое распоряжение* семь офицеров из своего тяньцзиньского штаба. Я приказал Ляо Чжункаю организовать явку в Тяньцзине, а Ли Чжунши поручил совместно с одним офицером обследовать положение дел в провинциях Гуандун и Гуанси. Ху Ишэну я приказал отправиться с одним офицером обследовать положение в провинциях Сычуань и Юньнань, а Цяо Ичжао также с одним офицером ехать в Наньцзин и Ухань.⁴

Букабель, таким образом, с самого начала сумел добиться желаемого: офицеры его группы, якобы находившиеся отныне в распоряжении Сунь

¹ Сунь Ятсен. Избранные произведения. С. 270.

² Chesneau J. Sun Yat-sen. Paris. 1959. P. 116–117.

³ Букабель — в Военное министерство, 9 ноября 1905 г. // Service Historique de l'Armée, EMA 7N1668.

⁴ Сунь Ятсен. Избранные произведения. С. 270.

Ятсена, могли теперь собирать нужные сведения не самостоятельно, а при содействии китайцев, гораздо лучше их разбиравшихся в местной обстановке.

Уже через полгода, в мае 1906 г. Букабель утверждал, что благодаря контактам с Сунь Ятсеном ему удалось создать в Южном Китае 20 опорных разведывательных точек.¹

Довольный успехом, достигнутым в результате первой встречи с Сунь Ятсеном, Букабель по приезде в Пекин сообщил обо всем этом французскому посланнику Ж. Дюбелю, но не встретил с его стороны одобрения, так как Букабель одним махом нарушил сразу два предписания начальства — вопреки указаниям военного министра вступил в сношения с революционерами и вовлек в свои секретные дела посольство в Пекине, чего крайне не хотелось министру иностранных дел. Дюбель полагал, что действия Букабеля чреваты большими неприятностями для Франции, так как рано или поздно о связях французских официальных лиц с Сунь Ятсеном станет известно пекинскому правительству.²

Но Букабель, воодушевленный удачным началом миссии, доказывал свою правоту. По его словам, восстание, которое вот-вот вспыхнет в Китае, неизбежно должно привести к падению маньчжурского режима или по крайней мере к созданию на Юге независимого правительства во главе с Сунь Ятсеном, к которому, добавлял Букабель, с уважением

Сунь Ятсен в 1906 г.

¹ Букабель — в Военное министерство, 4 марта 1906 г. // EMA 7N1676.

² Дюбель — министру иностранных дел, 10 ноября 1905 г. // MAE. Chine n.s. 8.

относятся многие французские парламентарии и кое-кто из министерства иностранных дел.¹

Победные реляции Букабеля вызывали всё большее недовольство тех дипломатов и высокопоставленных военных, которые не разделяли его точку зрения на сотрудничество с южнокитайскими революционерами. Сомнения в правильности избранной стратегической линии начали выражать и некоторые подчиненные Букабеля.

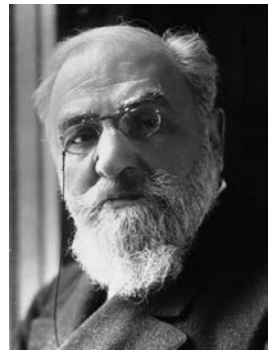
Капитан Водескаль, в частности, советовал своему шефу трижды подумать, прежде чем идти на дальнейшее сближение с Сунь Ятсеном:

По моему непросвещенному мнению, все иностранцы и французы в особенности всё потеряют и ничего не приобретут от смены династии или любого иного кардинального переворота в Китае.²

По мнению военного атташе в Китае майора Бриссо-Демейе, «создание республики на юге Китая приведет к экспорту революции в Тонкин, жители которого с трудом переносят наше присутствие».³

В Пекине тем временем, как и предполагал посланник Дюбель, обнаружили присутствие на Юге французских разведчиков во главе с Букабелем. Виной тому был его подчиненный капитан Озиль, который выступил в Ухани на собрании сторонников Сунь Ятсена с речью о французской революции, после чего его посетил некий европеец, настойчиво выспрашивавший подробности деятельности французских военных (судя по всему, это был пекинский контрразведчик).

Кончилось тем, что в октябре 1906 г. маньчжурские власти заявили французскому посольству официальный протест, представив перехваченные ими письма в качестве веских доказательств подрывной деятельности французских военных вкупе с южными сепаратистами. Оказавшийся в щекотливом положении посланник Бапст ходатайствовал об отзыве Букабеля, и новый министр иностранных дел Л. Буржуа потребовал того же от военного министерства.⁴

Леон Буржуа
(1851–1925)

¹ Букабель — в Военное министерство, 10 мая 1906 г. // Там же.

² Водескаль — Букабелю, 30 апреля 1906 г. // Там же.

³ Бриссо-Демейе — в Военное министерство, 31 мая 1906 г. // ЕМА 7N1668.

⁴ Министр иностранных дел — военному министру, 12 октября 1906 г. // ЕМА 7N1676.

Именно все эти обстоятельства, а не смена правительства, как полагал С. Л. Тихвинский¹, были причиной фиаско миссии Букабеля.

Официальная линия Парижа остается неизменной

Стефан Пишон, занявший в конце 1906 г. кресло французского министра иностранных дел, продолжал традиционную политику сохранения *status quo* в Китае. «Двойная игра, которую некоторые французы вели с революционными элементами Юга, — полагал он, — безусловно способствовала усилению недоброжелательного отношения к Франции, свидетелями которого мы являемся в настоящее время».²

Но Сунь Ятсен, которому общение с Букабелем не принесло дивидендов, продолжал надеяться на то, что в будущем ему повезет и он получит поддержку со стороны низших звеньев колониальных властей французского Индокитая.

В начале декабря 1907 г. сторонники Сунь Ятсена взяли штурмом укрепленный пограничный пост Чэннаньгуань. Сунь Ятсен, Хуан Син, японец Икэ Кёкити и какой-то «баловавшийся опиумом» французский артиллерист (по одним сведениям, он был отставным офицером, по другим — находился в отпуске) прибыли в захваченную крепость, а затем направились в Ханой за дополнительным военным снаряжением. Но в это время контратака китайских правительственных войск была успешна, и Сунь Ятсену со товарищи пришлось остаться на территории Тонкина.

Китайские власти потребовали выдачи инсургентов. Губернатор Индокитая Бо посоветовался с Парижем и получил указание разоружить и интернировать гостей с той стороны границы, в то же время заверив Пекин, что любая последующая попытка использовать Тонкин для организации антиправительственных выступлений будет пресечена.³

С. Пишон
(1857–1933)

¹ Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. С. 109.

² Министр иностранных дел — министру по делам колоний, 30 сентября 1907 г. // АОМ. Indochine B11(36).

³ Министр иностранных дел — посланнику в Китае, 9 декабря 1907 г. // С. Пишон (1857–1933). Chine n.s. 225.

Пишон же, узнав позже об участии в экспедиции французского офицера, пришел в бешенство и потребовал наказать прощтрафившегося.¹

Во исполнение приказа из Парижа Бо распорядился найти и арестовать Сунь Ятсена, что и было сделано (об этом эпизоде нам уже приходилось говорить в связи с попыткой Сунь Ятсена заручиться защитой со стороны посольства США на том основании, что он является американским гражданином).

Поль Бо

Отчитываясь о проделанной работе, Бо писал в Париж министру по делам колоний:

Переход революционеров через границу и обратно, равно как и военные действия, которые они провоцируют в Китае, вызывают отзвуки в Тонкине, являются причиной того, что и наши протеже² также приходят в состояние возбуждения.³

30 апреля 1908 г. в Хэкоу на границе провинции Юньнань и Тонкина вспыхнуло восстание. Пекин потребовал от Франции не допустить снабжения революционеров оружием из-за кордона, и новый губернатор Индокитая Альфонс Бонур получил от министерства по делам колоний строгий приказ принять соответствующие меры.⁴

В результате Хуан Син, выехавший в Ханой за подкреплением, был остановлен на погранзаставе и депортирован в Китай. Менее чем через месяц выступление в Хэкоу было подавлено, а его участники, перешедшие юньнаньско-тонкинскую границу, разоружены.

Подводя итоги хэкоуских событий, Бонур подчеркивал, что без французской помощи китайским правительственным войскам не удалось бы в столь короткие сроки покончить с бунтовщиками.⁵

В итоге в январе 1909 г. было подписано китайско-французское соглашение о сотрудничестве по части борьбы с революционными элементами.

¹ Министр иностранных дел — министру по делам колоний, 3 мая 1908 г. // АОМ. Indochine B11(37).

² Имеются в виду жители Индокитая.

³ Бо — министру по делам колоний, 12 февраля 1907 г. // АОМ. Indochine B11(36).

⁴ Мин. по делам колоний — губернатору Индокитая, 7 мая 1908 г. // МАЕ. Chine n.s. 238.

⁵ Губернатор Индокитая — мин. по делам колоний, 6 июня 1908 г. // АОМ. Indochine B11 (36).

Однако Сунь Ятсен по-прежнему не терял надежду на то, что Франция поможет ему. В конце 1908 г. он встретился с французским посланником в Бангкоке Полем де Маржери, и тот был немало удивлен проявленным Сунь Ятсеном оптимизмом по поводу перспектив французской помощи китайской революции.¹

Бунт на корабле

Сунь Ятсен полагал, что сила «Объединенного союза» в том, что в него вошли три самые крупные организации, ставившие своей целью борьбу с маньчжурской династией. Но в этом же была и его слабость: у каждой фракции «Союза» был свой вождь, у каждого вождя — свои амбиции и претензии на лидерство.

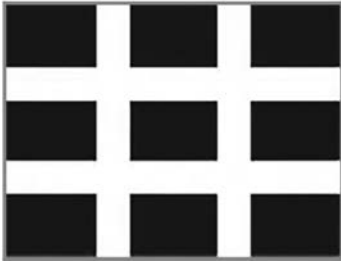
Первые раскаты грома

12 января 1907 г. японское правительство получило письмо из Пекина, в котором содержалось требование запретить Сунь Ятсену пребывание в Японии. Узнав об этом, Утида Рёхэй предложил компромиссный вариант, который устраивал бы и китайские власти, и изгнанника. Идея Утида заключалась в том, чтобы уговорить Сунь Ятсена добровольно покинуть Японию, оплатив его будущие расходы и давая ему возможность «сохранить лицо». Министерство иностранных дел приняло предложение Утида, дополнив его обещанием разрешить д-ру Суню через три года вернуться в Японию. По здравом размышлении Сунь Ятсен согласился с этим планом.

Накануне отъезда из Токио Сунь Ятсен встретился с Хуан Сином, чтобы обсудить с ним несколько вопросов, в том числе о том, под каким флагом будет осуществлена грядущая революция.

У Хун Сина на этот счет было предложение: на флаге должен быть изображен иероглиф 井 ‘колодец’, символизирующий идею уравнительного землевладения как одного из политических лозунгов «Объединенного союза».

¹ Посланник в Сиаме — мин. иностранных дел, 10 декабря 1908 г. // МАЕ. Chine n.s. 198.

Два варианта флага «Объединенного союза»,
предложенные Хуан Сином (слева) и Сунь Ятсеном (справа)

Против этого выступил Сунь Ятсен, настаивавший на том, чтобы в качестве символа революции был бы утвержден флаг, в свое время придуманный Лу Хаодуном: белое солнце на голубом фоне. Именно под этим флагом, повторял Сунь Ятсен, умирали участники последнего восстания в Кантоне.

Хуан Син стоял на своем, указывая, помимо всего прочего, на то, что флаг с белым солнцем почти неотличим от японского. Спор зашел так далеко, что Хуан Син и Сунь Ятсен несколько дней не разговаривали друг с другом.

Сун Цзяожэнь записал в своем дневнике:

28 февраля. В 7 часов вечера я пришел в редакцию «Миньбао» к Хуан Сину. <...> Он долго не отвечал на мои слова. Потом вдруг сказал, что хочет покинуть организацию и не иметь с ней ничего общего. Причина: Сунь Ятсен предложил эскиз флага, который не понравился Хуан Сину, и он высказался за то, чтобы изменить его. Но Сунь Ятсен настаивал на своем и сделал несколько обидных замечаний. В результате Хуан Син в сердцах покинул место их встречи. Присутствовавшие при этом пытались урезонить стороны, но тщетно. Размышляя о случившемся, я пришел к выводу, что у Хуан Сина были более серьезные основания для гнева, чем это может показаться на первый взгляд. Неопишущее недовольство накапливалось в его душе на протяжении длительного времени, прежде чем выплеснуться наружу в этом споре, возникшем, вообще говоря, по совершенно незначительному поводу. Ибо Сунь Ятсен всегда неискренен и тщеславен, он ведет себя почти как диктатор и никогда не прислушивается к чужому мнению, что порой становится невыносимым для его коллег.¹

¹ 宋教仁日记 (Дневник Сун Цзяожэня). Пекин. 2014. С. 328.

Через некоторое время возмутителем спокойствия стала редколлегия журнала «Миньбао».

Во время пребывания в Японии Сун Цзяожэнь основал в Токио теоретический журнал «Эр ши шицзи чжи чжина» («Китай в XX веке»). После создания «Объединенного союза» журнал был переименован в «Миньбао» и стал его официальным органом.

На первых порах журнал издавался большим тиражом — 17 тыс. экземпляров. Но затем по разным причинам тираж резко сократился. Возникшие вследствие этого финансовые трудности явились главной причиной неожиданно вспыхнувшего летом 1907 г. острого конфликта редколлегии с лидером «Союза», в результате которого политическая карьера Сунь Ятсена оказалась на грани фиаско.

Первый номер «Миньбао» Редакционная коллегия журнала: Ху Ханьминь (главный редактор), Чжан Тайянь и Тао Чэнчжан (члены редколлегии)

4 марта Сунь Ятсен, получив от японцев 16 тысяч иен и передав 2 тысячи редколлегии «Миньбао», отплыл из Иокогамы во Вьетнам.

Когда Утида сообщил оставшимся в Японии ведущим деятелям «Объединенного союза», что перед отъездом лидеру была вручена крупная сумма денег, это вызвало негодование Чжан Тайяня, ставшего к тому времени главным редактором журнала: Сунь Ятсен уехал, взяв с собой почти все полученные средства и оставив редакции какие-то

жалкие гроши. Он сорвал со стены портрет руководителя «Союза» со словами: «Долой Сунь Вэня, предавшего наш “Миньбао”!»¹

Чжан Тайяня поддержали Тань Чжэньфэн и Сун Цзяожэнь. Чжан Цзи выразил мнение многих членов «Союза» словами: «Прежде чем начинать революцию в стране, надо произвести революцию в нашем революционном стане»².

Он потребовал созвать общее собрание членов «Союза» с тем, чтобы избрать более достойного руководителя.

В защиту Сунь Ятсена выступил замещавший его Лю Куйи.

Он утверждал, что лидер вовсе не присвоил полученные деньги, а намеревается истратить их на приобретение оружия для готовившегося восстания. Созвать общее собрание Лю Куйи отказался.

В результате дело дошло до рукопашной. Чжан Цзи первым пустил в ход кулаки, Лю Куйи ответил тем же, и их с трудом разняли присутствовавшие при их обмене любезностями члены «Союза».

Лю Куйи
(1878–1950)

Сунь Ятсен действительно собирался закупить в Японии оружие и поручил это дело своему приятелю Каяно Нагатоми. Тот приобрел большую партию винтовок, которые, как оказалось, были устаревшего образца. Деятелям из «Миньбао» только этого и было нужно.

Чжан Тайянь заявил: «Винтовки, закупленные Сунем, в Японии давно уже вышли из употребления. Используя их в Китае, он обрекает товарищей на неминуемую гибель!»³

Пренебрегая конспирацией, противники Сунь Ятсена тут же отправили в Гонконг телеграмму с требованием приостановить закупку оружия.

Это в свою очередь вызвало гневную реакцию Сунь Ятсена. Он послал в Японию своего человека, который должен был довести до све-

¹ 冯自由. 革命逸事 (Фэн Цзыю. Неофициальная история революции). Т. 5. Пекин. 2014. С. 191.

² 李吉奎. 孙中山与日本 (Ли Цзикуй. Сунь Ятсен и Япония). Гуанчжоу. 1996. С. 226.

³ 同盟会第一次“倒孙”风潮 (Первая кампания членов «Объединенного союза» под лозунгом «Долой Сунь Ятсена!») // https://www.sohu.com/a/130339046_625247.

дения членов «Союза», что Чжан Тайяню и Сун Цзяожэню он запрещает вмешиваться в военные дела.¹ Но отнюдь не все соратники д-ра Суня были готовы подчиняться его приказам.

Хотя до импичмента дело так и не дошло, авторитет лидера был тем не менее основательно подорван.

Девятый вал

Весной 1908 г. временно исполняющим обязанности редактора «Миньбао» стал бывший член «Общества освобождения Китая» Тао Чэнчжан. Но он успел выпустить только два номера журнала. В октябре издание «Миньбао» было запрещено японскими властями.

В марте 1909 г. Тао Чэнчжан путешествовал по странам Южных морей, собирая пожертвования для выпуска нового печатного органа. На одном из собраний китайских иммигрантов близкий друг Сунь Ятсена сказал, что на самом деле Тао Чэнчжан здесь просто турист и не занят серьезным делом. В результате вместо ожидаемых 1000 долларов Тао удалось собрать лишь третью часть этой суммы. «Я не хотел говорить плохое о Сунь Ятсене, — писал он своему соратнику Ли Сехэ, — но пришлось кое-что высказать».²

Дальше — больше.

В мае 1909 г. Тао Чэнчжан пишет Ли Сехэ:

Прошло уже 9 месяцев с того момента, когда я в прошлом году отправился на юг, но цели поездки, на которые я рассчитывал, так и не были достигнуты. Сунь Ятсен не осмеливается открыто выступать против меня <...>, но агитирует у меня за спиной.³

В ответ Тао Чэнчжан и Ли Сехэ, бывший товарищ Хуан Сина по революционным выступлениям в Хунани, во главе большой группы своих сторонников составили документ, озаглавленный «Совместное заявление членов “Объединенного союза” — представителей 7 провинций».

Ли Сехэ (1873–1927)

¹ Там же.

² Тао Чэнчжан — Ли Сехэ, 9 марта 1909 г. // 陶成章信札 (Письма Тао Чэнчжана). Чанша. 1980. С. 23.

³ Тао Чэнчжан — Ли Сехэ, 9 мая 1909 г. // 陶成章集 (Сборник сочинений Тао Чэнчжана). Пекин. 2014. С. 152.

Это пространное заявление начиналось словами:

Моральные качества Сунь Вэня давно уже хорошо известны функционерам [«Объединенного союза»] и всем нашим товарищам, и об этом нет необходимости говорить. Поэтому ниже речь пойдет только о его отношении к организации. В то время, когда создавался наш «Объединенный союз», у него не было никаких заслуг, но наши товарищи, поверив его хвастливым заявлениям, необдуманно избрали его своим руководителем.
<...>

Обретя власть, он перестал контролировать себя и отдавать себе отчет в том, что он собой представляет, и использовал свое громкое имя для того, чтобы причинить вред великому и важному делу. Он стал считать, что вокруг него все дураки и только он умный, что никто ни на что не способен и лишь он может всё.¹

Сунь Ятсен обвинялся в многочисленных преступлениях, которые были изложены в трех пунктах:

- во-первых, причинение ущерба товарищам по организации;
- во-вторых, сокрытие от них своих планов;
- в-третьих, осквернение доброго имени «Союза».

Помимо всего прочего, он якобы был виновен в присвоении общественных денег; сообщалось, что на личных счетах Сунь Ятсена в гонконгском и шанхайском банках лежит 200 тысяч *лянов*.

Авторы заявления сформулировали 9 требований, главными из которых были: смещение Сунь Ятсена с поста руководителя «Союза»; принятие нового устава организации; требование от Сунь Ятсена отчета о том, куда тратятся получаемые «Союзом» суммы.²

Передать заявление в токийскую штаб-квартиру «Объединенного союза» было доверено Тао Чэнчжану.

Приехав в Токио, Тао Чэнчжан обнаружил, что раздоры в стане революционеров привели к полному организационному развалу «Союза». Штаб-квартира существовала чисто номинально, будучи не в состоянии руководить деятельностью своих филиалов, и ее авторитет был полностью утрачен.³

Тао Чэнчжан вручил документ Хуан Сину, потребовав довести его до сведения всех членов «Союза», но оказалось, что Хуан Син целиком

¹ Совместное заявление членов «Объединенного союза» — представителей 7 провинций // Там же. С. 170.

² Там же. С. 170–178.

³ Тао Чэнчжан — Ван Жоюю и Ли Сехэ, август-сентябрь 1909 г. (точная дата неизвестна) // Там же. С. 156.

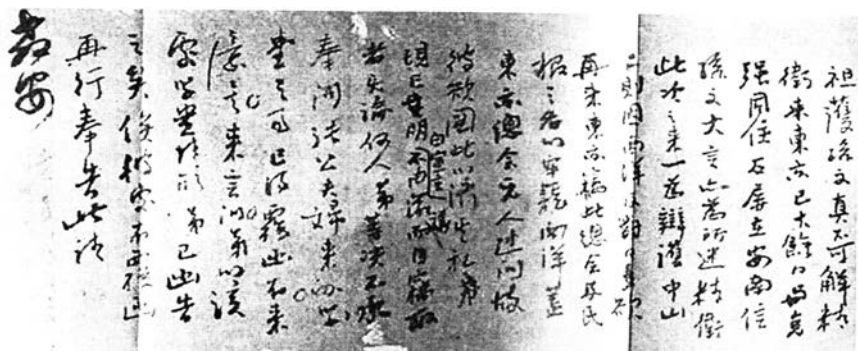
и полностью поддерживает Сунь Ятсена и делает всё от него зависящее, чтобы содержание «Обращения» не стало широко известно. Это показалось Тао Чэнчжану странным, поскольку Хуан Син еще не так давно до хрипоты спорил с Сунь Ятсеном.

На стороне Сунь Ятсена был также только что вернувшийся в Токио Ван Цзинвэй (он поселился на квартире Хуан Сина). По мнению Тао Чэнчжана, он преследовал две основные цели: поддержать Сунь Ятсена и возглавить новую редколлегию журнала «Миньбао», который было решено издавать нелегально и распространять в Париже.¹

Об этих планах Ван Цзинвэй узнал Чжан Тайянь и был возмущен тем, что его не поставили в известность об этом. Он выступил с заявлением, назвав возобновляемый журнал «подделкой».

Тем временем Хуан Син отказывался обнародовать антисуньятсеновское «Обращение», а когда Тао Чэнчжан потребовал вернуть ему текст, он отказался сделать это и в свою очередь в крайне резкой форме обвинил его в попытках расколоть «Союз». Вслед за этим в газете «Жихуа синьбао» появилась статья, в которой утверждалось, что Тао Чэнчжан является ставленником реакционеров, а Чжан Тайянь будто бы вступил в контакт с маньчжурским сановником Дуань Фаном с целью взорвать «Объединенный союз» изнутри.²

В ответ Тао Чэнчжан опубликовал «Обращение к товарищам», оправдывавшее его действия и содержавшее еще более резкую критику Сунь

Письмо Тао Чэнчжана Ли Сехэ и Ван Жоюю, сентябрь 1909 г.
(фрагмент)

¹ Тао Чэнчжан — Ли Сехэ и Ван Жоюю, сентябрь 1909 г. (точная дата неизвестна)
// Там же. С. 158.

² Там же.

Ятсена. Оно было издано отдельной брошюрой и разошлось во многих сотнях экземпляров.

Для Сунь Ятсена наступили трудные времена. Вследствие активности Тао Чэнчжана многие китайцы-иммигранты в странах Южных морей, Европе и Америке больше не хотели иметь с ним дело.

Об этом во время пребывания в Лондоне в октябре 1909 г. Сунь Ятсен писал одному из своих близких друзей.

Тао Шэнчжан (1878–1912)

Сунь Ятсен сообщал Ван Цзыкуану:

Недавно я получил письмо из Америки, где сказано, что нашлись такие, кто, выступая от имени «Объединенного союза», обращается с письмами в разные города, подвергает меня ожесточенной критике, не дает возможности возразить и тем вносит смуту в настроения людей.

Это обстоятельство стало серьезным препятствием на пути общения с нашими зарубежными соотечественниками. Тао Чэнчжан — вот тот, кто занимается этим.¹

29 октября Сунь Ятсен встретился в Лондоне с одним из своих сподвижников У Цзинхэном, и они обсуждали вопрос о том, как следует реагировать на происходящее. На следующий день Сунь Ятсен написал У Цзинхэну:

Вчера Вы высказали мнение, что следует подробно изложить все обстоятельства дела, чтобы рассеять сомнения третьих лиц и добиться справедливого отношения к себе со стороны всего мира.

Долго обдумывая ситуацию, я пришел к выводу, что Вы правы. А поскольку претензии современников касаются прежде всего финансов, я подробно изложу всё, связанное со вспомоществованием, полученным за границей во время руководимых мною трех революций.² <...> Если обстоятельно и понятно изложить это людям, те, кто лишь недавно воспринял революционные идеи, больше не будут заблуждаться.³

¹ Сунь Ятсен — Ван Цзыкуану, 22 октября 1909 г. // 天下为公大道行。纪念孙中山诞辰150周年馆藏文武图集 (Поднебесная является всеобщим достоянием, царит великая справедливость. Материалы из собрания Исторического музея в связи с 150-летней годовщиной со дня рождения Сунь Ятсена). Пекин. 2016. С. 207.

² Под «тремя революциями» Сунь Ятсен имел в виду восстания в Гуандуне.

³ Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 30 октября 1909 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 95–96.

予臣我兄鑒昨日篤生兄來談通信社事并
甚贊同其意此事關於吾黨之利便者確多
將來或藉大用亦未可定 兄宜共同担任之
切勿避嫌蓋吾人若不埋之必致落於他人之手
則此物又可為吾人之害也 幸為留意圖之
弟現仍候一處之回音故尚未能定期往美為
下禮當可知其詳細禮拜大或可動程也
此接美洲來信謂有人托同盟會之名致書各
埠大加詆毀於弟不留餘地極處人心頗為所
惑云此事於聯絡華僑一方面大有阻碍矣為
此事者乃陶成章陶去年到南洋責弟為他
籌款五萬元因弟推以近日南洋經濟恐慌
自顧不暇斷難辦辦而歸故令大肆攻擊
也東留留學界之不滿意於弟者并有之惟願

故從外人視之吾黨已成內亂之勢人心如此其年
命前途之大不幸也可浩嘆
巴黎同志張翼樞兄步蹟先近因旅費不支
欲謀一官費故擬先入學堂尚缺學費百餘
佛即弟已許担任寄惟之任此間所僅往美
旅費以用入多少故恐難盡力貴處同志能否
合力集一二百佛即寄往以為彼用手理為
謀之計得直安往巴黎張兄收入可也聞信已
有與兄通信彼等往地想已悉也此致即候
大安
比京同志阮此候如不另弟 陳文謹啓
西十月廿二日

Письмо Сунь Ятсена Ван Цыкуану от 22 октября 1909 г.

Далее автор письма приводил фактические данные о своих предшествующих приходно-расходных операциях и подчеркивал при этом, что он не только не получил от революции никаких благ, но, напротив, потерял то, чем располагал первоначально.

Не все знают, что до начала революционной деятельности мое материальное положение в обществе было безбедным. Если бы не революция, я не утратил бы этого положения и пользовался бы всеми радостями жизни, о которых мечтает человек. Как же можно говорить, что я нажился на революции?

Далее Сунь Ятсен упоминал о том, что его старший брат, проживавший на Гавайях, постоянно оказывавший материальную поддержку революционерам и за счет своих средств содержавший семью младшего брата, в конце концов обанкротился и, не будучи в состоянии расплатиться с долгами, был вынужден переселиться в Гонконг и ютиться там под чужой крышей.

Сунь Ятсен в 1909 г.

Тао Чэнчжан клеветает на него, утверждая, что он построил в Коулуне здания, возведенные в европейском стиле. Вначале мой старший брат был состоятельным предпринимателем, и если бы я не стал революционером, он не разорился бы и строить здания в европейском стиле было бы для него обычным делом.¹

К этому времени Тао Чэнчжан уже пришел к выводу, что продолжать перебранку с Сунь Ятсеном не имеет смысла. Он писал одному из своих сторонников:

[Ты считаешь, что] впредь не следует нападать на Сунь Вэня; я согласен с этим. С моей точки зрения, мнения могут различаться, подход к делу может быть неодинаков. Можно что-то доказывать, но можно и не делать этого. Но, во всяком случае, не стоит, как это было до сих пор на страницах «Чжунсинбао», ежедневно обмениваться бранью. Это недостойно

¹ Там же. С. 96.

серьезной газеты. Особенно если речь идет о пороках морального облика человека.¹

Но Сунь Ятсен складывать оружие не собирался. Размышляя над тем, что ему следовало бы предпринять в ответ на клеветнические измышления недругов, Сунь Ятсен пришел к выводу, что ему не с руки самому доказывать перед всем миром свою невиновность и будет лучше, если разоблачением домыслов займется кто-то из его сторонников.

Поэтому 12 ноября 1909 г., вскоре после прибытия в Штаты, Сунь Ятсен пишет У Цзинхэну, который был главным редактором издававшейся в Париже китайязычной газеты «Синь шицзи бао», еще одно письмо.

В этом письме он сообщал, что, по полученным им сведениям, китайские иммигранты в Соединенных Штатах Америки подпали под влияние листовок Тао Чэнчжана и изменили свое доброе отношение к прежде почитаемому ими революционному лидеру. В этой ситуации Сунь Ятсен рассчитывал на помощь со стороны У Цзинхэна.

Он просил своего друга от имени «Синь шицзи бао» в порядке обмена информацией обратиться в редакции газет, выходивших в США и Канаде:

Укажите на то, что Тао Чэнчжан в погоне за известностью и материальной выгодой без всяких на то оснований обрушивается на меня, дайте на этот счет объективный комментарий, может быть, даже более подробный, чем это будет сделано в «Синь шицзи бао» и посоветуйте товарищам не прислушиваться к заявлениям только одной стороны. <...>

Такого рода письма следовало бы разослать, приложив к ним печать «Синь шицзе бао»: так это будет выглядеть еще более убедительно.²

В тот же день Сунь Ятсен ответил на полученное в Лондоне письмо Чжан Цзи, действовавшего заодно с Тао Чэнчжаном и Чжан Тайянем и требовавшего от д-ра Суня удалиться от дел и официально объявить об отставке с поста руководителя «Объединенного Союза»:

Во-первых, о том, следует ли мне завершить политическую карьеру и поселиться где-нибудь далеко в горах. Сейчас мы переживаем период

Чжан Цзи
(1882–1947)

¹ Тао Чэнчжан — Шэнь Фу, 5 ноября 1909 г. // Сборник сочинений Тао Чэнчжана. С. 192–193.

² Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 12 ноября 1909 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 98–99.

спада революции, а не ее подъема. Это период, когда мне, не страшась опасности и пренебрегая трудностями, нужно двигаться вперед, а не удаляться от дел.

Во-вторых, по поводу официального объявления об уходе с поста руководителя «Объединенного союза». Когда меня выдвинули на должность руководителя «Союза», об этом не было объявлено во всеуслышание всему свету, так что незачем объявлять и об уходе с этого поста.

Что же касается моего ухода по существу вопроса, то я потребовал от «Союза» и от Чжан Тайяня признать свои ошибки, но ни «Союз», ни Чжан Тайянь до сих пор не признали, что были неправы. Поэтому я давно уже не считаю себя их руководителем. Все вооруженные выступления в Гуандуне, Гуанси и Юньнани на протяжении последних двух лет происходили под знаменем «Революционной партии», а вовсе не «Объединенного союза».¹

Сунь Ятсен с нетерпением ждал получения экземпляра газеты «Синь шицзи бао». По его наблюдениям, положение в восточной части Соединенных Штатов Америки было более удовлетворительным по сравнению с Западом, и он рассчитывал на поддержку со стороны китайских студентов.²

Наконец долгожданная газета была получена из Парижа. Сунь Ятсен был доволен:

Опубликованная в «Синь шицзи бао» отповедь измышлениям Тао Чэнчжана — это как раз то, что требуется, и неангажированный читатель теперь разберется в сути дела, так что писать в редакции других газет теперь нет необходимости. <...>

Но недавно мне написали из Токио, что Чжан Тайянь снова разразился бранью, причем еще более безобразной, чем это делал Тао Чэнчжан. <...>

Тао Чэнчжан говорил об огромных суммах, не получив которые пустил в ход зубы. А Чжан Тайянь ведет речь о каких-то нескольких тысячах, из-за коих он обвиняет людей во всех смертных грехах.

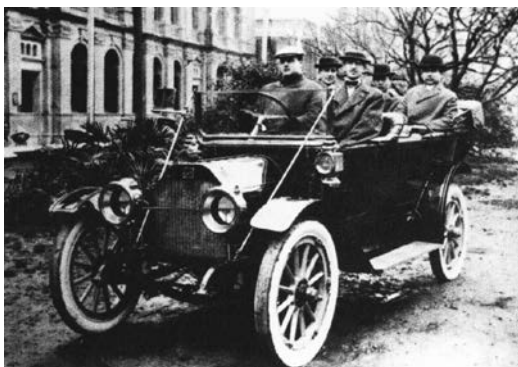
Для Тао Чэнчжана «Объединенный союз» — это весь Китай. Для Чжан Тайяня Китай — это редакция «Миньбао». <...>

Посылаю Вам кляузу Чжан Тайяня, эти словесные ухищрения низменного человека. Говорят, когда статья Чжан Тайяня была опубликована, все, кто находился в Токио — члены организации и стоящие вне её, осудили эту статью. Значит, люди еще не лишились здравого смысла. Нельзя ли прокомментировать это сочинение в «Синь шицзи бао»?³

¹ Сунь Ятсен — Чжан Цзи, 12 ноября 1909 г. // Там же. С. 99.

² Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 25 ноября 1909 г. // Там же. С. 100.

³ Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 4 декабря 1909 г. // Там же. С. 101–102.

Сунь Ятсен в Нью-Йорке (конец 1909 г.)

У Цзинхэн ответил не сразу. Сунь Ятсен торопил его:

В прошлый раз я послал Вам письмо, приложив к нему статью Чжан Тайяня, напечатанную в «Жихуа синьбао», и спрашивал, нельзя ли поместить отклик на нее. А сегодня я получил сообщение из Сингапура: опус Чжан Тайяня перепечатан в «Наньян цзунхуй бао», органе «Общества защиты императора». <...>

Прошу Вас: непременно поместите в следующем номере «Синь шицзи бао» комментарий постороннего лица, чтобы читатели всё поняли с первого взгляда и не поддавались на обман. Дело в том, что Чжан Тайянь давно пользуется большой известностью, в особенности в связи с тем, что он сидел в шанхайской тюрьме. Поэтому если не опровергать его ошибочные высказывания, они наверняка введут несведущих в заблуждение.¹

В очередном письме Сунь Ятсен повторил свою просьбу, добавив, что хотел бы получить фотографию письменного заявления Лю Гуанханя (сообщника Чжан Тайяня), чтобы иметь возможность вывести обоих на чистую воду: пребывающие за границей революционеры считают Чжан Тайяня спасительной звездой антиманьчжурского движения, и без доказательств обосновать его неправоту будет невозможно, а унижаться до взаимных пререканий Сунь Ятсен, по его словам, не хотел.²

Нетерпение Сунь Ятсена было настолько велико, что в тот же день он написал У Цзинхэну еще одно письмо с той же просьбой, уточнив адрес, по которому нужно было послать эту фотографию.³

¹ Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 13 декабря 1909 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 102.

² Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 16 декабря 1909 г. // Там же. С. 103.

³ Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 16 декабря 1909 г. // Там же.

У Цзинхэн (1865–1953)

Тао Чэнчжан же считал, что пора прекращать полемику:

Как бы неприятно ни было дело, связанное с Сунь Ятсеном, можно впредь не реагировать на него. Думаю, что и его аргументы уже исчерпаны. У «Синь шицзи бао» личные счеты с Чжан Тайянем, и поэтому понятно, что она поддерживает Сунь Ятсена. А Чжан Тайянь, опровергая «Синь шицзи бао», высказывался в том смысле, что редактировать газету должен я. Поэтому я продолжаю быть вовлеченным в это дело.<...>

А вот позиция Хуан Сина мне непонятна. Он не может не знать о проступках Сунь Ятсена и недавно яростно выступал против него, а теперь вдруг начал обожествлять его. Просто чудеса какие-то!¹

Но Сунь Ятсен продолжал бороться. Еще одно его послание У Цзинхэну в связи с этими событиями датировано 3 января 1910 г. Он просил редактора «Синь шицзи бао» регулярно публиковать отклики на любую вылазку своих недоброжелателей, прежде всего Тао Чэнчжана.²

Поддержка со стороны У Цзинхэна сыграла свою роль. Сунь Ятсена, прибывшего летом 1910 г. на запад США, тепло встречали китайские иммигранты. И это всё благодаря «Синь шицзи бао»!³

Схватка Сунь — Тао завершилась спустя два года после этого.

Неожиданный финал противоборства титанов

30 декабря 1911 г. тяжело заболевшего Тао Чэнчжана положили в больницу. Он написал записку своей сестре:

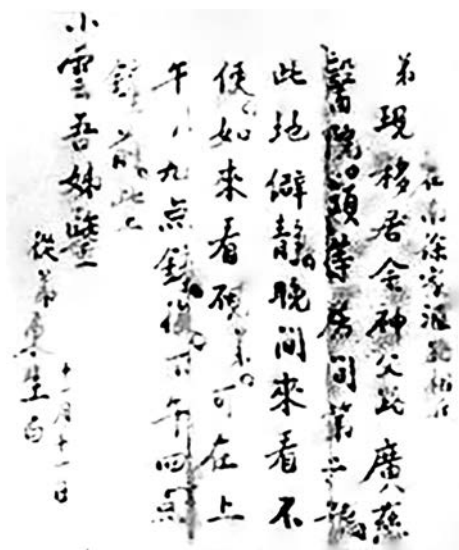
Я в больнице «Гуанцзы», в камере первой категории № 6. Здесь очень спокойно. Вечером навещать больных не разрешается. Если ты придешь ко мне, можно либо после 8–9 часов утра, либо до 4 часов пополудни.

Ночью 14 января 1912 г., спустя две недели после вступления Сунь Ятсена на пост Временного президента Китайской Республики, в палату к Тао Чэнчжану вошли двое.

¹ Тао Чэнчжан — Ли Сехэ и Ван Жоюю, начало 1910 г. (точная дата неизвестна) // Сборник сочинений Тао Чэнчжана. С. 180.

² Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 3 января 1910 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 105.

³ Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 20 июля 1910 г. // ПССС. Т. 1. С. 469–470.

Написанная в больнице записка Тао Чэнчжана, датированная 11-м днем 11-го месяца по традиционному календарю (30 декабря 1911 г.)

«Г-н Тао!» — громко произнес один из них. Тао Чэнчжан открыл глаза и повернулся к пришедшим. Последовал выстрел, и больной был убит наповал. Преступники скрылись.

На следующий день Временный президент Китая направил телеграмму военному коменданту Шанхая Чэнь Цимэю:

По сообщению газет, 14 января в 2 часа ночи в больнице на территории французского селтльмента в Шанхае убит командующий Армией освобождения Тао Чэнчжан. <...> Г-н Тао более десяти лет, не жалея своих сил, участвовал в движении. Будучи вдохновлен идеями революции, он имел большие заслуги в момент освобождения. <...> Как можно позволить преступнику совершить это зло по отношению к достойному уважения воину? Вам как военному коменданту Шанхая надлежит принять срочные и строгие меры для расследования преступления, чтобы примерно наказать убийцу. <...>¹

Во исполнение приказа президента Чэнь Цимэй распорядился начать поиски киллера, но они не дали результатов, и преступление так и осталось бы нераскрытым, если бы много лет спустя убийца сам по доброй воле не сознался в содеянном.

¹ Сунь Ятсен — Чэнь Цимэю, 15 января 1912 г. // Там же. С. 180.

В Нанкинском архиве хранится рукопись воспоминаний Чан Кайши, в период Синьхайской революции бывшего подчиненным Чэнь Цимэя, а в архиве Стэнфордского университета в США был найден его дневник. Из этих документов мы узнаем три существенных факта.

Во-первых, Чан Кайши признавался, что это он убил Тао Чэнчжана.

Во-вторых, покушение было совершено по приказу Чэнь Цимэя.

В-третьих, после этого он впервые ощутил благосклонное отношение к себе со стороны лидера «Объединенного союза».¹

То, что после убийства Тао Чэнчжана вождь обратил внимание на подающего надежды Чан Кайши (а это стало началом стремительного возвышения последнего), не было, конечно, случайностью. Устранение конкурента, позволившего себе нелицеприятно критиковать руководителя «Союза», было выгодно, прежде всего, не кому-либо еще, а именно Сунь Ятсену.

Когда же злопыхатель был устранен, д-р Сунь сделал шаг к примирению с «Обществом освобождения Китая».

Совсем недавно его упрекали в том, что он делает из мухи слона. Теперь он постарался, чтобы слон снова оказался мухой.

28 января 1912 г. Сунь Ятсен заявил:

История революционной борьбы «Объединенного союза» хорошо известна кантонцам, и нет необходимости снова излагать ее. <...> А заслуги прежнего и нынешнего «Общества освобождения» также прославили его во всей Поднебесной. Обе органи-

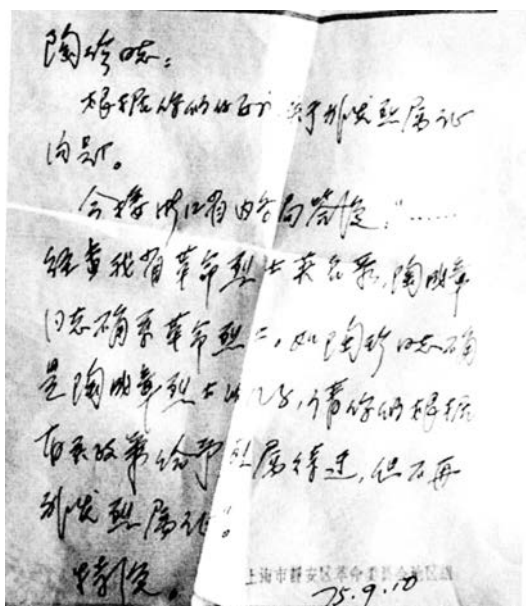

Чэнь Цимэй (1878–1916)

Молодой Чан Кайши

¹ Подробно об этом см.: 杨天石。“倒孙风潮”与蒋介石暗杀陶成章事件 (Ян Тяньши. Попытки отправить Сунь Ятсена в отставку и Чан Кайши об убийстве Тао Чэнчжана) // Цзиньдайши яньцзю, 2017, № 2.

Ответ на письмо Тао Чжэня, датированный 10 сентября 1975 г.

зации служат интересам страны, их объединяет ненависть к маньчжурам, и они не только хорошие друзья, но и братья. И хотя раньше взгляды кое-кого из их руководителей несколько различались, это не затронуло организации в целом.

Ныне республика уже создана, но маньчжуры еще не усмирены, и мы должны объединить свои усилия и помыслы ради достижения общей цели.¹

А еще через полстолетия данная тема имела следующее продолжение.

В 1975 г. сын Тао Чэнчжана Тао Чжэнь подал в соответствующие инстанции заявление о том, что имя его отца должно быть включено в официальный список «героев, погибших за революцию». Он получил ответ, гласивший, что имя Тао Чэнчжана уже числится в этом списке и поэтому его сын имеет право на полагающиеся по сему вспомоществование.²

¹ Сунь Ятсен — Чэнь Цзюньмину, 28 января 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 193.

² 关于辛亥革命元老，光复会创始人革命烈士陶成章有关的信函（Переписка по поводу ветерана Синьхайской революции, основателя «Союза восстановления суверенитета Китая», героя, погибшему за революцию Тао Чэнчжана) // <http://www.kongfz.cn/30121218/pic/>.

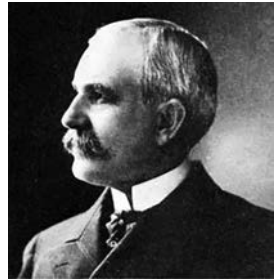
Американская авантюра

После того как Сунь Ятсен был выдворен из Японии, а его активность в странах Южных морей не дала зримых результатов, он обратил свои взоры за океан, надеясь получить долгожданную помощь в Соединенных Штатах, и встретил там взаимопонимание и поддержку — не со стороны правительственных кругов, а от своих новых американских друзей, разрабатывавших в это время некий грандиозный план.

Коллеги Сунь Ятсена готовят преобразования в Китае

Предприниматель Джеймс Бут, которому довелось на своем веку побывать мэром Южной Пасадены, в 1892 г. переехал в Лос-Анджелес, где он случайно познакомился с «генералом» Гомером Ли.

Перенесший в детские годы тяжелую болезнь, Ли на всю жизнь остался инвалидом. Горбун 160 см ростом, он страдал от сильнейших головных болей и к тому же плохо видел. Однако решив однажды посвятить себя военному делу, он до конца своих дней был уверен, что ему суждено совершить великие дела. В качестве поля приложения своей недюжинной энергии он избрал Поднебесную.

Джеймс Бут
(1851–1913)

В апреле 1900 г. Гомер Ли отправился в Китай, где он намеревался помочь Кан Ювэю сформировать армию для свержения императрицы Цыси. Увидеться с Кан Ювэем ему не удалось, но легенда о том, что вождь реформистского лагеря произвел его в генерал-лейтенанты, с тех пор повсюду неизменно следовала за ним.

Когда и где Сунь Ятсен встретился с Гомером Ли, до сих пор неизвестно. Д-р Сунь вспоминал об этой встрече:

Однажды, выступая перед своими сторонниками, я увидел молодого человека маленького роста (менее 5 футов) и примерно моего возраста, бледного и болезненного на вид. Он подошел ко мне со словами:

– Я хочу участвовать в Вашей борьбе, я хочу помочь Вам! Я уверен, что цель, к которой Вы стремитесь, наверняка осуществится!

По его выговору я определил, что он американец. Он протянул мне руку, и я в знак благодарности крепко пожал ее. Но кто он такой, я не знал,

Статья в газете «The Sunday Call» от 22 апреля 1900 г.
 «Юный калифорниец собирается стать главнокомандующим
 китайской повстанческой армией»

предполагая, что он, возможно, миссионер или ученый. И я не ошибся. Когда он ушел, я спросил одного своего знакомого:

— Что за человек этот маленький горбун?

— О! — ответил тот. — Это полковник Гомер Ли, один из самых выдающихся военных гениев современности... Нет, самый выдающийся военный гений. Он прекрасно владеет стратегией и тактикой современной войны.

Потрясенный, я стоял, разинув рот.

Утром следующего дня я навестил Гомера Ли. Выяснилось, что сейчас он генерал и к тому же известный автор книги «Невольная храбрость». Я сказал ему, что после того как моя революция завершится успехом,

а мои товарищи вручат мне власть, я приглашу его на пост главного военного советника.

— Зачем же ждать, когда Вы станете президентом, — ответил он. — Я и до этого могу пригодиться Вам!..¹

Великий китайский реформатор и его потенциальный американский соратник заочно познакомились в 1904 г. Кан Ювэй написал Ли, что он был рад услышать о намерении американца оказать содействие делу преобразования Китая и что он надеется встретиться с ним во время своего предстоящего визита в Новый Свет.

Их встреча состоялась. На ней присутствовал и Джеймс Бут. К ним присоединился Жун Хун — первый китаец, получивший ученую степень в американском университете. А позднее к этой тройке присоединился знакомый Бута — финансист В. Аллен. Так сформировалась группа, воодушевленная сверхидеей вдохнуть жизнь в одряхлевший Китай.

Однако с течением времени их однозначная ориентация на Кан Ювэя уступила место соображениям иного порядка. Сначала взоры конспираторов обратились к Юань Шикаю. Позднее в поле их зрения появился Сунь Ятсен.

Одно время четверка имела в виду пригласить в Лос-Анджелес руководителей различных антиманьчжурских организаций с тем, чтобы преодолеть существующие между ними противоречия и объединить свои усилия ради достижения общей цели. Предполагалось, что на этой встрече будет создан Высший совет, в который войдут как китайские лидеры, так и члены четверки. Высший совет должен был впоследствии сформировать Временное правительство и осуществлять при нем функции консультативного органа. Американские бизнесмены, ставшие

Гомер Ли (1876–1912)

Жун Хун (1828–1912)

¹ 孙中山。我的回忆 (Сунь Ятсен. Мои воспоминания) // ПССС. Т. 1. С. 552.

спонсорами преобразований в Китае, должны были получить вознаграждение в виде концессий.

Впоследствии от идеи организовать в Штатах конференцию антиманьчжурских лидеров пришлось отказаться, и конспираторам не оставалось ничего иного, как остановить свой выбор на какой-нибудь одной политической фигуре. В конечном итоге выбор пал на Сунь Ятсена.

В декабре 1909 г. Жун Хун сообщил своим коллегам о том, что Сунь Ятсен прибыл в Нью-Йорк, предложил организовать встречу с ним и взял на себя труд установить непосредственный контакт с визитером.

В своем письме Сунь Ятсену Жун Хун изложил свой взгляд на революцию в Китае. По его мнению, для этого было необходимо, во-первых, иметь в банке по меньшей мере три с половиной миллиона долларов; во-вторых, создать временное правительство, в которое вошли бы способные и надежные люди; в-третьих, осуществить единое руководство армией; в-четвертых, создать современный флот.¹

4 января 1910 г. Сунь Ятсен писал Ван Цыкуану, что он получил телеграмму от своего знакомого, который пригласил его приехать в Калифорнию для обсуждения «важного дела».²

Создание «Финансового синдиката»

Главным результатом переговоров Сунь Ятсена с Бутем и Ли, состоявшихся в феврале 1910 г., стало назначение Бута финансовым агентом «Объединенного союза» в Соединенных Штатах. Он получил от Сунь Ятсена доверенность, воспроизведённую на следующей странице.

Аллен, не уверенный в том, что Сунь Ятсен действительно является именно тем лидером, на которого может быть сделана ставка, во встрече не участвовал. Тем не менее, переговоры завершились созданием «финансового синдиката» — группы, главной целью которой было получение денег на нужды грядущей революции в Китае, руководить которой должен был Сунь Ятсен.

Был согласован документ под названием «Принципы финансовой поддержки»:

1. Железнодорожные концессии предоставляться не будут, так как они предполагают использование земель, находящихся в частной собствен-

¹ *Ganschow Th.* A Study of Sun Yat-sen's Contacts with the United States Prior to 1922. Ann Arbor. 1971. P. 106.

² Сунь Ятсен — Ван Цыкуану, 4 января 1910 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 105.

ности, и поэтому встретят отрицательное отношение со стороны населения. Однако дороги все же будут строиться, если синдикат сможет финансировать их.

2. После того, как Временное правительство придет к власти в Китае, все прежние концессии на разработку полезных ископаемых, заключенные при цинском режиме, будут аннулированы и новые концессии будут предоставлены по усмотрению правительства.
3. Когда синдикат начнет выплачивать деньги, он назначит своего представителя казначеем, ответственным за доходы и расходы.
4. Средства, предназначаемые новому правительству, будут выплачиваться казначеем финансовому агенту Буту четырьмя взносами, составляющими в общей сумме 3 630 000 долларов.¹

По требованию Буту Сунь Ятсен должен был повлиять на своих единомышленников и удержать их от несанкционированных выступлений, потому что это может отпугнуть кредиторов и испортить всё дело.

BY THE AUTHORITY AND CONSENT OF THE COUNCIL OF THE FEDERAL ASSOCIATION OF CHINA, I HEREBY APPOINT CHARLES B. BOOTHE OF LOS ANGELES, CALIFORNIA, SOLE FOREIGN FINANCIAL AGENT FOR SAID ASSOCIATION, AND HEREBY DELEGATE TO THE SAID BOOTHE, FULL AUTHORITY TO ACT FOR AND IN THE NAME OF SAID ASSOCIATION, IN THE MATTER OF NEGOTIATING FOR LOANS AND RECEIVING MONIES; ALSO, DISBURSING SAME IN SUCH MANNER AS MAY BE AUTHORIZED AND AGREED UPON BY THE PRESIDENT OF SAID ASSOCIATION, AND TO ENTER INTO ENGAGEMENTS OF ANY NATURE, AS SHALL BE DIRECTED FROM TIME TO TIME BY THE PRESIDENT OF THE ASSOCIATION.

EACH AND EVERY AGREEMENT ENTERED INTO BY SAID CHARLES B. BOOTHE, AS SAID FINANCIAL AGENT ON BEHALF OF AND IN THE NAME OF SAID ASSOCIATION, SHALL HAVE THE SAME BINDING FORCE UPON THE SAID THE FEDERAL ASSOCIATION, AS THOUGH SIGNED BY THE PRESIDENT AND COUNCIL OF THE SAID ASSOCIATION.

THE FEDERAL ASSOCIATION OF CHINA.

LOS ANGELES, CALIFORNIA.

MARCH 14th, 1910.

BY *Sun Wen (Sun Yat-sen)*
PRESIDENT.

中國同盟會總理
孫文

Доверенность, выданная Дж. Буту Сунь Ятсеном²

¹ Basis for Financial Support // Ganschow Th. A Study of Sun Yat-sen's Contacts with the United States Prior to 1922. P. 107–109.

² Stanford University. Boothe Papers. 1–3. P. 58.

Los Angeles, Cal., May 12th, 1910.

My dear Doctor.-

I received your note, advising me of your arrival in the Islands, and also have received the photograph of yourself and son, which we all very much appreciate. It appears to us to be a very excellent likeness, and I want to thank you for the remembrance.

I have been working steadily on our matters ever since you were here and while I am not yet able to advise you of the final results, I am very glad to say that so far I have received very satisfactory encouragement.

As you appreciate, it is necessary to lay a foundation which will be permanent and which must have support diplomatically as well as financially. I have had frequent conferences with the General and about two weeks ago I arranged for our New York friend A to come here, with the result that we have come to several very satisfactory decisions in the important matters.

He will leave here for New York within the next day or two and lay the ground work for arrangements, which I will go East to conclude. I have been delayed some in leaving here for the reason that a certain party, whom it is absolutely necessary to include in our plans, could not be reached although no actual loss of time has perhaps occurred.

I wish that you could prevail upon your friends in the various Provinces to strengthen their organizations, but to withhold action until advised by you that the time is ripe. Every false move that is made is promptly reported in this country and entails upon me the necessity of making explanations, which in the near future may cause me much embarrassment. If you could communicate with your leaders and impress upon them the great desirability of preventing such action, it would in the end greatly hasten the actual consummation of what is desired. There should be but one movement and that a well planned and perfectly concerted one.

I should greatly appreciate your keeping me informed at frequent intervals of any information which may come to your hands, which may be properly imparted. All the details which you can send me may at any time become important for me to have.

I am steadily gaining confidence in the success of all our plans but I cannot hurry matters at the risk of causing failure by so doing. There is a much quoted proverb current in this country attributed to one Davy Crockett, who was a very successful frontiersman. - "Be sure you are right and then go ahead".

I hope before long to give you in my letters some specific information but until my plans are further along, it is impracticable to do so.

I would suggest that you address my letters to No. 1515 Garfield Avenue, South Pasadena.

With kind regards to yourself and son, I remain as ever,

Very faithfully yours,

Bunch

Письмо Бута Сунь Ятсену от 12 мая 1910 г.

В конце марта 1910 г. Сунь Ятсен отправился на Гавайи и в дальнейшем больше не встречался с Бутом, поддерживая контакт с ним и Ли по почте. В частности, 9 мая Сунь Ятсен сообщил Гомеру Ли неприятную новость: в Пекине в результате неудачного покушения на одного из маньчжурских сановников арестован Ван Цзинвэй, и спасти его может только взятие столицы революционными войсками.¹

12 мая Бут сообщил Сунь Ятсену, что он вместе с Гомером Ли уже проделал определенную работу по осуществлению согласованных ранее планов, и в то же время напоминал Сунь Ятсену о необходимости гарантировать, что в Китае не будет преждевременных выступлений.²

Сунь Ятсен получил письмо Бута в день своего отъезда с Гавайев и ответил ему уже после прибытия в Токио.

Он сообщал, что не знает, долго ли пробудет в Японии, так как, по его словам, министерство иностранных дел намерено выслать его из страны. Тем не менее ему удалось встретиться с представителями провинций и в соответствии с настояниями Бута убедить их воздержаться от преждевременных военных выступлений против Пекина. Все они согласились с этим и уже отдали соответствующие распоряжения своим подчиненным в Китае. Однако, писал Сунь Ятсен, он не был в состоянии слишком долго удерживать своих сторонников от начала боевых действий, так что в распоряжении его американских партнеров было всего лишь несколько «мирных месяцев» — вплоть до зимы 1910 г.³

Сунь Ятсен со своим сыном Сунь Кэ
(Гавайи, май 1910 г.)

¹ Сунь Ятсен — Ли, 9 мая 1910 г. // ПССС. Т. 1. С. 458.

² Бут — Сунь Ятсену, 12 мая 1910 г. // Stanford University. Boothe Papers. 1–3. P. 61–62.

³ Сунь Ятсен — Буту, 22 июня 1910 г. // Stanford University. Boothe Papers. 1–3. P. 63.

Tokyo, June 22, 1910.

My dear Bunch:

Your letter of May 12, reached me at Honolulu just on the day of my departure from the Islands. I arrived in Japan already a fortnight, since that time the Peking Government left no stone unturned to get out of the country. The Japanese Government feels rather trouble for my staying here, the minister of foreign affairs positively objected my presence in Tokyo, but the minister of war have contrary opinion. On the day of my arrival a cabinet meeting took place and the war department prevailed and I was allowed to stay, but that was before the Peking Government try to do anything. Now the Peking Government impress the foreign office here or hard, I think I have to leave here on my own accord in order to relieve the uneasiness of the Government here.

Before my arrival some of our leaders have already came to meet me. I told them my view of stopping all premature movements, they all agreed and promised to send word to their provinces to stop them immediately. I think all

such kind of movement can be stopped up to the winter of this year. So we shall have many peaceful months to work.

I am preparing to leave here, but friends in connection with the war department wish me to stay a little longer. So my program is very unsettled now, but will write you at once when things are decided.

In case your work is accomplished before I can communicate to you when my about you can cable to Hongkong as follow:-

Chungkingpo. Hongkong.

Shimi Settled

The agent in Hongkong will forward such a cable to me at once whenever I may happen to be.

The document signed by representatives of various provinces is ready in here I will send it to you soon.

With my best regards

Very truly yours

Chungwan

Письмо Сунь Ятсена Джеймсу Буту от 22 июня 1910 г.

Одновременно Сунь Ятсен информировал Бута о том, что он уже подготовил «документ за подписями представителей провинций» и перешлет его по назначению в ближайшее время (речь шла о еще одной доверенности, уполномочивавшей Бута осуществлять переговоры с американскими денежными мешками).¹

Бут с нетерпением ожидал этот документ. Он вновь писал об этом Сунь Ятсену 25 июня (см. письмо на следующей странице).²

Сунь Ятсен постоянно справлялся о том, как подвигаются дела у Бута.³ Гомеру Ли он сообщал, что ему пока удастся удерживать своих сторонников от преждевременного выступления вплоть до того момента, когда синдикат получит ожидаемые средства.⁴

¹ Сунь Ятсен — Буту, 22 июня 1910 г. // Там же.

² Бут — Сунь Ятсену, 25 июня 1910 г. // Там же. С. 65.

³ Сунь Ятсен — Буту, 15 июля 1910 г. // ПССС. Т. 1. С. 467.

⁴ Сунь Ятсен — Гомеру Ли, 11 августа 1910 г. // Там же. С. 475.

Dear Sir:-

Just before leaving home I learned that you had or were about to go to Tokio. Naturally I expected to receive some communication from you giving your new address so that I might be able to reach you by mail or cable. I have visited "Y" and he gave me an address which I am using for this letter. It is much too long for cable purposes. The result of my visit here has been most satisfactory. I have had a telegram from "L" but he gives me ~~no~~ no cable address although requested me to cable you. His wire is so indefinite that I can make nothing of it. I am to proceed in this work we should have a clear understanding and I should be kept constantly informed of any new developments by mail or cable direct to my office. I have made arrangements so that my Secretary will handle these matters carefully and intelligently ^{in my absence.} Our matters are under such serious consideration that it is most important, and in fact imperative, that the signatures you were obtaining should be forwarded to me at the earliest possible moment.

While I am not able to give the fullest possible assurances, the progress I have made is most encouraging and has been steadily progressing ever since negotiations were begun. The rumors concerning which I wrote you have been a very disturbing element. I have received no communications from you in reply to my letter and I desire to impress upon you the necessity of keeping me fully and accurately informed constantly, to admit that I am not informed is a very serious handicap in my negotiations.

*Keep constantly informed - and make decisions
as soon as possible. Respectfully,
Booth*

Письмо Бута Сунь Ятсену от 25 июня 1910 г.

Наступил сентябрь. Бут с нетерпением ждал обещанной ему второй доверенности на свое имя, скрепленной подписями представителей всех китайских провинций. Она была необходима ему как свидетельство того, что Сунь Ятсен действительно контролирует антиманьчжурские силы во всем Китае. В этом начали сомневаться не только воротилы с Уолл-Стрита, но даже и Аллен, и убедить всех их было крайне важно для конечного успеха всего предприятия.

Наконец Бут получил уведомление от Сунь Ятсена, что доверенность с подписями уже послана ему заказной почтой.¹

¹ Сунь Ятсен — Буту, 4 сентября 1910 г. // Stanford University. Boothe Papers. 1–3. P. 67.

Получив ее¹, Бут продолжил свои попытки заручиться согласием финансистов субсидировать мероприятия синдиката.

Более месяца Бут провел в Нью-Йорке, но отсутствие лица, на которого он возлагал свои главные надежды, миллиардера Дж. Моргана (тот был в это время в Европе), тормозило дело.

Бут продолжал предостерегать д-ра Суня от преждевременного восстания, которое могло «испортить всё дело». Помимо этого он считал рискованной прямую переписку Сунь Ятсена с «генералом», поскольку у того на квартире дважды был обыск, и предлагал пересылать письма сначала в свой лос-анджелесский адрес.

Джон Морган
(1837–1913)

Но самое главное, продолжал Бут, заключалось в том, что после июня 1910 г. американский финансовый рынок находился в состоянии нестабильности, а это пагубно сказывалось на перспективах получения денег для нужд синдиката. Поэтому он заявлял Сунь Ятсену, что не может обещать многого, хотя и продолжает вести переговоры на этот счет, осознавая при этом, что ему следует быть крайне осторожным.²

Сунь Ятсен же был преисполнен оптимизма, будучи уверен, что в случае, если Буту удастся раздобыть требуемые 3 млн долларов, грядущему восстанию в Кантоне обеспечен успех. В письмах Гомеру Ли он просил поторопить «М-ра Б» (так в корреспонденциях Сунь Ятсена в целях конспирации именуется Бут).

Прошел октябрь. Дело не сдвинулось с места. Было ясно: что-то не срабатывало, и Сунь Ятсен пишет Буту, что при данных обстоятельствах он уже не рассчитывает на ту сумму, которая была оговорена во время встречи сторон на квартире Бута, и его устроила бы даже небольшая часть этой первоначальной суммы.

Скажем, полмиллиона долларов золотом было бы нам в настоящий момент достаточно. Небольшую сумму добыть легче и быстрее, чем значительную, не так ли? Если бы Вы получили эти деньги в течение 3 месяцев, для наших целей это было бы как раз вовремя. Ждать дольше мы не будем и предпримем самостоятельные действия для достижения того, что сможем сделать.

¹ Этот документ хранится в архиве Бута.

² Бут — Сунь Ятсену, 26 сентября 1910 г. // Stanford University. Boothe Papers. 1–3. P. 69–70.

Readings
September 26, 1910.

I have sent you today a cable which, translated, reads:— "Have received your power of attorney. Your instructions are having every attention. Syndicate meets early in October."

I spent six weeks in and about New York, and made considerable headway by dint of hard work. However, the absence of the most important man made it impossible to come to any effective agreement. This man was in Europe, and the time of his return to New York was very indefinite. The extremely unusual hot summer was driving everyone to the mountains or the shore, and I returned to Los Angeles about July 20th. Since that time there has been frequent consultations, and a representative from the parties in New York has been here for two weeks getting information and studying the situation. I have called in the General two or three times.

By the way, I would advise you to be very careful about writing him. I think it would be much better if you refrained entirely, sending your correspondence to me and letting him get his information that way. His house has been entered two or three times lately and searched by unknown parties. He had taken the precaution, upon my advice, to bring his papers to me, therefore the efforts were fruitless.

Ever since June the money market in this country has been in a very unsettled condition, and it has been very difficult to induce parties to investigate where the investment of money was to be anticipated. All I am able to assure you at the present time is that I am sparing no pains or efforts or expense to accomplish the desired end, and I hope for a successful termination for my negotiations, but how soon I can bring them to a successful termination, I am unable to state. I am obliged to be very careful at every step, which has the tendency to delay.

Your letter of July 15th has been considerably delayed in transmission, but had no evidence of having been tampered with. The document which I referred to in my cable as "power of attorney" was received promptly, but not until some time after my return to Los Angeles.

I shall probably go east very soon, at least as soon as I am advised that my presence will be effective. Your letters addressed to my residence will receive prompt attention, whether I am here or away, and I hope you will

keep me well informed of every move that in any way affects the situation.

The papers recently have contained positive statements cabled from Pekin that Memorize is about to be recalled. I have learned that Memorize is very much concerned regarding a statement which had been made in Canton or Shanghai that he was in some way connected with a fund being wrangled here, and ~~he~~ caused Memorize some explanation. I think it just as well, and I am sure that you will agree with me, that Memorize should not be mentioned to anyone, as it is true that it is impossible for him to be of any assistance, and he therefore should not be held responsible.

I congratulate you upon the cessation of disturbing rumors since your request for it.

Just at this juncture a note came in by mail from the General, quoting from yours of August 11th at Penang. This information is of value to me, and I think it would be better and safer to send such letters direct to me and I will see that the information is transmitted to the General wherever he may be. He is moving about considerably at the present time.

Wishing you every possible success, and assuring you of my desire to contribute to the utmost to it, and with kindest regards, I remain

Very sincerely yours,

Письмо Бута
Сунь Ятсену
от 26 сентября 1910 г.

Penang, November 8, 1910

My dear Mr. Beach:-

Your letter of September 26 is in receipt, but the cablegram you mentioned did not reach me. By what address did you send it?

October is now over, how is the result of the syndicate meeting? As up to the time there is no definite news from you, I fear, in spite of your hard work for our cause, the New York project might have been failed through. Have you some other way to obtain money for us? We are not in need of so large a sum as we first proposed in your house, for many of the preparatory works have been done since my returning here. I think from one tenth to one fifth of the original amount would be

enough to carry out the whole business to a successful end, say half million dollars in gold will be just about the amount we need at the present moment. A small sum must have been easier and quicker to raise than a big one. Wouldn't you think so? If you can get this sum within three months from date, it will be just in time for our purpose. After that we will not wait, but take independent measure to do what we can by any means. In case we could succeed in gaining a permanent footing before you conclude any loan, then the condition of the same ~~must~~ be entirely modified. But if nothing could be done or the attempt failed in our part, then the condition will be continued as

we have arranged in Los Angeles.

^{in this} Situation is the same as I have no news to tell you.

In regard to Monente I agreed with you entirely.

I hope to hear good news from you soon.

With kindest regards

Very truly yours

Chung San

Письмо Сунь Ятсена Буту
от 8 ноября 1910 г.

Если нам удастся обрести надежную поддержку до того момента, когда Вы получите займ, условия нашего сотрудничества могут быть полностью пересмотрены. Но если ничего не удастся предпринять и наши попытки закончатся неудачей, условия договоренности останутся такими, какими они были сформулированы в Лос-Анджелесе.¹

¹ Сунь Ятсен — Буту, 8 ноября 1910 г. // Stanford University. Boothe Papers. 1-3. P. 71-74.

Но Бут не мог предложить теперь даже этого. Аллен более не интересовался проблемами, волновавшими д-ра Суня, а Жун Хун пришел к выводу, что Китай еще не готов к провозглашению республики. «Финансовый синдикат» распался.

Ждать Сунь Ятсен дальше не мог. Он решает начать восстание в Кантоне. Но оно было недостаточно подготовлено и завершилось полным фиаско.

После этого Сунь Ятсен вновь побывал в Штатах, но встречаться с Бутом не захотел. Вместо этого он потребовал вернуть ему доверенности, уполномочившие Бута быть его финансовым агентом.

Американская авантюра закончилась ничем.

Хуан Син отвергает план «генерала» Ли

С самого начала создания «финансового синдиката» предполагалось разделение труда между двумя его американскими участниками: Бут отвечал за получение денег, Ли занимался разработкой стратегического плана вооруженного восстания, которое должно было положить начало революции в Китае.

Во время встречи Сунь Ятсена с Бутом и Ли в феврале 1910 г. «генерал» изложил общие принципы подготовки будущего вооруженного выступления. На берегу Тонкинского залива предполагалось снять несколько участков земли, где располагались бы тренировочные базы повстанцев, рассчитанные на 1000 чел. каждая. В качестве инструкторов намечалось использовать американских отставных офицеров.¹ 28 марта Сунь Ятсен сообщил этот план, «разработанный военным специалистом», Хуан Сину.

13 мая Хуан Син ответил Сунь Ятену:

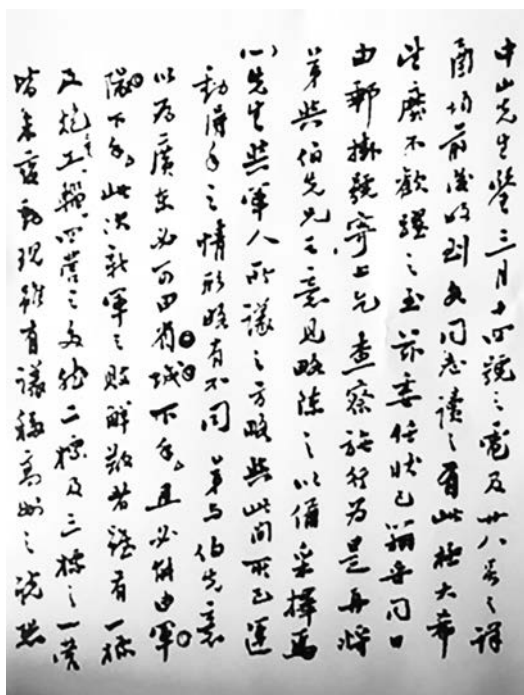
«План, разработанный Вами совместно с военным специалистом, несколько отличается от того, что опробовано и осуществляется здесь».

На самом же деле план будущей революции, разработанный Хуан Сином и Чжао Шэном (в письме он назван вторым именем — Босянь), не «несколько», а принципиально отличался от сформулированного Гомером Ли.

План Хуан Сина включал 5 основных пунктов.

Во-первых, несмотря на неудачу февральского восстания в Кантоне, осуществленного силами революционно настроенных офицеров «Новой

¹ *Wilbur C. M. Sun Yat-sen, Frustrated Patriot. New York. 1976. P. 69.*

Первая страница письма Хуан Сина Сунь Ятсену от 13 мая 1910 г.

армии», созданной незадолго до этого Пекинским правительством, Хуан Син по-прежнему считал, что в будущей революции именно правительственная армия, перешедшая на сторону повстанцев, сыграет решающую роль.

По словам Хуан Сина, хотя 1-й полк, активно действовавший во время февральского путча, был расформирован, солдаты остающихся в Кантоне 2-го и 3-го полков в массе своей симпатизируют революции. Наместник Гуандуна намерен рекрутировать 1000 солдат в Хунани, но среди них благодаря успешной деятельности хунаньских революционеров также много сочувствующих делу свержения маньчжурской династии. Аналогичная ситуация характерна для частей, расквартированных в Гуанси, Цзянси, Цзянсу и Чжэцзяне.

Особенно важные результаты дала работа, проделанная в провинции Хубэй неким Сунь У, писал Хуан Син.¹ Не менее благоприятно складыва-

¹ Год спустя Сунь У стал одним из руководителей Учанского восстания.

лись дела в Хунани и Юньнани. В целом, положение таково, что «достаточно крикнуть в одной долине, и эхо отзовется во всех окрестных горах». Поэтому не тайным обществам и китайским иммигрантам за рубежом, на которых доселе делалась основная ставка, а революционно настроенным частям «Новой армии» суждено сыграть первую скрипку в грядущих боях во имя республики, полагал Хуан Син.

Несколько забегая вперед, следует сказать, что Хуан Син как в воду глядел: через полтора года события в Учане полностью подтвердили его слова.

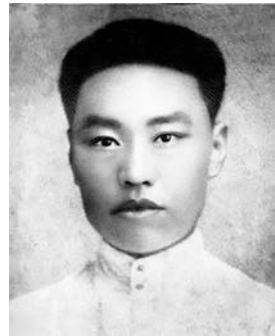
Второй пункт плана, разработанного Хуан Сином, заключался в том, что начинать восстание следует не в приграничных районах, а в больших городах. Создать тренировочные базы на берегу Тонкинского залива, как это предлагал поддержанный Сунь Ятсеном «генерал» Ли, казалось Хуан Сину нереальной затеей, поскольку большое скопление иностранных инструкторов, пусть даже одетых в крестьянское платье, сразу привлечет к себе внимание местных властей. Поэтому начинать восстание следует в Кантоне.

Третий пункт — необходимо планировать восстание таким образом, чтобы выступление в одном месте вызвало цепную реакцию и было поддержано в других частях страны.

Далее, во время подготовки и осуществления революции нельзя полагаться только на членов «Объединенного союза», нужно привлечь к делу всех сочувствующих. «Если мы достаточно скромны и готовы прислушаться к чужому мнению, — утверждал Хуан Син, — все будут рады сотрудничать с нами».

И наконец, Хуан Син рекомендовал Сунь Ятсену назначить командующим революционными войсками в Кантоне Чжао Шэна, имеющего связи с солдатами и офицерами «Новой армии» и знакомого с обстановкой в городе.

Текст письма Хуан Сина сохранился благодаря счастливой случайности — он был обнаружен много лет спустя в корзине для ненужных бумаг в штаб-квартире Гоминьдана на улице Валлона, 44, в Шанхае, где партийный архив хранился с 1916 по 1928 год.¹

Чжао Шэн
(1881–1911)

¹ *Hsüeh Chün-tu. Huang Hsing and the Chinese Revolution. Stanford. 1961. P. 205.*

Le Petit Journal

«Новая армия» Китая
(обложка парижского журнала
«Le Petit Journal»)

Аргументы Хуан Сина переубедили Сунь Ятсена. В письме Гомеру Ли от 5 сентября 1910 г. он, ссылаясь на мнение «большинства», поддержал предложение о том, чтобы отказаться от создания военных баз на берегу Тонкинского залива и начинать восстание непосредственно в Кантоне. Так, утверждал он, начать выступление будет легче и без излишних затрат, а это было явным преимуществом «по сравнению с планом, разработанным в США».¹

Но главное заключалось в том, что Сунь Ятсен принял идею Хуан Сина использовать в качестве главной ударной силы солдат юаньшикаевской «Новой армии». В 1906 г. Сунь Ятсен думал лишь о том, как склонить их к сдаче в плен²; теперь он утверждал: если все они «присо-

единятся к нашей партии, то можно будет осуществить великое дело, не запачкав кровью лезвие меча».³

Разброд и шатание в революционных рядах

После поражения восстания в Гуанчжоу 12 февраля 1910 г. и гибели его руководителя Ни Индяня упавший духом Тань Жэньфэн прибыл в Токио

¹ Сунь Ятсен — Гомеру Ли, 5 сентября 1910 г. // ПССС. Т. 1. С. 481.

² 中国同盟会革命方略 (Революционный план Объединенного союза Китая) // Там же. С. 303.

³ 孙中山. 在云高华华侨欢迎会的演说 (Сунь Ятсен. Речь на собрании китайских иммигрантов в Ванкувере), 13 февраля 1911 г. // Там же. С. 511.

и обнаружил, что боевой пыл его коллег подорван, а «Объединенный союз» как таковой остался без руководителей, пребывавших в это время в Европе и Америке.

Сунь Ятсен объявляет организацию распущенной

Тань Жэньфэн разыскал Сун Цзяожэня и долго говорил с ним, пытаясь найти выход из сложившегося положения. Основной причиной неудач он считал то, что местом большинства предыдущих вооруженных восстаний был избран окраинный Кантон, тогда как выступление в центральном Китае было бы, с его точки зрения, гораздо более перспективным.

Как вспоминал позднее очевидец этой встречи, Тань Жэньфэн заявил Сун Цзяожэню:

Когда создавался «Объединенный союз», предполагалось организовать пять его отделений на востоке, юге, западе, севере и в центральной части Китая.

Поскольку Сунь Ятсен и Хуан Син сейчас годами пребывают за границей и не занимаются делами внутри страны, почему бы нам не вернуться в Китай и не создать отделение «Союза» в центральной части страны, чтобы руководить революцией в провинциях, прилегающих к Янцзы?¹

Сун Цзяожэнь поддержал эту идею.

В середине июня 1910 г. Сунь Ятсен нелегально прибыл в Японию; туда же вернулся Хуан Син.

В разговоре с Сунь Ятсеном Тань Жэньфэн выдвинул предложения относительно налаживания деятельности «Союза» и, казалось бы, встретил понимание со стороны собеседника. Через несколько дней после этого с аналогичными предложениями к Сунь Ятсену обратился Сун Цзяожэнь, но тот вдруг заявил, что их организации более не существует, и «тот, у кого есть возможность, должен действовать по своему усмотрению».

Удивленный Сун Цзяожэнь спросил, что значат эти слова, а Сунь Ятсен ответил:

Сун Цзяожэню, как и Тань Жэньфэну, судьба «Союза» была далеко не безразлична

¹ 居正文集 (Собрание сочинений Цзюй Чжэна). Т. 1. Ухань, 1989. С. 11.

Финансы «Союза» преумножаются моими личными усилиями, и члены организации не имеют права вмешиваться в это дело. На каком основании они ополчились против меня? Рядовые члены критикуют своего руководителя, а как без него может существовать «Союз»?

Узнав об этом, Тань Жэньфэн пытался убедить Сунь Ятсена, что тот, оскорбленный историей с «Миньбао», преувеличивает серьезность возникшей ситуации. Но слова его не были услышаны.

Тогда Тань Жэньфэн поставил все точки над «i»:

«Объединенный союз» — организация, созданная совместно борцами против маньчжурского засилья во всей стране. Как же одного Вашего слова может быть достаточно, чтобы распустить его?

Руководитель «Союза» избирается его членами, чтобы служить общему делу «Союза». Имеет ли он право мановением руки ликвидировать эту организацию?

Члены «Союза» критикуют своего руководителя, это их право, и в этом нет ничего сверхъестественного. Несколько лет назад Тао Чэнчжан критиковал руководителя «Союза», имея на то свои основания, но не все члены организации были согласны с ним. Как же можно теперь переносить на всех свой гнев по этому поводу?

Да, финансы «Союза» преумножаются Ваши усилиями, но Вы делаете это от имени всех членов организации, и они должны быть в курсе расходования этих средств. Как же можно говорить, что они не имеют права вмешиваться в это дело?¹

Ответа на эти риторические вопросы не последовало.

Через несколько дней Тань Жэньфэн и Сун Цзяожэнь с удивлением узнали, что Сунь Ятсена в Японии уже нет.

Возмущенный безответственным поведением Сунь Ятсена, Тань Жэньфэн решает переговорить с Хуан Сином, но тот отослал его к Ху Ханьминю, который, как он был уверен, в этом споре станет на сторону Сунь Ятсена. И действительно, Ху Ханьминь с усмешкой сказал Тань Жэньфэну:

У нас нечем платить за аренду помещения для токийской штаб-квартиры, и мы тут не знаем, как свести концы с концами, как же можно говорить еще о каком-то другом отделении «Союза»?!

Все проживающие за рубежом члены «Союза» знают только одного руководителя — Сунь Ятсена. Если Вы создадите еще одно отделение, придется избрать еще одного руководителя, и вслед за этим неминуемо возникнет спор по поводу того, кто же в конце концов у нас руководитель. Ведь нас иностранцы на смех подымут!²

¹ 譚人鳳集 (Собрание сочинений Тань Жэньфэна). Чанша, 1985. С. 359–360.

² Там же.

У Чжао Шэна было особое мнение

Вскипевший Тань Жэньфэн набросился на Ху Ханьминя с кулаками. Спорщиков разняли силой, но их взаимоотношения были вконец испорчены.

В июле 1910 г. на квартире Тань Жэньфэна было созвано совещание представителей 11 провинций, на котором председательствовавший Тань выдвинул лозунг «Сплотиться под единым руководством, нести ответственность за свой участок работы!»

Сун Цзяожэнь сформулировал на совещании три варианта совершения революции в Китае.

Первый: используя свое проникновение в ряды правительственной армии и опираясь на Северо-Восток в качестве тыла, захватить Пекин.

Второй: выступить одновременно в нескольких пунктах Центрального Китая, создать там революционное правительство, после чего предпринять поход на Север.

Третий: создать тайные опорные пункты на территориях, находящихся под иностранным влиянием на окраинах страны — на Северо-Востоке, в Юньнани или в Гуандуне — и оттуда начать действовать.¹

Участники совещания высказались за то, что третий вариант не решает проблемы, а осуществление первого — слишком трудное дело. Поэтому большинство высказалось за перенесение центра подготовки революции в район бассейна Янцзы. Некоторые члены «Союза» были против этого.

Так, Чжао Шэн, выступавший за организацию восстаний в Гуандуне, утверждал:

Революция требует жертв. Где она вспыхнет и будет ли она успешной — кто может сказать наверняка?

Тань Жэньфэн отвечал ему:

Раз высказываются различные точки зрения, давайте действовать параллельно.

¹ 徐血儿。宋先生教仁传略 (Сюй Сюээр. Краткая биография Сун Цзяожэня) // 辛亥革命在上海史料选辑 (Избранные исторические материалы о Синьхайской революции в Шанхае). Шанхай. 1981. С. 943.

Штаб-квартира Отделения «Объединенного союза» в Шанхае

Сомнение в целесообразности организации новой штаб-квартиры высказал Хуан Син. Он указывал на то, что неудавшееся восстание 1906 г. в Хунани деморализовало тамошних революционеров.

Этот довод не убедил Тань Жэньфэна, и он продолжал агитировать за создание отделения «Союза» в средней части Китая.¹

Его усилия увенчались успехом. 31 июля 1911 г. в Шанхае было создано отделение «Объединенного союза». На учредительном собрании присутствовало 33 человека — 9 от Фуцзяни, 7 — от Чжэцзяна, 4 — от Сычуани, 3 — от Цзянсу, 2 — от Аньхуя, 1 — от Юньнани.

Были приняты программные и организационные документы отделения — «Декларация» и «Устав».

Во-первых, в составленной Сун Цзяожэнем «Декларации» подвергалась критике ситуация, сложившаяся в «Союзе», и, в частности, говорилось:

Его идеи так прогрессивны, состав его столь многочислен, а деятельность так незначительна. В чем причина того, что он не в состоянии одолеть правительство?

¹ 譚人鳳另組中部同盟會：不滿孫中山逃避責任（譚氏 譚人鳳， будучи недоволен тем, что Сунь Ятсен увиливал от ответственности, создал отделение «Объединенного союза» в Центральном Китае) // <https://news.qq.com/a/20110422/000730.htm>.

У него есть общая цель, но нет общей программы. Есть достойные люди, но нет подходящей организации. Почему можно утверждать это?

Взять, к примеру, Чжан Тайяня, Тао Чэнчжана, Лю Гуанхяня. Они члены «Союза», но то выступают за раскол, то заняты нападениями, ведут себя как обозленные псы. Разве это не является результатом отсутствия общей программы? <...>

Или взять Сюй Силяня, Вэнь Шэнцая, Сюн Чэнци. Они не были членами «Союза», но пожертвовали своей жизнью, первый — в Аньцине, второй — в Гуанчжоу, третья — на Северо-Востоке. Не потому ли, что они не нашли для себя подходящей организации?¹

Общий тон «Декларации» свидетельствует о том, что организация, официально называвшаяся Отделением «Объединенного союза», фактически рассматривалась ее лидерами как часть, независимая от целого.

Неслучайно и цели деятельности Отделения, сформулированные в его уставе, отличались от того, что было декларировано «Союзом» в 1905 г.:

Конечной целью Отделения является свержение маньчжурского правительства и создание демократического конституционного строя.²

Во-первых, здесь не говорится о введении «уравнительного землевладения», а во-вторых, под «демократическим конституционным строем» можно было подразумевать не только республику, но и конституционную монархию.

**Вэнь Шэнцай
(1870–1911)**

**Сюн Чэнци
(1887–1910)**

¹ Декларация о создании Отделения «Объединенного союза» в центральном Китае // 辛亥革命在上海史料选辑 (Синьхайская революция и Шанхай. Избранные исторические материалы). Шанхай. 1981. С. 6.

Вэнь Шэнцай и Сюн Чэнци, имена которых упоминались в «Декларации», участвовали в антиманьчжурских вооруженных выступлениях, после поражения которых были арестованы и казнены.

² Устав Отделения «Объединенного союза» в центральном Китае // Там же. С. 8.

Вместо «Объединенного союза» — Гэминдан?

Сунь Ятсен на активность Тань Жэньфэна и Сун Цзяожэня никак не реагировал. Самоустранившись от руководства «Объединенным союзом», он строил планы создания «Революционной партии» (Гэминдана), о которой, как мы видели, он писал Чжан Цзи.

Чтобы полностью отмежеваться от «Объединенного союза», Сунь Ятсен намеревался создать свою новую партию в Европе или в Америке.

25 ноября 1909 г. он писал из Нью-Йорка У Цзинхэну:

Я собираюсь создать организацию заново (в случае успеха напишу об этом отдельно), дабы и в Европе можно было сделать то же самое для укрепления наших сил.¹

4 декабря Сунь Ятсен сообщал У Цзинхэну, что в США проживает от 70 до 80 тысяч китайских иммигрантов, примерно половину которых можно вовлечь в революцию, «а когда здесь будет создана база, к нам непременно примкнут иммигранты из Канады, Центральной и Южной Америки, Кубы, других мест; с этой целью я хочу постепенно нарастить силы Гэминдана, потому что это единственный способ [добиться нашей цели]».²

Дело понемногу подвигалось вперед. 25 декабря переехавший в Бостон Сунь Ятсен информировал Ван Цзыкуана, что ему не удастся обратить в свою веру местное китайское студенчество, но он надеется на поддержку коммерсантов, с которыми собирается встретиться и поговорить об их вступлении в новую организацию. «Когда она окрепнет, — добавлял Сунь Ятсен, — я напишу подробнее».³

Но посылая в марте 1910 г. Дж. Буту свою доверенность на ведение от его имени коммерческих операций с США, Сунь Ятсен всё же по-прежнему подписал ее как руководитель «Объединенного союза».

Вновь создаваемая партия получила официальное наименование «Чжунхуа гэминдан».

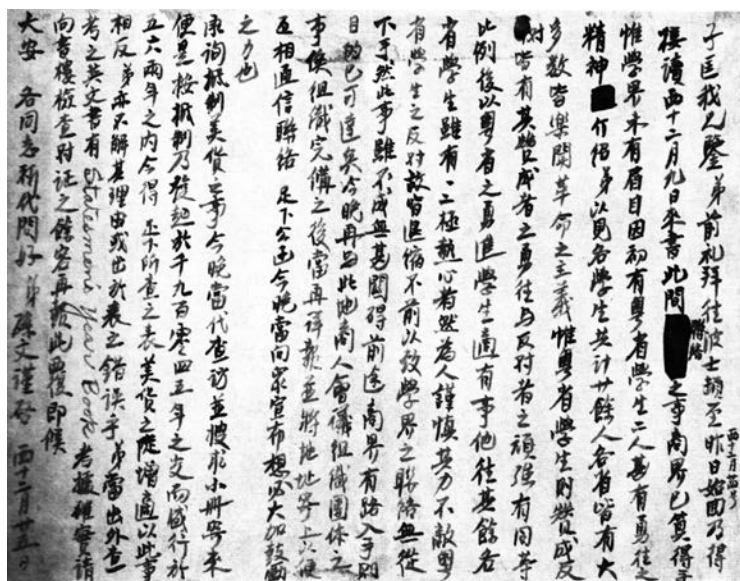
24 августа 1910 г. Сунь Ятсен писал Дэн Цзэжу, что во всех партийных документах слова «член Объединенного союза Китая» следует заменить на «член Революционной партии Китая».⁴

¹ Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 25 ноября 1909 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 100.

² Сунь Ятсен — У Цзинхэну, 4 декабря 1909 г. // Там же. С. 102.

³ Сунь Ятсен — Ван Цзыкуану, 25 декабря 1909 г. // Там же. С. 104.

⁴ Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, 24 августа 1910 г. // ПССС. Т. 1. С. 476–477.

Письмо Сунь Ятсена Ван Цыкуану от 25 декабря 1909 г.

Сунь Ятсен собственноручно составил текст клятвы вступающего в новую партию:

Я, вступающий в партию имярек, родом из провинции такой-то, такого-то города, такого-то уезда, именем Неба клянусь соблюдать единство рядов партии ради свержения иноземной династии Цин, создания Китайской Республики и осуществления принципа народного благосостояния, клянусь быть с начала до конца преданным делу революции. Если же я нарушу эту клятву, то мои товарищи накажут меня.¹

Прибыв в конце 1910 г. в Малайю, Сунь Ятсен потребовал от всех местных организаций «Объединенного союза» впредь именоваться филиалами Гэминдана, но его распоряжению не подчинились.

О создании новой партии «Чжунхуа гэминдан» весной 1911 г. писала только-только начавшая издаваться в Сан-Франциско на китайском языке газета «Шаонянь чжунго бао» (ее английское название — «The Young China»).

Однако довести дело до конца Сунь Ятсену тогда всё же так и не удалось.

¹ Сунь Ятсен — Ван Юэчжоу, 10 ноября 1910 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 140.

К этому следует добавить, что еще в начале 1910 г. бывшие члены «Общества возрождения Китая» объявили о своем выходе из «Объединенного союза» и о том, что они являются отныне самостоятельной политической партией.

В 1911 год «Объединенный союз» вступал в виде разрозненных остатков некогда мощной организации. Тань Жэньфэн винил в этом Сунь Ятсена, утверждая, что не «Союз» подвел Сунь Ятсена, а Сунь Ятсен разрушил «Союз».

В июле 1911 г. Сунь Ятсен организовал выпуск ассигнаций будущей «Китайской Республики», на которых стояла его подпись как руководителя партии «Чжунхуа гэмидан», хотя эта партия так и не была создана и быть ее председателем Сунь Ятсен никак не мог.

Бумажная ассигнация
в 100 долларов, выпущенная
от имени еще не существовавшей
партии «Чжунго гэминдан»

Настал сентябрь 1911 г., а новая партия так и не была создана, о чем можно судить по тому, что писал Сунь Ятсен Гомеру Ли:

Я по-прежнему считаю, что в случае, если удастся получить материальную поддержку, штаб-квартиру [Гэминдана] следует организовать в Париже или Лондоне.¹

Два письма старым друзьям

О его настроении в это время мы можем судить по письму, отправленному в адрес Мунаката Котаро 16 июля 1911 г.:

Получив Ваше письмо от 21 июня, я словно увидел знакомые черты старого друга! Мою радость невозможно выразить словами!

Когда Вы были в Гонолулу, я упустил возможность обнять Вас, не смог встретиться с Вами и вспомнить о прошлом. Какая жалость!

За последнее время над Китаем реют революционные вихри, каких не бывало раньше, и о них хочется рассказать всем, кто сочувствует нам. А среди тех, с кем я общаюсь, большинство составляют Ваши соотечественники. Японцы наверняка интересуются революцией в Китае больше, чем граждане других стран, и больше, чем они, радуются нашим успехам, причем эти братские чувства со временем будут еще более сильными. <...>

Вернувшись в Японию в июне прошлого года, я старался убедить простых людей Вашей страны в необходимости налаживания дружеских контактов между Национальными партиями наших стран на благо прогресса Восточной Азии.

¹ Сунь Ятсен — Гомеру Ли, 25 сентября 1911 г. // ПССС. Т. 1. С. 540.

Form: China 895

"THE YOUNG CHINA"

CHINESE MORNING PAPER

報晨國中

Form: Paper C 6210

Form: China 895

"THE YOUNG CHINA"

CHINESE MORNING PAPER

報晨國中

Form: Paper C 6210

者則有前途吉新統英祿貞君如有遇上海
君不妨以弟名見之其他常來往上海者則
有現任提督程璧光君皆昔年同謀之
人也亦互相見惟皆當以謹慎出之免致物
議為荷
弟今冬欲再到日本 公能為我設法使政
府不阻撓否如能得當幸甚示復此候
大安不一弟 孫文謹啟 七月十六日

宋方君閣下得接六月念一日來書如見故人
顏色喜不可言 公過拉者山時弟失之交
臂不克重話舊舊良屬悵然近日友
邦革命風潮飛騰千戈大非昔年之比
瑣瑣堪告慰表同情者而弟所先游者以
貴國人為多則日本人之行旅支那之革命
事業必較他國人為更關切為重善
惡者必更深也他日唇齒之交將甚於

Первая и последняя страница письма Сунь Ятсена
Мунаката Котаро от 16 июля 1911 г.

К сожалению, прибыв в Эдо, я столкнулся с противодействием Вашего правительства, которое не разрешило мне длительное пребывание, так что мои намерения, к моему глубокому сожалению, не смогли быть реализованы. Не имея возможности надолго обосноваться в Вашей стране, я был вынужден отправиться в дальнее путешествие по странам Европы и Америки, чтобы установить контакт с европейско-американскими деятелями и общественным мнением этих стран. Для этого я основал отделения Революционной партии Китая в США — в Сан-Франциско, Чикаго и Нью-Йорке, а также в европейских странах — в Лондоне, Париже, Берлине и Брюсселе. С созданием этих отделений появилась возможность постоянного общения с жителями этих стран.

Они больше узнали о происходящем в Китае, и постепенно число сочувствующих нам стало увеличиваться. Когда начались революционные события, можно было с уверенностью сказать, что внешнего вмешательства не будет. Это — несомненный успех нашей дипломатии. Но есть еще и вопросы, вызывающие беспокойство. К ним относится то, что правительство Вашей страны все еще не сочувствует нам. Мысль об этом не дает мне покоя. Изменить ситуацию можно только силами наших давних знакомых.

Вы — один из моих старых друзей, и я очень надеюсь на то, что Вы вкупе со своими единомышленниками сможете развернуть кампанию в пользу союза народов Японии и Китая, направить на это общественное мнение, оказать моральное воздействие на правительство Вашей страны с тем, чтобы оно преисполнилось симпатиями к революции в Китае, дабы Китай мог вновь занять свое место в мире и выступать наравне с великими державами. Это было бы бесценным подарком нашей партии со стороны Японии, о котором китайская нация не забудет и через сто поколений. Я очень надеюсь на это! Хотя в Гуандуне нас постигла неудача, но это не нанесло нам сколько-нибудь серьезного ущерба, напротив, оказало чрезвычайно сильное воздействие на настроения китайского народа. Это победа в поражении. Вы считаете, что момент [для решительного высту-

宮崎先生大鑒弟今由桑港到些
路已過港將轉而往來東十月底
可到牛育^{二二三}矣其後或往歐
或過西來候到牛育後乃定也
近聞日本已換內閣西園寺之政策如
何對於支那革命究竟取何方針可詳
以告我否並望再托木堂先生向新內
閣重開交涉請求弟能入日本之便宜
如蒙政府允肯請先生速告我我
後之通信處如別紙所載切盼毋音
此致即候 大安弟 孫文謹啟 九月
十日

191 Y. S. Sun
% Sing Fat Co
1127 Broadway
New York
U. S. A.

電 号 Tonglun
New York

Письмо Сунь Ятсена Миядзакэ Торадзо от 12 сентября 1911 г.

пленения] еще не созрел, и я согласен с этим. Через несколько лет дух армии и уверенность народа окрепнет, и можно будет взять пример с величия португальской революции. <...> Зимой этого года я намерен вновь побывать в Японии. Могли ли бы Вы сделать так, чтобы японское правительство не препятствовало бы этому? Если да, то напишите мне. <...>¹

Один принципиальный момент здесь заслуживает нашего внимания: летом 1911 г. Сунь Ятсен считал, что революция начнется не раньше, чем через два-три года.

Ответа от Мунаката Сунь Ятсен не получил. Его беспокоили два вопроса: во-первых, какую позицию по отношению к китайским революционерам займет только что пришедшее к власти правительство Сайондзи; во-вторых, сможет ли Мунаката добиться от властей разрешения на его въезд в Японию. Об этом он два месяца спустя писал Миядзаки Торадзо.²

Просьбу замолвить словечко перед правительством Японии Мунаката оставил без внимания. В его докладе начальству об этом нет ни полслова.

¹ Сунь Ятсен — Мунаката Котаро, 16 июля 1911 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 157–158.

² Сунь Ятсен — Миядзаки Торадзо, 12 сентября 1911 г. // Там же. С. 164–165.

Глава V

Год под знаками «синь-хай»

Кто руководил Синьхайской революцией?

В начале октября 1911 г. путешествовавший по США Сунь Ятсен получил шифрованную телеграмму, отправленную ему из Гонконга Хуан Сином. Но ключ к шифру был уже упакован в багаж, и д-р Сунь смог познакомиться с содержанием телеграммы только по прибытии в Денвер: «Цзюй Чжэн прибыл из Учана в Сянган и сообщил, что “Новая армия” непременно выступит; прошу срочно перевести деньги для неотложных нужд». Подумав, что немедленно достать средства ему не удастся, Сунь Ятсен хотел уже дать ответную телеграмму, с указанием не начинать выступление, но, очень устав с дороги, решил отложить это до следующего дня. Утром по дороге в ресторан он купил местную газету и, сев за столик, развернул ее. В глаза ему сразу бросилось сообщение: «Учан захвачен революционной армией».

Ответ на вопрос дает Сунь Ятсен

До сравнительно недавнего времени задавать вопрос «Кто руководил Синьхайской революцией?» попросту не имело смысла: в любом учебнике для средней школы мы могли прочесть краткий, но не вызывающий каких-либо сомнений ответ: «Возглавляемая Сунь Ятсеном революционная организация “Объединенный союз”».

Первым, кто сформулировал этот тезис, был сам Сунь Ятсен.

Спустя две недели после начала военных действий в Учане он, отвечая на вопрос, заданный ему по поручению японского консула

в Нью-Йорке Мидзуно, заявил: «Нынешним восстанием в Китае руковожу я».¹

Позднее в своем «Учении Сунь Вэня» Сунь Ятсен следующим образом излагал события, связанные с Учанским восстанием:

29 марта 1911 года произошло революционное выступление в Гуанчжоу. В этом событии участвовали лучшие люди революционной партии, собравшиеся из всех провинций, чтобы дать последний бой чужеземным захватчикам. Хотя и это восстание окончилось неудачей, но славные подвиги 72 героев Хуанхуагана потрясли весь мир и способствовали складыванию в стране революционной ситуации. <...>

Чэнь Инши², Сун Дуньчу³, Тань Шипин⁴ и Цзюй Цзяошэн⁵, действуя под руководством сянганского штаба, еще раньше разрабатывали план помощи Гуанчжоу. Когда же мы потерпели в этом городе два поражения подряд, они перенесли свое внимание на Ухань. После того как я послал французского офицера для установления связи с расположенными в Ухане частями «Новой армии», революционные настроения стали расти там с каждым днем; эти части давно уже были готовы к выступлению.

К сожалению, и цинские власти предпринимали все более суровые предупредительные меры. Дуань Фан перебросил свою армию в провинцию Сычуань, Жуй Чэн, наместник провинций Хунань и Хубэй, отдал наиболее революционно настроенные части под его командование, надеясь таким путем задушить восстание в зародыше.

После Гуанчжоуского восстания по провинциям поползли тревожные слухи. Охваченным паникой цинским властям всюду мерещилось что-то подозрительное. Особенно тревожно было в Учане. Жуй Чэн заблаговременно договорился с консулом одной иностранной державы⁶ о вводе в Ухань военных кораблей, которые должны были в случае выступления революционной партии открыть артиллерийский огонь. В это время было по несколько тревог в день. Сунь У и Лю Гун вели энергичную работу, и в армии с нетерпением ждали сигнала к восстанию. Однако совершенно неожиданно провалился руководящий центр восстания. Более тридцати человек было арестовано. Узнав о происшедшем, Ху Ин, находившийся

¹ Консул Мидзуно — министру иностранных дел Утида, 26 октября 1911 г. // 段云章。孙文与日本史事编年 (Дуань Юньчжан. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией). Гуанчжоу. 1996. С. 203.

² Чэнь Цимэй.

³ Сунь Цзяожэнь.

⁴ Тань Чжэнфэн.

⁵ Цзюй Чжэн.

⁶ Имеется в виду Япония.

тогда в учанской тюрьме, нашел способ предупредить Чэнь Инши, чтобы тот не приезжал.

В это время в артиллерийских и инженерных частях большинство солдат были членами революционной партии. Услышав, что захвачены списки революционеров и что аресты могут начаться с часу на час, они не могли больше ждать и подняли восстание, видя в этом единственный путь к спасению. Первым выступило подразделение Сюн Бинкуня, за ним поднялись отряды Цай Цзиминя и других, начав артиллерийский обстрел резиденции наместника.

При первых же выстрелах Жуй Чэн бежал в Ханькоу. Он обратился к иностранному консулу, о котором шла речь выше, с просьбой открыть, согласно уговору, артиллерийский огонь по повстанцам. Но поскольку по договору 1901 года ни одно государство не имело права действовать в Китае самостоятельно, было срочно созвано совещание консульского корпуса, чтобы принять большинством голосов соответствующее решение. Ни у кого из консулов не было сложившегося мнения. Французский консул господин Ро был моим старым знакомым, ему были известны цели нашей революции.

Уже в первый день Учанского восстания он сообщил всем обо мне и заявил, что выступление произошло по моему приказу. Председательствуя на совещании, французский консул настойчиво подчеркивал, что революционная группа Сунь Ятсена ставит своей целью совершенствование политического строя, что это вовсе не бессмысленный бунт и что нельзя расценивать нынешние события как выступление новой группировки вроде клики боксеров и идти на интервенцию. Русский консул, бывший в то время старшиной консульского корпуса, занял такую же позицию, и большинство присоединилось к ним. Было вынесено решение придерживаться принципа невмешательства; одновременно они обнародовали декларацию о нейтралитете.

Жуй Чэн, видя, что упомянутый выше консул нарушил договоренность и что он остался без всякой поддержки, бежал в Шанхай, за ним последовал и Чжан Бяо¹. Таким образом, цинский двор выпустил из рук бразды правления, и наступило безвластие.

Что же происходило в это время в стане революционеров?

Сунь У, раненный при изготовлении взрывчатки, еще не поправился. Лю Гун не брался за руководство, а шанхайские товарищи прибыть не смогли. Тогда члены «Объединенного союза» Цай Цзиминь и Чжан Чжэньу заставили Ли Юаньхуна принять на себя обязанности губернатора провинции Хубэй.

¹ Командующий правительственными войсками в провинции Хубэй.

Порядок постепенно начал восстанавливаться, а вскоре подросли Хуан Кэцян¹ и другие товарищи.

В это время стали подниматься провинции Хунань и Хубэй, и руководить движением из одного центра стало невозможно. Успехом в Учане мы были обязаны совершенно непредвиденному обстоятельству — бегству Жуй Чэна. Если бы он не сбежал, то, конечно, остался бы и Чжан Бяо, который не выпустил бы власть из своих рук, и порядок не был бы нарушен. Ведь в то время большая часть подразделений «Новой армии», дислоцированных в Учане и стоявших за революцию, была перебросена Дуань Фаном в провинцию Сычуань, в Учане же остались лишь

Первая полоса парижской газеты «Excelsior» от 15 октября 1911 г.

¹ Хуан Син.

небольшие артиллерийские и инженерные подразделения (другие подразделения «новой армии», находившиеся в Учане, еще не определили своей позиции). Однако и эта, меньшая часть революционных войск Учана была поставлена под удар провалом штаб-квартиры восстания. Когда они решились поднять восстание, трудно было сказать, на чьей стороне будет успех. Их победа оказалась неожиданностью для них самих.

Вот уж поистине само Небо помогло ханьцам на погибель чужеплеменникам!

Когда мы мало-мальски закрепились в Учане, полное освобождение Уханя и окончательная победа революции во всей стране стали зависеть уже не столько от наших действий в самом Ухане, сколько от движения, которое должно было вспыхнуть во всех провинциях в ответ на Учанское восстание. Это понимали все наши товарищи. Поэтому, не сговариваясь, но согласованно, они продолжали сражаться каждый на своем участке, и не прошло и нескольких месяцев, как 15 провинций сбросили иго маньчжуров.

Наиболее горячо откликнулись тогда на наш призыв шанхайские товарищи, их деятельность оказала огромное влияние на развитие событий во всей стране. Особой активностью среди них отличался товарищ Чэнь Инши. Когда пал Ханькоу, Чэнь Инши немедленно, в свою очередь, овладел Шанхаем, открыв путь к Наньцзину, а когда был потерян Ханьян, наши товарищи захватили Наньцзин, чем еще более укрепили положение революционеров. Таким образом, действия одного нашего шанхайского товарища Чэнь Инши значили для революции больше, чем все операции, которые мы проводили в то время.¹

Белов поправляет Сунь Ятсена

В 1972 г., когда хрущевская оттепель давно уже завершилась, известный отечественный специалист по Синьхайской революции Е. А. Белов выступил на конференции «Общество и государство в Китае» с докладом, который по всем правилам следовало в то время считать опасным инакомыслием. Доклад назывался «О некоторых ошибочных оценках Сунь Ятсеном истории Учанского восстания».

Назвав в начале доклада Сунь Ятсена «вождем Синьхайской революции» и упомянув о том, что оценки, данные им различным сторонам истории этого восстания, «впоследствии оказали большое влияние на работы гоминьдановских — да и не только гоминьдановских! — исто-

¹ Сунь Ятсен. Избранные произведения. С. 278–281.

риков»¹, автор убедительно показал, что эти оценки серьезно искажают исторические факты.

Замечания Белова сводятся к семи пунктам.

Во-первых,

Сунь Ятсен не указал, что Учанское восстание было подготовлено и возглавлено местными хубэйскими революционными организациями Вэньсюэшэ и Гунцзиньхуем. О них вождь первой буржуазной революции не упоминает, а говорит только о членах Тунмэнхуя как о руководителях Учанского восстания. Этим Сунь Ятсен положил начало в гоминьдановской литературе неправильному толкованию роли Тунмэнхуя и местных хубэйских революционных организаций в истории Учанского восстания.²

Отметим, что этот момент в изложении Сунь Ятсеном истории Учанского восстания еще в 1952 г. отчасти исправила Л. В. Симоновская. Она писала, что «Тунмэн удалось связаться в своей работе с небольшими национальными организациями мелкой буржуазии, как то: Гунцзихой³ (“Общество всеобщего прогресса”) и Жичжихой (“Общество каждодневных познаний”))»,⁴ хотя и она в дальнейшем о роли этих организаций в подготовке Учанского восстания не упоминает.

Л. В. Симоновская
(1902–1972)

Во-вторых,

Сунь Ятсен в своем труде, который рассматривался впоследствии гоминьдановскими историками в качестве своеобразного образца по написанию истории буржуазно-революционного движения в Китае, не вскрыл причин победы восстания в Учане 10 октября 1911 г. Более того, он объяснял успех Учанского восстания случайностью. <...>

Как свидетельствуют многочисленные источники, конечно же, не «бегство Жуй Чэна» привело к «успеху в Учане», и никакой «неожиданности» в победе революционных солдат учанского гарнизона вечером 10 октября 1911 г. не было.

¹ Белов Е. А. О некоторых ошибочных оценках Сунь Ятсеном истории Учанского восстания // III Научная конференция «Общество и государство в Китае». М. 1972. Вып. II. С. 259.

² Там же.

³ Следует читать: Гунцзиньхуй (共进会) и Жичжихуй (日知会).

⁴ Симоновская Л. В. Союз Тунмэн в китайской революции 1911–1912 г. // Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М. 1952. С. 71.

Причина успеха Учанского восстания коренилась в многолетней упорной пропагандистской и организаторской деятельности хубэйских революционеров среди солдат Хубэйской новой армии.¹

В-третьих,

Сунь Ятсен неправильно интерпретировал переброску части хубэйских новых войск в Сычуань в сентябре 1911 г. <...>

Источники твердо убеждают нас в том, что Жуи Чэн перебросил часть хубэйских новых войск в Сычуань не потому, что считал эти войска революционно настроенными, а потому, что считал их надежными для подавления народного движения в Сычуани. Хубэйский отряд войск численностью около 2 тыс. человек (вся же Хубэйская новая армия насчитывала 15–16 тыс.) из Уханя в Сычуань отправился 12 сентября, то есть тогда, когда ни Жуи Чэн, ни Дуань Фан еще ничего не знали о революционных настроениях в частях Хубэйской новой армии. <...>

Мысль Сунь Ятсена о том, что «наиболее революционно настроенные воинские части» Хубэйской новой армии не находились в Учане 10 октября 1911 г., должна была подкрепить его положение о беспричинности бегства Жуи Чэна и, стало быть, о случайности «успеха в Учане».²

В-четвертых, по поводу того, что Чэнь Цимэй, Сун Цзяожэнь, Тань Жэньфэн и Цюй Чжэн перенесли свое внимание с Кантона на Ухань:

Цюй Чжэн, действительно, очень рано перенес «свое внимание на Ухань», ибо он был одним из видных (но не главным) лидером хубэйского Гунциньхуя — организации, подготовившей вместе с Вэньсюэшэ Учанское восстание. Что касается Чэнь Цимэя, Сун Цзяожэня и Тань Жэньфэна — лидеров Тунмэнхуя Центрального Китая, то они никогда не «переносили свое внимание на Ухань» в том плане, чтобы там, в Ухане, подготовить и провести восстание, которое положило бы начало революции в стране.

Главный комитет Тунмэнхуя Центрального Китая, организации, созданной в Шанхае 31 июля 1911 г., ставил своей задачей подготовку революции в провинциях бассейна Янцзы (начало которой намечалось на 1913 год), не уточняя, где будет находиться основной революционный центр — в Ухане, Нанкине, Шанхае или Чэнду. Больше того, когда 17 сентября 1911 г. к Чэнь Цимэю, Сун Цзяожэню и Тань Жэньфэну в Шанхай приехали Цюй Чжэн и Ян Юйжу в качестве представителей хубэйских революционных организаций и доложили вышеназванным лидерам

¹ Белов Е. А. О некоторых ошибочных оценках Сунь Ятсеном истории Учанского восстания. С. 260.

² Там же. С. 261.

Тунмэнхуя Центрального Китая о том, что Ухань готов немедленно восстать, начать революцию, то последние отклонили план хубэйских революционеров, предложив отсрочить восстание в Ухане с тем, чтобы потом начать революцию одновременно в Учане, Нанкине и Шанхае.¹

В-пятых,

о приезде в Ухань летом 1906 г. французского офицера Оуцзило². Приезд последнего в Ухань был заметным эпизодом в деятельности одной из первых хубэйских революционных организаций — Жичжихуя (Общество воскресных знаний). Однако, как показывают источники, в том числе воспоминания Фань Хунсюня, Цао Ябо, Чжан Наньсяня и других активных деятелей Жичжихуя, он не оказал решающего влияния на деятельность этого революционного общества. Этот приезд тем более не оказал решительно никакого влияния на деятельность последующих революционных организаций, проводивших в 1907–1911 гг. самостоятельную активную работу в новых войсках, дислоцированных в Ухане.³

Этот вывод Белова правилен лишь отчасти. Визит французского капитана Озиля в Ухань в 1906 г. не оказал никакого влияния на подготовку восстания 1911 г., но он не мог быть и заметным эпизодом в деятельности местных революционеров, поскольку Озиль приезжал тогда в Ухань, будучи разведчиком группы Букабеля, а вовсе не для помощи хубэйским патриотам.

В-шестых,

Сунь Ятсен первым в китайской литературе поставил вопрос о том, почему хубэйские революционеры избрали Ли Юаньхуна главой Учанского республиканского правительства. <...>

Выдвижение Ли Юаньхуна Сунь Ятсен объясняет очень просто: в результате бегства Жуй Чэна и Чжан Бяо в Учане «наступило безвластие», а поскольку революционеры не нашли в своей среде такого человека, который бы смог восстановить порядок, то они вынуждены были для этой цели избрать командира 21-й смешанной бригады Ли Юаньхуна — третье после Жуй Чэна и второе после Чжан Бяо должностное лицо в Учане. Впоследствии гоминьдановские историки вышеприведенное объяснение Сунь Ятсеном причин выдвижения Ли Юаньхуна сформулируют очень кратко: революционеры «не имели лидера», и поэтому им пришлось на самый высокий пост в Учанском правительстве выдвинуть Ли Юаньхуна.

¹ Там же. С. 262–263.

² Следует читать: Озиля.

³ Белов Е. А. О некоторых ошибочных оценках Сунь Ятсеном истории Учанского восстания. С. 263.

Портрет Ли Юаньхуна на страницах парижской газеты (октябрь 1911 г.)

Однако, <...> по свидетельству активных участников Учанского восстания Вань Хунцзе (члена Вэньсюэшэ) и Ху Цзунхуя (члена Гунцзиньхуя), еще в апреле 1911 г., то есть за полгода до начала Учанского восстания, собрание революционеров, представлявших обе хубэйские организации — Вэньсюэшэ и Гунцзиньхуй, наметило кандидатуру Ли Юаньхуна на пост дуду.¹

Этот выявленный Беловым факт имеет принципиальное значение. Если на пост руководителя революционного правительства еще до начала вооруженного выступления был выдвинут не кто-то из лидеров «Объединенного союза», а человек, никакого отношения к нему не имевший, то уже одного этого обстоятельства достаточно для того, чтобы судить об истинной роли «Союза» в подготовке Учанского восстания.

Наконец, в-седьмых, о том, почему представители «Союза» не смогли прибыть в Учан к моменту начавшегося там восстания:

Сунь Ятсен отвечает на этот поставленный им самим вопрос довольно просто и в сущности неверно. Он пишет: «Ху Ин, находившийся тогда

¹ Там же. С. 264.

в Учанской тюрьме, нашел способ предупредить Чэнь Инши (Чэнь Цимэя), чтобы тот не приезжал».

Историки КНР установили, что Ху Ин (член Тунмэнхуя, арестованный в 1907 г.) действительно послал в начале октября 1911 г. революционера Цэнь Вэйшэна в Шанхай сказать Чэнь Цимэю, Сун Цзяожэню и другим лидерам Тунмэнхуя Центрального Китая, чтобы те не ездили в Ухань, ибо, по мнению Ху Ина, в обстановке, когда хубэйские власти ввели в Учане военное положение, начинать там восстание нельзя. По словам самого Цэнь Вэйшэна, в Шанхай он приехал 8 октября, то есть за два дня до начала Учанского восстания. Однако, как мы уже указывали, к этому времени лидеры Тунмэнхуя Центрального Китая отклонили план руководителей хубэйских революционеров немедленно начать вооруженное восстание в Ухане (первоначально оно намечалось на 6 октября 1911 г.). Так что главная причина отказа руководителей Тунмэнхуя Центрального Китая приехать в Ухань заключалась не в «предупреждении» Ху Ина, а в их разногласиях с лидерами хубэйских революционеров по вопросу о месте и сроках начала революции.¹

Проанализировав все приведенные факты, автор доклада задает вопрос: почему очень важные моменты истории Учанского восстания Сунь Ятсеном были освещены ошибочно или неточно?

Быть может, отчасти это можно объяснить незнанием некоторых фактов из истории этого восстания. Сунь Ятсен в течение пяти лет, предшествовавших Учанскому восстанию, совсем не был связан организационно с деятельностью хубэйских революционеров. Больше того, он до вечера 11 октября 1911 г. ничего не знал о том, что в Учане подготовлено восстание (о самом восстании он узнал утром 12 октября). Совершенно оторванный в течение многих лет от хубэйского революционного центра, Сунь Ятсен, вероятно, мог и не знать некоторых деталей истории подготовки восстания в Учане. Но, разумеется, на наш взгляд, Сунь Ятсен не мог не знать таких ярких (и известных в Китае в период Синьхайской революции) фактов из истории Учанского восстания, как существование хубэйских революционных организаций — Вэньсюэшэ и Гунцзиньхуя, их роли в подготовке и проведении этого восстания. В апреле 1912 г. Сунь Ятсен посетил Учан, где имел беседы с участниками Учанского восстания. В октябре 1912 г. в гоминьдановской газете «Миньчжубао» было опубликовано коллективное письмо большой группы членов Вэньсюэшэ, в котором давалась история этой революционной организации и подчеркивалась та мысль, что Вэньсюэшэ наряду с Гунцзиньхуем являлось руко-

¹ Там же. С. 265–266.

водителем Учанского восстания. Публиковались и другие материалы об Учанском восстании.

Тогда в чем же главная причина такой однобокости суньятсеновского описания истории Учанского восстания?

Ответ автора на заданный им вопрос нетривиален:

Нам думается, что эта причина кроется в том, что Сунь Ятсен строил содержание своего очерка о китайской революции исходя из того, чтобы исторически обосновать необходимость существования единого революционного центра в Китае. Ведь он писал свою работу («Учение Сунь Вэня») для того, чтобы вдохновить, собрать, объединить под своим руководством революционеров всего Китая для борьбы за освобождение его от гнета феодальных милитаристов и иностранного империализма. Видимо, Сунь Ятсен боялся, что упоминание о Вэньсюэшэ и Гунцзиньхуе, которые проводили в течение ряда лет фактически независимую от руководства Тунмэнхуя революционную деятельность и самостоятельно начали и провели Учанское восстание, может способствовать возникновению полицентризма в революционном движении Китая¹.

С этим выводом вполне можно согласиться, за исключением одного нюанса: упоминание об «антиимпериализме» Сунь Ятсена было в этой ценной работе Белова данью господствующей тогда официальной версии. К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Профессор Нанькайского университета ставит все точки над «i»

Ли Синьюй

Спустя четыре десятилетия после того заседания научной конференции «Общество и государство в Китае», на котором прозвучал весьма смелый для своего времени вывод о том, кто же в конце концов был руководителем Синьхайской революции, в китайском журнале была напечатана статья, окончательно поставившая, с нашей точки зрения, эту тему с головы на ноги. Автор статьи, профессор Ли Синьюй, излагал свои мысли без экивоков и расшаркиваний. Для начала он привел то, что об этом сказано в авторитетном энциклопедическом словаре «Цыхай», а затем написал:

Так об этом говорится в энциклопедиях, так же об этом сказано в учебниках, так же в статьях и точно так же в увесистых исторических исследова-

¹ Там же. С. 266–267.

дованиях. Для того чтобы изложить вопрос о Синьхайской революции, нужно сначала рассказать о том, как Сунь Ятсен создавал заграничные революционные организации, как он пропагандировал революционные идеи, как он возглавил свое первое вооруженное выступление, и только после этого можно перейти к Учанскому восстанию и объявлению независимости провинциями, а потом речь должна пойти о том, как Сунь Ятсен был избран Временным президентом. Далее следует упомянуть факт уступки Сунь Ятсеном поста президента Юань Шикаю, но на этом конец истории: Синьхайская революция «потерпела поражение». Повествование ведется весьма искусно, и нет необходимости говорить о том, что вывод напрашивается сам — главным действующим лицом в Синьхайской революции был Сунь Ятсен и возглавляемый им «Объединенный союз», а руководил Синьхайской революцией, разумеется, Сунь Ятсен. Все почести — императору или вождю. Это наша традиция, и преодолеть ее в сознании простых людей непросто.¹

Сказанное не означает, продолжает автор, что он ставит своей целью принизить историческую роль Сунь Ятсена и созданного им «Объединенного союза». Однако пропагандировать революционные воззрения — это одно, руководить Синьхайской революцией — это другое, и первое не следует смешивать со вторым.

Если речь идет конкретно об Учанском восстании, то его готовили и руководили им две революционные организации — «Литературное общество» (Вэньсюэшэ 文学社) и «Союз всеобщего прогресса» (Гунцзиньхуй 共进会).

«Литературное общество» объединяло не любителей изящной словесности, а солдат и офицеров «Новой армии», которая была создана по прусскому образцу в первые годы XX века для защиты интересов отживающей свой век маньчжурской династии, но выглядела вполне современно.

В отличие от «Объединенного союза», претендовавшего на роль общежитайского лидера, «Литературное общество» не действовало за рубежами страны, не организовывало массовых сходок и не издавало газет. Оно работало втайне от посторонних глаз и не имело контактов с «Объединенным союзом».

Последним «Общество» отличалось от «Союза всеобщего прогресса», организованного в 1907 г. в Японии представителями нескольких провинций — Лю Гуном, Цзюй Чжэном и Сунь У от Хубэя, Чжан Байсяном

¹ 李新宇. 是谁领导了辛亥革命? (Ли Синьюй. Кто руководил Синьхайской революцией?) // Минцзо синьшан. 2011. № 16. С. 41.

от Сычуани, Цзяо Дафэном от Хунани, Дэн Вэньхуем от Цзянси и др. Поскольку дело было в Японии, они неизбежно были в той или иной степени связаны с «Объединенным союзом», хотя и представляли собой самостоятельную организацию.

Об этом красноречиво говорит такой эпизод. Хуан Син упрекал Цзяо Дафэна за то, что он и его товарищи создали группу, независимую от «Объединенного союза», тот отвечал: «Мы идем разными путями, но к общей цели. Что же в этом плохого?» Хуан Син не сдавался: «Но должен же кто-то возглавлять наше движение к этой цели?» Цзяо Дафэна этот вопрос не смутил: «Вы добьетесь больших успехов — мы будем подчиняться вам, а будет наоборот — вам придется подчиняться нам».¹

Цзяо Дафэн
(1886–1911)

Весьма показательно, что даже устав обоих «Союзов» не был идентичен. В первом случае в нем говорилось о «равных правах на землю», во втором — о «равноправии людей». Выступали члены «Союзов»

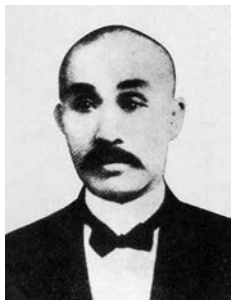
В этом здании в 1911 г. функционировало Хубэйское военное правительство

¹ Там же. С. 42.

под разными знаменами (вопреки утверждению Л. В. Симоновской)¹: над Учаном, захваченным восставшими, реяли флаги не «Объединенного союза», а полотнище с восемнадцатью звездами, символизировавшее 18 провинций Китая.

Сюн Бинкунь

У Чжаолинь

Учанское восстание было подготовлено руководителями «Литературного общества» и «Союза всеобщего прогресса», но в силу непредвиденных обстоятельств во главе восставших солдат 10 октября 1911 г. стояли не эти, а совсем другие лица. Весь день бразды руководства восстанием были в руках сержанта Сюн Бинкуня. Лишь около 10 часов вечера, когда арсенал был уже в его руках и правительственные войска понесли значительные потери, а их боевой дух был подорван, он передал командование восставшими младшему офицеру У Чжаолиню.

После этого началась атака на резиденцию наместника, и Учан был полностью захвачен. В тот же день был создан политический центр во главе с Цай Цзиминем, принявший важные решения: о создании Военного правительства, о провозглашении Китая республикой и об обращении к провинциям с призывом начать военные действия против Пекинского правительства. После этого Ли Юаньхун официально принял присягу в качестве главы Военного правительства провинции Хубэй.

Руководители шанхайской штаб-квартиры «Объединенного союза» добрались до Учана лишь после того, как вопрос о создании Военного правительства был решен и роли в нем распределены: Тань Жэньфэн и Цзюй Чжэн — 15 октября, Хуан Син и Сун Цзяожэнь — 28 октября. Попытка объявить Хуан Сина военным губернатором провинций Хунань и Хубэй, тем самым подчинив ему Ли Юаньхуна, закончилась неудачей. В результате он

Ли Юаньхун

¹ Симоновская Л. В. Союз Тунмэн в китайской революции 1911–1912 г. С. 73.

был назначен командующим Революционной армией, став таким образом подчиненным Ли Юаньхуна.¹

Свою статью Ли Синьюй заканчивает словами:

Революция совершилась. Ее руководители и участники принадлежали к различным группировкам, и этот факт изменить невозможно, вне зависимости от того, признаем ли мы его или нет.²

Возвращаясь к тому, как события Учанского восстания излагал Сунь Ятсен, можно констатировать, что он был прав, говоря: «Полное освобождение Уханя и окончательная победа революции во всей стране стали зависеть уже не столько от наших действий в самом Ухане, сколько от движения, которое должно было вспыхнуть во всех провинциях в ответ на Учанское восстание».

Движение это действительно вспыхнуло, и одна провинция за другой объявляли о своей независимости от маньчжурского двора. Руководили ими люди различных убеждений, которых объединяло лишь одно — стремление освободиться от векового господства иноплеменников.

В абсолютном большинстве случаев во главе восстаний в провинциях стояли офицеры «Новой армии», но когда дело доходило до создания правительств, они, не будучи искушены в делах административного управления населением, привлекали себе в помощь более или менее опытных политиков.

Поэтому немалый вклад в общий успех Синьхайской революции внесли и те, кого у нас принято было называть «прожженными политиками».

Среди последних был, в частности, Тан Хуалун, назначенный гражданским губернатором провинции Хубэй, а затем в 1912 г. включенный Сунь Ятсеном в состав своего правительства. В общей сложности из 9 министров этого правительства 6 были «либералами» и только 3 — членами «Объединенного союза».³

Весьма показателен и такой факт. Создававшиеся в освободившихся от власти Пекина провинциях революционные армии и организуемые ими правительства выступали под разными флагами, и зная

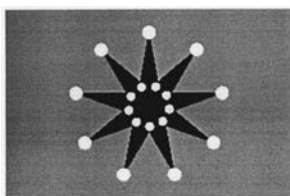

Тан Хуалун
(1874–1918)

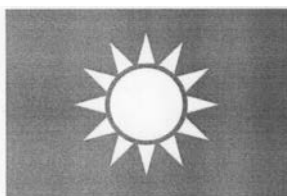
¹ Ли Синьюй. Кто руководил Синьхайской революцией? С. 43.

² Там же.

³ Там же.

Хубэй

Гуандун

Хэнань

Аньхуй

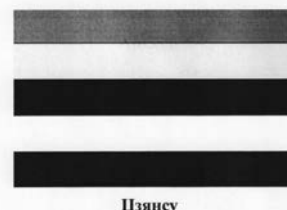
Юньнань

Шаньси

Сычуань

Цзянсу

Знамена революционных правительств некоторых независимых провинций Китая

«Объединенного союза» реяло только над правительственными зданиями в Гуандуне.

Приведенные выше флаги провинциальных правительств можно разделить на три категории.

Изображения на флагах первой из них не связаны с идеей создания «государства ханьской нации». Хотя «Объединенный союз» исповедовал эту идею, 12 лучей солнца на его знамени соответствовали числу месяцев в году.

В отличие от него, абсолютное большинство флагов независимых провинций так или иначе символизировало изгнание «варваров» и восстановление власти китайцев-хань. Это выражалось либо словесно (иероглифы 汉 ‘хань’ на флагах Хэнани и Сычуани, 灭满兴汉 ‘уничтожим маньчжуров, восстановим хань’ в провинции Аньхуй).

И только флаг, принятый после взятия Нанкина 2 декабря 1911 г., принципиально отличался от всех других: он пропагандировал идею провозглашения «государства пяти наций». И это вовсе не было случайностью. Традиция утверждает, что эскиз пятицветного флага был начертан Чжао Фэнчаном, сторонником конституционной монархии, принимавшим участие в заседании 4 декабря в Нанкине. Принятие именно этого варианта нового флага знаменовало важный исторический сдвиг от «расовой революции» со всеми ее отрицательными последствиями в сторону идеи многонационального государства.

Разнобой в отношении флагов имел еще одно проявление.

Военные правительства различных провинций выпускали монету каждое на свой лад. Приведем пример из нашей нумизматической коллекции (см. илл. справа).

Более того, в провинциях, деклариовавших свою независимость от Пекина, использовались различные системы летоисчисления.

Популярным был отсчет времени со дня рождения мифического императора Хуанди, считавшегося предком всех китайцев-хань [1911 г. = 4609 г.]; кроме этого в ходу были наименования лет, обозначаемых сочетаниями двух циклических знаков [1911 г. = год *синь-хай*], причем перед ними зачастую ставились имитации девиза правления — 天运 Тяньюнь, 大汉 Дахань и т. п.

Подводя итоги Синьхайской революции, В. И. Данилов писал:

В большинстве районов победа была одержана под руководством местных организаций Лиги¹. Только в двух провинциях (Чжэцзян и Гуандун) Лига не принимала участия в событиях и объявление самостоятельности произошло под руководством либералов. <...> О большом влиянии Лиги свидетельствует тот факт, что из 14 провинций, провозгла-

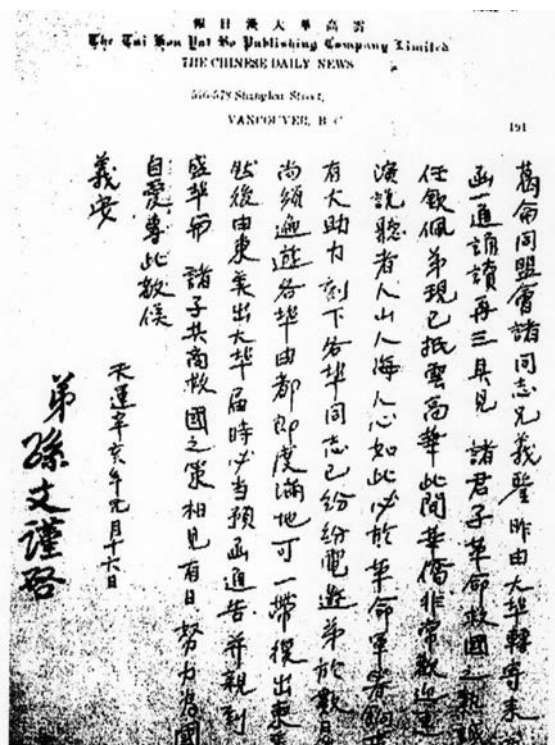
Монеты местной чеканки

1 — провинция Цзянси;

2 — провинция Сычуань

¹ Имеется в виду «Объединенный союз».

1

2

3

Документы, датированные «девизом» Тяньюнь

(1 — письмо Сунь Ятсена; 2 — доверенность, выданная Сунь Ятсеном Миядзакэ Торадзо; 3 — облигация, выпущенная в провинции Гуандун)

Документы, датированные «деви́зом» Дахань
(1 — свидетельство об окончании школы; 2 — купчая крепость)

1

黃帝四千六百九年十月 初一日

貸特此公布

中華民國軍政府粵省大都督胡
公布事前由總稅務司派委洋員前
往雷州開設洋關尚未就緒本軍政
府業已成立將來應否安設自當由本
軍政府主持惟該洋員等尚雇有輪
船一艘在雷州灣泊該洋員等生命
財產本軍政府有担任保護之責凡
屬國民均應互相維持以保公安如
有匪徒藉端騷擾者定行嚴辦不
貸特此公布

2

煙台民軍總司令郭示		各省齊表歡迎
照得民軍倡義	萬眾同心共濟	矢志扶漢滅清
大軍所到之處	煙台通都大埠	紳商素號開通
巡防禁衛各軍	所有商民舖戶	均在俱已投誠
各家懸掛白旗	外人教堂學堂	仍舊照常營生
倘敢故亂秩序	黃帝紀元四千六百零九年九月二十三日	示

3

上海縣民政長公據
本圖 字封則四二一
黃帝紀元四千六百九年
民政長公據
除備存查外合給執照
民國四年九月
日給此奉如有持錯
誤特呈請更正
號

- Документы, датированные 4609 г.
летоисчисления Хуанди
(1 — приказ Военного
правительства
провинции Гуандун;
2 — приказ командующего армией
уезда Яньтай;
3 — расписка начальника уезда
Шанхай)

сивших самостоятельность, в 7 были созданы правительства, состоящие только из членов Лиги, в 5 они поделили власть с либералами, и лишь в 2 провинциях либералам удалось полностью устранить представителей Лиги от участия в правительствах.¹

Г. В. Ефимов приводит на этот счет другие данные²:

Название провинции	Военный губернатор (дуду)	Пост, партийность
Хубэй	Ли Юань-хун	Бригадный командир, впоследствии лидер Прогрессивной партии (буржуазно-помещичьей, про-юаньшикаевской ориентации)
Хунань	Тань Янь-кай	Либерал - конституционалист. Председатель провинциального совещательного комитета
Шэньси	Чжан Фэн-хуй	Батальонный командир
Цзянси	Пэн Чэн-вань	Член Объединенного союза
Шаньси	Янь Си-шань	Бригадный командир, впоследствии один из лидеров гоминьдана ⁵⁶
Юньнань	Цай Э	Бригадный командир. Один из лидеров Единой республиканской партии, впоследствии гоминьдановец
Гуйчжоу	Ян Цзинь-чэн	Военный деятель
Цзянсу (Шанхай)	Чэнь Ци-мэй	Видный деятель Объединенного союза
Цзянсу (Сучжоу)	Чэн Дэ-цюань	Губернатор провинции. В ноябре 1911 г. вступил в Объединенный союз
Чжэцзян	Тан Шоу-цянь	Либерал - конституционалист, председатель провинциального совещательного комитета
Гуанси	Шэнь Би-кунь	Губернатор провинции
Аньхуй	Сунь Юй-юнь	Член Объединенного союза
Фуцзянь	Сунь Дао-жэнь	Бригадный командир
Гуандун	Ху Хань-минь	Видный деятель Объединенного союза
Шаньдун	Сунь Бао-ци	Губернатор провинции при Цинах
Сычуань (Чунцин)	Чжан Пэй-цзюэ	Член Объединенного союза
Сычуань (Чэнду)	Инь Чан-хэн	Военный деятель, впоследствии гоминьдановец

Впрочем, и эти сведения (они даны по состоянию на 1 декабря 1911 г.) требуют небольшого уточнения.

¹ Данилов В. И. «Объединенная революционная Лига Китая» и ее роль в подготовке революции 1911–1913 гг. М. 1959. С. 149–150.

² Ефимов Г. В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен. 1911–1913 гг. М. 1974. С. 192.

Сразу же после восстания правительство провинции Цзянси возглавил командующий бригадой «Новой армии» У Цзечжан. Затем его сменил член «Союза» Пэн Чэнвань. Однако уже в начале декабря последний уступил свое место командиру полка Ма Юйбао.¹

中華民國軍政府贛省都督吳
照會事照得敝國贛省國民軍於本月初十晚光復江西全
省所有
貴國及各國游歷通商人民與傳教教會之財產等件業
已確實施行保護毫無損害本軍政府並每日派外務局
人員巡視稽查派兵護守至各府廳州縣等處凡有各國
游歷通商人民及教堂教士財產亦已通飭認真保護除發
電通告外相應備文照會
貴總領事請煩查照並希嚴守中立須至照會者

Обращение к державам главы Военного правительства
провинции Цзянси У Цзечжана

В одной из своих книг советский историк В. Н. Кучумов утверждал, что ему удалось «развенчать буржуазно-помещичий миф» о том, что Синьхайской революцией руководила армия.² Трудно сказать, какое отношение к констатации данного факта имели помещики и буржуи, но то, что сам по себе он не является мифом, — это несомненно.

Сунь Ятсен вернулся в Китай, когда судьба маньчжурской династии была уже предрешена. «Объединенный союз», от руководства которым Сунь Ятсен отказался еще в 1910 г., существенной роли в Синьхайской революции не сыграл.

¹ Там же. С. 121.

² Кучумов В. Очерки по истории китайской революции. М. 1934. С. 10.

Переговоры Севера с Югом

Не исключено, что после того, как Учан был захвачен восставшими, дальнейшие события могли развиваться по какому-то иному сценарию, если бы при дворе не приняли решения вернуть во власть опального Юань Шикая, назначив его наместником провинций Хунань, Хубэй, Гуандун и Гуанси, а затем — и главой Пекинского правительства.

Для Юань Шикая это вовсе не было неожиданностью.

Еще в июне 1911 г., когда известный политик-конституционалист Чжан Цзянь навесил своего опального друга на его родине, Юань Шикай сказал ему:

Когда наступит этот день, и я милостью Его Величества буду возвращен из ссылки, я во всем буду действовать исходя из того, чего желает народ. Иными словами говоря, следуя твоему совету. Но тебя я прошу объяснять это людям и действовать заодно со мной.¹

Юань Шикай терпеливо ждал своего часа

Миссия Лю Чэньзэня и Цай Тинганя

Сразу же после назначения Юань Шикая наместником четырех провинций его подчиненный Лю Чэньзэнь получил предписание обратиться к Ли Юаньхуну с предложением начать переговоры о перемирии. Ответа не последовало, и тогда Юань Шикай сам написал главе Хубэйского правительства. Ли Юаньхун ответил согласием, в свою очередь выдвинув далеко идущую идею: если Юань Шикай поддержит восставших, он наверняка одержит верх на грядущих выборах первого президента Китайской республики.²

10 ноября 1911 г. Лю Чэньзэнь и ближайший помощник Юань Шикая Цай Тингань направились в Учан для переговоров с южанами.

Tsai Ting-kai.

Tsai Ting Kan
蔡廷幹

Admiral Chinese Navy.

Визитная карточка Цай Тинганя

¹ 刘厚生. 张謇传记 (Лю Хоушэн. Биография Чжан Цзяня). Пекин. 1958. С. 181.

² 張國淦. 辛亥革命史料 (Чжан Гогань. Документы Синьхайской революции). Пекин. 1958. С. 279.

О том, какие вопросы обсуждались во время этих переговоров, нам известно со слов австралийского журналиста Дж. Моррисона, получившего эту информацию непосредственно от Цай Тинганя.¹

На протяжении многих лет Цай Тингань был верным сторонником Юань Шикая. <...>

Будучи назначен Юань Шикаем в качестве делегата на переговорах с революционным лидером ради достижения компромисса, он приехал в Учан, где был принят со всеми почестями и в сопровождении двух официальных лиц отвезен в карете в новое здание Провинциальной ассамблеи. <...>

По прибытии в ассамблею ему были оказаны знаки внимания, предложена чашка чая, после чего его сопроводили в зал, где началась дискуссия с 40 делегатами, и усадили на почетное место.

Он обратил внимание на то, что делегаты представляли все провинции, расположенные в бассейне Янцзы, а не только Хунань и Хубэй. Большое впечатление произвел на него возраст делегатов: Ли Юаньхун в свои 48 лет (по китайскому счету) был самым пожилым из них.

Цай Тинганя попросили изложить суть дела. Он заявил, что приехал как представитель наместника, чтобы восстановить мир и, если это будет возможно, добиться компромисса. Он настаивал на том, что республиканская форма правления не соответствует условиям Китая, указывая на то, какая опасность может возникнуть, если каждая провинция станет республикой в составе федерации. Что сможет предотвратить отделение той или иной провинции? Кто удержит отделяющуюся провинцию в рамках объединенного Китая? <...> Он указал на то, что, по мнению Юань Шикая, ограниченная монархия является лучшей гарантией сохранения единства страны. При этом будут учтены все реформы, предлагаемые революционной партией.

Затем начали выступать представители южных провинций, единодушно полагавшие, что правящая династия должна быть низложена, потому что «нельзя верить ни одному ее слову». В Китае должна быть создана республика — по образцу Соединенных Штатов с их президентской формой правления либо Франции с некоторыми модификациями, которые можно заимствовать у Швейцарии. В любом случае президент

Цай Тингань
(1861–1935)

¹ The Correspondence of G. E. Morroson. I. Cambridge. 1976. P. 661–666.

должен избираться народом и исполнять свои обязанности в течение трех лет.

В ответ Цай Тингань указывал на то, что конституционная монархия в том виде, в каком она существует, например, в Англии, является самой устойчивой формой государственного устройства, тогда как в республиках Южной Америки революции происходят каждые два-три года.

Общее впечатление, которое сложилось у Моррисона после разговора с Цай Тинганем, сводилось к следующему: во-первых, учреждение в Китае конституционной монархии нереально; во-вторых, даже Цай Тингань, доверенное лицо Юань Шикая, не поддерживает идею сохранения маньчжурской династии; в-третьих, окружение императора Сюаньгуна, по-видимому, также отдаст себе отчет в том, что дни династии сочтены.¹

Юань Шикай и Цай Тингань²

Переговоры Ляо Юйчуня с Гу Чжунчзнем

27 ноября правительственными войскам удалось взять Ханьян и начать обстрел Учана.

После падения Ханьяна положение восставших резко ухудшилось, и Хуан Син, командующий армией Юга, решает предпринять попытку

¹ Ibid. P. 665–666. Подробно о роли Цай Тинганя в переговорах Юань Шикая с революционными лидерами и в последующих событиях см.: 赵立彬、冯丽萍。蔡廷干与清末民初政局 (Чжао Либинь, Фэн Липин. Цай Тингань и политическая ситуация в конце эпохи Цин — начале Республики) // Сюйчжоу шифань дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). 2011. Т. 37. № 1. С. 8–14.

² С этой фотографией произошли те же пертурбации, что и со многими другими графическими документами истории: на первой полосе еженедельника «Illustrated London News» от 31 августа 1912 г. на месте китайца Цай Тинганя каким-то необъяснимым образом оказался англичанин Дж. Моррисон (в том же преображенном виде фотография была перепечатана в публикации The Correspondence of G. Morrison. Vol. 2. Cambridge. 1976). Подробнее об этой фальсификации см.: 徐家宁。修改照片：一门历史悠久的手艺 (Препарирование фотографий: отрасль искусства, имеющая длительную историю) // <https://xw.qq.com/iphone/m/category/ee45c5e7b878c30a7f870d4024076553.html>.

достичь перемирия. Несмотря на достигнутый успех, Дуань Цижуй, командующий армией Севера, руководствуясь общей стратегией Юань Шикая, также делает в это время шаги в сторону переговоров.

В середине декабря в Шанхай прибыл начальник Баодинской военной школы Ляо Юйчунь, вступивший в контакт с начальником штаба Цзянсу-Чжэцзянской группировки Гу Чжунчэнем.

Последний сообщил об этом Хуан Сину, и тот выдал ему мандат на переговоры с Ляо Юйчуном.

20 декабря стороны достигли договоренности, зафиксированной в следующем соглашении:

Пункт 1. Декларируется республиканская форма государственного строя.

Пункт 2. Гарантируются благоприятные условия отречения цинского императорского дома.

高云一切
顧忠琛君共鑒
辛未年
青和一月廿六日

Подписанный Хуан
Сином мандат Гу
Чжунчэня

一 確定共和政體
二 優待清皇室
三 先推覆清政府者為大總統
四 南北滿漢軍出力將士各享其應得之優待並不
負戰時害敵之責任
五 同時組織臨時議會恢復各地之秩序

廖宇春
顧忠琛

Соглашение, подписанное
в результате переговоров
Ляо Юйчуна и Гу Чжунчэня

Пункт 3. Тот, кто низложит цинское правительство, становится президентом республики.

Пункт 4. Маньчжуры и китайцы — офицеры и солдаты армий Юга и Севера — не несут ответственности за ущерб, причиненный во время войны противоположной стороне.

Пункт 5. В провинциях созываются временные парламенты, призванные поддержать порядок в стране.¹

Официальные переговоры в Шанхае

Еще задолго до того, как Ляо Юйчунь встретился с Гу Чжунчэнем, возглавляемое Юань Шикаем цинское правительство, с одной стороны, и руководители революционного лагеря — с другой, начали подготовку к официальным переговорам.

Кого назначить главой делегации на переговорах с Югом — в этом вопросе у Юань Шикая не было сомнений. Он рассчитывал на своего давнего сослуживца Тан Шаои, а его заместителем хотел видеть известного ученого-просветителя Янь Фу. Однако Янь Фу от предложения представлять маньчжурский двор отказался и ограничился тем, что дал Юань Шикаю несколько советов. Цель переговоров, по его мнению, заключалась в том, чтобы склонить делегацию Юга к принятию решения о создании в Китае конституционной монархии. В этом у него с Юань Шикаем расхождений не было.

4 декабря делегаты южных провинций приняли в Ухане решение начать переговоры с Севером и назначили своим полпредом У Тинфана. Через несколько дней Юань Шикай, еще не зная об этом решении, уполномочил Тан Шаои быть на переговорах делегатом Севера.

Так за один стол с двух его противоположных концов должны были сесть опытные дипломаты, бывшие коллеги по Министерству иностранных дел. Один из них был старше другого на целых 20 лет. Но оба они верили в то, что новый Китай должен быть демократической

У Тинфан
(1842–1922)

¹ 錢基博. 辛亥南北議和和別記 (Цянь Цзибо. Синьхайская революция: мирные переговоры Юга и Севера) // 辛亥革命 (Синьхайская революция). Шанхай. 1957. Т. 8. С. 103.

Тан Шаои
(1862–1938)

Чжао Фэнчан
(1856–1938)

республикой, хотя один из них мог говорить об этом вслух, тогда как другой вынужден был *ex officio* отстаивать противоположный тезис.

Большую роль в подготовке переговоров сыграл тогда Чжао Фэнчан, которого неслучайно называли впоследствии «повивальной бабкой Республики».

Переговоры должны были происходить в Ханькоу. Однако когда Тан Шаои прибыл туда, выяснилось, что обосновавшиеся в Шанхае руководители «Объединенного союза» не согласны с этим выбором и настаивают на проведении переговоров в Шанхае.

Тан Шаои пришлось срочно запрашивать мнение Юань Шикая. Тот под давлением дипломатического корпуса вынужден был согласиться, и Тан Шаои отправился в Шанхай.

Переговоры начались 18 декабря. Сохранилась стенографическая запись заседаний, позволяющая во всех деталях восстановить ход дискуссии.¹

18 декабря на первом заседании обе стороны прежде всего обсудили вопрос о продлении перемирия.

Затруднение заключалось в том, что в провинции Шаньси возобновились военные действия, и стороны обвиняли друг друга в том, кто первым нарушил перемирие. В конце концов было решено не выяснять отношений, а телегра-

фировать военному главнокомандованию Севера и Юга и рекомендовать отдать приказ о прекращении взаимных столкновений.²

20 декабря состоялось второе заседание, посвященное проблеме будущего государственного строя Китая. Острой дискуссии по этому вопросу не получилось.

¹ 南北代表会议问答速记录 (Стенограмма переговоров представителей Севера и Юга) // <https://www.wenku365.com/p-20579726.html>.

² Там же.

У Тинфан: Раньше я тоже выступал за конституционную монархию, полагая, что Китай еще не готов к конституционной республике. Но сейчас положение в стране радикально изменилось. Республика и демократия сегодня в Китае осуществимы. Это всеобщее мнение. Не только студенты так думают, но и их профессора, раньше считавшиеся ретроgrадами, также присоединяются к голосу масс.

Почему так? Коль скоро возможна конституция, то возможна и республика, ведь разница заключается лишь в выборах президента. Ныне консультативные органы в провинциях и консультативный юань в Пекине уже избираются народом, так почему же трудно избрать президента? Подобное рассуждение я считаю вполне справедливым.

Ныне ситуация в стране принципиально изменилась. Авторитарный монархический строй Цинской династии существует уже более 200 лет. Зачем нужно сохранять его и далее? К тому же императоры — не китайцы. Находясь на троне более 200 лет, они довели Китай до того плачевного состояния, в котором он находится сегодня.<...>

Сегодня Китаю необходима демократия, нужно, чтобы простые люди избирали президента, чтобы создать всё заново. С моей точки зрения, это совершенно справедливое требование. То, о чем мы с Вами дискутируем, касается будущего государства, а не одной нации, провинции или уезда.

К тому же учреждение демократического строя весьма выгодно и для маньчжуров. Речь идет лишь об отречении императора, а обращение с остальными маньчжурами, в том числе и с родственниками императора, будет нормальным.

Сегодня маньчжурам, живущим в столице, запрещено заниматься торговлей, а после преобразований ни маньчжуры, ни китайцы не будут испытывать унижений. В будущем и маньчжур сможет быть избран президентом. Так зачем же маньчжуры выступают за сохранение нынешней династии?!<...>

Тан Шао: Мы, прибывшие из Пекина, вовсе не против конституционной республики.

У Тинфан: Вот и прекрасно!

Тан Шао: <...> Хуан Син телеграфировал правительству Юань Шикая: если он поддержит создание республики, он может быть избран президентом. Эта телеграмма была передана Юань Шикаю через Ян Ду. Юань Шикай ответил, что этого он сделать не может и предоставляет это Хуан Сину. [Может создаться впечатление, что] Юань Шикай выступает за продолжение войны, только не может прямо сказать об этом.

Идея конституционной республики овладела умами масс, и мы, китайцы, все поддерживаем ее. Однако необходима подходящая процедура, которая позволит решить проблему мирным путем, чтобы избежать сопротивления со стороны маньчжурского двора.

Должен добавить, что моя приверженность республиканской идее сформировалась раньше, чем у Вас, потому что я воспринял ее еще в годы учебы в Америке. Сейчас мы обсуждаем этот вопрос не потому, что я выступаю против республиканских принципов, а только потому, что необходимо найти способ мирного достижения цели.¹

На третьем заседании 29 декабря обсуждался вопрос о гарантиях, которые должен был получить император в случае его отречения от престола.

Было принято решение о последующем созыве Национального собрания, призванного избрать президента Республики.

На четвертом заседании 30 и 31 декабря была достигнута договоренность о нормах представительства на выборах делегатов Национального собрания.

Нерешенным остался лишь вопрос о месте и времени его созыва.²

Учанское восстание и позиция держав

Соединенные Штаты Америки, европейские страны и Япония не могли не быть заинтересованы в исходе событий в Китае — слишком велики были их финансовые интересы в этой разделенной на сферы иностранного влияния стране.

Невмешательство?

Первой на события в Учане отреагировала Япония.

26 октября временно управляющий российского МИД А. А. Нератов писал поверенному в делах в Токио С. С. Броневскому:

¹ Там же.

² Подробно см.: 朱英. 唐绍仪与辛亥南北议和 (Чжу Ин. Тан Шао и мирные переговоры Севера и Юга 1911 г.) // Гуандун шэхай кэсюэ, 1989, № 2; 桑兵. 辛亥南北议和与国民会议 (Сан Бин. Мирные переговоры Севера и Юга 1911 г. и вопрос о Национальном Собрании) // Лиши сюэбао, 2015, № 2.

По газетным сведениям, в Японии идут приготовления к возможной экспедиции в Китай, и официальный «Japan Times» уже поместил статью, в которой говорится, что если китайское правительство не сумеет восстановить порядок, Япония предпримет самостоятельные меры для охраны своих интересов в Китае.¹

А. А. Нератов
(1863–1938)

Броневский вскоре подтвердил достоверность этих сведений: в японском военном министерстве сообщили, что «ввиду серьезного оборота, принимаемого восстанием в Китае», Япония, получив предварительное согласие России и Англии, намерена направить бригаду пехоты для оккупации железной дороги от Шанхайгуаня до Пекина.²

Впрочем, как доносил Броневский, министр иностранных дел Японии Утида Косаи высказался против немедленного военного вмешательства, предпочитая выждать, когда и как проявится власть, сосредоточенная ныне в руках Юань Шикая.³

Против японской инициативы выступила Англия. 11 ноября поверенному в делах Японии в Лондоне был вручен меморандум, в котором, в частности, говорилось о том, что министр иностранных дел Англии Э. Грэй «решительно возражал бы против любого действия японского правительства, которое не диктовалось бы необходимостью и могло бы повести к осложнениям, связанным с другими странами».⁴

21 ноября российский посланник в Пекине И. Я. Коростовец писал А. А. Нератову о Юань Шикае:

Утида Косаи
(1865–1936)

И. Я. Коростовец
(1862–1933)

¹ Нератов — Броневскому, 26 октября 1911 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств (далее — МОЭИ). Серия II. Т. XVIII. Часть II. № 734. С. 248.

² Броневский — Нератову, 2 ноября 1911 г. // Там же. № 786. С. 293.

³ Броневский — Нератову, 4 ноября 1911 г. // Там же. № 802. С. 305.

⁴ Меморандум МИД Великобритании, 11 ноября 1911 г. // FO. 405/205. N282. P. 245.

Он считает, что подавление мятежа вооруженной силой может затянуться и что посему нужно искать компромисса с восставшими путем удовлетворения их разумных требований. <...> Он уже сделал попытки договориться с революционерами и убедить их отказаться от крайних требований, причем некоторый успех в этом отношении уже достигнут.¹

Идзюин Хикокити
(1864–1924)

Натолкнувшись на несогласие Англии санкционировать прямое вмешательство держав, японское правительство было вынуждено действовать иначе. 18 ноября посланник Японии в Пекине Идзюин Хикокити встретился с Юань Шикаем и выразил надежду на скорейшее разрешение кризисной ситуации в Китае.

Юань Шикай заявил ему, что сам он выступает за учреждение конституционной монархии, однако революционеры настаивают на республике и федерации. «Что с Вашей точки зрения и по мнению европейских и американских государственных деятелей более соответствует условиям Китая — конституционная монархия или федерация?» — спросил Юань Шикай.

Идзюин ответил, что первое, с его точки зрения, предпочтительней, и добавил: «Деятелей Европы и Америки вовсе не интересует форма правления в Китае, они озабочены лишь тем, как бы не пострадали жизнь и имущество их граждан».²

Сохранение в Китае маньчжурской династии, пусть даже ограниченной конституционными нормами, не было личным мнением Идзюина. Этой позиции придерживалось правительство Японии, стремившееся заручиться в этом отношении поддержкой других держав.

28 ноября временный поверенный в делах Японии в Лондоне Ямадза Эндзиро во время встречи с министром Грэм настаивал на необходимости сохранить в Китае власть маньчжурского императора.³

Ямадза Эндзиро
(1866–1914)

¹ Коростовец — Нератову, 21 ноября 1911 г. // МОЭИ. Т. XIX. Часть 1. № 58. С. 52.

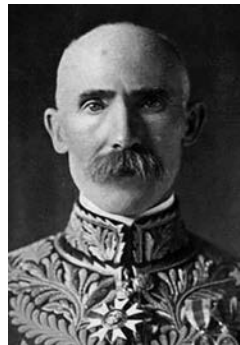
² Идзюин — Утида, 18 ноября 1911 г. // 日本外交文書選譯。关于辛亥革命 (Избранные документы внешней политики Японии. Синхайская революция). Пекин. 1980. С. 249–252.

³ Утида — Ямадза, 28 ноября 1911 г. // Там же. С. 253–256.

Спустя несколько дней после этого Ямадза вновь встретился с Грэем и передал ему две телеграммы, полученные из Пекина. В них говорилось, что план создания в Китае республики нереален и поэтому державам надлежит совместно предпринять меры для разрешения кризиса, заставив двор пойти на кое-какие уступки Югу.¹

Это предложение не встретило понимания в Форин Офис. Помощник заместителя министра иностранных дел Р.Кэмпбелл пояснил Ямадза, что Британия выступает против непосредственного вмешательства в конфликт, предоставив обеим сторонам самим найти выход из сложившегося положения. По мнению британского МИД, на приближавшихся переговорах Севера и Юга представитель Пекина вполне мог уговорить южан согласиться на конституционно-монархический вариант.²

Британский посланник в Китае Дж. Джордан информировал Грэя о том, что члены дипломатического корпуса в Пекине единодушны в своей поддержке маньчжурской династии, если ее властные prerogatives были бы ограничены конституцией, коль скоро провозглашение республики может привести к распаду единого государства, а это не соответствует интересам держав.³

Дж. Джордан
(1852–1925)

15 декабря посланники США, Франции и Германии нанесли визит Джордану и условились о том, что дипломатические представители 6 стран обратятся к делегатам Севера и Юга с рекомендацией достичь консенсуса на предстоящих переговорах.

Ноты, содержащие эту рекомендацию, были вручены Тан Шаою и У Тинфану 20 декабря, т. е. в тот день, когда в Шанхае состоялось второе заседание конференции Севера и Юга. В них говорилось:

Миссии <...> в Пекине поручено ее правительством сделать следующее официальное заявление уполномоченным на ведение переговоров

¹ Грэй — Мак Дональд, 1 декабря 1911 г. // FO. 405/205. № 407. Р. 319; 辛亥革命史料新编 (Новое издание документов по истории Синьхайской революции). Т. 8. Ухань. 2006. С. 119–121.

² Ямадза — Утида, 6 декабря 1911 г. // Избранные документы внешней политики Японии. Синьхайская революция. С. 267.

³ Джордан — Грэй, 3 декабря 1911 г. // FO. 405/205. № 419. Р. 326; Новое издание документов по истории Синьхайской революции. Т. 8. С. 121–122, 149–151.

об условиях восстановления мира в Китае. Правительство <...> считает, что продолжение ведущейся борьбы в Китае затрагивает не только саму эту страну, но и материальные интересы и безопасность иностранцев. Продолжая сохранять позицию абсолютного нейтралитета, занятую им до сего времени, правительство <...> считает необходимым официозным образом обратить внимание обеих делегаций на необходимость достигнуть скорейшего соглашения, способного положить конец настоящему конфликту, так как оно убеждено, что эта точка зрения отвечает желанию обеих стран.¹

Получив ноты, У Тинфан и Тан Шаои ограничились устным заверением в том, что в ходе дальнейших переговоров надлежащим образом учтут мнение держав.²

Дж. Моррисон
(1862–1920)

В тот момент, когда посланники великих держав вручали свои ноты делегатам Севера и Юга, в Шанхае находился корреспондент «Times» Дж. Моррисон, принимавший активное участие в происходивших там событиях.

Еще 17 ноября Моррисон писал Д. Брэхэму: «Дни династии сочтены»³; теперь настало и его время действовать.

Моррисон встретился с У Тинфаном, их беседа продолжалась более часа. После этого он навещал японского консула в Шанхае Ариёси, стараясь доказать ему, что наилучшим выходом из положения был бы следующий сценарий: стороны на переговорах соглашались на отречение императора и его переселение в Жэхэ, провозглашение республики и избрание президентом Юань Шикая.⁴

После этого Моррисон имел встречу с Тан Шаои.

Авторитет Моррисона в дипломатических кругах Лондона был настолько велик, что министр Грэй согласился с его аргументами и изменил свою первоначальную точку зрения.

¹ МОЭИ. Т. XIX. Часть 1. С. 195.

² Стенограмма переговоров представителей Севера и Юга. С. 3.

³ Моррисон — Брэхэму, 17 ноября 1911 г. // The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. 1. P. 661.

⁴ Ариёси — Утида, 20 декабря 1911 г. // Избранные документы внешней политики Японии. Синьхайская революция. С. 297.

В течение недели, от второго до третьего заседания, на переговорах в Шанхае шла непрерывная дискуссия, но за его пределами — не между Таи Шаои и У Тинфаном, а между представителями правительств Великобритании и Японии.

Великобритания меняет курс

21 декабря Джордан уведомил Идзюин о смене ориентации Лондона, объяснив произошедшее изменением соотношения сил Севера и Юга.

Джордан: Если попытаться на этих переговорах достичь соглашения на основе сохранения маньчжурского двора, то, судя по всему, надежд на успех нет. Что же можно предпринять в этой обстановке? Можно ли принять предложение Моррисона и, предложив Юань Шикая на пост президента, добиться консенсуса?

Идзюин: Неужели Вы считаете, что свержение маньчжурской династии и провозглашение республики может обеспечить единство Китая и успокоение общества? Что касается выдвижения Юань Шикая на пост президента, то хотя Моррисон полагает, что это возможно, я не считаю, что Юань Шикай пользуется поддержкой и доверием в масштабах всей страны. На юге к Юань Шикаю относятся отрицательно, это неоспоримый факт. А если это так, то сохранение единства посредством выдвижения Юань Шикая на пост президента весьма сомнительно.

Джордан: Я раньше тоже считал, что наилучшим вариантом является сохранение маньчжурской династии и введение конституционного строя, поскольку положение республики не будет устойчивым. Но сейчас не может быть и речи о том, что революционная армия примет этот вариант. Поэтому остается выбирать одно из двух зол: или разрыв переговоров, или создание республики.

Идзюин: Я целиком и полностью согласен с Вашим мнением о том, что приходится выбирать меньшее из двух зол. Именно поэтому императорское правительство высказывается в пользу сохранения правящей династии и введения конституционной монархии. Провозглашение республики не приведет к созданию эффективной власти, и за этим последует раскол. А это не только будет внутренней проблемой Китая, но и вызовет международный конфликт. Мы выступаем за конституционную монархию именно ради того, чтобы предотвратить это большее зло. Как Вам хорошо известно, императорское правительство искренне надеется на сохранение единства и общественного порядка в Китае. Вам нетрудно убедиться в этом. Если ситуация действительно такова, как об этом сообщается в телеграммах из Шанхая, то добиться осуществления того или

иного плана нельзя без вмешательства третьей стороны. А это неизбежно вызовет противодействие со стороны китайцев Юга. Способствовать распаду Китая и всеобщему хаосу — это одно зло. Предотвратить это, кое-чем рискуя при этом, — это другое зло. Не нужно доказывать, какое зло из этих двух следует выбрать.

Джордан: Говоря теоретически, Вы правы. Но Великобритания имеет существенные торговые интересы в центральном и южном Китае. Поэтому наше правительство не может не учитывать настроения китайцев на юге страны и настаивать на конституционной монархии, не принимая во внимание грозящие ему опасности. Тем более, если Моррисон и иже с ним уже довели мнение о поддержке избрания Юань Шикая президентом до сведения нашей прессы.¹

Получив эту информацию, министр иностранных дел Утида телеграфировал в Лондон Ямадза по поводу обмена мнениями между Идзюин и Джорданом:

Их беседа свидетельствует о том, что посол Великобритании пессимистически оценивает перспективы шанхайских переговоров, полагает, что на основе учреждения конституционной монархии соглашения между сторонами достичь будет трудно, и поэтому он изменил свою позицию, склонившись к избранию Юань Шикая президентом ради стабилизации положения в стране.

На первый взгляд этот вариант представляет собой выход из тупика. Однако пока неясно, откажется ли Юань Шикай от своей извечной приверженности конституционной монархии и рискнет ли согласиться занять пост президента. Даже если Юань Шикай станет президентом, трудно представить себе, что маньчжурский двор и родственники императора молча воспримут предательство Юань Шикая и будут сторонними свидетелями его избрания президентом. К тому же, революционная армия с самого начала весьма отрицательно относилась к Юань Шикаю, и крайне сомнительно, что в случае провозглашения республики она решится перейти на его сторону, избрав президентом. Даже если это произойдет из сиюминутных соображений, нетрудно представить себе, что вскоре после избрания Юань Шикая старые эмоции возьмут верх и снова возникнет конфликт. <...>

Хотелось бы знать, действительно ли правительство Великобритании думает подобно тому, как это было неофициально сообщено его посланником? Если да, то что оно думает по поводу вышеприведенных сомнений императорского правительства? Надеюсь, что Вы, не откла-

¹ Идзюин — Утида, 21 декабря 1911 г. // Там же. С. 300–301.

дывая дело в долгий ящик, встретитесь с министром иностранных дел Великобритании, изложите ему вышесказанное и немедленно сообщите по телеграфу его реакцию.¹

Ямадза ответил незамедлительно:

Ввиду отсутствия и министра, и Кэмпбэлла² я не мог встретиться с ними. Поэтому 22 декабря я навещал начальника Азиатского департамента и изложил ему порученное мне дело. <...> Он заявил, что ни в коем случае нельзя надеяться на то, что революционная партия согласится на сохранение маньчжурской династии, потому что даже сам Тан Шаои, по всей видимости, склоняется в сторону позиции революционеров. Хотя Юань Шикай пока еще не дал своего согласия, революционеры ясно дали понять: даже если Юань Шикай не изменит своего мнения, маньчжуры всё равно будут изгнаны и т. д.³

В свою очередь Идзюин сообщил в Токио о своей беседе с Юань Шикаем, состоявшейся 22 декабря:

Юань Шикай: Ознакомились ли Вы с переданными Вам сегодня тремя телеграммами, которыми мы обменялись с Тан Шаои?

Идзюин. Так точно. Из телеграммы Тан Шаои следует, что переговоры зашли в тупик. Но одно мне непонятно: что на самом деле думает Тан Шаои, будучи представителем правительства? Исходя из своего статуса, он должен был бы твердо стоять на точке зрения конституционной монархии, а насколько можно судить по его телеграмме, он вроде бы не против республики и уже намекнул об этом У Тинфану. Более того, как сообщает советник посольства Мацуи, Тан Шаои открыто заявил, что он с самого начала был сторонником республики. Раз он придерживается подобных взглядов, как Вы можете доверять ему миссию ведения переговоров?

Позиция, занятая Тан Шаои на переговорах, была неожиданностью для многих

¹ Утида — Ямадза, 22 декабря 1911 г. // Там же. С. 303–304.

² В 1902–1912 гг. Ф. Кэмпбэлл был заместителем министра иностранных дел Великобритании.

³ Ямадза — Утида, 23 декабря 1911 г. // Там же. С. 309.

Юань Шикай: Я не могу с полной уверенностью сказать, придерживается ли сейчас Тан Шао подобных взглядов. Когда он уезжал из Пекина, он получил инструкции до конца стоять за конституционную монархию, и он это прекрасно понимал и до сих пор придерживался этой линии в спорах с революционерами. Что же касается только что сказанного Вами, если Тан Шао высказал У Тинфану свое личное мнение и если сказанное им советнику Мацуи также соответствует действительности, то есть отражает его убеждения, то, наверное, он попал под влияние революционного духа, господствующего в Шанхае, уже по прибытии туда, и у него все смешалось в голове. Я же ни под каким видом не принимаю идею республики и прошу понимать это.

Идзюни: Что касается Вашего отношения в этой проблеме, то ни у меня, ни у моего правительства никогда не было никаких сомнений. А о личных взглядах Тан Шао здесь не место говорить. Но раз уж так произошло, считаете ли Вы, что переговоры дадут результат? И что Вы думаете о предложении Тан Шао, чтобы вопрос о государственном строе страны решался парламентом? Реально ли это?

Юань Шикай: В телеграмме Тан Шао говорится, что революционеры категорически против конституционной монархии и выступают за создание республики. Коль скоро дело обстоит таким образом, надежды на осуществление целей нашей стороны нет. Но мне уже неоднократно приходилось говорить о том, что я решительно против республики. <...>

По поводу предложения о том, чтобы вопрос решался парламентом. Оно противоречит здравому смыслу. Ведь парламент — это орган народного управления, он должен состоять из представителей, действительно способных выражать волю населения всей страны. А хотя члены парламента, который будет в Шанхае, заявляют о том, что они представляют все провинции, в большинстве своем поют гимн революции и выступают за республику. Я решительно не могу согласиться с тем, чтобы доверить решение вопроса о судьбе государства такому безответственному органу.

Идзюни: Я полностью разделяю Вашу точку зрения. Но что Вы собираетесь предпринять в связи с этим?

Юань Шикай: Я с начала до конца выступаю за конституционную монархию. Я поклялся в этом императорскому двору и объявил об этом народу. Я довел это до сведения послов всех держав и, заручившись их поддержкой, принимаю все меры к осуществлению этого курса. К счастью, послы всех стран, и в особенности Японии и Англии, приветствовали мою позицию и прямо заверяли меня в том, что окажут мне всяческую помощь. Это вдохновляло меня, и я был исполнен решимости преодолеть

все трудности и во что бы то ни стало добиться конечного результата. К сожалению, шанхайские переговоры зашли в тупик и надежды на их успешное завершение уже нет. Особенно беспокоят последние события, заставившие английского посланника внезапно изменить свою позицию. Раньше он заявлял о своей поддержке конституционной монархии и обещал, что приложит в этом направлении все свои силы. Он оказал мне существенную помощь как в прекращении военных действий в Ухане, так и в организации переговоров в Шанхае. Но сегодня он заявляет, что не получал ясных указаний своего правительства относительно поддержки идеи конституционной монархии. <...> В этой обстановке я сегодня могу полагаться исключительно на Вашу страну. Если же Ваше правительство будет придерживаться линии Англии, то все мои планы обречены на провал. <...>¹

Князь Цин (1838–1917)

24 декабря Идзюин нанес визит председателю Императорского совета князю Цину. При их беседе присутствовал Юань Шикай.

Князь Цин поблагодарил посла за поддержку маньчжурского двора, но признался, что если в нынешней ситуации спросить его, как он относится к республике, он не станет отвергать возможность ее провозглашения.

Идзюин заметил, что ему непонятен смысл только что произнесенной фразы, и предложил не торопиться с ответом на телеграммы Тан Шаои. И князь Цин, и Юань Шикай согласились с этим.²

Японскому правительству становилось ясно, что продолжать настаивать на его первоначальном курсе бесперспективно. 26 декабря Утида дал Идзюин сигнал к отступлению:

Как явствует из Ваших сообщений № 727–729, решимость Юань Шикая отстаивать идею конституционной монархии поколеблена, и даже ближайшие родственники императора, в том числе князь Цин, согласились на созыв Национальной ассамблеи для решения вопроса о будущем государственном строе. Коль скоро дело приняло такой оборот, следует признать, что у императорского правительства нет более оснований продолжать в одиночку выступать за конституционную монархию в Китае. <...>

¹ Идзюин — Утида, 23 декабря 1911 г. // Там же. С. 310–312.

² Идзюин — Утида, 25 декабря 1911 г. // Там же. С. 319–320.

В этом вопросе императорскому правительству не остается ничего более, как предоставить событиям развиваться своим ходом. Юань Шикай должен понять и извинить наше решение.¹

28 декабря был издан императорский указ, в котором выражалось согласие на созыв Национальной ассамблеи. Правительству предписывалось составить проект закона, регламентирующего выборы делегатов.

Судьба династии была предрешена.

Учан наводит справки о возможности признания державами

Но невмешательства держав Учанскому правительству было мало. Оно было не прочь позондировать почву насчет международного признания *de jure*.

22 ноября генеральный консул Соединенных Штатов в Ханькоу Р.Грин сообщил посланнику У.Кэлхуну о том, что его посетил заместитель министра по иностранным делам Учанского правительства Ван Чжэнтин.

Грин знал, что Ван Чжэнтин — выпускник Йельского университета. Он произвел на консула приятное впечатление своим безупречным английским. Но то, с чем он пришел, озадачило Грина. Ван Чжэнтин спросил консула, что тот думает по поводу перспектив признания его правительства державами, добавив: «Мне хотелось бы видеть Соединенные Штаты первыми в этом отношении».

Ван Чжэнтин
(1882–1961)

Грин ответил, что в этом вопросе нужно исходить из реальных фактов, а они таковы: лидеры революционного движения в различных провинциях страны ставят перед собой различные цели и действуют независимо друг от друга, а единое революционное правительство еще не создано. Поэтому пока державам некого признавать, и поэтому данный вопрос ими вообще еще не рассматривается.

Ван Чжэнтин признал справедливость этих слов, однако заметил, что в Учане ведется подготовка к формированию всекитайского правительства. Представители Хунани, Цзянси и Аньхуя уже прибыли с этой целью в Учан, а Юньнань и Гуйчжоу уведомили учанское правительство телеграммами, что оно вправе представлять их интересы, поскольку при-

¹ Утида — Идзюин, 26 декабря 1911 г. // Там же. С. 326.

бытие делегатов задерживается. В Учане полагают, что недели через две туда придут делегаты остальных южных провинций, за исключением, возможно, Сычуани, потому что сейчас там еще продолжаются военные действия. Так или иначе, заключил Ван Чжэнтин, все южные провинции в конечном итоге объединятся.

Когда Грин спросил Ван Чжэнтина, кто же возглавит будущее всекитайское правительство, тот не задумываясь ответил, что Сунь Ятсен. Неслучайно в газете, издаваемой революционерами в Учане, почти

Copy for Department

RECEIVED JAN 8 1912

AMERICAN CONSULAR SERVICE,
Hankow, China, November 22, 1911.

CONSULAR BUREAU
RECEIVED

Subject: The Revolutionary Organization,
and Overtures for Recognition.

Honorable W. J. Galhoun,
American Envoy Extraordinary
and Minister Plenipotentiary,
Peking.

Sir:

Referring to my telegram of the 19th instant, I have the honor to report that on the 18th idem, I was called upon by a Mr. Chengting F. Wang (程正王), who is said to be vice president of the Wuhan revolutionary board of foreign affairs. He was introduced to me by one of the American missionaries in this city, from whom I learned that Mr. Wang was a graduate of Yale University and had until recently been a secretary of the Young Men's Christian Association at Shanghai.

Mr. Wang asked me what I thought were the prospects for a recognition of the revolutionists as belligerents, and for a recognition later of their republican organization as the government of China, adding that they hoped that the United States would be the first power to grant such

DEC 5 1911
Peking, 2562

INDEXED
893.00/694

FILED
JAN 11 1912

Первая страница доклада Р. Грина
в Госдепартамент от 22 ноября 1911 г.

ежедневно публикуются прокламации, в которых д-ра Суня называют «Президентом военного правительства Китайской Республики».

Два других возможных кандидата на этот пост — генерал Ли Юаньхун и Хуан Син, отвечающий ныне за ход военных операций в Хубэе. Но Ван Чжэнтин убежден в том, что ни один из них не может составить сколько-нибудь серьезную конкуренцию Сунь Ятсену.

Это заявление было воспринято Грином скептически: перед встречей с Ван Чжэнтином корреспондент одной из газет сообщил ему, что, по словам Ли Юаньхуна, Сунь Ятсен не имеет никакого отношения к революционному правительству в Учане.

Общий вывод Грина: условия для рассмотрения вопроса о признании еще не созрели. Не только на Юге еще нет пользующегося всеобщей поддержкой правительства, но значительная часть провинции Хубэй по-прежнему в руках Пекина. Более того, правительственные войска угрожают Ханьяну и обстреливают Учан, а его падение может радикально изменить существующую ситуацию не в пользу республиканцев.¹

Миссионер, по рекомендации которого Грин принял Ван Чжэнтина, поинтересовался, может ли он временно предоставить гостю из Учана свою квартиру и помочь ему (по его просьбе) в выработке текста конституции.

По мнению консула, в этом не было ничего противозаконного, однако он все же не рекомендовал бы иностранным гражданам оказывать содействие одной из сторон в то время, пока конфликт еще не завершен:

Я категорически не советовал миссионеру приглашать г-на Вана в свой дом и рекомендовал ему свести их контакты к минимуму. <...>

Я уверен, что иностранцы, утверждающие, что они работают на благо мира, а на самом деле пытаются склонить [признанное державами] правительство к безоговорочной капитуляции, оставляя всё республиканцам, совершают большую ошибку.

Если в стране вдруг вспыхнет агитация, направленная против иностранцев, и возникнут беспорядки, такие иностранные граждане, которые выражали свои симпатии революционерам и способствовали им в свержении существующего правительства насильственными методами, будут также нести свою долю моральной ответственности за случившееся.²

¹ Грин — Кэлхуну, 22 ноября 1911 г. // USDS. 893.00/894.

² Там же.

Ехать в Китай или задержаться на Западе?

Прочтя в газете о том, что в Китае началось антиманьчжурское восстание, Сунь Ятсен задумался. Как ему следовало поступить — немедленно вернуться домой, чтобы принять на себя руководство, или же остаться за рубежом, чтобы решить извечную проблему нехватки средств и заодно попытаться убедить правительства Америки и Европы в необходимости поддержать революцию в Китае?

В конце концов он решил, что второй план предпочтительней. Его поездка по Соединенным Штатам продолжалась.

В поисках американских спонсоров

Сунь Ятсен остановился в одном из лучших отелей Денвера.

NAME	ADDRESS	AMOUNT	TOTAL
S. H. Mills	114	3.00	
Mr. Marion Cook	1 Rochester St.	1.00	
W. H. Lloyd	Legends Bldg.	5.00	
John F. McKinnon	2nd	3.33	
W. H. McKinnon	1st	3.33	
Geo. J. Quinn	Super. Mass.	1.00	
W. H. McKinnon	Chicago	2.00	
A. Howell	Blackland B.	3.19	
John Coughlin	1st	3.19	
John T. Warrick	Meerjohn	1.36	
Charles Mc Campbell	Kenneth St.	1.00	
E. J. Jones	St. Louis	1.00	
W. H. McKinnon	San Francisco	2.34	
W. H. McKinnon	1st	3.33	

Его визит оживленно комментировался местной прессой. Газеты сообщали об этом под броскими заголовками: «Будущий правитель Китая — в Денвере! За его голову маньчжурские власти обещают 100 тыс. таэлей!»

Разочаровавшись в возможности заинтересовать заокеанских толстосумов своими обещаниями предоставить им привилегии в Китае, Сунь Ятсен возлагал теперь все свои надежды на апелляцию непосредственно к правительственным кругам Штатов.

«The Kansas Times» сообщает о прибытии Сунь Ятсена

Сообщениями о приезде Сунь Ятсена
пестрели все местные газеты

Д-р Сунь прежде всего рассчитывал заручиться поддержкой руководителя внешней политики этой страны, государственного секретаря Ф. Нокса.

18 октября 1911 г. он написал письмо Ноксу:

Во время своего предыдущего пребывания в Вашингтоне я хотел нанести Вам визит, но это мне не удалось сделать. Теперь я решился написать Вам и просить секретной аудиенции. Если Вы не откажете мне в этой просьбе, я буду премного благодарен Вам.¹

Нокс не удостоил Сунь Ятсена своим вниманием, и хочешь — не хочешь, он был вынужден примириться с этим. Оставалось попытать счастья в туманном Альбионе, тем более что там

Ф. Нокс (1853–1921)

¹ Сунь Ятсен — Ноксу, 18 октября 1911 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 167.

в это время находился «генерал» Гомер Ли, постоянно указывавший на свои связи с британскими политиками.

31 октября Сунь Ятсен писал в Лондон Гомеру Ли:

Декларация Ли Юаньхуна¹ вызывает недоумение. Быть может, внезапный успех породил далеко идущие планы. Но он не обладает талантами полководца и долго не продержится. Ситуация на местах весьма благоприятная. Всеобщее желание — чтобы я руководил [революцией]. Если я получу финансовую поддержку, то, безусловно, смогу держать ход событий под контролем. До моего возвращения создать сильное правительство не удастся.²

На следующий день тому же адресату:

Генерал Хуан [Син] прибыл в Ханькоу. Ситуация улучшилась. По всей видимости, завтра [отплываю в Англию] на «Мавритании».³

Перед отъездом из Штатов Сунь Ятсен дал интервью корреспонденту гонконгской газеты, в котором изложил принципы внешней политики правительства, которое он собирался возглавить после возвращения в Китай:

1. Все международные договоры, заключенные маньчжурским правительством до момента восстания нашей армии, остаются в силе до тех пор, когда это правительство будет свергнуто.
2. Все займы, полученные маньчжурским правительством до начала восстания, признаются действительными, и изменений в отношении их не будет. В дальнейшем они будут возвращены, гарантией чему являются таможенные доходы.
3. Сохраняются все селтльменты иностранных держав, полученные ими от маньчжурского правительства до момента восстания.
4. Гарантируется защита всех иностранцев и их имущества в Китае.
5. Соглашения, селтльменты и займы, заключенные маньчжурским правительством после начала восстания, не признаются.
6. Если державы будут оказывать помощь маньчжурскому правительству в военных действиях против нашей армии, они будут рассматриваться как наши враги.
7. Если державы будут снабжать маньчжурское правительство военным снаряжением, оно подлежит конфискации.⁴

¹ Сунь Ятсен имел в виду декларацию о создании Военного правительства провинции Хубэй.

² Сунь Ятсен — Гомеру Ли, 31 октября 1911 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 168.

³ Сунь Ятсен — Гомеру Ли, 1 ноября 1911 г. // Там же.

⁴ Обращение к державам // ПССОГ. Т. 1. С. 545.

Попытки договориться в Лондоне не дали результата

11 ноября 1911 г. Сунь Ятсен прибыл в Лондон и поселился в том же отеле, где жил Гомер Ли.

14 ноября Ли встретился с министром иностранных дел Англии Э.Грэм и передал ему письмо за подписью Сунь Ятсена. Ответ Грэя был краток: в вопросе о китайской революции Британия будет соблюдать нейтралитет.

16 ноября Сунь Ятсен послал письмо в редакцию газеты «Миньлибао» для передачи Уханьскому правительству:

Прибыв из Америки в Европу, я имел секретные встречи с видными государственными лицами. Есть твердая договоренность о нейтралитете [держав].¹

Это было всё же лучше, чем ничего. Хуже дело обстояло с получением денег на нужды революции.

Э.Грэй
(1862–1933)

The present position of the Revolutionary movement in China is resemble to a forest of dry woods; it needs only one spark of fire to set the whole mass into flame. This spark is the £ 500,000 which I asked for.
Thirdly As regards the leaders' financial standing, I may say that now no one is of great means, although some of them were. But all are men of ability equal to any of their kind in the world.
With many compliments
Very truly yours
Sun Yat Sen

Страница из письма Сунь Ятсена, в котором он писал о сухом лесе и искре стоимостью 500 тысяч фунтов

¹ Сунь Ятсен — Уханьскому правительству, 16 ноября 1911 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 168.

В одном из писем в это время Сунь Ятсен писал, что современное положение дел в Китае представлялось ему высохшим на корню лесом и достаточно искры для того, чтобы он вспыхнул. Такой искрой, по мнению Сунь Ятсена, могли стать 500 тыс. фунтов стерлингов.

Но вопрос заключался в том, что эти 500 тысяч взять было негде.

21 ноября Сунь Ятсен прибыл в Париж.

То же самое — в Париже

О том, чем был занят Сунь Ятсен во время трехдневного пребывания в Париже, можно судить главным образом по документам, сохранившимся в архиве МИД Франции. В то же время как в мемуарах самого Сунь Ятсена, так и в некоторых авторитетных изданиях, освещающих его жизнь и деятельность, можно, к нашему сожалению, обнаружить серьезные неточности.

В 1918 г. Сунь Ятсен вспоминал:

В Париже я встречался с официальными лицами и теми, кто не состоял в правительстве. Все они отнеслись ко мне в высшей степени сочувственно, в особенности нынешний премьер-министр Клемансо.¹

Ж. Клемансо
(1841–1929)

Сунь Ятсен называет Клемансо «нынешним премьер-министром» (现任首相). Академик Тихвинский, приводя эти слова, пишет: «В Париже Сунь Ятсен, как он сообщал в своей “Автобиографии”, был тепло принят новым премьер-министром Клемансо и представителями правительственных и общественных кругов»². Но в 1911 г. Клемансо не был премьер-министром. Будучи вынужден уйти в 1909 г. в отставку, он занялся журналистской деятельностью и издавал газету «L’Homme Libre». Не исключено, что поэтому формулировка Г. В. Ефимова была более обтекаемой: «Сунь Ятсен с удовлетворением вспоминал о своем пребывании во Франции, где он встретился с рядом государственных

¹ 孙中山选集 (Избранные сочинения Сунь Ятсена). Т. 1. Пекин. 1981. С. 211.

² Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. М. 1964. С. 134–135.

и общественных деятелей, в том числе с Клемансо».¹ Однако китайский историк Чжан Чжэнькунь, специально изучавший этот вопрос, не нашел во французских архивах документов, подтверждающих, что Сунь Ятсен действительно встречался с Клемансо.²

Что касается других представителей правительственных кругов, то в «Биографической хронике Сунь Ятсена» утверждается, будто бы 21 ноября 1911 г. он «встречался с министром иностранных дел С. Пишоном», а 23 ноября «посетил французский парламент и в беседе с депутатами потребовал от правительства Франции признать Китайскую Республику».³

Чжан Чжэнькунь совместно с французским историком Марианной Бастид, автором исследования «Французская дипломатия и революция 1911 г.»⁴, установил, что, во-первых, в 1911 г. Сунь Ятсен не встречался с министром иностранных дел Франции; во-вторых, Пишон не был в это время министром иностранных дел Франции; в-третьих, встреча Сунь Ятсена с французскими парламентариями носила частный характер.⁵

Этим можно объяснить тот факт, что во французском издании мемуаров Сунь Ятсена переводчик опустил упоминание о том, что д-р Сунь встречался в Париже с «представителями правительственных кругов».⁶

Сегодня можно считать бесспорно установленным, что Сунь Ятсен установил тогда контакт со столичной прессой: помимо интервью, данного корреспонденту газеты «Le Journal», он обсуждал проблемы китайской революции в редакции «Le Courrier Européen».

Но, пожалуй, наибольшие надежды Сунь Ятсен возлагал на свою беседу с управляющим «Индокитайского банка» С. Симоном. Она состоялась 23 ноября.

Симон доложил в министерство иностранных дел, какие проблемы обсуждал с ним Сунь Ятсен.

¹ Ефимов Г. В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен. 1911–1913. М. 1974. С. 206.

² 张振鹄. 辛亥革命时期的孙中山与法国 (Чжан Чжэнькунь. Сунь Ятсен и Франция во время Синхайской революции) // http://jds.cass.cn/ztyj/mgzszs/201605/t20160506_3324239.shtml

³ 孙中山年谱 (Биографическая хроника Сунь Ятсена). Пекин. 1980. С. 127–128.

⁴ Bastid M. La diplomatie française et la révolution chinoise de 1911 // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1969. Т. XVI. № 4-6. Р. 221–245.

⁵ Чжан Чжэнькунь. Сунь Ятсен и Франция во время Синхайской революции // http://jds.cass.cn/ztyj/mgzszs/201605/t20160506_3324239.shtml.

⁶ Souvenires d'un révolutionnaire Chinois. Paris. 1933. Р. 223.

Ассигнация, выпущенная «Индокитайским банком»

Во-первых, гость поинтересовался, может ли банк «немедленно» или «в ближайшем будущем» предоставить заём временному правительству Китая, которое будет вскоре образовано. Симон ответил на этот вопрос отрицательно, но заявил, что после того, как правительство будет создано и признано державами, они смогут оказать ему материальную поддержку.

Во-вторых, д-р Сунь пояснил, что этот заём он предполагает использовать для выплаты контрибуции, навязанной Китаю в связи с боксерским восстанием.

В-третьих, Симону был задан вопрос о том, согласен ли он и согласится ли его правительство, чтобы гарантией погашения полученного займа служил не тариф на ввозимые товары, как это имеет место сейчас, а другие источники. Он ответил, что считает это абсолютно невозможным.

В-четвертых, Сунь Ятсен попросил собеседника передать французскому правительству его просьбу воздействовать на Россию и воспрепятствовать ее сближению с Японией. Симон ответил, что это чисто политическая проблема и поэтому она находится вне его компетенции.

С. Д. Сазонов
(1860–1927)

В-пятых, Сунь Ятсен выразил опасение, не станет ли создание международного консорциума четырех стран угрозой для интересов Китая, и услышал в ответ, что его сомнения на этот счет не имеют под собой основания.¹

Во время пребывания в Париже Сунь Ятсен предпринял попытку встретиться с находившимся в это время во Франции российским министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, но безуспешно.²

В целом поездка Сунь Ятсена по США и странам Европы, на которую он возлагал столь большие надежды, не дала практических результатов. Он не получил ни щедрых даяний от иностранных спонсоров, ни обещаний государственных деятелей поддержать китайских революционеров в их борьбе с маньчжурской династией.

24 ноября д-р Сунь сел в Марселе на корабль, чтобы вернуться в Китай.

Возвращение в родные пенаты

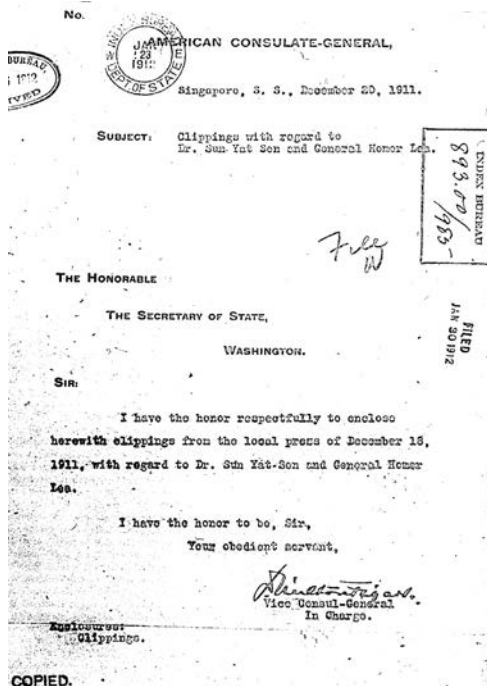
Домой Сунь Ятсен возвращался не один. В Марселе к нему присоединился его сын Сунь Кэ, представившийся прессе как секретарь своего отца, Гомер Ли с супругой и большая группа японцев.

Китай уже совсем близко

14 декабря Сунь Ятсен и сопровождавшие его лица добрались до Пенанга. Там он категорически отказывался отвечать на вопросы журналистов, объясняя это тем, что давно не был в Китае и плохо знаком с обстановкой в стране. Вместо него главным источником информации был для газетчиков «генерал» Ли, заявлявший, что он назначен начальником Генерального штаба при Сунь Ятсене.

¹ Archives des Affaires étrangères. Chine. N.S. 204. P. 107–101 (приводится здесь по: Чжан Чжэнькунь. Сунь Ятсен и Франция во время Синьхайской революции) // http://jds.cass.cn/ztyj/mgzzs/201605/t20160506_3324239.shtml.

² У Сянсян. Биография Сунь Ятсена. Т. 2. С. 989.

SUN YAT SEN.

ARRIVES IN THE STRAITS.

Penang, Dec 14.

Doctor Sun Yat Sen, General Homer Lea and Mistress Lea are on board the Devanha en route for Shanghai.

Dr Homer Lea directs the military side of the revolutionist work and has already been engaged in a military capacity in North China.

A large crowd of Chinese witnessed Sun Yat Sen's landing, but no persons were allowed to converse with him and he was closely guarded.

[General Homer Lea was formerly in the American army and has written on the decay of China from a military point of view. In the course of his writing he says: "To such a low plane of self-defence did the Chinese fall in the fourth and fifth cycles of decadence that we find the vast empire conquered by these desert tribes. And it is in relation to these two periods of national disintegration, during which China became a subject nation, that the present cycle must be considered, since conditions are basically the same. In these periods of decadence, during which occurred the destruction of the Sung Dynasty and the establishment of the Mongol Dynasty of Yuen, and later the dissolution of the Ming Dynasty and the enforcement of Manchu sovereignty, China had but to protect herself from the squat horseman that screamed along her northern frontiers. To day, in a period of national depression and decay that is in no degree removed from the defencelessness of the fourth and fifth cycles of disintegration; this race has now for the first time to face enemies, not alone on her northern borders, but also upon the east and south and west, nations whose morality of conquest is no different, no better than was that of the Mongol and Manchu tribes who made her ten thousand fields a barren tenure.]

Сингапурская газета
о прибытии Сунь Ятсена
в Пенанг

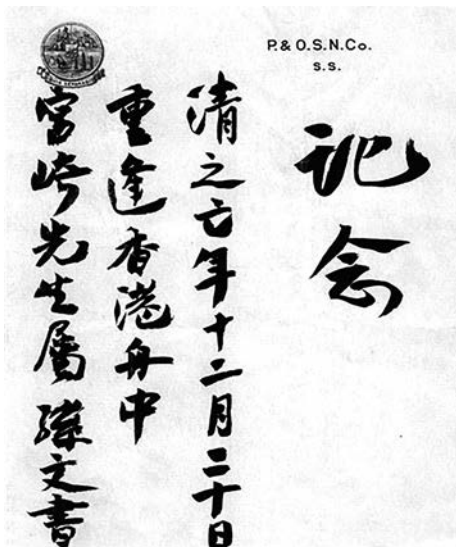
Вике-консул США в Сингапуре поспешил информировать Госдепартамент обо всем, что о Сунь Ятсене сообщалось в газетах

18 декабря Сунь Ятсен прибыл в Сингапур. Накануне его прибытия там упорно циркулировали слухи о том, что агенты пекинского правительства готовили на него покушение и его сторонники приняли меры для обеспечения безопасности своего лидера.

20 декабря на горизонте показался Гонконг. На рейде к судну, на котором находились прибывшие, пришвартовались два катера с большой группой встречавших. Среди них были Ху Ханьминь, Ляо Чжункай, Чэнь Шаобай, а также Миядзаки Торадзо и Ямада Дзюнсабуро.

Выражая свою полную уверенность в грядущем успехе, Сунь Ятсен подарил Миядзаки карточку с надписью:

На память о встрече на корабле в Гонконге 20 декабря того года, когда пала маньчжурская династия.

В своем докладе Госсекретарю генконсул США в Гонконге писал:

Появление здесь д-ра Суня, организатора революции в Китае, которой он отдал 25 лет своей жизни, по праву может быть охарактеризовано как начало нового этапа революционного движения в стране. <...> Революционная партия Южного Китая находилась ранее и находится сейчас в руках д-ра Суня. <...> Он пользуется таким же авторитетом в районе Янцзы и в тех частях Севера, которые охвачены революцией. <...> Представляется,

The Chinese Revolt.

RUMOURED PLOT TO MURDER DR. SUN YAT SEN.

Activity Among Local Women.

There is a story current among the Chinese in Singapore that is sensational but not beyond the bounds of possibility. It is said that some agents of the Imperial Chinese Government had made actual preparations for the assassination of Dr. Sun Yat Sen as he was passing through Singapore last Friday. The story is circumstantial to the extent that a Chinaman had been paid \$500 down by a firm of local goldsmiths, with a promise of a further \$200,000 if he succeeded in killing the arch-reformer. Whatever its truth, the story reached the ears of Dr. Sun's friends before he arrived and his prospective movements were not made known until the Devanha arrived here. Up till that moment only a limited circle of people knew that Dr. Sun would spend the night at the house of Mr. Tan Boo Liat. The force of detectives allotted to the work of guarding the house and the person of Dr. Sun were given very strict instructions and happily their precautions were successful.

A correspondent writes informing us of a remarkably vigorous movement that is afoot among the enlightened Chinese women in Singapore, who are doing a great deal in the matter of subscribing towards the funds for the relief of the women and children rendered destitute by the ravages of the war in China. Several large sums have already been remitted by these women, one draft for \$20,000 alone having been sent on the 15th inst. The movement has been largely inspired and organised by Madame Low Chwee Wah, the wife of a rich Cantonese contractor who came down from Canton a few weeks ago on this mission. The vice-president and treasurer of the organisation is Madame Leo Ah Kiew. There are three lady auditors, Mesdames Wong Hai Yee, Loh Meng Siong and Liang Him Pak; and a band of about sixty collectors. A meeting was held in the Ning Yung Hway Kwan, a Cantonese school in South Bridge Road, and Madame Loh Chwee Wah explained, to a large gathering of intelligent Chinese ladies, the necessities of the situation. Subscriptions ranging from \$300 down to \$1 were freely given and even jewellery was donated in lieu of cash.

In furtherance of the general activity in raising funds, it is stated that the members of a very well-known and old established Chinese Club in Singapore are raising a company of amateur actors to perform to the public. The proceeds of these performances will be placed to the credit of the funds.

Газетное сообщение
о готовившемся
покушении на Сунь Ятсена

На память о встрече после долгой разлуки

что основная мысль д-ра Суня заключается в том, чтобы добиться мира, а затем создать постоянное правительство на принципах, приемлемых для народа и соответствующих традициям. Подразумевается, что компромисса с маньчжурами не будет; надежда возлагается на поддержку со стороны США и Великобритании.¹

«Генерал» Ли отвечает на вопросы

И вот, наконец, долгожданный Шанхай. В особняке американского миллионера С. Хардуна Сунь Ятсену была устроена торжественная встреча, на которой лидера приветствовали видные деятели «Объединенного союза».

Отбоя от журналистов не было. Их в равной мере интересовали как сам д-р Сунь, так и следовавший за ним Гомер Ли.

28 декабря шанхайская «China Press» напечатала интервью с этим колоритным индивидуумом, охотно отвечавшим на одни вопросы и игнорировавшим другие.

С. Хардун (1851–1931)

¹ Генеральный консул в Гонконге — Госсекретарю США, 22 декабря 1911 г. // USDS. 893.00/ 1016.

Вопрос: Как давно Вы связаны с революционным движением в Китае?

Ответ: Около двенадцати лет.

Вопрос: Какова Ваша официальная должность?

Ответ: Я начальник Генерального штаба.

Вопрос: А что будет входить в Ваши обязанности?

Ответ: Всё, чем полагается заниматься начальнику Генерального штаба.

Вопрос: В таком случае Вы будете руководить всеми военными операциями революционной армии, включая планируемые генералом Ли Юаньхуном?

Ответ: Нет, я не буду вмешиваться в дела генерала Ли Юаньхуна. В сущности, функции начальника Генштаба — передача приказов президента.

Вопрос: Вы полагаете, что д-р Сунь Ятсен будет президентом Китайской Республики?

Ответ: Безусловно. Во время пребывания в Лондоне мы получили телеграмму от делегатов 14 провинций с приглашением прибыть сюда и вступить в должность президента. Тогда мы не собирались выезжать немедленно, но тотчас отправились в Китай, хотя у нас было много дел, связанных с предотвращением интервенции. Сейчас опасность миновала. По поводу интервенции здесь было много ненужных разговоров, а проблема эта уже давно была решена. Сейчас угрозы более нет.

Homer Liu

Вопрос: Обсуждали ли Вы эту проблему с сэром Эдвардом Грэм и другими европейскими дипломатами?

Ответ: Разумеется.

Вопрос: В таком случае Вы выполняли дипломатическую миссию по поручению революционной партии?

Ответ: Нет. Все они — мои личные друзья — навещали меня, когда я был в Лондоне. Навещал меня и сэр Робертс.¹ Все они читали мою книгу, которая, между прочим, была переведена на японский язык и в течение месяца была раскуплена, а потом выдержала 24 издания тиражом 80 000 экземпляров.

Вопрос: Были ли Вы удивлены тем, что революция вспыхнула именно в это время?

Ответ: Да. Она должна была начаться через 6 месяцев.

¹ Чарльз Робертс (1860–1943) — известный канадский поэт.

“GEN.” HOMER LEA SAYS HE IS CHIEF OF STAFF

He Will Not, He Declares, Interfere With Gen. Li Yuan Hung's Operations

STOPPED INTERVENTION

“American and British Generals Are Coming to Aid Revolutionary Party”

Mr. Homer Lea, who says he is Chief of Staff of the revolutionary Army under Dr. Sun, at Sen as the President of the Chinese Republic talked very freely to a reporter for the CHINA PRESS yesterday afternoon, about his connection with the revolutionary movement.

Mr. Lea, who is generally known as “General” Lea is the author of “The Valor of Ignorance,” a book which attracted some attention be-

cause it discussed the probability of a Japanese invasion of America. The book was discussed very seriously in Europe where it was erroneously assumed that Mr. Lea had some connection with the United States Army.

His interview with a CHINA PRESS reporter yesterday consisted chiefly of questions and answers, Mr. Lea readily answering every question that was put to him.

“How long have you been connected with the revolutionary movement in China?” he was asked.

“For about twelve years.”

“What is your official capacity?”

“I am Chief of the General Staff.”

“What will be your duties in that capacity?”

“The usual duties of a chief of staff.”

“Then you will direct all the military operations of the Revolutionary Army, including those of General Li Yuan Hung?” was suggested.

“No, I don't expect to interfere with General Li's operations. Of course a chief of staff is simply the means of transmitting orders from the president to the army.”

Интервью с «генералом» Ли

(шанхайская газета «China Press» от 28 декабря 1911 г.)

Вопрос: Каким образом Вы смогли стать начальником Генерального штаба революционной армии, будучи гражданином США?

Ответ: Это дело было улажено. В помощь нам приезжает целая группа американских генералов.

Вопрос: Очень странно, что американским генералам разрешено приехать в Китай, чтобы принимать участие в боях...

Ответ: В таком случае я думаю, что Вы будете удивлены, узнав, что на помощь нам придут и английские генералы!

Вопрос: А когда они придут?

Ответ: Я не имею права разглашать эти секретные данные, но они скоро будут здесь.

Вопрос: Встречались ли Вы здесь с лидерами революционной партии?

Ответ: Да, со всеми.

Вопрос: И с У Тинфаном тоже?¹

Ответ: Нет, с У Тинфаном я не встречался. Я собирался навестить его сегодня во второй половине дня, но был занят.

Вопрос: А кто были те лидеры, с которыми Вы встречались?

¹ У Тинфан был в это время министром иностранных дел Шанхайского военного правительства.

Гомер Ли незадолго до кончины

четыре отсюда. Но мы прибыли в Усун на 8 часов раньше условленного времени, и несколько тысяч человек никак не могли найти нас. А потом из усунского форта прозвучал салют из 21 орудия.

Вопрос: В чем заключается значение этого салюта?

Ответ: Это был президентский салют в честь д-ра Сунь Ятсена.

Вопрос: А где Вы получили Ваше генеральское звание?

Ответ: 11 лет тому назад я командовал четырьмя дивизиями, сформированными мною для спасения императора Гуансюя.

Вопрос: Где была создана эта армия?

Ответ: Главным образом на Юге. Командирами в ней были американские офицеры. А позднее я был командующим китайскими войсками в Соединенных Штатах.

Вопрос: А как Вы связаны с американской армией?

Ответ: Мои книги по военному искусству используются на экзаменах в Вест-Пойнте и Аннаполисе.

Вопрос: Ваши официальные связи с армией?

Ответ: Никаких официальных связей. Это ошибочные слухи.¹

Несколько забегаая вперед, скажем, что мнимому начальнику Генерального штаба революционной армии так и не довелось применить в Китае свои познания в области военного искусства.

Ответ: Не помню. У меня очень плохая память на имена.

Вопрос: А кто те японцы, которые приехали сюда вместе с Вами и д-ром Сунь Ятсеном?

Ответ: Не знаю. В Гонконге нас встречали около 75 китайцев и японцев. Среди них были японские корреспонденты, которые прибыли, чтобы взять у меня интервью, а другие японцы встречали д-ра Суня. Было там и несколько китайцев, но большинство сопровождавших нас были японцами. Я не могу вспомнить их имена, кроме м-ра Икэ, который перевел мою книгу на японский.

Вопрос: Были ли Вы и д-р Сунь удовлетворены встречей, устроенной Вам в китайских портах?

Ответ: Безусловно. Встречать нас из Кантона были посланы два корабля и еще

¹ "General" Homer Lea Says He Is Chief of Staff // China Press, December 28, 1911.

15 февраля 1912 г. его разбил приступ паралича. Усилия врачей были тщетны, и вскоре после этого он вместе со своей супругой был вынужден вернуться в Соединенные Штаты.

11 ноября 1912 г. он скончался в своем доме в Калифорнии.

Наконец долгожданное интервью дает и Сунь Ятсен

Корреспонденту «China Press» повезло. 28 декабря 1912 г. Сунь Ятсен согласился встретиться с ним.

По прибытии в Шанхай д-р Сунь Ятсен был очень занят, и хотя вчера полудни он отказал в приеме многим визитерам, его штаб-квартира на авеню Поль Бруна, 408 была переполнена. На улице стояло множество экипажей и рикш, а в приемной негде яблоку было упасть. Его японскому секретарю понадобилось несколько страниц в книге, где он регистрировал посетителей.

Д-р Сунь Ятсен сказал, что у него нет заявления для прессы, но что такое появится через несколько дней. Он согласился выслушать вопросы корреспондента «China Press», но на многие не дал иного ответа, кроме улыбки.

Вопрос: Кто те японцы, которые сопровождают Вас здесь?

Ответ: Я не помню их имен. Их знает мой секретарь г-н Икэ.

Вопрос: Все они военные?

Ответ: Не все.

Вопрос: Не думаете ли Вы, что Ваше прибытие сюда в сопровождении стольких японцев потребует комментариев и разъяснений?

Ответ: Нет. Меня также сопровождают американцы и англичане. Мой секретарь — японец.

Вопрос: Имеют ли Ваши японские компаньоны какое-либо отношение к революционному движению?

Ответ: Что Вы имеете в виду?

Вопрос: Примут ли они какое-то участие в формировании республиканского правительства?

Ответ: Не могу сказать. Но Япония весьма дружелюбно относится к нашему делу.

Вопрос: Есть ли у Вас контакты с японским правительством?

Ответ: У нас есть контакты со всеми правительствами. Мы собираемся формировать новое правительство и надеемся иметь дружественные отношения со всеми странами.

Вопрос: Являетесь ли Вы кандидатом на пост президента Китайской Республики?

Ответ: Я не могу ответить на этот вопрос.

Вопрос: М-р Гомер Ли сообщил мне, что Вы прибыли сюда по приглашению 14 провинций, чтобы стать президентом.

Ответ: Если м-р Ли сообщил Вам это, мне нечего добавить.

Вопрос: Везете ли Вы с собой деньги, предназначенные для революционеров?

Ответ *(в ответ на этот вопрос д-р Сунь рассмеялся так же, как он воспринял большинство из заданных ему вопросов):*
А почему Вы спрашиваете об этом?

Вопрос: Существует мнение, что вопрос о том, кто одержит победу, зависит от сумм, которыми располагает каждая из борющихся сторон.

Ответ: Революционерам не нужны деньги. Они полагаются на свой энтузиазм. Я привез с собой не деньги, а революционный дух.

Вопрос: Есть ли среди революционеров инакомыслящие?

Ответ: Инакомыслящие? В китайском языке нет такого слова! Среди нас нет инакомыслящих. Инакомыслие может быть на страницах «China Press», но не в наших рядах. Генерал Ли Юаньхун прислал сюда 10 своих представителей, чтобы приветствовать меня, и многие провинции поступили так же. Среди нас нет инакомыслящих!¹

Замечание журналиста:

Д-р Сунь — человек небольшого роста, загорелый и общительный. Во время своего интервью для «China Press» он то и дело смеялся, особенно когда речь заходила о предположении, что в рядах революционеров есть инакомыслящие. Он производит впечатление умного политика и хорошего публициста, но никак не опытного практического деятеля.²

Во время интервью д-р Сунь то и дело смеялся

¹ “Japan Is Very Friendly To Our Cause” — Dr. Sun Yat Sen // China Press, December 28, 1911.

² Ibid. Отметим, что в «Дополнениях к полному собранию сочинений Сунь Ятсена» утверждается, что это интервью было дано «25 или 26 декабря».

26 декабря на квартире у Сунь Ятсена состоялось совещание руководителей «Союза», на котором обсуждался вопрос о том, каков должен быть статус будущего революционного правительства.

Сун Цзяожэнь выступил за кабинет министров во главе с премьером, ответственный перед парламентом. Сунь Ятсен был против и настаивал на том, что возглавлять правительство должен президент. Большинство выступавших поддержало Сунь Ятсена:

Кроме Вас нет никого, кто мог бы решить этот вопрос. Мы уважаем Вас и будем действовать так, как Вы говорите!¹

¹ 吴相湘. 孙逸仙先生传 (У Сянсян. Биография Сунь Ятсена). Т. 2. Тайбэй. 1982. С. 996.

Глава VI

Время идти на компромиссы

Президент, но с двумя существенными оговорками

Е. А. Белов писал:

25 декабря 1911 г. из эмиграции на родину вернулся вождь китайской революции Сунь Ятсен. Он был восторженно встречен в Китае. Даже весьма умеренные делегаты нанкинской конференции, учитывая популярность Сунь Ятсена, поддержали его кандидатуру на пост временного президента республики.¹

В действительности дело обстояло не совсем так, а точнее — совсем не так.

Юань Шикай? Сунь Ятсен?

Сразу же после того, как стало известно, что Юань Шикай назначен наместником провинций Хунань, Хубэй и Гуандун, в революционном лагере возникла неординарная стратегическая идея — привлечь Юань Шикая на свою сторону, гарантировав ему пост президента республики.

24 октября 1911 г. редактор газеты «Даханьбао» Ху Шиань опубликовал свое письмо Юань Шикаю.

В письме, в частности, говорилось:

В газетах сообщают, что Вы приняли от маньчжурских варваров назначение на должность хубэйского наместника. Нет слов, чтобы выразить удивление на сей счет. О, Боже! Разве Вы не китаец?

¹ Белов Е.А. Революция 1911–1913 годов в Китае. М., 1958. С. 45.

Призывая Юань Шикая перейти на сторону революции, автор письма восклицал:

Китайский Вашингтон! Мы надеемся на Вас!¹

Первая страница газеты «Даханьбао» от 24 октября 1911 г.

Примерно в то же самое время член «Объединенного союза» Чжу Фухуан (позднее он стал личным секретарем Сунь Ятсена) был послан с секретной миссией в Аньян, где в это время находился Юань Шикай. Он должен был встретиться с Юань Шикаем и убедить его перейти на сторону восставших, чтобы затем возглавить республику.²

Один из руководителей «Объединенного союза» Ван Цзинвэй, усыновленный Юань Шикаем, также убеждал своего названного отца порвать с цинским

Чжу Фухуан
(1877–1955)

¹ 胡石庵. 湖北革命實見記 (Ху Шиань. Записки участника революции в Хубэе) // 辛亥革命在湖北史料選輯 (Избранные документы о Синхайской революции в Хубэе). Ухань. 1981. С. 40.

² 辛亥南北議和與朱芾煌 (1911 г.: переговоры Севера с Югом и Чжу Фухуан) // <http://www.doc88.com/p-0304522211404.html>.

двором: «В Китае впредь будет республика, и учредить ее можете только Вы, так что только Вы можете стать ее президентом».¹

28 октября 1911 г. идея избрать Юань Шикая президентом, если он перейдет в лагерь революции, была изложена в статье, опубликованной в издававшейся «Объединенным союзом» газете «Миньлибао».

2 ноября «Шэньчжоубао» опубликовала три обращения зарубежных китайцев, проживавших в Лондоне и Чикаго, а также студентов, обучавшихся в Японии, единодушно утверждавших, что «Юань Шикай достоин стать президентом».

4 ноября в той же газете были напечатаны две статьи, посвященные Юань Шикаю. В них только что вступившего в должность наместника называли «китайским Вашингтоном».

Еще до этого послание примерно такого же содержания написал Юань Шикаю глава военного правительства провинции Хубэй Ли Юаньхун, официально пообещавший ему кресло первого президента Китайской Республики.²

9 ноября 1911 г. английский чиновник Э. Сагден докладывал начальнику таможенного управления Ф. Эглену:

Согласно сообщению Ли Юаньхуна, он обратился по телеграфу к главам провинций и семеро из их числа уже выразили согласие учредить республику и выдвинуть Юань Шикая на пост президента.³

Одновременно с этим японский консул в Ханькоу сообщал в МИД, что, по имеющимся у него сведениям, пять руководителей революционных войск намерены обратиться к Юань Шикаю с предложением стать президентом республики.⁴

В тот же день, 9 ноября, Хуан Син написал Юань Шикаю письмо, пообещав ему, что на будущих выборах президента его как китайского

Ван Цзинвэй (1883–1944)

¹ 黃興集 (Собрание сочинений Хуан Сина). Пекин. 2011. С. 94.

² 張國淦。孫中山與袁世凱的鬥爭 (Чжан Гогань. Борьба Сунь Ятсена с Юань Шикаем) // 近代史史料 (Документы новой истории Китая). Пекин. 1955. С. 4.

³ 帝國主義與中國海關 (Империализм и китайская таможня). Вып. 13. Шанхай. 1964. С. 26.

⁴ 近代史資料 (Материалы по новейшей истории Китая). 1961. № 1. С. 563.

Наполеона и Вашингтона поддержат не только провинции Хунань и Хубэй, но и все население Севера и Юга.¹

Во время переговоров, которые во второй половине ноября вели в Ухане Лю Чэнъянь и Цай Тингань, Ли Юаньхун неоднократно подчеркивал, что Юань Шикаю гарантирована победа на грядущих президентских выборах.²

Вопрос о том, что Юань Шикай должен стать президентом республики, был согласован в результате встреч Ляо Юйчуня с Гу Чжуншэнем, хотя в тексте соглашения имя Юань Шикая не упоминалось.³

16 декабря в «Миньлибао» было опубликовано «Обращение к Тан Шаою», в котором было еще раз зафиксировано обещание Юань Шикаю.

23 декабря, после начала официальных переговоров Севера и Юга, Ли Юаньхун и У Тинфан подтвердили газете «Далубао», что если Юань Шикай даст свое согласие на учреждение республики, он будет избран ее президентом.

Среди революционеров были и те, кто не соглашался с решением гарантировать Юань Шикаю президентское кресло. Более того, кое-кто из них даже готовил теракт с целью его физического устранения. К числу последних принадлежала, в частности, известная террористка Чжэн Юйсю. Свой план она пыталась осуществить 1 января 1912 г., но покушение завершилось неудачей, а она сама была ранена.

Чжэн Юйсю
(1891–1959)

Однако это были одиночки, составлявшие в лагере революции ничтожное меньшинство.

Подавляющее большинство последовательно выступало за избрание Юань Шикая президентом. Мнение этого большинства выразил тогда Хуан Син:

Юань Шикай сможет удержать в руках обстановку в целом, обеспечить координацию действий армии и народа, немедленно свергнуть маньчжурское правительство, ускорить стабилизацию ситуации и при-

¹ Собрание сочинений Хуан Сина. С. 81–82.

² 辛亥革命 (Синьхайская революция). Т. 8. Шанхай. 1957. С. 66.

³ 李書城. 辛亥前後黃克強先生的革命活動 (Ли Шуцэн. Революционная деятельность Хуан Сина до и после 1911 г.) // 回憶辛亥革命 (Воспоминания о Синьхайской революции). Пекин. 1981. С. 156.

знание республики иностранцами. А именно этого хотят все люди в нашей стране.¹

Его поддержали представители провинций, голосовавшие за соответствующие решения конференций в Ханькоу (7 декабря 1911 г.) и Нанкине (12 декабря 1911 г.).

Возникает вопрос: если курс на избрание Юань Шикая президентом был решен окончательно и однозначно, почему временным президентом Китайской Республики в конце концов оказался Сунь Ятсен?

Е. А. Белов, как мы видели, в свое время ответил на этот вопрос, утверждая, что причиной тому была популярность Сунь Ятсена, так что даже весьма умеренные делегаты нанкинской конференции поддерживали его кандидатуру на пост временного президента республики. Однако факты говорят об ином.

Руководители революционного лагеря, не имевшие никаких источников пополнения своей казны, испытывали катастрофическую нужду в средствах, а возвращение Сунь Ятсена в родные пенаты было овеяно упорными слухами об огромных суммах денег, которые он привез с собой. По мнению многих, избрание д-ра Суня президентом республики хотя бы частично могло решить проблему, однако это означало бы, что в условиях, когда маньчжурское правительство еще не было свергнуто, Юань Шикай счел бы себя обманутым и – как знать! — мог отказаться от поддержки революции.

Выход найден

Выход из этого казавшегося безвыходным положения был все же найден: Сунь Ятсену предложили стать временным президентом, более того — не на весь срок вплоть до выборов постоянного президента, а лишь до момента отречения императора, после чего prerogatives временного главы республики должны были перейти, как и было обещано, к Юань Шикаю.

Единственное затруднение заключалось в том, что как раз в это время на переговорах Севера и Юга стороны уже пришли к соглашению о том, что решение о форме государственного устройства Китая должна принять созываемая специально для этого Национальная ассамблея. Были согласованы

¹ Хуан Син — Ван Цзинвэю, 9 декабря 1911 г. // Собрание сочинений Хуан Сина. С. 94.

нормы представительства от всех провинций и даже предложена дата начала её работы — 8 января 1912 г.

Тем не менее собравшиеся в Нанкине представители 17 провинций приняли 29 декабря 1911 г. резолюцию, отвергавшую созыв Национальной ассамблеи, и проголосовали за незамедлительное избрание временного президента.

На выборах баллотировались три кандидата: Сунь Ятсен, Ли Юаньхун и Хуан Син.

Сунь Ятсен получил 16 голосов, став таким образом первым президентом Китайской Республики; Ли Юаньхун был избран вице-президентом.

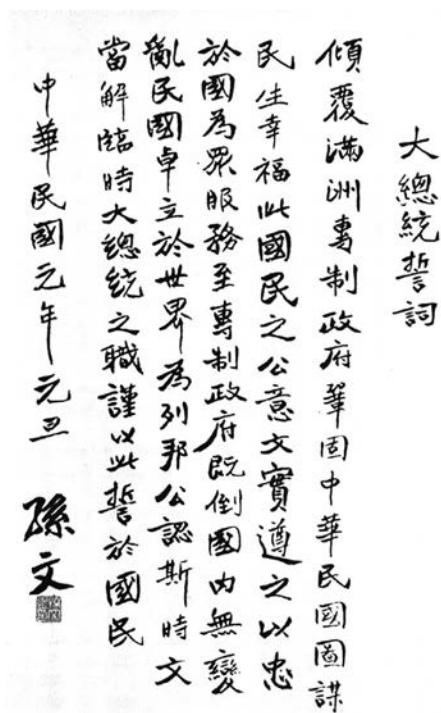
В тот же день Сунь Ятсен послал ничего не подозревавшему Юань Шикаю телеграмму, в которой сообщал о случившемся и подтверждал, что готов передать ему свое президентское кресло.¹

1 января 1912 г. состоялась церемония инаугурации, во время которой Сунь Ятсен произнес клятву и заверил граждан республики:

Когда самодержавное правительство будет низвергнуто, в стране воцарится порядок, Республика займет подобающее ей место в мире и будет признана державами, я покину пост [временного президента].

Бюллетень на выборах Временного президента Китайской Республики

Текст клятвы Временного президента Китайской Республики

¹ Сунь Ятсен — Юань Шикаю, 29 декабря 1911 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 172.

Для Юань Шикая факт избрания президента не Национальной ассамблеей, как было договорено, а представителями нескольких провинций, был полной неожиданностью, и он выразил на сей счет свое изумление.

Сунь Ятсену пришлось писать ему еще раз и разъяснять возникшее «недоразумение».¹

Поскольку выборы президента были проведены вопреки решению, принятому на переговорах Севера и Юга в Шанхае, представитель Севера Тан Шаои 1 января 1912 г. подал в отставку. На следующий день Юань Шикай объявил, что отставка Тан Шаои принята.²

Для Юань Шикая, приложившего немало сил к тому, чтобы уговорить двор согласиться на созыв Национальной ассамблеи, избрание Сунь Ятсена было шоком

Сунь Ятсен не против этого варианта

Сунь Ятсен вернулся в Китай с твердой уверенностью в том, что будет избран первым президентом Китайской Республики без каких бы то ни было оговорок. Предложенный ему вариант был для него неожиданно. Когда декабря во время встречи с представителями провинций во главе с Ма Цзюнью выяснилось, что ему хотят предложить пост временного президента, Сунь Ятсен был неприятно поражен и воскликнул: «Президент — это президент, зачем же добавлять к нему слово “временный”?»»

Почему же Сунь Ятсен всё-таки согласился стать не полноправным, пусть и временным, президентом на весь полагающийся ему срок, а лишь халифом на час? Его собственные высказывания относительно его намерений были весьма противоречивы.

В письме Гомеру Ли от 31 октября 1911 г. он писал:

Все [в Китае] хотят, чтобы я принял на себя руководство [революцией]. Если я получу финансовую поддержку, я, безусловно, смогу

¹ Сунь Ятсен — Юань Шикаю, 4 января 1912 г. // Там же. С. 174.

² Идзюин — Утида, 2 января 1912 г. // Избранные документы внешней политики Японии. Синьхайская революция. С. 337.

контролировать ситуацию. До моего прибытия [в Китай] создать сильное правительство невозможно.¹

Однако 16 ноября Сунь Ятсен направил телеграмму Военному правительству в Ухане, в которой поддержал идею избрания Юань Шикая президентом.²

Столь же загадочно Сунь Ятсен высказывался в разговоре с Кэнтли. Он утверждал, что вовсе не домогается поста президента, но в то же время сказал: «Вы еще обо мне услышите!».³

Ответ на вопрос, каковы же были истинные планы Сунь Ятсена, он сформулировал Ху Ханьминю в Гонконге 21 декабря 1911 г.:

Говорят, что Юань Шикаю нельзя верить. Это действительно так. Но я использую его для того, чтобы свергнуть аристократическое маньчжурское самодержавие, [правлящее Китаем] более 260 лет. Это лучше, чем посылать [на север] стотысячную армию. Если же Юань Шикай, беря пример с маньчжуров, будет

The Straits Times. SATURDAY, JANUARY 6.

THE CHINESE PROBLEM.

There appears to be some danger of the peace negotiations at Shanghai coming to an abrupt and futile close. Tang Shiao-Yi has resigned, apparently under order from Peking, because he showed too much readiness to fall in with the demands of the republicans; but on the other hand we have news that the imperial family is seriously thinking of a move to the north. It cannot be so soon, therefore, that the discovery of Tang is an indication of increased confidence among the imperialists that they can defend the capital and restore the authority of the throne in the middle and southern regions. But we should like to know what Yuan Shih-kai is doing. He must have changed greatly in recent years if he has become a man who is content to sit idle when a revolution is in progress for any other reason than that he wishes the revolution to succeed without his active participation. If the election of Dr. Sun Yat-sen as President of the Republic of China was more than a solemn farce, there is a quite irremediable difference between the publicly expressed views of the revolutionists and of the strongest man among the officials in China. Yuan Shih-kai waxes the throne to serve as a link of unity, and the revolutionaries desire to see it absolutely and finally overthrown. That is a sufficiently big difference to fight about, and the Prime Minister must intend to fight or else to throw up the contest absolutely when he has covered the retreat of the Royal family. It is difficult to penetrate the purposes of an Oriental diplomatist, but we should say that the recall of the imperial troops from Hankow and some other places indicates a strategic movement on quite sound lines. It was impossible to reassert imperial authority through any of the comparatively small contingents which were operating a long way from the capital, and there was always the danger that to save themselves they might throw in their lot with the rebels. By drawing the whole of the imperial force to the vicinity of the capital, Yuan gets them under his personal influence, and is able to form the best field army China has ever possessed. We should say that, if he means to fight, he is preparing strong positions, on ground chosen by himself, on the roads by which the rebels must advance upon the capital, and that his plan is to wait quietly for their arrival and fall upon them with fresh, disciplined troops when, worn by their long exhausting, and perhaps demoralising march, they reach the battle grounds he has selected. A great general would be likely to adopt that plan. Behind his army he would accumulate ammunition, stores and transport, so that, if the advancing host shattered itself against the defenses he had prepared, he could take

up a mercenary, harrowing pursuit without delay and ensure nothing going back to the rebel provinces but the cowed remnants of a ruined rebellion. The policy of waiting may be perfectly sound if it is carried out on these lines, and the rebels, we have no doubt, are shrewd enough to know that the biggest part of their task lies in front of them, and that they cannot shoot victory until they have captured Peking.

That strange little man who calls himself General Hsien Loo may possess the genius of Napoleon. He is not a trained soldier, and, as far as we can ascertain, has never led any sort of an army, though he appears to have given some study to military literature. Whether he can make plans which will ensure the success of great masses of undisciplined patriots against Yuan Shih-kai's picked troops is a point upon which we can express no opinion. His promise with a high sounding title savours of comic opera, yet he went to China as the friend of Dr. Sun Yat-sen, who is no inexperienced dreamer, but a man who has seen much of the world, and pondered for years upon the risks and hopes of such a task as that with which the rebels are now face to face. If sheer weight of numbers can prevail the rebels will emerge as conquerors. There can be no possible doubt about their earnestness or about the pure nationalism of the movement in which they are engaged. The whole Chinese race is deeply stirred and doggedly resolved to carry through its purpose. Occasionally we have heard it said that the Chinese cannot fight. A thousand trained European troops can meet twenty thousand Chinese without great anxiety. That is just as true as that two or three hundred British soldiers can dispatch thousands of British rebels, and for the same reason. Discipline is the art of war, and the Chinese have never learned it in a military sense. In their fights with Japan, with Russia, and with Britain, their methods have been those of centuries ago, and generally they were more reluctant soldiers, absolutely indifferent to the result. When they are animated by patriotism they will be different men, but still there is that question whether an undisciplined mob, even with good arms at its disposal, can stand successfully against professional soldiers. In a few words we shall have our questions answered, or else the flood of answers will have passed away. Yuan Shih-kai may not make a stand; the court may retire to Manchou stronghold, the Republic may be formally declared at Peking. It is strange in the extreme that this great movement in the greatest nation on earth goes on, as it were, behind a veil which we cannot penetrate, and in a way we cannot understand. That is part of the mystery of China. All the world is watching eagerly but the world's counsel is not asked for nor is its help invoked. China means to work out her own destiny in her own way, and we shall not comprehend that way until it is revealed in definite results.

Газета «The Straits Times» о проблемах, стоявших перед руководимым Сунь Ятсеном республиканским правительством

¹ 呂芳上。荷瑪李檔案簡述 (Льюй Фаншан. Краткий обзор архива Гомера Ли) // Источники и историография деятельности Сунь Ятсена (研究中山先生的史料与史学)。Тайбэй. 1975. С. 432.

² ПССОГ. Т. 4. С. 169.

³ Cantlie N. and G. Seaver. Sir James Cantlie: A Romance in Medicine. P. 106–110.

творить недобрые дела, нетрудно будет разделаться с ним, поскольку его база уже не та.¹

Сунь Ятсен хотел использовать Юань Шикая в качестве орудия для свержения маньчжурской монархии, так как понимал, что в противном случае эта задача была невыполнима, но с самого начала имел в виду последующее низложение мавра, сделавшего свое дело. Прерогативы временного президента, пусть даже в их усеченном варианте, давали ему шанс подготовиться к решающей битве, которую он позднее назвал «второй революцией».

Для этого д-ру Суню было необходимо решить две задачи.

Во-первых, получить за границей деньги, достаточные для оснащения антиюаньшикаевской армии; во-вторых, найти предлог для начала военных действий, который мог бы убедить общественность в справедливости этой акции.

Сразу же после инаугурации Сунь Ятсен приступил к делу.

**Временный президент Китайской Республики
направляется в свой рабочий кабинет**

¹ Запись этого разговора была опубликована в сингапурской газете «The Straits Times». Она была обнаружена тайваньским историком У Сянсяном во время его визита в Сингапур в 1962 г. (У Сянсян. Биография Сунь Ятсена (吴相湘. 孙逸仙先生传). Т. 2. Тайбэй. 1982. С. 993.)

Временное правительство: однопартийное или коалиционное?

Согласие Сунь Ятсена быть избранным временным президентом, да к тому же с существенным ограничением срока полномочий, было с его стороны вынужденным компромиссом. Но это была не единственная уступка, а лишь первая в довольно длинном ряду.

Следующая за ней была связана с формированием Временного правительства Китайской Республики.

В отношении ветеранов Учана Сунь Ятсен непреклонен

В связи с составлением списка кандидатов на посты министров в окружении Сунь Ятсена разгорелись жаркие споры. По свидетельству Цзюй Чжэна, Сун Цзяожэнь настаивал на том, чтобы все они без исключения были бы членами «Объединенного союза». Хуан Син в принципе считал такой подход вполне справедливым, однако признавал, что в обстановке, сложившейся в конце 1911 г., создание однопартийного кабинета вызвало бы резко отрицательную реакцию в стране.¹

Другими словами говоря, в правительство должны быть введены представители трех других общественных сил: военных, руководивших восстаниями на местах; сторонников конституционной монархии, уже вошедших в состав провинциальных правительств; бывших цинских чиновников, перешедших в ходе революции на сторону восставших.

Сунь Ятсен был вынужден принять эти соображения Хуан Сина, но с одним исключением. Он был категорически против включения в состав Временного правительства руководителей антиманьчжурских восстаний в провинциях. Для этого у него были определенные основания.

Всё дело в том, что авторитет Сунь Ятсена среди участников восстаний 1911 г. был весьма невысок. Достаточно сослаться на слова Цай Тинганя, сказанные им в разговоре с Дж. Моррисоном:

Находясь в Учане, он спросил о том, какое участие в нынешней революции принимал Сунь Ятсен. Ему сказали, что Сунь Ятсен в восстании, являвшемся чисто военной акцией, не участвовал.

¹ 居正。辛亥札记 (Цзюй Чжэн. Заметки о Синьхайской революции) // 居正先生全集 (Полное собрание сочинений Цзюй Чжэна). Т. 1. Тайбэй. 1998. С. 79.

Революционеры, с которыми он встречался, неуважительно отзывались о человеке, бывшем не более чем барабанщиком революции, не принимавшим в ней фактического участия и всегда оказывающемся в стороне, чтобы спасти собственную шкуру.¹

Простить учанцам столь нелестную оценку Сунь Ятсен не мог и полностью игнорировал их при составлении списка будущих министров и их заместителей.

Соратники Сунь Ятсена указывали ему на то, что позиция, занятая им в отношении ветеранов Синьхайской революции, неизбежно подольет масла в огонь взаимной неприязни. Но д-р Сунь был в этом отношении непримирим.

Герой Учанского восстания Сунь У приехал в Нанкин рассчитывая получить пост заместителя военного министра, но тщетно.² После этого член Хубэйского военного правительства Сунь Фасюй заявил: «Нанкинское правительство не признает уроженцев Хубэя, а среди них много заслуженных и талантливых деятелей. Придется действовать самостоятельно, вопреки [Нанкину]».³

Сунь У (1879–1939)

Действовать самостоятельно участники Учанского восстания начали 16 января 1912 г., когда Сунь У, Сунь Фасюй и Жао Ханьсян объявили о создании «Народного общества» («Миньшэ») и начали издавать оппозиционную Нанкину газету «Миньшэн жибао». Среди основателей «Общества» был также бывший член «Объединенного союза» Лю Чэньюй. В противовес программе «Объединенного союза» руководство «Народного общества» выдвинуло в качестве целей своей деятельности «углубление знаний народа, исправление морали народа, накопление сил народа».⁴

¹ Ibid. P. 666.

² 李守孔. 民初之国会 (Ли Шоукун. Парламент в первые годы Республики). Тайбэй. 1977. С. 45.

³ 李西屏. 武昌首义记事 (Ли Сипин. Записки об Учанском восстании) // 辛亥首义回忆录 (Воспоминания о восстании в год Синьхай). Т. 4. Ухань. 1981. С. 83.

⁴ 曾业英、徐辉琪. 民初政党概述 (Цзэн Еин, Сюй Хуйци. Очерк политических партий начала Республики) // Гуйчжоу шэхуй кэсюэ. 1982. № 3. С. 65.

Единственным учанцем в составе Временного правительства оказался Ли Юаньхун, занявший чисто номинальную должность вице-президента и реальной властью не обладавший. Ли Юаньхун это прекрасно понимал и потому отказался переезжать в Нанкин и по-прежнему остался у себя в Ухани.

Кончилось тем, что целый ряд ветеранов Синьхайской революции (и в их числе такой известный военный деятель, как Ли Сехэ) перешли на сторону Юань Шикая и впоследствии стали активными сторонниками реставрации монархии.

Президент и вице-президент
Республики

Иначе дело обстояло с «бывшими»

Это может показаться парадоксом, но гораздо более благосклонным Сунь Ятсен был в отношении тех маньчжурских чиновников, которые в силу различных обстоятельств оказались попутчиками революции.

Свое мнение по поводу того, почему это могло произойти, Хуан Син высказал А. Н. Вознесенскому, в послеоктябрьские годы ставшему «одним из столпов Наркоминдела», а в 1912 г. занимавшему пост секретаря русского консульства в Ханькоу:

А. Н. Вознесенский
(1881–1937)

С момента торжества революции в среду республиканцев, т. е. в настоящий состав правительства, армии и администрации, вошли элементы по природе своей чуждые и даже враждебные духу нового строя. <...>

Когда по общему настроению в стране стало видно, что старому режиму пришел конец — это было около конца ноября прошлого года — и что никакие победы горсти маньчжурских солдат не остановят естественного хода вещей, тогда один за другим крупнейшие сановники

империи стали переходить на сторону республики. Началось повальное предательство своего правительства.

Большинство подобных сановников, по большей части одной ногой стоящих уже в гробу, руководствовалось, как я думаю, только одним соображением: не потерять своего доходного места.

Одни, более апатичные, рассчитывали как-нибудь приладиться к новому режиму и продолжать свою прежнюю деятельность, стерева на своем ямыне слово «дацинский»; другие, более энергичные и честолюбивые, надеялись, полагаясь на свой государственный опыт, в недалеком будущем обратить новое течение в старое русло.

Ведь понятно, что лишенная административного опыта молодежь не могла пренебречь людьми государственного ума, хотя бы и старого режима; ведь понятно, что в армии должны были остаться специалисты, хотя бы служившие ранее маньчжурам; ведь понятно, что в дипломатии нужны люди, известные в Европе, хотя бы их деятельность была связана с дацинским двором.

Как бы ни была основательна ломка строя, мы не могли обойтись — скажем, временно — без опытных чиновников старого режима. Так и я понимал их значение, никогда и ни малейшим образом не доверяя их приверженности новому строю.¹

Разумеется, не все цинские сановники, перешедшие в лагерь революции, руководствовались стремлением не потерять своего доходного места. Среди них были разные люди, движимые различными мотивами.

Были такие, кто поддержал революцию из идейных соображений и был готов честно и бескорыстно служить новой власти. Один из наиболее ярких примеров такого рода — видный дипломат и юрист У Тинфан.

Еще в 1903–1906 гг. он разработал проект модернизации традиционной судебной системы и уголовного кодекса Китая, предусматривавший отмену жестоких методов смертной казни и применение пыток в ходе судебного разбирательства.

В 1909 г. был посланником Китая в США, Мексике и на Кубе. Вскоре после начала Учанского восстания У Тинфан написал обращение к маньчжурскому двору, призывая его к отречению импера-

Ван Чунхуй
(1881–1958)

¹ Отчет секретаря консульства в Ханькоу А. Вознесенского о беседе с Хуан Сином // Синьхайская революция. М. 1962. С. 251.

тора. Как уже говорилось, У Тинфан был представителем революционного лагеря на переговорах Севера и Юга.

Учитывая международный авторитет У Тинфана, Сунь Ятсен решает включить его в состав своего кабинета, и большинство в окружении вождя считало, что его место — в кресле министра иностранных дел. Но Сунь Ятсен был против, потому что утверждал, что внешнюю политику он будет курировать сам.

В итоге министром иностранных дел стал молодой и еще неопытный Ван Чунхуй, тогда как У Тинфан был назначен министром юстиции, что вызвало недоумение прочих руководителей «Объединенного союза».

По-разному сложилась судьба двух других крупных цинских чиновников — Сунь Баоци и Чэн Дэцюаня.

Сунь Баоци
(1867–1931)

Сунь Баоци был губернатором провинции Шаньдун. Когда эта провинция объявила о своей независимости от Пекина, он остался на своей должности, однако затем объявил об отмене решения о противостоянии династии и тем скомпрометировал себя и в состав Временного правительства не попал. Своего звездного часа ему пришлось ждать целый год: вскоре после прихода к власти Юань Шикая он стал министром иностранных дел Пекинского правительства.

Бывший коллега Сунь Баоци, губернатор провинции Цзянсу Чэн Дэцюань после перемены власти также остался на своем посту, но в отличие от него не проявлял колебаний в своей приверженности новым порядкам. Это обстоятельство было по достоинству оценено в Нанкине, и Чэн Дэцюань был назначен министром внутренних дел.

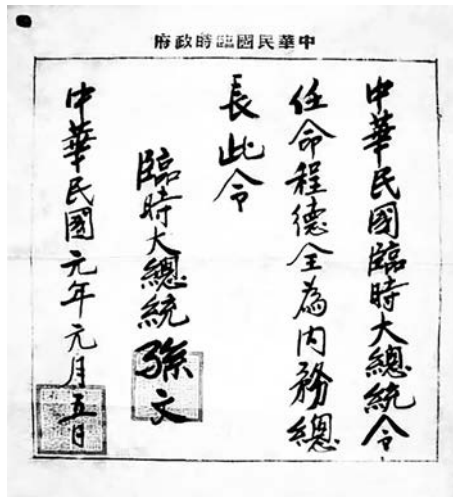
Но он вовсе не домогался этой почетной должности, более того, воспринял свое новое назначение без должного энтузиазма и, получая министерское жалование, в столицу не перебрался, а, ссылаясь на старческие болезни, продолжал наслаждаться красотами Сучжоу.

Чэн Дэцюань
(1860–1930)

Между прочим о болезнях Чэн Дэцюаня в упоминавшемся выше разговоре с А. Н. Вознесенским говорил Хуан Син:

Лишь только отставка моя была принята, я телеграфировал дуду Чэн Дэцюаню в Сучжоу о принятии им моей должности. Он ответил, что нездоров и что не может оставить Сучжоу <...> А Вы знаете, что имя Чэн Дэцюаня в Сучжоу популярно и его отъезд мог быть истолкован превратно. Что же касается болезни Чэна, то она хроническая. Он всегда будет болен. Так я ему и ответил, прося по крайней мере принять временно заведывание гражданскими делами, дав мне возможность заняться последние дни военными.¹

Указ Временного президента Китайской Республики о назначении
Чэн Дэцюаня на должность министра внутренних дел

Кабинет заместителей министра

Когда в окружении Сунь Ятсена зашел спор о том, допустимо ли назначение на пост членов правительства «чуждых элементов», Хуан Син, настаивавший на неизбежности этого шага, добавил: «Так ведь есть еще заместители министров! Реальные полномочия будут в их руках, а министры будут занимать свои должности лишь номинально».

¹ Отчет секретаря консульства в Ханькоу А. Вознесенского о беседе с Хуан Сином // Синьхайская революция. М. 1962. С. 251.

Сунь Ятсен считал эту мысль прекрасным выходом из затруднительного положения. В результате первоначальный список членов правительства был пересмотрен, и «чужие» министры получили себе в помощники надежных ветеранов «Объединенного союза».

26 декабря 1911 г. Сунь Ятсен обсуждает в Шанхае состав будущего правительства

3 января 1912 г. собрание представителей провинций утвердило окончательный список министров Временного правительства Китайской Республики:

- военный министр — Хуан Син, его заместитель — Цзян Цзобинь;
- министр военно-морского флота — Хуан Чжунъин, его заместитель — Тан Сянмин;
- министр внутренних дел — Чэн Дэцюань, его заместитель — Цзюй Чжэн;
- министр иностранных дел — Ван Чунхуй, его заместитель — Вэй Чэньцзу;
- министр юстиции — У Тинфан; его заместитель — Люй Чжи;
- министр просвещения — Цай Юаньпэй; его заместитель Цзин Юэюэ;
- министр финансов — Чэнь Цзиньтао; его заместитель — Ван Цзыкуан;

Чжан Цзянь
(1853–1926)

Чэнь Цзиньтао
(1871–1939)

Хуан Чжуньин
(1868–1912)

Сунь Ятсен открыл заседание правительства

- министр путей сообщения — Тан Хуалун, его заместитель — Ю Южэнь;
- министр торговли — Чжан Цзянь.

5 января под председательством Сунь Ятсена состоялось первое заседание Временного правительства.

Исследователи разошлись в своей оценке включения в состав Временного правительства «чуждых элементов». По мнению некоторых историков, это была ошибка Сунь Ятсена. Другие, напротив, считают, что расширение базы правительства было на пользу дела. С нашей точки зрения, это была вынужденная уступка, подобная другим компромиссам, на которые пришлось пойти Сунь Ятсену в январе 1912 г.

Временный президент Сунь Ятсен с членами парламента

Отречение Сюаньтуна и отставка Сунь Ятсена

В январе 1912 г. отречение императора и падение Цинской династии было лишь вопросом времени.

Рассуждая чисто теоретически, временный президент республики должен был использовать все имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы ускорить это событие, знаменовавшее осуществление одной из главных целей революции и ликвидацию двоевластия в стране.

Но на практике всё было иначе.

Император Сюаньтун

Сунь Ятсен не форсирует переговоры

Сунь Ятсен, ожидавший со дня на день получения японских денег, делал всё от него зависящее, чтобы затянуть проходившие в Шанхае мирные переговоры Севера и Юга, чтобы выиграть время для подготовки свержения Юань Шикая с помощью военной силы.

Тем временем ситуация на переговорах изменилась. Тан Шаои подал в отставку с поста представителя Севера, и Юань Шикай принял ее.

У Тинфан информировал Нанкин:

Юань Шикай неожиданно сместил своего делегата, сам общается со мной по телеграфу и намерен отменить договоренности, под которыми уже стоит подпись его полномочного представителя. Я считаю, что мирные переговоры нельзя вести путем обмена телеграммами; тем более нельзя аннулировать уже достигнутые договоренности.

Но Сунь Ятсена это не смутило.

4 января Сунь Ятсен дает указание У Тинфану ежедневно информировать его о ходе переговоров¹.

15 января У Тинфан получает телеграмму Сунь Ятсена:

Если маньчжурский император отречется от престола и будет провозглашена республика, временное правительство не нарушит свое обещание и я официально объявлю о сложении своих полномочий и, учитывая заслуги Юань Шикая, предложу его в качестве первого кандидата [в президенты].²

18 января Сунь Ятсен предупреждает У Тинфана, что не следует спешить с заключением соглашения:

Если договоренность будет достигнута в какие-нибудь два дня, над нами не только будут смеяться иностранцы, но это вызовет возражения южных провинций.

В той же телеграмме Сунь Ятсен сообщает У Тинфану условия соглашения:

- 1) С отречением маньчжурского императора он одновременно лишается всех своих властных полномочий и не должен передавать их своим подчиненным.
- 2) В Пекине не должно создаваться другое временное правительство.
- 3) Получив телеграмму из Пекина об отречении императора, революционное правительство информирует об этом иностранные державы и просит их о признании Китайской Республики.

¹ Сунь Ятсен — У Тинфану, 4 января 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 174.

² Сунь Ятсен — У Тинфану, 15 января 1912 г. // Там же. С. 180.

The President's Telegraph Office.
報來房報府統總

STATION, the Jouri. No. 245

Remark	Transmitted	Lat. out.	Service Remarks
From	To	Lat. in.	
By	By	By	

TELEGRAM Nr. 1594 Class 4 Words 166

Given in at 10:10 AM 10

孫大總統國務院各總長參謀院秘書長
各省都督軍閥北伐軍總司令公鑒
自陰曆十月二十八日廷芳與清內閣
素世凱所派全權代表開議和事所
定者一為湖北山西陝西山東安徽江
蘇奉天各省一律停戰彼此不得進
一為國民會議決議解決國體不得延
定國民會議已定之條款不能更動其
去自與廷芳直接電商並欲取消其全
非可電商已定之條款不能更動其
經提請繼續停戰廷芳通接滬寧
國希皇和平解決之忠告獲得臨時政
府之同意允展期十四日並聲明此
後決不再展期以誤時日通此期內

Телеграмма У Тинфана Сунь Ятсену
от 30 января 1912 г.

清帝有遜位之決議切實商先由
廷以清帝退位後優待清室條件及
優待滿蒙回藏人條件正式通告清內
閣以示民國政府優容之度繼由孫大
總統以參議院之同意通告衆議院
於清帝退位之後憲法替共和之政
見由駐北京外交團通告臨時政府
孫大總統當即辭職由袁世凱副總統
氏力大總統之誠意誠求共和目的完全
達到特允抗意於其間乃清廷少數
軍把持不允抗意於其間乃清廷少數
策劃軍極力反抗意於其間乃清廷少數
動外交已密布布蓋未可於停戰期滿
前相逼云云是則未能在停戰期內和
平解決者皆在清廷非民國政府始料
所不及也自今段君祺瑞聯合各總統
大員四十二人奏請清廷早日宣布共
和以定大局段君現統第一第二軍
武漢前敵廷已屬實武統副總統與之
洽以辭職至一致則武統副總統與之
再有戰事至於陝西湖北徐州等處
軍政已化歸統一以還約費我軍不復
戰索已化歸統一以還約費我軍不復
西方而袁氏派員疏通持山赴外允
再集欠薪進並飭進通灌開之軍不
限已滿者依行決裂則非自裁不可
民國政府外對於友邦內付於國民
均可昭示善意謹將將來大畧情形
陳向新鑒廷芳謹印

4) Сразу же после этого я сообщаю парламенту о своей отставке и публичную сообщение о том, что сложил свои полномочия в соответствии с согласованным ранее сроком.

5) Я прошу парламент избрать Юань Шикая президентом.¹

Однако на следующий день в Шанхай была отправлена еще одна телеграмма:

Прошу срочно сообщить Тан Шаою, что вместо пунктов 3, 4 и 5 во вчерашней телеграмме следует читать: «После признания Китайской Республики державами временный президент слагает с себя полномочия и обращается к парламенту с просьбой избрать президентом республики Юань Шикая».²

Ясно, что это принципиально меняло изложенные ранее условия: предвидеть, когда вслед за отречением императора державы признают

¹ Сунь Ятсен — У Тинфану, 18 января 1912 г. // Там же. С. 182.

² Сунь Ятсен — У Тинфану, 19 января 1912 г. // Там же. С. 183.

Китайскую Республику и признают ли они ее вообще, было невозможно. В Шанхае вновь начались дебаты, еще несколько дней было выиграно.

Тем временем 21 января Сунь Ятсен уполномочил У Тинфана потребовать, чтобы маньчжурское правительство либо заменило своего представителя Тан Шаои другим человеком, либо ускорило обсуждение повестки дня — маневр с целью переложить на Пекин ответственность за затягивание переговоров.¹

Ультиматум Сунь Ятсена

22 января Сунь Ятсен послал У Тинфану телеграмму, содержание которой тот должен был сообщить Юань Шикаю. Китайские газеты назвали эту телеграмму «ультиматумом»:

Из сообщений прессы ясно, что Юань Шикай хочет не только порвать с маньчжурским правительством, но одновременно ликвидировать республиканское правительство и создать в Пекине свое временное правительство.

Каким оно будет — самодержавно-конституционным? Или республиканским? Кто знает! Кто может гарантировать, что это правительство будет республиканским?

Поэтому я в недавней телеграмме заявил о том, что уйду в отставку только после признания республики державами. Это сделано с целью укрепить базу республики, так что моя нынешняя позиция ничуть не противоречит прежней. Если Юань Шикай порвет с маньчжурским правительством и станет гражданином республики, я выполню это свое обещание.

Далее Сунь Ятсен изложил свои прежние условия в новой редакции:

- 1) После отречения императора Юань Шикай немедленно уведомляет об этом аккредитованных в Пекине иностранных послов и сообщает республиканскому правительству, что отречение состоялось (или поручает аккредитованному в Шанхае консулу сообщить об этом).
- 2) Одновременно Юань Шикай выступает с заявлением о своей политической позиции, т. е. о том, что он безоговорочно поддерживает республиканскую форму правления.
- 3) Получив от дипкорпуса или консула сообщение о том, что император отрекся от престола, слагает с себя полномочия временный президент.
- 4) Парламент избирает Юань Шикая временным президентом.

¹ Сунь Ятсен — У Тинфану, 21 января 1912 г. // Там же. С. 186.

- 5) После избрания временным президентом Юань Шикай может вступить в должность только после того, как произнесет клятву соблюдать принятую парламентом конституцию.

Таким образом, Сунь Ятсен еще раз изменил свои условия, потребовав, чтобы об отречении императора ему было сообщено через посредство иностранных дипломатов, хотя было неясно, захотят ли они участвовать в этой процедуре.

И в заключение Сунь Ятсен сформулировал главное:

Если Юань Шикай не выполнит эти требования, т. е. не захочет признать республику и решить проблему мирным путем, то льготы императору и маньчжурской армии не смогут быть осуществлены, военные действия возобновятся, в Поднебесной прольется кровь и будет ясно, кто несет ответственность за это.¹

Суньятсеновский ультиматум вызвал негативную реакцию китайского общественного мнения. Достаточно сослаться на газету «China Press», опубликовавшую статью под названием «Сунь Ятсен, а не маньчжуры срысывает соглашение».

В ней, в частности, говорилось:

Что произойдет в будущем, никто не может предсказать. Действия нанкинского правительства одним ударом разрушили то, что было с трудом достигнуто за несколько недель.²

29 января, спустя три дня после того, как в Нанкине был парафирован текст соглашения с японцами о Ханьепинском комбинате, Сунь Ятсен, уверенный, что теперь финансовая помощь с Востока ему обеспечена, дал телеграмму У Тинфану, в которой говорилось уже не о «заслугах» Юань Шикая, как прежде, а о его «преступлениях» и о том, что «армия и народ всей страны преисполнены решимости уничтожить Юань Шикая».³

Правда, в окружении Сунь Ятсена этот демарш был сочтен преждевременным, и один из соратников президента Фэн Цзыю официально выразил удивление несанкционированными действиями редакций тех газет, которые перепечатали телеграмму от 29 января, о которой в секретариате президента якобы ничего не было известно, и потребовал дать опровержение.⁴

Последующие события подтвердили, что подобная осторожность Фэн Цзыю отнюдь не была излишней.

¹ Сунь Ятсен — У Тинфану, 22 января 1912 г. // Там же. С. 187.

² Sun Yat Sen, not Manchus, Blocks the Settlement // China Press, January 24, 1912.

³ Сунь Ятсен — У Тинфану, 22 января 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 187.

⁴ Фэн Цзыю — в редакции газет, 30 января 1912 г. // Там же.

Политические игры на переговорах в Шанхае шли своим чередом, а в Пекине в это время происходили не менее судьбоносные события.

Свершилось!

Шестилетний Сюаньтун, разумеется, не принимал участия в спорах о судьбе династии, а в среде высшей маньчжурской знати мнения разделились. Некоторые сановники признавали тот неоспоримый факт, что дни династии сочтены; другие выражали намерение стоять до конца.

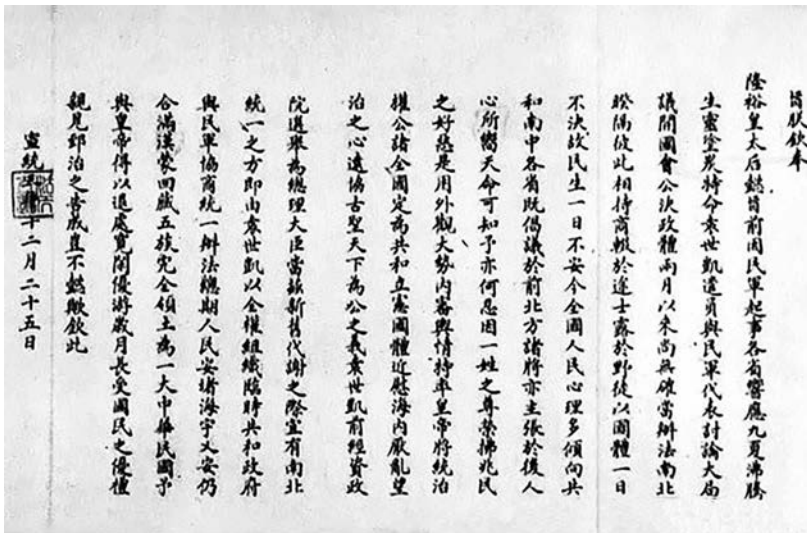
26 января глава «твердолобых» Лян Би был убит членом «Объединенного союза» Пэн Цзячжэном.

На этом споры во дворце прекратились. Стало ясно, что часы пробили полночь.

Через две недели, 12 февраля, в результате окончательного согласования льгот, которые должны были получить члены императорского двора после падения династии, был издан эдикт вдовствующей императрицы Луньцзюй об отречении Сюаньтуна.

Цинская династия прекратила свое существование.

Юань Шикай не замедлил подробно информировать об этом Временное правительство, телеграфируя эту новость в Шанхай и Нанкин.

Эдикт об отречении Сюаньтуна от престола

The President's Telegraph Office.
報 來 房 報 府 統 總

STATION, the Journ. No. 1253

Received.	Retransmitted.	Sent out.	Service Remarks.
from	to	the	12
the H. M. in the H. M. in	the H. M. in the H. M. in	the H. M. in the H. M. in	
by me	by me	by me	

• TELEGRAM Nr. 13,1848 Class 5 Words 381

Given in at 10:16 H. M. 10

往	北	公	遣	隆	統	上
明	曙	決	兵	裕	若	海
國	隔	政	民	皇	部	唐
體	彼	仲	軍	太	總	少
一	此	期	代	后	長	川
日	相	月	表	慈	泰	任
不	持	以	討	自	院	秩
決	商	來	論	前	沈	庸
故	榘	尚	大	因	本	南
民	於	冬	局	民	日	孫
生	遜	確	議	軍	上	大
一	士	舊	開	紀	請	總
日	處	將	國	事	朕	統
不	於	法	會	各	欽	蒞
安	野	南	世	省	奉	臨

Юань Шикай сообщает об отречении Сюаньтуна
(фрагмент)

После этого Юань Шикай приказал срезать его косу — символ преданности маньчжурам. Эту ответственную операцию он поручил своему наперснику Цай Тинганю.¹

14 февраля Сунь Ятсен обратился в парламент с заявлением об отставке:

Я, президент, руководствуясь решимостью моих соотечественников учредить республиканскую форму правления и свергнуть самодержавие. Повсюду в стране были сформированы добровольческие армии. Вся нация рассматривала лишение маньчжурского императора его власти как вопрос исключительной важности, понимая, что в том случае, если трон продолжит свое существование, улучшений [в жизни народа] не произойдет. Поэтому ему было предложено отречься. Ныне издан указ,

¹ Ts'ai T'ing-kan to Morrison/ 16 February, 1912 // The Correspondence of G. E. Morrison, 16. T. 1. P. 737.

«Отныне Юань Шикай будет ходить без косы» (обложка французского журнала «Le Petit Journal»)

провозглашающий отречение императора, согласие на учреждение федеральной формы правления и признание Китайской Республики. Согласно воле всего китайского народа императорская власть отныне и навек прекращает свое существование. Настало время, когда Республика должна быть учреждена надлежащим образом.

Я, президент, был избран для того, чтобы быть слугой народа. Я дал торжественную клятву свергнуть самодержавную власть и принять меры к тому, чтобы твердо установить республиканскую форму правления. Эта клятва имела своей целью гарантировать процветание и счастье народа. Я должен был

уйти в отставку сразу же после того, как самодержавие будет свергнуто, в стране воцарится порядок, а созданная Республика будет признана иностранными державами. Ныне маньчжурский император отрекся от престола, самодержавие перестало существовать, Север и Юг пришли к согласию и беспорядкам положен конец, а мы денно и ночью надеемся на признание Республики державами. Поэтому я, президент, должен в соответствии со своей клятвой уйти в отставку. Я обращаюсь с этим письмом к членам парламента как представителям народа и прошу вас избрать достойного человека, который прибыл бы в Нанкин и вступил в мои права с тем, чтобы я мог покинуть свой офис на следующих условиях:

- 1) местопребыванием Временного правительства должен быть Нанкин, поскольку это было решено представителями народа и не может быть изменено;
- 2) после моей отставки я должен дожидаться избрания парламентом моего преемника и после того, как он лично прибудет в Нанкин, я вместе членами кабинета покину свой пост;
- 3) установления о деятельности Временного правительства будут приняты парламентом, и новый президент должен будет соблюдать их.¹

¹ Letter of Resignation Sent by the Provisional President, Sun Wen, to the Nanking Assembly // USDS 893.00/1227.

В тот же день Сунь Ятсен телеграфировал Юань Шикаю:

Сегодня я и руководители всех министерств подали в парламент заявления об отставке, которые были приняты <...>. Одновременно я высказался в пользу избрания Вас на пост Временного президента. Завтра в 14:00 парламент соберется для проведения выборов.<...>¹

На следующий день Юань Шикай ответил Сунь Ятсену:

Я получил Вашу телеграмму, отдал должное ее содержанию и объят чувствами стыда и страха. У меня нет слов, чтобы выразить мое восхищение Вашей скромностью. Но современных трудностей слишком много, и неисчислимые проблемы требуют внимания к себе. Они не смогут быть решены, если для этого будет по ошибке избран такой человек, как я. Если я, не оценив обстановку, необдуманно займу этот пост, я останусь в долгу как перед тяжелой ответственностью, возложенной на меня народом, так и перед Вашей щедрой рекомендацией. Я искренне надеюсь на то, что парламент изберет кого-то другого, обладающего добродетелями и способностями, и даст мне, Юань Шикаю, возможность провести отведенный мне срок жизни в уединении как простому гражданину Республики. Это удовлетворит все мои амбиции. О том, что недосказано в этом послании, по моей просьбе Вам сообщит Тан Шао.²

15 февраля 1912 г. парламент единогласно избрал Юань Шикая новым Временным президентом Китайской республики. Ли Юаньхун остался на своем посту вице-президента.

Проблема международного признания

Вступая в права президента, Сунь Ятсен объявил, что одна из его задач на этой должности — добиться международного признания Китайской Республики. Поэтому уже в первые дни пребывания на этой должности он вместе с министром иностранных дел Ван Чунхуем предпринимает ряд мер в этом направлении.

Обращение к державам

Что должно предпринять Временное правительство, чтобы способствовать скорейшему признанию республики державами, — этот вопрос

¹ Sun Yat-sen to Plenipotentiary Yuan, February 14, 1912 // USDS 893.00/1228.

² Reply of Plenipotentiary Yuan to Sun Yat-sen, February 15, 1912 // Ibid.

У. Дональд
(1875–1946)

дискутировался на заседании в Министерстве иностранных дел в начале января 1912 г.

Участники обсуждения пришли к выводу, что выдвижение радикальных требований, связанных с аннулированием невыгодных для Китая международных договоров, ранее навязанных ему державами, может воспрепятствовать признанию и потому неприемлемо. Было признано целесообразным отложить решение проблемы неравноправных договоров на неопределенное будущее время, а пока пойти на компромисс и признать эти договоры сохраняющими свою силу, дабы, сделав уступку державам,

добиться от них признания *de jure*.

По указанию Сунь Ятсена министр иностранных дел Ван Чунхуй обратился к известному австралийскому журналисту У. Дональду с просьбой составить в указанном духе текст «Обращения Временного президента к дружественным державам».

Дональд весьма критически относился к Сунь Ятсену и всей его деятельности, но не считал себя вправе отказывать в просьбе и подготовил требуемый документ в лучших традициях английской стилистики. Написанный им текст был подвергнут детальному обсуждению в узком кругу ближайших сподвижников временного президента, после чего Сунь Ятсен поставил под ним свою подпись.

«Адресуя ныне всему человечеству это исполненное стремления к миру и добрых намерений обращение, — говорилось в документе, — Китайская Республика выражает свою глубокую надежду на то, что она сможет стать членом сообщества стран, признанного международным правом, и не только пользоваться ответствующими правами и преимуществами, но и вместе со всеми странами способствовать вечному прогрессу человеческой цивилизации. В наши дни нет задачи более благородной и важной».¹

Основные принципы политики Временного правительства по отношению к правам иностранных держав и их граждан, полученным ими от маньчжурского правительства, были сформулированы в обращении следующим образом:

1. Республика признает сохранившими силу вплоть до истечения их срока все договоры, заключенные маньчжурским правительством

¹ 对外宣言书 (Обращение к иностранным державам), 5 января 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 11.

с иностранными державами до революции. Договоры, заключенные после начала революции, не признаются.

2. Республика признает свои обязательства по внешним займам, заключенным маньчжурским правительством, и не будет изменять их условия. Займы, полученные после выступления Революционной армии, не признаются. <...>
3. Республика также будет уважать все права, полученные от маньчжурского правительства государствами или их отдельными гражданами. Права, полученные после выступления Революционной армии, не признаются.
4. Республика будет уважать и охранять жизнь и собственность иностранных граждан на территории, находящейся под юрисдикцией республиканских властей.¹

5 января текст обращения был разослан во все иностранные миссии и в редакции газет.²

Однако ответа на него так и не последовало. Что же касается реакции газет, издававшихся в Китае на английском языке, то она была явно негативной.

Так, 10 января «Peking Daily News» напечатала отклик на «Обращение», озаглавленный «Республиканское правительство издает манифест. Просит о признании. Манифест не достигает цели»:

Манифест не произвел большого впечатления, поскольку считают, что республиканскому правительству еще предстоит продемонстрировать, что оно обладает теми необходимыми качествами, которые дают ему право на признание в соответствии с обычаем международного права.³

Тем не менее Сунь Ятсен и Ван Чунхуй продолжали действовать.

10 января Сунь Ятсен послал телеграмму министру иностранных дел Франции:

Имею честь уведомить Вас, что г-н Чжан Ишу назначен полномочным представителем Временного правительства Китайской Республики во Франции с целью установления дружественных отношений между двумя братскими республиками и осуществления совместных усилий, направленных на прогресс цивилизации и развитие торговли и промышленности.⁴

¹ Там же. С. 10.

² С. Л. Тихвинский допускает неточность, полагая, что 6 января 1912 г. в газете «North China Daily News» был опубликован английский перевод «Обращения» (Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. С. 139). Текст документа был написан У. Дональдом по-английски.

³ Peking Daily News, January 10, 1912.

⁴ 致法国政府电 (Телеграмма правительству Франции), 11 января 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 16–17.

Ответа на телеграмму не поступило.

17 января Ван Чунхуй обратился к министрам иностранных дел США, Франции и Японии с посланием, в котором, в частности, говорилось:

Республиканское правительство создано. Наилучшим способом способствовать контактам между иностранными государствами и нашей страной и облегчить исполнение ею международных обязанностей является скорейшее признание нашего правительства.¹

19 января Ван Чунхуй вновь призвал правительства США, Франции, Англии и др. стран признать республиканское правительство Китая сразу же после отречения маньчжурского императора, чтобы «избежать беспорядков, которые могут возникнуть во время смены правительства».²

Параллельно Временное правительство принимало меры к тому, чтобы предотвратить на местах какие бы то ни было акции, которые нарушили бы содержавшееся в «Обращении» обещание державам, разъясняя при этом, что в настоящее время «приходится идти на уступки иностранцам».³

10 февраля в Нанкине состоялась встреча Сунь Ятсена с секретарем посольства США Ч. Тэнни, на которой присутствовал журналист Ф. Мак-Кормик. Речь шла о признании Временного правительства Китайской Республики.

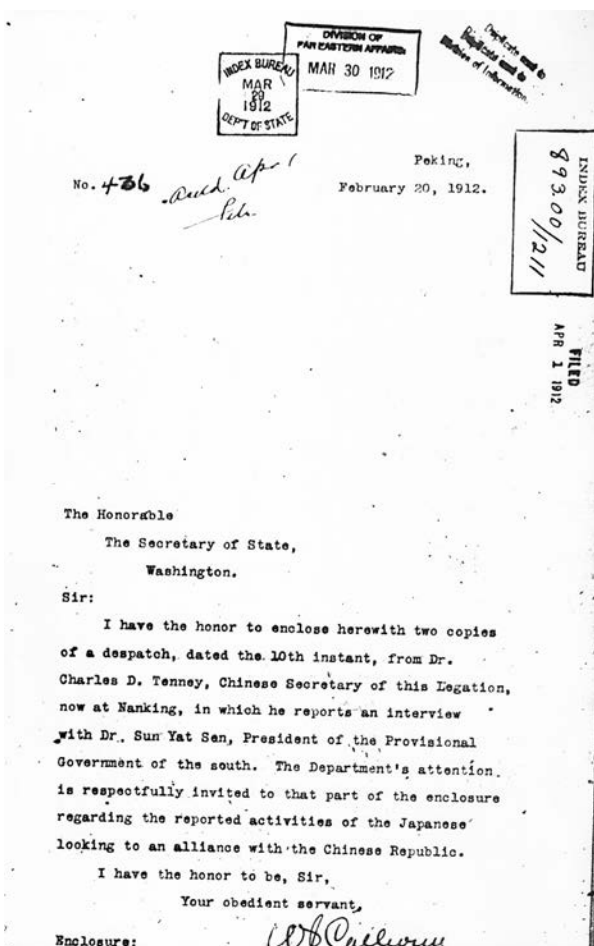
Тэнни заверил Сунь Ятсена в дружеских чувствах, которые питают к Китаю правительство и народ Соединенных Штатов, но дал ему понять, что республиканское правительство может рассчитывать на международное признание лишь после объединения страны, которое должно последовать за отречением Сюаньтуна.

Я спросил д-ра Суня, что он намерен предпринять сразу после отречения, если таковое последует. Он ответил, что столица должна быть немедленно перенесена в Нанкин. Юань Шикай сообщил, что ему трудно найти подходящего человека, которому можно было бы поручить контроль над Пекином, но с этим нет необходимости спешить, поскольку Юань Шикай в случае необходимости может оставаться на

¹ Цит. по: 俞幸焯. 辛亥革命时期中日外交史 (Юй Синтунь. История дипломатических отношений между Китаем и Японией в период Синхайской революции). Тяньцзинь. 2000. С. 102.

² 吴东之. 中国外交史. 中华民国时期1911–1949 (У Дунчжи. История дипломатии Китая. Период Китайской Республики. 1911–1949). Кайфэн. 1994. С. 6.

³ 北洋军阀史料选辑 (Избранные материалы о бэйянских милитаристах). Т. 1. Пекин. 1981. С. 146.

Сопроводительное
письмо посланника
У. Кэлхуна, направившего
доклад Ч. Тэнни
госсекретарю США,
от 10 февраля 1912 г.

Севере в течении двух-трех недель, осуществляя там военный контроль, и прибыть на Юг после принятия необходимых мер по поддержанию порядка на Севере.

Я спросил его, каким образом он предполагает поддерживать международные отношения в то время, когда иностранные посольства остаются в Пекине, а китайское правительство, включая министерство иностранных дел, будет находиться в Нанкине. Он высказал предположение о том, что это в качестве временной меры можно будет делать через консульства <...>

Я заверил его, что Америка не отстанет от других стран и продемонстрирует Китаю свою дружбу, как только китайцы окончательно преодолеют свои внутренние противоречия и Север воссоединится с Югом.¹

Сунь Ятсену стало ясно, что надежд на незамедлительное признание республики державами больше нет. Тем не менее в разговоре с Мак-Кормиком он не мог удержаться, чтобы не посетовать на досадную пассивность своих заокеанских друзей:

Президент Сунь Ятсен <...> заговорил со мной о необходимости признания республики. <...>

«Мы вне закона, — сказал президент. — У нас 360 миллионов населения, и мы владеем пятнадцатью провинциями до самых границ Бирмы. У нас есть правительство, но мы вне закона. Мы не можем продолжать далее таким образом! Народ настаивает. Он не может понять, почему державы не признают нас, он не может понять иностранной политики. Вы знаете, что повсюду в народе есть враждебное чувство к иностранцам. И оно может усилиться. Мы не будем в состоянии сдерживать его, так как ничего не можем ответить китайскому народу, который не дает нам покоя. В самом деле, все выражают нам дружбу, но мы больше всего нуждаемся в официальном признании. Вы должны признать нас!»²

Но это был голос вопиющего в пустыне.

Сурабайский инцидент

Признание *de jure* было делом не только престижа. Непризнанные нанкинские власти были лишены возможности напрямую общаться с правительствами держав, чтобы улаживать возникавшие международные конфликты. Одним из таковых стал т. н. «сурабайский инцидент».

19 февраля китайские иммигранты, проживавшие в г. Сурабая на о-ве Ява, отметили отречение маньчжурского императора выйдя на улицу, вывесив пятицветные флаги и взрывая петарды. Голландские власти сочли это нарушением общественного порядка, восстанавливать который принялась полиция. Три китайца были убиты, многие ранены, более ста арестованы. В знак протеста против применения силы владельцы китайских лавок и харчевен объявили забастовку.

Полиция продолжала наводить порядок, в результате более 400 иммигрантов было брошено за решетку.

¹ Ch. Tenney to W. Calhoun, February 10, 1912 // USDS. 893.00/1211.

² Мак-Кормик Ф. Китайская революция. СПб. 1914. С. 103–104.

Торговые улицы
Сурабаи опустели

Представители пострадавших направили телеграммы Пекинскому и Нанкинскому правительствам, а также шанхайской Ассоциации китайских иммигрантов с требованием защитить их от действий властей.

21 февраля Ван Чунхуй, получив телеграмму из Сурабаи, обратился к только избранному, но еще не приступившему к исполнению своих обязанностей президенту Юань Шикаю, указав на то, что произошедший инцидент нанес ущерб имиджу республики и потому требует немедленной реакции правительства.¹

23 февраля Ван Чунхуй вновь написал Юань Шикаю:

Китайские иммигранты в голландской колонии отмечали важное событие в жизни республики и не совершили ничего противозаконного. Голландские власти вмешались, не имея к тому никаких оснований, что привело к убийствам, ранениям и многочисленным арестам, закрытию газет, нарушению транспорта и прочим жестокостям, которые наносят ущерб китайско-голландской дружбе. Прошу сделать серьезное представление посланнику Голландии.²

Голландские власти ответственность за произошедшее не признали и со своей стороны направили ноту посланнику Китая в Голландии Лю Цзинжэню, упрекая его в том, что он сообщил своим соотечествен-

¹ Ван Чунхуй — Юань Шикаю, 21 февраля 1912 г. // 王宠惠先生文集 (Собрание сочинений Ван Чунхуя). Пекин. 1982. С. 632–633.

² Ван Чунхуй — Юань Шикаю, 23 февраля 1912 г. // Там же. С. 634.

никам на Яве о событиях, происходивших на родине.¹

Время шло, а дело не продвигалось вперед. Ван Чунхуй вновь обратился в Пекин:

Неужели же только что созданная республика будет вести себя столь же безответственно, как маньчжурский двор, бросая своих зарубежных соотечественников на произвол судьбы? Наши иммигранты подверглись жестокому обращению, и если им немедленно не оказать помощь, их страдания будут увеличиваться день ото дня. <...>

Сейчас необходимо потребовать от голландского представителя срочно телеграфировать своим властям с тем, чтобы немедленно освободить заключенных и уплатить денежную компенсацию за убитых и раненых, а также за причиненный материальный ущерб.²

Аналогичная резолюция была принята нанкинским парламентом, а Временное правительство телеграфировало Лю Цзинжэню:

Первое: потребуйте от голландского правительства немедленно освободить арестованных и выплатить компенсацию за убитых, раненых и пострадавших; второе: ответственность за произошедшее целиком на голландской стороне, поэтому не следует принимать во внимание их отпирательство, нужно действовать принципиально и не идти на уступки.³

Характеризуя произвол голландских властей, Ван Чунхуй писал, что по действующим там законам арестованные китайцы не имеют права апеллировать к суду. Продержав их неделю, им произвольно вменяют преступление. Нанять защитника арестованный не может. Приговор, вынесенный полицейскими, является окончательным и обжалованию не подлежит. При этом подобные установления применяются только к китайцам.⁴

Лю Цзинжэнь (1866–?)

¹ 中华民国大事记 (Важнейшие события истории Китайской Республики). Пекин. 1997. С. 190.

² Ван Чунхуй — Юань Шикаю, 26 февраля 1912 г. // Собрание сочинений Ван Чунхуя. С. 634.

³ Линьши чжэнфу гунбао, 28 февраля 1912 г.

⁴ Собрание сочинений Ван Чунхуя. С. 634.

27 февраля Ван Чунхуй получил телеграмму Тан Шаои, который сообщал о том, что в разговоре с ним голландский посланник согласился на то, чтобы китайская сторона «в неофициальном порядке» обратилась к правительству Голландии с просьбой не запрещать вывешивание китайских флагов и по мере возможности освободить часть арестованных.¹

Такая постановка вопроса не устроила Ван Чунхуя. В своем ответе Тан Шаи он категорически высказался против того, чтобы требования к голландской стороне были сформулированы «в неофициальном порядке». Кроме того, дело было не в праве вывешивать свои национальные флаги, а в освобождении арестованных и получении компенсации.²

Настойчивость министра иностранных дел, со дня на день готовившегося покинуть свой служебный кабинет, дала свои плоды. В результате переговоров с Лю Цзинжэнем голландская сторона согласилась, во-первых, наказать лиц, ответственных за смерть китайских иммигрантов; во-вторых, оплатить похороны погибших и выплатить вспомоществование их семьям; в-третьих, оплатить лечение раненых; в-четвертых, компенсировать ущерб, нанесенный имуществу китайских иммигрантов; в-пятых, впредь при рассмотрении подобных инцидентов гарантировать китайцам равные права с гражданами Голландии.³

Своим участием в урегулировании Сурабайского инцидента Ван Чунхуй наглядно продемонстрировал, что даже при самых неблагоприятных обстоятельствах политика уступок отнюдь не всегда является оптимальным выходом из сложного положения.

**Настойчивость Ван Чунхуя
принесла свои плоды**

¹ Важнейшие события истории Китайской Республики. С. 190.

² Собрание сочинений Ван Чунхуя. С. 636.

³ У Дунчжи. История дипломатии Китая. Период Китайской Республики. 1911–1949. С. 7.

Юань Шикай тоже добился признания не сразу

В 1911 г. маньчжурское правительство имело дипломатические отношения с 19 зарубежными странами — Англией, Россией, Францией, Германией, Австро-Венгрией, Швецией, Норвегией, Данией, Голландией, Бельгией, Италией, Португалией, Испанией, Соединенными Штатами Америки, Бразилией, Перу, Мексикой, Кубой и Японией. То или иное решение вопроса о признании только что появившейся на свет Китайской Республики зависело в первую очередь от трех крупнейших европейских государств, России, Японии и Соединенных Штатов.

После того как Сунь Ятсен ушел с поста президента, он продолжал добиваться признания Республики державами. Он писал американскому миллиардеру О. Брауну:

Уважаемый сэр,

Я получил Ваше письмо от 23 апреля с приложениями, в которых говорится о Ваших усилиях, направленных на признание Китайской Республики правительством Соединенных Штатов, за что примите наилучшие выражения моей благодарности.

Естественно, представляется желательным, чтобы иностранные державы все вместе как можно скорее признали мое государство, и мы надеемся, что первой в их ряду будет родина Вашингтона. Скорейшее признание будет полезным не только двум странам, но будет во многом содействовать прогрессу всеобщего мира.

Благодаря за любезные усилия, прилагаемые Вами в этом отношении.

Искренне Ваш,

Сунь Ятсен¹

Получив письмо Сунь Ятсена, которого он считал, между прочим, самым выдающимся политическим деятелем современного Китая, Браун разворачивает бурную деятельность, бомбардируя МИД телеграммами и письмами.

23 августа Браун пишет пространное письмо председателю Комитета по иностранным делам Палаты представителей США У. Сульцеру.

Мне кажется странным, что президент не признал нашу великую братскую Китайскую Республику. Поскольку Вы, как я знаю с Ваших слов, готовы сделать всё, что в Ваших силах, чтобы уговорить президента распространить этот элементарный акт международной вежливости на нашу самую выдающуюся братскую республику, рассчиты-

¹ Enclosure to: Brown to Wilson, April 4, 1913 // USDS. 893.00/1634.

New York,
165 West 83rd street.

file

AUSTIN P. BROWN,
Real Estate, Railroad and Corporate Financier,
New York and Washington,
1407, 15th Street, Northwest,
Phones: North 1892 and 5469.

Washington, D. C., Aug. 23rd, 1912.

Hon. William Sulzer,
Chairman, Committee on Foreign Affairs,
House of Representatives,
Washington, D.C.

Dear Mr. Sulzer:

Why "The President" has not extended recognition to our great Sister Republic of China seems very strange to me, as I have often informed you, and as you stand ready as you have told me to do anything in your power to persuade "The President" to extend that simple act of international comity to our most eminent Sister Republic, to which consideration from your point of view and mine she has for some months been entitled, I have concluded to lay the matter before you as I under stand it.

In connection therewith I first take the liberty of calling to your attention a letter received by me from that noble, learned, and patriotic citizen of China, Dr. Wu Ting-fang, whom the people not only of China and the United States, but of the whole world, hold in such high esteem, of which the following is a copy, to wit:

-1-

Первая страница письма О. Брауна от 23 августа 1912 г.

вать на который она, с Вашей и с моей точки зрения, вправе вот уже несколько месяцев, я решил изложить Вам свое понимание этого дела.¹

Переписка Брауна с Сунь Ятсеном была продолжена. 21 октября 1912 г. Сунь Ятсен писал:

Дорогой м-р Браун,

Я подтверждаю получение двух Ваших любезных писем, одного от 9 сентября и другого от 17 сентября, за которые я Вас искренне благодарю.

¹ Ibid.

Должен сказать, что наш народ удивлен тем, что Ваше правительство не желает прислушаться к единодушному желанию Вашего народа признать нашу юную, но благополучно существующую республику.

И республиканский Сенат, и демократическая Палата представителей приняли резолюции в пользу скорейшего признания нашей республики.

Я искренне надеюсь, что Америка покажет пример всему миру и первой признает великую братскую нацию, избравшую республиканскую форму правления.

Ваш

Сунь Ятсен.¹

Ситуация изменилась после того, как президентом США был избран Вудро Вильсон, а государственным секретарем стал Уильям Брайан. Произошло это весной 1913 г.

Браун возлагал большие надежды на новое правительство.

4 марта 1913 г. он обратился к Вильсону:

Я пишу, дабы обратить внимание Вашего Превосходительства на исключительную важность незамедлительного признания нашей самой выдающейся братской Китайской Республики — простого акта вежливости, которого она заслуживает в соответствии с тем единодушным вердиктом народа этой страны, который был вынесен уже давно, когда Конгрессом — как в Сенате, так и в Палате представителей — без единого голоса против была принята резолюция с поздравлением народу Китая по поводу учреждения республиканской формы правления.²

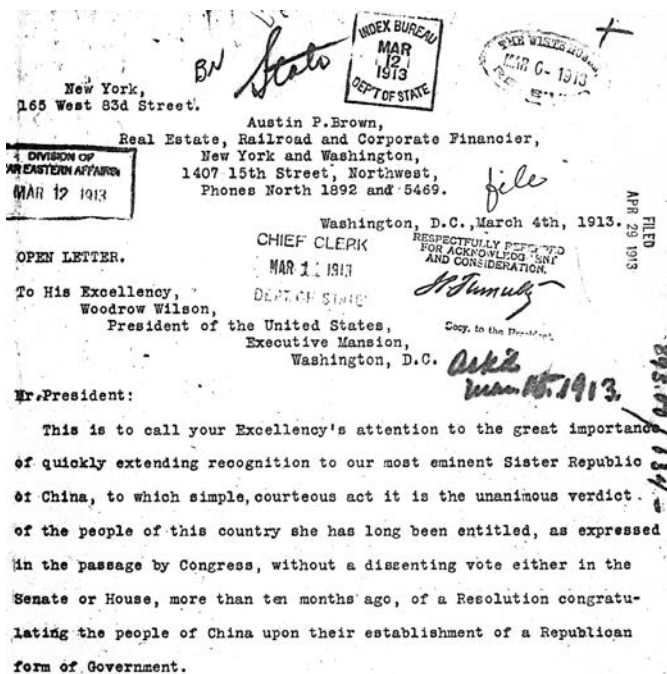
В. Вильсон (1856–1924)

Пространное послание американскому президенту заканчивалось словами:

Ради народа Соединенных Штатов и человечества в целом я искренне надеюсь, что Ваше Превосходительство не будет пребывать в состоянии летаргии, которое в данном вопросе накрепко сковывало предыдущего

¹ Ibid. Эти письма Сунь Ятсена не были включены ни в одно из его «Полных собраний сочинений».

² Brown to Wilson, April 4, 1913 // USDS. 893.00/1634.

Первая страница
письма О. Брауна
А. Вильсону
от 4 марта
1913 г.

президента, но, напротив, не откладывая рассмотреть его и разрешит в положительном смысле.¹

Юань Шикай и его министр иностранных дел Лу Чжэнсян воспользовались случаем поздравить Брайана со вступлением в должность, чтобы еще раз напомнить, что они с нетерпением ожидают признания Китайской Республики.

1 апреля Брайан получил доклад посланника США в Пекине Э. Уильямса, в котором тот также настаивал на безотлагательном признании Китайской Республики: «Чем раньше мы признаем правительство [Юань Шикай], тем лучше будет для Китая и для американских интересов в Китае».²

У. Брайан (1860–1925)

¹ Ibid.

² Williams to Bryan, April 1, 1913 // Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1913. P. 108.

nese railroad system with lines running through to the Mediterranean Sea which there connect with other lines running into Africa and through Europe to the Atlantic Ocean and then with connecting lines into Russia and other countries, our great and most eminent Sister Republic of China, by bringing together by up to date rail, telegraph and telephone connection countries whose aggregate populations amount to nearly one and a half billions would become, with the financial aid and support of the United States at this particular juncture in her affairs, the greatest Pioneer of Progress and Civilization of any nation in the world.

Then your Excellency's attention is particularly called to the suggested development of China's Ocean, River, Lake and Canal trade, as set forth in my said letter to Mr. Sulzer.

In conclusion, Mr. President, I sincerely hope for the good of the people of the United States and those of the World in general, that your Excellency will not drift into the condition of lethargy which had such a tight grip upon our outgoing President in respect to this matter, but that, on the contrary, you will give it immediate and favorable consideration.

Yours respectfully,

Austin P. Brown

Последняя страница письма О. Брауна В. Вильсону
от 4 апреля 1913 г.

2 апреля Брайан вручил меморандум аккредитованным в Вашингтоне дипломатическим представителям держав:

Таково пожелание президента, чтобы я передал вам и в вашем лице правительствам ваших стран, что 8 апреля он намеревается признать правительство Китая <...>. Он искренне надеется на сотрудничество вашего правительства и его действия в том же направлении и в то же время.¹

По ряду причин официальное признание Китайской Республики вновь было отложено. Оно состоялось 2 мая 1913 г.

¹ Aide Memoire by Bryan, April 2, 1913 // Ibid.

«Республика пяти наций» и пятицветный флаг

В литературе долгое время имела хождение точка зрения, согласно которой автором концепции «республика пяти наций» был Сунь Ятсен. Первым, кто доказал ошибочность этого взгляда, был японский историк Катаока Кадзутада.¹ В свете продемонстрированных им фактов стало вполне очевидным, что отказ Сунь Ятсена от его первоначального курса на изгнание маньчжуров и создание государства китайцев-хань, на смену которому пришла концепция «республики пяти наций», — еще один компромисс, на который Временный президент вынужден был скрепя сердце пойти в силу объективно сложившихся условий.

У истоков идеи

В конце 19-го века провозвестники реформаторского движения в Китае выступали за уравнивание в правах маньчжуров и китайцев-хань.

После того, как «Сто дней реформ» потерпели крах, а Кан Ювэй со своим верным последователем оказался в Японии, Лян Цичао занялся разработкой национальных проблем Китая.

В противовес пропагандируемой революционерами идее выдворения маньчжуров с исконной ханьской территории Лян Цичао впервые выдвинул тезис о том, что единая китайская нация должна включать в себя несколько компонентов: не только хань, но также маньчжуров, монголов, мусульман, мяо и тибетцев.²

Эта новаторская концепция получила затем дальнейшее развитие в сочинениях известного сторонника конституционно-монархической доктрины Ян Ду — главным образом в его статьях, публиковавшихся в основанном им в Токио журнале «Чжунго синьбао».

Лян Цичао (1873–1929)

¹ 片岡一忠。辛亥革命期の五族共和論をめぐって (Катаока Кадзутада. О концепции «республика пяти наций» в период Синхайской революции) // 中国近現代史諸問題 (Проблемы новой и новейшей истории Китая). Токио. 1984. С. 279–306.

² 梁啟超。飲冰室合集 (Лян Цичао. Сочиненное в Иньбинши). Т. 2. Пекин. 1969. С. 75–76.

Ян Ду (1875–1931)

В 1907 г. в первых пяти номерах этого журнала увидел свет опус Ян Ду под названием «Принцип золота и железа». Речь в нем шла не о металлургических, а о национальных и государственных проблемах.

Эта работа интересна тем, что автор предложил в ней свою оригинальную схему периодизации человеческой истории. Она включала три последовательных этапа развития общества: сначала «дикость», затем «клановое общество» и, наконец, «государство».

В эпоху «кланового общества», полагал Ян Ду, на Среднекитайской равнине господствовал кочевой образ жизни, в эпохи Ся, Шан и Чжоу происходил переход от «кланового общества» к «государству», а собственно «государство» возникло в эпохи Цинь — Хань, продолжая свое существование в течение нескольких тысячелетий.¹

Ян Ду утверждал, что в наше время «хань, маньчжуры, монголы, мусульмане и тибетцы находятся под управлением одного и того же правительства и являются гражданами одного и того же государства». Поэтому Китай не может утратить ни одну территорию, на которой проживают эти нации, равно как не может лишиться какой бы то ни было из их числа. «Их объединение — важнейшая задача на будущее».²

При этом Ян Ду отнюдь не считал, что все пять наций Китая находятся на одном и том же этапе общеисторического развития: так, тибетцы достигли ныне лишь «кланового» уровня и совершают переход от кочевого к земледельческому образу жизни, а, скажем,

«Чжунго синьбао» за 1907 г., № 4

¹ 杨度。金铁主义说 (Ян Ду. Принцип золота и железа) // <https://zhuanlan.zhihu.com/p/127051423>.

² Там же.

маньчжуры этот переход уже завершили. Но это не мешает всем без исключения нациям Китая стремиться к объединению. «Поэтому, — заключал Ян Ду, — для того, кто хочет процветания китайского государства, единство населения всей страны — чрезвычайно важная задача».¹

После начала Синьхайской революции Ян Ду продолжал пропагандировать свои взгляды, что нашло, в частности, свое отражение в дискуссии на переговорах Севера и Юга. Благодаря его усилиям идея «пяти наций» получила широкое распространение, причем как среди сторонников конституционной монархии, так и протагонистов республики.

Ее внешним проявлением стало появление пятицветного полотнища в качестве государственного флага будущей республики.

Существуют различные версии того, кто был автором эскиза пятицветного флага. Среди претендентов на это почетное звание — Чжао Фэнчан, Чэн Дэцюань и другие. Но как бы то ни было, именно этот вариант государственного флага был принят революционным правительством провинций Цзянсу и Чжэцзяна после объявления независимости от Пекина.²

Сунь Ятсен принимает идею, сформулированную его идейными противниками

В силу сложившихся обстоятельств Сунь Ятсен был вынужден отказаться от своего прежнего лозунга об «изгнании варваров» и взять на вооружение концепцию «пяти наций», хотя и выступил против пятицветного знамени как государственного флага Республики.

10 января 1912 г. решение об этом было принято парламентом. Сунь Ятсен обратился к законодателям со специальным письмом, в котором излагал причины своего несогласия.

Судя по всему, рядовые граждане Республики об этом ничего не знали, потому что в тексте одного из проектов государственного гимна, выставленного на конкурс в феврале 1912 г., были такие строки:

«Развевайся же, флаг пятицветный,
гордый символ Республики нашей!»³

¹ Там же.

² 潘先林。 “五族共和” 思想的提出、确立与渊源论析 (Пань Сяньлинь. Об утверждении идеи «пяти наций» и ее происхождении) // Сысян чжаньсянь. 2006. Т. 32. № 3. С. 5.

³ 1912年中华民国征集国歌时的一首国歌拟稿 (Проект гимна Китайской Республики на конкурсе 1912 г.) // http://www.manfen5.com/GZ_LS-SYS201404300409091472270892.html.

Текст и мелодия одного из проектов
первого гимна Китайской Республики

В качестве государственного флага Китайской Республики пятицветный флаг был окончательно утвержден 10 мая 1913 г. и просуществовал вплоть до 1928 г., когда на смену ему пришел гоминьдановский флаг.

Будучи противником пятицветного флага, Сунь Ятсен тем не менее безоговорочно принял идею «республики пяти наций».

1 января 1912 г. в своей «Декларации Временного президента Китайской Республики» Сунь Ятсен заявлял:

Основа государства — народ. Объединить земли хань, маньчжуров, монголов, мусульман, тибетцев под юрисдикцией одного государства значит объединить хань, маньчжуров, монголов, мусульман, тибетцев. Так будет достигнуто единство наций.¹

28 января в послании монгольским князьям Сунь Ятсен писал:

Ныне наши соотечественники <...> поднялись против деспотии не потому, что они ненавидят маньчжуров, а потому что хотят сплотить народ всей страны, будь то хань, маньчжуры, монголы, мусульмане или тибетцы, с тем чтобы все в равной мере пользовались человеческими свободами. Это одобряют даже маньчжуры, по крайней мере те из них, кто хоть немного разбирается в том, что происходит.²

18 февраля того же года он утверждал:

Китайская Республика создана для того, чтобы гарантировать права и свободы сотен миллионов граждан страны, объединить в единую семью хань, маньчжуров, монголов, мусульман и тибетцев, с тем чтобы они действовали помогая друг другу, развивали промышленность, совершенствовали просвещение.³

¹ ПССС. Т. 2. С. 2.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 105.

Республика пяти наций (плакат 1912 г.)

3 сентября:

Ныне пять наций, как члены одной семьи, пользуются равными правами, проблема расового неравенства разрешена, а вместе с ней — и проблема политического неравенства. Впредь не будет поводов для конфликтов!¹

6 сентября:

Цель политической реформы — объединить все пять наций страны.²

7 сентября:

Ныне создана Китайская Республика и пять наций объединились.³

19 сентября:

Ныне у нас республика пяти наций и вся Поднебесная — одна семья.⁴

В тот же день:

Мы исповедуем три народных принципа: национализм, народовластие, народное благосостояние. Ныне пять наций объединились и создали республику. Национализм и народовластие уже осуществлены.⁵

¹ Там же. С. 439.

² Там же. С. 450.

³ Там же. С. 451.

⁴ Там же. С. 470

⁵ Там же. С. 472.

Этот сдвиг в представлениях Сунь Ятсена не был последним

Говоря о том, что Сунь Ятсен отказался от своего первоначального политического лозунга «изгнания варваров» и принял идею «пяти наций», следует напомнить, что в дальнейшем его представление о нации продолжало эволюционировать.

Очередной сдвиг в суньятсеновской теории нации произошел через несколько лет после создания Китайской Республики.

Он писал:

После свержения маньчжурского двора наследственные бюрократы, твердолобые политики и стремившийся к реставрации «Цзуншэдан» сплотились воедино и стали кричать о «республике пяти наций». К этому заключался корень всех ошибок!¹

Излагая очередной вариант «Трех народных принципов», Сунь Ятсен заявлял в 1919 г.:

Вскоре после победы революции неразумные люди выдвинули идею «республики пяти наций», а бюрократы тут же стали подпевать им. Более того, военный стяг династии Цин был принят в качестве государственного флага Китайской Республики (имелось в виду, что пять полос на нем — это хань, маньчжуры, монголы, мусульмане и тибетцы).²

Опровергая концепцию, которую он сам усердно пропагандировал в 1912 г., Сунь Ятсен формулирует принцип «нация-государство».

Мы должны все проживающие в Китае нации консолидировать в одну «китайскую нацию», а ее превратить в высоко цивилизованную нацию. Только после этого принцип национализма будет осуществлен.³

Под «консолидацией в одну нацию» Сунь Ятсен понимал ассимиляцию собственно китайцами-хань всех других народов Китая:

Наша партия должна приложить усилия к тому, чтобы маньчжуры, монголы, мусульмане и тибетцы были ассимилированы ханьцами.⁴

Но и на этом дело не кончилось. Впереди был еще один резкий поворот: на этот раз — под влиянием идей Коминтерна. Получив в начале 20-х гг. советскую помощь, Сунь Ятсен не мог не принимать во внимание то, чего хотели от него спонсоры революции.

В «Декларации Гоминьдана», опубликованной 1 января 1923 г., Сунь Ятсен писал:

¹ ПССС. Т. 5. С. 473.

² Там же. С. 187.

³ Там же.

⁴ ПССС. Т. 5. С. 473–474.

Принцип национализма, которому следует наша партия, в его пассивном выражении имеет в виду ликвидацию неравенства между нациями, в активном — сплочение всех наций страны, составляющих единую великую китайскую нацию. После начала европейской войны лозунг самоопределения наций с каждым днем становится все более популярным. Мы должны действовать в этом духе, внутри страны способствовать прогрессу наций, вне ее — добиваться равноправия наций мира.¹

Смысл сказанного выражен здесь недостаточно четко. Но из последующих заявлений Сунь Ятсена можно сделать вывод, что в это время он уже отказался от политики ассимиляции неханьских народов:

В отношении малых народов страны Правительство [должно] поддерживать малые народы страны, дабы они могли осуществить самоопределение и самоуправление.²

¹ Там же. Т. 7. С. 3.

² Там же. Т. 9. С. 127. Подробнее о трансформации идей Сунь Ятсена, связанных с нацией и национальной политикой см.: 杨强. 论孙中山民族思想的三次转型 (Ян Цян. Три сдвига в представлениях Сунь Ятсена о нации) // Гуанси миньцзю 2018. № 3. С. 25–31.

Глава VII

Почему Сунь Ятсен уступил свое кресло

Мнимая ошибка президента

Отказавшись от поста Временного президента Китайской Республики в пользу Юань Шикая, Сунь Ятсен задним числом попытался объяснить этот свой шаг. Но объяснял он это по-разному.

Устами самого Сунь Ятсена

3 марта 1912 г. в письме Джэймсу Кэнтли Сунь Ятсен сообщал, что ушел в отставку, поскольку его «революционная работа уже завершена».¹

Однако в 1921 г. в письме советским руководителям Сунь Ятсен писал, что, отказавшись от поста Временного президента и передав его Юань Шикаю, он совершил роковую ошибку:

Я отказался от поста в пользу Юань Шикая, так как мои друзья, которым я полностью доверял и которые тогда обладали более точным знанием китайских внутренних отношений, чем я, убеждали меня, что Юань Шикай способен объединить страну и обеспечить устойчивость Республики, располагая доверием со стороны иностранных держав. Мои друзья теперь признают, что моя отставка была большой политической ошибкой, имевшей в точности такие же политические последствия, которые имели бы место в России, если бы на смену Ленину в Москве

¹ Сунь Ятсен — Кэнтли, 3 марта 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 238–239.

пришел Колчак, или Юденич, или Врангель.¹

Е. А. Белов приводит в своей книге эти слова Сунь Ятсена², не комментируя их и не приводя доказательств справедливости сказанного.

То, что вскоре после Учанского восстания подавляющее большинство противников маньчжурской династии стало возлагать свои надежды на Юань Шикая, является бесспорным фактом. Но вопрос в том, приходилось ли им убеждать в этом Сунь Ятсена. Из его высказываний, относящихся к тому времени, видно, что он с самого начала (по крайней мере, на словах) разделял подобную точку зрения, так что никакой необходимости убеждать его в этом не было.

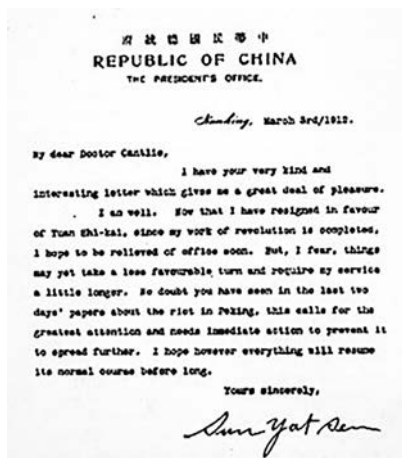
Поэтому неудивительно, что некоторые современные исследователи высказываются против этой версии, получившей в гоминьдановской исторической литературе довольно широкое распространение, хотя и без ссылок на письмо Сунь Ятсена 1921 г., оставшееся неизвестным большинству писавших на эту тему.

Примером тому может служить неопубликованная статья Чжан Яньцзюя, хранящаяся ныне в архиве Комитета по изучению истории Гоминьдана.

Автор пишет, что версия об «ошибке» Сунь Ятсена на первый взгляд кажется приемлемой, но в действительности не соответствует фактам, и приводит четыре доказательства своей точки зрения.

Во-первых, Чжан Яньцзюй приводит выдержку из письма Сунь Ятсена своему стороннику Дэн Цзэжу, в котором говорится:

Посторонние люди, будучи не в курсе [тогдашних событий], упрекают меня за то, что я передал [пост президента Юань Шикаю]. Но если бы я не сделал этого, то даже сегодняшней квазиреспублики и то не удалось бы создать. В то время сторонники различных партий были одержимы

Письмо Сунь Ятсена Джэймсу Кэнтли от 3 марта 1912 г.

¹ Письмо в Наркомат иностранных дел РСФСР, 26 августа 1921 г. // *Сунь Ятсен. Избранные произведения*. М. 1964. С. 341–342.

² *Белов Е.А. Революция 1911–1913 годов в Китае*. С. 57.

стремлением к власти, и преодолеть это поветрие было невозможно. Я опасался, что может вспыхнуть братоубийственная война, и поэтому ушел в отставку, предоставив гражданам самим решать свою судьбу.¹

Во-вторых, автор ссылается на телеграмму Сунь Ятсена Юань Шикаю, в которой он писал, что накануне его отставки многие соратники выступили против и упрекали его в том, что он пренебрег мнением представителей 17 провинций, избравших его на пост президента.²

В-третьих, по мнению Чжан Яньцзюя, Сунь Ятсен никогда не стремился к обладанию прерогативами руководителя. Создав в 1895 г. на Гавайях «Общество возрождения Китая», он рекомендовал на пост его председателя Лю Сяна; в 1896 г. согласился с тем, чтобы будущим президентом Китая был Ян Цюйюнь; в 1899 г., стремясь привлечь Кан Ювэя в ряды революционеров, Сунь Ятсен был согласен передать ему бразды руководства движением, а в 1900 г. обещал то же Лю Сюэсюню. В 1912 г. Сунь Ятсен уступил пост президента Юань Шикаю при условии, что тот

признает Республику, и никогда не сделал бы этого, если бы Юань Шикай продолжал выступать за конституционную монархию.³

В-четвертых, ссылаясь на воспоминания Ван Чунхуя⁴ и Ху Эгуна⁵, автор констатирует, что явное большинство в окружении Сунь Ятсена выступало против его отставки, и поэтому предпринятый им шаг отнюдь не был его ошибкой, вызванной давлением со стороны.⁶

Первый, второй и четвертый аргументы, перечисленные Чжан Яньцзюем, заслуживают внимания,

Ху Эгун
(1884–1951)

¹ 张延举. 国父让位于袁世凯是否为失误并未主和同志所迫之考证 (Чжан Яньцзюй. Исследование о том, была ли передача президентских полномочий Юань Шикаю ошибкой Отца Государства и результатом давления со стороны его пацифистски настроенных единомышленников) // Архив Комитета по изучению истории Гоминьдана. 030/363. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 6.

⁴ 王宠惠. 追怀总理 (Ван Чунхуй. Вспоминая вождя) // 中国国民党五十周年特刊 (50 лет партии Гоминьдан). Тайбэй. 1945.

⁵ 胡鄂公. 辛亥革命北方实录 (Ху Эгун. О Синьхайской революции на севере страны). Пекин. 1948.

⁶ Чжан Яньцзюй. Исследование о том, была ли передача президентских полномочий Юань Шикаю ошибкой Отца Государства. С. 8.

чего нельзя сказать о третьем, хотя на первый взгляд к приведенным примерам можно добавить еще один, почему-то упущенный автором статьи из виду: в 1900 г. в Июкогаме Сунь Ятсен, обращаясь к какому-то неизвестному нам лицу, говорил: «В качестве руководителя [революционного движения], который пользовался бы всеобщей поддержкой, следует выдвинуть Жун Хуна¹. Когда-то он был посланником в Соединенных Штатах, да и в стране пользуется большим авторитетом».²

Однако мы уже приводили многочисленные свидетельства того, что Сунь Ятсен всегда крайне щепетильно подходил к вопросу о том, кто стоит у руля революции. Первый пример, приведенный Чжан Яньцзюем, относящийся к самому началу деятельности Сунь Ятсена, является в этом смысле исключением: не только д-р Сунь по доброй воле согласился выпустить из своих рук бразды правления, но и председателем гавайского отделения «Общества возрождения Китая» в самом деле без всякого конфликта был избран Лю Сян. Однако уже второй пример говорит о совершенно ином. Выдвижение Ян Цюйюня на пост будущего президента Китая сопровождалось острейшей сварой, едва не закончившейся поножовщиной. В дальнейшем Сунь Ятсен неоднократно обещал уступить свой статус руководителя революции другому лицу, но ни разу не исполнил обещанного. Когда же кто-то претендовал на лавры лидера, это каждый раз приводило к конфликтам, иногда заканчивавшимся для претендентов на партийную власть летальным исходом. О некоторых из них речь еще пойдет в нашем дальнейшем изложении.

Тем не менее Чжан Яньцзюй несомненно прав: в 1912 г. отставка Сунь Ятсена с поста президента произошла не потому, что он поддался на уговоры своих соратников.

Еще одна версия, изложенная Сунь Ятсеном

Следует отметить, что заявление Сунь Ятсена, сделанное в 1921 г. в письме руководителям большевиков, противоречит сказанному им в 1918 г. в его книге «Учение Сунь Вэня». Поэтому мы вынуждены, злоупотребляя долготерпением читателя, привести обширные выдержки из этого сочинения.

Сунь Ятсен начинает словами о своей непоколебимой приверженности идеалам революции:

¹ О Жун Хуне см. выше, с. 217.

² ПССС. Т. 1. С. 198.

Более тридцати лет посвятил я служению Родине. Этому отдал я все свои знания. Ни разу не изменил я своим идеалам, и сотни неудач не заставили меня свернуть с избранного пути. Маньчжуры оказались бес- сильными сломить меня, и трудности не смогли поколебать моей решимости. Раз поставив перед собой цель, я неуклонно шел к ее осуществлению: чем больше было неудач, тем энергичнее продолжал я борьбу за подъем народного движения, за создание в стране благоприятной для нас обстановки. В конце концов при содействии гуманных и принципиальных мужей нам удалось осуществить стремление народа — свергнуть монархию и основать Республику.

Вслед за этим можно было бы, казалось, продолжить наше движение вперед и провести в жизнь три народных принципа и конституцию пяти властей, составляющие идеологическую основу нашей революционной партии, а также осуществить великие созидательные планы, намеченные нашей революционной программой. Тогда мы, конечно, сумели бы, используя благоприятную обстановку, в кратчайшие сроки сделать Китай процветающей и могучей страной и открыть перед народом светлое царство мира и радости.¹

Далее автор признает, что вскоре после того, как произошел сдвиг в общей ситуации в стране, а сам он оказался на посту Временного президента, возникли непредвиденные трудности:

Вопреки ожиданиям, уже при первом успехе революции среди членов нашей партии обнаружились разногласия. Многие пришли к выводу, что мои идеалы слишком высоки, что они не отвечают китайской действительности. «Общее мнение плавит металл», — говорит пословица. И когда порыв революционной бури стих, сомнение зародилось даже у ближайших моих единомышленников. Вот почему на посту Президента Республики я не смог проводить в жизнь свои планы так же успешно, как во времена, когда я был вождем революции, вот почему созидательная работа не увенчалась успехом, а положение страны после осуществления революционной ломки стало ухудшаться с каждым днем.²

Вышеприведенный абзац противоречит тому, что было сказано в самом начале: там речь шла о «сотнях неудач», здесь же — о том, что во времена, когда он был не президентом, а лишь вождем революции, все его планы осуществлялись успешно. Но в чем же была причина теперешних неудач? Признав, что виной тому были его собственные недостатки, Сунь Ятсен тут же перекладывает вину на своих товарищей:

¹ Сунь Ятсен. Избранные произведения. С. 162.

² Там же. С. 162–163.

Начиная революцию, наша партия ставила своей задачей спасти Родину и нацию, стремилась избавить народ от несчастий и дать ему благополучие. Но мы ввергли его в еще горшие бедствия, причинили ему еще большие страдания. Результаты революции оказались в вопиющем противоречии с ее первоначальными целями. Виною тому, конечно, мои собственные недостатки: невысокие личные качества, неумение воспитывать товарищей, неспособность управлять массами. Однако и мои товарищи по партии повинны в том, что вера их в цели революции и революционную программу оказалась нетвердой и что они не приложили должных усилий для их осуществления.¹

Далее следует фраза, демонстрирующая, что признание собственных недостатков было в данном случае лишь данью правилам хорошего тона:

Когда я вспоминаю, чему заботливо учил товарищей по партии и чем они пренебрегли как пустыми фантазиями, когда оцениваю все с точки зрения сегодняшнего дня, то вижу, что именно мои идеи отвечают ходу мировой истории, именно они должны были послужить основой в строительстве Республики.²

Тем не менее Сунь Ятсен признается в том, что неудачи на посту Временного президента едва не сломили его волю:

Вот почему во времена маньчжуров я неизменно добивался успехов в революционной борьбе и шаг за шагом неуклонно продвигался вперед, а со дня создания Республики мне не удалось осуществить ни одного из моих созидательных планов; все они были заранее обречены на провал. Поэтому моя беззаветная верность долгу, которую я свято хранил на протяжении тридцати лет, едва не поколебалась, а моя неукротимая воля, которую не могли сломить сотни неудач, едва не была сломлена.³ <...>

С первых дней создания Республики, когда я, стремясь к достижению созидательных целей нашей революции, к проведению в жизнь трех народных принципов, всеми силами добивался осуществления этой программы, большинство моих соратников по партии колебалось и считало ее нереальной. Все мои разъяснения и убеждения остались безрезультатными. Мне возражали, будто мои идеалы слишком высоки, что познание легко, трудно только действие! Но разве мои идеалы слишком высоки?! Не правильнее ли сказать, что уровень знаний членов нашей партии был в то время слишком низок? И тогда у меня невольно опустились руки.⁴

¹ Там же. С. 163.

² Там же. С. 165.

³ Там же. С. 163–164.

⁴ Там же. С. 232.

Именно это обстоятельство, по словам Сунь Ятсена, и послужило причиной его отставки:

В самом деле, ведь в революции ломка и созидание должны следовать одно за другим, должны дополнять друг друга. У нас же после революционной ломки созидательная работа не была начата, то есть период революционного строительства так и не наступил. Но если нет революционного строительства, то для чего же тогда нужен революционный президент Республики? Вот почему у меня зародилась мысль отказаться от поста президента.

После формирования Наньцзинского правительства я продолжал стоять за продление перемирия и возобновил мирные переговоры. Сейчас, когда времена изменились, многие упрекают меня за это. Они заявляют, что после создания Республики я не должен был соглашаться на дальнейшие мирные переговоры, не должен был так легко уступать свой президентский пост. Допустим, что мне следовало остаться президентом. Но ведь большинство членов нашей партии после завершения революционной ломки перестали соблюдать присягу на верность революции и не выполняли установок своего лидера. И хотя нам удалось силами революционной партии объединить весь Китай, мы так и не смогли осуществить революционное строительство, все свелось в конечном итоге лишь к замене старой бюрократии новой. По сути дела произошла просто замена одного насилия другим, замена, ничего не давшая для укрепления основ государственного порядка, для подъема благосостояния народа. Следовательно, мне не было никакой необходимости оставаться президентом.¹

Далее следует еще одно важное утверждение:

Некоторые, не разобравшись в фактах, полагали, что у меня в то время было значительно меньше сил, чем у Юань Шикая, поэтому я вынужден был пойти на мирные переговоры с ним, пренебрегая интересами дела. Более того, находились даже клеветники, заявлявшие, будто я уступил президентский пост за миллионную взятку. Взорность этого обвинения очевидна и не требует доказательств. Ведь если бы мной действительно двигали корыстные мотивы, я уж, во всяком случае, не уступил бы свой пост за миллион долларов. Разве мы не видим, сколько успевает положить за год в свой карман простой губернатор провинции или какой-нибудь командир дивизии? Неужели клеветники считали меня не только корыстолюбивым, но и вдобавок глупым?

Что касается рассуждений, будто после создания Республики у меня было меньше сил, чем у Юань Шикая, то эти рассуждения тем более не

¹ Там же.

выдерживают никакой критики. Ведь Республика уже тогда объединяла 15 провинций, в провинциях Шаньдун и Хэнань бурно росло число сторонников народа, а в Чжили войска только ждали сигнала, чтобы поддержать нас. Еще несколько месяцев — и власть народа, несомненно, была бы установлена во всей стране.

Но если даже отвлечься от сложившейся тогда обстановки и взглянуть на события, развернувшиеся до и после перемирия, легко будет понять, что я пошел на мирные переговоры отнюдь не потому, что боялся Юань Шикая. Ведь до революции я терпел поражения десять раз, но это ни в коей мере не поколебало моей воли к борьбе.¹

Невольно возникает вопрос к автору: так «опустились ли у него руки» после первых же неудач на посту президента или же эти неудачи, как и прежде, «не поколебали его воли к борьбе»?

Сунь Ятсен резюмировал:

В свете этих событий каждому соотечественнику должно быть ясно, что я отказался от поста президента Республики не потому, что побоялся чьей-то силы, а лишь потому, что не имел возможности осуществить революционное строительство. Тот, кто осознал это, сможет понять мои действительные стремления и то глубокое значение, которое я вкладываю в слова «революционное строительство».²

Но тут естественно возникал очередной вопрос:

Почему же революционная ломка увенчалась успехом, а революционное строительство потерпело неудачу? Причина успеха в познании, в понимании, причина неудач — в отсутствии познания, в непонимании. Я десять раз начинал революционную ломку и десять раз терпел поражение из-за того, что подавляющее большинство китайцев еще не сознавало, что народ поработен маньчжурами. Люди жили в полном неведении и считали революцию предательством. Впоследствии революционное движение разрослось, люди поняли необходимость свержения маньчжуров и восстановления прав китайского народа. И тогда уничтожить маньчжурское владычество оказалось легче легкого. В вопросах же революционного строительства не разбирались даже сами члены нашей партии, не говоря уже о рядовых гражданах.³

Невольно возникает вопрос: если после того, как люди поняли необходимость свержения маньчжуров и восстановления прав китайского народа, уничтожить маньчжурское владычество оказалось легче лег-

¹ Там же. С. 233.

² Там же. С. 234.

³ Там же. С. 241–242.

кого, почему же сам Сунь Ятсен, понимавший это с самого начала, за три месяца до Учанского восстания считал, что победоносная революция может начаться не раньше, чем через 2–3 года?

Далее выясняется, что даже члены «Объединенного союза», претендуя на руководство Синьхайской революцией, не знали, в чем заключаются их задачи после того, как главная цель этой революции была достигнута, и приходится разяснять им это много лет спустя:

В революции самое трудное — ломка, а самое легкое — строительство.¹

Здесь перед нами очередное противоречие: только что было сказано, что свергнуть маньчжурское владычество было в 1911 г. легче легкого. К тому же, еще совсем недавно Сунь Ятсен утверждал обратное: «Революционная война — дело несложное. Бóльшие трудности ожидают нас в ходе послевоенного строительства».²

Впрочем, каждый теоретик имеет право менять свои точки зрения. Вопрос лишь в том, становятся ли они после этого способными переубедить оппонента. Изменив свое мнение по поводу того, что труднее и что легче в процессе революции, Сунь Ятсен продолжал:

Как же случилось, что, преуспев в трудном, мы потерпели неудачу в легком? Причина такой неудачи заключалась именно в том, что большинство людей, видя легкость этого дела, отнеслось к нему несерьезно и не поняло всей его необходимости. Почему я называю революционное строительство легким? Да потому, что при революционной ломке все противодействующие силы сокрушаются полностью, а когда они уничтожены, перед нами открываются безграничные возможности, мы обретаем полную свободу действий в отличие от того времени, когда мы только готовили революционную ломку, когда малейшая неосторожность грозила нам провалом. Однако тогда мы понимали, что революция и свержение маньчжуров необходимы для спасения Родины, и никакие трудности и опасности нас не останавливали. Когда же ломка была завершена, многим стало казаться, что такое легкое и безопасное дело, как строительство, можно вести различными путями, что совершенно не обязательно осуществлять его революционными методами. Вот в чем причина провала нашего строительства.³

Итак, не ошибка, объяснявшаяся превратными взглядами соратников Сунь Ятсена на политические потенции Юань Шикая, а невозможность

¹ Там же. С. 242.

² Сунь Ятсен — Дж. Дэйтрику, 14 августа 1914 г. // ППСОГ. Т. 4. С. 319.

³ Сунь Ятсен. Избранные произведения. С. 241–242.

осуществить революционное строительство — такова причина передачи президентом своих полномочий другому лицу. Объяснение многословное, но так же, как и первое, недостаточно убедительное и противоречивое.

Однако автор «Учения Сунь Вэня» не ограничился этим. Он выдвинул еще одно, принципиально иное объяснение произошедшего.

Оказывается, была еще одна проблема

Эта проблема — принесение присяги.

Когда мы основывали «Объединенный союз», чтобы взять на себя дело революции, мы прежде всего занялись агитацией, а затем собрали людей, готовых служить народу и стране. Мы принесли присягу, что будем проводить в жизнь три народных принципа, что нашей целью является создание Китайской Республики. Тех же, кто не верил в эти принципы, кто не присягал в присутствии товарищей, мы не считали членами партии.

Вначале все наши патриоты смотрели на присягу как на пустую формальность, полагая, что она не может способствовать успеху дела. Однако тем, что за несколько лет влияние нашей партии выросло, ряды ее сплотились и она нашла в себе силы свалить владычество маньчжуров, мы целиком обязаны присяге, которая обеспечила идейное сплочение партии. Но если это помогло партии, тем более это должно помочь государству.¹

По мнению Сунь Ятсена, в политике начало всех начал — это принесение присяги:

Говорят, что 400 миллионов китайцев — это лишь масса ничем не скрепленных между собой песчинок. Как же должны мы поступить, чтобы объединить эти 400 миллионов песчинок в конституционное государство, представляющее собой единый организм? Мы должны начать с принесения присяги, которая сделает наши сердца открытыми, а мысли — честными. Лишь после этого можно будет добиться нравственного самоусовершенствования, мира в семье, порядка и спокойствия в государстве.²

В этом отношении Сунь Ятсен ссылался на практику, существующую в западных странах:

В наши дни во всех цивилизованных государствах, где на страже порядка стоит закон, принесение присяги считается основной правовой процедурой. Поэтому там все желающие принять гражданство данной страны должны дать присягу, заявив о чистоте своих помыслов и обязуясь уважать существующий государственный строй, соблюдать законы

¹ Там же. С. 242–243.

² Там же. С. 243.

страны и выполнять свой гражданский долг. Только после этого человек может считаться гражданином данной страны. В противном случае, проживи он в стране всю жизнь, его по-прежнему будут считать иностранцем, ему не предоставят гражданских прав наравне с другими.

Государственные служащие и депутаты в этих странах допускаются к исполнению своих обязанностей также только после принесения присяги. Если же там происходит изменение государственного строя, новое правительство всегда требует, чтобы каждый гражданин принес ему присягу, выразив свою солидарность с новым режимом; тех же, кто отказывается от присяги, рассматривают как врагов и изгоняют из пределов государства. Такие порядки существуют в наши дни во всех цивилизованных странах с конституционным строем.

Обратимся к государствам, возникшим в Европе после войны или в результате революции. Там, где граждане своевременно были приведены к присяге, обеспечен полный порядок; там же, где не смогли или не догадались этого сделать, не прекращались смуты. По этой же причине и Китай оказался ныне в тяжелом положении.¹

Всё дело опять-таки заключалось в том, что соратники недооценили идею своего лидера.

Создавая революционную партию, мы рассматривали ее как прообраз будущего государства. Действительно, на ее основе впоследствии и сложилась Республика. При вступлении после революции на пост президента я первый принес присягу на верность Республике и приказал, чтобы все гражданские и военные чиновники, военнотружущие и гражданское население последовали моему примеру. Однако мои товарищи по партии, считая это дело несрочным и не столь важным, резко воспротивились моему указанию. Мне ничего не оставалось, как отложить этот вопрос до лучших времен.<...>

В самом начале строительства нашей Республики мои товарищи считали, что с присягой можно не спешить, и просили меня не настаивать на ее введении; кстати сказать, другие мои идеи, расцененные ими как нереальные, касались таких же элементарных вопросов, которые было легко решить. Приступая к созданию партии, мы ввели присягу, в момент же строительства Республики, в дни, когда и государство и народ начинали новую жизнь, мы, напротив, отказались от этой торжественной церемонии, являющейся основной при конституционном строе. В этом заключается одна из существенных причин неудачи, которую мы потерпели в строительстве.²

¹ Там же.

² Там же. С. 244–245.

Каким же образом торжественная церемония принесения присяги была в состоянии гарантировать успех революционного строительства?

Сунь Ятсен разъясняет:

Если бы члены нашей партии не пренебрегли в то время моими советами, то в создаваемой нами Республике мы установили бы тот же порядок, что и в партии: все государственные чиновники, перешедшие на сторону Республики, всякий, кто вступал в ее гражданство, должны были бы принести присягу, заявив об искренности и чистоте своих помыслов и стремлений, обязуясь поддерживать Республику, способствовать развитию народовластия и повышению благосостояния населения. Только после этого они получали бы права граждан Китайской Республики. Не принесший присяги по-прежнему считался бы подданным маньчжурской династии. Тогда мы имели бы юридические основания квалифицировать как бунтовщиков всех, кто, дав присягу, совершил бы в дальнейшем действия, направленные против Республики.

С правовой точки зрения в нынешней Китайской Республике только немногочисленные члены революционной партии да Юань Шикай, давшие присягу на верность, морально и юридически обязаны соблюдать верность Республике. Остальные же 400 миллионов человек, собственно говоря, не несут за измену ни юридической, ни моральной ответственности.¹

Далее в книге Сунь Ятсена следует весьма здравая мысль:

Отныне мы не можем возлагать всю ответственность за строительство Республики только на членов революционной партии. Все переодовые граждане страны должны осознать, что перекладывать эту задачу на плечи других нельзя, что они должны сами взять на себя ее решение.

Но это справедливое утверждение входит в противоречие с предшествующим абзацем, гласящим:

Члены нашей партии сочли выдвинутый мною план строительства Республики неосуществимым и не поняли необходимости его реализации. Вот почему наша революция развивалась довольно странно: ломка была осуществлена, а строительство так и не началось. Вот почему наш народ уже восемь лет терпит тяжкие страдания.²

Здесь революционный лидер, вопреки сказанному вслед за этим, в очередной раз перекладывает ответственность за некогда принятые им решения и все их последствия на плечи своих товарищей по партии.

¹ Там же. С. 245.

² Там же. С. 246.

Завершается этот раздел книги «Учение Сунь Вэнь» очередной идеей, поняв и осуществив которую граждане Республики, по мнению Сунь Ятсена, смогли бы «с энтузиазмом продолжив начатое, завершить более легкое и безопасное дело — революционное строительство». Гарантия успеха — поголовная присяга на верность Республике:

Принимать присягу должно, собственно говоря, правительство. Однако нынешнее правительство Республики¹ не обладает нужными для этого данными и не вправе ее принимать. Я надеюсь, что передовые люди нашей страны организуют в своих уездах союзы местного самоуправления и принесут такую присягу друг перед другом.

После создания союза его члены приносят присягу перед населением всего уезда. Каждый должен собственноручно подписать текст присяги и, подняв правую руку, публично его огласить. Пусть эти тексты хранятся в союзах местного самоуправления, а лицам, принесшим присягу, выдаются удостоверения. Нужно добиваться, чтобы присягу принесли все совершеннолетние мужчины и женщины уезда. Когда эта работа в каждом уезде будет закончена, следует помочь другим уездам создать у себя союзы местного самоуправления.

Все, кто принесет присягу, должны действовать в соответствии с велениями их совести и закона, только тогда они будут достойны звания граждан Китайской Республики. В противном случае они останутся эпитомами маньчжурской династии.

И далее — утверждение, которое нужно перечитать несколько раз, чтобы убедиться, что здесь нет опечатки:

Успех в строительстве нашей страны целиком зависит от того, проявят ли наши сограждане должный энтузиазм в проведении церемонии присяги на верность Республике. Так пусть же все патриоты нашей Родины первыми покажут в этом пример!²

Вождь революции всегда и во всём впереди. Поэтому —

Я прошу разрешения сделать это первым. Вот текст моей присяги:

«Я, Сунь Вэнь, с открытым сердцем и чистыми помыслами перед лицом собравшихся торжественно клянусь, что с этой минуты отрешаюсь от старого и присягаю новому, что буду достойным гражданином Республики. Я обязуюсь, не щадя своих сил, поддерживать Китайскую Республику, проводить в жизнь три народных принципа и руководствоваться конституцией пяти властей. Да будет управление страной усовершенствовано,

¹ Сунь Ятсен имел в виду Пекинское правительство, которое в 1918 г. возглавлял Дуань Цижуй.

² Сунь Ятсен. Избранные произведения. С. 247.

а спокойствие и счастье народа обеспечены, да обретут основы нашего государства незыблемость, и восторжествует мир во всем мире! В этом клянусь!

12 января 8 года Китайской Республики. Сунь Вэнь».¹

Подразумевалось, что аналогичным должен быть и текст присяги, принимаемой всеми без исключения гражданами Китайской Республики.

Однако что было тем «старым», от которого торжественно отрекся лидер революции, и какому «новому» от присягал? Ведь без конкретизации этого клятва утрачивала всякий смысл. Могла ли она после этого стать панацеей от всех бед, преследовавших китайский народ и до и после революции?

Еще один вопрос по существу проблемы.

Сунь Ятсен утверждал, что процесс принесения присяги состоял в том, что присягавший собственноручно подписывал ее текст, затем оглашал его, подняв правую руку, и получал соответствующее удостоверение, после чего сомнений в его искренности уже быть не должно.

Возможно, излагая это, Сунь Ятсен запечатлел, что задолго до своей присяги 1918 г. и присяги, произнесенной в 1912 г. при вступлении в должность Временного президента Китайской Республики, ему уже не один раз приходилось клясться в достоверности своих слов.

Первый раз это было в 1886 г. в Лондоне, когда он, положив руку на Библию, клятвенно подтвердил следователю Г. Кафффу, что был похищен сотрудниками китайской миссии, а спустя некоторое время сообщил своим верным друзьям, что оказался в здании посольства по собственной воле.

Второй раз в Гонолулу он, также положив руку на Библию, принес клятву в том, что родился на Гавайях, и получил официальное свидетельство о своем рождении.

Имел ли Сунь Ятсен после этого моральное право рассуждать об «искренности» и «чистоте помыслов», равно как и о важности клятв, якобы способных избавить его соотечественников от тех бед, к которым он сам приложил руку своими непоследовательными действиями, обвиняя при этом не себя, а тех, кто поверил ему и пошел за ним? Почему он не допускал мысли о том, что приносящие клятву граждане Республики будут поступать подобно тому, как сам он поступил в Лондоне и Гонолулу?

Или, может быть, дозволенное Юпитеру не дозволено быку?

¹ Там же. С. 246–247.

Мы не знаем, как реагировала Сун Цинлин на содержащиеся в этой книге многословные, но путанные и неискренние объяснения ее супруга по поводу передачи им своих президентских полномочий Юань Шикаю.

Что же касается современных китайских историков, то кое-кто из них, анализируя побудительные мотивы отставки Сунь Ятсена, воспользовался этими объяснениями, и прежде всего — наивными рассуждениями Сунь Ятсена о важности клятв для достижения конечной победы китайской революции: обладавший высокими нравственными качествами Сунь Ятсен ни при каких обстоятельствах не мог нарушить клятвенное обещание, данное им Юань Шикаю при вступлении в должность Временного президента Китайской Республики.¹

Данная версия представляется неубедительной.

Не говоря уже о том, что Сунь Ятсену не однажды доводилось нарушать официально принятые на себя обязательства (об одном наиболее красноречивом примере этого см. ниже), текст клятвы 1912 г. не обязывал его уйти в отставку сразу же после отречения Сюаньтуня, поскольку в ней говорилось:

Когда самодержавное правительство будет низвергнуто, в стране воцарится порядок, Республика займет подобающее ей место в мире и будет признана державами, я покину пост [временного президента].

Экземпляр «Учения Сунь Вэня», подаренный Сун Цинлин ее супругом

¹ См. например: 汲广远. 论民元孙中山让位的思想根源 (Цзи Гуанъюань. Идейная подоплека отставки Сунь Ятсена в 1-м году Республики) // Гуандун шэхуй кэсюэ. 2000. № 1. С. 95–96; 廖利明. 孙中山让位袁世凯真相 (Ляо Лимин. Правда о передаче Сунь Ятсеном президентских полномочий Юань Шикаю) // Чжунго даньань бао, 18 ноября 2016 г. и др.

12 февраля 1912 г. самодержавное маньчжурское правительство было низвергнуто, но до восстановления порядка в стране было еще далеко, державы и не помышляли о признании Нанкинского правительства, и говорить о том, что Китайская Республика уже заняла подобающее ей место в мире, было рано. Тем не менее Временный президент во всеулышание заявил о том, что покидает свой пост. Для этого у него, вероятно, были какие-то достаточно веские соображения.

Какие именно?

Ни сказанное в «Учении Сунь Вэня», ни основанная на нем версия о том, что Сунь Ятсен не мог нарушить данное им слово, не дают удовлетворительного ответа на этот вопрос.

Поэтому исследователи предлагали и другие объяснения этого исторического факта.

Суньятсеноведы предлагают иные версии

Нам уже приходилось говорить о том, что в разное время, при различных обстоятельствах и обращаясь к разным людям Сунь Ятсен нередко высказывал мысли, не аналогичные по своему смыслу, а порой — и прямо противоречившие друг другу. Поэтому цитируя его высказывания, не выяснив предварительно три перечисленные выше аспекта, можно зачастую доказать всё, что исследователю очень хочется доказать. Мнения историков в связи с излагаемой нами сейчас проблемой — яркое свидетельство этого. Приведем лишь несколько примеров.

Революционер-пацифист

На предыдущей странице мы ссылались на статью Цзи Гуаньюаня, в которой он доказывал мысль о том, что Сунь Ятсен, будучи человеком высоких нравственных идеалов, просто не мог не выполнить своего обещания подать в отставку после отречения императора Сюаньтуна. Однако автор не ограничился этим и указал еще на одну — причем, с его точки зрения, даже более важную — причину отставки Сунь Ятсена. Соответствующий раздел своей статьи он озаглавил «Главное — мир, осмотрительность в использовании вооруженной силы и даже во время революции “по мере возможности применение мирных методов и обра-

шение к насилию только в случае необходимости”».¹ При этом к фразе, взятой внутри цитаты в кавычки, Цзи Гуаньюань дает ссылку на слова, произнесенные Сунь Ятсеном в середине ноября 1911 г.

Данная фраза — лишь часть более развернутого суждения, а именно:

Хотя у нас есть причины ненавидеть маньчжуров, мы тем не менее пытались наладить с ними добрые отношения, но это нам и не удалось. Поэтому мы, китайцы, твердо решили по мере возможности применять мирные методы и обращаться к насилию только в случае необходимости для того, чтобы добиться справедливого отношения к себе и способствовать укреплению мира на Дальнем Востоке и во всем мире.²

Не будь сноски на «Полное собрание сочинений Сунь Ятсена», можно было бы подумать, что эта тирада принадлежит не вождю китайской революции, а какому-нибудь стороннику реформистского лагеря, с которым Сунь Ятсен боролся на протяжении доброй половины своей жизни.

Не менее показателен и другой абзац из того же источника:

Год тому назад Юань Шикай прислал ко мне человека с просьбой, но я не решился довериться этому послу. Я думал, что это уловка Юань Шикая, хотя на самом деле он был вполне искренен. Он хотел отменить приказ об объявлении меня в розыск и официально предложить мне действовать совместно. А я вместо этого сказал его послу: «Прошу Вас по возвращении домой передать Вашему хозяину, что вот уже 15 лет я веду тяжелую борьбу и постоянно подвергаюсь опасностям — не для того, чтобы бездумно поддаться на обман! Передайте Его превосходительству, что я могу подождать. Ведь “воля Неба непостоянна”!»

Если бы я поверил послу Юань Шикая, революция разразилась бы раньше и я сейчас был бы уже в Пекине!³

Это ли не лучшее доказательство того, что революции должны совершаться мирными средствами! Но что же случилось с Сунь Ятсеном, вдруг ставшим убежденным пацифистом?

Разгадка очередного парадокса проста. Приведенные выше слова революционного лидера были обращены не к его братьям по оружию, а к правительственным кругам Великобритании, помощь которых он взыскал, находясь в это время в Лондоне. Как и в 1896 г., он делал всё возможное, чтобы доказать, что китайские революционеры — это не

¹ Цзи Гуаньюань. Идеиная подоплека отставки Сунь Ятсена в 1-м году Республики. С. 90.

² ПССС. Т. 1. С. 556.

³ Там же. С. 557.

сборище экстремистов, как тогда полагали многие на Западе, а добропорядочные буржуа, в разгар Учанского восстания озабоченные судьбами мира во всем мире.

Но автор цитируемой нами статьи не ограничивается этим. Он ссылается на интервью, данное Сунь Ятсеном вскоре после этого в Париже. Цель заявления та же: «Франция — прогрессивная республика, поэтому она должна хоть чем-то помочь Китаю!»¹ Суть заявления не изменилась — мы не экстремисты, в своей борьбе мы действуем цивилизованно:

Мирными средствами способствовать прогрессу Китая — вот каково в действительности истинное желание нашей партии!²

Нужно ли после этого удивляться оценке, полученной Сунь Ятсеном от участников Учанского восстания, истекавших кровью в боях с правительственной армией в то самое время, когда революционный лидер произносил эти слова, под которыми охотно подписался бы любой его идейный противник — сторонник преобразования Китая реформистскими методами!

Трудно сказать, поверили ли англичане и французы заверениям Сунь Ятсена, но у работавших в Китае иностранных дипломатов, лучше своих рядовых соотечественников знавших ситуацию в стране пребывания, на тот счет было свое мнение. Сошлемся на донесение английского генерального консула в Нанкине от 24 января 1912 г.:

Почти все без исключения военные из числа революционеров и экстремистские элементы (а именно этим экстремистам своим нынешним положением обязан Сунь Ятсен) выступают за продолжение военных действий. Они считают, что война позволит им получить всё, ничего не потеряв.³

Предоставляем читателю самому решать, убедил ли его автор изложенной выше версии отставки Сунь Ятсена с поста президента Республики.

¹ 孙中山。与巴黎《巴黎日报》记着的谈话(Сунь Ятсен. Беседа с корреспондентом парижской газеты), 21–23 ноября 1911 г. (точная дата неизвестна) // ПССС. Т. 1. С. 562.

² Там же.

³ Генеральный консул в Нанкине — посланнику Великобритании в Китае Джордану, 24 января 1912 г. // 英国蓝皮书有关辛亥革命资料选译(Избранные переводы документов о Синьхайской революции из Британской голубой книги). Т. 2. Пекин. 1984. С. 456.

Особое мнение Чэнь Ижун

Профессор Юго-Западного педагогического университета Чэнь Ижун сформулировала мнение, стоящее особняком в ряду точек зрения по поводу того, почему Сунь Ятсен уступил президентский пост Юань Шикаю.

Она полагает, что сама формулировка «уступил пост» является ошибочной и не находит подтверждения в реальных фактах. По ее мнению, Сунь Ятсен в сущности был не президентом, а всего-навсего временно исполняющим обязанности президента, и поэтому «уступить» кому бы то ни было свой пост вообще не мог.

Ее аргументация включает три основных пункта.

Прежде всего, с самого начала революции ее лидеры были едины в своей уверенности, что только Юань Шикай способен эффективно осуществлять обязанности президента Республики. Это мнение абсолютного большинства было закреплено в решениях представителей провинциальных правительств: 3 декабря 1911 г. в Ханькоу они договорились о том, чтобы «не занимать должность Временного президента в ожидании того, что Юань Шикай перейдет на сторону революции»; 14 декабря в Нанкине — о том, что «впредь до избрания Временного президента его обязанности исполняет главнокомандующий». Основой всех официальных и неофициальных переговоров Севера и Юга был консенсус относительно того, что президентом Китайской Республики будет Юань Шикай (исключением не были и переговоры в Шанхае Гу Чжуншэня и Ляо Юйчуня, хотя в итоговом документе было решено не упоминать имя Юань Шикая и заявить, что «президентом будет свергнувший цинское правительство»).¹

Далее, Сунь Ятсен был провозвестником китайской революции и, рассуждая теоретически, именно его должны были считать единственным кандидатом на должность первого президента Республики. Почему же на заседании 11 декабря в Ханькоу, когда уже было известно, что Сунь Ятсен возвращается в Китай, было решено, что пост президента должен

Чэнь Ижун

¹ 陈一容. 孙中山民元“让位”问题再认识 (Чэнь Ижун. Иное понимание вопроса о том, что Сунь Ятсен в 1-м году Республики «уступил пост президента») // Синань шифань дасюэ сюэбао (жэньвэнь шэхуэй кэсюэбань). 2002. Т. 28. № 3. С. 110–111.

оставаться незанятым в ожидании прибытия не Сунь Ятсена, а Юань Шикая?

Причина в том, считает Чэнь Ижун, что «Объединенный союз» не был монолитной организацией, более того — он был постоянно раздираем большими и малыми раздорами, причем несколько раз даже возникал вопрос о смещении Сунь Ятсена с поста руководителя. А Сунь Ятсен большую часть времени отсутствовал в Китае, находясь за границей (на протяжении 17–18 лет с момента создания «Союза» вплоть до Учанского восстания он лишь однажды вернулся на родину и 4 дня провел на корабле в шанхайском порту). Помимо этого немаловажно, что победа в Учане была одержана отнюдь не под руководством Сунь Ятсена. В силу этих причин кандидатура Сунь Ятсена как будущего президента вообще не обсуждалась.

Могут возразить, пишет Чэнь Ижун, что в революционном лагере были те, кто считал Сунь Ятсена единственно достойным чести быть первым президентом Республики. Это действительно так, отвечает она своим оппонентам, но следует иметь в виду, что в численном отношении это были отдельные единицы, тогда как сторонники Юань Шикая выступали сомкнутыми рядами. Причем все агитировавшие в пользу Сунь Ятсена не занимали руководящих позиций в когорте победителей, а были рядовыми солдатами революции. Что же касается того, что якобы Хуан Син еще 14 октября телеграфировал Сунь Ятсену, приглашая его возвратиться в Китай и возглавить борьбу, то никаких следов этой телеграммы до сих пор не обнаружено.

Отвечая на вопрос о том, почему же Сунь Ятсен все же был избран Временным президентом, хотя и с весьма существенной оговоркой, Чэнь Ижун подчеркивает, что не последнюю роль в этом сыграли оказавшиеся газетной уткой слухи о том, что он едет в Китай с карманами, набитыми иностранной валютой, которой в это время так не хватало революционерам.¹

И последнее. Автор разбираемой статьи утверждает, что формулировка об «уступке» Сунь Ятсеном поста президента неприемлема с теоретической точки зрения.

Сунь Ятсен неоднократно заявлял, что «империя — это объект единоличной власти императора, в республике же [государственные дела] решает народ всей страны»²; «мы свергли маньчжурскую династию, преобразовали самодержавный строй, создали республику, и теперь

¹ Там же. С. 111–113.

² ПССС. Т. 9. С. 57–62.

400 миллионов граждан имеют право решать важнейшие проблемы»¹ и т. д. Можно ли после этого утверждать, что Сунь Ятсен по своему усмотрению «уступил» кому-то должность, на которую был избран представителями народа?

Кроме этого, говорит Чэнь Ижун, «уступка» Сунь Ятсеном поста президента противоречит весьма широко распространенному в научных кругах тезису о том, что Юань Шикай «узурпировал власть», поскольку «уступка» и «узурпация» логически не совместимы друг с другом.

Далее, формулировка об «уступке» влечет за собой оценку этого события как позорного пятна на репутации вождя революции.

Наконец, это связано и с ошибочной общей оценкой Синьхайской революции, так как многие исследователи считают «уступку» Сунь Ятсена свидетельством конечного поражения революции, хотя успех или поражение революции не определяется тем, какой пост занимает та или иная личность.²

Многое из того, о чем в своей статье говорит Чэнь Ижун, проливает свет на истинную ситуацию, возникшую после отречения Сюаньтуна. Однако нельзя не видеть, что главный пафос автора состоит всё же не в анализе причинно-следственных связей события, а в том, как мы должны или не должны *называть* его. Но суть данного события не изменится, если мы вслед за Чэнь Ижун будем говорить не о том, что Сунь Ятсен «уступил» свой пост, а о том, что он «ушел в отставку».

К сожалению, ее статья так и не ответила на гораздо более важный вопрос — *почему* Сунь Ятсен ушел в отставку.

Причин было несколько

Среди многочисленных версий, пытающихся ответить на вопрос *почему*, выделяется одна, согласно которой не какая-то одна причина, а совокупность нескольких причин заставила Сунь Ятсена вручить Юань Шикаю свои президентские полномочия. Эта точка зрения была высказана известными специалистами по новейшей истории Китая Ху Шэнью

Ху Шэнью

¹ Там же. Т. 8. С. 470.

² Чэнь Ижун. Иное понимание вопроса о том, что Сунь Ятсен в 1-м году Республики «уступил пост президента». С. 113–114.

Цзинь Чунцзи

и Цзинь Чунцзи. Правда, заголовок их статьи¹ не вполне соответствует ее содержанию.

Авторы справедливо отмечают, что в спорах об отставке Сунь Ятсена внимание исследователей было до недавнего времени сосредоточено преимущественно на том, поступил ли д-р Сунь правильно или это была его ошибка, а не на причинах, побудивших его поступить так, а не иначе.

Первый вопрос, который задают авторы статьи: почему именно на Юань Шикая возлагало свои надежды большинство руководителей Учанского восстания? Неужели они не видели опасности, скрытой за выдвижением его кандидатуры?

Ху Шэньгу и Цзинь Чунцзи считают, что это объясняется тремя обстоятельствами.

Во-первых, Юань Шикай был китайцем, а целью революции было свержение власти маньчжуров.

Во-вторых, существовало мнение, что избрание Юань Шикая президентом может предотвратить интервенцию иностранных держав.

В-третьих, Юань Шикай был способен заставить маньчжурский двор покинуть историческую арену.

Первая попытка решить все проблемы закончилась неудачей

Сунь Ятсен был уверен, что после его инаугурации державы незамедлительно предоставят ему обещанные займы.

Видный деятель «Объединенного союза» Ли Шучэн вспоминал:

Однажды вечером Хуан Син пригласил меня пойти с ним к Сунь Ятсену, чтобы узнать, как обстоят дела с получением займов Англии и США. Сунь Ятсен в это время читал газету. Отложив ее, он сказал:

– Иностранцы обещали мне, что как только революционная партия Китая придет к власти и сформирует правительство, они могут обсудить с нами

¹ 胡绳武、金冲及。辛亥革命孙中山为何让位袁世凯：国内外民众要求（*Ху Шэньгу, Цзинь Чунцзи*. Почему во время Синьхайской революции Сунь Ятсен отказался от своего поста в пользу Юань Шикая: требование масс внутри страны и вне ее) // http://news.ifeng.com/history/shixueyuan/detail_2011_11/28/10946338_6.shtml.

вопрос о займах. После инаугурации я напоминал им об этом и несколько раз отправлял телеграммы. Как раз вчера я телеграфировал им, чтобы побудить их выполнить обещание. Но сегодня суббота, завтра воскресенье, а иностранцы по выходным дням не работают. Завтра ответной телеграммы не будет, она, возможно, придет послезавтра, и я тут же сообщу вам.¹

Но ни послезавтра, ни через неделю, ни позднее ответа из-за границы так и не пришло. Державы не торопились с признанием Китайской Республики, возглавляемой Сунь Ятсеном. А ему ждать у моря погоды было не с руки. Поэтому, не оставляя надежды на помощь Запада, Сунь Ятсен обратил свой взор в сторону Страны Восходящего Солнца.

Сторонний наблюдатель мог судить об этом по целой серии назначений, последовавшей в начале января 1912 г.

6 января старинный друг Сунь Ятсена, будущий премьер-министр Японии Инукаи Цуёси, был назначен политическим советником Временного правительства, Тэрао Тору и Фукусима Ёси — советниками по юридическим вопросам, Сакатани Ёсиро и Харагути Канамэ — по проблемам финансов, а Икэ Кёкити стал личным секретарем Сунь Ятсена.

Что же касается секретных переговоров с японцами по поводу займа Временному правительству, то к этому времени они уже дали кое-какие предварительные результаты.

**Инукаи Цуёси
в новой должности**

Предмет сделки — Ханьепинский комбинат

29 декабря 1911 г., сразу же после того, как стали известны результаты голосования на выборах президента, Сунь Ятсен нанес визит Фудзисэ Сэйдзиро, главе шанхайского отделения японской фирмы Мицуи. Сопровождал его сотрудник той же фирмы Ямада Дзюнсабуро, младший брат Ямада Ёсимаса, ставший впоследствии постоянным посредником Сунь Ятсена в его контактах с представителями деловых кругов Японии.

Д-р Сунь спросил Фудзисэ, согласна ли его фирма предоставить Временному правительству заем в 5 млн иен. Тот ответил положительно и сформулировал условие сделки: фирма Мицуи становится совладельцем Ханьепинского металлургического комбината — современного на тот

¹ Ли Шучэн. Революционная деятельность Хуан Сина до и после 1911 г. С. 198.

Сунь Ятсен
и Ямада Дзюнсабуро

момент предприятия, разрабатывавшего расположенные недалеко друг от друга залежи каменного угля и железной руды, что создавало идеальные условия для производства дешевой стали.

Сунь Ятсен выразил свое согласие с этим; стороны договорились о том, что окончательное решение будет принято через неделю.¹

Сообщение об этом было с энтузиазмом встречено владельцем японской металлургической компании Накамура Юдзиро, уже давно строившим планы овладеть Ханьепинским комбинатом. Не откладывая дело в долгий ящик, 31 января он посетил члена правления фирмы Мицуи Ямамото Дзётаро и убедил его, что было бы непростительной ошибкой не воспользоваться неожиданно-негаданно представившейся

Японии возможностью отказаться от закупок железной руды и каменного угля за рубежом и получать всё это в Ханьепине.

Вслед за этим Накамура и Ямамото сообщили о готовящейся сделке министру иностранных дел Японии Утида и премьер-министру Сайондзи.

5 января участвовавший в разговоре Сунь Ятсена с Фудзисэ сотрудник той же фирмы Мори Какү выехал в Токио для согласования деталей соглашения с руководством фирмы Мицуи.

11 января в министерстве иностранных дел был составлен проект соглашения, переданный на рассмотрение правительства Японии. Он включал 6 пунктов:

1. Ханьепинский комбинат становится совместным предприятием двух стран.
2. Общая сумма акций совместной компании будет составлять 26 млн юаней; половина ее будет вложена японской стороной.

Ямамото Дзётаро
(1867–1936)

¹ Подробно см.: 李廷江. 日本财界与辛亥革命 (Ли Тинцзян. Финансовые круги Японии и Синьхайская революция). Пекин. 1994. С. 265.

3. Правление вновь создаваемой компании признает все обязательства, ранее взятые на себя комбинатом.

4. Правление компании будет обладать всеми правами бывшего комбината.

5. Председателем правления компании будет китаец, его заместителем — японец.

6. Казначеем компании становится представитель Японии.¹

12 января этот проект обсуждался и был утвержден на совещании представителей министерства иностранных дел, торговли и финансов Японии.

Сунь Ятсен безоговорочно согласился с условиями этого соглашения.²

Посланный в Токио представитель Временного правительства Хэ Тяньцзюн официально уведомил об этом японское правительство. Всё было готово к подписанию соглашения о предоставлении Нанкину займа на сумму 5 млн японских иен.

Но в самый последний момент Сунь Ятсеном вдруг овладели сомнения.

Сунь Ятсен отдавал себе отчет в том, что заключение секретного соглашения, условия которого противоречили суверенным интересам Китая, наверняка вызовет протесты общественного мнения и может серьезно подорвать авторитет Временного правительства и его лидера.

Для того чтобы предотвратить эти крайне нежелательные последствия подписания соглашения о японском займе, Сунь Ятсен решил прибегнуть к обходному маневру: договоренность о предоставлении денег и согласие на выдвинутые Японией условия должны исходить не от правительства, а от самого Ханьепинского комбината.

С этой целью д-р Сунь вступил в контакт с находившемся в Японии бывшим председателем Правления Ханьепинского акционерного общества Шэн Сюаньхуаем, в свое время смещенным со своего поста Пекинским правительством.

Шэн Сюаньхуай
(1844–1816)

¹ 旧中国汉冶萍公司与日本关系史料选辑 (Избранные материалы о Ханьепинском комбинате в старом Китае и его взаимоотношениях с Японией). Шанхай. 1985. С. 297–298.

² 盛宣怀实业函电稿 (Деловая корреспонденция Шэн Сюаньхуая). Т. 2. Гонконг. 1993. С. 900.

Здесь следует заметить, что в китайской исторической литературе на протяжении длительного времени господствовало мнение, согласно которому инициатором этой акции был сам Шэн Сюаньхуай.¹ Эта версия противоречит достоверным историческим фактам, и с начала 90-х гг. ее отвергают многие ученые.²

К переговорам подключается Шэн Сюаньхуай

17 января Сунь Ятсен предложил Шэн Сюаньхуаю следующий план: японский займ должен быть получен не правительством, а акционерным обществом, правительство же в знак благодарности Шэн Сюаньхуаю за его содействие вернет конфискованное у него имущество.³

Но Шэн Сюаньхуай колебался, понимая, что в этом случае ответственность за получение займа ложится лично на него, и тянул с принятием решения. Временное правительство вынуждено было поторопить его.

21 января Хэ Тяньцзюн передал ему распоряжение из Нанкина:

Получена телеграмма Нанкинского правительства. Следует преобразовать [Ханьепинскую] акционерную компанию в китайско-японское совместное предприятие для получения большой суммы на нужды армии. Просим уполномочить компанию действовать соответственно. За всё

¹ См., например: 吴纪先。盛宣怀与辛亥革命 (У Цзисянь. Шэн Сюаньхуай и Синьхайская революция) // 辛亥革命五十周年纪念论文集 (Сборник статей, посвященный 50-летней годовщине Синьхайской революции). Пекин. 1962; 全汉昇。汉冶萍公司史略 (Цюань Ханьшэн. Краткая история Ханьепинского комбината). Гонконг. 1972; 刘思格。孙中山与汉冶萍 (Лю Сыгэ. Сунь Ятсен и Ханьепин) // Бэйфан луныцун. 1985. № 4 и др.

² 李培德。汉冶萍公司与辛亥革命 (Ли Пэйдэ. Ханьепинский комбинат и Синьхайская революция) // 辛亥革命与现代中国 (Синьхайская революция и современный Китай). Пекин. 1994; 孙立田。民初汉冶萍公司中日“合办”问题探析 (Сунь Литянь. Исследование вопроса о «совместном управлении» Ханьепинским комбинатом в первые годы Республики) // Лиши цзяосюэ. 1998. № 3; 杨华山。论南京临时政府期间汉冶萍“合办”风波 (Ян Хуашань. Страсти, разгоревшиеся вокруг «совместного управления» Ханьепинским комбинатом в период существования Нанкинского временного правительства) // Сюэшу юэкань. 1998. № 11; 易惠莉。孙中山与中日合办汉冶萍借款案 (И Хуйли. Сунь Ятсен и дело о займе в связи с созданием совместной китайско-японской Ханьепинской компании) // Шилинь. 2002. (дополнительный выпуск).

³ 辛亥革命前后: 盛宣怀档案资料选辑之一 (До и после Синьхайской революции: избранные документы из архива Шэн Сюаньхуаю). Шанхай. 1979. С. 231–232.

последующее новое правительство гарантирует свою поддержку. Ни в коем случае не медлите.¹

23 января Шэн Сюаньхуау вручили телеграмму Хуан Сина, напоминавшего, что нельзя откладывать дело с получением займа. Однако в это время в шанхайские газеты проникли слухи о намерении бывшего главы Ханьепинской компании передать японцам половину ее акций, и Шэн Сюаньхуай подвергся за это резкой критике. Попав в столь затруднительное положение, он, осознавая, что «создание совместного предприятия чревато отрицательными последствиями»², вынужден был признаться управляющему шанхайским отделением иокогамского банка Одагири Масуносукэ, что не видит иного выхода, кроме согласия на этот план.³

Отвечая на телеграмму Хуан Сина, Шэн Сюаньхуай писал:

На днях японский предприниматель Одагири заявил мне, что не согласен на предоставление займа и требует создания совместной компании. Из письма Хэ Тяньцюна явствует, что правительство уже выразило свое согласие с этим, хотя в телеграмме о «совместной компании» не упоминается. Хотя это не противоречит прежнему уставу о разработке природных богатств, с точки зрения закона данный план может быть осуществлен только в том случае, если он санкционирован правительством. Какова на этот счет позиция правительства? Японский представитель ждет, поэтому прошу срочно ответить.⁴

26 января Хуан Син телеграфировал Шэн Сюаньхуау:

До сих пор мы не получили четкого ответа. Это значит, что Вы не вполне искренни в своей поддержке Республики. Вы уже получили полномочия на ведение прямых переговоров с Мицуи, и поэтому далее медлить нельзя. Если Вы добьетесь получения займа, это будет выгодно и государству, и Вам лично. В противном случае республиканское правительство отдаст приказ о конфискации Вашего имущества.⁵

Шэн Сюаньхуай понял, что больше медлить и в самом деле нельзя. В тот же день он вместе с Одагири подписал включавшее 10 пунктов соглашение о создании китайско-японской акционерной Ханьепинской компании и предоставлении займа на сумму 5,5 млн японских иен.⁶

¹ Там же. С. 233.

² Там же. С. 232.

³ Там же. С. 234.

⁴ Там же. С. 233–234.

⁵ Там же. С. 235.

⁶ Деловая корреспонденция Шэн Сюаньхуау. Т. 2. С. 950–951.

Одагири Масуносукэ
(первый слева)
и Дж. Моррисон
(в центре)

Но аппетит приходит во время еды. Сообщая Сунь Ятсену об успешном завершении переговоров о Ханьепинской компании, Ямамото Дзётаро заодно напомнил ему, что в декабре 1911 г. речь шла еще об одном крайне выгодном для Японии проекте — предоставлении Нанкину займа при условии превращения в совместное предприятие Чжэцзянской железной дороги. Теперь японский деятель намекнул Сунь Ятсену, что в случае, если эта дорога останется в руках китайцев, с реализацией соглашения о Ханьепине могут возникнуть трудности.¹

Дело сорвалось из-за, казалось бы, пустяка

Для того чтобы соглашение могло вступить в силу, требовалось еще согласие общего собрания акционеров. Об этом Ямамото напомнил Сунь Ятсену в своем письме от 1 февраля, сообщив, что теперь оставалось только подписать еще одно, трехстороннее соглашение, текст которого доставит в Нанкин Мори Каку.²

От имени правительства соглашение было подписано Сунь Ятсеном и Хуан Сином.³

¹ До и после Синьхайской революции. С. 237.

² Там же. С. 244–245.

³孙中山全集续编 (Дополнения к Полному собранию сочинений Сунь Ятсена, далее — ДПССС). Т. 1. Пекин. 2017. С. 181–182.

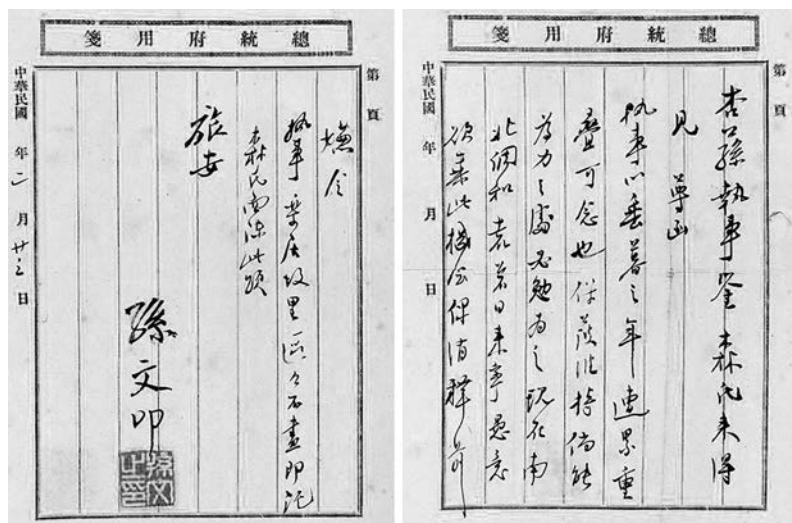
Акция Ханьепинского комбината

Между тем, хотя переговоры о судьбе Ханьепинского комбината велись с соблюдением сугубой секретности, они вскоре стали известны китайской общественности и вызвали с ее стороны шквал критики.

«Получение займа Ханьепинским комбинатом, — писал в те дни журнал “Дунфан цзачжи”, — дело туманное, содержание соглашения засекречено, поэтому процесс его подписания неясен. Если судить по сообщениям прессы, то остается непонятным, то ли это произошло по инициативе правительства, то ли Шэн Сюаньхуая. В этом следует разобраться!»¹

Многое из того, что было известно прессе, говорило не в пользу Шэн Сюаньхуая, созыв общего собрания акционеров Ханьепинской компании откладывался. Кончилось тем, что Сюаньтун уже подписал эдикт о своем

¹ Цит. по: И Хуйли. Сунь Ятсен и дело о займе в связи с созданием совместной китайско-японской Ханьепинской компании. С. 43.

Письмо Сунь Ятсена Шэн Сюаньхуаю, 23 февраля 1912 г.

отречении, а согласие акционеров на создание совместного предприятия так и не было получено.

Сунь Ятсену пришлось извиняться перед Шэн Сюаньхуаю за то, что его втянули в историю, закончившуюся фиаско первоначальных планов и лишь навлекшую на него гнев соотечественников: «Поистине достойно сожаления, что Вы на старости лет оказались в столь неприятном положении».

Для самого Сунь Ятсена закончившаяся неудачей попытка заключить соглашение с Японией также обернулась большими неприятностями.

26 февраля японский генеральный консул в Ханькоу Мацумура Садао доносил министру иностранных дел Утида Косаи:

Как только Учанское военное правительство узнало о том, что Нанкинское правительство ведет переговоры о получении займа под залог имущества Ханьпинского комбината, оно тут же направило Сунь Ятсену телеграмму с выражением протеста, а заместитель министра иностранных дел Цзян Хуабэнь был направлен в наше консульство с требованием информировать его обо всей совокупности взаимоотношений Японии с вышеуказанным комбинатом.¹

¹ Мацумура — Утида, 26 февраля 1912 г. // 日本外交文书选译: 关于辛亥革命 (Избранные документы внешней политики Японии, касающиеся Синхайской революции). Пекин. 1980. С. 364.

Началась длительная и крайне неприятная для Сунь Ятсена переписка Учана и Нанкина, в ходе которой ему пришлось в очередной раз давать задний ход.

В учанской газете «Чжунхуа миньго гунбао» было опубликовано адресованное Ли Юаньхуну письмо Ван Чжэнтиня, в котором он заявлял, что поскольку японская сторона еще не выплатила оговоренную в соглашении сумму, оно вполне может быть расторгнуто¹.

По словам консула Мацумура, крайнее недовольство как Хубэйского правительства, так и жителей этой провинции было вызвано тем, что о секретных переговорах о судьбе находящейся на территории собственности органы местной администрации в извесность поставлены не были.

Мацумура считал, что это не только роковая ошибка Сунь Ятсена, но и просчет японской стороны, так как вся эта история вызвала в Хубэе взрыв антияпонских настроений.²

Официальный орган Хубэйского военного правительства газета «Чжунхуа миньго гунбао»

Козырная карта в колоде Сунь Ятсена

Но у Сунь Ятсена был про запас еще один козырь, и в начале февраля 1912 г., когда ситуация с Ханьепином уже стала критической, д-р Сунь решает поставить его на кон.

Речь шла о сопках Маньчжурии

3 февраля он встретился с сотрудником фирмы Мицуи Мори Каку и имел с ним продолжительную беседу. О ее содержании Мори подробно информировал директора компании Масуда Такаси.³

¹ Там же. С. 365.

² Там же. С. 365–366.

³ Мори Каку — Масуда Такаси, 8 февраля 1912 г. // ДПССС. Т. 1. С. 183–187.

Мори сразу уловил мысль собеседника и перешел к сути дела:

Как Вы знаете, сегодня в мире идет война желтой и белой расы. Япония полагает, что для того, чтобы сдержать продвижение России на юг (а она выступает авангардом белой расы), чтобы гарантировать безопасность Японии и мир в Тихоокеанском регионе, нужно защитить Маньчжурию. Япония не собирается в связи с этим ставить на карту судьбу страны и приносить в жертву жизни людей и материальные ресурсы. Но Россия движется на юг, а Германия захватила Циндао, и поэтому придется защищать Маньчжурию руками японцев. В силу нынешних обстоятельств Китай вряд ли самостоятельно сможет осуществить эту задачу, и Вы, я думаю, согласитесь с этим.<...>

В настоящее время революционное правительство испытывает многочисленные трудности и, без сомнения, не сможет выполнить свою миссию без помощи Японии, занимающей особую позицию с географической и исторической точки зрения.

Если Вы откажетесь от Маньчжурии, судьба которой уже предрешена, и согласитесь передать ее под покровительство Японии, то в качестве компенсации получите от Японии помощь в осуществлении великих революционных целей. Япония в этом случае незамедлительно согласится на Ваши требования и предпримет меры для их удовлетворения.<...>

Как Вы относитесь к этому предложению? Если Вы согласны с тем, что изложено Вашим покорным слугой, следует решать не мешкая. Как г-н Кацура¹ намекнул г-ну Масуда, если Вы намерены действовать, кто-то один из вас двоих² должен вместе со мной поехать на встречу с г-ном Кацура, воспользовавшись возвращающимся в Японию военным судном, после чего добраться специальным поездом до Киото и встретиться там

Масуда Такаси
(1848–1938)

Мори Каку
(1882–1932)

¹ Кацура Таро неоднократно занимал пост премьер-министра Японии.

² Мори имел в виду Сунь Ятсена и Хуан Сина.

с г-ном Кацура, который прибудет из Токио. Думается, что на поездку туда и обратно потребуется недели две.¹

Предложение Мори отнюдь не было для Сунь Ятсена неожиданным. Раньше он уже неоднократно беседовал на эту тему с японцами, выражая свою готовность отдать Маньчжурию под их «покровительство». Поэтому на этот раз он без обиняков заявил:

Намерение г-на Кацура дорогого стоит! Я давно уже озабочен будущим Китая, с тревогой думаю о судьбах желтой расы, размышляю о мире на Тихом океане. Поэтому с самого начала революции я имел намерение полностью передать Маньчжурию Японии в качестве компенсации за поощ, которую она нам окажет. Однако Япония держалась отчужденно, не желая сближения с нами. В начале нашего движения я хотел обосноваться в Японии, но мне не разрешили въехать в страну, и я постепенно пришел к мысли, что японцы не хотят иметь с нами дело, и поэтому уехал в Америку.

Но в силу географических и расовых причин Китай ничего не сможет осуществить без солидарности и помощи Японии. Поэтому я употребил все имеющиеся в моем распоряжении средства для того, чтобы добиться понимания со стороны Японии. И в результате среди японских политических деятелей оказалось немало таких, кто был готов всячески содействовать нашему революционному правительству. Но что касается японского правительства, то оно до сих пор так и не поддержало нас. <...>

Сунь Ятсен добавил:

Если бы я по дороге в Китай или хотя бы в Гонконге узнал о планах г-на Кацура, я тут же направился бы в Японию, чтобы решить проблему.

Кацура Таро
(1848–1913)

А сейчас ситуация изменилась. Вначале все вопросы, связанные с действиями революционной армии, я мог решать вдвоем с Хуан Сином. Но сейчас дело обстоит иначе. Провинции поддерживали нас и встали под наши знамена. Но из-за военных и финансовых причин мы не можем действовать по своему усмотрению и вынуждены решать принципиальные вопросы с учетом общего мнения. За последнее время финансы революционного правительства до предела истощились.

Если проблема военных расходов не будет немедленно решена, дело обернется катастрофой. Если в течение нескольких дней мы не получим средств,

¹ Мори Каку — Масуда Такаси, 8 февраля 1912 г. // ДПССС. Т. 1. С. 183–187.

крайне необходимых нам для разрешения нашей критической ситуации, нам придется распустить нашу армию, а революционное правительство падет. Но если мы в эти дни не будем показываться на публике, распространятся слухи о том, что мы из-за этих трудностей бежали из страны.<...>

А вслед за этим Сунь Ятсен без утайки поделился с малознакомым ему иностранным бизнесменом своим сокровенным планом:

Если нам повезет и мы получим средства, достаточные для того, чтобы предотвратить роспуск армии, то мы будем продолжать до следующего года¹ мирные переговоры с Юань Шикаем и увеличивать наши финансовые возможности, после чего покончим с Юань Шикаем, в соответствии с первоначальным планом с помощью военной силы окончательно устраним инакомыслящих на Юге и на Севере, вырвем корень зла, противостоящий нам сегодня, и укрепим республиканский строй.<...>

Если же к нашему несчастью в течение ближайших пяти дней до 9 числа, то есть до конца года по старому календарю, мы не сможем получить 15 500 000 японских иен, то все будет кончено. Придется, не дожидаясь краха революционного правительства, самим сделать первый шаг и, прервав мирные переговоры Севера и Юга, временно передать власть Юань Шикаю. Трудно предвидеть, как сложится обстановка после того, как власть окажется в руках Юань Шикая, но, во всяком случае, секретное соглашение с Японией будет уже невозможным.<...>

Ситуация ныне такова, что если мы получим деньги, то сможем спокойно рассчитывать на поддержку армии, а коль скоро проблема армии будет решена, кто-то из нас двоих с Хуан Сином поедет в Японию, чтобы обсудить с г-ном Кацура вопрос о Маньчжурии и о перспективах деятельности революционного правительства. Таков давно уже принятый нами план. Если сейчас есть возможность, нужно немедленно решать проблему.

Но хотя сегодня мы и понимаем необходимость этого, все же по вышеизложенным причинам ни на шаг не можем покинуть Нанкин. Что делать? Остается сожалеть, что Ваше предложение так запоздало!

Но Мори по-прежнему продолжал настаивать на своем:

Когда будет подписано мирное соглашение, что-либо изменить будет уже затруднительно. А что если продолжать переговоры и одновременно с этим послать в Японию человека, который будет представлять Вас и Хуан Сина?

Это предложение не было принято Сунь Ятсеном, который утверждал, что столь важную миссию невозможно доверить какому-то третьему лицу и поэтому ехать в Японию должен либо он сам, либо Хуан Син.

¹ Сунь Ятсен имел в виду «следующий год» по китайскому традиционному календарю.

Сунь Ятсен и Мори Каку начинают действовать

Нужно отдавать себе отчет в том, чем рисковал Сунь Ятсен, начиная переговоры с Мори об уступке японцам Маньчжурии в обмен на финансовую помощь Временному правительству. Хотя сама по себе эта идея не была для него нова, в 1912 г. общая ситуация принципиально отличалась от существовавшей несколькими годами ранее. Когда Сунь Ятсен во время первой встречи с Утида Рёхэй предлагал тому то же самое, он руководствовался своим пониманием сущности антицинской революции — изгнать маньчжуров на их исконные земли, а в Китае основать республику китайцев-хань. Теперь же в его стране уже существовала «республика пяти наций», и территория нынешних северо-восточных провинций Китая была ее неотъемлемой частью. Неслучайно после того, как китайской общественности стало известно о намерении Сунь Ятсена уступить Маньчжурию японцам, закономерно встал вопрос: любил ли он свою Родину или же был готов торговать ею. Это обстоятельство требовало абсолютной секретности переговоров, и нет ничего удивительного в том, что даже известный японский суньятсеновед Кубота Бундзи, 40 лет тому назад писавший о «так называемой готовности Сунь Вэня пожертвовать Маньчжурией» и упоминавший о ряде других эпизодов, видимо, ничего не знал о переговорах 1912 г.¹ Адресованное Масуда Такаси письмо Мори Каку было обнаружено в архиве фирмы Мицуй лишь в 80-х гг.

Но вернемся к разговору Сунь Ятсена с Мори, состоявшемуся 3 февраля 1912 г.

Мори предупредил Сунь Ятсена, что выплатить запрошенную им сумму в течение пяти дней абсолютно невозможно, остается немедленно дать телеграмму Масуда и ждать решения вопроса.

Сунь Ятсен еще раз напомнил:

Если деньги будут переданы лишь в самом конце года, не исключено, что это уже утратит всякий смысл.²

Тут же был составлен следующий текст телеграммы в Токио:

Ввиду финансовых трудностей, в случае если до конца года по традиционному китайскому летоисчислению мы не получим 15 500 000 японских

¹ 久保田文次。孫文のいわゆる「滿蒙讓与」論について (Кубота Бундзи. О так называемой «готовности Сунь Вэня пожертвовать Маньчжурией» // 中島敏先生古稀記念論集 (Сборник статей в честь 70-летия проф. Накадзима Сатоси). Токио. 1981.

² Мори Каку — Масуда Такаси, 8 февраля 1912 г. // ДПССС. Т. 1. С. 183–187.

иен, вести военные действия будет невозможно, а революционное правительство ожидает коллапс. Соглашение с Ханьепинским комбинатом о 5 000 000 японских иен достигнуто <...>, в настоящее время ведутся переговоры с Англией, Германией и США о займах в размере 10 000 000 иен. Если в течение пяти дней мы не получим от вас указанную сумму, все будет кончено, Сунь Ятсен и Хуан Син подпишут мирное соглашение с Юань Шикаем и уступят ему власть. Сунь Ятсен согласен на передачу Маньчжурии. Если Япония для того, чтобы предотвратить роспуск революционной армии, помимо 5 000 000 Ханьепинскому комбинату немедленно выплатит 10 000 000 иен, мы прервем переговоры с Юань Шикаем, а Сунь Ятсен или Хуан Син выедут в Японию для заключения секретного договора о Маньчжурии. Если же деньги не будут получены, армию придется распустить, а нанкинское правительство прекратит свое существование.¹

В тот же день Сунь Ятсен отправил письмо одному из «старейшин» Японии Иноуэ Каору, надеясь на его содействие в осуществлении намеченной операции.²

Видимо, подумав, что кашу маслом не испортишь, Сунь Ятсен и Хуан Син послали Иноуэ кроме этого телеграмму за двумя подписями, заранее благодаря его за помощь.³

Сразу после встречи с Сунь Ятсеном Мори выехал в Шанхай. 5 февраля д-р Сунь напомнил ему о срочности задуманного, и он послал Масуда очередную телеграмму, а 6 февраля на нее пришел ответ:

Абсолютно секретно. Все в высшей степени удовлетворены [предложением о] Маньчжурии. В настоящее время путем соответствующих мер решаем вопрос о средствах. На днях встретимся с премьером.⁴

Мори немедленно сообщил об этом Сунь Ятсену:

Вы можете быть удовлетворены тем, как продвигается дело с Маньчжурией. В телеграмме из Токио говорится, что деньги срочно

Иноуэ Каору
(1836–1915)

¹ Сунь Ятсен — Масуда Такаси, 3 февраля 1912 г. // Там же. С. 187.

² Сунь Ятсен — Иноуэ Каору, 3 февраля 1912 г. // Там же. С. 188.

³ Сунь Ятсен, Хуан Син — Иноуэ Каору, 3 февраля 1912 г. // Там же. С. 188–189.

⁴ Цит. по: 杨天石. 孙中山与“租让满洲”问题 (Ян Тяньши. Сунь Ятсен и проблема «уступки Маньчжурии») // Цзиньдайши яньцзю. 1988. № 6. С. 65.

изыскиваются. Пока из Токио не последует иное суждение, продолжайте мирные переговоры с Юань Шикаем. Немедля сообщите Ваше мнение.¹

Еще не получив эту телеграмму Мори, Сунь Ятсен сообщал ему:

Мирные переговоры с Юань Шикаем продолжим до 9 февраля.

Надеемся до этой даты получить определенный ответ.²

11 февраля Мори телеграфировал Масуда:

По мнению Сунь Ятсена и Хуан Сина, получение займа под залог судостроительной компании наталкивается на значительные трудности, крайне затянулось и надеяться на успех более нельзя. Над армией нависла опасность роспуска. До Нового года помимо 5 000 000 иен за Ханьпин нужно получить еще 10 000 000 иен. Без этого обойтись невозможно. Если эта сумма не будет получена, они не смогут покинуть Нанкин. Они выразили свое согласие на передачу Маньчжурии и требуют в течение 10 дней предоставить 10 000 000 иен. Если согласиться на это, Хуан Син может немедленно прибыть в Японию для подписания секретного соглашения. Просьба тут же дать ответ о том, как следует поступить. Дело чрезвычайной важности, прошу приложить все Ваши силы.³

А что же рёнин?

У читателя невольно может возникнуть вопрос: в чем же заключалось участие в переговорах о судьбе Маньчжурии японских *рёнин*, для которых этот вопрос имел первостепенное значение?

В декабре 1911 г., накануне избрания Сунь Ятсена на пост Временного президента, глава общества «Кокурюкай» Утида Рёхэй выступил со статьей «О преобразовании Китая», в которой содержались рекомендации японскому правительству по поводу того, какой линии в отношении китайской революции ему следовало придерживаться.

Говоря теоретически, писал Утида, существовало три возможности добиться выгодного для Японии преобразования государственного строя соседней страны.

Ведущие деятели
«Кокурюкай» Утида Рёхэй
(справа) и Тояма Мицуру

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

Прежде всего, Япония могла бы поддержать маньчжурскую династию, способствовать подавлению революции, чтобы затем провести в стране необходимые реформы.

Далее, Китай мог быть разделен на две половины, одна из которых (севернее Хуанхэ) была бы подвластна маньчжурам, другая — революционному правительству.

Наконец, Япония могла выступить на стороне революционной партии и этим поддержать создание в Китае республики.

Однако первый вариант, хотя он широко пропагандировался в странах Европы, не соответствовал, по мнению Утида, современным условиям Китая. Второй вариант, учитывая стремление китайской общественности к объединению страны, мог рассматриваться как не более чем некое переходное состояние. Поэтому, утверждал Утида, японское правительство должно встать на третий путь радикального решения китайского вопроса.¹

Нет сомнений в том, что, выдвигая свой план, предводитель «Кокурюкай» руководствовался прежними заверениями Сунь Ятсена о готовности отблагодарить японцев передачей им Маньчжурии.

Поэтому, в противоположность правительству Сайондзи Киммоти, руководители «Кокурюкай» были решительно против продолжения мирных переговоров Севера и Юга.

Чжан Тайянь писал по этому поводу:

Япония давно уже зарится на Маньчжурию и Монголию, изыскивая случай, чтобы завладеть ими, и хочет воспользоваться для этой цели внутренними беспорядками в Китае. На переговорах Севера и Юга обе стороны озабочены судьбой Китая, стремясь как можно скорее подвести надежную базу под китайскую государственность и исходя из насущных нужд страны и ее народа. Но в случае, если договоренность будет достигнута, Япония наверняка лишится удобного случая овладеть Маньчжурией и Монголией. Поэтому Тояма и Инукаи препятствуют переговорам, утверждая, что «переговоры невыгодны революционной партии», и отговаривают Сунь Ятсена и Хуан Сина от компромисса. Но Сунь Ятсен и Хуан Син достаточно мудры, чтобы понимать их тайные намерения, и вежливо отклоняют их советы.²

¹ Подробно см.: 王柯. 民族主义与近代中日关系 (Ван Кэ. Национализм и китайско-японские отношения в новейшее время). Гонконг. 2015. С. 82–88.

² Цит. по: 赵金钰. 日本浪人与辛亥革命 (Чжао Цзиньюй. Японские рёнин и Синьхайская революция). Чэнду. 1988. С. 121–122.

Действительно ли понимал Сунь Ятсен тайные намерения главарей «Кокурюкай» или же неприятности, возникшие в связи с делом Ханьепина, заставляли его действовать с максимальной осмотрительностью, но он не прислушался к советам «друзей» и, следуя рекомендации японского правительства, в ожидании решения вопроса продолжал шанхайские переговоры.

А японское правительство, казалось, вот-вот впервые в новейшей истории согласится на оказание поддержки революционному правительству.

Но словно гром среди ясного неба последовало сообщение о том, что кабинет министров Японии решил аннулировать договоренность, достигнутую Сунь Ятсеном и Мори Каку 3 февраля.

Как писал в своих воспоминаниях Ямамото Дзюнсабуро, против заключения соглашения о сделке по поводу Маньчжурии выступил военный министр Исимото Синроку.

Он заверил правительство, что японская армия в состоянии самостоятельно решить эту проблему, так что, стало быть, платить за это большую сумму денег нет никакой необходимости.¹

Сунь Ятсен остался без оружия и без денег. План прервать переговоры между Севером и Югом, чтобы с помощью военной силы устранить Юань Шикая, был сорван.

Временный президент Китая был вынужден «выполнить обещанное» и уйти в отставку, не дожидаясь признания Республики державами.

Исимото Синроку
(1854–1912)

Лань Тяньвэй выполнить свою миссию не успел

Имя «Лань Тяньвэй» наверняка мало что говорит широкой читающей публике. Между тем, в январе 1912 г. д-р Сунь сделал на него серьезную ставку, и его неудача стала одной из причин того, что президент покинул свое кресло.

¹ Подробно см.: *Ян Тяньши*. Сунь Ятсен и проблема «уступки Маньчжурии». С. 66.

Мирные переговоры подготовке похода на Пекин не помеха

4 января Сунь Ятсен дал указание У Тинфану ежедневно информировать его о ходе мирных переговоров с Севером¹ и одновременно с этим написал в Кантон Чэнь Цзюньмину:

Создание центрального правительства стократно укрепило боевой дух армии. Как бы ни закончились мирные переговоры, ни в коем случае нельзя отказываться от похода на Север.²

7 января Сунь Ятсен изложил Ли Юаньхуну общую диспозицию войск перед наступлением:

[Войска, расквартированные на территории провинций] Хубэй и Ханань, составляют 1-ю армию, которая наступает вдоль железной дороги Ханькоу-Пекин.

[Войска, расквартированные в] Нанкине и в провинции Аньхуй, — это 2-я армия, она наступает в направлении Хэнани и встречается с 1-й армией в районе между Кайфэном и Чжэнчжоу.

[Войска, расквартированные в] Хуайяне, — 3-я армия, в Яньгае — 4-я армия, они наступают в направлении Шаньдуна и встречаются Луаньчжоу и Циньхуандао.

Войска, [расквартированные] за заставой [Шаньхайгуань], составляющие 5-ю армию, и в провинциях Шаньси-Шэньси, т. е. 6-я армия, наступают на Пекин.³

14 января, получив информацию о том, что революционные войска, находящиеся на севере провинции Аньхуй, допускают грубые нарушения воинской дисциплины и бесчинства в отношении местного населения, Сунь Ятсен приказывает навести порядок в армии, «которую и в Китае, и за рубежом называют “воинством, борющимся за справедливость”», дабы не давать повода для нападков вражеской пропаганды».⁴

Вскоре аналогичные жалобы поступили от жителей Нанкина, и Сунь Ятсен приложил немало усилий к тому, чтобы успокоить их:

Взаимное недоверие армии и народа было бы самой больной проблемой после успеха революции. Испытывая экономические трудности, народ и так уже страдался, а тут еще постоянно приходят сообщения

¹ Сунь Ятсен — У Тинфану, 4 января 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 174.

² Сунь Ятсен — Чэнь Цзюньмину, 4 января 1912 г. // Там же. С. 175.

³ Сунь Ятсен — Ли Юаньхуну, 7 января 1912 г. // Там же. С. 176.

⁴ Сунь Ятсен — Сунь Юйцзюню, 14 января 1912 г. // Там же. С. 179–180.

о грабежах, совершаемых военными. Как может народ после завершения военных действий вынести такое?

После избрания президентом я прежде всего озабочен задачей объединения армии и на протяжении нескольких последних дней обсуждаю эту проблему с командованием сухопутных войск. Дисциплина в армии вскоре будет восстановлена. Сообщите об этом всем горожанам! Нужно немного потерпеть!¹

14 января Сунь Ятсен отправил телеграмму Ли Юаньхуну, обсуждая с ним вопрос о закупке военных самолетов. Обмен мнениями на эту тему был продолжен через два дня.²

20 января Сунь Ятсен сообщил Ли Юаньхуну о ходе мирных переговоров и указал, что «в случае, если цинский двор будет стоять на своем, у нас будет повод для возобновления военных действий».³

26 января в телеграмме Чэнь Цзюнмину Сунь Ятсен высказывает мысль о том, что «мирные переговоры застопорились, вскоре начнутся военные действия».⁴ В тот же день Ли Юаньхуну:

Мирные переговоры продвигаются с трудом, боевую подготовку нашей армии нельзя приостанавливать ни на минуту. План военных действий на территории Хубэя должен быть выработан у вас на месте.⁵

28 января в ответ на обращение военного губернатора провинции Гуйлинь Лу Жунтина Сунь Ятсен писал ему:

В армию для похода на Север нужно включать отборные войска. Вы проявили беспримерную храбрость, и Ваши подчиненные также прославились. Если Вы станете в первые ряды служения Родине, маньчжурские варвары не выдержат. <...> Но Вам нет необходимости принимать личное участие, достаточно послать в поход на Север отборные части, и этого будет достаточно для усиления нашей армии.⁶

Не будет ошибкой сказать, что, продолжая мирные переговоры, Сунь Ятсен «ни на минуту» не приостанавливал подготовку к Северному походу. При этом особые надежды он возлагал на 5-ю армию, которой согласно изложенной им диспозиции надлежало начать наступление непосредственно на Пекин.

¹ Сунь Ятсен — жителям Нанкина, 24 января 1912 г. // Там же. С. 190.

² Сунь Ятсен — Ли Юаньхуну, 16 января 1912 г. // Там же. С. 181.

³ Сунь Ятсен — Ли Юаньхуну, 20 января 1912 г. // Там же. С. 184–185.

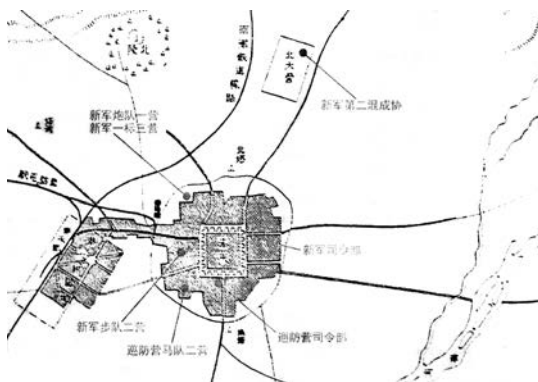
⁴ Сунь Ятсен — Чэнь Цзюнмину, 26 января 1912 г. // Там же. С. 190.

⁵ Сунь Ятсен — Ли Юаньхуну, 26 января 1912 г. // Там же. С. 192.

⁶ Сунь Ятсен — Лу Жунтину, 28 января 1912 г. // Там же. С. 194.

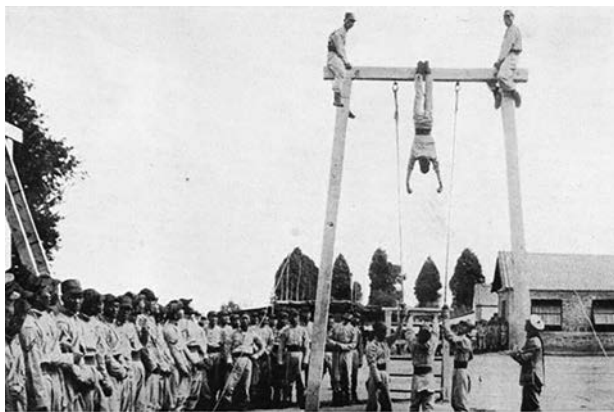
Что собой представляла эта 5-я армия

Речь шла о частях 2-й бригады Новой маньчжурской армии, первоначально расквартированных в Бэйдаине близ Мукдена.

Военный лагерь Бэйдаин (北大营) в северном предместье Мукдена

2-я смешанная бригада была одним из образцовых подразделений Новой армии, созданных по западному образцу и оснащенных современным вооружением.

Тренировка солдат 2-й смешанной бригады

Большинство старших офицеров обучалось в Японии, где они оказались под влиянием «Объединенного союза», а некоторые из них вступили в эту организацию.

В 1907 г. в Мукдене был создан филиал «Объединенного союза», насчитывавший более 100 членов. Одним из его руководителей стал командир 3-й бригадой Лань Тяньвэй.

Лань Тяньвэй был уроженцем провинции Хубэй, где началась его военная карьера. Он трижды длительное время стажировался в Японии и вскоре стал одним из авторитетных военных деятелей. Когда в 1911 г. в Учане обсуждался вопрос о том, кто должен стать главой военного правительства, и речь зашла о Ли Юаньхуне, один из участников совещания заметил: «Но он же не наш человек!» — и услышал в ответ:

Нельзя сказать, что в революционном лагере нет достойных стать руководителем. Когда здесь служил Лань Тяньвэй, его собирались выдвинуть на пост губернатора. Но сейчас он далеко — в Мукдене и прибыть на юг не может.¹

Высшие офицеры Новой армии начали активную подготовку к вооруженному выступлению против маньчжурского правительства еще летом 1911 г. Они решили воспользоваться маневрами, которые должны были проходить в Луаньжоу, но дело сорвалось.

6 октября на квартире Лань Тяньвэя в Бэйдаине состоялось совещание, на котором заговорщики избрали его руководителем будущего революционного правительства Трех Восточных провинций.

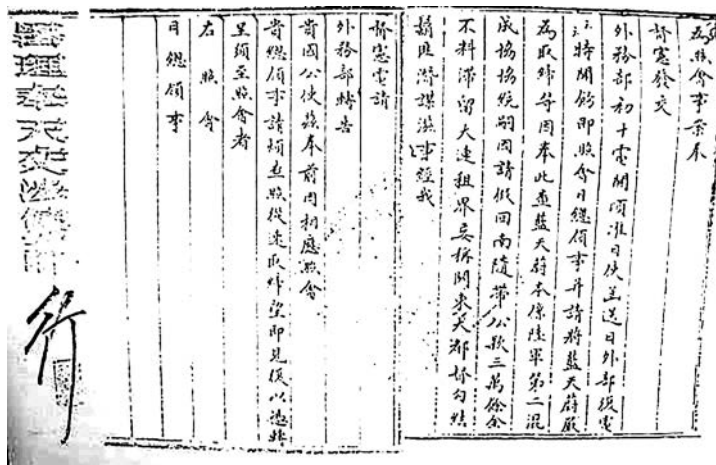
Об этом стало известно маньчжурским властям, Лань Тяньвэй был снят с должности командира 2-й бригады, за ним была установлена слежка. Ему удалось скрыться в Дайрене на территории японской концессии, и 11 октября канцелярия военного губернатора Чжао Эрсюня вручила японскому консулу в Мукдене Отиаи ноту с требованием пресечь деятельность Лань Тяньвэя.

27 ноября заместитель министра иностранных дел Пекинского правительства Цао Жулинь посетил посланника Японии Идзюин Хикокити и сделал ему представление в связи с тем, что, по сообщению губернатора Трех Восточных провинций, тамошние революционеры во главе с Лань Тяньвэем скрываются на территории японской концессии, накапливают

Лань Тяньвэй
(1878–1921)

¹ 蓝天蔚生平都有什么主要成就 (Каковы главные заслуги Лань Тяньвэя) // <http://www.manfen5.com/lishi/34220>.

Нота от 11 октября, полученная в японском консульстве в Мукдене

там оружие и пользуются покровительством японских властей. Цао Жулинь предъявил посланнику следующие требования:

- 1) китайские и японские власти должны совместными усилиями арестовать заговорщиков;
- 2) в случае возникновения беспорядков китайская сторона своими силами обеспечит безопасность иностранных граждан, так что Япония не должна осуществлять вооруженное вмешательство;
- 3) заговорщики являются уголовными элементами, поэтому они не могут считаться государственными преступниками.¹

Министр иностранных дел Японии Утида ответил консулу:

Императорское правительство естественно не может допустить, чтобы на управляемой нами территории разрабатывались планы какой бы то ни было политической деятельности. Поэтому если это действительно имеет место, необходимо принять эффективные меры пресечения. Прошу передать Юань Шикаю, что он может быть спокоен на этот счет.²

Мы не знаем, успокоило ли это Юань Шикая, но губернатору Трех Восточных провинций Чжао Эрсюню события тех дней явно не давали спать спокойно.

¹ Идзюин — министру иностранных дел Утида, 27 ноября 1911 г. // 日本外交文書 选译。关于辛亥革命 (Избранные переводы японских дипломатических документов. Синьхайская революция). Пекин. 1980. С. 211–212.

² Утида — Идзюин, 28 ноября 1911 г. // Там же. С. 212.

3 декабря он встретился с японским консулом Отиаи и изложил ему свои претензии: японские власти всячески затрудняют правительственные перевозки, а это не позволяет ликвидировать бандитов. Консул заверил губернатора, что надлежащие меры уже приняты, но это заявление не удовлетворило Чжао Эрсюня, и он крайне раздраженным тоном повторил, что действия японской стороны фактически льют воду на мельницу заговорщиков и противоречат принципам китайско-японской дружбы. В этих условиях он как военный губернатор не может взять на себя ответственность за дальнейшее развитие событий и т. д.¹

Отиаи доносил в МИД, что в районе Чжуанхэ и Фучжоу действительно скапливаются силы инсургентов.²

Тем временем Лань Тяньвэй отбыл из Дайрена в Шанхай, куда 25 декабря вернулся из-за границы Сунь Ятсен.

С Сунь Ятсеном и его ближайшим окружением
(второй слева — Лань Тяньвэй, четвертый — Хуан Син, пятый — Сунь Ятсен)

Приступив в Нанкине к исполнению обязанностей временного президента, Сунь Ятсен написал в Шанхай:

Срочно. Губернатору Шанхая Чэнь [Цимэю] для передачи губернатору территорий за пределами заставы [Шаньхайгуань] Лань [Тяньвэйю].

¹ Отиаи — Утида, 3 декабря 1911 г. // Там же. С. 213.

² Отиаи — Утида, 4 декабря 1911 г. // Там же. С. 214.

Расквартированные в Шанхае войска, направляющиеся в поход на Север, а также три боевых корабля «Хайжун», «Хайтань» и «Таньтань» передаются в Ваше распоряжение. Приказ о Вашем назначении прилагаю. Президент Сунь Вэнь.¹

В Дайрен Лань Тяньвэй вернулся, будучи официально назначен на пост «губернатора территорий за пределами заставы».

Незадолго до его приезда министр Утида сообщал японскому консулу в Пекин:

По имеющимся сведениям, революционная армия уже создала экспедиционный корпус для похода на Север, который планирует высадиться в Циньхуандао, <...> после чего революционная армия из района Циньхуандао предпримет наступление на Пекин.²

Лань Тяньвэй был полон решимости выполнить свой долг

В роли командующего и одновременно дипломата

Части, которым предстояло наступать на Пекин, сосредотачивались в районе Чифу (совр. Яньтай).

17 января вице-консул в Чифу Аиба сообщал министру Утида:

16 января в порт прибыла флотилия, обслуживающая Северный поход. Корреспондент газеты «Мансю нитинити симбун» Симата поспешил взять интервью у Лань Тяньвэя и получил следующую информацию:

Сухопутные военно-морские подразделения экспедиционного корпуса находятся под командованием Лань Тяньвэя. Лань Тяньвэй прибыл на флагманском корабле «Хайжун», в общей сложности на трех кораблях — 600 человек. Одновременно из Шанхая вышли четыре транспортных судна с полутора тысячами человек на борту. Но ввиду разницы крейсерской скорости они прибудут в порт сегодня вечером или завтра, 17-го, утром.³

¹ Сунь Ятсен — Лань Тяньвэю, 12 января 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 178.

² Утида — Идзюин, 9 января 1912 г. // Избранные переводы японских дипломатических документов. С. 215.

³ Так в тексте.

Порт Чифу

Цель движения этого контингента — Маньчжурия, но место высадки держится в секрете (корреспонденту несколько раз задавались вопросы о Циньхуандао). <...>¹

Получив это сообщение, Утида телеграфировал в Петербург послу Мотоно:

Революционная армия Китая приняла решение направить часть экспедиционного корпуса морским путем на Север. Три корабля «Хайжун», «Хайтань» и «Наньтань», опережая транспортные суда, вчера (16-го) пополудни пришвартовались в Чифу. Насколько можно судить на основании полученной разнообразной информации, план революционной армии заключается в том, чтобы экспедиционный корпус высадился на побережье южной Маньчжурии и во взаимодействии с революционерами, сконцентрировавшимися там за последние дни, начал какую-то операцию. <...>

Разумеется, смогут ли они осуществить вышеуказанный план в короткие сроки, в настоящее время сказать трудно. Но если дело начнется, в южной Маньчжурии неизбежно возникнет хаос. Для защиты наших интересов в этом районе, для предотвращения ущерба железной дороге севернее заставы и для обеспечения сообщения между Пекином и указанным

¹ Айба — Утида, 17 января 1912 г. // Избранные переводы японских дипломатических документов. С. 217–218.

районом мы, по всей вероятности, будем вынуждены направить туда войска. Их численность не будет превышать необходимый минимум, и когда порядок в регионе будет восстановлен, они будут выведены.

Прошу Вас срочно встретиться с представителем российских властей и с соблюдением секретности довести до его сведения вышеуказанные соображения, чтобы заблаговременно заручиться согласием российского правительства. <...>

Что касается вопроса о том, что мы будем самостоятельно нести ответственность за безопасность железной дороги к северу от заставы, то в настоящее время мы ведем секретные переговоры об этом с британским правительством. <...>¹

19 января пришел ответ Мотоно:

Я встретился с российским министром иностранных дел и в соответствии с полученной от Вас телеграммой подробно изложил ему суть дела. Министр заявил, что у него нет возражений против того, чтобы императорское правительство самостоятельно несло ответственность за безопасность железной дороги к северу от заставы. Министр указал, что по японо-российскому соглашению южная Маньчжурия относится к сфере влияния Японии, и если в случае необходимости Япония оккупирует железную дорогу к северу от заставы для поддержания там порядка и обеспечения сообщения этого района с Пекином, российское правительство не будет чинить тому препятствий.²

Еще до этого Утида получил сообщение от управляющего Квантунской областью Осима:

Мною получена телеграмма от «губернатора территорий за пределами заставы» Лань Тяньвэя:

«Выступление китайской республиканской армии имеет своей целью покончить с самодержавным правительством, обеспечить счастливое существование народу и гарантировать мир во всем мире. Поэтому она всемерно охраняет жизнь и собственность иностранных граждан. Местная инфраструктура в большинстве своем имеет отношение к Вашей уважаемой стране, поэтому я, будучи в соответствии с приказом Временного президента Китайской Республики губернатором территорий за пределами заставы, делаю в этом отношении всё от меня зависящее. Что касается местной железной дороги, то она принадлежит Вашей уважаемой стране, и поэтому, стремясь к сохранению мира, я надеюсь, что Ваша уважаемая страна гарантирует нейтральный статус Южно-Маньчжурской

¹ Утида — Мотоно, 17 января 1912 г. // Там же. С. 218–219.

² Мотоно — Утида, 19 января 1912 г. // Там же. С. 222.

железной дороги и предоставит на ней равные возможности и республиканской, и цинской армиям».¹

Осима следующим образом характеризовал сложившуюся ситуацию:

Если экспедиционный корпус революционной армии высадится на Ляодунском полуострове, порядок и спокойствие там будут нарушены. Поэтому я должен принять необходимые меры к обеспечению порядка в регионе и защите безопасности наших иммигрантов. В соответствии с Вашими указаниями, необходимо строго придерживаться нейтралитета по отношению к правительственной и революционной армии: с одной стороны, воспрепятствовать высадке революционной армии в нейтральной зоне, с другой — не допускать посылку туда правительственных войск. В подходящий момент следует опубликовать следующее заявление обеим сторонам (прошу ознакомиться с ним и, если нужно, внести исправления):

- 1) Императорское правительство ответственно за поддержание спокойствия и порядка в зоне отчуждения Южно-Маньчжурской железной дороги и на прилегающих к ней территориях, поэтому ваша армия не должна использовать этот район в качестве своей базы, вступать в его пределы и осуществлять в нем какую бы то ни было вооруженную деятельность. Даже в случае, если военные действия будут происходить вне этого района, вы должны избрать для этого место, откуда не будет исходить угроза спокойствию этого района.
- 2) Даже в том случае, если военные действия будут происходить вне указанного района, но там живут или занимаются предпринимательской деятельностью иммигранты из нашей страны, ваша армия должна вовремя уведомить наши власти с тем, чтобы предоставить иммигрантам необходимое время для самосохранения.
- 3) Представляя собой важную магистраль, соединяющую континенты Европы и Азии, Южно-Маньчжурская железная дорога является международным предприятием, и поэтому ваша армия должна блюсти ее безопасность.
- 4) Имея в виду соблюдение ответственного отношения к ситуации в целом, императорское правительство отказывается от предоставления правительственным и революционным армиям права перевозить по Южно-Маньчжурской железной дороге войска, боевое снаряжение и пр.²

Утида одобрил соображения Осима, уточнив:

Наша сторона может молча согласиться с высадкой [китайского] экспедиционного корпуса вне территории концессии и нейтральной зоны.

¹ Осима — Утида, 18 января 1912 г. // Там же. С. 219–220.

² Осима — Утида, 20 января 1912 г. // Там же. С. 222–223.

Что касается того, какие меры следует принять нашей стороне в случае, если после высадки в районе Южно-Маньчжурской железной дороги будет нарушен порядок, ждите последующих указаний, которые получите в надлежащее время.¹

25 января в японском МИДе получили телеграмму из Чифу, к которой был приложен отчет капитана японского военного судна о встрече с Лань Тяньвэем:

1) В начале беседы Лань Тяньвэй заявил:

«Что касается высадки в нейтральной зоне Маньчжурии, то я понял разъяснения капитана вашего корабля. <...> Если в будущем возникнет ситуация, при которой мы будем вынуждены высадиться в нейтральной зоне, я непременно воспользуюсь дипломатическими каналами, чтобы получить на то согласие японской стороны» <...>

Я довел содержание полученной мной инструкции до сведения Лань Тяньвэя, несколько раз повторив: «Не только недопустимо использование нейтральной зоны, но высадка в другой части побережья Маньчжурии приведет к нарушению спокойствия и порядка, а значит и явится угрозой безопасности проживающих там иностранных граждан и тем нанесет ущерб интересам нашей страны. Во избежание грядущих беспорядков мне приходится просить Вас отказаться от планов высадки [в Маньчжурии]».

На это Лань Тяньвэй ответил:

«Высадка в Маньчжурии не только не затронет нейтральную зону, но и вообще не приведет к каким-либо беспорядкам, поскольку более половины правительственных войск уже готовы откликнуться на призыв революционной армии. Мы полны решимости объявить независимость Маньчжурии, поскольку это вытекает из стратегических потребностей революционной армии».

Из этих слов можно заключить, что Лань Тяньвэй действительно намерен осуществить высадку где-то вне нейтральной зоны.

2) Прибывшие сюда войска намереваются привести себя в порядок на суше. Первая партия военных, высадившихся в порту, вместе со снаряжением расположилась в здании военно-морского училища близ Восточной крепости.

3) Во время перемирия войска не будут предпринимать каких-либо действий. На этот раз перемирие имеет своей целью дать возможность императору отречься от престола и покинуть Пекин, после чего будет создана республика. Сейчас Юань Шикай и Сунь Ятсен ведут об этом переговоры, и в связи с этим перемирие было продлено.<...>

¹ Утида — Осима, 24 января 1912 г. // Там же. С. 227.

- 4) Что касается высадки в Циньхуандао, судя по всему, это не вполне соответствует намерениям Лань Тяньвэя. Некоторые факты говорят о том, что сухопутная правительственная армия готова, и как только экспедиционный корпус направит небольшой отряд, она начнет действовать. Однако, насколько можно судить, в своем намерении объявить независимость Маньчжурии Лань Тяньвэй непреклонен.
- 5) Первоначально капитаном корабля «Хайжун» был маньчжур Си Чан. Он бежал, еще будучи в Ханькоу, и на его место был назначен Ду Сигуй. Командующий эскадрой Тан Сянмин болел дизентерией, но сейчас уже выздоровел и поблагодарил нас за то, что мы прислали ему врача.
- 6) Лань Тяньвэй заявил:
«Будучи губернатором территорий за пределами заставы, я команду сухопутными и военно-морскими силами. Завтра я нанесу Вам ответный визит».
- 7) По отношению к нашей стороне как сам Лань Тяньвэй, так и его подчиненные ведут себя в высшей степени дружелюбно и выражают желание общаться. Я сказал ему, что взаимный обмен мнениями полезен для обеих сторон. Если у него есть какие-нибудь требования к японской стороне, пусть он формулирует их, и будет сделано всё возможное, чтобы пойти ему навстречу. Лань Тяньвэй и его люди выражают удовлетворение добрыми намерениями нашей стороны.
- 8) Что касается отречения императора, то никаких сообщений на сей счет еще не было.¹

Отречения Сюаньтуна можно было ждать со дня на день, но Сунь Ятсен продолжает принимать меры к упрочению положения Лань Тяньвэя в Шаньдуне.

26 января он назначает Ху Ина губернатором Яньтая² и сообщает об этом Лань Тяньвэю³. Временно исполняющим обязанности губернатора Яньтая становится Ду Цянь.

В Шаньдун был направлен новый контингент войск.

Ху Ин
(1889–1961)

Ду Цянь
(1887–1952)

¹ Запись беседы с главнокомандующим Ланем, 20 января 1912 г. // Там же. С. 224–226.

² Сунь Ятсен — общественности Яньтая, 26 января 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 191.

³ Сунь Ятсен — Лань Тяньвэю, 26 января 1912 г. // Там же.

28 января японский вице-консул в Чифу Аиба телеграфировал в Токио:

Согласно сообщению из Дэнчжоу¹, туда на трех транспортных судах прибыло 6 с лишним сотен солдат. Вместе с 3 с лишним сотнями, уже находящимися там, это составляет 1000 (эта цифра, по-видимому, достоверна). После высадки это подразделение под командованием выпускника нашего военного училища Тан Чжидао начало наступление на уезд Хуансянь². Два пулемета и два полевых орудия, состоящие на вооружении этого отряда, немецкого производства.³

30 января, закончив предварительную подготовку к высадке экспедиционного корпуса на Ляодуне, Лань Тяньвэй отбыл из Чифу в Дайрен.⁴

На следующий день комендант Дайрена Сога сообщал генеральному консулу Отиаи:

Сегодня в 1:30 пополудни Лань Тяньвэй нанес визит в комендатуру, после чего направился в управление Южно-Маньчжурской дороги, намереваясь устроить сегодня вечером в ресторане «Ляодун» прием для ответственных сотрудников местных газет и наиболее известных журналистов.

Ресторан «Ляодун» в Дайрене

Во время посещения комендатуры Лань Тяньвэй заявил:

- 1) В этот раз я прибыл сюда как частное лицо, но надеюсь, что в ближайшем будущем смогу нанести Вам официальный визит.

¹ Совр. Пэнлай.

² Совр. Лункоу.

³ Аиба — Утида, 28 января 1912 г. // Избранные переводы японских дипломатических документов. С. 229–230.

⁴ Аиба — Утида, 30 января 1912 г. // Там же. С. 230.

- 2) И на севере, и на юге Китая ситуация одинакова: революционеры делятся на фракции, совершенно недостаточно контактирующие друг с другом. На юге сейчас создано военное правительство, и уполномоченные им люди занимаются проблемами управления, но когда возникают трудности, они сплошь и рядом не могут действовать, отдавая приказы, а вынуждены согласовывать мнения, что создает большие трудности. Связь между Учаном, Нанкином, Шанхаем и другими городами также неудовлетворительная. Я прибыл сюда с целью добиться сплочения товарищей. Сегодня я нанес Вам визит как частное лицо, чтобы выразить уважение к Вам.
- 3) Учитывая позицию, которую занимает Ваша уважаемая страна, место высадки нашего экспедиционного корпуса ни при каких обстоятельствах не будет избрано в пределах нейтральной зоны. Об этом уже сообщено в части, и неожиданностей на этот счет не будет.
- 4) В разных частях Северо-Востока наша партия насчитывает более 100 тысяч членов. Набор в армию здесь не представляет трудностей; необходимые люди у нас повсюду. В зимнее время доставка контингента с юга на Северо-Восток затруднена и не может решить проблему. Но зачем же тогда мы перебрасываем людей с юга? Для того, чтобы воодушевить наших сторонников на Северо-Востоке. Это вопрос стратегии.
- 5) Хотя осуществлять набор людей на Северо-Востоке нетрудно, но здесь мы ощущаем крайний недостаток в оружии и снаряжении. Для этого нужны средства. Поэтому нашу партию в настоящий момент больше всего беспокоят экономические вопросы.
- 6) Мало кто из числа китайцев имеет военное образование. В настоящее время уже накоплены запасы оружия и боеприпасов, но тамошние организации часто не хотят выпускать его из своих рук. Благодаря моим усилиям удалось получить 3000 единиц различного огнестрельного оружия и 1 500 000 патронов. Часть из этого количества нужно передать для использования в Шаньдуне, поэтому в настоящий момент имеющегося у нас оружия не хватает. Надеюсь, что в течение ближайших недель мы получим с юга еще денег, оружия и боеприпасов.
- 7) Сейчас реальная власть в Мукдене полностью оказалась в руках Чжан Цзолиня, и не будет преувеличением сказать, что в его руках даже жизнь губернатора Чжао Эрсюня. Чжан в прошлом — бандит с большой дороги, он отличается жестокостью, и убивать стало его привычкой, в его глазах человеческая жизнь гроша ломаного не стоит. Вплоть до настоящего времени более 400 наших товарищей стали его жертвами.

Любопытная деталь: с момента начала действий нашей революционной армии нам не по пути с теми, кто носит фамилию Чжан: Чжан Сюнь, Чжан Цзянь, Чжан Цзолинь — уже 16 Чжанов стали врагами нашей партии!

- 8) Большая часть [правительственной] армии Трех Восточных провинций склоняется в сторону нашей партии, ее командный состав в том числе. Лишь из-за того, что первоначально они были врагами революционной партии, они боятся, что даже если они выступят сегодня на нашей стороне, им в дальнейшем будет грозить опасность, и они колеблются и никак не могут принять решение. Но скоро неизбежно наступит день, когда они убедятся в истинных намерениях нашей партии и перейдут на нашу сторону.
- 9) Тенденция развития ситуации в Шаньдуне вполне ясна. Губернатор Ду Цянь недостаточно подготовлен, и на него трудно рассчитывать. Другие люди там — молодежь, обучавшаяся в Японии, но не имеющая опыта. Стоит возникнуть какой-нибудь проблеме, и может случиться непредвиденное. Это внушает серьезные опасения. Вчера была получена телеграмма: запрещение курить опиум и сбор средств на военные нужды вызвали недовольство населения и привели к беспорядкам. Меня вызывают обратно в Яньтай. Когда-то раньше я был в Яньтае, но потом уехал оттуда. Ни раньше ни сейчас я не вмешивался в дела на севере, тем не менее то одни то другие действуют прикрываясь моим именем. <...>
- 10) Ван Гочжу¹ — человек ненадежный, с ним не стоит иметь дело.
- 11) Правительство и простые люди Вашей страны всегда проявляли чувство глубокой симпатии к нашей партии, и мы весьма благодарны за это. Я надеюсь, что вы и дальше будете продолжать оказывать нам поддержку. <...>²

Есть основания предположить, что Лань Тяньвэй неслучайно раскрывал перед японским военным комендантом все свои карты рассказывая о проблемах, существовавших в революционном лагере, и критикуя назначенного из Нанкина вице-губернатора Яньтая. Понимая, что, не получив согласия японцев, он не сможет осуществить свой первоначальный план, он явно хотел продемонстрировать свою мнимую искренность и тем самым заручиться расположением к себе японской стороны. Этот дипломатический ход отчасти удался.

¹ Личность не установлена.

² Сога — Оттаи, 1 февраля 1912 г. // Избранные переводы японских дипломатических документов. С. 230–232.

В то время, когда он расшаркивался перед японцем, части экспедиционного корпуса начали высадку в наиболее удобных для этого местах нейтральной зоны.

Губернатор Квантуна Осима сообщил в Токио, что в ночь с 1 на 2 февраля 600 китайских солдат высадились с парусных лодок в районе Гаоличэнцзы, а еще 400 — на подходе.¹ Вступив в бой с расположившимися неподалеку частями правительственных войск, этот отряд начал наступление на город Хуаюанькоу и захватил его.²

Когда находившемуся в Чифу Лань Тяньвэю было предъявлено требование объяснить, почему он нарушил данное ранее слово, тот ответил, что строгий приказ не высаживаться в нейтральной зоне Ляодуна был им своевременно отдан, но, по-видимому, не дошел до адресата, чем и было вызвано это досадное недоразумение, о котором он глубоко сожалеет.³

Прибывший 9 февраля к месту назначения губернатор Яньтая Ху Ин немедленно проинформировал Сунь Ятсена о положении в Шаньдуне и попросил его санкции на переброску подкреплений из Фуцзяни.⁴

Но все эти действия немного запоздали. 13 февраля 1912 г. император Сюаньтун отрекся от престола. Пекинский поход, на который Сунь Ятсен возлагал столь большие надежды, утратил смысл. Неудача задуманной операции стала еще одной причиной, заставившей Сунь Ятсена исполнить данное им обещание и покинуть президентский дворец.

Однако Лань Тяньвэй не хотел признать фиаско своих планов и продолжал подготовку похода. Юань

Тан Шаои вновь оказался нужен

¹ Осима — Утида, 3 февраля 1912 г. // Там же. С. 235.

² Осима — Утида, 5 февраля 1912 г. // Там же. С. 240.

³ Осима — Утида, 7 февраля 1912 г. // Там же. С. 241.

⁴ Айба — Утида, 13 февраля 1912 г. // Там же. С. 243–244.

Шикай направил в Чифу Тан Шаои с тем, чтобы заключить компромиссное соглашение с Лань Тяньвэем.

Отиаи сообщал в Токио:

В 10 часов утра 23 февраля судно «Синьуй», на котором находился Тан Шаои, прибыло в порт. На борт тотчас же поднялся Лань Тяньвэй. Во время их встречи обсуждался вопрос об отставке губернатора Чжао Эрсюня и Чжан Цзолия, а также о вступлении Лань Тяньвэя в Мукден для поддержания там порядка. Мнения сторон уже начали сближаться.¹

Но позиция Японии оставалась неизменной. Лань Тяньвэй вынужден был отказаться от своих первоначальных планов.

¹ Отиаи — Утида, 24 февраля 1912 г. // Там же. С. 245–246.

Глава VIII

«Я не перестану доверять президенту!»

Экс-президент начинает новую жизнь

Обращаясь к периоду деятельности Сунь Ятсена, начавшемуся с момента его ухода в отставку, мы, как это было уже не раз и еще будет в дальнейшем, сталкиваемся с недоуменными вопросами, подобные которым Ю. М. Галенович в свое время называл «белыми пятнами» или «болевыми точками». В данном случае неясное для нас белое пятно заключается в том, что, передав президентские полномочия Юань Шикаю, Сунь Ятсен заявил о своем уходе из большой политики.

Что произошло? У потерпевшего неудачу экс-президента «опустились руки»? Или им руководили какие-то иные тайные мотивы?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, нужно прежде всего окинуть мысленным взором общую политическую ситуацию, сложившуюся в стране после низвержения маньчжурской династии.

Как грибы после дождя

Синьхайская революция не разрешила (да и не могла разрешить!) глубинные социально-экономические проблемы Китая. Но политическая жизнь страны претерпела в результате учреждения республики радикальные изменения.

Прежде всего, политические общества, союзы и группы, еще недавно вынужденные действовать в подполье, перешли на легальное положение.

Словно грибы после дождя, в Китае появлялись все новые и новые партии, каждая из которых претендовала на свою особую нишу в структуре парламентской системы.

«Китайские партии, — писала по этому поводу Е. Ю. Стабунова, — озадачивали своим особым обликом сначала современников, потом историков. И вправду, они были весьма странными: малочисленные либо нереально большие; объединявшиеся друг с другом, но умевшие при этом сохранить свою обособленность; враждовавшие вплоть до рукоприкладства, когда их лидеры, связанные между собой узами родства или дружбы, мирно встречались на банкетах. Эти партии имели аморфные структуры, срок их жизни был обычно непродолжительным. Исследователи, которые знали, что представляют собой партии в развитых буржуазных странах, не могли скрыть своего разочарования: китайские партии не отвечали известным критериям. <...> Одни историки связывали особенности китайских партий с неразвитостью демократических институтов. Другие говорили о том, что это была неудачная попытка перенесения на китайскую почву чуждых Китаю форм организации — “слишком поспешное подражание Западу”. Один из современников описываемых событий — Чжан Синъянь (Чжан Шичжао) даже назвал китайские партии “противоестественным явлением”. Многие исследователи просто-напросто отказываются видеть в подобных организациях партии. Действительно, китайские партии мало напоминали политические организации, известные по истории буржуазной Европы и Америки. Но это не может служить основанием для того, чтобы задним числом лишать их права называться так, как они себя сами называли — “партией” <...>. Они были кровно связаны с той политической системой, становление которой происходило в ходе революции и которую однозначно называют республикой. Очевидно, что какова была республика, таковы же были и партии».¹

Одной из первых партий, возникших вскоре после начала Учанского восстания, стала Китайская социалистическая партия (Чжунго шэхуйдан). Ее основание было заложено еще

Цзян Канху
(1883–1954)

¹ Стабунова Е. Ю. Политические партии и союзы в Китае в период Синьхайской революции. М. 1992. С. 4–5.

10 июля 1911 г., когда только что вернувшийся на родину Цзян Канху организовал в Шанхае Общество пропаганды социализма.

В программе этой партии говорилось:

Политические формы в мире развиваются от монархии к установлению конституции, а от конституции — к республике. Республика хоть и не лучший способ для достижения благополучия и мира, но на сегодняшний день это относительно более совершенный строй. Да к тому же она — неизбежная ступень развития.¹

В то же время руководители партии имели в виду и далекую перспективу развития человечества, которая представлялась им следующим образом:

Гуманизм [наступает тогда, когда] в пределах четырех морей все люди станут братьями. Социалистическая партия решительно выступает против межгосударственных границ. Тем более не следует разделять границами нации, [живущие] в одном государстве. Надо прилагать усилия к тому, чтобы со временем они размылись, чтобы взаимные подозрения исчезли, чтобы все породнились, чтобы стала единой культура и нельзя было бы в будущем обнаружить какие-либо различия в знаниях.²

Следующей по времени своего возникновения (январь 1912 г.) была Партия свободы Китайской Республики (Чжунхуа миньго цзыюдан) во главе с Ли Хуайшуаном, издававшим влиятельную газету «Миньдобао».

Партия свободы поддерживала деловые контакты как с Социалистической партией, так и с Объединенным союзом, и ее иногда даже называли «ответвлением» последнего.

29 февраля 1912 г. по инициативе бывшего заместителя министра просвещения Временного правительства Цзин Яоюэ была создана Единая республиканская партия (Тунъи гунхэдан). Среди ее активных членов выделялись губернаторы ряда провинций — Юньнани (Цай Э), Шэньси (Чжан Фэнхуй) и др.

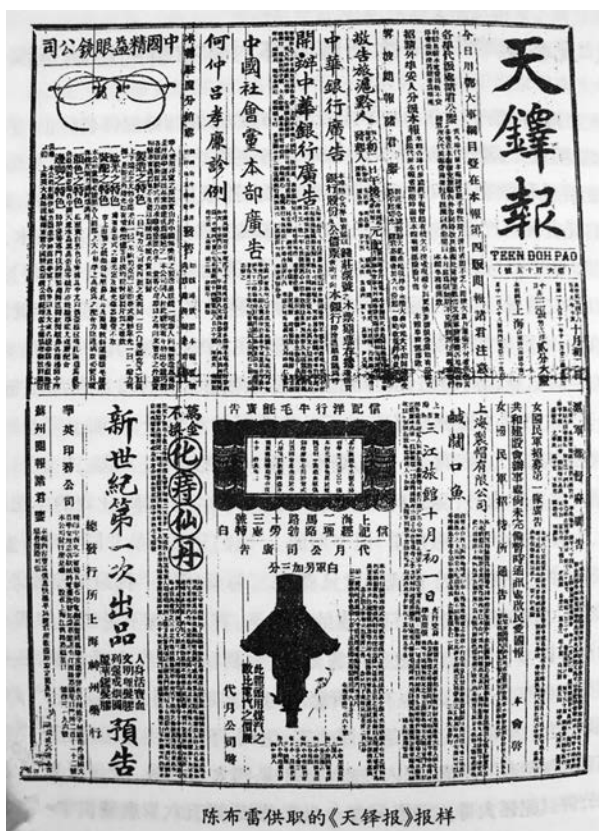
Ли Хуайшуан
(1874–1950)

Цзин Яоюэ
(1881–1944)

¹ Цит. по книге Е. Ю. Стабуровой. С. 172.

² Там же. С. 173.

陈布雷供职的《天铎报》报样

Миньдобао

Партия ставила своей главной задачей незамедлительную реформу административной структуры республики и унификацию ее налоговой и денежной системы. В партийной программе упоминалось также о благоденствии народа и о «социализме», хотя не было ясно, что именно понимается под последним, если не считать тезиса о будущем слиянии воедино всех наций Китая.

Одной из самых влиятельных партий, возникших в начале 1912 г. была Республиканская партия (Гунхэдан). Номинальным главой ее был Ли Юаньхун, одним из фактических руководителей — Чжан Цзянь, активными членами — бывшие министры в составе Временного правительства Чэн Дэцюань и У Тинфан.

На фоне укрепления авторитета этих партий идея преобразования в политическую партию возникла и у членов «Объединенного союза».

На политической арене Китая появляется Гоминьдан

Маньчжурский император отрекся от престола, двоевластие было положено конец. Означало ли это, что революция победоносно завершена и перед революционерами встанут новые, принципиально иные, чем прежде, задачи?

Большинство членов Объединенного союза отвечало на этот вопрос положительно. Выражая мнение этого большинства, функционер Союза Вэй Чэньцзу выдвинул 14 июля 1912 г. предложение реформировать и переименовать его с целью создания «полноценной политической партии».

Часть членов Союза выступила против. Но идею Вэй Чэньцзу поддержал один из руководителей Союза Сун Цзяожэнь, в свою очередь предложивший объединиться с некоторыми другими партиями и на этой основе создать Гоминьдан — Национальную партию, главной задачей которой должна была стать парламентская борьба.

Вэй Чэньцзу
(1885–1942)

В отличие от Сун Цзяожэня, Сунь Ятсен полагал, что революция еще не завершена. Поэтому его участие в реформировании Объединенного союза носило чисто номинальный характер. Более того, он во многих отношениях негласно противодействовал усилиям Сун Цзяожэня.

Позднее корреспондент газеты «Шибао» писал по этому поводу следующее:

Реорганизацией Гоминьдана фактически руководит один Сун Цзяожэнь <...>, а Сунь Ятсен и Ван Цзинвэй занимают пассивную позицию, так что дело чуть было не застопорилось. По этому можно судить, насколько сильно сопротивление реорганизации. Но Сун Цзяожэнь уже давно живет в Пекине, его политические воззрения своеобразны, он фактически является центром активности Гоминьдана. Члены парламента от «Объединенного союза» поддерживают его и способствуют его популярности, вместе с ним выступают за реорганизацию. А если вопрос

о реорганизации будет окончательно решен, члены парламента от Гоминьдана тем более будут его поддерживать.¹

Летом 1912 г. обозначились первые итоги усилий Сун Цзяожэня, направленных на объединение Союза с близкими ему по духу политическими организациями.

В начале июля председатель Национального общества совместного прогресса (Гоминь гунцзиньхуй) Сюй Цянь высказался за объединение с Союзом» в рамках новой политической партии.

Примерно через месяц после этого аналогичное согласие было получено от одного из руководителей Единой республиканской партии У Цзинляня.

Сложнее дело обстояло с Общенациональной партией (Гоминь гундан). По настоятельной рекомендации У. Дональда, крайне отрицательно относившегося ко всему, что было связано с Сунь Ятсеном, представитель руководства этой партии Вэнь Цзунъяо, выступая на собрании своих коллег, решительно воспротивился объединению с «Союзом» (аргументы были подсказаны ему Дональдом). В результате этого было принято решение отклонить предложение Союза. Правда, еще через полгода ситуация изменилась, и первоначальная резолюция была аннулирована.

25 августа 1912 г. в Пекине состоялся учредительный съезд Гоминьдана, в состав которого помимо Объединенного союза вошли еще 4 партии. По предложению Сун Цзяожэня председателем Правления партии был избран Сунь Ятсен, назначивший Сун Цзяожэня своим заместителем.

Наступил звездный час политической карьеры Сун Цзяожэня.

В сентябре 1912 г. началась подготовка к выборам в постоянно действующий парламент. В предвыборной кампании наибольшую активность

Сюй Цянь
(1871–1940)

У Цзинлянь
(1873–1944)

Вэнь Цзунъяо
(1876–1947)

¹ Шибao, 25 октября 1912 г.

Сун Цзяожэнь стал
негласным лидером
Гоминьдана

проявляли 4 партии. Помимо Гоминьдана это были Республиканская партия, Партия единства и созданная незадолго до этого Демократическая партия.

Состоявшиеся в феврале 1913 г. выборы закончились убедительной победой Гоминьдана.

В нижней палате парламента из 596 депутатов 269 были членами Гоминьдана, 120 — Республиканской партии, 18 — Партии единства, 16 — Демократической партии.

В верхней палате преимущество Гоминьдана (123 депутатов из 274) было еще более убедительным.

Вполне реальной стала задача формирования Гоминьданом однопартийного кабинета министров, за что на протяжении всего времени после создания партии ратовал Сун Цзяожэнь. Сам он имел все шансы стать премьер-министром.

Вождь китайской революции уходит из политики

В ходе предвыборной кампании все политические партии выставили своих кандидатов на пост постоянного президента Китайской Республики. Исключением был лишь Гоминьдан: Сун Цзяожэнь в избрании президентом заинтересован не был, поскольку рассчитывал на кресло премьера, а Сунь Ятсен объявил, что отныне он политикой не интересуется.

Сунь Ятсен писал Сун Цзяожэню:

Общая ситуация в республике такова, что, кто бы сейчас ни был у власти, предпринять что-либо существенное невозможно. Ресурсы внутри страны с каждым днем скудеют, извне угрожают державы, и сразу изменить всё это не удастся. Если пытаться действовать только политическими методами, то можно только усугубить проблемы, и чем дальше, тем будет становиться всё труднее. Поэтому сейчас нужно начинать с основы, развивать экономику с тем, чтобы народ был более зажиточным и положение в стране стабилизировалось, а после этого можно будет заняться политикой. Я сейчас намерен порвать с политикой и сосредоточиться на железнодорожном строительстве.¹

¹ Сунь Ятсен — Сун Цзяожэню, 22 августа 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 404.

О своем уходе из большой политики Сунь Ятсен не устал повторять интервьюерам.

28 августа:

Вопрос: Вы сейчас занимаетесь только экономикой, это заслуживает уважения! Но приближаются повторные выборы президента. Как Вы поступите, если граждане республики не разрешат Вам ограничить свою деятельность экономической сферой?

Ответ: У меня есть право самому решать, и граждане не могут заставить меня [изменить мое решение]. <...> Я хочу заняться экономикой. А политика подождет.¹

29 августа:

Я решительно не хочу иметь дело с политикой, я хочу быть свободным гражданином!²

29 января 1913 г., когда уже было ясно, что Гоминьдан одержал на парламентских выборах убедительную победу, к Сунь Ятсену с вопросом о том, намерен ли он баллотироваться в президенты Китайской Республики, обратился Мунаката Котаро.

Сунь Ятсен ответил твердо и решительно:

Хотя наша партия победила на выборах в парламент, <...> я вовсе не собираюсь быть президентом, а хочу некоторое время укреплять свои позиции среди рядовых граждан. Да к тому же быть президентом — это такое мутное дело!³

Дело Чжан Чжэньу

Весьма показательно в этом отношении нашумевшее «дело Чжан Чжэньу».

С чего всё началось

Имя Чжан Чжэньу неразрывно связано с историей Учанского восстания, одним из руководителей которого он был.

¹ Интервью корреспонденту газеты «Ясия жибао», 28 августа 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 416–417.

² Миньцюаньбао, 29 августа 1912 г.

³ Дуань Юньчжан. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 304.

С самого начала у Чжан Чжэнью не заладились деловые отношения с Ли Юаньхуном, против назначения которого губернатором Хубэя он категорически возражал.

После трагической неудачи под Ханьяном на военном совете Хуан Син предложил оставить Учан, сосредоточив все имеющиеся силы в направлении Нанкина. Ли Юаньхун согласился с этим планом, а Чжан Чжэнью выхватил саблю и закричал: «Зарублю на месте каждого, кто посмеет покинуть Учан!»

Чжан Чжэнью
(1877–1912)

Через некоторое время двое подчиненных Ли Юаньхуна обнаружили, что он собирает свои чемоданы, и донесли об этом Чжан Чжэнью. Тот отвечал, не задумываясь: «Вручаю губернатора вам двоим, и если он сбежит, отвечать будете вы!» Эти слова передали Ли Юаньхуну.

Вскоре после этого Чжан Чжэнью отправился в Шанхай для закупки оружия и амуниции.

27 января, отослав в Учан партию винтовок, он запросил еще денег.¹

Через два дня от Ли Юаньхуна пришел ответ:

Доставленные винтовки были опробованы, и все оказались бракованными и непригодными к употреблению. Нужно срочно и со всей строгостью заявить об этом на заводе и обменять партию. Из Вашей телеграммы следует, что снаряды и патроны к винтовкам уже прибыли в Шанхай и за них надлежит перевести 50 000 юаней. Однако количество снарядов и патронов к пулеметам и винтовкам не указано. Сколько за них уже уплачено? Подробно ответьте.²

Еще через неделю Ли Юаньхун уточнил ситуацию:

Приобретенные Вами пулеметы действительно пригодны к употреблению, их следует срочно доставить в Хубэй, и они будут оплачены в соответствии с объявленной стоимостью. Но купленные ранее винтовки опробованы, и треть их забракована, а к двум третям нет штыков. Патроны слишком давнего производства, треть их непригодна. Кто же будет платить за всё это? Вам надлежит привести в порядок все счета и срочно возвращаться в Хубэй.³

¹ 关于张振武案始末中的电报 (Телеграммы, связанные с делом Чжан Чжэнью) // https://tieba.baidu.com/p/5644013854?red_tag=0052047854.

² Там же.

³ Там же.

В ответ на это Чжан Чжэнью сообщил, что поскольку деньги для оплаты оружия не были переведены вовремя, половина закупленного была приобретена на средства Тань Жэньфэна и по его распоряжению отправлена в Яньтай.

Это вызвало крайнее недовольство Ли Юаньхуна, и 12 февраля он написал помощнику Чжан Чжэнью:

Сейчас уже идут переговоры Севера и Юга, в Яньтае боевых действий нет, поэтому купленное Чжан Чжэнью оружие должно быть полностью отправлено в Хубэй.¹

Ли Юаньхун обвинил Чжан Чжэнью в коррупции: тот якобы присвоил себе часть денег, предназначенных для закупки вооружения. А через некоторое время после этого дело приобрело крайние формы.

Ли Юаньхун ставит Чжан Чжэнью мат в два хода

В мае 1912 г. Ли Юаньхун настоял на том, чтобы Чжан Чжэнью был переведен в Пекин, но тот вскоре вернулся в Хубэй, и его взаимоотношения с Ли Юаньхуном еще более обострились.

По настоянию Ли Юаньхуна в первых числах августа 1912 г. Чжан Чжэнью и его ближайший подчиненный Фан Вэй были вновь вызваны в Пекин. Вслед за ним Ли Юаньхун послал Юань Шикаю секретную депешу, в которой обвинял Чжана в измене и попытке совершить военный переворот с целью свержения Хубэйского правительства.²

Г. В. Ефимов, рассмотрев доступные ему свидетельства, пришел к выводу, что «сопоставление противоречивых сведений о содержании политической деятельности Чжан Чжэнью и Фан Вэя не дает достаточно убедительного материала для того, чтобы поверить в версию о существовании заговора»:

Эта версия легко распадается при попытке всерьез проанализировать ее (например: если заговор действительно существовал и был близок к осуществлению, то почему же Чжан Чжэнью поехал в Пекин, причем без всякой гарантии на возвращение?!).³

¹ Там же.

² Там же.

³ Ефимов Г. В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен. С. 295.

На деле уже тогда было известно, что заговор всё-таки существовал. Об этом на старости лет поведал ветеран Объединенного союза Ма Чаоцзюнь:

Ма Чаоцзюнь
(1885–1977)

В то время все товарищи в Ухани были озабочены недальновидностью Ли Юаньхуна и его намерением переметнуться на сторону Юань Шикая, что противоречило целям нашей партии. Чжан Чжэнь и Фан Вэй собрали товарищей, организовали кружок под названием Общество железа и крови и предложили мне участвовать в нем. Товарищи собирались низложить Ли Юаньхуна и овладеть Уханью. Тайные собрания происходили часто и бурно, в результате о них стало известно, и Ли Юаньхун, получив информацию об этом, отправил Юань Шикаю секретную телеграмму с тем, чтобы именем президента завлечь Чжан Чжэнь и Фан Вэя на Север и казнить их в Пекине. Одновременно Ли Юаньхун произвел аресты членов Общества, задержав более 100 человек и получив в свое распоряжение списки организации. Я, будучи его советником и тем не менее приняв участие в этом деле, оказался особенно ненавистен Ли Юаньхуну. Меня арестовали и поместили в военную тюрьму. Об этом стало известно лидеру¹, и он поручил У Тинфану, Вэнь Цзунъю и У Чжихуэ² совместно поручиться за меня. Отсидев в тюрьме 8 месяцев, я 30 апреля 2-го года Республики вышел на свободу.³

15 августа в одном из самых роскошных пекинских ресторанов был устроен прием, на котором присутствовали представители генералитета двух армий, еще недавно сражавшихся на поле брани, дабы поставить крест на прошлом и действовать отныне рука об руку.

Пиршество закончилось около 10 часов ночи. Когда Чжан Чжэнь возвращался в свой отель, он был остановлен на улице нарядом полицейских и доставлен в отделение. Там ему были предъявлены телеграмма Ли Юаньхуна с требованием казнить предателя и соответствующее распоряжение Юань Шикая. «Никогда не думал, что и при республике будет

¹ Ма Чаоцзюнь имел в виду Сунь Ятсена.

² У Цзинхэну.

³ 马超俊·傅秉常口述自传 (Устная автобиография Ма Чаоцзюня и Фу Бинчана). Пекин. 2008. С. 20–21.

царить подобное беззаконие!» — воскликнул Чжан Чжэнью и был тут же расстрелян. Расстрелян был и полковник Фан Вэй.

Место в западной части Пекина, около которого в ночь с 15 на 16 августа 1912 г. были казнены Чжан Чжэнью и Фан Вэй

Сообщение о случившемся взбудоражило всю страну

Весть о том, что «предатель» Чжан Чжэнью был расстрелян без суда и следствия, всколыхнула общественное мнение.

Соратники казненного Сунь У, Лю Чэньюй и другие явились во дворец президента с требованием к Юань Шикаю объяснить случившееся. Президент лично принял их и сказал, что инициатива расправы исходила от Ли Юаньхуна, добавив: «Я вижу, что виноват перед жителями Хубэя и теперь вся Поднебесная будет сквернословить по моему поводу».¹

Но слова Юань Шикая не могли успокоить общественность. Газета «Миньлибао» писала по этому поводу:

Чжан Чжэнью расстреляли без суда и следствия, даже не допросив его и не предъявив доказательства его виновности. Всё решила одна телеграмма Ли Юаньхуна. Между тем, по закону его следовало предать военному суду.²

¹ Там же.

² Миньлибао, 25 августа 1912 г.

«Ясия жибао» утверждала, что даже в эпоху Цин Китай в большей мере удовлетворял требованиям, предъявляемым к правовым государствам: когда Ван Цзинвэй совершил террористический акт и все улики были налицо, тем не менее он был приговорен лишь к тюремному заключению.

Казнь Чжан Чжэнью и Фан Вэя стала предметом разбирательства в парламенте. Группа парламентариев во главе с Лю Чэньюем сделала запрос по поводу обвинений в адрес Чжан Чжэнью. В ответ Ли Юаньхун утверждал, что это дело рассматривалось в Хубэе военным трибуналом, который приговорил обвиняемого к высшей мере наказания по 57-й статье временного уголовного кодекса, однако не смог представить в парламент соответствующие документы.

В парламенте был поднят вопрос об отставке правительства, и Юань Шикаю дважды пришлось давать объяснения по этому поводу.

20 августа Хуан Син написал в своей телеграмме президенту Юань Шикаю:

В любом правовом государстве нельзя по собственному усмотрению казнить чиновника любого ранга, не подвергнув дело судебному разбирательству. А ныне деятель, имеющий заслуги в создании республики, расстрелян без суда. Это грубейшим образом нарушает права человека и законы страны!¹

Сунь Ятсен до поры до времени о деле Чжан Чжэнью не высказывался.

Сунь Ятсен и Юань Шикай: медовый месяц взаимоотношений

«Говорят, на Юань Шикая нельзя полагаться, а я считаю, что можно!»

Это — заявление Сунь Ятсена, сделанное корреспонденту шанхайской газеты «Миньцюаньбао» 18 августа 1912 г.² (менее года до этого он утверждал прямо противоположное: «Говорят, Юань Шикаю нельзя верить. Это действительно так»³).

¹ Хуан Син — Юань Шикаю, 20 августа 1912 г. // Сборник сочинений Хуан Сина. С. 249.

² 与送行者谈话 (Беседа с провожающими), 18 августа 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 401.

³ См. выше (С. 310).

На протяжении последующего полугодия изысканные славословия экс-президента в адрес Юань Шикая не прекращались.

В Пекин, в Пекин!

Ажиотаж вокруг дела Чжан Чжэнью совпал по времени со сборами Сунь Ятсена в дальнюю дорогу — в Пекин по приглашению президента Юань Шикая.

Приглашение поступило еще весной 1912 г.

11 апреля Юань Шикай прислал Сунь Ятсену сначала телеграмму, а затем письмо о том, что он был бы безмерно счастлив приветствовать экс-президента в столице. Д-р Сунь ответил, что в связи с неотложными делами в Кантоне вынужден отложить поездку на Север.¹

Через месяц Юань Шикай повторил свое приглашение, добавив, что пошлет своего сына Юань Кэдина в Шанхай, чтобы сопровождать Сунь Ятсена², но снова получил вежливый отказ: мол, ситуация в Гуандуне требует моего присутствия там.³

Однако уже в конце мая Сунь Ятсен предложил Хуан Сину совершить совместный вояж в Пекин⁴ и стал готовиться к поездке, хотя она и была вновь отложена на два месяца.

2 августа Сунь Ятсен и Хуан Син телеграфировали Юань Шикаю о том, что через несколько дней собираются в Пекин, и из столицы прибыли представители правительства для сопровождения двух знатных гостей к месту назначения. Отъезд был назначен на 17 августа.

Но как раз в это время пришло сообщение о казни Чжан Чжэнью и Фан Вэя. Багаж был уже погружен на пароход, но ближайшие сотрудники Сунь Ятсена стали удерживать его от опасной поездки, а какая-то незнакомая женщина вынула из сумочки пистолет и заявила, что если всеми уважаемый вождь не прислушается к увещаниям, она тут же покончит с собой.

Сунь Ятсену пришлось уговаривать провожающих и доказывать, что опасность ему не грозит: «Что бы ни случилось, я не перестану доверять президенту!»⁵

¹ Миньлибао, 14 апреля 1912 г.

² Цзянси миньбао, 16 мая 1912 г.

³ Тяньдобао, 21 мая 1912 г.

⁴ Цзянси миньбао, 30 мая 1912 г.

⁵ Миньцюаньбао, 19 августа 1912 г.

Противников поездки убедил главный аргумент д-ра Суня: «Если я не поеду в Пекин, граждане будут думать, что я боюсь Юань Шикая, а если поеду, все убедятся, что я защищаю их интересы»¹.

В конце концов договорились, что с Сунь Ятсеном поедет в Пекин целая группа его сторонников — Вэй Чэньцзу, Цзюй Чжэн и др. (всего более 10 человек), а также жена и дочь, но Хуан Син должен остаться в Шанхае. На том и порешили, и пароход отошел от пирса.

После непродолжительной остановки в Яньтае и Тяньцзине Сунь Ятсен 24 августа прибыл в Пекин.

Сунь Ятсен в поезде Тяньцзинь–Пекин

В Пекине его ждала торжественная встреча.

Когда поезд подошел к перрону, в вагон к Сунь Ятсену поднялись четыре министра, приветствовавшие его от имени президента. Несколько тысяч горожан, выстроившихся на площади около вокзала, встретили экс-президента аплодисментами. Военный оркестр исполнил бравурный марш. Сунь Ятсен, сопровождаемый личными представителями Юань Шикая, подошел к роскошной позолоченной карете, запряженной белоснежными лошадьми, и направился на ней к отведенной ему резиденции. На улицах по пути следования кортежа было перекрыто движение.²

¹ 黄宗汉、王灿炽。孙中山与北京（Хуан Цзунхань, Ван Цаньчи。Сунь Ятсен и Пекин）。Пекин. 1996. С. 11–12.

² 孙中山先生莅京记（Г-н Сунь Ятсен прибыл в Пекин）// Миньлибао, 30 августа 1912 г.

Дружеская встреча
(рисунок, обошедший в августе 1912 г. всю европейскую прессу)

В тот же день вечером в президентском дворце состоялся банкет в честь высокого гостя. Юань Шикай в своем приветственном слове отдал должное заслугам Сунь Ятсена, а тот в свою очередь в изысканных выражениях благодарил президента за оказанный ему исключительно теплый прием.

После банкета он заявил корреспондентам:

С Юань Шикаем можно иметь добрые отношения. Он предан республике. Граждане не имеют никакого основания в чем-то подозревать его.¹

Сунь Ятсен высказывается о деле Чжан Чжэнью

Вполне естественно, что в беседах Сунь Ятсена с Юань Шикаем, которые последовали за этим приемом, речь не раз касалась судьбы Чжан Чжэнью и Фан Вэя.

На первой встрече с Юань Шикаем, состоявшейся 24 августа, Сунь Ятсен заявил:

Общая обстановка в стране обнадеживает, да и страсти вокруг дела Чжан Чжэнью и Фан Вэя скоро прекратятся. Я на днях намерен посетить парламент и присутствовать при разбирательстве дела. Судя по всему, телеграмма губернатора Ли Юаньхуна из Учана в адрес президента была

¹ Там же, 27 августа 1912 г.

отправлена не по его личной инициативе, наверняка были еще люди, настоявшие на том, чтобы губернатор поступил именно так. Конечно, было бы лучше, если бы Чжан Чжэньу и Фан Вэй были арестованы в Учане.¹

Через несколько дней после прибытия Сунь Ятсена в Пекин у него взял интервью корреспондент газеты «Ясия жибао».

Журналиста интересовало многое, и вопрос о Чжан Чжэньу оказался последним.

Корреспондент: Что Вы думаете о деле Чжан Чжэньу и Фан Вэя?

Сунь Ятсен: С моей точки зрения, нельзя сказать, что Чжан и Фан невиновны. Но представляется, что губернатору Хубэя следовало бы арестовать их на месте и казнить в Учане. Тогда не возникла бы эта проблема. Передача их центру неизбежно показала беспомощность [Ли Юаньхуна].

Республика только что создана, законодательство еще несовершенно. В центре получили телеграмму, но доказательства их вины представлены не были, и это стало причиной протестов. Я считаю, что лучше всего было бы, если бы центральное правительство, арестовав Чжан Чжэньу и Фан Вэя, препроводило бы их в Учан или же в соответствии с законом предало бы их суду. Но оно не сделало этого. Поэтому я и говорю, что и в Хубэе, и в столице поступили не должным образом.

Корреспондент: Представляется, что вина в этом деле целиком лежит на Пекине. Губернатор Хубэя не нарушал закона. Он, судя по всему, опасался того, что у Чжан Чжэньу и Фан Вэя много сторонников и, казнив их в Учане, трудно было бы избежать крупных беспорядков. Поэтому он был вынужден подключить к делу центр. Если правонарушители в провинциях будут в соответствии с телеграммами с мест арестовываться в центре, то в этом нет ничего предосудительного и нарушающего закон. А в данном случае в центре, получив телеграмму, поступили неосмотрительно. Вы говорите, что республика только что создана и нет закона, на основании которого центр мог действовать. Но разве временная конституция не допускает арест, задержание под стражей, дознание и наказание граждан? Почему же правительство не обратило на это внимания? Вина в этом деле лежит на правительстве, а вовсе не на губернаторе Хубэя!

(Сунь Ятсен молча кивнул головой, и поскольку время интервью истекло, пожал руку журналисту и удалился).²

¹ Цит. по: 黄宗汉、王灿炽. 孙中山与北京 (Хуан Цзунхань, Ван Цаньчи. Сунь Ятсен и Пекин). Пекин. 1996. С. 26.

² 与“亚细亚日报”记者的谈话 (Интервью корреспонденту газеты «Ясия жибао», 28 августа 1912 г.) // ПССС. Т. 2. С. 418.

Однако после нескольких встреч с Юань Шикаем Сунь Ятсен изменил свою точку зрения, оправдывая президента.

29 августа он заявил журналистам:

В деле Чжан Чжэньу Ли Юаньхун допустил большую ошибку, и боюсь, что после этого его авторитет будет подорван.¹

Это мнение Сунь Ятсен повторил, когда корреспонденты в другой раз спросили, каково его мнение о роли Ли Юаньхуна в деле Чжан Чжэньу и Фан Вэя:

В деле Чжан Чжэньу и Фан Вэя Ли Юаньхун перестарался. Если Чжан Чжэньу был виноват, вполне можно было разбирать его дело в Хубэе, незачем было передавать его в столицу.²

Он писал Хуан Сину:

По моему мнению, на самом деле Юань Шикай оказался вовлеченным в ситуацию, достойную сожаления. Случившееся с Чжан Чжэньу произошло из-за срочной телеграммы Ли Юаньхуна, и [Юань Шикай] не мог не сделать [того, что он сделал]. <...> Он вовремя не разобрался в этом деле, и вот вам результат!³

Своим друзьям-парламентариям Сунь Ятсен «советовал не поднимать излишнего шума из-за дела Чжан Чжэньу».⁴ Теперь он полагал, что «нет необходимости требовать отставки [премьера и военного министра], делу это не поможет, только отнимет драгоценное время».⁵

Можно подвести итог. В декабре 1911 г. он говорил: «Если Юань Шикай, беря пример с маньчжуров, будет творить недобрые дела, нетрудно будет разделаться с ним».⁶

В августе 1912 г., когда Юань Шикай совершил явное противозаконие, Сунь Ятсен не только «смирился с казнью учанских революционеров» (формулировка Г. В. Ефимова)⁷, но встал на сторону президента, оправдывая его действия, выражая ему сочувствие в связи с ситуацией, в которой он оказался, и полностью перекладывая всю вину на Ли Юаньхуна.

¹ Шэньбао, 30 августа 1912 г.

² 在北京与各报记者的谈话 (Беседа с корреспондентами в Пекине), август 1912 г. (точная дата неизвестна) // ПССС. Т. 2. С. 426.

³ Шибao, 31 августа 1912 г.

⁴ Миньлибао, 30 августа 1912 г.

⁵ ПССОГ. Т. 2. С. 820.

⁶ См. выше, с. 310–311, примеч. 1.

⁷ Ефимов Г. В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен. С. 298.

А через год, еще не получив убедительных доказательств причастности президента к убийству Сун Цзяожэня, Сунь Ятсен начал «Вторую революцию», целью которой было свержение «палача» Юань Шикая.

Поток славословий казался неисчерпаемым

Тот факт, что во время пребывания в Пекине Сунь Ятсен в деле Чжан Чжэньу встал на точку зрения оправдания действий Юань Шикая, отнюдь не противоречил всему сказанному экс-президентом по поводу своего преемника. За всю свою жизнь д-р Сунь не пропел ему столько дифирамбов, как за месяц, проведенный в столице.

Восхваление бывшего соперника звучало каждый раз, когда речь заходила о приближавшихся выборах постоянного президента Китайской Республики.

26 августа: «Президент Юань — человек выдающихся способностей. Я очень надеюсь на то, что он пробудет на посту президента 10 лет!»¹

28 августа Сунь Ятсена спросили: «Может ли кто-нибудь кроме Юань Шикая рассчитывать на избрание [постоянным] президентом?» «Вряд ли!» — отвечал Сунь Ятсен.²

4 сентября Сунь Ятсен дал продолжительное интервью известному журналисту Хуан Юаньюну.

Вопрос: Как Вы оцениваете президента Юань Шикая?

Ответ: Это сильная личность и к тому же трудолюбивая. В республике сейчас трудно найти второго такого человека.

Вопрос: Но, пожалуй, у него плохо дело обстоит с новыми знаниями, новыми идеями?

Ответ: Он мыслит очень здраво. Редко бывает такое, чтобы кто-то, ни разу не побывав за границей, мыслил столь четко.

Вопрос: А как насчет амбиций?

Ответ: Вот этого у него нет!³

Всё это говорилось за глаза. Когда же предоставлялся случай выразить свое отношение к президенту в его присутствии, тем более прилюдно, голос Сунь Ятсена звучал на октаву выше. Так было 28 августа на приеме в его честь, на котором присутствовали все министры, высшие

¹ Шибao, 30 августа 1912 г.

² Миньлибао, 30 августа 1912 г.

³ В Пекине 4 сентября 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 445.

военачальники, монгольские князья и родственники низложенного императора.

Приветствуя Сунь Ятсена, президент сказал:

Прежде распространялись слухи, что между Югом и Севером существуют многочисленные противоречия. Но вот посмотрите — г-н Сунь в Пекине, он предельно искренен в беседах со мной. Это свидетельствует о том, что все прежние сплетни являются результатом недоразумения. Отныне республика будет еще более прочной, и это самое приятное обстоятельство. Прошу всех выпить за это!

Наполнив свой бокал, Сунь Ятсен произнес ответное слово:

Сегодня я с чувством глубочайшей благодарности имею честь присутствовать на приеме, устроенном президентом!

Ныне заложена база нашей Китайской Республики. Впереди множество проблем, связанных со строительством нового. Безупречной Республика станет только в том случае, если пять великих наций страны объединят свои усилия и будут, сплотившись, идти вперед.

Есть еще кое-кто, не обладающий пониманием этого, утверждающий, что Республика существует только на бумаге¹, и недовольный деятельностью правительства. Эти люди не понимают, что Республика только что создана, на месте разрушенного еще предстоит построить новое, не говоря уже о том, что в одночасье невозможно превратить в Республику существующий несколько тысячелетий монархический строй.

На мой взгляд, понадобится не менее 10 лет, пока подлинная Республика не проявит все свои преимущества.

Китаю повезло: во главе государственных дел у нас сегодня стоит президент Юань, обладающий богатейшим политическим опытом! <...>

Юань Шикай выслушивал осанну в свою честь молча, как нечто само собой разумеющееся

¹ 24 августа в Тяньцзине на приеме в его честь Сунь Ятсен говорил: «Наша республика — одно название без всякого содержания» («Дагунбао», 25 августа 1912 г.).

Да здравствует президент Юань!
 Да здравствует Китайская Республика!
 Да здравствуют пять великих наций!¹

Если президент в ответ на словоизлияния знатного гостя вел себя вполне корректно, хотя и весьма сдержанно, то этого нельзя было сказать о многих деятелях из его окружения. Чжан Гогань² рассказал на этот счет почти невероятную историю.

Через два дня после прибытия Сунь Ятсена в Пекин на очередном приеме в его честь, на котором присутствовало не менее 500 приглашенных, был накрыт стол в виде буквы «П». Д-ру Суню и его свите были отведены почетные места, и они расположились, обратившись лицом на юг; Юань Шикай и высшие военачальники сидели напротив.

Чжан Гогань
(1876–1959)

Когда подали второе блюдо, на юго-западном конце стола разговаривавшие вполголоса гости вдруг перешли на повышенный тон, и оттуда стали раздаваться их голоса. Сначала речь шла о том, что заслуга в учреждении республики по праву принадлежит северянам. Потом кто-то неодобрительно высказался об Объединенном союзе, после чего послышались ругательства в адрес Сунь Ятсена.

«В первый момент я подумал о том, — записал в своем дневнике Чжан Гогань, — что Юань Шикай или Дуань Цижуй должны приструнить распоясавшихся, но они сидели молча, как ни в чем не бывало. Создавалось впечатление, что всё это было запланировано заранее. <...> На следующий день, зайдя к Сунь Ятсену, я начал было объяснять ему, что военные-северяне — народ грубый и не умеют вести себя в обществе. Сунь Ятсен сделал вид, что ничего не произошло, и сказал, чтобы я не принимал это близко к сердцу».³

Общение с Юань Шикаем занимало почти все время пребывания в Пекине. Исключением были визиты к вчерашним смертельным

¹ 在北京袁世凯欢宴席上的答词 (Ответное слово на приеме, устроенном Юань Шикаем в Пекине), 28 августа 1912 г. // Там же. С. 418–419.

² Чжан Гогань занимал в Пекине ряд высоких постов, был, в частности, начальником секретариата президента. В 1953–1959 гг. он был научным сотрудником Института новейшей истории АОН КНР.

³ 张国淦. 孙中山与袁世凯的斗争 (Чжан Гогань. Борьба Сунь Ятсена с Юань-шикаем) // 近代史资料 (Материалы по новейшей истории), № 4. Пекин. 1955.

врагам — членам императорского дома, отдыхавшим во дворце от былых трудов. Одному из них — князю Чуню — Сунь Ятсен преподнес на память свою фотографию.

«На память князю Чуню от Сунь Вэня»

Лидер революции собирается строить железные дороги

После того как Сунь Ятсен ушел в отставку с поста президента, им овладела идея, на несколько месяцев ставшая лейтмотивом всей его практической деятельности: Китай спасут железные дороги!

План был поистине грандиозен

Впервые свои мысли на этот счет Сунь Ятсен изложил 5 июня в интервью газете «Миньлибао».

Через полтора месяца после этого на приеме в Обществе железных дорог Китайской Республики он более подробно изложил суть дела.

Китай располагает многочисленным населением и обширной территорией, а в цивилизационном отношении и экономически уступает Европе и Америке. Одна из главных причин этого заключается в том, что он отстает в смысле железных дорог.

Газета «Миньлибао»

Сейчас создана Китайская Республика и организовано данное Общество для того, чтобы активизировать железнодорожное строительство. Я от всей души приветствую это начинание.

Чем больше в стране железных дорог, тем она сильнее и богаче. Например, в Соединенных Штатах в настоящее время их протяженность составляет более 200 000 км, что равняется 700 000 китайских *ли*. Благодаря этому США стали самой богатой страной на планете. По территории Китай в 5 раз превосходит США, и если построить у нас 350 000 *ли* железных дорог, то самым могущественным на земле станет Китай! А то населения-то много, а оно разобщено, так что всё равно что его мало. Территория велика, а сообщение с юга на север и с запада на восток затруднено, перевозки страдают от этого, и пользы от обширной территории нет никакой. <...>

Я надеюсь, что все присутствующие приложат максимум усилий к тому, чтобы в течение 10 лет завершить строительство железных дорог по всей стране ради пользы государства и счастья народа!¹

Правда, по пути в Пекин, во время короткой остановки в Яньтае, когда его угостили местным *Spezialität*’ом — красным виноградным вином производства старейшей китайской фирмы «Чжан Юй», Сунь Ятсен в время изменил свою точку зрения, заявив:

Торговля в Китае пришла в упадок, и так дело обстоит не только в Яньтае, но и повсюду: во всех открытых портах прибыль утекает за границу. Ныне

¹ В上海中华民国铁道协会欢迎会的演说 (Речь на приеме в шанхайском Обществе железных дорог Китайской Республики), 22 июля 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 391.

для того, чтобы возродить торговлю, нужно начать с производственной сферы. Вот в Яньтае компания «Чжан Юй» построила большой винодельческий завод, производит виноградное вино, по масштабам производства не уступает крупной французской фирме и в будущем будет продолжать получать прибыль. <...> Г-н Чжан в одиночку смог создать такое мощное предприятие — в этом проявляется подлинный прогресс Китая в сфере производства!¹

Отдав должное прекрасным вкусовым качествам яньтайского вина, Сунь Ятсен вспомнил и о другом — о производимых в Шаньдуне традиционных соломенных шляпах. По его мнению, в нынешние времена, когда китайцы отказываются от вековых привычек и постепенно переходят на цивилизованную европейскую одежду, спрос на соломенные шляпы западного образца будет неуклонно расти. Поэтому шаньдунские предприниматели имеют шанс обогатиться, если они перейдут с плетения прежних соломенных шляп на производство модных европейских. Одним словом, «ныне в Китае в сельском хозяйстве, промышленности и торговле следует стремиться к прогрессу, объединив свои усилия».²

Но это было лишь случайное отклонение от главного предмета, к которому были прикованы мысли Сунь Ятсена.

Уже через день, отвечая на вопрос газетчика, он вернулся к своей первоначальной формулировке:

Вопрос: Как насчет Вашего плана железнодорожного строительства?

Ответ: Я приехал, чтобы способствовать возрождению общественного производства. Но начинать это дело надо со строительства железных дорог. Я считаю, в отношении железных дорог должен существовать общий план, охватывающий всю страну. Но этот план может быть утвержден лишь после того, как определится стратегия правительства и будет получено согласие парламента. С моей точки зрения, если этот план будет поддержан не всеми гражданами Республики, а лишь в нескольких провинциях, можно будет начать его осуществление с этих провинций. <...> Так или иначе, в данный момент план железнодорожного строительства — это наиболее важная проблема, и я буду по мере всех своих сил его пропагандировать вне зависимости от того, что по этому поводу думает правительство и парламента.³

¹ 在烟台商会的演说 (Речь в яньтайском Обществе коммерсантов), 21 августа 1912 г. // Там же. С. 403–404.

² Там же. С. 404.

³ 在塘沽与某报记者的谈话 (Беседа с журналистом одной из газет в Тангу), 23 августа 1912 г. // Там же. С. 405.

Сунь Ятсен не исключал того, что колоссальные масштабы его плана могут вызвать сомнения в возможности осуществить намеченное. Он писал Сун Цзяожэню:

В настоящее время я хочу оставить политику, сосредоточиться на строительстве железных дорог и в течение 10 лет соорудить их протяженностью 200 000 *ли* так, чтобы они вдоль и поперек пересекали все пять частей страны. План уже готов, есть соображения насчет того, как обеспечить финансирование. <...> Остается дожидаться, когда парламент даст согласие, а правительство утвердит план, и можно будет начать действовать. Однако у большинства граждан наверняка будут сомнения, порожденные грандиозными масштабами плана. Поэтому пока я еще не решаюсь обнародовать его [во всем объеме] и хочу сначала побывать в столице и посмотреть, куда дует ветер.¹

Во время своих встреч с Юань Шикаем (с 24 августа по 17 сентября их в общей сложности было 14!) он неоднократно возвращался к своей излюбленной теме: президент останется на своем посту еще 10 лет и создаст пятимиллионную армию, а сам он в это время посвятит себя железнодорожному строительству. Правда, самому ему уже стало ясно, что ориентир в 350 000 *ли* с тем, чтобы сделать Китай самой могущественной державой в мире, всё-таки немного завышен. Теперь экс-президент ставил перед собой более скромную цель — построить 200 000 *ли* железнодорожных путей, но и этого, с его точки зрения, было достаточно, чтобы полностью преобразить облик Китая.

30 августа, во время пятой по счету встречи с Юань Шикаем, Сунь Ятсен заявил:

В течение 10 ближайших лет Вы, будучи президентом, подготовите пятимиллионную армию, после чего Китай сможет на равных разговаривать с державами планеты. А я за эти 10 лет построю 200 000 *ли* железных дорог. Когда они будут сооружены, мы будем получать 800 млн дохода ежегодно. Эти деньги пойдут на содержание армии, а также на административные расходы в центре и на местах.²

Скептики дают волю своей иронии

Многим план сооружения за 10 лет 200 тыс. *ли* (свыше 100 тыс. км) железных дорог казался совершенно нереальным и свидетельствовал о том, что Сунь Ятсен — неисправимый фантазер и человек, не контролирующий свои слова и действия.

¹ Сунь Ятсен — Сун Цзяожэню, 22 августа 1912 г. // Там же. С. 404-405.

² Там же, 31 августа 1912 г.

Особенно едко высказывался в этой связи о Сунь Ятсене австралийский журналист У. Дональд. В письме Дж. Моррисону от 4 июля 1912 г. он рассказывал о своей недавней встрече с Сунь Ятсеном.

На днях он сообщил мне, что намеревается полностью посвятить себя железнодорожному строительству. <...>

Он принес с собой большую карту. Она была размером около 6 футов, и когда Сунь расстелил ее на полу, я воочию убедился в том, что он безумнее шляпника. Он человек абсолютно далекий от жизни, лишенный всякого здравого смысла и не имеющий элементарного представления о предмете, который сейчас обсуждает.

Его карта включала Тибет, Монголию и крайние западные районы Китая. Время от времени Сунь брал в руки кисть и палочку туши, чтобы заполнить каждую провинцию и зависимую территорию столькими линиями, сколько они только могли вместить. Жирными линиями он обозначал ключевые отрезки железных дорог, начинающиеся на побережье от Шанхая до Кантона и простирающиеся поперек скалистых гор до Лхасы, достигающие западной границы, Синьцзяна и Монголии. Он провел еще одну линию от Шанхая в Сычуань и далее в Лхасу. И еще одну, ведущую в Монголию по краю пустыни Гоби. Иные имели направление на север и северо-восток. Неисчислимое количество тонких линий заполняло провинции, так что составленная Сунем карта была не чем иным, как китайской головоломкой.

Сунь сел на пол и давал мне свои пояснения. Он сидел, а я подумал, что невозможно представить себе более нелепого поведения первого Президента Китайской Республики. Он явно не в себе! <...>

Я заплатил бы 100 долларов за фотоснимок, на котором был бы запечатлен сидящий на полу рядом со своей картой Сунь, уверенный в том, что через 10 лет весь Китай будет опоясан железными дорогами. Небольшая линия от Лаокая до провинциального центра Юньнани стоит что-то около 8 млн фунтов стерлингов. Сколько же — о, Боже Милостивый! — будет стоить линия от Юньнани до Лхасы! И зачем она вообще нужна, разве что для того, чтобы летом совершать экскурсии на край земли или пригласить Далайламу, когда он задумает сбежать?¹

Сарказм Дональда отнюдь не был безосновательным.

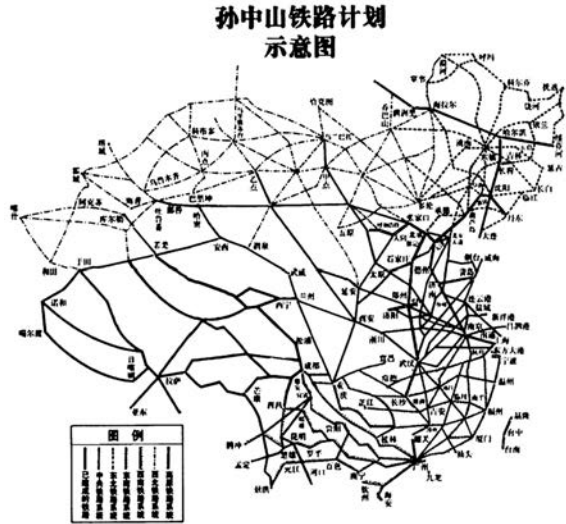
В 1911 г. в Китае насчитывалось около 9 тыс. км железных дорог. В настоящее время протяженность железных дорог в стране составляет

Дональд Сунь
Ятсена не жаловал

¹ The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. I. P. 812–813.

Такую карту будущих
железных дорог Китая
Сунь Ятсен
расстелил на полу
в квартире Уильяма
Дональда

около 86 тыс. км.¹ Иными словами говоря, сейчас, спустя 100 лет, Китай, уже ставший второй экономикой в мире, еще не дотягивает до показателя, достичь который Сунь Ятсен планировал за 10 лет.

О связанных с этим технических проблемах

В отличие от Дональда, многие китайские журналисты восприняли план Сунь Ятсена всерьез и задались целью выяснить из первоисточника некоторые неясные им детали.

К числу таковых относился, прежде всего, вопрос о том, где взять деньги, необходимые для строительства железных дорог. Ответ на него Сунь Ятсен сформулировал в письме Сун Цзяожэню еще до прибытия в Пекин: деньги дадут зарубежные кредиторы. При этом он утверждал:

То, каким образом я планирую получить иностранные займы, обладает многими преимуществами по сравнению с условиями, на которых займы под строительство железных дорог брали раньше: во-первых, вытекающие из этого права не попадут в руки иностранцев; во-вторых, кредиторам будет должно не государство; в-третьих, по истечении договоренного срока дороги будут национализированы без выкупа.²

¹ 中国铁路 (Железные дороги Китая) // <http://1430mm.ru/node/27>.

² Сунь Ятсен — Сун Цзяожэню, 22 августа 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 404

Журналистам Сунь Ятсен разъяснял:

Если у частных лиц будет возможность, то субсидировать строительство будут частные лица. Если нет, по придется взять большой займ за границей, но на самых благоприятных для нас условиях, чтобы не повторить прежнюю ситуацию, когда при Цинах Китай оказывался в результате этого в бесправном положении.¹

Когда нечто подобное из уст Сунь Ятсена услышал Дональд, он как ни старался, не смог удержаться и не высказать Моррисону всё, что он в тот момент думал об авторе этого плана.

Вы должны простить мне то состояние раздражения, в котором я сейчас нахожусь, потому что у меня кровь вскипает, когда я думаю о фанатике, уверенном, что он может проповедовать антииностранные настроения, социализм и дюжину прочих измов в этой погруженной во мрак невежества стране и думать при этом, что финансисты всего мира раскошелятся и швырнут свое золото под ноги Китаю, потому что он, Сунь Ятсен, подал им сигнал рукой. Я представляю его стоящим перед сворой гончих собак в ожидании, что они начнут завывать, как только он раскроет свой рот. Кнуд Великий (это тот джентльмен, если не ошибаюсь, который пытался повернуть волны вспять) был плохим человеком, но это было где-то около 1020 года, тогда как лунатик Сунь, прославляемый многими как гений и считающий себя таковым, живет и не тужит в Божьей милостью 1912 году!²

Но интервьюерам реагировать подобным образом на слова интервьюируемых не позволяет их профессия, и им приходится сдерживаться, а эмоции выражали их коллеги-карикатуристы.

Журналисты продолжали задавать вопросы.

Интервью, взятое у Сунь Ятсена корреспондентом «Ясия жибао» 28 августа 1912 г., по-прежнему было в основном посвящено проблеме финансирования проекта.

望 希 之 未 將 國 民 華 中

«Надежда Китайской Республики
на светлое будущее»
(таким план Сунь Ятсена был
представлен в одной из тогдашних
газет)

¹ Беседа с журналистом одной из газет в Тангу, 23 августа 1912 г. // Там же. С. 405.

² The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. I. P. 813.

Вопрос: Судя по газетным сообщениям, Вы сейчас разработали два плана, а именно построить 200 000 *ли* железных дорог и сформировать пятимиллионную армию. Так ли это?

Ответ: Именно так. Но прежде всего — план, имеющий отношение к железным дорогам, после осуществления которого можно будет заняться промышленностью и торговлей, образованием и т. д. Если не будет дорог, то и армия будет ни к чему. Китайское правительство и китайское общество всегда действовали пассивно, и какие-то там 1000 *ли* железных дорог зачастую не могли быть проложены в течение нескольких лет. Нам же в будущем предстоит действовать активно и строить 20 000 *ли* дорог ежегодно. Только в этом случае мы добьемся своей цели. Но граждане у нас по-прежнему выступают против импорта иностранного капитала, и нам придется еще потратить немало усилий, чтобы переубедить их.

Вопрос: Для строительства 200 000 *ли* железных дорог потребуются 6 млрд. Где государство возьмет такую огромную сумму? Под иностранным капиталом Вы понимает зарубежные займы?

Ответ: Зарубежные займы нам не повредят. Они только принесут прибыль без ущерба для суверенитета.

Вопрос: А эти железные дороги будут государственными или частными?

Ответ: Вначале они должны быть частными, чтобы путем конкуренции ускорить их строительство. Государство будет оказывать им поддержку, а через 40 лет они будут национализированы. На протяжении этих 40 лет частные железные дороги принесут колоссальную прибыль, и государству не будет нужды тратить средства, чтобы по закону национализировать их. Граждане от этого не пострадают, и государство будет в выгоде.

Вопрос: Если дороги будут принадлежать частным лицам, то брать за границей займы будет государство или сами граждане?

Ответ: 200 000 *ли* железных дорог можно распределить между 10 крупными компаниями, которые будут брать деньги в займы от своего собственного имени.

Вопрос: Можно ли будет достичь цели, беря деньги в долг от имени частных компаний? И не превратятся ли эти 10 компаний за долгие 40 лет в монополистов?

Ответ: Получать иностранные займы от имени частных железнодорожных компаний вполне возможно. Зарубежные банки обеспокоены только тем, что мы не берем займы. А будем брать — все наперебой будут предлагать нам деньги. Что до монополистов, то этого тоже можно избежать. Если государство увидит, что какие-то дороги приносят максимальный доход, вполне можно будет выбрать из них наилучшую и выкупить ее за деньги, не дожидаясь ранее обозначенного срока.¹

¹ Интервью корреспонденту газеты «Яся жибао», 28 августа 1912 г. // ПССС. Т. 2. С. 415.

Трудно сказать, был ли журналист удовлетворен ответами Сунь Ятсена, но проблема субсидирования грандиозного плана строительства так и осталась не вполне проясненной.

1 сентября Сунь Ятсен продолжал давать свои пояснения:

Сам я совершенно уверен в осуществимости моего плана железнодорожного строительства. В последнее время некоторые газеты выступают против, полагая, что его трудно реализовать, и действительно это дело нелегкое. Но надо подходить к нему всесторонне. Территория Китая обширна, на границах положение обостренное; если начнется война, то разные районы страны окажутся отрезанными и не смогут прийти на помощь. Такое государство не в состоянии существовать наравне с державами. Поэтому я и возлагаю надежды на то, что через 10 лет вся страна покроется сетью железных дорог. Для этого требуются большие расходы, и решение этой проблемы также весьма непросто. Поэтому я предлагаю взять внешний займ на сумму 6 млрд. Однако стоит мне упомянуть о займе в 6 млрд, как многие опять против на том основании, что такую большую сумму получить будет трудно. Им невдомек, что эти большие деньги вовсе не обязательно получать одновременно, можно получать их по частям. Например, 600 млн в год — 300 млн на закупку материалов, 300 млн на строительные расходы. <...> У держав денег много, и все хотят вкладывать их за границей. Например, Англия ежегодно дает займы на сумму более 6 трлн фунтов стерлингов, Франция, США и др. — примерно столько же.¹

Ту же мысль Сунь Ятсен развивал в беседе, состоявшейся 2 сентября:

Говорят, что во всем мире нет такой суммы денег, которую мы хотим взять в долг. Это совершенно ошибочное мнение. <...> Наша страна переживает трудные времена, и люди думают, что если у нас нет денег, то их нет нигде в мире. Люди не понимают, что у капиталистов всех стран есть продовольственные склады и банки, и их заботит лишь то, что мы не станем брать у них в долг.²

Проблема финансирования не была единственной, безотлагательно требующей разрешения. Помимо этого журналисты поднимали и ряд других важных вопросов, на которые у Сунь Ятсена уже был готов ответ:

Говорят, что, даже получив деньги, за 10 лет трудно построить 200 000 *ли* железных дорог. Это тоже заблуждение. 10 лет предусмотрены планом с большим запасом. Два года уйдут на поиски средств, два года —

¹ Миньлибао, 8 сентября 1912 г.

² Там же, 9 сентября 1912 г.

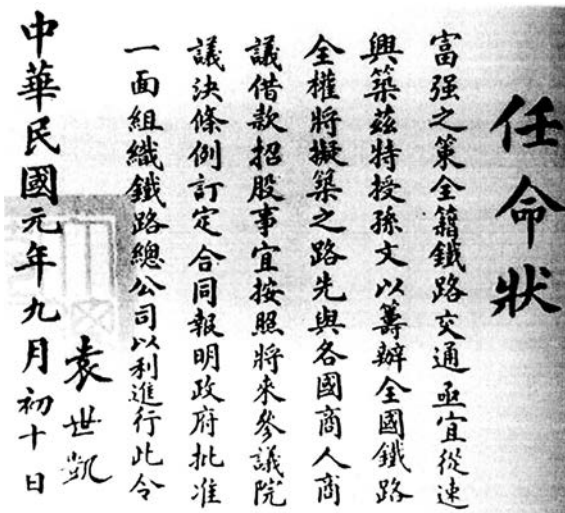
на геолого-разведочные работы, а за пять лет вполне можно завершить строительство. Это не пустые слова.

В Канаде железная дорога протяженностью 100 000 *ли* была построена 150 тысячами китайскими кули за три года. Для того, чтобы сооружать железные дороги в нашей стране, нет необходимости нанимать рабочих за океаном, и это намного упрощает дело. За пять лет строительство наверняка можно будет завершить.

Кое-кого смущают масштабы моего плана, ставящие под сомнение его реализацию. Эти люди не понимают, что, принимая во внимание размеры территории нашей страны, 200 000 *ли* железных дорог — это очень скромная цифра. В США сейчас примерно 800 000 *ли*, а общая территория меньше, чем в нашей стране. С этой точки зрения, не следует заблуждаться, полагая, что за 10 лет построить 200 000 *ли* железнодорожных путей — это хвастовство. На самом деле это очень и очень немного.¹

Юань Шикай, посвященный в эти планы, опубликовал 10 сентября 1912 г. указ о назначении Сунь Ятсена главой вновь создаваемой компании, ответственной за железнодорожное строительство в стране.

После назначения Сунь Ятсена на новый пост в прессе продолжали раздаваться голоса противников его плана, и ему вновь и вновь

Указ Временного президента Китайской Республики от 10 сентября 1912 г. о назначении Сунь Ятсена главой Китайской железнодорожной компании

Печать Китайской железнодорожной компании

¹ Там же.

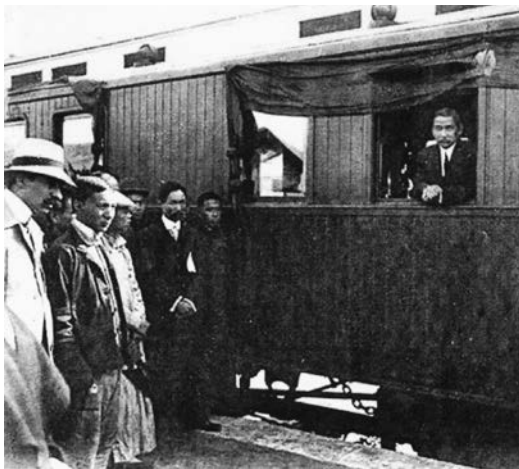
приходилось объяснять всё с начала. К первоначально задававшимся вопросам добавились новые.

Состоявшаяся 20 сентября пресс-конференция, на которой присутствовало в общей сложности более 60 человек, началась с выступления Сунь Ятсена:

Сегодня я пригласил вас, господа, чтобы еще раз поговорить о проблемах железнодорожного строительства, поскольку некоторые газеты заблуждаются относительно моего плана и выступают против него. Одни не поняли существа дела, другие знают, что оно принесет пользу, но протестуют ради того, чтобы протестовать. Я приветствую тех, кто критикует не разобравшись, а те, кто стоит на крайне противоположных позициях и стремится подорвать всё начинание, должны знать, что моя инициатива со строительством железных дорог затрагивает принципиальный вопрос о том, быть или не быть Китайской Республике, и разрушать этот план равносильно разрушению основ республики, а этого допустить я ни в коем случае не могу.

После того как президент издал указ о моем назначении, противники подходят к этой проблеме с точки зрения либо ее законности, либо реальной ситуации. Мнения разные, но суть их одна — это результат недоразумения.¹

За год, проведенный Сунь Ятсеном на этом посту, дело железнодорожного строительства в Китае не сдвинулось ни на йоту. Единственное, что

Сунь Ятсен прибыл с инспекцией в Тайюань

¹ Миньлибао, 20 сентября 1912 г.

он за это время успел сделать — совершить несколько инспекционных поездок по стране, о которой до того имел крайне смутное представление.

Главная цель поездки в Японию объявлена не была

Постепенно желание Сунь Ятсена посвятить 10 лет своей жизни железнодорожным делам отошло на второй план, уступив место другому плану — совершить поездку в Японию.

Первый раз в Японии в качестве экс-президента

Вскоре после возвращения из поездки на Север Сунь Ятсен написал Юань Шикаю письмо, в котором вновь коснулся тем, обсуждавшихся в Пекине:

Сегодня главные проблемы, которые надо решить для того, чтобы предотвратить беду, это незамедлительный перенос столицы и немедленное заключение союза с Японией. Только осуществив хотя бы один из этих двух пунктов, можно устранить опасность и водворить спокойствие. Поскольку перенос столицы наталкивается на определенные трудности, заключение союза с Японией нельзя откладывать на будущее. Я весьма озабочен этим делом и хочу лично заняться им.¹

Сунь Ятсен сообщал, что в конце ноября он хочет отправиться в Японию, где намерен встретиться с тамошними государственными деятелями и подготовить почву для подписания китайско-японского соглашения.

前議設立中西合股銀行近已蒙法國政府允許將來可
在巴黎市面發行種種債票已蒙其東已決議增
行不日派代表來華商訂合約惟此方股本尚無着落倘
到時不能交頭批二百五十萬元或尚須政府設法也
幸著注意三鐵路籌畫刻須開始所許由政府墊撥
之費請從速匯來應需為荷孫文

Черновик письма Сунь Ятсена
Юань Шикаю
от 9 ноября 1912 г.

¹ Сунь Ятсен — Юань Шикаю, 9 ноября 1912 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 280.

Юань Шикай встретил это сообщение без энтузиазма, подчеркнув, что поскольку Китай и Японию не связывают официальные дипломатические отношения, поездка Сунь Ятсена может носить только сугубо частный характер.¹

Между тем Сунь Ятсен раз за разом откладывал свой отъезд, следя за развитием политической обстановки в Японии.

5 декабря кабинет Сайондзи ушел в отставку; через две недели премьер-министром Японии стал Кацура Таро.

Сунь Ятсен, казалось, ждал именно этого момента. Всё же он не смог отправиться в путь немедленно и сел в Шанхае на японское судно, направившееся в Нагасаки, лишь 1 февраля 1914 г.

Но, еще не добравшись до места назначения, Сунь Ятсен получил неожиданное известие о том, что, пробыв премьером полтора месяца, Кацура был вынужден покинуть свой пост.

Эта неприятная для Сунь Ятсена новость была лишь отчасти компенсирована исключительно теплым приемом, оказанным ему по прибытии в Нагасаки.

На пирсе гостя ожидала толпа встречающих, среди которых было немало официальных лиц, включая мэра Нагасаки, а также, разумеется, уроженца о-ва Кюсю Миядзакэ Торадзо.

Корреспондент местной газеты «Фукуока нитинити симбун» писал по поводу визита Сунь Ятсена:

По слухам, его нынешний приезд не имеет никакой политической подоплеки. У него в стране началась кампания по выборам президента, и он, дабы не составлять конкуренцию Юань Шикаю, временно покинул страну.²

Поездка экс-президента по городам и весям Страны Восходящего Солнца, которую по праву можно было назвать триумфальным шествием, началась.

Менее чем за полтора месяца Сунь Ятсен побывал на о-ве Кюсю и объехал большую часть южной половины Хонсю. Вот график его путешествия:

Сунь Ятсен и Миядзакэ

¹ У Сянсян. Биография Сунь Ятсена. Т. 2. С. 1176.

² Фукуока нитинити симбун, 13 февраля 1913 г.

Карта
Японии
(фрагмент)

13 февраля — Нагасаки–Симоносэки

14 февраля — Симоносэки–Кобэ–Токио

28 февраля — Токио–Хаконэ

1 марта — Хаконэ–Токио

5 марта — Токио–Иокогама

7 марта — Иокогама–Токио

8 марта — Токио–Нагоя

9 марта — Нагоя–Киото–Нара–Осака

13 марта — Осака–Кобэ

15 марта — Кобэ–Хиросима

16 марта — Хиросима–Симоносэки

18 марта — Симоносэки–Фукуока

20 марта — Фукуока–Кумамото

21 марта — Кумамото–Нагасаки

22 марта — отплытие из Нагасаки

15 февраля, на приеме в его честь, организованном обществом Тоадобункай, Сунь Ятсен произнес речь:

Ваша страна — моя вторая родина, а люди вашей страны — мои учителя и друзья! Хотя политическая революция в моей стране добилась выдающихся успехов, возможности государства ограничены и знания народа недостаточны. Поэтому я надеюсь на то, что деятели вашей страны окажут нам помощь во многих отношениях!¹

¹ 段云章。孙文与日本史事编年 (Дуан Юньчжан. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией). Гуанчжоу. 1996. С. 311.

На другом приеме в тот же день Сунь Ятсен говорил:

Азия — это Азия азиатов. В общении китайского и японского народов не должно быть взаимных подозрений. <...> Защищать мир в Азии — это долг азиатов. В особенности же Китай и Япония должны сотрудничать в этом деле. В настоящий момент возможности Китая в защите мира в Азии недостаточны, поэтому ответственность Японии в этом отношении особенно велика. Я надеюсь, что Япония будет проявлять всестороннюю заботу о Китае и действовать в полном согласии с ним.¹

16 февраля:

Хотя наша революция победила, успокаиваться нам нельзя, потому что никто не может предсказать, что может возникнуть в будущем. Поэтому я прошу вас впредь оказывать нам помощь так же, как это было в прошлом.²

20 февраля на банкете в фирме Мицуи Сунь Ятсен говорил:

Самим фактом своего создания Нанкинское республиканское правительство обязано помощи барона Мицуи, и поэтому Китайская Республика от всей души благодарна Вам.³

«Вне зависимости от того, какую цель преследует Сунь Ятсен в своей поездке по Японии, — писала газета «Фукуока нитинити симбун», — за время пребывания здесь он своими выступлениями способствовал укреплению добрых отношений с нашей страной, каких раньше было трудно себе представить. Особое доверие он выражает деловым кругам нашей страны, а те отвечают ему чувством уважения».⁴

Следовали встреча за встречей, раут за раутом. Отвечая на приветственные речи, Сунь Ятсен не устал повторять, что считает Японию второй родиной, а японцев — своими учителями. И хозяева, и гости были довольны.

Но Сунь Ятсен не только произносил красивые слова. Он пытался оказать гостеприимным хозяевам помощь в том, в чем они остро нуждались. Он отправил китайским иммигрантам на Филиппинах телеграмму следующего содержания:

Китай и Япония — соседи и должны жить в согласии. Ради счастья Восточной Азии нужно избегать конфликтов. Сейчас и правительство, и общественное мнение Японии хотят единства с нами, и с этим согласен весь их народ. Принимая во внимание это обстоятельство, прекратите бойкот японских товаров!⁵

¹ Там же. С. 312.

² Там же. С. 314.

³ Там же. С. 317.

⁴ Фукуока нитинити симбун, 2 марта 1913 г.

⁵ Дуань Юньчжан. Хронология взаимоотношений Сунь Ятсена и Японии. С. 330.

Получив ответную телеграмму с выражением согласия прекратить бойкот, Сунь Ятсен был удовлетворен сознанием выполненного долга.¹

3 марта высокого гостя принял премьер-министр Ямамото, и Сунь Ятсен немедленно передал его слова Юань Шикаю:

Если хотя бы один день я буду возглавлять кабинет министров, я буду стремиться к тому, чтобы Япония и Китай заключили между собой дружественный союз.

Премьер Ямамото пообещал:

Как только президент Юань Шикай будет постоянным президентом, я попрошу императора о том, чтобы первой страной, признавшей Китайскую Республику, непременно стала Япония.²

На следующий день званый обед в честь Сунь Ятсена устроил японский министр иностранных дел Макино.³

14 марта Дж. Моррисон писал Д. Брэхэму:

Сейчас Сунь Ятсен в Японии. <...> Его принимают даже с большими почестями, чем те, которые когда-либо раньше оказывались представителям какой-либо другой страны, если только те не были в ранге наследников престола.⁴

17 марта Сунь Ятсен получил телеграмму из Токио с сообщением о том, что его супруга Лу Мучжэнь и секретарша Сун Айлин попали в аварию и получили тяжелые травмы.

Сопровождавший д-ра Суня отец Сун Айлин спросил его, когда они вернутся в Токио, чтобы быть у постели раненых, но Сунь Ятсен ответил: «Мы должны ехать в Фукуока, там у нас назначены встречи, и нам надо держать слово». В Токио они так и не вернулись.

Ямамото Гомбэ (1852–1933)

Первая супруга Сунь Ятсена
Лу Мучжэнь (1867–1952)

¹ Там же.

² Шэньбао, 6 марта 1913 г.

³ Фукуока нитинити симбун, 5 марта 1913 г.

⁴ The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. 2. P. 101.

18 марта Сунь Ятсен прибыл в Фукуока, и Миядзакі пригласил его посетить свой дом, расположенный недалеко от города в селе Араокура. Там их ждали родственники хозяина. Всем не терпелось взглянуть на этого китайца, о котором они были столь наслышаны.

«Пусть дружеские отношения между Японией и Китаем крепнут день ото дня подобно моей дружбе с моим братом Миядзакі!» — произнес растроганный Сунь Ятсен.

Сунь Ятсен в гостях у Миядзакі Торадзо

Одним из последних выступлений Сунь Ятсена была его речь на приеме у китайского консула в Нагасаки. Он сказал, в частности:

Что касается будущего Китая, то некоторые предлагают опираться на помощь Америки. Но могут ли Соединенные Штаты Америки с их доктриной Монро стать опорой Китая? В состоянии ли США определять судьбу Китая? В будущем спасти Китай от смерти может только Япония. Я твердо верю в это!¹

Перед отплытием из Нагасаки Сунь Ятсен во всеуслышание заявил:

¹ ПССС. Т. 3. С. 50.

Граждане моей страны никогда не забывали о трехсотшестидесяти-летней дружбе, связывающей Китай и Японию!¹

Деловые результаты поездки

Реальным результатом многочисленных встреч Сунь Ятсена с японскими предпринимателями стало соглашение о создании совместного японо-китайского коммерческого общества.

В первых числах марта друзья организовали Сунь Ятсену встречу с весьма влиятельным политиком Мацуката Масаёси — факт неординарный, который Моррисон посчитал заслуживающим упоминания в письме к Грэхэму.²

Д-р Сунь обратился к *генро* с просьбой по мере возможности посодействовать установлению экономических контактов между двумя странами.

Мацуката согласился, и благодаря его протекции через несколько дней в правлении фирмы Мицуи состоялось совещание, участие в котором, помимо Сунь Ятсена, приняли такие известные *дзайбацу*, как Сибудзава Эйити и Окура Кибатино, а также Масуда Такаси и Ямамото Дзётаро.

Инициативу переговоров взял на себя Сибудзава, предложивший проект соглашения о создании совместной японо-китайской компании.

Обмен мнениями выявил различия в подходе двух сторон к целому ряду аспектов будущей фирмы.

Первый и наиболее принципиальный вопрос — в соответствии с законодатель-

Мацуката Масаёси
(1835–1924)

Окура Кибатино
(1837–1928)

¹ Фукуока нитинити симбун, 24 марта 1913 г.

² The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. 2. P. 101.

ством которой из двух стран будет создана компания.

По мнению Сибудзава, этой страной должна быть Япония. Сунь Ятсен придерживался противоположного взгляда. Он полагал, что, во-первых, в Китае в настоящее время принят специальный закон об организации коммерческих фирм; во-вторых, нынешнее законодательство разрешает смешанным компаниям заниматься предпринимательской деятельностью во внутренних районах страны. И хотя соответствующие правовые нормы были приняты еще при Цинах, в ближайшее время предполагалось принятие парламентом нового закона.

А главное — Сунь Ятсен опасался того, что создание компании в соответствии с японскими законами может вызвать протесты со стороны граждан Республики.

Далее возникли разногласия по поводу размеров уставного капитала компании.

Сунь Ятсен предложил сумму 10 млн японских иен. Сибудзава настаивал на том, что 3 млн иен будет достаточно. После длительных споров стороны сошлись на 5 млн.

Разногласия обнаружились и по другим вопросам.

Сибудзава считал, что раз предприятие является совместным, оно должно возглавляться двумя директорами — по одному с каждой стороны. Его в этом отношении активно поддерживали Окура и Масуда, но Сунь Ятсен считал, что в фирме должен быть один директор.

По большинству спорных вопросов Сунь Ятсену удалось отстоять свою точку зрения, что нашло отражение в принятых тогда документах.

Первый из них представлял собой общую декларацию о намерениях, в которой, в частности, говорилось:

Наилучшим способом укреплять тесные контакты между гражданами двух стран Восточной Азии, относящихся к одной расе и обладающих общей культурой, способствовать их нерушимой дружбе и сотрудничеству являются их экономические контакты. Именно по этой причине влиятельные предприниматели Китая и Японии собрались сегодня, побуждаемые искренним желанием создать предпри-

Сибудзава Эйити
(1840–1931)

ятие, которое будет век служить интересам Восточной Азии, и учредить совместную китайско-японскую коммерческую акционерную компанию.¹

Второй документ определял организационные основы фирмы:

Данная компания — это совместное китайско-японское акционерное общество, созданное в соответствии с законами Китайской Республики. <...>

Уставной капитал данной компании составляет 5 млн японских иен и обеспечивается равными взносами акционеров обеих сторон. <...>

Контора компании находится в Шанхае, ее филиал — в Токио. <...>

Правление состоит из 10 человек, контрольная комиссия — 4. Члены Правления и комиссии избираются из числа акционеров двух стран поровну на общих собраниях акционеров. <...>

Из состава Правления избирается управляющий, его заместитель и 2 постоянных члена. <...>

Работа по созданию компании осуществляется Сунь Вэнем со стороны Китайской Республики и бароном Сибудзава со стороны Японии. <...>²

Встреча, которой так долго ждал Сунь Ятсен

Однако главная цель, которую ставил перед собой Сунь Ятсен, отправляясь в Японию, заключалась всё же не в этом.

24 февраля Сунь Ятсен нанес краткий визит Кацура Таро, а через день после этого экс-премьер устроил в своей резиденции торжественный прием в его честь, после чего состоялась их продолжительная и исключительно важная беседа. Сунь Ятсена сопровождали Ямада Дзюнсабуро и Миядзаки Торадзо. Переводил Дай Цзитао.

Все трое оставили свои воспоминания о том, что в тот день обсуждалось в апартаментах японского политика, встретиться с которым год тому назад настоятельно рекомендовал Мори Каку.

Наиболее подробно содержание состоявшейся 26 февраля 1913 г. беседы изложено в книге Дай Цзитао «О Японии».

Кацура начал с утверждения, что главными врагами Японии и Китая являются Англия и Россия, поэтому Япония, объединившись с Китаем, Германией и Австрией, должна разорвать свой союз с Англией, чтобы

¹ 中国兴业股份公司发起书 (Декларация о создании «Китайской коммерческой акционерной компании») // Линнань взньши. 1994. № 3. С. 45.

² Там же.

На память об одной из встреч в Токио
(в центре сидят Сунь Ятсен и Кацура Таро,
стоят: первый слева Ямада Дзюнсабуро, третий Дай Цзитао)

в дальнейшем нанести ей и России военное поражение. «Сегодня оказать сопротивление Англии и сокрушить ее могут лишь три человека — я, Вы и кайзер!» — добавил он.

Сунь Ятсен согласился с мнением своего собеседника, но сделал акцент на вопросе японо-китайского сотрудничества. Он подчеркивал, что Япония не только разгромила Россию, но и оказала помощь китайской революции. В будущем Япония и Китай смогут осуществить свои далеко идущие цели только в том случае, если они объединят свои усилия.¹

Первое издание книги Дай Цзитао
«О Японии»

¹ 戴季陶。日本論 (Дай Цзитао. О Японии). Тайбэй. 1954. С. 60–65.

Дай Цзитао упоминает также о том, что помимо этого речь зашла о тогдашней ситуации в Китае, и Кацура сказал:

Насколько я могу судить, Юань Шикай — не тот политик, которому республика может доверять. Он враг республики и Ваш враг. Но если бороться с ним сегодня, это принесет не пользу, а только вред.

Если Вы, судя по Вашим словам, сейчас отдадите все свои силы строительству в Китае железнодорожных магистралей, то это очень важно. Когда железнодорожная сеть будет построена, Вы сможете подумать о властных полномочиях, и я непременно всячески помогу Вам!¹

Другими словами говоря, согласно сообщению Дай Цзитао, Кацура обещал поддержать Сунь Ятсена в борьбе против Юань Шикая, но рекомендовал отложить это до лучших времен. На этом тема «Сунь Ятсен — Юань Шикай» якобы была исчерпана.

Миядзакэ Рюсукэ, сын Миядзакэ Торадзо, основываясь на рассказах отца, излагал эту часть разговора Кацура с Сунь Ятсеном иначе.

В статье, посвященной этой беседе, он утверждал, что вопрос об отношении к Юань Шикаю был тогда центральным. Кацура заявил о своей готовности оказать Сунь Ятсену немедленную помощь в борьбе за власть, а растроганный Сунь Ятсен произнес:

Япония действительно понимает нужды Китая! Если она может помогать нам строить новый Китай, отдать ей Маньчжурию не жалко!²

После того, как эта статья Миядзакэ Рюсукэ увидела свет, представители официальной гоминьдановской науки заявили, что сообщенная автором информация недостоверна, «поскольку сам он на встрече Сунь Ятсена и Кацура Таро не присутствовал».³

Но эта информация находит подтверждение в мемуарах Ямада Дзюнсабуро, бывшего свидетелем беседы.⁴

Миядзакэ Рюсукэ
(1892–1971)

¹ Там же.

² 宮崎滔天全集 (Полное собрание сочинений Миядзакэ Торадзо). Т. 5. С. 548–549.

³ Подробно см.: 李敖. 孙中山研究 (Ли Ао. Этюды о Сунь Ятсене). Тайбэй. 1987. С. 129–130.

⁴ Ян Тяньши. Сунь Ятсен и вопрос о «передаче Маньчжурии». С. 69.

Кацура был одержим идеей овладения Маньчжурией: этот факт не подлежит сомнению. Неслучайно, только что оказавшись на посту премьера, он 10 января 1913 г. тут же заявил корреспондентам, что намерен продолжать прилагать усилия к тому, чтобы гарантировать уже достигнутое Японией в Маньчжурии и двигаться дальше в том же направлении.¹

На смертном ложе Кацура сожалел об одном — что не осуществил план помощи Сунь Ятсену в деле низвержения Юань Шикая.²

А так как после этого он больше не встречался с Сунь Ятсеном, можно утверждать, что консенсус «японская помощь в обмен на Маньчжурию» был достигнут именно 26 февраля 1913 г.

Сунь Ятсен возвратился в Китай, окрыленный успехом и готовый к новым схваткам.

Здесь мы можем вернуться к вопросу, сформулированному в начале данной главы. Что означало нетривиальное поведение Сунь Ятсена после его отказа от должности Временного президента? Почему лидер китайской революции вдруг заявил о том, что больше не интересуется политикой? Было ли искренним его братание с Юань Шикаем, которого он еще недавно перед этим собирался уничтожить с помощью военной силы?

В литературе можно встретить утверждение, что Сунь Ятсен был введен в заблуждение велеглаголивыми заявлениями Юань Шикая и поверил в то, что он действительно порвал со своими прежними устремлениями и будет отныне столпом Республики.

Эта версия отвергается теми исследователями, которые не склонны считать Сунь Ятсена наивным новичком в политике и полагают, что, напротив, он действовал обдуманно, с дальнесрочным расчетом на будущее.

В пользу этой второй точки зрения можно привести казус, случившийся во время одного из банкетов в Пекине. Юань Шикай в своей приветственной речи между прочим упомянул о том, что революция, мол, уже окончена. Полуопьяневший Сунь Ятсен возразил ему: «Да нет, еще не окончена!» — и Юань Шикай изменился в лице.³ Что у трезвого на уме, то у провозгласившего десяток тостов — на языке.

¹ Миньлибао, 11 января 1913 г.

² Дай Цзитао. О Японии. С. 62.

³ Хуан Цзунхань, Ван Цаньчи. Сунь Ятсен и Пекин. С. 152.

Пение дифирамбов Юань Шикаю отнюдь не означало, что Сунь Ятсен делал это по своей неопытности. Об этом как нельзя более убедительно свидетельствуют его переговоры с Кацура Таро.

Но по нашему мнению, мнимый отказ д-ра Суня от политики имел своей целью ввести в заблуждение не одного только президента. У Сунь Ятсена был в это время соратник, угрожавший его дальнейшей политической карьере не меньше Юань Шикая.

Глава IX

Вердикт так и не был вынесен

Незавершенное расследование

20 марта 1913 г. на шанхайском вокзале был убит Сун Цзяожэнь, намеревавшийся ехать в Пекин, чтобы принять личное участие в работе парламента и формировании кабинета министров.

До и после того, как прозвучали выстрелы

В 10 час. вечера 20 марта 1913 г. Сун Цзяожэнь и сопровождавшие его Хуан Син, Ляо Чжункай, Чэнь Цэ и То Лушэн прибыли на вокзал и зашли в комнату отдыха членов парламента.

Смертельно раненый
Сун Цзяожэнь

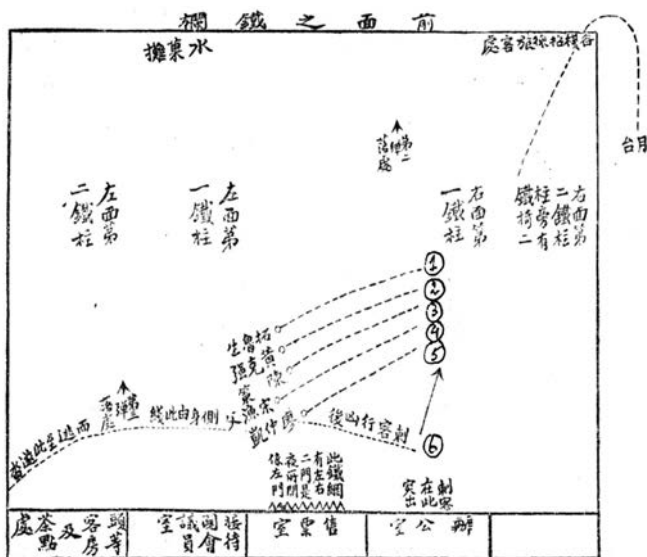
Железнодорожный
вокзал в Шанхае

В 10:40 они вышли из комнаты отдыха в зал ожидания и направились к выходу на перрон.

Когда они были в нескольких шагах от служащего, проверявшего билеты, прозвучал выстрел. Услышав его, к ним побежал находившийся в другом месте зала Юй Южэнь.

«Я ранен!» — произнес Сун Цзяожэнь.

Воспользовавшись возникшей паникой и тем, что в зале не было полицейских, стрелявший произвел еще два выстрела, после чего скрылся.

Местонахождение направлявшегося к выходу на перрон Сун Цзяожэня и его сопровождающих в момент выстрела

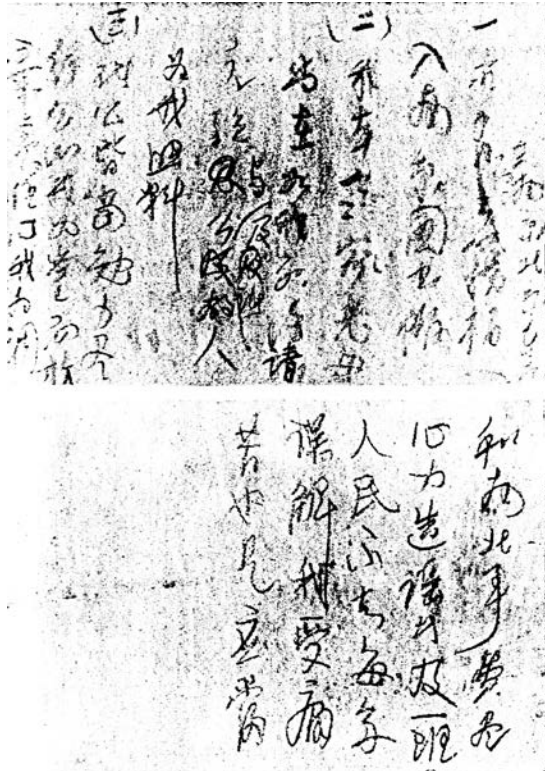
(1 — То Лушэн; 2 — Хуан Син; 3 — Чэнь Цэ; 4 — Сун Цзяожэнь; 5 — Ляо Чжункай; 6 — стрелявший)

Раненый Сун Цзяожэнь был доставлен в больницу, где в 12:30 ему была сделана операция, после которой он продиктовал письмо, адресованное президенту Юань Шикаю.

На следующий день последовала вторая операция. Придя в сознание, Сун Цзяожэнь попросил Юй Южэня записать свою последнюю волю.

Во-первых, он передавал Нанкинской библиотеке все свои книги; во-вторых, просил товарищей позаботиться о его близких; в-третьих, попросил записать:

Товарищи должны настойчиво продолжать свое дело, больше не вспоминать обо мне и не чувствовать себя виноватыми. Я отдал все свои силы на то, чтобы предотвратить конфликт между Югом и Севером. Но клеветники и простые люди, не зная существа дела, оказались введенными в заблуждение. Я заслужил свои мучения и не буду роптать после смерти.¹

Последняя воля Сун Цзяожэня

Политическим завещанием Сун Цзяожэня были его слова:

Я надеюсь, г-н Президент, что Вы будете действовать по справедливости, защищать права граждан с тем, чтобы в нашей стране была принята незыблемая конституция.²

¹ Миньлибао, 21 марта 1913 г.

² Сун Цзяожэнь — Юань Шикаю, 21 марта 1913 г. (цит. по: 张耀杰. 悬案百年: 宋教仁案与国民党 (Чжан Яоцзе. Прошло сто лет, но преступление осталось нераскрытым. Дело об убийстве Сун Цзяожэня и Гомиьндан). Тайбэй. 2010. С. 55.

Эти слова были обращены умирающим не к главе своей политической партии, а к президенту Юань Шикаю.

Рано утром 22 марта Сун Цзяожэнь скончался.

Подозреваемые арестованы и дают показания

До и после Синьхайской революции покушения на убийство отнюдь не были в Китае чем-то необычным. Револьверные выстрелы и взрывы бомб то и дело уносили десятки, если не сотни, человеческих жизней. За преступлениями, как правило, не следовало наказания, поскольку они оставались нераскрытыми. В этом смысле дело Сун Цзяожэня представляло собой явление совершенно исключительное: уже через два дня после покушения были арестованы подозреваемые, вскоре они начали давать показания, а следователи — изучать вещественные доказательства.

23 марта в офис одного из функционеров Гоминьдана пришли два студента, рассказавшие о подозрительном поведении постояльца той же гостиницы, где жили они. Этот «человек маленького роста и невзрачной наружности», обычно крайне небрежно одетый, вдруг стал щеголять в европейском костюме и кожаных штиблетах, хвастаясь при этом, что ему обещано за его работу 1000 долларов. Студенты предложили проверить, не имеет ли он отношение к произошедшему на шанхайском вокзале.

Ин Гуйсинь
(1865–1914)

В тот же день некто Ван Афа сообщил, что он, будучи торговцем антиквариатом, несколько дней тому назад пришел в дом руководителя полулегальной организации «Гунцзиньхуй» Ин Гуйсиню, чтобы предложить тому несколько старинных картин. Ин Гуйсинь неожиданно показал ему фотографию какого-то человека. «Его нужно убрать!» — сказал он и предложил антиквару принять в этом участие. Ван Афа отказался, а после покушения на Сун Цзяожэня обнаружил, что именно его фотографию показывал ему Ин Гуйсинь.

Поскольку дом Ин Гуйсиня был расположен на территории французского селтльмента Шанхая, представитель Гоминьдана обратился к французским властям и в сопровождении полицейского комиссара и двух агентов отправился по указанному Ван Афа адресу. Ин Гуйсиня они не застали, но во время обыска его доме были обнаружены документы,

имеющие отношение к убийству. Среди находившихся в доме был и «человек маленького роста и невзрачной наружности». Он также был арестован, после чего задержали и Ин Гуйсиня.

24 марта состоялся первый допрос Ин Гуйсиня, которому была организована очная ставка с Ван Афа. Ин Гуйсинь заявил, что незнаком с Ван Афа и не имеет никакого отношения к убийству. Ван Афа же путался в своих показаниях и не мог ответить на некоторые контрвопросы подозреваемого.¹

У Шиин
(1891–1913)

25 марта был допрошен второй арестованный. Он сообщил, что его зовут У Шиин, что он отставной солдат и что накануне покушения к нему пришел некто по фамилии Чэнь. Чэнь предложил У Шиину вступить в члены общества Гунцзиньхуй и убить одного человека, который может причинить непоправимый вред китайцам. Побуждаемый патристическими чувствами, У Шиин согласился, и Чэнь отвез его в дом Ин Гуйсиня, с которым У повторно встретился после убийства и вернул револьвер, полученный от Чэня. На вопрос о том, получил ли он обещанное ему вознаграждение, У Шиин ответил отрицательно.²

31 марта во французском селтльменте состоялось *первое* предварительное заседание суда, на котором обсуждалось требование передать дело на рассмотрение местным китайским правоохранительным органам. В этом им было отказано.³

4 апреля состоялось *второе* предварительное заседание суда, на котором У Шиин неожиданно изменил свои показания, заявив, что он застрелил Сун Цзяожэня по собственной инициативе и что в этом деле у него не было сообщников.

«Почему же ты решил убить Сун Цзяожэня?» — спросил У Шиина адвокат.

У Шиин: «Он — преступник, замышлявший против 400 миллионов моих соотечественников».

Адвокат: «А откуда же ты узнал об этом?»

¹ Шэньбао, 25 марта 1913 г.

² Шэньбао, 26 марта 1913 г.

³ Шэньбао, 1 апреля 1913 г.

У Шиин: «Да он даже министром сельского хозяйства не смог быть, а сейчас хочет стать президентом. Этого еще не хватало! Вот я и решил убить его».

Адвокат: «А знаешь ли ты, какие цели ставит перед собой Гоминьдан?»

У Шиин: «Вторую революцию готовят. Хотят свергнуть центральное правительство».

Адвокат: «Откуда ты знаешь, что они хотят свергнуть центральное правительство?»

У Шиин: «Да они сейчас в Цзянси не подчиняются приказам центрального правительства».¹

5 апреля состоялось *третье* предварительное заседание суда. Обсуждались три вопроса: во-первых, следует ли обнародовать личности доносителей; во-вторых, о достоверности сделанных накануне показаний обвиняемого; в-третьих, нужно ли ознакомить суд с содержанием документов, обнаруженных в доме Ин Гуйсиня.²

Обсуждение этих вопросов было продолжено 7 апреля на *четвертом* предварительном заседании суда.³

На *пятом* предварительном заседании 9 апреля были заслушаны показания Ван Афа и Ин Гуйсиня, после чего обвинение высказало свои суждения о виновности последнего.⁴

Шестое предварительное заседание суда, состоявшееся 11 апреля, было посвящено вопросам, связанным с содержанием письменных улик. Ин Гуйсинь категорически отрицал какую-либо связь их с покушением на Сун Цзяожэня.⁵

12 апреля, на *седьмом* заседании суда, было решено удовлетворить требование шанхайских властей и передать дело на рассмотрение им, поскольку убийство произошло вне иностранного селтльмента. У Шиин и Ин Гуйсинь были переведены в городскую тюрьму.⁶

Первое заседание суда было назначено на 25 апреля. Утром 24 апреля тюремный надзиратель обнаружил у У Шиина признаки отравления: у него изменился цвет лица и он не мог говорить. В 10 часов он скончался.

¹ Шэньбао, 5 апреля 1913 г.

² Шэньбао, 6 апреля 1913 г.

³ Шэньбао, 8 апреля 1913 г.

⁴ Шэньбао, 10 апреля 1913 г.

⁵ Шэньбао, 12 апреля 1913 г.

⁶ Шэньбао, 13 апреля 1913 г.

Дальнейшее развитие событий

Сразу же после передачи дела китайским властям губернатор Чэн Дэцюань высказался, во-первых, за обнародование документов, обнаруженных в доме Ин Гуйсиня (21 апреля они были отправлены в Пекин президенту Юань Шикаю) и, во-вторых, за учреждение Чрезвычайного суда, который занялся бы рассмотрением дела Сун Цзяожэня. Это второе предложение вызвало возражение Министерства юстиции на том основании, что это противоречит Временной конституции.

5 и 17 мая состоялись предварительные заседания городского суда, на которых Ин Гуйсинь подтвердил данные ранее показания.

Через две недели после этого суд собрался на первое заседание. Защитник Ин Гуйсиня заявил, что рассмотрение дела должно быть перенесено в Пекин.

Второе заседание суда было назначено на 16 июля.

Накануне прокурор Шанхая Цай Ципин подал в отставку, и председатель суда объявил, что судебное заседание состояться не может, поскольку некому представлять обвинение.

В ночь с 24 на 25 июля Ин Гуйсинь при загадочных обстоятельствах бежал из тюрьмы.

Корреспондент «Шэньбао» сообщал, что Ин Гуйсинь подкупил начальника тюрьмы У Цюэшэна и нескольких тюремщиков, и когда его выпустили через ворота тюрьмы, он был встречен охранниками в штатском; понимая серьезность ситуации, начальник тюрьмы послал своих людей, проделавших в стене несколько отверстий, чтобы создать впечатление, будто преступник бежал через эти дыры в стене.¹

Газета «Шэньчжоу жибао»

¹ 城内访函 (Новости города) // Шэньбао, 27 июля 1913 г.

Губернатор Чэн Дэньюань распорядился выяснить обстоятельства побега, и через некоторое время газета «Шэньчжоу жибао» подтвердила, что администрация тюрьмы была подкуплена¹, но из-за начала «Второй революции» тюремщики к ответственности привлечены не были.

Поскольку У Шиин был мертв, а Ин Гуйсинь бежал, дальнейшее рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня было прекращено.

Кто заказал убийство: четыре версии

Таким образом, в ходе расследования была установлена личность убийцы и подозреваемого в организации покушения. Но было ясно, что кто-то стоял за их спиной, будучи заказчиком преступления. Каких-либо сведений о том, кто это был, следствию получить не удалось.

На протяжении ста с лишним лет, прошедших с тех пор, именно этот вопрос неизменно привлекал пристальное внимание историков.

Версия первая

Эта версия, сформулированная руководителями Гоминьдана по свежим следам события, на протяжении длительного времени считалась историками единственной и, казалось бы, не вызывающей вопросов. Ее авторы утверждали, что ими было установлено, как взаимодействовали между собой инициатор, непосредственные организаторы и исполнители теракта.

Впервые эта версия была изложена через месяц после теракта в шанхайской газете «Миньлибао»:

Сунь Цзяожэня убили не Хун Шуцзу, Ин Гуйсинь и У Шиин. Его убили Юань Шикай и Чжао Бинцзюнь. Хун Шуцзу и Ин Гуйсинь были всего лишь орудием, а У Шиин стал орудием орудия.²

Позднее вышеприведенная схема была повторена китайским историком Дин Чжунцзяном:

Инициатором убийства был президент Юань Шикай, его сообщником — премьер Чжао Бинцзюнь, связным — секретарь министерства

¹ 应桂馨逃狱之真相 (Правда о том, как Ин Гуйсинь бежал из тюрьмы) // Шэньчжоу жибао, 15 августа 1913 г.

² Миньлибао, 27 апреля 1913 г.

Организаторы и исполнители покушения на Сун Цзяоэня
в соответствии с первой версией преступления

Газета «Миньлибао»

внутренних дел Хун Шуцзу, организатором покушения в Шанхае — известный негодяй Ин Гуйсинь, непосредственным исполнителем — безработный отставной солдат У Шиин.¹

Что касается доказательств этой версии, то исследователи основывались на соображениях двоякого рода.

Прежде всего — на отдельных намеках, содержащихся в переписке Ин Гуйсиня и Хун Шуцзу.

Во-вторых, на традиционном представлении о Юань Шикае как узурпаторе, воспользовавшемся плодами Синьхайской революции в своих личных интересах, который ни в коем случае не мог допустить, чтобы премьером его правительства стал один из лидеров оппозиционной партии.

Именно так характеризовал дело об убийстве Сун Цзяожэня Чэнь Бода, который позднее стал секретарем Мао Цзэдуна, а в 1946 г. опубликовал свой памфлет «Узурпатор Юань Шикай», переизданный в 1954 г.²

Та же самая версия была изложена У Сянсянем в его фундаментальной «Биографии Сунь Ятсена», где он обосновывал свое мнение о том, что Сун Цзяожэнь, резко критиковавший пекинское правительство, представлял собой реальное препятствие на пути осуществления коварных планов Юань Шикая; это и явилось главной причиной безвременной гибели выдающегося деятеля Гоминьдана.³

У Сянсян писал:

Обнародование переписки Хун Шуцзу и Ин Гуйсиня было подобно грому среди ясного неба. После этого тот факт, что Юань Шикай и Чжао Бинцзюнь организовали убийство Сун Цзяожэня, уже не вызывал сомнений. <...> Сун Цзяожэнь, основываясь на большинстве, полученном Гоминьданом в парламенте, мог стать премьер-министром, а Юань Шикай оказался бы за бортом правительства.⁴

Чэнь Бода
(1904–1989)

¹ 丁中江. 北洋军阀史话 (Дин Чжунцзян. История бэйянских милитаристов). Т. 1. Пекин. 1992. С. 404.

² 陈伯达. 窃国大盗袁世凯 (Чэнь Бода. Узурпатор Юань Шикай). Пекин. 1954.

³ У Сянсян. Биография Сунь Ятсена. Т. 2. С. 1170–1175.

⁴ 吴相湘. 宋教仁传: 中国民主宪政的先驱 (У Сянсян. Биография Сун Цзяожэня: пионер конституционной демократии в Китае). Тайбэй. 1985. С. 223–224.

Эта версия была в свое время поддержана ведущими советскими историками.

Г. В. Ефимов писал:

Кто же организовал убийство Сун Цзяожэня? Ответить на этот вопрос — значит установить, кто был заинтересован в его устранении. Сун Цзяожэнь как лидер парламентской фракции Гоминьдана должен был стать премьер-министром. <...> Премьер-министром в то время был Чжао Бинцзюнь. <...>. Устранение Сун Цзяожэня было выгодно и ему, и правящей пекинской клике. Наконец, еще одно и, видимо, решающее обстоятельство особенно страшило Юань Шикая — возможность выдвижения гоминьдановцами своего кандидата на пост президента.¹

Г. В. Ефимов
(1906–1980)

Вопроса о том, не было ли убийство Сун Цзяожэня выгодно кому-либо еще, автор в своей монографии не рассматривал, хотя это и следовало бы сделать.

Академик С. Л. Тихвинский в книге, посвященной внешнеполитическим воззрениям Сунь Ятсена, упоминая о покушении на Сун Цзяожэня и не приводя каких-либо доказательств, утверждал, что «21 марта 1913 г. в Шанхае по заданию Юань Шикая наемным убийцей был убит Сун Цзяожэнь».²

С. Л. Тихвинский
(1918–2018)

20 лет спустя С. Л. Тихвинский в другой своей работе повторил ту же формулировку, так и не подкрепив ее фактами и лишь исправив допущенную им ранее ошибку в дате.³ С тех пор эта версия стала в нашей литературе аксиомой. Сегодня она абсолютно превалирует в материалах о Синьхайской революции, выложенных на отечественных сайтах интернета.

¹ Ефимов Г. В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен (1911–1913 гг.). М. 1974. С. 307.

² Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. М. 1964. С. 175.

³ Тихвинский С. Л. Завещание китайского революционера. М. 1986. С. 107.

Вышеизложенной версии убийства Сун Цзяожэня по-прежнему придерживаются в наше время и некоторые современные китайские ученые.¹

Версия вторая

Несколько лет тому назад профессор истфака Пекинского университета Шан Сяомин выпустил объемистую монографию под многообещающим названием «Повторное рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня»².

В ней он утверждал, что, хотя многие считают себя вправе высказываться по поводу дела об убийстве Сун Цзяожэня, исследования настоящих специалистов можно пересчитать по пальцам одной руки, а все остальные — это суждения любителей, которыми можно было бы пренебречь без ущерба для дела.

Шан Сяомин

Шан Сяомин заявлял, что даже специалисты использовали в своих работах на данную тему не более одной десятой всех имеющихся источников, что и определило неубедительность их выводов. Сам он, по его словам, обнаружил в библиотеке исторического факультета Пекинского университета и в Пекинском городском архиве ценнейшие документы, позволившие ему по-новому взглянуть на суть происходившего в Шанхае.

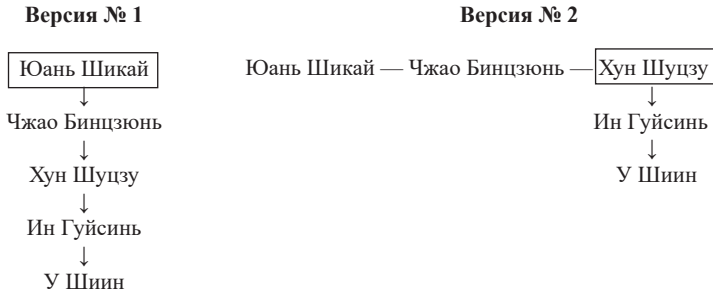
Далее Шан Сяомин выдвинул тезис о том, что «дело Сун Цзяожэня» и «дело об убийстве Сун Цзяожэня» — это принципиально разные вещи, и их не следует смешивать.

Отвергнув традиционную версию, Шан Сяомин пришел к неожиданному выводу: преступной личностью, заказавшей убийство Сун Цзяожэня, был не президент Юань Шикай, а малоизвестный широкой аудитории секретарь пекинского министерства внутренних дел по имени Хун Шуцзу.

¹ См., например: 廖人凤. 袁世凯就是谋杀宋教仁的元首 (Мяо Жэньфэн. Инициатор покушения на Сун Цзяожэня — не кто иной, как Юань Шикай) // <http://bbs.tianya.cn/post-no05187549-4.shtml>.

² 尚小明. 宋案重审 (Шан Сяомин. Повторное рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня). Пекин. 2018. С. 1–523.

В соответствии с версией Шан Сяомина прежняя схема связей между причастными к убийству лицами была принципиально изменена (в рамке — имя инициатора преступления):

Главный пафос аргументов Шан Сяомина сводится к доказательству того, что Хун Шуцзу связывали с Юань Шикаем особые интимные отношения и что Хун Шуцзу постарался добиться того, что и Ин Гуйсинь оказался приближен к особе президента. Однако главным побудительным мотивом инициатора преступления были не политические, а чисто личные корыстные соображения: Хун Шуцзу надеялся получить от Юань Шикая солидное денежное вознаграждение.

Хун Шуцзу
(1859–1919)

По мнению Шан Сяомина, первоначально Хун Шуцзу был намерен ограничиться сбором компромата на Сун Цзяожэня и других руководителей Гоминьдана (эту часть преступного замысла автор называл «делом Сун Цзяожэня»), но позднее пришел к выводу, что физическое устранение Сун Цзяожэня было бы предпочтительнее (это послужило началом «дела об убийстве Сун Цзяожэня»).

Что касается Ин Гуйсиня, то он действовал под диктовку Хун Шуцзу в надежде, что и ему кое-что перепадет.

Версии третья и четвертая

Еще до выхода в свет книги Шан Сяомина китайский историк Чжан Яоцзе опубликовал на Тайване несколько статей, вылившихся в конечном

итоге в монографию¹. В ней он выдвинул гипотезу, шокировавшую многих специалистов и заинтриговавшую читателя.

Суть данной версии: Юань Шикай не причастен к этому преступлению, которое явилось результатом борьбы внутри Гоминьдана, а главным организатором убийства был видный деятель этой партии Чэнь Цимэй.

Чжан Яоцзе

В своих работах Чжан Яоцзе, так же как и его предшественники, не смог привести какие-либо прямые доказательства в пользу своей гипотезы, но использовал многочисленные косвенные свидетельства.

Одним из главных среди них стало то, что контакты Ин Гуйсиня с президентом Юань Шикаем были кратковременны и эфемерны, тогда как с Чэнь Цимэем его связывали длительные и весьма тесные узы.

В самом деле, на одном из допросов Ин Гуйсинь показал, что знает Чэнь Цимэя 6 или 7 лет. Они оба некогда были членами действовавшей в Шанхае гангстерской организации под названием «Зеленое братство» (Цин дан).

Более того, когда Сунь Ятсен вернулся в Китай и собирался выехать из Шанхая в Нанкин, Чэнь Цимэй назначил его начальником охраны будущего временного президента. Ясно, что на этом ответственном посту

Сунь Ятсен отправляется в Нанкин (справа рядом с ним Ин Гуйсинь)

¹ Чжан Яоцзе. Прошло сто лет, но преступление осталось нераскрытым. Дело об убийстве Сун Цзяожэня и Гоминьдан. Тайбэй. 2010.

мог оказаться только человек, которого Чэнь Цимэй лично хорошо знал, которому он целиком и полностью доверял и за которого мог поручиться своей головой. После этого Ин Гуйсинь получил место в канцелярии Сунь Ятсена.

Формулируя свою версию, Чжан Яоцзе основывался также на высказываниях современников тех трагических событий.

Наконец, в работах ряда современных ученых сформулирована и еще одна — четвертая по счету — версия убийства Сун Цзяожэня: организатором преступления являлся Сунь Ятсен.¹

В кругах, близких к руководству Гоминьдана, были деятели, которые по горячим следам событий если открыто не обвиняли Сунь Ятсена в причастности к делу Сун Цзяожэня, то во всяком случае намекали на это.

Одним из наиболее активных из числа этих людей был член Гоминьдана, личный секретарь Сун Цзяожэня японец Кита Икки.

Кита Икки оставил мемуары, в которых вспоминал о трагедии на шанхайском вокзале. Там, в частности, есть такие строки:

Я могу заявить, в полной мере отвечая за свои слова, что Юань Шикай не был злоумышленником в этом деле, в известном смысле он был лишь сообщником. Убийство спланировал революционный «соратник» Сун Цзяожэня — Чэнь Цимэй, у которого был *еще один знаменитый сообщник*.²

Анализируя эти слова Кита Икки, Чжан Яоцзе пришел к выводу, что они ясно указывают на Чэнь Цимэя как на бесспорного организатора покушения на Сун Цзяожэня, но недостаточны

И снова Чэнь Цимэй?

Кита Икки (1883–1937)

¹ См., например: 彭珊珊. 袁世凯嫡孙为何称“孙中山是刺杀宋教仁最大嫌疑人” (Пэн Шаньшань. Почему внук Юань Шикай утверждает, что «Сунь Ятсен — главный подозреваемый в деле об убийстве Сун Цзяожэня») // http://news.ifeng.com/a/20160530/-48874634_2_.shtml

² 张耀杰. 一个日本人眼中宋教仁案 (Чжан Яоцзе. Дело Сун Цзяожэня глазами японца) // <http://m.jrj.com.cn/madapter/finance/2016/05/02001020904208.shtml> (курсив наш).

для того, чтобы обвинить Сунь Ятсена в причастности к этому преступлению.¹

Однако закономерен вопрос: мог ли Чэнь Цимэй решиться на физическое устранение одного из руководителей своей партии без согласия на это со стороны ее лидера?

Ситуация, возникшая в 1913 г., была аналогична той, которая имела место годом раньше, когда Чэнь Цимэй приказал Чан Кайши расстрелять Тао Чэнчжана. И в тот и в этот раз он мог организовать убийство, только получив санкцию или хотя бы молчаливое одобрение со стороны Сунь Ятсена.

Поэтому четвертая и третья версии фактически тождественны между собой и различаются только тем, кто был инициатором плана — Чэнь Цимэй или Сунь Ятсен, но и в том и в другом случае подразумевается причастность последнего к убийству:

Версия № 3

Сунь Ятсен

Чэнь Цимэй

Юань Шикай — Чжао Бинцзюнь — Хун Шуцзу — Ин Гуйсинь

У Шиин

Версия № 4

Сунь Ятсен

Чэнь Цимэй

Юань Шикай — Чжао Бинцзюнь — Хун Шуцзу — Ин Гуйсинь

У Шиин

Таковы четыре версии убийства, ни одна из которых на протяжении вот уже более ста лет не может считаться доказанной, поскольку, повторяем, прямых свидетельств в пользу какой-либо из них до сих пор не обнаружено.

¹ Там же.

Теоретически не исключено, что таковые могут быть найдены в будущем. Но надежд на это мало. Преступники, совершающие политические убийства, как правило, не оставляют следов. Неслучайно, например, мы до сих пор не имеем прямых доказательств, касающихся дела об убийстве Кирова, и вынуждены строить свои предположения на сей счет исключительно на соображениях логического свойства.

О методике расследования дела об убийстве Сун Цзяожэня, предложенной профессором Шан Сяомином

Как говорилось выше, опубликовав свою книгу, Шан Сяомин обратился к критике своих предшественников, прежде всего Чжан Яоцзе. Тот тут же отвечал на острые замечания, не в силах отказать себе в удовольствии нанести оппоненту удар ниже пояса. К радости любителей острых ощущений и к вящему сожалению прочих свидетелей этого научного спора, таковой вскоре фактически прекратился, а его участники перешли на личности и взаимные оскорбления.

Едва ли не единственным позитивным результатом этого обмена любезностями явилась публикация Шан Сяомином статьи, в которой он излагал методические принципы, которых, по его мнению, должен придерживаться исследователь дела о покушении на Сун Цзяожэня. Эта публикация заслуживает специального рассмотрения.

Суть методики

В работе, о которой в данном случае идет речь¹, сформулированы пять основополагающих тезисов.

Тезис первый: исследуя дело Сун Цзяожэня, следует предварительно максимально полно собрать соответствующие материалы.

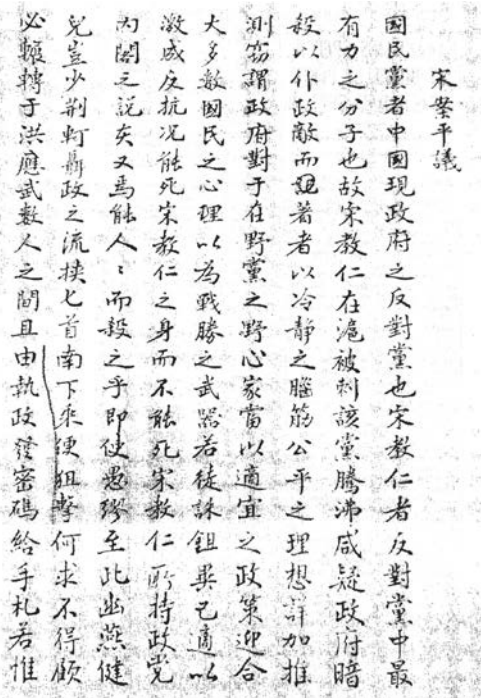
Подобная постановка вопроса не может встретить возражения; авторы этой книги в своих предыдущих исследованиях также высказы-

¹ Шан Сяомин. Вопросы методики исследования «дела Сун Цзяожэня» (尚小明. “宋教仁案”研究的方法问题) // http://jds.cass.cn/xwx/sxpy/201807/t20180716_4504027.shtml.

вались именно в этом духе.¹ Однако мы не можем согласиться с некоторыми высказываниями Шан Сяомина, которыми он сопровождает приведенное выше справедливое суждение.

Так, он утверждает, что его книга полностью отвечает выдвинутому им требованию, поскольку в ней якобы учтены все имеющиеся источники, причем 90% из них в течение ста лет, прошедших после убийства Сун Цзяожэня, не использовались исследователями.²

Действительно, Шан Сяомин нашел и в той или иной мере использовал немало новых источников, в частности, рукописи из архива исторического факультета Пекинского университета «О деле Сун Цзяожэня», «Правда об убийстве Сун Цзяожэня» и др.

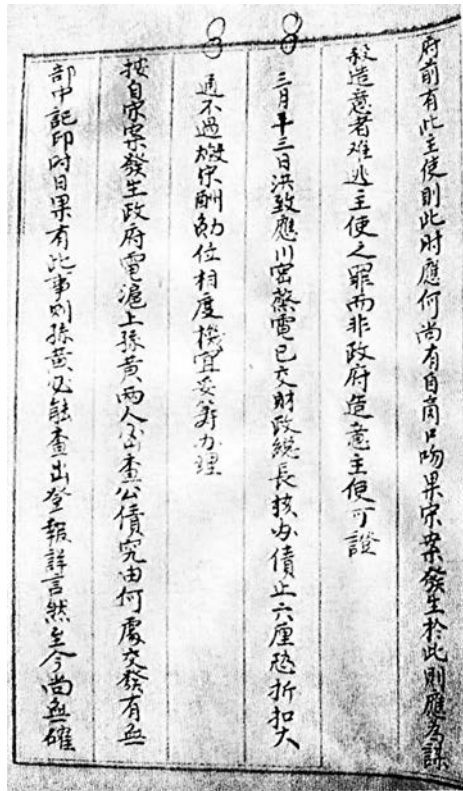

Первая страница рукописи «О деле Сун Цзяожэня»³

¹ Крюков В. М., Крюков М. В. Весна и осень революционной дипломатии. Т. 1. М. 2015. С. 49.

² Шан Сяомин. Вопросы методики исследования «дела Сун Цзяожэня». С. 2.

³ 宋案評議 (О деле Сун Цзяожэня) // Архив исторического факультета Пекинского университета. Ф. 174.

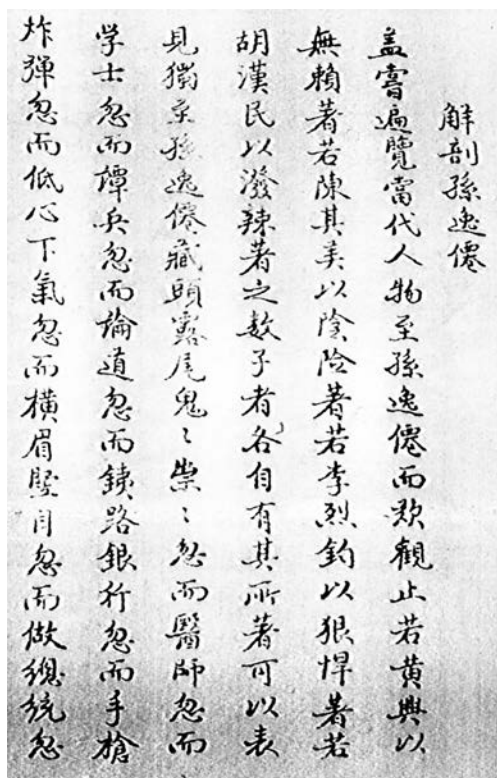
Страница рукописи «Правда об убийстве Сун Цзяожэня»¹

К сожалению, на некоторые другие материалы из того же архива Шан Сяомин почему-то не обратил внимания. К числу таковых относится, например, «Анатомия Сунь Ятсена».

Тезис второй: в процессе данного исследования нужно исходить из анализа главных улик.

Автор утверждает, что изучение дела Сун Цзяожэня за прошедшие 100 лет почти не продвинулось вперед потому, что историки игнорировали дошедшие до нас важнейшие улики, обнаруженные в доме Ин Гуйсиня.

¹ 宋教仁被杀真相 (Правда об убийстве Сун Цзяожэня) // Архив исторического факультета Пекинского университета. Ф. 174.

Первая страница рукописи «Анатомия Сунь Ятсена»¹

При этом, по мнению автора, анализировать следует не только свидетельства, имеющие непосредственное отношение к теме исследования, но и косвенные материалы, способные зачастую пролить неожиданный свет на интересующие нас события.

После этого справедливого замечания Шан Сяомин писал, что недостаточное стремление досконально изучить улики проявляли до сих пор как дилетанты-любители, так и специалисты-профессионалы.

Разница между ними заключается в том, что в случае недостаточности доказательств или невозможности объяснить факты исследователь-профессионал осторожен при формулировании своих выводов, тогда как

¹ 解剖孫逸仙 (Анатомия Сунь Ятсена) // Архив исторического факультета Пекинского университета. Ф. 174.

любитель уходит от главного и уделяет внимание вопросам типа «каковы были побудительные мотивы» или «кому это было выгодно».<...> Вопросы такого рода не только не могут прояснить дело Сун Цзяожэня, но и усугубляют имеющиеся противоречия.¹

Согласиться с тем, что вопросы о побудительных мотивах преступления и о том, «кому это было выгодно», задают себе лишь неопытные дилетанты, мы не можем и специально вернемся к этому.

Между тем, исходя из этого утверждения, Шан Сяомин пишет:

Если мы будем основываться на уликах, то обнаружим: возможность того, что закулисным манипулятором убийства Сун Цзяожэня был Сунь Ятсен, равна нулю, поскольку в этом деле нет абсолютно никаких фактов, указывающих на Сунь Ятсена. Именно поэтому данная версия вообще не обсуждается в книге «Повторное рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня».

Точно так же равна нулю и возможность того, что человеком, который замыслил убить Сун Цзяожэня, был Чэнь Цимэй.²

Тут Шан Сяомин противоречит самому себе: если третья версия столь же неосновательна, как и четвертая, то ее также не имело смысла обсуждать. Тем не менее ее опровержению Шан Сяомин посвятил три десятка страниц своей книги.

Тезис третий: при расследовании дела об убийстве Сун Цзяожэня необходимо уделить внимание установлению подлинности источников.

Этот тезис бесспорен и важен, разумеется, отнюдь не только при изучении дела Сун Цзяожэня, но и вообще в любом историческом исследовании.

Вопрос заключается лишь в том, как сам Шан Сяомин решает сформулированную им задачу, и к этому мы еще вернемся ниже.

Тезис четвертый: источники следует анализировать с предельной тщательностью, иероглиф за иероглифом; «если ограничиваться лишь выяснением общего смысла свидетельства и основываться на этом в своих выводах, то результат зачастую будет необудителен».³

Наш комментарий по этому поводу совпадает с тем, что было сказано о тезисе № 3.

И, наконец, **тезис пятый:** при рассмотрении данного дела следует сочетать микро- и макроанализ.

¹ Шан Сяомин. Вопросы методики исследования «дела Сун Цзяожэня». С. 4.

² Там же.

³ Там же. С. 7.

Мы полностью согласны с этим пожеланием, так же как и с заключительными словами Шан Сяомин: «Без правильного метода исследования нельзя прийти к выводам, которые встретят всеобщее одобрение».¹

О подлинности документа и достоверности сообщаемой им информации

Иллюстрируя тезис о важности критического анализа используемых источников, Шан Сяомин упоминает о документе, озаглавленном «Заявление пекинского государственного совета», в котором излагается версия о причастности руководящих деятелей Гоминьдана, в том числе Чэнь Цимэя, к делу Сун Цзяожэня.

Впервые полный текст этого документа был приведен У Сянсяном в его биографии Сун Цзяожэня², позднее использован У Динцзяном³, после чего этот документ, пишет Шан Сяомин, стал использоваться не только дилетантами, но даже и исследователями-профессионалами в качестве доказательства вины Чэнь Цимэя.

Но среди хранящихся на историческом факультете Пекинского университета бумаг автор обнаружил последнюю страницу некоего текста, доказывающего, по его мнению, что «Заявление» является подделкой — в действительности это письмо сообщника Ин Гуйсиня, сочиненное с единственной целью оклеветать Хуан Сина и Чэнь Цимэя.⁴

Прежде чем обратиться к найденному Шан Сяомином тексту, следует напомнить общеизвестную истину: обращаясь к критике исторических свидетельств, историк имеет дело с двумя различными процедурами, которые не следует смешивать. Первую принято называть «внешней критикой», она призвана ответить на вопрос о том, является ли документ подлинным или это подделка; вторая — «внутренняя критика», устанавливающая, насколько достоверна сообщаемая документом информация.

Итак, сначала о «внешней критике» текста, о котором в данном случае идет речь.

¹ Там же. С. 9.

² 吴相湘。宋教仁：中国民主宪政的先驱（У Сянсян. Сун Цзяожэнь: пионер демократического конституционализма в Китае）。Тайбэй. 1971. С. 267–268.

³ 丁中江。北洋军阀史话（Дин Чжунцзян. История бэйянских милитаристов）。Т. 1. Пекин. 1987. С. 413–414.

⁴ Шан Сяомин. Повторное рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня. С. 478–479.

夜防獲以已其賊典獄者每食必與人共座候人先嘗
下箸則不食皆危險之狀之不相見黃克強以此主張
組織特約作庭實則以子檢決天下目也既為法部所
擬計不得逞則以暗殺之說要挾願長西報中望公即日
前亮才要求審判官下獄或判官希趙德刑之
幸能長為弟兄後世同為幸一不知辦到此處有裁
判所移轉之戶不知是否為法部所許亦難辦則但移
正明此則此事不難以故至是已下者送弱人而

上海法界
名心

Последняя страница текста, обнаруженного Шан Сяомином

Если мы обратимся к факсимиле упомянутого текста, то обнаружим, что написан он не безымянным «сообщником Ин Гуйсиня», а его пекинским респондентом Хун Шуцзу.

Во-первых, под текстом стоит подпись «Минсинь» 名心 — именно так иногда подписывал свои письма Хун Шуцзу.

Во-вторых, об этом свидетельствуют особенности почерка: своеобразное написание ряда иероглифов (之, 人, 儿, 至), встречающихся в этом тексте и в письмах Хун Шуцзу, аналогично.

Таким образом, находка этого документа не может опровергнуть подлинность «Заявления Пекинского государственного совета» и свидетельствует лишь о том, что оно было составлено на основании письма Хун Шуцзу.

Теперь о «внутренней критике» этого текста.

Шан Сяомин приводит 4 соображения, свидетельствующие, по его мнению, о том, что письмо, а стало быть и «Заявление», с начала до конца являются клеветническим памфлетом.

Во-первых, в письме упоминается о том, что, намереваясь стать премьер-министром, Сун Цзяожэнь поддерживал кандидатуру Юань Шикая на посту президента, чем вызвал неудовольствие Хуан Сина, также претендовавшего на кресло главы государства; этим воспользовался Чэнь Цимэй для того, чтобы поссорить двух видных деятелей Гоминьдана.

Шан Сяомин считает, что это утверждение не соответствует фактам: в тот момент, когда создавался Гоминьдан, парламентарий У Цзинлянь выдвинул в качестве условия своего вступления в партию отказ от споров по поводу того, кто будет президентом, а Хуан Син и Сун Цзяожэнь согласились с этим.¹

Но, с нашей точки зрения, условие, выдвинутое У Цзинлянем, не только не опровергает сказанное в письме, но, напротив, подтверждает факт, что создание Гоминьдана сопровождалось дискуссиями о том, кто должен стать президентом Республики.

Во-вторых, в письме утверждается, что Чэнь Цимэй «использовал Ин Гуйсиня и У Шиина для того, чтобы покончить с Сун Цзяожэнем, обвинив в этом центральное правительство.<...> Они не предполагали, что нанявший их человек предаст их и потому не приняли никаких мер предосторожности и не скрылись».

Шан Сяомин считает все это откровенным вымыслом:

В самом деле, если Чэнь Цимэй действительно дал указание Ин Гуйсиню и У Шиину убить Сун Цзяожэня, а потом предал их, почему только У Шиин рассказал в суде правду, а Ин Гуйсинь молчал? Неужели он был согласен с тем, чтобы Чэнь Цимэй предал его? Если У Шиин действительно рассказал в суде, что он был нанят Чэнь Цимэем <...>, то почему в газетах (включая газеты, поддерживавшие Юань Шикая), подробно сообщавших о ходе предварительного рассмотрения дела, не упоминали о показании У Шиина о причастности Чэнь Цимэя?

¹ Шан Сяомин. Повторное рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня. С. 482.

И еще одно. 3 апреля Ин Гуйсинь написал письмо заместителю министра внутренних дел с просьбой о помощи. Если Чэнь Цимэй действительно использовал его и У Шиина для того, чтобы убраться Сун Цзяожэня, а потом обвинить в этом центральное правительство, то почему он не сообщил об этом в центр, чтобы заручиться его помощью, а обвинил Чэнь Цимэя в организации преступления, сославшись на У Шиина — после того, как У Шиина уже не было в живых и тот не мог возразить ему?¹

Задавая эти риторические вопросы, Шан Сяомин допускает искажение фактов. В суде У Шиин сообщил немало такого, что свидетельствовало о причастности Гоминьдана (в частности, о планах начать «Вторую революцию»), но вовсе не говорил о том, что он был нанят Чэнь Цимэем, и именно поэтому в сообщениях прессы имя Чэнь Цимэя не фигурировало. Точно так же не упоминал о Чэнь Цимэе и Ин Гуйсинь — ни от своего имени, ни от имени У Шиина. Ин Гуйсинь молчал об этом вовсе не из-за согласия с тем, что Чэнь Цимэй предал его, а, как можно предполагать, надеясь на то, что организатор акции выполнит свое обещание и гарантирует его безопасность.

В-третьих, в письме говорится о том, что Чэнь Цимэй дал большую взятку судье, чтобы «изменить показания У Шиина».

Шан Сяомин задает вопрос: поскольку в зале суда присутствовали журналисты, каким образом можно было изменить показания обвиняемого?

Но речь могла идти о другом: после того, как У Шиин отказался от сказанного им ранее и стал утверждать, что действовал в одиночку, не имея сообщников, судья ограничился тем, что зафиксировал это новое показание и более к этому вопросу не возвращался.

В-четвертых, в письме упоминается о том, что Хуан Син оказывал давление на судью, требуя, чтобы к суду был привлечен премьер-министр Чжао Бинсюнь.

По мнению Шан Сяомина, это утверждение также является клеветой, поскольку Хуан Син выступал за рассмотрение дела в законном порядке специальным трибуналом и оказывать давления на суд не мог.

К сожалению, вынести свое суждение о том, насколько достоверно это содержащееся в письме свидетельство, затруднительно ввиду отсутствия других источников.

Подводя итог, можно констатировать, что, на наш взгляд, Шан Сяомину не удалось доказать сформулированный им тезис о том, что «Заявление Пекинского государственного совета» является фальшивкой,

¹ Там же. С. 483.

имевшей своей целью оклеветать руководителей Гоминьдана. Этот документ должен рассматриваться наряду со всеми прочими источниками, проливающими свет на подоплеку убийства Сун Цзяожэня.

Cui bono?

Как уже говорилось, профессор Шан Сяомин полагает, что в процессе исследования уголовного преступления только дилетант может задать вопрос типа «каковы были побудительные мотивы подозреваемого?» или «кому это выгодно?» (*cui bono?*).

Между тем, Цицерон говорил:

Знаменитый Кассий, которого римский народ считал справедливейшим и мудрейшим судьей, обычно спрашивал во время суда: *«Кому это выгодно?»* (выделено нами. – В. К., М. К). Такова жизнь человека: никто не пытается совершить злодеяние без расчета и без пользы для себя.¹

Со времен Кассия (II в. до н. э.) при расследовании уголовных преступлений юристы неизменно ищут ответ на этот вопрос.

Его же, противореча самому себе, в своей книге задает и Шан Сяомин, причем, с нашей точки зрения, поступает в этом случае совершенно правильно.

Прежде всего, развернутый ответ именно на этот вопрос содержится в разделе «Несколько соображений в пользу того, что Юань Шикаю незачем было убивать Сун Цзяожэня». Шан Сяомин приводит на этот счет в общей сложности 5 соображений.

Во-первых, в начале 1913 г. подходил к концу срок временного президентства Юань Шикая и на повестке дня уже стояли выборы постоянного президента Китайской Республики. Сун Цзяожэнь не был конкурентом Юань Шикая на выборах и не представлял собой препятствие на пути к его успешному избранию. Поэтому у Юань Шикая не было оснований для убийства Сун Цзяожэня.²

Юань Шикая действительно волновал вопрос о том, выставит ли Гоминьдан свою кандидатуру на выборах и кто конкретно это может быть.

Поскольку Сунь Ятсен официально заявил о том, что баллотироваться на выборах президента он не собирается, единственным теоретически воз-

¹ Цицерон. Речь в защиту Секста Росция из Америи, XXX, 84 (пер. В. О. Горенштейна).

² Шан Сяомин. Повторное рассмотрение дела Сун Цзяожэня. С. 254–255.

можным конкурентом Юань Шикая мог быть только Хуан Син. Поэтому был прав автор статьи, опубликованной в газете «Peking Daily» и перепечатанной в «Ясия жибао», который задавал вопрос: «Почему же Юань Шикаю пришлось в голову лишиться жизни Сун Цзяожэня, а не Хуан Сина?».¹

Во-вторых, хотя Гоминьдан и получил на выборах большинство голосов, он не принимал решения поручить Сун Цзяожэню формирование кабинета министров, так что для Юань Шикая Сун Цзяожэнь не представлял реальной угрозы и убивать его Юань Шикаю было незачем.

В-третьих, Юань Шикай отдавал себе отчет в том, что ему противостоит оппозиционная партия, а не отдельные ее представители. Поэтому он не мог не понимать, что убийство Сун Цзяожэня не только не будет решением проблемы, но неизбежно вызовет ответную реакцию общественного мнения.

В-четвертых, в ответ на успешные для Гоминьдана результаты выборов в парламент Юань Шикай еще за месяц до убийства Сун Цзяожэня начал действовать, намереваясь противопоставить этому объединенные усилия других политических партий и группировок. Он, в частности, установил контакт с Лян Цичао, который положительно отнесся к идее кооперации трех партий в противовес Гоминьдану.²

В-пятых, в распоряжении Юань Шикая был еще один способ воспрепятствовать возможным попыткам Гоминьдана ограничить его власть: он мог добиться принятия конституции, по которой президент Республики не отчитывался бы в своих действиях перед парламентом.

Учитывая всё сказанное, можно утверждать, что у Юань Шикая не было решительно никаких оснований совершать теракт против Сун Цзяожэня.³

Примерно так же рассуждают Хэ Яньмин, Ван Чао и Ван Вэньцзян. Они убедительно показали, что несмотря на большинство, полученное депутатами — членами Гоминьдана в результате выборов в парламент, положения Временной конституции Китайской Республики делали практически невозможным устранение действовавшего премьера Чжао Бинцзюня. Для этого требовалось бы, чтобы в голосовании приняло участие не менее 75% всех депутатов, более двух третей из числа которых высказались бы за импичмент. В то время в парламенте насчитывалось 862 депутата, 392 из них были членами Гоминьдана. Даже если бы все

¹ Об убийстве Сун Цзяожэня (论宋教仁之被刺) // Ясия жибао, 24 марта 1913 г.

² Лян Цичао — Лян Сышуню, 18 марта 1913 г. // 梁启超未刊书信手迹 (Факсимильное издание ранее не публиковавшихся писем Лян Цичао). Т. 1. Пекин. 1994. С. 205.

³ Шан Сяомин. Повторное рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня. С. 254–264.

они приняли участие в голосовании, все же для положительного решения вопроса не хватало бы 34 голосов.

Далее, у руководителей Гоминьдана отнюдь не было уверенности в том, как проголосуют в парламенте их делегаты, тем более что сам Чжао Бинцзюнь также был членом Гоминьдана.

Наконец, даже если бы решение парламента об импичменте Чжао Бинцзюня было принято, право предложить кандидатуру нового премьера принадлежало президенту Юань Шикаю.

Таким образом, у Сун Цзяожэня не было реальных шансов занять пост премьер-министра, а у Юань Шикая — резона убивать его.¹

Был ли заинтересован в устранении Сун Цзяожэня премьер-министр Чжао Бинцзюнь?

Факты говорят скорее *contra*, чем *pro*.

Начать с того, что Чжао Бинцзюня и Сун Цзяожэня связывали добрые, если не сказать дружеские, отношения.

Чжан Гогань, бывший в то время в курсе происходившего в Пекине, рассказывал, что однажды на заседании кабинета изменившийся в лице Чжао Бинцзюнь воскликнул: «Если люди говорят, что это я убил Сун Цзяожэня, то это значит, что я предал своего друга. Могу ли я после этого считаться человеком?».²

Пословом корреспондента газеты «Миньлибао», 29 марта Чжао Бинцзюнь заявил Юань Шикаю:

Я с самого начала не хотел быть премьером и стал им по настоянию президента, не решаясь снимать с себя ответственность [за происходящее в стране]. Заняв эту должность, я трудился в поте лица, не жалея себя. <...> Сейчас возникло дело Сун Цзяожэня, и нашлись люди, подозревающие меня в том, что я являюсь главным злоумышленником. Это предположение нелепо, но как я могу доказать свою невиновность? Поэтому я подаю в отставку и поеду в Шанхай на очную ставку с убийцей.³

Чжао Бинцзюнь
(1859–1914)

¹ 何延明、王超、王文江。宋案元凶探渊 (Хэ Яньмин, Ван Чао, Ван Вэньцзян. Кто замыслил убийство Сун Цзяожэня?) // Вэньшань шифань гаодэн чжуанькэ сюэсяо сюбао. 2008. Т. 28. № 1. С. 26–27.

² 张国淦。北洋述闻 (Чжан Гогань. Услышанное в коридорах Бэйянского правительства). Шанхай. 1998. С. 47.

³ Миньлибао, 30 марта 1913 г.

В Шанхай Чжао Бинцзюнь так и не поехал, но подал Юань Шикаю прошение об отставке, а получив отказ, еще дважды повторял свою просьбу, пока не добился своего (оригинал третьего по счету послания Чжао Бинцзюня президенту хранится в архиве исторического факультета Пекинского университета).

Был ли Хун Шуцзу заинтересован в убийстве Сун Цзяожэня?

Если бы дело обстояло именно так, то непосредственный исполнитель, стрелявший в Сун Цзяожэня на шанхайском вокзале, наверняка воспользовался бы благоприятной возможностью заодно покончить и с шедшим рядом Хуан Сином, получив за это двойную плату. Но У Шиин почему-то стрелял именно в Сун Цзяожэня, хотя в конце концов в его револьвере осталось еще три неиспользованных патрона.

Почему? Вероятнее всего потому, что ему был заказан не любой руководитель Гоминьдана, а именно Сун Цзяожэнь.

Остается выяснить, были ли Чэнь Цимэй и Сунь Ятсен заинтересованы в убийстве Сун Цзяожэня.

Можно предположить, что, планируя эту акцию, Чэнь Цимэй рассчитывал занять место своей жертвы. Действительно, после смерти Сун Цзяожэня он стал правой рукой Сунь Ятсена, значительно повысив свой рейтинг по сравнению с другими руководителями Гоминьдана. Но как нам уже приходилось отмечать, Чэнь Цимэй безусловно не решился бы на этот шаг без ведома и согласия лидера партии.

Все нити подозрений так или иначе ведут к Сунь Ятсену.

Соратники-соперники

Многие исследователи уже неоднократно показывали в своих работах, что хотя после смерти Сун Цзяожэня д-р Сунь неоднократно называл его своим другом, их взаимоотношения были отнюдь не безоблачны, а порой переходили в прямую конфронтацию. Причиной тому были как чисто личностная взаимная неприязнь, так и принципиальные расхождения в оценке политической ситуации в стране и путей решения существовавших проблем.

Перелистывая «Собрание сочинений Сун Цзяожэня», читатель то и дело наталкивается на далеко не дружелюбные, порой едко саркастические высказывания автора о лидере Гоминьдана.

Одно из наиболее показательных: во время пребывания Сун Цзяожэня в Японии в ноябре 1908 г. он заявил одному из своих друзей:

Если возглавлять наше дело будет авантюрист, подобный Сунь Ятсену, китайская революция, безусловно, не сможет достичь своей цели.¹

После свержения маньчжурской монархии Сун Цзяожэнь расходился с Сунь Ятсеном по принципиальным вопросам государственного строя: он выступал за организацию правительства во главе с премьер-министром, ответственного перед парламентом, по примеру Франции, тогда как д-р Сунь ратовал за президентскую республику по американскому образцу.

После того как Гоминьдан одержал победу на парламентских выборах, появилась перспектива того, что Сун Цзяожэнь, исполняющий обязанности лидера партии во время отсутствия Сунь Ятсена, лишит его обладания высшей властью в партии и государстве. Устранив Сун Цзяожэня, д-р Сунь приближался к цели, к которой он всегда стремился.

Если, следуя за авторами 3-й и 4-й версии убийства Сун Цзяожэня, предположить, что оно было организовано Чэнь Цимэем с ведома и согласия Сунь Ятсена, то лидер Гоминьдана попадал в этом случае, как любят говорить китайцы, одной стрелой сразу в двух птиц: устранял

¹ 宋教仁集 (Собрание сочинений Сун Цзяожэня). Т. 1. Чанша, 2008. С. 69.

«Собрание сочинений
Сун Цзяожэня»

опасного претендента на руководство партией и обретал повод для начала «Второй революции».

Анализируя переписку, обнаруженную в доме Ин Гуйсиня

У Сянсян в свое время писал, что «обнародование переписки Хун Шуцзу и Ин Гуйсиня было подобно грому среди ясного неба: после этого тот факт, что Юань Шикай и Чжао Бинцзюнь организовали убийство Сун Цзяожэня, уже не вызывал сомнений».

Вопреки своему тайваньскому коллеге, Шан Сяомин утверждал, что именно эта переписка является бесспорным доказательством вины не Юань Шикая и Чжао Бинсюня, а Хун Шуцзу.

Чжан Яоцзу же не обнаружил в ней ни того ни другого.

Так о чем же, в конце концов, свидетельствуют эти документы?

Первые совместные планы

Вслед за передачей подозреваемых шанхайским властям рабочая группа под председательством губернатора провинции Цзянсу Чэнь Дэцюаня закончила разбор писем и других материалов, изъятых в доме Ин Гуйсиня. На каждом документе была поставлена печать губернатора. Затем бумаги расположили в хронологическом порядке и пронумеровали. Подлинники 53-х документов были посланы президенту Юань Шикаю, а их иероглифические транскрипции опубликованы в прессе.

Приведем наиболее важные.

Документ № 1 — рекомендательное письмо Чжан Шаоцзэна от 17 сентября 1912 г., в котором он сообщает Ин Гуйсиню о том, что в Шанхай едет Хун Шуцзу.

В это время у Ин Гуйсиня были большие неприятности. Он был обвинен Ли Юаньхуном в связях с заговорщиками, выступившими против хубэйского правительства, и его объявили в розыск. Вскоре после этого Юань Шикай отдал приказ о ликвидации нелегальных организаций, к числу которых было отнесено и руководимое Ин Гуйсином общество Гунцзиньхуй. Поездка Хун Шуцзу в Шанхай была связана как раз с этим делом, и он рассчитывал, что, пообещав Ин Гуйсиню свое заступниче-

Мандат Ин Гуйсиня,
подписанный Чэн
Дэцюанем

ство перед лицом Ли Юаньхуна, сможет заручиться помощью главы Гунцзиньхуй для успешного выполнения порученного ему задания.

Все получилось как нельзя более удачно. Ин Гуйсинь согласился взять на себя полную ответственность за ликвидацию возглавляемого им общества, Хун Шуцзу не только гарантировал Ин Гуйсиню прощение высшего начальства, но и ходатайствовал перед губернатором Чэнь Дэцюанем о назначении его на должность аккредитованного в Шанхае уполномоченного следственного управления провинции Цзянсу.

16 октября Ин Гуйсинь получил извещение о своем назначении. На следующий день довольный Хун Шуцзу отбыл в Пекин.

Документ № 2 — адресованное Ин Гуйсиню письмо Хун Шуцзу от 24 октября 1912 г.

По возвращении в Пекин Хун Шуцзу встретился с премьер-министром и заручился его согласием на то, чтобы ликвидация общества Гунцзиньхуй была поручена Ин Гуйсиню. Сообщая об этом своему новоиспеченному побратиму, Хун Шуцзу писал, что на днях собирается переговорить об этом с президентом.¹

Документ № 5 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 29 октября 1912 г.:

Все предыдущие дни хлопотал по твоему делу, просил президента издать указ о прощении, а вице-президента Ли — об отмене распоряжения об объявлении в розыск. К счастью, всё уже сделано. <...> Выслушав мои разъяснения, президент выразил свое полное согласие. <...>²

¹ Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 24 октября 1912 г. // 革命文献 (Документы революции). Т. 4243. Тайбэй. 1968. С. 156.

² Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 29 октября 1912 г. // Там же. С. 157–158.

Там же — приписка от 30 октября 1912 г.:

За крабов спасибо! К сожалению, больше половины уснуло, так что вручать их президенту неудобно. Пришлось ограничиться тем, что две большие корзины переданы премьеру. <...>

Лучше всего будет, если ты, братец, сам налегке приедешь в столицу и встретишься с президентом и премьером, это наверняка будет тебе на пользу. Если на поездку нужны деньги, дай телеграмму и объясни, в чем дело, я передам (в этой телеграмме говори только об этом деле, не упоминай о другом и не пиши ничего личного) <...>.¹

Документ № 6 — адресованное Хун Шуцзу письмо Чэнь Дэцюаня от 30 октября 1912 г.:

Получил ответную телеграмму [Ли Юаньхуна], в которой говорится: «<...>. Ин Гуйсинь готов искупить свою вину и может гарантировать, что Гунцзиньхуй впредь не будет нарушать закон и совершать деяния, наносящие ущерб правопорядку, более того — он согласен немедленно распустить организацию. То, что уханьские заговорщики раскаялись и начинают новую жизнь, дорогого стоит. Предложенный Вами план хорош, и объявление [Ин Гуйсиня] в розыск естественно должно быть отменено. <...>»²

Документ № 9 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 29 ноября 1912 г.:

Сегодня заседал Государственный совет, решено выделить 30 000. <...>

Президент хочет, чтобы ты, брат, приехал немедленно. <...> Нанесешь визит президенту, да и деньги получишь! <...>³

Документ № 10 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 11 декабря 1912 г.:

Мандат действительно подписан. Немедленно приезжай, чтобы лично получить его. Телеграфируй о том, когда прибудешь в Пекин.⁴

Получив это письмо, Ин Гуйсинь завершил последние приготовления к свертыванию деятельности своего общества и 19 декабря прибыл в столицу. Через несколько дней он был принят Юань Шикаем и Чжао Бинцзюнем.

Документ № 18 — сопроводительная записка Чжао Бинцзюня Ин Гуйсиню по поводу шифра, которым тот мог пользоваться, связываясь в будущем непосредственно с премьер-министром.⁵

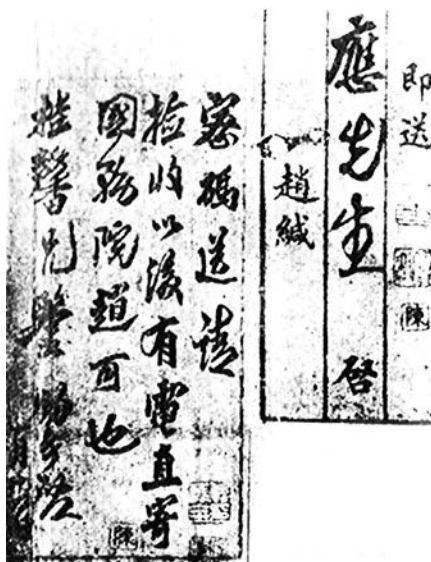
¹ Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 29 октября 1912 г. // Там же. С. 158.

² Чэнь Дэцюань — Хун Шуцзу, 30 октября 1912 г. // Там же. С. 159.

³ Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 29 ноября 1912 г. // Там же. С. 161.

⁴ Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 11 декабря 1912 г. // Там же. С. 162.

⁵ Чжао Бинцзюнь — Ин Гуйсиню, 14 января 1913 г. // Там же. С. 167.

Записка Чжао Бинцзюня Ин Гуйсиню от 14 января 1913 г.

Именно эта записка рассматривается сторонниками 1-й версии как свидетельство причастности премьер-министра (а значит, — и президента) к убийству Сун Цзяожэня. Но она была написана по совершенно иному поводу и какого бы то ни было отношения к делу о покушении на Сун Цзяожэня иметь не могла.

Далее в публикации переписки Хун Шуцзу и Ин Гуйсиня — лакуна. Но как раз в это время они переходят к обсуждению совершенно нового плана.

Ин Гуйсинь предлагает правительству еще один план

Документ № 25 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 1 февраля:

Большая тема может иметь ценность лишь в том случае, если налицо будет какая-нибудь вызывающая статья. <...>¹

Что имел в виду Хун Шуцзу, говоря о «большой теме»? Ответ мы находим в следующей телеграмме Ин Гуйсиня Чжао Бинцзюню.

Документ № 28 — телеграмма, отправленная Ин Гуйсином Чжао Бинцзюню 2 февраля:

¹ Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 1 февраля 1913 г. // Там же. С. 175.

Сунь Ятсен, Хуан Син, Ли Юаньхун, Сун Цзяожэнь развили бурную деятельность. Ли Юаньхун получил материальную помощь зарубежных китайцев. Гоминьдан неожиданно высказался за выдвижение Сун Цзяожэня на пост премьер-министра. Из двух вариантов, изложенных в телеграмме от 1 февраля, один представляется осуществимым. Думаю прибегнуть к нему и уже [принимая меры к тому, чтобы] купить в Японии компромат на Сунь Ятсена, Хуан Сина и Сун Цзяожэня. Хуан Син фотографировался с женщинами сомнительного поведения, а полицейское управление располагает свидетельствами незаконной деятельности Сун Цзяожэня, которые были сфотографированы и изданы в количестве 100 000 экземпляров, распространять их будут из Иокогамы. Узнав об этом, Сунь Ятсен послал в Японию человека по фамилии Ма, чтобы он за большие деньги скупил и уничтожил их. <...>¹

Документ № 28

Документ № 29 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 2 февраля:

После того как в канцелярии Чжао Бинцзюня получили телеграмму от 1 февраля, она была передана мне. Я лично вручил ее президенту, и когда он прочел ее, у него на лице можно было прочесть полное одобрение. Он сказал, что ты — молодец и что, поскольку есть уверенность в успехе, надо действовать в этом направлении. <...>²

¹ Ин Гуйсинь — Чжао Бинцзюню, 2 февраля 1913 г. // Там же. С. 176–177.

² Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 4 февраля 1913 г. // Там же. С. 177.

Первоначально Ин Гуйсинь намеревался собрать компромат на нескольких руководителей Гоминьдана, но после 2 февраля в переписке фигурировало лишь «дело Сун Цзяожэня». Хун Шуцзу торопил Ин Гуйсиня с присылкой компрометирующих материалов, подчеркивая, что только после этого можно просить вознаграждение.

Документ № 31 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 8 февраля:

Выяснилось ли за последние дни, где искать материалы по делу Сун Цзяожэня? Центр проявляет большой интерес к этому. <...>¹

Документ № 34 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 11 февраля:

Когда материалы на Сун Цзяожэня будут получены, приезжай получать деньги и смотри не запоздай. <...>²

Далее в опубликованных материалах снова большая лакуна. Через 11 дней после этого Хун Шуцзу упоминает о каком-то неизвестном нам письме Ин Гуйсиня.

Документ № 35 — письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 22 февраля:

Полученное письмо уже лично мной передано президенту, и он прочел его. <...> Просить о вознаграждении нужно после того, как будут получены материалы, когда начнется сессия парламента, не раньше и не позже. Сумма — не более 30 000. <...>³

И далее — документ № 36, письмо Хун Шуцзу Ин Гуйсиню от 6 марта, которое рассматривалось Шан Сяомином как ключевое во всей переписке.

По мнению Шан Сяомина, в тексте этого письма содержится адресованное Ин Гуйсиню прямое указание Хун Шуцзу отказаться от намерения скомпрометировать Сун Цзяожэня и вместо этого не мудрствуя лукаво убить его.

Шан Сяомин основывается на том, что в письме упоминается о готовящемся убийстве некого «Дэна» (предполагают, что речь шла об основателе шанхайской газеты «Чжунхуа миньбао» Дэн Цзяяне). Но подобный вывод представляется ошибочным.

В самом деле, в письме говорится:

Как и в деле об устранении Дэна, необходимо сначала прислать все газеты, в которых он выступает против [властей] и решить, как действовать (в наше время без доказательств никто не поверит). Его некролог можно поместить в «Миньцянбао» — только такой метод будет правильным.⁴

¹ Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 8 февраля 1913 г. // Там же. С. 178.

² Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 11 февраля 1913 г. // Там же. С. 181.

³ Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 22 февраля 1913 г. // Там же.

⁴ Хун Шуцзу — Ин Гуйсиню, 6 марта 1913 г. // Там же. С. 182.

Документ № 36

Если Хун Шуцзу собрался тайно убить Дэн Цзяня, то у него не было необходимости сначала кому-то что-то доказывать и присылать кому-то какие-то газеты. И уж во всяком случае не имело значения, в какой газете был бы помещен некролог убитого. Но всё становится на свои места, если истолковать сказанное Хун Шуцзу иначе: он собирался не убивать Дэн Цзяня, а скомпрометировать его: для этого действительно нужны были доказательства и их («некролог») следовало поместить именно в газете «Миньцянбао», редакция которой уже была подкуплена организаторами акции.

Об этом, с нашей точки зрения, говорят и последующие строки:

Касательно же того, что, прежде всего, нужно иметь печатные материалы, то в настоящее время не только нет оригинала, но и не получена даже копия, так что трудно даже заводить об этом речь. Ты — умный человек и [должен понимать, что] в подходящий момент приступить к делу можно только после того, как проделана соответствующая работа (так или иначе, лучше всего иметь печатные материалы) или налицо откровенные действия (Дэн действовал вполне откровенно, и в этом случае нам будет легче реагировать).¹

¹ Там же.

Ключевая фраза, от смысла которой зависит то или иное понимание всего текста в целом, это 方可乘机下手.

Словосочетание 下手 имеет в китайском языке два значения: во-первых, «начать что-то», «приступать к чему-то»; во-вторых, «поднять руку на кого-то».¹

В письменном китайском языке служебное слово 方 указывает на то, что одно действие (состояние) может иметь место только после другого.²

Шан Сяомин выбрал второе значение 下手 и проигнорировал наличие в этом предложении слова 方. В результате получилось, что, по словам Хун Шуцзу, убивать Сун Цзяожэня можно было только после того, как будут получены письменные свидетельства его преступлений, что явно является нонсенсом.

Сказанное означает, что Хун Шуцзу в своем письме от 6 марта вовсе не настаивает на убийстве Сун Цзяожэня, а убеждает Ин Гуйсиня ограничиться дискредитацией его доброго имени и, как в своих предыдущих письмах, требует от сообщника срочно представить материалы, компрометирующие Сун Цзяожэня.

Об этом говорит и ответ Ин Гуйсиня, который пытался убедить Хун Шуцзу в том, что физическое устранение Сун Цзяожэня в сложившейся обстановке совершенно необходимо.

Документ № 40 — адресованное Хун Шуцзу письмо Ин Гуйсиня от 13 марта:

Я никогда не стремился к славе и наградам. Но это слишком серьезное дело, и я хочу найти способ, дабы вытащить хворост из-под котла. Если не убрать Суна, то не только возникнут бесконечные проблемы, но и общая ситуация окажется под угрозой. <...>³

На наш взгляд, прав Юань Шикай, который, получив переписку Ин Гуйсиня с Хун Шуцзу, писал Хуан Сину, что, по его мнению, документы, предшествующие 13 марта 1913 г., не имеют прямого отношения к убийству Сун Цзяожэня.⁴

¹ 汉俄大词典 (Большой китайско-русский словарь). Шанхай. 2009. С. 2202.

² 文言虚词浅释 (Служебные слова письменного китайского языка). Пекин. 1979. С. 68.

³ Ин Гуйсинь — Хун Шуцзу, 13 марта 1913 г. // Документы революции. Т. 42–43. С. 186.

⁴ Юань Шикай — Хуан Сину, 28 апреля 1913 г. // Там же. С. 139.

Письма, не вошедшие в публикацию переписки

22 февраля Хун Шуцзу вручил Юань Шикаю полученное перед этим послание Ин Гуйсиня. О чем говорилось в этом письме? И как реагировал на него президент? И то и другое нам неизвестно. Тем не менее на этот счет можно высказать вполне определенные предположения.

Шан Сяомин обнаружил одну важную деталь: по сообщению слуги Хун Шуцзу, 27 февраля тот перевез свою семью из Пекина в Тяньцзинь.¹ Преуспевающий чиновник, входящий в кабинет президента, вдруг чего-то испугался и принял срочные меры к обеспечению безопасности своих близких.

Ситуацию проясняет то, о чем на состоявшемся 30 марта в столице траурном митинге памяти Сун Цзяожэня рассказал комендант Пекина Ван Чжисинь:

Во время разговора Чжао Бинцзюня с президентом тот сказал: однажды Хун Шуцзу завел разговор о том, что политические трудности, с которыми сталкивается президент, проистекают из воззрений оппозиционеров. Почему бы не разделаться с одним или двумя из их числа ради утешения остальных? Президент ответил, что против него выступает партия, а не несколько отдельных личностей, и поэтому это предложение неразумно.²

О том, что такой разговор действительно состоялся, сообщал и пекинский корреспондент газеты «Миньлибао»:

Хун Шуцзу навестил президента и сказал: «Соппротивление оппозиционной партии нарастает. Что если убрать двух-трех человек?» Президент воспротивился этому: «Против выступает партия, а не отдельные личности. Как же можно [последовать Вашему совету]?»³

Судя по всему, Хун Шуцзу предлагал это не от своего имени, а комментируя письмо Ин Гуйсиня. Получив отрицательный ответ и опасаясь, что помимо своей воли может оказаться вовлеченным в криминальную историю, он решил на всякий случай вывезти свою семью в Тяньцзинь. Невозможно представить себе, что после этого он все же мог подстрекать Ин Гуйсиня к убийству.

¹ Шан Сяомин. Повторное рассмотрение дела об убийстве Сун Цзяожэня. С. 247.

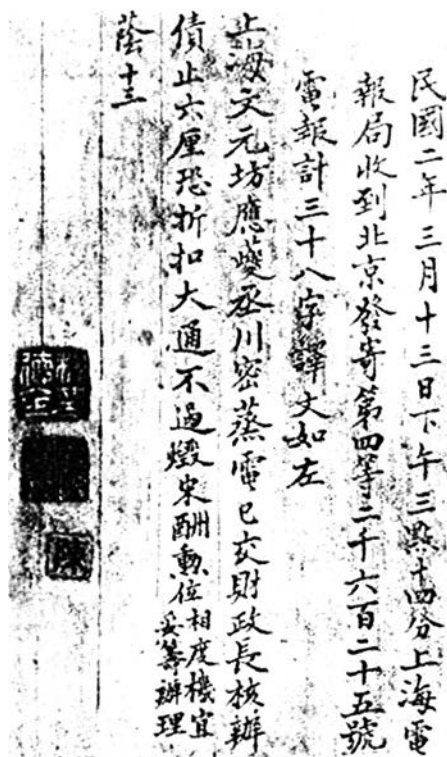
² 关于刺宋案演说中之要闻 (Важные обстоятельства, о которых было сообщено в речи по поводу убийства Сун Цзяожэня) // Дачжунхуа миньго жибао, 31 марта 1913 г.

³ Миньлибао, 5 апреля 1913 г.

С этой точки зрения мы можем решить, что хотел сказать Хун Шуцзу в своей телеграмме Ин Гуйсиню от 13 марта (документ № 39).

Речь там идет о 燬宋酬勳位, то есть о «повышении по службе в качестве поощрения за ... Сун Цзяожэня».

Спорное слово 燬 имеет в китайском языке два значения: во-первых, «сжигать», «уничтожать» и, во-вторых, «компрометировать», «подрывать авторитет». Одни полагали, что Хун Шуцзу употребил данное слово в первом его значении и это, таким образом, еще одно свидетельство того, что он был инициатором убийства Сун Цзяожэня. Сам же он впоследствии утверждал, что в пекинском наречии слово 燬 имеет второе из указанных значений.¹

Документ № 39

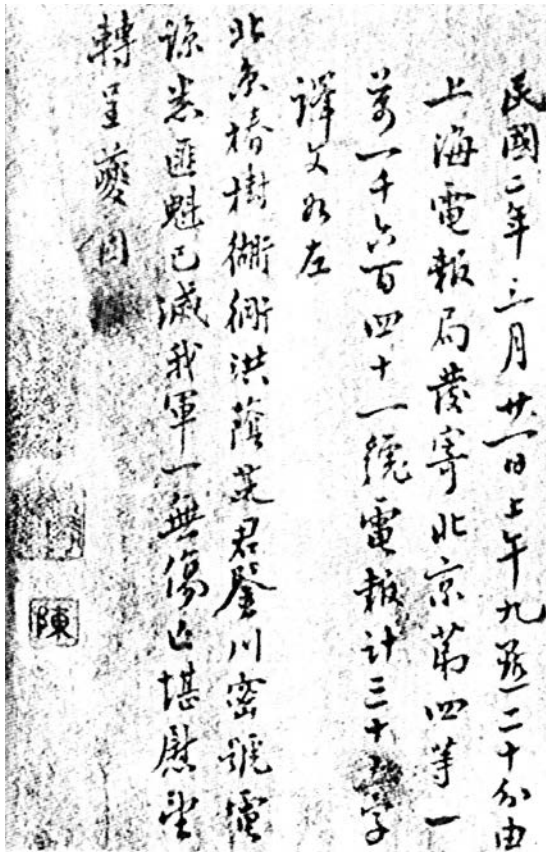
¹ Хун Шуцзу — Юань Шикаю, 3 мая 1913 г. // Документы революции. Т. 42–43. С. 226.

Представляется, что в этом споре прав был Хун Шуцзу: невозможно представить себе, что после разговора с Юань Шикаем он по-прежнему мог рассчитывать на повышение по службе в качестве платы за убийство Сун Цзяожэня.

А Ин Гуйсинь продолжал стоять на своем.

21 марта он телеграфировал Хун Шуцзу (документ № 46):

Глава бандитов уничтожен. В нашей армии убитых и раненых нет. Будьте спокойны. Прошу доложить наверх.¹

Документ № 46

¹ Ин Гуйсинь — Хун Шуцзу, 21 марта 1913 г. // Там же. С. 190.

Версия, способная ответить на возникающие вопросы, является наиболее вероятной

Выдвинув несколько различных версий убийства Сун Цзяожэня, историки решили одну из задач, которые обычно ставит перед собой криминалист, расследующий уголовное преступление.

Значение следственных версий состоит в том, что они «составляют базу для дальнейшего планирования расследования преступления, помогают установить истину по делу, способствуют расширению объёма информации по делу, представляют собой метод деятельности по расследованию и раскрытию преступлений, с помощью которого анализируется, систематизируется, упорядочивается информация».¹

При этом в конечном итоге следователь отдаёт предпочтение той версии, которая может максимально полно ответить на неясные вопросы, возникающие в ходе расследования.

В деле об убийстве Сун Цзяожэня можно насчитать более десятка странных обстоятельств, вызывающих желание задать вопрос: «Как же это могло случиться?» Рассмотрим их и выясним, которая из известных нам версий способна дать ответ на эти вопросы.

Многочисленные «почему»

Обстоятельство № 1.

Совершив преступление, злоумышленник, как правило, прежде всего уничтожает следы содеянного.

Почему непосредственный организатор убийства Ин Гуйсинь не уничтожил письменные улики, а продолжал хранить их вместе с револьвером, из которого был застрелен Сун Цзяожэнь, даже не вынув из барабана две оставшиеся пули — словно для того, чтобы можно было установить их тождественность пуле, извлеченной из тела убитого?

Обстоятельство № 2.

Почему Ин Гуйсинь сохранил несколько десятков компрометирующих его документов, но уничтожил письмо, имевшее первостепенное

¹ Арцишевский Г. В. Выдвижение и проверка следственных версий. М. 1978. С. 67.

значение в этом деле — сообщение о том, что Юань Шикай категорически отверг предложение «убрать одного-двух лидеров Гоминьдана»? Не потому ли, что этот документ, будь он приобщен к делу, свел бы на нет весь тщательно продуманный план?

Обстоятельство № 3.

Почему студенты, увидевшие щеголявшего в европейском костюме и кожаных штиблетах У Шиина, сразу же связали трансформацию его внешнего облика не с чем-то иным, а именно с убийством Сун Цзяожэня, хотя в Шанхае с его миллионным населением ежедневно совершалось множество других преступлений? Их поведение воскрешает в памяти историю с носовым платком Дездемоны.

Обстоятельство № 4.

Почему Ван Афа, информировавший гоминьдановского функционера о предложении убить Сун Цзяожэня, которое ему сделал Ин Гуйсинь, не мог вспомнить, какую картину он собирался продать и сколько раз он побывал на квартире злоумышленника?

Обстоятельство № 5.

Почему глава гангстерской организации Ин Гуйсинь хотел поручить роль киллера не кому-нибудь из своих «братьев», а совершенно незнакомому продавцу антиквариата?

И почему в конечном итоге Ван Афа бесследно исчез из поля зрения правосудия?

Обстоятельство № 6.

Когда должностные лица из французской администрации вместе с заведующим отделом внешних связей шанхайской штаб-квартиры Гоминьдана Чжоу Наньгаем явились с обыском на квартиру отсутствовавшего в это время Ин Гуйсиня, они вначале не нашли там ничего существенного.

Тогда Чжоу Наньгай сказал на ухо хозяйской наложнице, что он пришел по поручению «самого» взять хранящиеся в их доме документы и перепрятать их, после чего та немедленно открыла ему тайник. Но откуда Чжоу Наньгай мог знать, что Ин Гуйсинь хранит у себя изобличающие его документы?

Обстоятельство № 7.

4 апреля, отвечая на вопрос о том, что он знает о Гоминьдане, обвиняемый У Шиин заявил, что эта партия готовит «Вторую революцию» с целью свержения пекинского правительства.

Загадочность ситуации состоит в том, что это вообще первое публичное упоминание неологизма «Вторая революция», о которой в прессе заговорили лишь спустя некоторое время после этого.

Ясно, что услышать словосочетание «Вторая революция» Ин Гуйсинь и У Шиин могли только от гоминьдановских деятелей. Это в свою очередь свидетельствует о том, что «Вторая революция» отнюдь не была реакцией на убийство Сун Цзяожэня; речь о ней шла в гоминьдановских кругах еще задолго до совершения теракта.

Обстоятельство № 8.

Почему У Шиин, сначала рассказавший о некоторых фактах, указывавших в сторону Гоминьдана, затем изменил свои показания?

Обстоятельство № 9.

16 апреля, после того как администрация французского сэттьлемента удовлетворила настоятельную просьбу китайской стороны о передаче ей дела Сун Цзяожэня, У Шиин был отконвоирован в находившуюся в непосредственном подчинении Чэнь Цимэю образцовую тюрьму. Через неделю после этого, 24 апреля У Шиина нашли в камере бездыханным.

Рассуждая чисто теоретически, в устранении одного из двух главных обвиняемых могли быть заинтересованы и Юань Шикай, и Хун Шуцзу, и руководители Гоминьдана. Но осуществить этот план, находясь в Пекине, было затруднительно. Чэнь Цимэю сделать это было куда легче.

Обстоятельство № 10.

Руководство Гоминьдана добилось-таки желаемого, и дело было передано китайской стороне. Казалось бы, теперь не было никаких препятствий, мешающих скорейшему выяснению всех деталей преступления, якобы совершенного по приказу президента республики. Но, в отличие от французов, китайские вершители правосудия почему-то не спешили с установлением истины. Если до передачи дела за три недели с 24 марта по 12 апреля было проведено 7 судебных заседаний, то после передачи очередное заседание суда прошло только 30 мая, а следующее назначено на 16 июля, но не состоялось из-за того, что накануне председатель суда подал в отставку.

Объяснить это обстоятельство можно только в том случае, если мы встанем на точку зрения 3-й или 4-й версии и предположим, что гоминьдановское руководство не было заинтересовано в раскрытии преступления.

Обстоятельство № 11.

25 июля Ин Гуйсинь совершил побег из тюрьмы, и дело было прекращено.

Еще одно случайное стечение обстоятельств?

Обстоятельство № 12.

Незадолго до побега Ин Гуйсиня Чжоу Наньгай спросил у Чэнь Цимэя, что делать с заключенным — перевести его в более безопасное место или застрелить. Чэнь Цимэй сказал, что расстреливать Ин Гуйсиня не следует. Однако через некоторое время после побега тот был убит, и это дело так и осталось нераскрытым.

Еще одна случайность?

Надпись на могильной доске Сун Цзяожэня

Вскоре после кончины Сун Цзяожэня к его верному другу Юй Южэню обратились с просьбой сделать надпись на могильной плите усопшего. Он согласился и написал:

Поднебесная скорбит по поводу Вашей смерти. Все в Поднебесной знают о Ваших заслугах. Что я могу еще сказать?

Сказать правду? Если я скажу правду, меня убьют.

Сказать неправду? Если я скажу неправду, меня покарает Всевышний.

<...>

Какую правду имел в виду Юй Южэнь? Чьей карающей руки он опасался?

宋教仁先生石像後題語
先生之死天下惜之先生之行天
下知之吾又何記為直筆乎直筆
人戮為曲筆乎曲筆天誅於虜九
原之淚天下之血老友之筆賊人
之鐵勒之空山期之良史銘諸心
肝質諸天地
于右任撰語康寶忠書

Надпись на могиле Сун Цзяожэня

Юй Южэнь (1879–1964)

Загадочное поведение Сунь Ятсена

Весьма странное впечатление производит также и то, как до и после убийства Сун Цзяожэня вел себя Сунь Ятсен.

Факт № 1.

Во второй половине февраля 1913 г. стало известно, что совершавший поездку по стране Сун Цзяожэнь возвращается в Шанхай. Не дожидаясь его, Сунь Ятсен отбыл в Японию. Трудно отделаться от впечатления, что лидер Гоминьдана почему-то сознательно избежал встречи со своим заместителем.

Почему?

Факт № 2.

4 марта совершавший поездку по Японии д-р Сунь вдруг получил телеграмму от Юань Шикая с предписанием немедленно вернуться в Китай «для обсуждения важного дела».¹

Однако Сунь Ятсен пренебрег этим распоряжением президента, на что у него, очевидно, были достаточно серьезные основания. Он вернулся на родину лишь через три недели, получив сообщение об убийстве Сун Цзяожэня.

Что было причиной того, что Сунь Ятсен проигнорировал телеграмму Юань Шикая?

Может быть, отсутствие Сунь Ятсена в Китае в момент убийства было необходимо ему в качестве алиби?

Факт № 3.

Сунь Ятсен вернулся в Шанхай 25 марта, и вечером того же дня на квартире Хуан Сина состоялось совещание руководителей Гоминьдана.

На следующий день, 26 марта, Сунь Ятсен встретился с японским консулом Ариёси Акира и заявил ему:

Убийство Сун Цзяожэня — чрезвычайно серьезное дело. После того как я вчера утром вернулся в Шанхай, согласно полученным данным (хотя число их и невелико), доказательства того, что организатором преступления является Юань Шикай, не вызывают сомнения.<...> Поскольку убийца арестован, а письменные доказательства найдены, недалек тот день, когда тайное станет явным. <...> Вчера после совещания с ведущими деятелями партии было решено во что бы то ни стало использовать

¹ Дуань Юньчжан. Сунь Ятсен и Япония. С. 328.

соответствующие каналы для того, чтобы привлечь [Юань Шикая] к суду международной общественности.¹

Донесение консула Ариёси министру иностранных дел Макино
от 26 марта 1913 г.

Какими же доказательствами вины Юань Шикая мог располагать Сунь Ятсен утром 26 марта 1913 г.?

После того как в доме Ин Гуйсиня была обнаружена переписка, имевшая отношение к делу Сун Цзяожэня, она была бегло просмотрена, «но конкретное содержание писем оставалось неизвестным», после чего изъятые документы были тут же опечатаны представителем французской администрации, который взял на себя ответственность за их сохранность.

Содержание писем оставалось нераскрытым вплоть до 7 апреля, когда оно было частично обнародовано в ходе четвертого предварительного судебного заседания.

Утверждать в беседе с Ариёси, что переписка Ин Гуйсиня и Хун Шуцзу содержит бесспорные доказательства причастности Юань Шикая к убийству, Сунь Ятсен мог только в том случае, если содержание этой

¹ Запись беседы Сунь Ятсена с Ариёси Акира, 26 марта 1913 г. // 孙中山全集续编 (Дополнения к полному собранию сочинений Сунь Ятсена). Т. 1. Пекин. 2017. С. 387.

переписки было известно ему или другим руководителям Гоминьдана еще до обыска в доме Ин Гуйсиня.

Факт № 4.

28 марта состоялась еще одна встреча Сунь Ятсена с Ариёси, на которой японский консул по поручению своего правительства настоятельно советовал Сунь Ятсену воздержаться от крайних мер в отношении Юань Шикая. На это Сунь Ятсен отвечал, что «Юг преисполнен решимости».¹

Однако еще через день произошло непредвиденное.

30 марта Сунь Ятсен посетил Ариёси и сообщил ему, что в сложившейся непростой ситуации он намерен на время покинуть страну и до 4 апреля под чужим именем выехать в Японию. Для этого он накануне уже снял со своего счета в банке 3 тысячи юаней и перевел их частично в Японию, частично в Гонконг.²

Что же произошло перед этим? Почему лидер Гоминьдана, только что выразивший твердое намерение наказать Юань Шикая за совершенное тем преступление, вдруг решил бежать за границу? И почему он собирался сделать это непременно до 4 апреля?

Ответ на эти недоуменные вопросы мы получим, если вслед за авторами 3-й и 4-й версий дела об убийстве Сун Цзяожэня попытаемся восстановить логику предшествовавших событий.

Согласно этой версии, организаторам убийства было важно не просто устранить свою жертву, но и получить доказательства вины Юань Шикая. Для этого им нужно было прежде всего осуществить арест Ин Гуйсиня и «обнаружить» у него в доме переписку с Хун Шуцзу, срежиссированную Ин Гуйсином в соответствии с полученными им указаниями. Согласиться с таким планом Ин Гуйсинь и У Шиин могли только в том случае, если им была предоставлена гарантия того, что в результате судебного разбирательства они не пострадают.

Но события развивались не так, как это было запланировано. Французская администрация взяла на себя расследование дела об убийстве, отказавшись передать его в руки контролируемых Гоминьданом городских властей.

30 марта стало известно, что на следующий день назначено первое заседание суда, председательствовать на котором должен был англи-

¹ Запись беседы Сунь Ятсена с Ариёси Акира, 26 марта 1913 г. // Дополнения к полному собранию сочинений Сунь Ятсена. Т. I. С. 388.

² Там же. С. 390.

чанин. Разбирательство дела, таким образом, вышло из-под контроля со стороны Гоминьдана, и предвидеть, как оно будет развиваться в дальнейшем, было невозможно.

Опасаясь, что в ходе рассмотрения дела в такой ситуации могут выясниться обстоятельства, компрометирующие Гоминьдан и его руководителя, Сунь Ятсен решил скрыться и обратился к японскому консулу с просьбой разрешить ему под чужим именем выехать в Японию. До первого заседания суда сделать это было уже невозможно, и поэтому Сунь Ятсен просил Ариёси завершить все необходимые формальности до 4 апреля — на этот день было назначено очередное судебное заседание, и Сунь Ятсен рассчитывал покинуть Китай до его начала.

Факт № 5.

Ариёси сообщил о намерении Сунь Ятсена послу Японии в Китае Идзюин Хикокити.

Идзюин полагал, что надо выдать Сунь Ятсену въездную визу: «Если Сунь не сможет поехать в Японию, он отправится куда-нибудь еще. Между тем его поездка в Японию предпочтительнее, потому что там его можно было бы использовать в соответствии с планами императорского правительства».¹

Ариёси передал мнение Идзюин министру иностранных дел Японии Макино, но тот телеграфировал консулу, что Совет министров высказался против поездки Сунь Ятсена, поскольку если он, только что вернувшись из Японии, вдруг отправится туда снова, это может вызвать ненужные подозрения.²

В тот же день Ариёси навестил Сунь Ятсена и сообщил ему, что не может выдать ему визу. В ответ на это Сунь Ятсен неожиданно заявил, что он сам решил на время отложить свою поездку.³

Что же могло произойти в этот день, из-за чего уже готовый к отъезду Сунь Ятсен вдруг изменил свои планы?

Объяснение этому может быть найдено лишь в том случае, если Сунь Ятсен узнал, что на первом заседании суда обсуждались процедурные вопросы и какие-либо компрометирующие его разоблачения не имели места. К тому же, стало известно, что еще 27 марта дуайен консульского корпуса в Шанхае в ответ на запрос Министерства иностранных дел

¹ Идзюин — Ариёси, 31 марта 1913 г. // *Дуань Юньчжан*. Сунь Ятсен и Япония. С. 341.

² Макино — Ариёси, 31 марта 1913 г. // Там же. С. 341–342.

³ Ариёси — Макино, 31 марта 1913 г. // Там же. С. 342.

согласился на передачу местным шанхайским властям арестованных по делу Сун Цзяожэня и всей сопутствующей документации.

Факт № 6.

Подготовка «Второй революции», призванной свергнуть преступника Юань Шикая, была в самом разгаре, и до ее начала оставалось менее трех недель, когда оказавшийся в Макао Сунь Ятсен дал 24 июня 1913 г. интервью корреспонденту гонконгской газеты.

Журналист: Можете ли Вы вкратце рассказать о том, что сейчас происходит в Пекине?

Сунь Ятсен: Моя политическая миссия завершена, и о том, какова сейчас ситуация, я ничего не могу сообщить. С тех пор, как был убит Сун Цзяожэнь, я больше не интересуюсь этим. Но я могу сказать, что раньше я всемерно поддерживал президента Юаня и постоянно (не только в Китае, но и за рубежом) заявлял, что он — лучшая кандидатура на пост президента.

Дело об убийстве Сун Цзяожэня меня крайне угнетает. Говорят, что пекинское правительство было причастно к этому делу, но это несправедливо. Я должен заявить, что президент Юань не имел отношения к этому делу, но причастен к нему был премьер-министр, и президент наверняка знал об этом. Это крайне неприятно мне и мучит меня. <...>

Я не знаю, что я буду делать дальше. Может быть, вскоре отправлюсь в Англию. Но в настоящее время снова собираюсь на Север, чтобы заняться своим планом железнодорожного строительства. <...>

Журналист: Боюсь, что Вы не сможете заручиться поддержкой правительства и Вам будет трудно осуществить свой план <...>.

Сунь Ятсен: Нет, правительство наверняка не будет препятствовать моим начинаниям.¹

Читая эти строки, буквально не знаешь, как на них реагировать. Но попробуем всё-таки разобраться в этом.

23 июня 1913 г. газета «Миньшэн жибао» поместила следующее сообщение:

Нынешняя поездка г-на Суня в Макао связана с тем, что его дочь серьезно больна. Возвратившись домой из Америки, она слегла и отправляла по несколько телеграмм в день с просьбой к отцу приехать навестить ее. Поэтому г-н Сунь в сопровождении трех человек отправился из Шанхая на английском корабле в Гонконг, а оттуда — в Макао и встре-

¹ 答香港「士蔑西报」记者问 (Сунь Ятсен отвечает на вопросы корреспондента газеты «The Hongkong Telegraph») // Дополнения к полному собранию сочинений Сунь Ятсена. Т. 1. С. 429–431.

тился со своей дочерью. Г-н Сунь — опытный врач, и одного взгляда ему было достаточно, чтобы установить, что ее болезнь неизлечима. Это потрясло его.¹

Через день дочь Сунь Ятсена скончалась. Ей было всего 19 лет.

Был ли шок, испытанный Сунь Ятсеном, причиной того, что он воспринял внезапную смерть дочери как кару небесную, раскаялся в содеянном, отказался от своих прежних обвинений в адрес Юань Шикая и решил вообще уйти с политической арены?

Старшая дочь Сунь Ятсена
Сунь Янь (1894–1913)

Мы предоставляем читателю возможность самому дать ответ на этот и все другие перечисленные выше вопросы.

¹ 孙中山返奥 (Сунь Ятсен в Макао) // Миньшэн жибао, 23 июня 1913 г.

Глава X

«Вторая революция», обреченная на поражение

На чьей стороне будет вице-президент?

Помимо антиюаньшикаевской пропаганды и мобилизации имевшихся в распоряжении Гоминьдана вооруженных сил, его усилия были направлены в конце мая — начале июня 1913 г. на поиски союзников в борьбе с Пекином.

Немаловажное значение имел вопрос о том, кого поддержит бывший нанкинский, а ныне пекинский вице-президент Ли Юаньхун, штаб-квартира которого по-прежнему находилась в Учане.

Цзнь Чуньсюань и «люди Хуан Сина» зондируют почву

У аккредитованных в Ханькоу иностранных консулов в эти дни сложилось впечатление, что в Учане происходит что-то важное, неслучайно туда съехались многие видные политические деятели.

Среди них был открыто выражавший свое недовольство действиями президента Юань Шикая генеральный директор Кантон-Ханькоу-Сычуаньской железной дороги Цзнь Чуньсюань. 20 мая он заявил консулам, что намерен внести свой вклад в преодоление противоречий между Севером и Югом.

Генеральный консул США в Ханькоу Р. Грин сообщал поверенному в делах Э. Уильямсу, что, по сообщению заслуживающего доверия источника, «Хуан Син и Сунь Ятсен предложили Цзнь Чуньсюаню пост пре-

Цэн Чуньсюань
(1861–1933)

зидента южнокитайской республики, которую они предполагают учредить». Грин добавлял, что не знает, какова была реакция на это со стороны Цэн Чуньсюаня, но во всяком случае известно, что он в сопровождении представителей Хуан Сина направился в Шанхай, где тогда находился Сунь Ятсен. Цэн Чуньсюань выказал свою солидарность с утверждением лидеров Гоминьдана о причастности президента к убийству Сун Цзяожэня.¹

Перед своим отъездом в Шанхай Цэн Чуньсюань и «люди Хуан Сина» имели беседу с Ли Юаньхуном, которому они предложили выставить свою кандидатуру на предстоящих выборах постоянного президента Китайской Республики.

Ли Юаньхун отказался, поскольку, с его точки зрения, единственным деятелем, способным справиться со сложившейся ситуацией, является Юань Шикай. По его словам, Соединенные Штаты Америки признали Китайскую Республику только потому, что ее временным президентом является Юань Шикай.²

А вслед за этим произошел странный эпизод, ставший новостью «№ 1» для китайской прессы и надолго взбудораживший общественное мнение.

За Ли Юаньхуна принимаются российский и японский консулы

27 мая 1913 г. Грин получил сообщение, что с тем же самым предложением к Ли Юаньхуну обратились генеральные консулы Японии и России Ёсидзава и А. Н. Тимченко-Островерхов.

Чтобы проверить эту необычную новость, Грин послал в Учан вице-консула Дж. Джемисона, которому удалось навести подробные справки о произошедшем.

По его данным, 25 мая Ёсидзава нанес визит Ли Юаньхуну и предложил ему баллотироваться на выборах президента Республики.

На следующий день к Ли Юаньхуну явился Островерхов и повторил сказанное Ёсидзава. Но на этот раз между ними завязалась беседа, продолжавшаяся два с половиной часа.

¹ Green to Williams, May 28, 1913 // USDS. 893.00/1738.

² Ibid.

Российский генконсул начал с выражения своего восхищения способностями вице-президента, а затем высказал свое убеждение в том, что в случае, если Ли Юаньхун выставит свою кандидатуру на выборах, успех ему обеспечен. При этом, в отличие от японца, Островерхов стал в резкой форме доказывать целесообразность подобного шага.

Прежде всего генконсул крайне негативно отзывался о Юань Шикае, не забыв при этом сослаться на дело об убийстве Сун Цзяожэня. По его словам, Юань Шикай — солдафон, а не государственный деятель. Если он будет избран, все тяготы последствий его некомпетентности лягут на плечи народа.

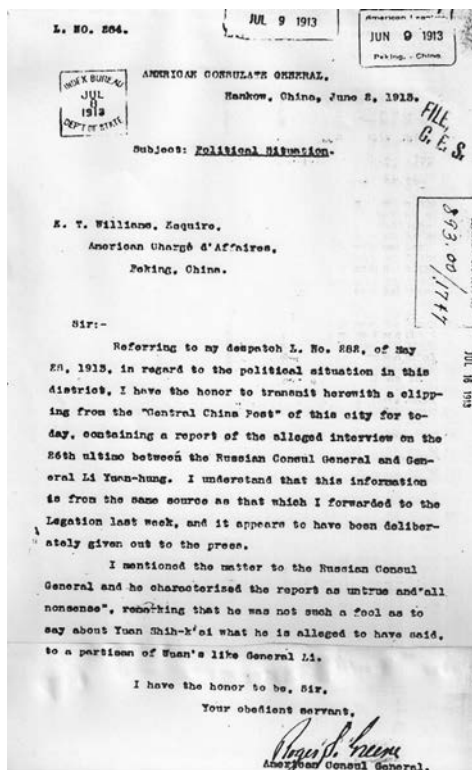
Акцент был сделан на то, что фигура Юань Шикая крайне непопулярна в массах и что его избрание неизбежно приведет к восстаниям в провинциях, а это может повлиять на признание Республики державами.

На выборах кандидатура Ли Юаньхуна будет поддержана Гоминьданом, что явится наиболее весомой гарантией его успеха.

Несмотря на то, что все эти аргументы были повторены вновь и вновь, Ли Юаньхун наотрез отказался принять адресованное ему предложение.¹

Вслед за этим Грин направил Уильямсу еще один доклад, приложив к нему вырезки из местной прессы.

Он сообщал, что встретился с Островерховым и расспросил его о том, что именно обсуждалось 26 мая во время встречи с Ли Юаньхуном. Российский

Доклад генерального консула США
в Ханькоу Грина поверенному в делах
Уильямсу от 8 июня 1913 г.

¹ Jameson to Green, May 28, 1913 // Ibid.

консул заявил, что сообщение прессы ошибочно и что он «не настолько глуп, чтобы говорить якобы сказанное им явному стороннику Юань Шикая Ли Юаньхуну».¹

THE CENTRAL-CHINA POST. MONDAY, JUNE 2 1913

REMARKABLE RUSSO-JAPANESE MOVE ALLEGED.

DID CONSUL ATTEMPT TO TURN GENERAL LI AGAINST YUAN SHIH-KAI?

GENERAL LI STAYS LOYAL.

General Li Yuan-hung had interviews at Wuchang last week with the Russian and Japanese Consuls General of Hankow. According to accounts received from Chinese sources that we have always found reliable, these interviews had remarkable political significance. Our informant states that the Russian Consul, Mr. Ostrovskow, made a deliberate effort to induce General Li Yuan-hung to oppose Yuan Shih-kai's candidacy for the presidency of China.

Against this we have the statement of Mr. Ostrovskow that the interview was unimportant; that he went to Wuchang to inquire General Li's views regarding the present situation. As to the Presidency, after hearing General Li's views, he simply asked him why he had withdrawn his candidacy. The version we had received was nonsense, he declared. It was impossible to think he would have spoken against Yuan after General Li had declared himself clearly in Yuan's favour.

Again our Chinese informant stated that Mr. Ostrovskow argued that the sending of Northern troops to central China was an unwise step. The Russian Consul General states that he simply quoted the opinion of Ex-Viceroy Tseu Chün-huan to that effect.

Again we were informed that the Consul had criticised Yuan as a militarist. The Consul states that he asked about the proposed expedition to Outer Mongolia and received General Li's assurance that no such expedition would be sent.

Both accounts of the interview agree as to General Li's attitude—his firm support of Yuan Shih-kai.

As to the interview with the Japanese Consul, Mr. Yoshizawa, we refrain for the present from publishing the account we have received, as we have not obtained a statement regarding it from the Consul himself.

The interview with Mr. A. N. Ostrovskow, the Russian Consul, lasted from 2.30 to 5 p.m. on Monday last. The Consul spoke in Russian, a Russian-educated Chinese, Mr. Hala, acting as interpreter. We give below a fairly detailed account of the interview, as related to us by our Chinese friend:

A FRIENDLY OPENING.

Mr. Ostrovskow opened the interview by speaking of his friendship with General Li, saying that this friendship was quite exceptional in its character.

General Li acquiesced, mentioning with gratitude that the Russian Consul had been the first to recognise the revolutionists as belligerents in the fight against the Manchus.

Mr. Ostrovskow said he wanted to speak as friend to friend. He then began a long eulogium of General Li, using the most laudatory terms. He said the whole of the people of China loved him. The idea that prevailed in some quarters that General Li's leniency weakened him was not founded. Rather his policy of leniency and kindness strengthened him by winning the hearts of the people. Only a selfish man such as General Li could hold the opposing factions of China together.

YUAN'S FORCEFUL POLICY.

Mr. Ostrovskow went on to speak of the recent despoiling of a large Northern force by central China. He criticised it as an unwise and unnecessary move—unnecessary because popular opinion alone was strong enough to prevent any outbreak of rebellion in the provinces of the South. The people did not want war, and the knowledge of this would have prevented any rash action on the part of Kiangsi or other provinces.

In reply, General Li said that the central government intended only to make a peaceful demonstration. The Consul General went on to ask the General's opinion regarding the five Powers loan. General Li replied that the people did not like the terms of the loan but the government had been under the necessity of raising money.

For what purpose had money been so urgently needed, the visitor asked. For currency reform and to meet overdue liabilities to foreign countries, was the reply.

GENERAL LI AND THE PRESIDENCY.

Mr. Ostrovskow then touched on the subject of the presidential election, asking General Li's views.

General Li said he considered there was only one man to be considered as in the running at present. General Hwang Hsin and Dr. Sun Yat-sen, he declared, had lost the confidence of the people by their recent opposition to the central government. As for himself, he had long ago declared his determination not to be a candidate, and he adhered to that decision. So Yuan was the only man in the running.

Moreover he was the only man for the present hour in China.

Mr. Ostrovskow said the welfare of China was the only motive that influenced General Li, and it was doubtful his motive was to help him to yield placidly to Yuan Shih-kai. But might it not be that his yielding would produce a result the reverse of what he desired? He should consider that Yuan Shih-kai was a man who would not scruple to work for his own selfish ends.

General Li said he was sure Yuan had no idea of making himself a Napoleon. He had supported Yuan heartily and would not turn against him now. It was only by his co-operation with Yuan that the North and South could be brought into harmony. While it was possible for him to assist Yuan, on the other hand, if he should oppose Yuan, it would be impossible for Yuan to assist him. The country could not afford to lose the help of so able a man as Yuan.

Mr. Ostrovskow asked if it was possible for Yuan to get an unanimous vote of the country. He pointed out that Yuan's election must inevitably arouse bitter hostility in many provinces, and suggested that it would be more feasible for General Li to keep the country together by being president for himself, as he had not an enemy in any party.

General Li replied that China was a republic and the majority must rule. While Yuan could not gain a unanimous vote, there was a majority in his favour.

MILITARISM CRITICISED.

After further discussion regarding the Presidency, during which General Li continued to declare his intention to support Yuan's candidacy, Mr. Ostrovskow criticised Yuan as a militarist. He said the President was in favour of a large army and navy for China, and this was an unwise policy at present. The nations of Europe had loaded themselves with huge burdens of taxation for the sake of providing big armaments, and it would be regrettable if China should make the same mistake.

General Li replied that the ranks of the army had become somewhat swollen during the revolution, and had not yet been reduced to their normal size. China needed considerable forces for the maintenance of order within the country. Apart from that the army was kept for defence only; the government had no wild ambitions. The interview closed with an exchange of courtesies. Mr. Ostrovskow, thanking his host for the enlightening information he had given,

Вырезка из газеты
«Central China Post»
от 2 июня 1913 г.

После публикации этого сообщения Ёсидзава и Островерхов выступили с претензиями по поводу неточностей в изложении состоявшегося разговора.

Ёсидзава пояснил, что в беседе с Ли Юаньхуном он не допускал вмешательства в дела суверенного государства, а лишь посветовал на то, что, направляя свои войска на юг, центральное правительство поступает недостаточно мудро.

¹ Green to Williams, June 2, 1913 // USDS. 893.00/1747.

Комментируя данное замечание, редакция газеты писала:

По словам нашего информатора, генерал Ли ответил, что это — наше внутреннее дело и что он был бы весьма признателен консулу, если бы тот не обременял себя подобными проблемами. Г-н Ёсидзава сообщил нам, что он поблагодарил генерала за это пожелание.¹

Островерхов действовал более решительно. Он написал письмо в редакцию:

Дорогой г-н редактор!

Разрешите мне спросить Вас, зачем Вы поднимали вопрос о статье, появившейся сегодня в Вашей газете под сенсационным заголовком?

Вчера мне казалось, что прежде чем печатать ее, Вы хотели удостовериться, соответствует ли она истине, на что я сказал Вам, что она не заслуживает того места, которое займет в газете, будучи опубликована. Несмотря на это мое заявление, Вы предпочли ознакомить Ваших читателей с анекдотом, рассказанным Вашим информатором и отражающим, вероятно, его собственные тайные намерения. Вы по-прежнему сомневаетесь в достоверности моего заявления, задавая вопрос: «Пытался ли консул восстановить генерала Ли против Юань Шикая?»

Поскольку Вы, как представляется, не придаете значения тому, что я говорю Вам, и не можете противостоять желанию наполнить Вашу газету сенсационными, хотя и явно недостоверными статьями, я полагаю, что дальнейшее обсуждение этой темы было бы пустой тратой времени. Со своей стороны, я не намерен заниматься этим. Вы согласны со мной, г-н редактор? С уважением, дорогой г-н редактор,

Ваш А. Островерхов²

Опубликовав это письмо Островерхова, редактор добавил от себя:

Не исключено, что завтра я получу письмо от нашего учанского информатора: «Что Вы имели в виду, опубликовав со знаком вопроса сообщенное мною в качестве достоверного факта? Вы знаете, что я никогда не предоставлял Вам ложной информации. На каком основании Вы не доверяете мне?» и т. д. Это правда, что в своих многочисленных интервью г-н Островерхов никогда не обманывал нас. Правда и то, что наш учанский информатор в прошлом зарекомендовал себя как абсолютно достоверный источник. Мы привели сообщения двух свидетелей и благодарны за то, что не обязаны быть судьей и выносить вердикт. Наши читатели согласятся с тем, что интервью, о котором идет речь, было важным и заслуживающим публикации. Никто не просил снять его и никто не обещал сделать это.³

¹ The Alleged Russo-Japanese Move // Central China Post, June 3, 1913.

² Ibid.

³ Ibid.

The Alleged Russo-Japanese Move.

JAPANESE CONSUL'S INTERVIEW WITH GENERAL LI.

As we intimated yesterday, the Japanese Consul General at Hankow, Mr. Yoshizawa, as well as the Russian Consul General, had an interview with General Li Yuan-hung last week, the purport of which, was said to be of great international importance. Yesterday we obtained from Mr. Yoshizawa a statement regarding the interview, and we publish it here together with the account received from the same official who informed us as to the Russian Consul's interview.

The Chinese statement was to the effect that the Japanese Consul had urged upon General Li in diplomatic language that the central government was acting unwisely in sending a large force of Northern troops to central China as this step was likely to lead to an outbreak of hostilities.

Mr. Yoshizawa states, on the other hand, that he simply pointed out to General Li the danger of an accidental collision between the outposts of the Northern and Kiangsi forces now facing one another on the borders. He expressed the hope that the General would take all precautions to prevent any misunderstanding between the troops that lead to such a collision, as any internal conflict in China at present would do injury to foreigners as well as Chinese. He pointed out that the increase of the forces on both sides of the border, enhanced the danger of an accidental collision, and urged General Li to take precautions.

General Li's reply, according to our Chinese informant, was that the matter concerned China's internal policy alone, and that he would be pleased if the Consul would not trouble himself about it.

Mr. Yoshizawa informs us that the General simply thanked him for his advice.

THE RUSSIAN CONSUL'S INTERVIEW.

To the Editor,

"CENTRAL-CHINA POST."

Dear Mr. Editor.—Will you allow me to ask you what was the object of your inquiry from me as regards the article which appears today in your paper under such a sensational heading?

I understood yesterday you intended to ascertain the truth of this article before publishing the same, and I told you in good faith it was not worth space. It will occupy. Notwithstanding my statement to you, you choose to acquaint your readers with the yarn told by your informant and which possibly represents his own secret aspirations, and you still doubt the correctness of my statement, as you question: "Did Consul attempt to turn General Li against Yuan Shih kai?"

As it seems that you gave no heed to my words, and as you do not abstain from filling your paper with sensational, though known to be false, articles, I am of opinion that in such case it is simple waste of time to make any inquiries, and on my part I would not give myself such trouble. Don't you think so, Mr. Editor?

I remain, Dear Mr. Editor, Yours faithfully,

A. OSTRAYERKHOW.

Hankow, June 2.

(Probably tomorrow the editor will receive a letter from his Wuchang informant to this effect: "What do you mean by publishing under a query mark what I told you as a fact? You know I have never told you a falsehood. What reason had you to doubt my word?" And so forth. It is a fact that in many interviews with Mr. Ostrayerkhov we have never known him to mislead us. It is also a fact that our Wuchang informant has proved himself in the past entirely reliable. We have given the evidence from both witnesses. We are grateful that we are not in the position of a judge with the duty of giving a verdict. Our readers will agree that the interview was important enough to merit publication. No promise to withhold it was asked or given.—Ed.)

Вырезка из газеты
«Central China Post»
от 3 июня 1913 г.

На вопросы журналиста отвечает Ли Юаньхун

Примерно через два месяца после этого интервью у Ли Юаньхуна взял главный редактор газеты «China Press», известный американский журналист Т. Миллард.

Первым вопросом, который он задал Ли Юаньхуну, был: «Как Вы относитесь ко "Второй революции"?» и услышал в ответ: «За ней нет ничего, кроме личных амбиций известных деятелей».

Вице-президент продолжал:

Мы сражались ради свержения маньчжурской монархии и учреждения республики. Цель была достигнута путем компромисса с северными реформаторами, в частности, с Юань Шикаем. Для этого обе стороны были вынуждены в чем-то уступить друг другу. Юань Шикай высказывался в пользу сохранения монархической формы правления, которая, по его мнению, больше подходила Китаю, и создания конституционного правительства во главе с ответственным премьером. Он приводил целый ряд убедительных аргументов в пользу этой точки зрения, но в конце концов уступил искреннему стремлению Юга к республике и предотвращению раскола нации. В ответ на эту уступку и потому, что он был самым опытным и способным из всех ныне живущих государственных деятелей Китая, мы, южане, избрали его временным президентом и обещали его администрации свою поддержку и помощь. Разумеется, правительство натолкнулось на множество трудностей. Разумеется, оно совершило немало ошибок. Разумеется, многие были недовольны. Это — нормальная ситуация для многих правительств, особенно республиканских. Однако недовольные не должны стремиться изменить администрацию иначе как конституционными методами. В Китае до сих пор нет постоянной конституции, но обвинять в этом Юань Шикая несправедливо. Юг поступает несправедливо, лишая его своей поддержки до того, как создано постоянное правительство. Пытаться в нынешних условиях изменить администрацию путем вооруженного восстания — это не только глупая, но и злокозненная идея.

Вопрос:

Какие организации или отдельные личности несут ответственность за попытку свергнуть нынешнее правительство?

Ответ:

Такой организацией является Гоминьдан, а личности — это Хуан Син и Сунь Ятсен.

Вопрос:

А какова их цель?

Ответ:

Личное стремление занять более высокое положение в обществе. Их разговоры о том, что Юань Шикай узурпировал власть, — нелепица, и они сами это знают. Они не искренни. Они никогда по-настоящему не поддерживали Юань Шикая. Стоило республике появиться на свет, как они стали планировать его изгнание и свое избрание на его место. Я знаю, о чем я говорю, потому что долгое время меня, южанина, считали недоброжелателем Юань Шикая и ко мне обращались с предложениями действовать

заодно с оппозицией. Я отказался от этого, потому что я считал, что временное правительство имеет хорошие шансы овладеть ситуацией и подготовить создание постоянного правительства.

Помимо всего прочего, я не вижу в толпе этих людей никого, кто мог бы заменить Юань Шикая. Вспомните, что они предприняли в то время, когда в Нанкине контролировали временное правительство. Было потрачено около 90 миллионов долларов, причем большинство неизвестно на что. Говорят, что Хуан Син и его свора присвоили 30 миллионов. Я не верю им и их способности управлять Китаем. Их нынешний курс, если ему не противостоять, разрушит и уничтожит нацию.

Вопрос:

А в какой мере нынешний бунт поддерживают иностранцы?

Ответ:

В значительной мере. Фактически, я не думаю, что он мог бы начаться без иностранной помощи.

Вопрос:

В чем состоит эта помощь?

Ответ:

В финансовой и людской поддержке. Мы знаем, что большая группа японцев — и в их числе военные — активно помогает мятежникам. Если позволит время, я представлю Вам сотню конкретных примеров, указывающих на то, что граждане Японии принимают активное участие в заговоре против китайского правительства и что правительство Японии услужливо закрывает глаза на их действия, а может быть, и оказывает им прямую поддержку. Каждый раз, когда мы обнаруживаем заговорщиков, бомбометателей и тому подобное, они оказываются тесно связанными с Японией и японцами. Они имеют постоянные контакты с японцами: они приезжают и уезжают на японских судах. Будучи разоблачены, они скрываются именно таким путем. Это не случайность и не совпадение. Такое может случиться однажды или несколько раз, но не может повторяться непрерывно. Мы знаем, что на протяжении нескольких месяцев японские суда, курсирующие по Янцзы, доставляют оружие и амунисию для войск в Нанкине, Цзянси и Хунани, где сейчас находится центр восстания против правительства. Суда бросают якорь и забирают груз вблизи Усуна по ночам. Они останавливаются в оговоренных местах (одним из них является Хукоу) и ночью разгружаются. Таким способом было постепенно налажено снабжение оружием и снаряжением, благодаря чему мятеж смог начаться. <...>¹

¹ General Li and the Rebellion // Central China Press, July 26, 1913.

GENERAL LI AND THE REBELLION.

SEVERE INDICTMENT OF JAPANESE.

HWANG HSIN AND SUN YAT-SEN
DENOUNCED.

REBELLION INVOLVES GRAVE DANGER TO CHINA'S EXISTENCE.

We are indebted to Mr. Thomas F. Millard, editor of the "China Press," for an advance copy of his account of his recent interview with General Li Yuan-hung in which the present rebellion was frankly discussed. We reserve Mr. Millard's personal impressions of General Li to a later issue and proceed to the account of the interview itself. Mr. Millard asked General Li to what he attributed the rebellion.

"It is founded upon nothing except the personal ambitions of certain men," he replied without hesitation, and then he went on to elucidate without waiting for further inquiry.

REBELLION FOOLISH AND WICKED.

"We fought to overthrow the Manchu monarchy, and establish a Republic. This was done by reaching a compromise with some of the northern reformers, notably Yuan Shih-k'ai. To reach that compromise it was necessary for each party to yield on some points. Yuan had been in favour of retaining the monarchical form of government, which he thought would work better in China, and imposing upon it a constitutional government headed by a responsible Premier. He advanced many strong arguments in defense of his view, but in the end he yielded to the earnest desire of the South for a Republic, and the present

a division of the nation. In return for this concession, and because he is the most experienced and able of living Chinese statesmen, we Southerners chose him as provisional President, and pledged ourselves to give him administrative support and assistance. Of course, the government has encountered difficulties. Of course, it has made mistakes. Of course, many people are dissatisfied. This is merely the usual condition in all governments, especially in a republic. But those who are dissatisfied are not thereby justified in attempting to change the administration except by constitutional means. China has not yet got a regular constitution, but Yuan Shih-k'ai cannot justly be blamed for that. It is not fair for the South to withdraw its support from him before a permanent government has been established. To attempt to change the administration, under these circumstances, by an armed rebellion is more than foolish—it is wicked."

HWANG HSIN AND DR. SUN.

"What organizations or persons are responsible for efforts to overthrow the present Government?"

"The organization is the Kuo Min Tang, and perhaps one or two governments are helping. The principal persons are Hwang Hsin and Dr. Sun Yat Sen."

"What are their objects?"

"Personal aggrandizement. Their talk about Yuan usurping power is nonsense, and they know it. They are not sincere. They have never supported Yuan Shih-k'ai sincerely. Hardly was the Republic formed when they began to scheme to get him out of office, and elect themselves in his place. I know whereof I speak, as for a long time it was thought that I was not favorable to Yuan Shih-k'ai, being a Southerner, and I was frequently approached to ally myself with the opposition. This I refused to do, as I felt that the provisional government should get a fair chance to straighten things out and prepare for the permanent government."

"SQUEEZE" AT NANKING.

Furthermore, I could not see among that crowd anyone fitted to replace Yuan. Remember what they did when they controlled the provisional government at Nanking. About \$20,000,000 was spent, the greater part of which

Интервью
с Ли Юаньхуном
(фрагмент)

Вопрос:

Какую цель ставит перед собой Япония, поощряя беспорядки в Китае?

Ответ:

Япония не хочет видеть Китай окрепшим. Такова ее общая политическая цель, и она прибегает к различным способам, чтобы Китай был слабым и уступающим ей в своем развитии. Один из таких способов — расчленение страны на две части или несколько частей, каждая

из которых выступает против других. Способ задержать или свести на нет наше развитие — ставить рогатки на пути импорта современной индустрии. Заем, предоставленный Хунани, — хороший пример этого. В долг дали 10 миллионов долларов, в том числе 8 с половиной миллионов получает эта провинция или, точнее, Гоминьдан. Остальные — комиссионные. Насколько я понимаю, около половины этой суммы пошла на закупку у японских фирм оружия и военного снаряжения, прибыль от которой составляла 200%. Оружие, к тому же, низкого качества. Я помню, как несколько партий такого оружия были во время революции присланы мне из Шанхая Хуан Сином и его подчиненными. Может быть, оставшееся, т. е. не присвоенное, будет переправлено войскам для выступления против правительства.

**Сомнений в том,
на чьей стороне
Ли Юаньхун, больше
быть не могло**

Нетрудно видеть, что подобные сделки разрушают страну. Разорительный заем предоставлен, и средства истрачены на то, что в лучшем случае не связано с производством и при данных обстоятельствах носит абсолютно деструктивный характер, ибо служит гражданской войне, разрушению торговли и опустошению страны, ставит палки в колеса материальному производству, делая в ряде случаев его невозможным, препятствует формированию идеи национализма и со всё возрастающей жестокостью и злобой возрождает межпровинциальные подозрения, враждебность и недоверие. А для того, чтобы получить эти деньги, оказываются заложены права на разработку полезных ископаемых в богатой провинции. <...> И тот, кто поступает подобным образом, еще критикует правительство за его политику получения зарубежных займов!¹

И далее — едва ли не центральный вопрос всего интервью: «Как Вы относитесь к Сунь Ятсену?»

Ответ:

В мире существует ошибочное представление о Сунь Ятсене. Он практически не имел отношения к свержению монархии. Когда он вернулся в Китай, революция была уже завершена. Если я и слышал о нем тогда, то только что-то неопределенное и в общих чертах. Я не знал его полити-

¹ Ibid.

ческих взглядов, только слышал что-то о его агитации. Насколько я мог судить о нем, он представлялся мне мечтателем. Он прибыл в Шанхай в тот момент, когда южане из республиканской партии решили, что следует создать номинальное правительство со столицей в Нанкине. Это было сделано для морального эффекта в Китае и за рубежом. По разным причинам никто из подлинных лидеров революции не хотел возглавлять его. Сунь Ятсен, так долго отсутствовавший в Китае, не был связан ни с одной из фракций, его имя было известно за границей и поэтому, как казалось, он подходит на эту роль. Если он и оказал революции какую-то ощутимую помощь, то я об этом ничего не знаю. Его репутация основана преимущественно на вымыслах. Хуан Син принимал более существенное участие в действительной революции, но его военных заслуг лучше не касаться. После того, как республика была создана, Сунь Ятсен и Хуан Син оказались оттесненными, хотя у меня не было намерения добиваться этого, и я думаю, что не было его и у Юань Шикая. Им предложили важные официальные должности, но они отказались. В Китае занимать официальную должность означает нести ответственность. Они поселились в иностранном поселении вне юрисдикции китайских властей и создали партию, которая с самого начала намеревалась изгнать Юань Шикая и меня, заняв наше место. Вначале они, несомненно, надеялись добиться этого посредством нормального политического процесса и пытались контролировать ход парламентских выборов. Но затем они разочаровались в этом способе захвата власти и начали вооруженное восстание. Ни Юань Шикая, ни меня нельзя назвать непогрешимыми. Я недостаточно опытен и компетентен для того, чтобы владеть ситуацией. Но оба мы служим своей родине, не требуя жалования и делая всё, что в наших силах. Хуан Син же разбогател на революции, а Сунь Ятсен живет в Шанхае в полном достатке на деньги, которые правительство выделило для железнодорожного строительства <...>.¹

Заметим в скобках, что Сунь Ятсену было, разумеется, крайне неприятно читать о себе такое. Но его отчасти утешало то, что как раз в это время он получил письмо от своего знакомого, упоминавшегося выше американского предпринимателя Остина Брауна, в котором ему была дана совершенно иная характеристика. Браун писал, что по-прежнему восхищается д-ром Сунем и уверен, что рано или поздно он будет переизбран на пост президента (копию этого письма Браун переслал президенту Вильсону).²

¹ Ibid.

² Brown to Sun Yat-sen, June 12, 1913 // USDS. 893.00/1766.

New York,
165 West 83d Street.

Austin P. Brown,
Real Estate, Railroad and Corporate Financier,
New York and Washington,
1407 15th Street, Northwest,
Phone North 1892 and 5469.

Washington, D.C., June 12, 1913.

Ex-President,
Sun Yat Sen,
36 Canton Road,
Shanghai, China.

My dear Dr. Sun:

I thank you for your kind expressions of appreciation of my efforts in behalf of the Chinese Republic as conveyed to me by your Secretary in a letter just received.

You will see from my letters that I am not at all surprised to learn that Yuan Shi Kai, whom you succeeded in electing President against much opposition, has turned traitor to you. I never did have any confidence in him, as my letters to you show, and surely hope you will succeed in driving him from office through impeachment by Congress or by physical force should he not tender his resignation.

I sent copies of my letters to President Wilson, asking him to withhold recognition until a President was elected in China by Congress, to the Speaker of the House of Representatives in China, and to the President of the Senate, and in contemplation of the removal of Congress to Shanghai because of the serious situation in Peking I addressed my letters to Shanghai.

I surely hope Yuan will be put out of office and that you will be re-elected President, which office, in my opinion, you should never have resigned from.

Please keep me advised of the situation.

If there is any further service I can render you, command me.

Faithfully,

Your friend,

Austin P. Brown

Письмо О. Брауна
Сунь Ятсену
от 12 июня 1913 г.

Миллард между тем продолжал спрашивать.
Вопрос:

Ваше мнение о будущем?

Ответ:

Оно покрыто тучами. Но все-таки есть надежда избавить нацию от нынешних трудностей, если народ проявит свой патриотизм и объединится, отбросив личные амбиции. Продолжение восстания может разрушить нацию. Мы не можем не принимать во внимание нынешнее финансовое положение страны и опасность того, что иностранные державы откажут нам в праве выкупить заклад, если правительство не сможет справиться с его нынешними текущими расходами и долговыми обязательствами.

Вопрос:

Что же должно предпринять правительство?

Ответ:

Прежде всего добиться мира, законности и порядка. Пока это не сделано, никакие реформы невозможны. Нынешнему восстанию должен быть положен конец, а его вдохновители наказаны. Недальновидным и амбициозным личностям следует внушить, что им не дано безнаказанно атаковать правительство. Пока народ не поймет это, существование стабильного правительства невозможно. А без стабильного правительства Китай не может двигаться вперед по пути современного прогресса. В нынешнем кризисе у всех китайцев-патриотов один долг — защищать республику для того, чтобы гарантировать политические привилегии, которые мы с таким трудом вырвали у средневековых институтов.

«Мне хотелось бы добраться до тех, кто несет ответственность за этот мятеж, — добавил Ли Юаньхун, — и подвергнуть их наказанию, которого они заслуживают. Но учитывая, что иностранцы помогут им бежать в случае, если они будут разбиты, на это мало надежд».

Завершая свое интервью с Ли Юаньхуном, Миллард задал ему вопрос, к тому времени так и не получивший однозначного ответа: действительно ли представители Гоминьдана делали ему предложение перейти на их сторону. Ли Юаньхун ответил на это: «Да, такое предложение было мне сделано. Но сейчас я не хочу более говорить об этом».

Все же последовал еще один вопрос: о его встречах с японским и российским консулами. Ли Юаньхун подтвердил, что действительно беседовал с ними, но сообщить какие-либо детали отказался: «Это всё дипломатические игры, и мне не хочется сейчас обсуждать этот вопрос», — и добавил, улыбаясь: «Говорят, что дипломат я никудышный!»¹

Так или иначе, интервью, взятое Миллардом у Ли Юаньхуна, наглядно продемонстрировало, что неудача попыток привлечь вице-президента в ряды оппозиции Пекинскому правительству отнюдь не была случайной.

Свое сообщение о состоявшемся интервью Миллард заключает следующими словами:

Когда я покидал штаб-квартиру [Ли Юаньхуна], мне вспомнился известный анекдот про Линкольна и Гранта.

Однажды к президенту Линкольну явился его друг, любивший вмешиваться в чужие дела, и рассказал, что генерал Грант якобы злоупотребляет спиртным. Президент внимательно выслушал, а затем спросил, как обычно растягивая слова:

¹ General Li and the Rebellion // Central China Press, July 26, 1913.

- А какой сорт виски, Джон, пьет Грант?
- Не знаю... А почему ты спрашиваешь?
- Я хочу раздобыть именно этот сорт, чтобы послать некоторым другим моим генералам! — ответил Линкольн.

Услышав откровения, содержащиеся в комментариях Ли Юаньхуна по поводу ситуации, в которой оказалась его страна, читатель задаст себе вопрос: а не лучше ли будет для Китая, если ярлык «глупец», навешиваемый на генерала Ли Юаньхуна, был бы применим ко многим другим знаменитым политическим деятелям Китая?

«Вторая революция» и Хуан Син

Многие современники с подачи Сунь Ятсена считали Хуан Сина главным виновником конечного поражения «Второй революции», поскольку он, вопреки линии лидера Гоминьдана, выступал против немедленного начала военных действий, предпочитая покарать Юань Шикая не с помощью применения грубой силы, а путем судебного разбирательства по делу об убийстве Сун Цзяожэня.

Так, Чэнь Цимэй писал в 1915 г. о Хуан Сине: он «был медлителен, не верил [словам Сунь Ятсена], хотел решить проблему с позиций юриспруденции и не готовился к объявлению войны; а ведь известно, что колебания в тот момент, когда нужно действовать, всегда портят всё дело!»¹

Однако подобная оценка поведения Хуан Сина неизбежно требует ответа на вопрос: в чем была причина того, что бывший военный министр Временного правительства, имевший к тому времени немалый опыт руководства боевыми действиями, был против немедленного объявления войны, а сугубо гражданский человек, возглавлявший Гоминьдан, настаивал на этом?

Реальное соотношение сил

Новейшие исследования со всей очевидностью свидетельствуют, что позиция Хуан Сина объяснялась вовсе не его нерешительностью, а трезвым учетом всех факторов, прежде всего, соотношения сил двух противоборствующих сторон.

¹ 陈英士先生纪念全集 (Полное юбилейное собрание сочинений Чэнь Цимэя). [Б. м.], 1930. Т. 1. Ч. 2. С. 24.

После роспуска Временного правительства и демобилизации армии в распоряжении революционного лагеря имелось в общей сложности четыре дивизии, тогда как Пекин располагал тринадцатью, другими словами говоря, имел более чем трехкратное превосходство в живой силе.

К тому же, вооруженные силы революционеров обладали целым рядом весьма существенных недостатков. О них писал в своих мемуарах Чэн Цянь, в то время бывший главой военного ведомства правительства провинции Хунань:

Годом раньше Хуан Син распустил революционную армию и вместо нее сформировал четыре дивизии во главе с Чэнь Чжи (8-я дивизия), Чжан Цзы, Чжан Хэши и Лэн Цзюем. Эти дивизии состояли на довольствии правительств провинций Цзянсу и Аньхуй, не испытывая недостатка в средствах и будучи сравнительно хорошо оснащенными. Если бы с самого начала Кэцян озаботился подбором командного состава и обучением рядовых, то к моменту убийства Сун Цзяожэня, то есть по истечении целого года эти дивизии, имевшиеся в распоряжении Нанкина, стали бы боеспособными подразделениями и на них в любом случае можно было бы положиться. А так прошел год, командный состав укомплектован не был, и армия существовала чисто номинально.

Чжан Чжи был зятем Фэн Гочжана и человеком с бюрократическими замашками, командующий бригадой Хуан Кайюань — сыном богатого хубэйского торговца. Хотя оба горячо поддерживали патриотов, выступавших против маньчжурской династии, они были плохо подготовлены к осуществлению задачи свержения Юань Шикая. Ван Сяочэнь (командующий еще одной бригадой 8-й дивизии) — человек положительный, но неспособный принимать решения в ответственный момент. Чжан Цзы — деятель, преисполненный революционного духа, но человек штатский. А уж о других и говорить нечего. Поскольку в этих подразделениях не было подходящих командиров, то и профессиональная подготовка рядового состава страдала <...>. Части были фактически небоеспособны. Так обстояло дело с четырьмя нанкинскими дивизиями. <...> В Цзянси номинально было две дивизии, но только полк под командованием Линь Ху, расквартированный в провинциальном центре, был боеспособен, а другие части действовали больше на словах. Гуандун был далеко за горами, там

Чэн Цянь
(1882–1968)

тоже не было обученных войск, к тому же Ху Ханьминь и Чэнь Цзюньмин «лежа на одной кровати, видели разные сны», и это наносило непоправимый ущерб их деятельности. В Хунани, как уже говорилось, не было ни одного солдата, прошедшего необходимую подготовку <...>.

Из сказанного понятно, что четыре объединившиеся провинции в военном отношении были чрезвычайно слабы, к тому же мнения их руководителей расходились. С самого начала было ясно, что единственное, на что они способны, — это выдвинуть политический лозунг борьбы с Юань Шикаем, но противостоять наступлению войск Юань Шикая они были не в состоянии. А тут еще Ли Юаньхун склонился на сторону Юань Шикая, что с географической и чисто политической точки зрения для четырех провинций было крайне невыгодно.¹

Не располагая собственными боеспособными частями, Хуан Син обратился к руководителям южных провинций, объявивших о своей независимости от Пекинского правительства, с призывом начать подготовку к военным действиям, но из Хунани получил ответ о том, что для этого там нет денег, из Гуандуна — что немедленное выступление затруднительно, из Нанкина — «в настоящее время начинать военные действия преждевременно».²

Картину дополняют воспоминания Ли Шучэна, бывшего заместителем Хуан Сина в составе Временного правительства:

Ли Шучэн
(1882–1965)

Прибыв в Шанхай, мы обсуждали с Сунь Ятсеном, Хуан Сином и другими находившимися там товарищами, что следует предпринять в связи с убийством Сун Цзяожэня. Все были крайне возбуждены и высказывались за то, чтобы немедленно объявить о преступлении Юань Шикая, организовавшего убийство, и начать против него военные действия. Было решено, что Сунь Ятсен даст телеграмму в Гуандун Чэнь Цзюньмину, Хуан Син — в Хунань Тань Янькаю с требованием начать подготовку выступления, а я вместе с Ли Гэньюанем и Чжан Сяочжунем был послан в Нанкин готовить 8-ю дивизию к действиям

¹ 程潜。辛亥革命前后回忆片段 (Чэн Цянь. До и после Синьхайской революции: обрывки воспоминаний) // 辛亥革命回忆录 (Воспоминания о Синьхайской революции). Т. 1. Пекин. 1961. С. 88–89.

² 李喜所。黄兴在“二次革命”中的地位和作用 (Ли Сисо. Место и роль Хуан Сина во «Второй революции») // Нанькай сюэбао чжэшэбань, 1993, № 5. С. 34.

против Юань Шикая. Однако Чэнь Цзюньмин и Тань Янькай ответили, что начало военных действий наталкивается на затруднения, что многие у них высказываются против, а силы недостаточны, поэтому сейчас выступать нельзя. В Нанкине Чэнь Чжи, Чэнь Юйши, Ван Сяочэнь, Хуан Кайюань и другие ссылались на то, что 8-я дивизия еще полностью не укомплектована, полк под командованием Линь Ху, входивший в состав 8-й дивизии, переброшен в Цзянси, а губернатор Хунани Тань Янькай, не располагая достаточными средствами на военные расходы, передислоцировал в Чанша полк из состава той же дивизии, находившийся под командованием Чжао Хэнти. <...> Их вывод: выступать в настоящее время нельзя.

Ли Гэньюань
(1879–1965)

Вернувшись в Шанхай, мы доложили Сунь Ятсену и Хуан Сину о ситуации в Нанкине. Хуан Син высказался в том смысле, что коль скоро лица, в руках которых находятся войска, не решаются сейчас выступить против Юань Шикая, размахивать в Шанхае кулаками и кричать «Долой Юаня!» бессмысленно.¹

Прежде всего надо заручиться поддержкой масс

Изложив реакцию Хуан Сина на результаты неудачной поездки в Нанкин, Ли Шучэн приходит к принципиально важному заключению: видя невозможность немедленного вооруженного выступления, Хуан Син по-новому сформулировал стратегию борьбы с Юань Шикаем, а именно — сначала представить народу бесспорные доказательства вины Юань Шикая и лишь заручившись поддержкой масс думать о военной стороне дела.²

Ли Шучэн сообщает:

Хуан Син не случайно решил прежде всего обратиться к юридической стороне дела. Он считал, что в то время граждане республики еще

¹ 李书城。辛亥前后黄克强先生的活动 (Ли Шучэн. Деятельность Хуан Сина до и после Синьхайской революции) // Воспоминания о Синьхайской революции. Т. 1. С. 206.

² Автор цитированной выше статьи Ли Сисо ошибочно приписывает это объяснение Ли Гэньюаню, сопровождавшему Ли Шучэна в Нанкин, хотя цитирует мемуары Ли Шучэна (см.: Ли Сисо. Место и роль Хуан Сина во «Второй революции». С. 36–38).

не имели правильного представления о преступной физиономии Юань Шикая и полагали, что выступление против него — это необоснованная крайность, пропагандируемая гоминьдановцами. Если мы, апеллируя к закону, продемонстрируем истинную роль Юань Шикая в злодейском убийстве Сун Цзяожэня, граждане убедятся в том, что произошло в действительности, это изменит их отношение к Юань Шикаю, вызовет их гнев, в результате чего они станут поддерживать Гоминьдан.¹

Если Ли Шучэн адекватно передал соображения Хуан Сина, нельзя не признать их справедливость и обоснованность.

Несмотря на то, что в это время уже были преданы гласности документы, обнаруженные в доме Ин Гуйсиня, в них не содержалось прямых доказательств вины Юань Шикая, и многочисленные обличительные статьи, выходившие из-под пера сторонников Гоминьдана, носили сугубо декларативный характер. К тому же газеты, поддерживавшие Пекинское правительство, не оставались в долгу и печатали многочисленные заявления о том, что Сун Цзяожэнь погиб в результате внутрипартийной разборки. Разобраться в том, кто здесь прав, рядовому читателю было затруднительно. Поэтому Сунь Ятсен и Хуан Син то и дело получали телеграммы, в которых деятели на местах выражали протест по поводу военных приготовлений Гоминьдана, а в прессе нередко публиковались статьи, обвинявшие гоминьдановцев в заговоре против законного правительства.

Даже многие члены Гоминьдана не без оснований указывали на то, что после недавних битв с маньчжурскими монархистами народ устал и жаждет мира и спокойствия. Газета «Миньчжубао» опубликовала статью Сун Ляна, в которой говорилось следующее:

С завершением прошлой великой революции энергия народа истощена, его силы на исходе, он не в состоянии восстановить потерянное, как же может он пойти на новые колоссальные жертвы? Общество мечтает о всеобщем мире, и услышав о том, что назревают события, люди объаты страхом и забывают о сне и еде. Сейчас положение в принципе отличается от того, как во время прошлой революции сообщения о начале военных действий встречали с радостью! А поскольку народ против этого, кто же решится возглавить вооруженное выступление? И кто последует за ним? Поэтому вполне очевидно, что «Вторая революция» в нашей стране не имеет перспектив!²

¹ Ли Шучэн. Деятельность Хуан Сина до и после Синьхайской революции. С. 206.

² Миньчжубао, 1 июня 1913 г.

Активный участник синьхайской революции генерал Цай Э, в 1913 г. поддерживавший идею низложения Юань Шикая, тем не менее писал Хуан Сину:

Козни злодея Юаня еще не стали очевидными, и у армии нет убедительного повода для выступления. Поэтому полагаю, что необходимо некоторое время проявлять терпение, так как подходящий момент еще не наступил. Советую Вам ни в коем случае не начинать действовать не продумав тщательно все детали.¹

Цай Э (1882–1916)

Хуан Син рассуждал примерно так же, как этот многоопытный военачальник.

Чжан Шичжао, давнишний знакомый Хуан Сина, так оценивал его позицию:

Сунь Ятсен торопится, Хуан Син медлит. Но его медлительность объясняется глубоким пониманием состояния армии и сложности момента.²

И все же революция началась

Нам неизвестно, почему в один прекрасный момент Хуан Син, приложивший немало усилий к тому, чтобы учредить Специальный трибунал для рассмотрения дела об убийстве Сун Цзяожэня, перестал настаивать на дальнейшем судебном разбирательстве и больше не спорил с Сунь Ятсеном по поводу начала военных действий против Юань Шикая. Возможно, причиной тому явился последовавший 8 июня президентский указ о смещении с должности военного губернатора Цзянси Ли Лецзюня (затем участь Ли Лецзюня разделили губернаторы провинций Гуандун и Аньхуй — Ху Ханьминь и Бо Вэньвэй).

Оказавшись не у дел, Ли Лецзюнь отправился в Шанхай, чтобы обсудить с Сунь Ятсеном и Хуан Сином план дальнейших действий. Была достигнута договоренность о начале вооруженного выступления.

7 июля Хуан Син обратился к аккредитованным в Шанхае иностранным консулам:

¹ 黄兴年谱 (Хронологическая канва жизни и деятельности Хуан Сина). Чанша. 1980. С. 223.

² Воспоминания о Синьхайской революции. Т. 2. С. 145–146.

При республиканской форме правления президент должен направлять курс своих действий согласно желанию народа, а Юань Шикай попирает права и привилегии парламента, насилует республиканскую конституцию, назначает несведущих и порочных лиц на высшие должности, изменнически умерщвляет народных патриотов, напрасно старавшихся удалить Юан Шикая от президентства дозволенными конституцией средствами, издает распоряжения худшие, чем абсолютный монарх.¹

12 июля Ли Лецзюнь объявил о начале военных действий. Хуан Син был назначен главнокомандующим карательной экспедиции против Пекина.

Он прибыл в Нанкин и 15 июля опубликовал манифест, в котором говорилось:

Хотя на Юге был мир и порядок, совершенно неожиданно по распоряжению Юань Шикая некоторые пункты по реке Янцзы были заняты северными войсками.

Несмотря на то, что в настоящее время на монгольской границе происходят события, угрожающие опасностью стране, посылаются войска внутрь страны для борьбы со своими же гражданами.

Эти действия наглядно показывают недостаток государственной мудрости у Юань Шикая. Он преследует каждого, кто не поддерживает его политику. Его действия направлены на гибель республики.

Кто, заботясь о величии государства, может хладнокровно смотреть на подобные дела? <...>

Я вижу ясно сильное желание народа поддержать движение.

**Главнокомандующий
карательной
экспедицией против
Пекина**

Патриотически настроенная часть граждан жалеет, что дело восстания затянулось, но теперь мы будем пользоваться каждым случаем, чтобы наверстать потерянное время.

Мы вполне готовы двинуться на Север. Для обеспечения успеха я приглашаю всех, кому дороги интересы республики, примкнуть к движению.

Хотя я не одарен большими способностями, но я не трус и в этой экспедиции рад пожертвовать своей жизнью, лишь бы цель была достигнута.

Я молю духов наших предков помочь нам в этой трудной борьбе. Деспоты затрепещут, когда народ примет участие в национальном деле.

¹ Хуан Син — консульскому корпусу в Шанхае, 7 июля 1913 г. // Синьхайская революция 1911–1913 гг. Сборник документов и материалов. М. 1968. С. 207.

Единственная моя цель — устранить узурпатора Юань Шикая.

Как только достигну этого, я вложу меч свой в ножны и вернусь домой, предоставляя дела управления страной более достойным.

Если я преследую какие-нибудь эгоистические цели, Небо накажет меня.

Я пересылаю это послание с глазами полными слез.¹

Губернатор Цзянсу Чэн Дэюань объявил о независимости провинции. Хуан Син сформировал штаб Северной экспедиции, назначив Хуан Кайюаня начальником штаба, Чжан Шичжао — ответственным секретарем, Чжан Цзы — военным советником губернатора.

16 июля прогремели первые пушечные залпы «Второй революции».

На улицах Нанкина жизнь тем временем шла своим чередом

Но силы, как с самого начала предвидел Хуан Син, всё же были слишком неравны.

В конце июля правительственная армия развернула наступление на войска повстанцев. Нанкин оказался под прямой угрозой. Понимая бессмысленность дальнейшего сопротивления, главнокомандующий

¹ Манифест Хуан Сина, 15 июля 1913 г. // Синьхайская революция 1911–1913 гг. Сборник документов и материалов. М. 1968. С. 206–207.

попытался покончить с собой, но этому помешал начальник его штаба, силой заставивший Хуан Сина покинуть осажденный Нанкин.

Как впоследствии признал Сунь Ятсен, все это время проведенный в Шанхае, непосредственного участия во «Второй революции» он не принимал.¹

Военные действия были завершены.

Юань Шикай отдал приказ об отмене введенного ранее чрезвычайного положения в столице республики.

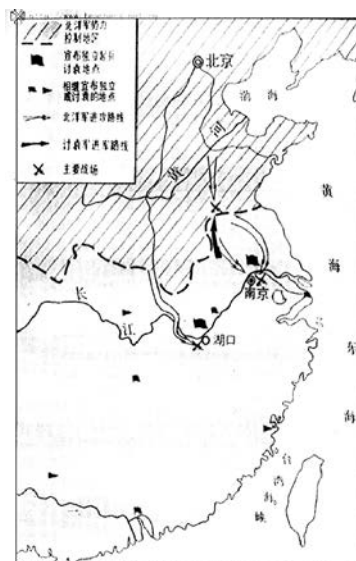
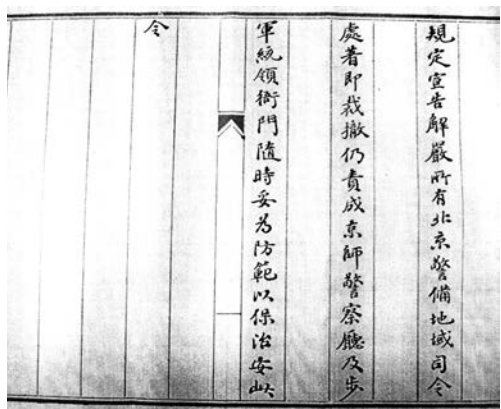

Схема военных действий Юга и Севера во время «Второй революции»

Приказ Юань Шикая об отмене чрезвычайного положения в Пекине²

¹ ПССОГ. Т. 4. С. 373.

² Архив исторического факультета Пекинского университета. Ф. 174.

Позиция Сунь Ятсена была крайне непоследовательна

«Сунь Ятсен спешит, Хуан Син медлит», — говорил современник событий 1913 г. Как выясняется, поспешая, Сунь Ятсен то и дело менял акценты своих высказываний, которые на поверку оказываются противоречащими друг другу.

Китайские ученые Ши Яньтао и Ши Шэнвэнь проследили эволюцию отношения Сунь Ятсена к делу об убийстве Сун Цзяожэня как к главному поводу для начала «Второй революции» и выделили в ней несколько периодов (использованные ими материалы могут быть дополнены из других источников).¹

Конец марта — начало мая 1913 г.

Вечером 25 марта Сунь Ятсен созвал совещание руководства Гоминьдана, чтобы решить, какие меры следовало принять в связи с убийством Сун Цзяожэня.

На следующий день Сунь Ятсен сообщил японскому консулу Ариёси, что располагает неопровержимыми доказательствами причастности к этому делу президента Юань Шикая и преисполнен решимости наказать его.²

31 марта в разговоре с японским консулом Сунь Ятсен выразил надежду на то, что державы окажут давление на Юань Шикая и принудят его уйти в отставку.

Участники совещания 25 марта

¹ 石彦陶、石胜文。孙中山对宋案处置演变蠡测 (Ши Яньтао, Ши Шэнвэнь. Эволюция отношения Сунь Ятсена к делу Сун Цзяожэня) // <http://www.doc88.com/p-860116485726.html>.

² 有关孙中山、黄兴反对袁世凯斗争的日本外交文书选译 (Избранные переводы японских дипломатических документов, имеющих отношение к борьбе Сунь Ятсена и Хуан Сина против Юань Шикая) // Миньго данъань. 1988. № 3. С. 66.

Ариёси задал Сунь Ятсену вопрос: «Неужели Вы хотите, чтобы иностранные державы вмешались во внутренние дела Китая?»

Ответ Сунь Ятсена: «В условиях полунезависимого статуса Китая давление на Юань Шикая не может рассматриваться как вмешательство иностранцев в наши внутренние дела»¹.

И далее Сунь Ятсен пояснил, почему нельзя рассчитывать на то, что парламент объявит импичмент Юань Шикаю:

По сообщениям из Пекина, Юань Шикай непрерывно готовится к сопротивлению. Вполне очевидно, что до и после открытия сессии парламента он применит репрессивные меры и не исключено, что прибегнет к убийству тех депутатов, которые предложат импичмент. Поэтому проект решения об импичменте не будет внесен, но даже если и будет внесен, то не будет принят. Как бы то ни было, если нельзя добиться удовлетворительного решения в парламенте, губернаторы южных провинций выступают против Юань Шикая. <...> К тому же в Пекине войска за небольшим исключением не подчинятся Юань Шикаю, а это обстоятельство облегчает карательный поход.²

Тем не менее на телеграмму Юань Шикая, в которой тот торопил его с приездом в Пекин, 6 апреля Сунь Ятсен отвечал:

На этот раз я задержался в Шанхае исключительно из-за того, что занимаюсь делом Сун Цзяожэня. Это дело вызвало крайнее возмущение части людей, и им требуются объяснения. Я стараюсь вместе со всеми уладить дело, и оно ни в коем случае не создаст угрозы общей ситуации [в стране]. Мне придется пробыть в Шанхае еще несколько дней. В любом случае я прибуду в столицу в середине этого месяца.³

В тот же день Сунь Ятсен в очередной раз встретился с Ариёси и заявил ему:

Эту подлую личность люди по незнанию выдвинули на пост президента, я не снимаю ответственности за это и с себя. Ныне дело дошло до его сегодняшнего состояния, и я должен со всей решительностью выступить в первых рядах борцов за свержение Юань Шикая. Первый шаг — парламентский импичмент. Поскольку он всегда предпринимал репрессивные меры, если первый шаг не даст результата, Юг должен объявить о лишении его полномочий с тем, чтобы обязанности президента исполнял вице-президент Ли Юаньхун. Кроме того, я должен телегра-

¹ Там же. С. 67.

² Там же.

³ 袁总统敦促中山 (Президент Юань торопит Сунь Ятсена) // Шэньбао, 7 апреля 1913 г.

фировать ему и настаивать на том, чтобы он подал в отставку. А если он не согласится, я решил лично возглавить армию в карательном походе против Юаня. <...>

Если великие державы или несколько других стран, исходя из гуманистических соображений и сложившейся ситуации, почтут возможным вмешаться, Юань Шикай наверняка уйдет в отставку, и это будет наилучшим выходом из положения.¹

По мнению Ши Яньтао и Ши Шэнвэня, в первых числах апреля позиция Сунь Ятсена изменилась: на первый план в его стратегии борьбы с Юань Шикаем вышли легальные методы.

9 апреля Сунь Ятсен сообщил Ариёси, что Гоминьдан заинтересован в том, чтобы открывающаяся 12 числа сессия парламента как можно дольше тянула время, пока не будет принято решение суда по делу Сун Цзяожэня. Если же импичмент не состоится, на выборах постоянного президента вместо Юань Шикая будет выставлена другая кандидатура.²

Сунь Ятсен все еще надеялся на вмешательство держав, которые должны были вынудить Юань Шикая уйти в отставку. Но события развивались по прямо противоположному сценарию: 2 мая временный поверенный в делах США Э. Уильямс вручил Юань Шикаю послание президента Вильсона о том, что Соединенные Штаты признали Пекинское правительство.³

6 мая, отвечая на телеграмму американского миссионера Э. Твинга, Сунь Ятсен утверждал, что «слухи о Второй революции не имеют под собой оснований».⁴

7 мая на встрече с генеральным консулом США в Шанхае А. Уилдером Сунь Ятсен заявил, что применение вооруженной силы не входит в планы Гоминьдана: «Он вполне определенно дал мне понять, что вовсе не готовит революцию; эта мысль ему абсолютно чужда».

А присутствовавший при разговоре Ван Чунхуй добавил, что это утка, с провокационной целью придуманная сторонниками Юань Шикая.⁵

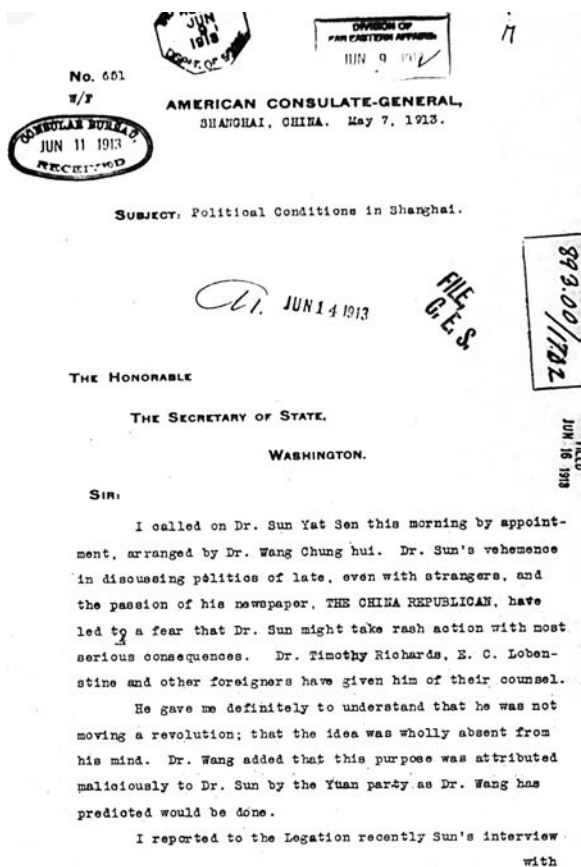
¹ Избранные переводы японских дипломатических документов, имеющих отношение к борьбе Сунь Ятсена и Хуан Сина против Юань Шикая. С. 70.

² ПССС. Т. 3. С. 55.

³ Williams to Bryan, May 2, 1913 // USDS. 893.00/1641.

⁴ Сунь Ятсен — Твингу, 6 мая 1913 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 300.

⁵ Wilder to Bryan, May 7, 1913 // USDS. 893.00/1702.

Первая страница
доклада Уилдера
Госдепартаменту
от 7 мая 1913 г.

Сунь Ятсен убеждается, что первоначальный повод для начала революции не срабатывает

Создается впечатление, что в начале мая Сунь Ятсен окончательно понял, что обвинение президента в организации убийства Сун Цзяожэня не способно воодушевить массы на «Вторую революцию». Не оставляя надежд на реальность осуществления замысла свергнуть Юань Шикая с помощью вооруженной силы, Сунь Ятсен сконцентрировал свои усилия на поисках какого-либо другого преступления своего антипода.

Кто ищет, тот всегда найдет.

В конце апреля правительство Юань Шикая и банковский консорциум пяти стран заключили соглашение о предоставлении Китаю займа

в объеме 25 млн английских фунтов. Эта сделка не была санкционирована парламентом, который в то время еще не начал работать.

Узнав о произошедшем, Сунь Ятсен безуспешно пытался воспрепятствовать реализации сделки, после чего обратился к державам с манифестом, в котором говорилось:

В результате тщательного расследования, проведенного назначенными правительствам официальными лицами по поводу недавнего убийства в Шанхае лидера Гоминьдана Сун Цзяожэня, было ясно установлено, что Пекинское правительство непосредственно замешано в этом преступлении. В связи с этим народ испытывает крайнее возмущение, и ситуация стала настолько серьезной, что нация оказалась на грани самого острого и опасного кризиса в своей истории.

Правительство, отдавая себе отчет в своем преступлении и масштабах совершенного, а также видя силу волны возмущения, охватившую нацию в результате его преступных действий и подлого предательства ранее возлагавшихся на него надежд, в предвидении своего падения внезапно, неконституционным путем, несмотря на протесты собравшихся в Пекине представителей нации, заключило соглашение с банковским консорциумом пяти стран о получении займа в объеме 25 млн фунтов стерлингов.

Этот самовольный и неконституционный акт правительства не замедлил ужесточить гнев, вызванный отвратительным убийством Сун Цзяожэня, так что в настоящий момент ярость народа достигла белого каления, и ужасные последствия кажутся неизбежными; кризис обострился до такой степени, что в любой момент тлеющие угли могут вспыхнуть всепоглощающим пожаром.

С первого дня Республики я боролся за единство, мир, согласие и процветание. Я рекомендовал Юань Шикая на пост президента, поскольку он давал основания полагать, что, поступая таким образом, я приближаю объединение нации и начало эры мира и процветания. С тех пор я делал всё, что было в моих силах для того, чтобы на смену хаосу, вызванному революцией, пришли мир, порядок и законное правительство. Я искренне желаю Республике мира, но мои усилия окажутся напрасными, если финансисты будут снабжать Пекинское правительство деньгами, которые могут и, вероятно, будут использованы для ведения войны против народа.

<...>

Поэтому во имя и ради гуманности, которую цивилизация считает священной, я обращаюсь к вам с надеждой, что вы употребите ваше влияние и воспрепятствуете предоставлению банкирами средств Пекинскому правительству, явно предназначенных им на нужды войны. Я обращаюсь

ко всем, кто желает человечеству длительного процветания, оказать мне свою моральную поддержку в предотвращении ненужного кровопролития и защите моих соотечественников от несчастий, ими совершенно незаслуженных.¹

Сунь Ятсен вручил свой манифест американскому консулу и в разговоре с ним, судя по всему, был очень взволнован, потому высказал несколько соображений, явно противоречивших одно другому.

Прежде всего, он подчеркивал, что протестует не против займа как такового, а против займа, не санкционированного парламентом и потому незаконного. Значило ли это, что если бы парламент проголосовал за заключение займа, который предназначался Юань Шикаем для нужд войны против своего народа, вождь Гоминьдана не выступал бы против него?

Далее, в манифесте говорилось, что «в настоящий момент ярость народа достигла белого каления, и ужасные последствия кажутся неизбежными; кризис обострился до такой степени, что в любой момент тлеющие угли могут вспыхнуть всепоглощающим пожаром». Однако когда консул Уилдер упомянул о консерватизме китайцев и отметил, что большинство народа поддерживает правительство Юань Шикая, Сунь Ятсен согласился с этим и со своей стороны добавил,

-2-

with Bishop Bashford in which Sun spoke of the ease with which men would take the field against a usurper in Peking; but to-day Sun's talk had none of this. He said his attitude was simply this: "I gave Yuan my hearty support but now I withdraw it. As far as he is for a Republic I am for him; when he desert the Republic, I am against him."

Dr. Sun gave me a copy of his manifesto to the governments and people of the Foreign Powers against the way in which the loan was concluded (without Parliamentary approval). He wished it understood that he does not oppose the loan itself, but the illegality of its adoption. He and his friends will persistently maintain that a loan without the approval of the new Parliament is illegal: if it be said that that body was not organized, the reply is that the body is entitled to time in which to organize. I suggest that the Sun faction may labour this point of Parliamentary approval so much that later for the sake of harmony it will be secured.

Dr. Sun complained of bribery at Peking. I pointed out that even in highly organized countries, with centuries of traditions of self-rule, it is difficult to restrain bribery; and how could anything else be expected at Peking? I told him the difficulty is fundamental - that while I concurred that the Chinese can operate a government to an extent representative; yet there can be no Republic, with refined operations - there must be a firm strong central hand; that if, he himself were President, in a few weeks time he would be brushing aside objectors and opponents, not in a spirit of tyranny or ambition; but simply in order to get things done. He would not, he could not dally with a parliament that was not honest, that would not meet for business; that insisted.

Вторая страница доклада Уилдера
Госдепартаменту от 7 мая 1913 г.

¹ Sun Yat Sen to the Governments and People of the Foreign Powers // USDS. 893.00/1702.

что «во время правления прошлой династии китайцы точно так же были спокойны».

Что касается убийства Сун Цзяожэня, то Сунь Ятсен заявил Уилдеру, что его, собственно говоря, «возмущает не сам факт, а интрига вокруг него: он еще раз процитировал Юань Шикая, который сообщил пекинским газетчикам через несколько часов после события, когда о нем еще никто не знал, что это дело рук Хуан Сина и Чэнь Цимэя».

Тем не менее Уилдер сделал вывод:

Хотя Сунь Ятсен — идеалист, каким его считают, было бы ошибкой недооценивать его. Он человек большого личного достоинства и твердости и, по моему мнению, думает не о себе, а своей стране.¹

16 мая в Госдепартамент написал поверенный в делах США в Китае Э. Уильямс, следующим образом объяснивший, почему Сунь Ятсен отказался от своего намерения начать «Вторую революцию»:

Хотя Сунь Ятсен недавно опроверг слухи о его планах начать восстание <...>, разговор с епископом Бэшфордом 1 мая <...> определенно показывает, что он замыслил подобную акцию. Епископ Бэшфорд был не единственным человеком, кому д-р Сунь говорил об этом. Фактически конспираторы действовали столь открыто, что об этом в курсе вся страна. <...>

Только после того, как д-р Сунь и генерал Хуан поняли, что народ не с ними и что денег на поддержку движения не будет, они заявили, что у них и в мыслях нет начинать революцию. <...> На протяжении двух недель ситуация была критической. И хотя опасность еще не миновала, положение дел понемногу улучшается. Твердая поддержка, оказанная Юань Шикаю вице-президентом Ли Юаньхуном, который отказался клонуть на предложения агитаторов стать президентом и установил контроль северной армии над Ханькоу и близлежащими городами, во многом дезорганизовала движение. Даже Гуандун, родная провинция д-ра Суня, отказывается поддерживать его. 5 мая генеральный консул США в Кантоне сообщил в посольство, что тамошние торговые круги не принимали участия в протесте по поводу подписания соглашения о займе и что они решительно выступают против контрреволюции и любых действий тех политиков, которые намерены создать трудности для внутренних районов страны. 7 мая тот же консул телеграфировал в посольство, что хотя военный губернатор Гуандуна и критиковал займ на публичном митинге, он будет поддерживать центральное правительство. <...> Коль скоро торговые круги представляют собой оппозицию гражданской войне,

¹ Wilder to Bryan, May 7, 1913 // Ibid.

попытка свержения нынешнего правительства не может быть успешной. И д-р Сунь прекрасно понимает это.¹

В состоявшемся 1 мая разговоре с американским епископом Дж. Бэшфордом Сунь Ятсен упоминал о том, что очень надеется на помощь со стороны Японии.² Однако через месяц произошло событие, обескуражившее его.

В Шанхае остановился направлявшийся на родину видный японский дипломат Като Такааки, согласившийся встретиться с Сунь Ятсеном. Сунь Ятсен пожаловался японцу на то, что Юань Шикай оказывает на него давление, стремясь нарушить его планы.

Сообщив о содержании имевших место в Пекине переговоров с Юань Шикаем, Като потребовал от Сунь Ятсена «сдерживать себя и следовать курсу на то, что длительный мир разрешит ситуацию, и поэтому ни в коем случае нельзя предпринимать необдуманных действий.³ Но отговорить Сунь Ятсена отказаться от своих планов было не таким простым делом.

11 июня он сказал консулу Ариёси, что так или иначе примет меры для устранения Юань Шикая, даже если они будут казаться авантюристическими.⁴

Не преуспев в уговорах д-ра Суня и Мунаката Котаро, 13 июня указавший ему на то, что силы Севера намного превосходят Юг и поэтому в случае возникновения вооруженного конфликта исход его предрешен. Собеседник отвечал на это, что, по его мнению, силы Севера только кажутся превосходящими. После ухода Сунь Ятсена Мунаката задал себе вопрос: «Действительно ли Гоминьдан начнет выступление и сможет ли призыв Сунь Ятсена воодушевить южные провинции?».⁵

Минутная слабость и возвращение на круги своя

Сунь Ятсен внезапно узнал, что его вернувшаяся в Макао из Штатов дочь неизлечимо больна.

Д-р Сунь был нравственно и физически надломлен. В ответ на телеграмму Твинга, котоый завел разговор о будущем Китая, он нашел в себе силы написать ему только буквально несколько слов:

¹ Williams to Bryan, May 16, 1913 // USDS. 893.00/1700.

² Ibid.

³ Шибao, 31 мая 1913 г.

⁴ 与有吉明的谈话 (Беседа с Ариёси Акира), 11 июня 1913 г. // Дополнения к полному собранию сочинений Сунь Ятсена. Т. 1. С. 425.

⁵ 与宗方小太郎的谈话 (Беседа с Мунаката Котаро), 13 июня 1913 г. // Там же. С. 426–427.

Телеграмму получил. Сейчас я больше не хочу интересоваться политическими проблемами. Хороша ли политика или нет, это дело правительства. Впредь я буду заниматься только строительством железных дорог. Об остальном я не хочу слышать. Сунь Ятсен.¹

Это было частное письмо знакомому, не ставшее достоянием общественности. Но приехав в Макао и убедившись, что поставленный диагноз не оставляет надежд, Сунь Ятсен дал газетчикам интервью, в котором повторил сказанное Твингу.

Более того, упомянув об убийстве Сун Цзяожэня, он во всеуслышание заявил:

Говорят, что пекинское правительство было причастно к этому делу, но это несправедливо. Я должен заявить, что президент Юань не имел отношения к этому делу.²

Еще месяц тому назад Сунь Ятсен писал Инукай, что «благодаря совместным усилиям местных чиновников и следователей были изучены доказательства и доподлинно установлено, что организаторами преступления являлись Юань Шикай и Чжао Бинцзюнь».³

Газеты не замедлили довести до всеобщего сведения: лидер Гоминьдана официально признал, что его прежнее обвинение Юань Шикая в причастности к убийству Сун Цзяожэня является вымыслом.

Как же должны были реагировать на это широкие массы, многократно слышавшие из уст самого Сунь Ятсена то, что он теперь в одночасье опроверг?

Но стойкий революционер преодолел минутную слабость. Перестать интересоваться политикой, которая с некоторых пор стала главным делом его жизни, он явным образом был просто не в состоянии.

Сунь Ятсен отказался от своих прежних обвинений

¹ Сунь Ятсен — Твингу, 15 июня 1913 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 302.

² Дополнения к полному собранию сочинений Сунь Ятсена. Т. 1. С. 429–431.

³ Сунь Ятсен — Инукай, 17 мая 1913 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 300.

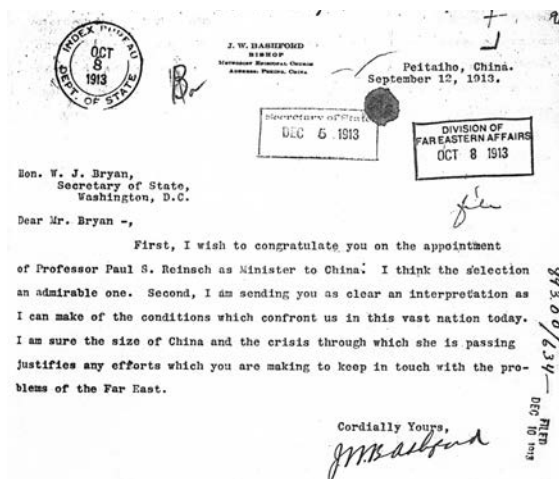
22 июля, через десять дней после того как отстраненный Юань Шикаем военный губернатор Цзянсу Ли Лецзюнь объявил о начале военных действий против Пекинского правительства, Сунь Ятсен послал президенту телеграмму и призвал его добровольно покинуть свой пост:

Если Вы сделаете это, я уговорю армию и народ на юго-востоке сменить злобу на доброе отношение, чтобы у Вас не было ощущения, что Вы оседлали тигра.¹

В ответ Юань Шикай объявил Сунь Ятсена и его ближайших сподвижников в розыск, назначив за их головы солидное вознаграждение.

Итоги двух революций подводит епископ Бэшфорд

Миссионер Джеймс Бэшфорд живо интересовался происходившим в Китае. Весной 1913 г. он встречался с Сунь Ятсеном и обсуждал с ним перспективы дальнейшего развития событий. А после того как горнисты протрубили отбой, он написал письмо госсекретарю США и изложил свое мнение по поводу того, как «Вторая революция» повлияла на жизнь страны.

Письмо Бэшфорда госсекретарю Брайану от 12 сентября 1913 г.²

¹ Сунь Ятсен — Юань Шикаю, 22 июля 1913 г. // Там же. С. 303.

² Bashford to Bryan, September 17, 1913 // USDS.893.00/1634.

Положение в стране после синьхайских событий

Полагая, что результатом нынешней борьбы в Китае является консолидация, а не дезинтеграция страны, Бэшфорд писал:

Свержение маньчжурской династии с помощью оружия создало множество нерешенных проблем, в том числе: будет ли новое правительство монархическим или республиканским, где будет находиться столица — в Пекине или в Нанкине, кто будет правителем — Юань Шикай или Сунь Ятсен, укрепится ли центральное правительство или Китай останется рыхлой совокупностью полунезависимых провинций?

Эти проблемы были решены не с помощью силы, а путем компромисса.

По первому и наиболее важному вопросу, касающемуся формы правления, была принята позиция Юга, по второму и третьему — Севера, тогда как четвертый — соотношение сил центра и провинций — остался нерешенным.

Эти итоги были достигнуты благодаря согласию Юань Шикая на учреждение республики, а также решению Ли Юаньхуна, стоявшего во главе революционных сил, и других наиболее авторитетных лидеров Китая о том, что президентом должен стать Юань Шикай. Отставка Сунь Ятсена с поста президента и его рекомендация избрать Юань Шикая произвели на всех сильное впечатление как проявление бескорыстия и патриотизма, заставив в то время весь мир уважать его.

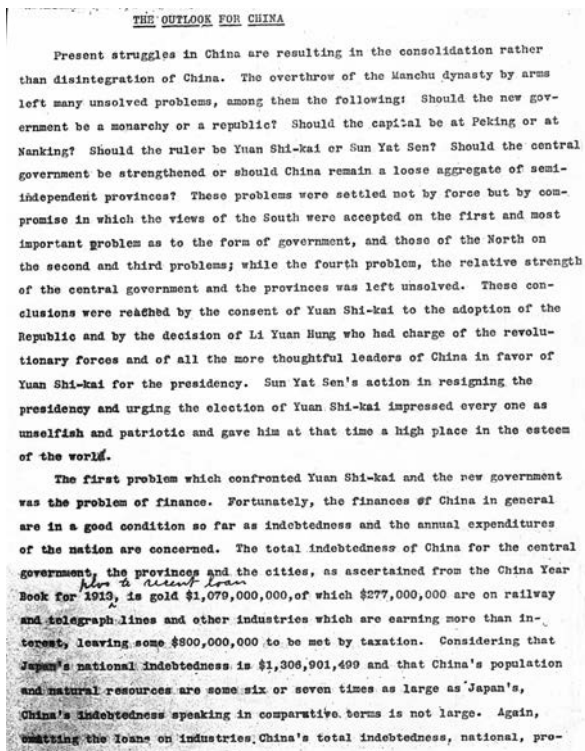
Но придя к власти, Юань Шикай оказался перед лицом новых проблем.

Первая проблема, вставшая перед Юань Шикаем и новым правительством, связана с финансами.

К счастью, общее финансовое положение Китая в отношении задолженности и ежегодных расходов является удовлетворительным. Общий долг центрального правительства, провинций и отдельных городов, насколько можно судить по «China Year Book for 1913», плюс нынешний заём составляет \$ 1 079 000 000 золотом, в том числе \$ 277 000 000 в связи с железными дорогами, телеграфом и прочими промышленными предприятиями, приносящими доход, который превышает сумму процентов по займу. Остальные \$ 800 000 000 покрываются за счет налогов. Учитывая, что национальный долг Японии составляет \$ 1 306 901 499 и что население Китая и его природные ресурсы в 6–7 раз больше, чем в Японии, долг Китая в относительном выражении невелик. Опять-таки, исключая займы на промышленные нужды, долг центрального правительства,

провинций и городов Китая составляет \$ 800 000 000, тогда как долг Нью-Йорка вырос за период 1898–1913 гг. и достиг \$ 913 000 000.

Если взглянуть на проблему с иной точки зрения, совокупный долг Китая составляет около 2 долларов на душу населения, тогда как в Японии (включая проживающих на ее территории корейцев) — около 20 долларов, а муниципальный долг Балтимора без учета национального долга — 40 долларов, Филадельфии — 55 долларов, Питсбурга — 81 доллар на душу населения. <...>

Первая страница аналитической записки Бэшфорда

Что касается текущих расходов, то положение Юань Шикая представляется благополучным. Общая сумма расходов правительства за первые 6 месяцев 1913 г., недавно представленная парламенту, составила \$ 84 411 726 золотом, что соответствует \$ 168 823 452 в год. Эта сумма немного меньше, чем половина годовых расходов японского

правительства, притом что, как уже было сказано, китайцы в 6–7 раз превосходят японцев по общей численности населения и запасам полезных ископаемых.

Таким образом, насколько я знаю, доходы и расходы правительства успешно скоординированы и обеспечивают Китаю более благоприятные финансовые условия по сравнению с гораздо более тщательно разработанным бюджетом Японии.

Однако притом что расходы за первые 6 месяцев 1913 г. составили \$ 84 411 726, доходы за тот же период времени были равны всего лишь \$ 25 668 400, что означает дефицит в \$ 58 000 000. Это печальное обстоятельство влечет за собой еще более серьезную и до сих пор нерешенную проблему взаимоотношений между центральным правительством и провинциями.¹

На протяжении всей истории Китая вплоть до настоящего времени, писал Бэшфорд, центральное правительство всегда получало доходы через чиновников в провинциях.

Китайцы знают, что правительство существует исключительно силой своего кошелька. Для того чтобы правительство чувствовало себя уверенным в своих доходах, император назначал местных чиновников вплоть до начальников уездов. Чиновник мог выполнять или не выполнять свои функции, выплата налогов центральному правительству была первым условием того, что он мог надеяться остаться на своей должности. Но поскольку императорское правительство зачастую вело себя деспотическим образом, общественное мнение в Китае на протяжении столетий было на стороне местных властей, а не императорского правительства. Когда во время революции маньчжурские губернаторы покидали свои насиженные места, провинциальные ассамблеи, следуя естественным устремлениям своих лидеров и примеру Соединенных Штатов, избирали губернаторов своих провинций. В результате Юань Шикай оказался лицом к лицу с губернаторами, которые отнюдь не были обязаны ему своим положением. Ситуация еще более осложнилась после того, как в ноябре 1911 г. вспыхнула революция и 7 из 22 провинций не вносили в казну ни единого доллара, а остальные 15 платили гораздо меньше налогов, чем раньше.

Дж. Бэшфорд
(1849–1919)

¹ *Bashford J. The Outlook for China. P. 1–2 // USDS. 893.00/1634.*

Поэтому, несмотря на то, что расходы были в Китае меньше, чем в других странах, Юань Шикай располагал лишь третьей частью необходимых доходов, а иностранные державы к тому же настойчиво требовали от него уплаты просроченных процентов по займам.

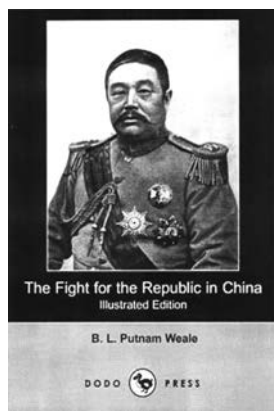
Если бы Юань Шикай проявил себя как диктатор, он наверняка бы стал действовать подобно тому, как на протяжении столетий действовали императоры, то есть стал бы смещать чиновников, не собиравших налоги, и назначать губернаторов, верных центральному правительству. Но он, напротив, проявил терпение, подобное Аврааму Линкольну, а не энергию Наполеона. Не исключено, что политика обдуманной неактивности была при данных обстоятельствах самой мудрой. Каждый, кто знаком с западными правительствами, признает, что провинциальные ассамблеи были правы, настаивая на праве провинций избирать своих губернаторов. Если бы Юань Шикай предпочел смещать чиновников, избранных провинциями, и наказывать провинции за то, что они не пополняют казну, он несомненно был бы обвинен в деспотизме, а это привело бы к сокрушительному восстанию. Но вместо того чтобы правильно оценить иностранные угрозы Китаю, недовольные Юань Шикаем интерпретировали его отказ наказать их как его слабость, а заём, произведенный без согласия второго парламента, — как проявление деспотизма. Восстание состоялось.¹

По поводу «Второй революции»

Рассуждая на эту тему, Бэшфорд ссылается на мнения авторитетных журналистов — Б. Симпсона и Т. Милларда.

Симпсон, писавший под литературным псевдонимом «Б. Путнам Уил», был автором нескольких книг о Китае и слыл знатоком китайской действительности. Он считал Юань Шикая выдающимся государственным деятелем, Ли Юаньхуна — борцом за республику, Хуан Сина — китайским Дантоном, а Сунь Ятсена — мечтателем, не способным оказывать практическое влияние на ход событий.

Что касается Милларда, то, по его мнению, Сунь Ятсен, находясь под влиянием Хуан Сина,

**Б. Путнам Уил.
Борьба за республику
в Китае**

¹ Ibid. P. 3–4.

был не склонен отказываться от поста президента и сделал это под сильным давлением со стороны вице-президента Ли Юаньхуна.¹

Миллард считал, что заявление Сунь Ясена от 21 июля, в котором лидер Гоминьдана сформулировал призыв свергнуть Юань Шикая, было нелогичным и потому неубедительным. В нем, в частности, говорилось: «Поскольку народ шести или семи провинций готов пожертвовать своей жизнью, чтобы оказать сопротивление тирану, он как слуга народа должен был подать в отставку».

Комментарий Бэшфорда:

Это заявление содержит серьезную теоретическую и не менее серьезную фактическую ошибку.

Во-первых, 6 или 7 провинций — это меньше чем одна треть 22 провинций Китая. Но, по мнению Сунь Ятсена, если народ численностью менее одной трети нации намерен оказать сопротивление человеку, избранному парламентом на пост правителя, его долг — уйти в отставку. В соответствии с подобной философией в отставку должен был подать Авраам Линкольн и любой другой президент, против которого выступило

Бертрам Ленокс
Симпсон (1877–1930)

Correspondence

An Appeal from a Russian Proletarian
To the Editor, MILLARD'S REVIEW:

All diplomatic and consular functionaries who have not submitted to the authority of the People's Commissaries have been dismissed by decree of November 22 last. Large Russian colonies which have elected an Executive Committee sharing the platform of the Soviet's authority may name their own candidates to replace the dismissed consuls, notifying the candidate with his qualification to the Moscow Soviet authorities for confirmation. The foregoing has chiefly in object Manchuria, Mongolia and East Turkestan.

On the frontier points where the Russian colonies are not large, consuls may be nominated by the nearest Soviet authorities, also presenting their candidates for confirmation to Moscow. The candidates confirmed by us receive our mandates and take immediately possession from the anterior consuls of houses, chattels, etc., appertaining to the corresponding consulate and proceed to execute current affairs. In Shanghai there is a large Russian colony which has not been allowed self-government by a reactionary group of bankers and functionaries.

In relation to neighbor peoples we ought to follow the principles expounded in the decree of peace. This decree is to be widely spread in native languages. In relation to the Chinese we ought to remember that the present Peking Government does not express the will of the Chinese people. This Government struggles with the South, which is similar to us in its spirit and has formed a Federative Republic. In North China

May 18, 1918.

MILLARD'S REVIEW

and in our self-government. With the consent of China we intend to democratize the last by forming in the important inhabited points Soviets of Russian and Chinese laborers' and peasants' deputies. The Chinese people ought to see us as protectors of the Chinese proletariat against the greedy appetite of foreigners and against the violence of the Chinese authorities. We are laying the first stone in forming quite new relations with the peoples of the East. Their only salvation from the danger of Japanese and European capitalists and oppressors' grasping, violence and injustice is in the intimate unification with the Russian proletariat, who are the only ones capable of saving them from definite slavery.

RUSSIAN CITIZEN

Shanghai, May 8, 1918.

An Appreciation

To the Editor, MILLARD'S REVIEW:

I wish to thank you for the copy of April 20, 1918, of your paper. We were surprised that there were so many of the older missionaries now left in China. Those early years were fraught with many difficulties and few results. These later years are quite different, and show greater results. I am glad that Dr. Beard has put your paper into our College. It will not only give the students a chance to learn to read, but show them the value of a good journal.

H. S. WHITNEY

Ingai, Fukien, May 7, 1918.

Pek

"Th

THE
"to
China, it
travel
provision
eastern

THE
ma
ways in
comm
Shangh

Газета «Millard's Review»

¹ Ibid. P. 4.

абсолютное меньшинство. Вне всяких сомнений, она делает создание республиканского правительства невозможным.

Во-вторых, Сунь Ятсен умышленно кривил душой, уверждая, что народ шести или семи провинций был готов пожертвовать жизнью, чтобы оказать сопротивление Юань Шикаю. Нам известно, что в течение нескольких дней между 20 апреля и 5 мая по крайней мере 4 или 5 американцев и китаец — потомок Конфуция навещали Сунь Ятсена и заверяли его, что достаточных оснований для начала «Второй революции» нет и что, напротив, преобладающее настроение деловых людей, гильдий и представителей общественного мнения в этих провинциях было против «Второй революции». Более того, члены его собственной партии Гоминьдан были в Пекине сильно встревожены поступающими сообщениями о его намерении начать восстание. Эти парламентарии поддерживали тесные контакты со своими избирателями и были знакомы с общественными настроениями в Китае. 3 мая послали представителя партии из Пекина в Шанхай, чтобы информировать Сунь Ятсена о том, что ни одна провинция не высказывается за восстание и что они не будут вместе с ним совершать политическое самоубийство. Исход военных действий показал, что руководители Гоминьдана были правы и что утверждение Сунь Ятсена о том, будто 6 или 7 провинций были готовы умереть ради свержения Юань Шикая, основывалось или на незнании фактов, или на их заведомом искажении.¹

Вывод Бэшфорда:

Мы считаем Сунь Ятсена мечтателем, полагающим, что одним мановением своей волшебной палочки он покончил с маньчжурской династией, а другого будет достаточно, чтобы покончить с Юань Шикаем; мечтателем, убеждавшим своих последователей, что он осуществил половину своей великой миссии свергнув маньчжуров и что оставшаяся ее половина требует свергнуть Юань Шикая и самому стать президентом. И хотя мы не считаем его злокозненным конспиратором, тем не менее его явно ошибочные действия равнозначны преступлению. Нынешнее восстание, возглавляемое Хуан Сином и иже с ним, но немыслимое без санкции Сунь Ятсена, является именно такой ошибкой. <...>

Каковы же последствия этой роковой ошибки?

В результате военных действий, утверждает Бэшфорд, над Китаем нависли четыре серьезных опасности.

¹ Idid. P. 5.

Во-первых, война имела своим следствием значительное увеличение расходов в критический момент истории. Она дезорганизовала промышленное производство в центральном Китае и в какой-то мере в стране в целом, в результате чего нация на какое-то время оказалась в худшем финансовом положении, чем после окончания [Синьхайской] революции.

Во-вторых, война оставила нацию беспомощной перед лицом агрессии России и Японии. Россия воспользовалась кризисом и старается заставить Юань Шикая отказаться от всех претензий Китая на Монголию.

В-третьих, исход войны продемонстрировал китайским солдатам, что в смутное время, подобное нынешнему, правительство полагается на физическую силу и на армию как на воплощение этой силы. Аналогичное открытие было сделано французскими солдатами перед завершением Французской революции и римскими легионерами во времена правления Отона и Гальбы. Если только китайские солдаты не проявят большей любви к миру, чем римляне и французы во время аналогичных кризисов, не исключено появление сильной личности — военного диктатора — или же сама армия выступит арбитром будущего Китая со сменяющимися друг друга диктаторами, время от времени избираемыми солдатами. Печальное впечатление производит тенденция к грабежам и насилиям, проявляемая китайскими солдатами на протяжении двух последних лет. Однако мы убеждены, что подобные тенденции в период между 1911 и 1913 гг. контролировались лучше, чем в предшествующих войнах. Некоторые иностранные обозреватели полагают, что китайские солдаты грабят и насильничают не в такой степени, как это делали солдаты одной или двух иностранных держав, напавших на Китай в 1900 г. В целом я не думаю, что военные будут доминировать в Китае.

В-четвертых, значительное большинство молодых людей в Китае, которые сегодня через прессу оказывают влияние на общественность, а завтра могут стать лидерами Китая, не доверяют Юань Шикаю. Они говорят, что он предал императора Гуансюя в 1898 г., что он предал вдовствующую императрицу отказавшись выступить против иностранцев в 1900 г., что он предал принца Чуя в 1911 г., что теперь он предаст Республику.

Мы не можем согласиться с этим мнением. С нашей точки зрения, критицизм этих молодых людей основан на отсутствии опыта и желании видеть каждую реформу осуществленной в течение одного дня. Но в чем бы ни заключалась причина их недоверия к Юань Шикаю, оно — самая серьезная проблема, с которой сегодня сталкивается Китай. Если их суждения не изменятся и постепенно овладеют всей нацией, в будущем возможны новые восстания и существование республиканского прави-

тельства под руководством Юань Шикай станет невозможным. В этом случае Юань Шикай может быть вынужден подать в отставку, а в настоящее время это было бы несчастьем для Китая.¹

И всё же, полагает Бэшфорд, у нас есть основания для оптимизма.

Во-первых, Китай был лицом к лицу с кризисом, требовавшим его немедленного разрешения. Из-за того что провинции прекратили регулярную выплату таможенных пошлин, центральное правительство обанкротилось и ему требовались немедленные меры для того, чтобы платить жалование солдатам, тем самым удерживая их от грабежей, чтобы обеспечить работу министерств и предотвратить паралич правительства, чтобы выплачивать проценты по внешним займам и спасти Китай от иностранного контроля. Взяв деньги в долг, обеспеченный природными ресурсами Китая, Юань Шикай предпринял антикризисную меру, которую при аналогичных обстоятельствах вынуждены были бы предпринять Соединенные Штаты или любое другое цивилизованное правительство.

Во-вторых, борьба отсеяла некоторые личности, неподходящие на роль лидера. Обидно терять лидеров в то время, когда в Китае недостает выдающихся деятелей, но Китай выиграл от того, что обнаружил слабость Сунь Ятсена и неискренность Хуан Сина во внутренней борьбе, а не в международной схватке, которая могла стоить нации права на существование. Правда, следует иметь в виду, что при старой деспотической форме правления на протяжении столетий китайцы не считали бунт преступлением и Сунь Ятсен может без труда вновь стать влиятельной фигурой в Китае, хотя, как нам представляется, китайцы слишком хорошо узнали его и ему вряд ли суждено впредь стать президентом.

В-третьих, кризис выдвинул на первый план группу новых лидеров, подающих большие надежды конструктивных государственных деятелей. Таковы новый премьер-министр Сюн Силин, который обещает многое своим характером, способностями и опытом решения конкретных проблем Китая; Лян Цичао, проявивший себя позитивным мыслителем во время революции 1911 г., (ему Юань Шикай предложил войти в состав кабинета) и формирующий умонастроения в Китае в плане реаль-

Сюн Силин
(1870–1937)

¹ Ibid. P. 6.

ного прогресса; другие деятели, обретающие всё больше влияния: Ван Чжэнтин, нынешний лидер Гоминьдана; Янь Хуйцин, недавно назначенный посланником в Германии; Чжань Тянью и Янь Течэн, построившие лучшую в Китае Пекин-Калганскую железную дорогу. <...>

Помимо всего прочего, Юань Шикай и Ли Юаньхун были двумя личностями, которые проявились в результате революции как люди своего слова, способные подтверждать слова делами, а китайцы продемонстрировали инстинктивную способность находить в трудную минуту самых сильных людей, чтобы сделать одного президентом, другого — вице-президентом.

Янь Хуйцин
(1877–1950)

В целом Юань Шикай производит на меня сильное впечатление тем, что под влиянием кризиса он стал сильнее и либеральнее. Я внимательно следил за его карьерой на протяжении последних девяти лет. С моей точки зрения, нельзя обвинять Юань Шикая за то, что в 1898 г. он пошел за вдовствующей императрицей, а не за ее сыном, тогда как в 1900 г., отказавшись повиноваться ей, он бесспорно действовал в интересах гуманности и ради будущего своей страны, а в 1911 г. он вовсе не предавал принца Чуня, уговаривая его согласиться с неизбежным и отказаться от трона.

Таким образом, мне кажется, что каждый раз, когда возникал кризис, Юань Шикай был движим интересами Китая, а не своими личными желаниями или соображениями о благосостоянии своей семьи, устояв перед искушениями, угрожающими сильному человеку в породившем его обществе. Более того, он проявил верность своим обещаниям, необычную для восточного и даже для западного политика. Имея в своем распоряжении верную ему армию, он вполне мог попытаться стать диктатором. Но я сомневаюсь в том, что в этом случае Ли Юаньхун последовал бы за ним <...>.

К тому же маловероятно, что Юань Шикай хочет быть диктатором или думает, что сможет быть им продолжительное время. Он понимает, что ни один из его сыновей не может наследовать ему на троне после его смерти. Он бесспорно знает, что деспотизм, в условиях которого он был воспитан в молодости, обречен. Он отдает себе отчет в ценности республики. Поэтому представляется, что всеми силами своей души Юань Шикай искренне борется за создание республики. Он предпочитает войти в историю как отец республики, а не как основатель новой династии. Его

амбиция — царить в душах народа, получить положительную оценку потомков и, прежде всего, завоевать благосклонность Неба.

В четвертых, укрепление центрального правительства на фоне неудачных попыток трех-четырёх провинций объявить независимость может иметь важные последствия в будущем. Точно так же как в Германии тридцать или сорок полунезависимых правительств слились в Германской империи, как в Италии королевства Неаполя, Сардинии, Венеции и пр. объединились в итальянскую нацию, как в США полунезависимые штаты в результате гражданской войны превратились в одно сильное государство и эти три нации стали мощными факторами современного мира, так и в Китае полунезависимые провинции должны сформировать единую нацию, если только Китаю суждено сыграть его роль в мировой истории. Последующая четверть или половина столетия может стать наиболее значительным результатом нынешнего восстания.

Есть надежда, что здравый смысл, направлявший китайцев на «средний курс» в столь многочисленных предыдущих кризисах, подскажет им избрание Юань Шикая президентом.¹

Аналитическая записка Бэшфорда, не только направленная им в Госдепартамент, но и опубликованная в шанхайском журнале «Chinese Recorder» во многом способствовала тому, что как «Вторая революция», так и вообще деятельность Сунь Ятсена после его отставки с поста Временного президента получила более широкую негативную оценку китайского общественного мнения.

Суждения современных исследователей

В свете вышесказанного нет ничего удивительного в том, что в оценке исторического значения «Второй революции» мнения современных историков существенно расходятся.

Соотношение понятий «Синьхайская» и «Вторая революция»

В своих выступлениях и печатных работах Сунь Ятсен не употреблял столь привычное для нас сегодня словосочетание «Синьхайская революция», называя ее «Первой» в отличие от «Второй» и «Третьей». Так, в 1915 г. в письме Международному социалистическому бюро Сунь Ятсен четко противопоставляет их:

¹ Ibid. P. 6–10.

Когда завершилась «Первая революция», я был избран Временным президентом Китайской республики. <...>

Причиной поражения нашей «Второй революции» было отсутствие единства в рядах революционеров. <...>

Наша следующая революция наверняка будет успешной. <...>¹

Хронологические рамки «Первой революции» в понимании Сунь Ятсена — от Учанского восстания до избрания Временного президента КР — целиком укладываются в 1911 г. и, следуя его точке зрения, ее можно было бы называть «революцией 1911 г.»

Но английский журналист Э. Дингл, опубликовавший в 1912 г. книгу о Синьхайской революции², полагал, что она завершилась отречением маньчжурского императора и поэтому должна называться «революцией 1911–1912 годов». Это наименование принято ныне как в китайской, так и в западной историографии.

У нас дело обстоит иначе. Отечественные историки разбились на два лагеря: одни, как и их зарубежные коллеги, датируют эту революцию 1911–1912 годами, другие считают, что ни с избранием Сунь Ятсена президентом, ни с падением маньчжурской династии Синьхайская революция не завершилась, и что это произошло в 1913 г. после подавления «Второй революции». Соответственно, с точки зрения этих исследователей, адекватным наименованием события, о котором идет речь, является «революция 1911–1913 годов».

Первым, кто четко сформулировал вторую точку зрения, был В. Н. Кучумов³; за ним последовали сначала Г. В. Ефимов⁴, а затем Е. А. Белов⁵ (вопросу об определении хронологических рамок Синьхайской революции Е. А. Белов посвятил специальную работу⁶).

Э. Дингл
(1881–1972)

¹ ПССОГ. Т. 4. С. 371–373.

² Dingle E. China Revolution: 1911–1912. Shanghai. 1912.

³ Кучумов В. Очерки по истории китайской революции. М. 1934.

⁴ Ефимов Г. В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М. 1949.

⁵ Белов Е. А. Революция 1911–13 гг. в Китае. М. 1958.

⁶ Белов Е. А. К вопросу о хронологических рамках Синьхайской революции // Вопросы истории и историографии Китая. М. 1968. С. 243–262.

Однако доводы в защиту выдвинутой ими точки зрения представляются недостаточно убедительными, а некоторые — вызывают удивление.

Так, анализируя вопрос о хронологических рамках Синьхайской революции с точки зрения того, в руках какого класса находилась государственная власть, Е. А. Белов писал: «Передача президентского поста Юань Шикаю еще не была ни окончательной победой феодально-компрдорской реакции, ни полным поражением республиканской буржуазии. Обе стороны не складывали оружия; они продолжали борьбу, но в иных условиях и иными средствами».¹

Какими же средствами стороны продолжали борьбу после отставки Сунь Ятсена?

По словам Е. А. Белова, буржуазные революционеры «надеялись мирным путем сохранить и упрочить республиканский строй в Китае»²; «на следующий же день после отречения цинской династии началась борьба за власть с помощью *мирных средств* между левой группировкой республиканской буржуазии и Юань Шикаем»³; позднее «лидеры “Тунмынхуя” боялись сказать народу правду о Юань Шикае и снова пытались конфликт с ним разрешить *мирным путем*»⁴.

Таким образом, полагая, что и после падения маньчжурской династии и передачи Сунь Ятсеном поста президента Юань Шикаю Синьхайская революция продолжалась, Е. А. Белов утверждает, что в истории человечества случались революции, осуществляемые мирными средствами.

Период мирного развития Синьхайской революции продолжался, по Е. А. Белову, около года, после чего начался ее очередной этап — «восстание против Юань Шикая», причем «не прошло и двух месяцев с начала восстания, как оно потерпело поражение».⁵

Почему же именно неудачное завершение «восстания 1913 г.» надлежит считать заключительным аккордом Синьхайской революции?

Потому, отвечает Е. А. Белов, что «потерпев разгром, буржуазно-революционное движение в последующие несколько лет перестало быть существенным фактором политической жизни Китая».⁶

¹ Там же. С. 247.

² Там же. Здесь и далее курсив наш.

³ Там же. С. 248.

⁴ Там же. С. 255.

⁵ Там же. 261.

⁶ Там же.

Примерно так же рассуждал и Г.В.Ефимов, утверждавший: «Антиюаньшикаевское восстание¹ потерпело поражение. Это была последняя серьезная попытка спасти революцию».²

Но «Вторая революция» была отнюдь не последней попыткой Сунь Ятсена спасти революцию. За ней последовала «Третья революция» 1916 г., ставившая те же цели, что и «Вторая». Значит ли это, что Синьхайская революция продолжалась и после 1913 г. и мы должны называть ее «китайской революцией 1911–1916 гг.»?

Потерпела ли Синьхайская революция неудачу?

Предпринятый Кучумовым, Ефимовым и Беловым пересмотр хронологических рамок Синьхайской революции имел еще один важный аспект: раз «Вторая революция», якобы являвшаяся составной частью Синьхайской, потерпела неудачу, значит, поражением завершилась и вся Синьхайская революция в целом.

«К концу 1913 г., — писал Е. А. Белов, — в Китае установилась реакционная диктатура крупных помещиков и компрадоров. Революция потерпела поражение, и государственная власть была захвачена реакционной кликой Юань Шикая».³

То же у Г. В. Ефимова:

[«Вторая революция»] закончилась неудачей. Это означало, что революция 1911–1913 гг. в достижении своих наиболее высоких целей — подлинно демократической республики, благоденствия народа — также потерпела поражение.⁴

Против этого вывода выступил профессор А. В. Меликсетов, еще задолго до перестройки и гласности позволявший себе несанкционированные суждения.

В своем докладе на VII научной конференции «Общество и государство в Китае» Меликсетов утверждал: если бы советские историки, полагающие, что Синьхайская революция потерпела поражение, исходили из формулы Сунь Ятсена «Цель нашей революции добиться счастья для

¹ «Вторая революция».

² Ефимов Г. В. *Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен. 1911–1913 гг.* М. 1974. С. 338.

³ Белов Е. А. *Революция 1911–1913 годов в Китае.* М. 1958. С. 105.

⁴ Ефимов Г. В. *Буржуазная революция в Китае и Сунь Ятсен. 1911–1913 гг.* С. 338.

Китай», то их выводы не могли бы встретить возражений: Синьхайская революция действительно «добиться счастья для Китая» не сумела.

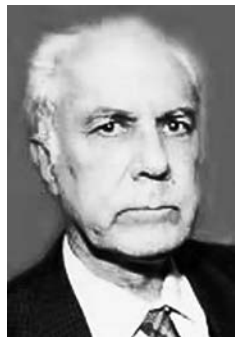
Но марксистские историки, анализируя судьбы буржуазной революции, оперируют, естественно, другими понятиями, другими аргументами. <...> И в этом случае ответ нам представляется иным — Синьхайская революция победила, ибо она самым радикальным образом решила первейшую историческую задачу, стоявшую перед страной, — ликвидировала маньчжурскую монархию и тем самым не только освободила Китай от ненавистного гнета иноземной династии, но и уничтожила деспотическую империю, являвшуюся серьезнейшим препятствием на пути социального прогресса. <...>

«И еще вчера стоял величаво на глиняных ногах огромный деспотический колосс восточной монархии, повелевая и распоряжаясь народами, — писала 5 ноября 1911 г., в первые дни китайской революции, большевистская газета “Звезда”, — сегодня он уже почти повергнут в прах. И этот вчерашний молчаливый, понурый, всем покорный раб провозгласил под боевые клики восставшего и победившего народа федеративную республику и, может быть, мы накануне действительного чуда: Россия будет граничить на расстоянии 10 тысяч верст с республиканским государством». И чудо свершилось. Свершилось беспрецедентное в Азии событие — на развалинах китайской империи была провозглашена республика! Синьхайская революция победила.¹

В высшей степени показательно, что почти одновременно с проф. Меликсетовым к практически аналогичному выводу пришел гоминьдановский историк У Сянсян, отнюдь не разделявший марксистскую концепцию исторического развития человечества:

«Вторая революция» не имела ничего общего с Синьхайской. Она не встретила поддержки и сочувствия со стороны как китайцев, так и иностранцев.²

Иначе говоря, антиюаньшикаевское выступление 1913 г. потерпело поражение, но к вопросу

А. В. Меликсетов
(1930–2006)

¹ Меликсетов А. В. Потерпела ли поражение Синьхайская революция? // Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». М. 1976. Ч. II. С. 305–310.

² 吴相湘. 孙中山先生传 (У Сянсян. Биография Сунь Ятсена). Т. 2. Тайбэй. 1982. С. 1211.

о том, была ли успешной Синьхайская революция, это обстоятельство не имеет отношения.

Мнение профессора Чжан Хуатэна

В связи со 100-летием «Второй революции» декан исторического факультета Аньянского педагогического института Чжан Хуатэн поделился своими мыслями об этом знаменательном событии.

Отвечая на вопрос журналиста о том, как он оценивает политическую ситуацию в Китае накануне «Второй революции», Чжан Хуатэн подчеркнул, что согласно принятой в Нанкине уже после отставки Сунь Ятсена Временной конституции Китайской Республики, на смену первоначально учрежденной по его настоянию президентской формы правления пришла парламентская республика, при которой премьер-министр (этой должности в Нанкинском правительстве вообще не существовало) отчитывался не перед президентом, а перед парламентом, что фактически делало президента чисто номинальным главой государства, не обладавшим фактическими властными полномочиями.

Чжан Хуатэн

Юань Шикай был недоволен внезапной сменой прерогатив президента, о чем свидетельствует его обращение в парламент¹, однако вплоть до начала «Второй революции» он соблюдал Временную конституцию и сотрудничал с парламентом, хотя по ряду вопросов и не мог найти с ним общего языка.²

Это замечание Чжан Хуатэна представляется нам очень важным, тем более что Сунь Ятсен, ведя в свою бытность президентом переговоры о получении японского займа, в отличие от Юань Шикая соблюдал строжайшую конспирацию и даже не помышлял информировать об этом орган законодательной власти.

¹ 白蕉。袁世凯与中华民国 (Бай Цзяо. Юань Шикай и Китайская Республика) // 近代稗海 (Море мелочей новейшей истории). Т. 3. Чунцин. 1985. С. 57–59.

² 张华腾: 二次革命, 一场可疑的讨伐 (Чжан Хуатэн: «Вторая революция» — необоснованное выступление) // http://history.sina.com.cn/his/zl/2013-07-10/170750218_4.shtml.

Поэтому можно согласиться с выводом Чжан Хуатэна о том, что второй повод для начала выступления против Юань Шикая был столь же надуман и неубедителен, как и первый, а это в свою очередь явилось одной из главных причин почти молниеносного поражения «Второй революции», поскольку она не могла найти и не нашла отклика в сердцах рядовых граждан республики.

«Вторая революция» лишила Китай шанса на мирное конституционное развитие, как об этом много лет тому назад говорил Лян Шумин.¹

¹ 梁漱溟全集 (Полное собрание сочинений Лян Шумина). Т. 4. Цзинань. 1991. С. 673.

Сведения об авторах

Василий Михайлович Крюков (1962–2008) в 1984 г. окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ, в 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию и стал научным сотрудником Института востоковедения РАН. Стажировался в Пекинском университете. Затем был приглашенным исследователем в Центре синологических исследований (Тайвань) и в Оксфорде.

С 1996 г. после защиты докторской диссертации преподавал в Тамканском университете (Тайвань). Его вклад в развитие высшего образования на Тайване отмечен правительственной наградой Китайской Республики «За заслуги».

В Институте стран Азии и Африки МГУ и Тамканском университете учреждены мемориальные стипендии его имени.

Автор около 40 научных трудов на русском, китайском, английском языках, в том числе шести монографий.

Михаил Васильевич Крюков родился в Москве в 1932 г. В 1955 г. окончил Московский государственный институт международных отношений, в 1962 г. — Пекинский университет. В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1970 г. стал доктором исторических наук. Был научным сотрудником, затем заведующим Отделом народов зарубежной Азии Института этнологии и антропологии РАН, главным редактором журнала «Этнографическое обозрение», позднее — директором Института России Тамканского университета.

Член Европейской Академии, почетный член Британского Королевского антропологического общества. Удостоен международной премии «Золотой диск», присуждаемой за научные достижения; медали Кембриджского биографического общества «20th Century Award for Achievements» и медали И.Ю. Крачковского Института востоковедения РАН.

Автор более 300 научных работ, в том числе 16 монографий.

Научное издание

В. М. Крюков, М. В. Крюков
Неизвестный Сунь Ятсен.
Штрихи к портрету

Том I
(1866–1913)

Верстальщик *А. Б. Дунаева*
Оформитель *П. А. Трошина*
Корректоры *С. В. Кирюхина, А. И. Кобзев, Н. А. Орлова*

В книге использованы иллюстрации из открытых источников

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 17.04.2023. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 34,5.
Уч.-изд.л. 26,0. Тираж 500 экз. Зак. №7543

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>
Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в типографии ООО «Амирит»
410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88
Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>